П. АНДЕРСОН

ОПЕРАЦИЯ „ХАОС"

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

9

ПОЛ АНДЕРСОН

ОПЕРАЦИЯ «ХАОС»

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

«ЭЛ»
Новосибирск
1992

А 65

Составитель *В. П. Кирчев*

А 65 П. Андерсон
Операция «Хаос»: Сб. науч-фант. произведений. Пер. с англ. Сост.: В. П. Кирчев — Н. «Эя». 1992 — 528 с. (Зарубежная фантастика, вып. 9)

ISBN 5—87216—006—2

© Сост. В. П. Кирчев, 1992.
© Художник О. Г. Полищук, 1992.

ТРИ СЕРДЦА И ТРИ ЛЬВА

ПРОЛОГ

Сколько времени минуло... Мне кажется, что рассказать обо всем этом — моя обязанность. Мы встретились, Хольгер и я, больше двадцати лет назад. Другие времена, другие люди. Улыбчивые парни, которым я сейчас преподаю, разумеется, очень милые ребята, но мы говорим и думаем на разных языках, и нет смысла прикидываться, будто это не так. Сомневаюсь, чтобы они поверили моему рассказу. Они более трезвомыслящие, чем были мы когда-то, я и мои друзья. И жизнь, похоже, кажется нынешним парням не столь приятной штукой, как когда-то нам. Но что поделать — они росли среди необыкновенного. Откройте любой научный журнал, любую газету, выгляните в окно, а потом спросите себя: «Ну как, ты и теперь веришь, что необычное не стало в нашем мире повседневностью?!»

Лично мне рассказ Хольгера кажется правдой. Понятно, я не настаиваю, что все так и было. У меня нет никаких доводов, чтобы подтвердить что-то или опровергнуть. Есть лишь надежда, что этот рассказ найдет хоть какой-то отклик. Допустим чисто теоретически, что все, услышанное мною, было правдой. В таком случае история эта несет в себе кое-какие полезные для нашего будущего знания, которые мы наверняка смогли бы хоть как-то использовать. Допустим благоразумия ради, что все было сном или высосанной из пальца байкой. Но и в этом случае историю Хольгера стоит запечатлеть — хотя бы ради нее самой.

По крайней мере, одно неопровержимо: Хольгер Карлсен работал в конструкторском бюро, куда поступил и я осенью далекого 1938 года. В последующие несколько месяцев я узнал его хорошо.

Он был датчанином и, как большинство молодых скандинавов, жаждал познать мир. Еще мальчишкой он исколесил

почти всю Европу, пешком и на велосипеде. Потом, исполненный традиционного в его стране восхищения Соединенными Штатами, он добился стипендии в одном из наших колледжей на востоке страны и стал учиться на инженерном факультете. А летом где-нибудь подрабатывал и скитался автостопом по всей Северной Америке. Он так любил эту страну, что, получив диплом, нашел здесь работу и не на шутку собирался получить американское гражданство.

Все мы ходили у него в друзьях. Он был симпатичным спокойным парнем, прочно стоял на земле, обладал незатейливым чувством юмора, а в желаниях был скромен; разве что время от времени, чтобы побаловать себя, навещал один датский ресторанчик, съедал сморребpод и запивал его датской водкой. Как инженер он оказался вполне на уровне, пусть даже не мог похвастать «озарениями» — он был скорее практиком, предпочитал не теоретический анализ, а методичную рутинную работу. Одним словом, его нельзя было назвать обладателем выдающегося интеллекта.

Как раз наоборот обстояло с его обликом. Он был огромен, почти двухметрового роста, но рост скрадывали широченные плечи. Разумеется, он играл в футбол и наверняка стал бы звездой университетской команды, не уделяй он столько времени науке. Неправильные черты почти квадратного лица, высокие скулы, выдающийся подбородок. Орлиный нос. Картину завершали светлые волосы и голубые, широко расставленные глаза. Будь у него получше с техникой (очень уж он боялся ненароком ранить чувства местных девушек), он мог бы стать заправским сердцеедом. Однако эта робость как раз и удерживала его, и он никогда не доводил приключения такого рода до чего-то большего. Словом, Хольгер был милым, в меру заурядным парнем, каких потом стали называть «душа — человек».

Он рассказал мне кое-что о себе.

— Поверишь ты или нет,— усмехнулся он,— но я был натуральным подкидышем, знаешь, ребенком, которого подбрасывают на чужой порог. Мне едва пара дней исполнилась, когда меня нашли во дворе бездетные супруги из Хельсингера. Это очень красивый город, родина Гамлета. Вы его называете Эльсинор. Никто так никогда и не дознался, как я туда попал. В Дании такое весьма редко случается, и полиция из кожи вон лезла, да так ничего и не выяснила. Потом те супруги, Карлсены, меня усыновили. А больше в моей жизни ничего необычного и не было.

(Так ему тогда казалось.)

Помню, как-то я уговорил его пойти со мной на лекцию приезжего физика, выдающегося человека, каких способна рождать одна Великобритания: ученый, философ, поэт, эссеист, острослов — одним словом, талант эпохи Возрождения в улучшенном издании. Темой его лекции стали новые космологические теории. С тех пор физика продвинулась далеко вперед, но и поныне даже образованные люди тоскуют по временам, когда Вселенная была удивительной и непознанной.

Свою лекцию физик завершил далеко идущими гипотезами о том, что может быть открыто в будущем. Он говорил: если теория относительности и квантовая механика доказали, что наблюдатель не способен вырваться за пределы мира, который наблюдает; если логический позитивизм показал, сколь многое из того, что мы называем «неопровержимыми фактами», является не более чем чисто умозрительными допущениями; если ученые доказали, что человек может неожиданно проявлять способности, о каких никто до сих пор и не подозревал — быть может, некоторые древние легенды и приемы магии все же являются чем-то большим, нежели простыми сказками? Гипноз и лечение психосоматических расстройств с помощью самовнушения тоже когда-то отметались и считались сказками. Что из отвергаемого нами сегодня могло опираться на подлинные наблюдения, пусть мимолетные и случайные, сделанные еще до того, как возникла наука и присвоила себе право решать, что может быть открыто в будущем, а что — нет? Этот вопрос касается одного-единственного мира — нашего. А как насчет других? Волновая механика уже сегодня допускает, что бок о бок с нашей может существовать в том же пространстве иная Вселенная. Не так уж трудно сделать следующий шаг и предположить, что таких Вселенных может оказаться несметное количество. Логически рассуждая, в каждой из них законы природы могут быть чуточку иными, а потому все, что мы только можем себе представить, может существовать где-то в безграничной, неизмеримой действительности.

Большую часть лекции Хольгер зевал, а потом, когда мы отправились чего-нибудь выпить, иронически бросил:

— Эти математики так напрягают мозги, что ничего удивительного нет, если они впадают в метафизику. Ставят все вверх ногами.

Я злорадно ответил:

— А ведь ты, не зная о том, употребил самое верное определение.

— Это какое?

— «Метафизика». Толкуя буквально, метафизика — это то, что лежит «за физикой», вне ее. Иначе говоря: там, где кончается физика, которую измеряешь инструментами и приборами, обсчитываешь на логарифмической линейке, начинается метафизика. Как раз в этой точке мы с тобой, парень, сейчас и находимся — в точке, где кончается физика.

— Ха! — он осушил бокал и заказал еще.— Вижу, тебя это захватило.

— Возможно. Ты только подумай — разве мы знаем в полном смысле этого слова, что такое физические измерения? Может, мы просто-напросто присваиваем им названия, ничего общего не имеющие с сутью? Хольгер, что ты таксе? Где ты? Что ты, где ты, когда ты?

— Я — это я. Я здесь. Сейчас. Пью что-то, не первосортное, кстати.

— Ты — в равновесии с чем-то. Связан с одним из элементов конкретного континуума, общего для нас обоих. Этот континуум — вещественное воплощение конкретной математической зависимости меж пространством, временем, энергией. Иные из этих зависимостей мы знаем под именем «законов природы». И потом мы создали науки, которые называем физикой, астрономией, химией...

— У-уффф! — он поднял бокал.— Перестань уж. Пора и выпить как следует. Скооль! *

Я замолчал. Хольгер тоже не возвращался больше к этому разговору. Но он не мог его не запомнить. Быть может, это ему чуточку помогло — гораздо позже. По крайней мере, я на это надеюсь.

За океаном вспыхнула война, и Хольгер потерял покой. Месяц тянулся за месяцем, и он становился все мрачнее. Стойких политических взглядов у него не было, но он с яростью, удивлявшей нас обоих, твердил, что ненавидит фашистов. Когда немцы вторглись на его родину, он три дня пил без перерыва.

Однако оккупация Дании проходила довольно спокойно. Проглотив горькую пилюлю, правительство — единственное правительство, поступившее так — осталось в стране, которой был придан статус нейтрального государства под немецким протекторатом. Не думайте, будто это был акт трусости. Он означал еще, что король смог несколько лет препятствовать насилию, особенно по отношению к евреям — а ведь такое насилие было уделом всех других попавших в немецкую неволю народов.

---

* Твое здоровье! (датск.)

Хольгер себя не помнил от радости, когда датский посол в США выступил на стороне союзников и предложил американцам высадиться в Гренландии. Большинство из нас уже понимали, что рано или поздно Америка будет втянута в эту войну. И наилучшим выходом для Хольгера было бы дождаться этого дня и вступить в армию. Впрочем, он мог уже сейчас встать в ряды британских войск или частей «Свободной Норвегии». Часто, сам себе удивляясь, он говорил мне:

— В толк не возьму, но что-то меня от этого удерживает...

В 1941 году стали приходить известия, что Дания сыта по горло. До взрыва еще не дошло (он случился в конце концов в виде забастовки, и немцы, свергнув королевское правительство, стали править страной, как еще одной завоеванной провинцией), но слышались уже выстрелы и разрывы динамитных бомб. Потратив много времени и пива, Хольгер наконец решился. Его вдруг охватило неизвестно откуда взявшееся яростное желание вернуться на родину.

Мне его решение казалось бессмысленным, но отговорить его мне не удалось. И я отступился. «В-седьмых и последних», как говорят его земляки, он был не американцем, а датчанином. И вот он уволился с работы, устроил нам прощальную вечеринку и отплыл на шведском пароходе. Из шведского порта Хельсинборг он на пароме перебрался в Данию.

Наверняка немцы первое время не спускали с него глаз. Но он был вне подозрений, работал на заводах «Бурмистер и Вайн», производивших судовые двигатели. В середине 1942 года, узнав, что немцы потеряли к нему интерес, он вступил в Сопротивление ...и обнаружил, что его рабочее место обладает исключительными возможностями для саботажа.

Не буду рассказывать подробно историю его деяний. Он неплохо себя показал.

Вся организация неплохо себя показала, действовала столь изощренно, в постоянном контакте с англичанами, что за всю войну провалов почти не было. Во второй половине 1943 года Хольгер и его друзья свершили самое славное свое дело.

Был человек, которого потребовалось тайно вывезти из Дании. Его знания и способности оказались крайне необходимы союзникам. Немцы прекрасно знали, кто он, и не спускали с него глаз. Но подпольщикам удалось незаметно вывезти его из дома и доставить к проливу Зунд, где уже

ждала лодка, чтобы переправить его в Швецию. Оттуда его должны были перевезти в Англию.

Должно быть, мы уже никогда не дознаемся, пронюхало ли об этом гестапо, или немецкий патруль, обходивший берег после наступления комендантского часа, чисто случайно наткнулся на подпольщиков. Кто-то выстрелил. Завязалась перестрелка.

Берег был каменистый и гладкий как доска. Звезды и огни на шведском берегу давали достаточно света. Укрыться негде, бежать некуда. Лодка отчалила, а партизаны решили задержать врага, пока она не достигнет того берега.

Но надежды на это было мало. Лодка двигалась медленно. То, как ее защищали, показало немцам, как важно ее захватить. Через несколько минут все датчане будут перебиты, кто-нибудь из немцев вломится в ближайший дом и позвонит в штаб-квартиру оккупационных войск — она разместилась неподалеку, в Эльсиноре. Патрульный катер с мощным мотором перехватит беглецов, прежде чем они достигнут нейтральных вод. И все же подпольщики отчаянно отстреливались.

Хольгер Карлсен не сомневался, что вскоре погибнет. Но не было времени пугаться. Какая-то частица его сознания вернулась к былому, проведенным здесь дням, солнечному покою, ласточкам над головой, родителям в воскресных нарядах, дому, полному маленьких любимых безделушек и замок Кронборг над блистающей водой — стены красного кирпича, изящные башенки, позеленевшие от времени медные крыши... Почему он вдруг вспомнил Кронборг? Он прильнул к земле, вытянул руку с горячим пистолетом, выстрелил по темным перебегающим силуэтам. Пули свистели вокруг. Кто-то вскрикнул. Хольгер прицелился, снова выстрелил.

Потом мир взорвался ослепительным сиянием и тьмой.

1

Он пробуждался медленно. Лежал, не чувствуя ничего, кроме боли в голове. Медленно возвращалось зрение, и наконец он понял, что торчит перед глазами — корень дерева. Он пошевелился, и под ним захрустел толстый ковер сухих листьев. Вокруг разливались запахи сырой земли, мха и влаги.

— Дет вар сом фандеп! * — буркнул он и приподнялся.

* Разрази меня гром (датск.)

Коснулся кончиком пальцев головы, ощутил засохшую кровь. Мысли повиновались плохо, но он сообразил, что пуля лишь вскользь ударила по голове, лишив сознания. Парой сантиметров пониже, и... Дрожь пробрала его.

Но чем все кончилось? Он лежал в лесу, сейчас — светлый день. И никого поблизости. Ни следа человека. Скорее всего его друзьям удалось прорваться, и они унесли его с собой. А потом спрятали тут, в чащобе. Но почему они разделили его донага и оставили одного?!

Он встал, ошеломленный, с одеревеневшими мышцами, горечью во рту и бурчащим от голода желудком. Сжал ладонями голову, чтобы она, чего доброго, не разлетелась на куски. По пробивавшимся сквозь кроны деревьев солнечным лучам определил, что перевалило за полдень. Утренний свет не приносит с собой того особенного золотистого блеска. Да, перевалило далеко за полдень. Ха! Он провалялся часов двенадцать!

Хольгер чихнул. Поблизости, в глубокой, едва окропленной солнечными лучиками тени, поблескивал ручеек. Хольгер подошел, наклонился и пил большими глотками. Потом умыл лицо. Холодная вода вернула чуточку сил. Он огляделся, пытаясь понять, где же находится. Леса Гриб?

Нет, во имя божье. Слишком высокие тут деревья, слишком узловатые, слишком дикие: ясени, буки, кусты высокого боярышника, покрытые густыми моховыми бородами, образовали меж деревьями почти непроходимую стену. В Дании таких лесов не было со времен средневековья.

Белка промелькнула по стволу алым языком пламени. Скворцы сорвались с ветки. Сквозь просветы в листве Хольгер разглядел ястреба, кружившего высоко в небе. Неужели в Дании еще остались ястребы?!

Быть может, один-два. Он не знал точно. Оглядел себя, обнаженного, и безрадостно задумался: что же теперь делать? Если его друзья раздели его и оставили здесь, значит, у них были на то серьезные причины. И отдаляться от этого места не следует, особенно голышом. Но с другой стороны, с ними потом могло что-то случиться...

— Скверный у тебя будет ночлег, парень,— буркнул он.— Посмотрим хоть, что это за место...— его голос среди тихого шума леса показался ненатурально громким.

Шум леса? Нет, еще что-то. Он застыл, прислушался и распознал конское ржанье. Видимо, поблизости есть ферма. Он уже достаточно твердо стоял на ногах и мог, проломившись сквозь кустарник, попскать коня.

Что он и сделал. И встал, как вкопанный.

— Нет...— только и смог он прошептать.

Животное было огромно, не меньше першерона, но изящнее — красавец-скакун, черный, как отшлифованный мрак. Пут на нем не было. С красивой, украшенной серебром уздечки свободно свисали вычурные, обшитые бахромой повода. Седло с высокими луками, из узорчатой кожи, как и повода; белый шелковый чепрак с вышитым черным орлом; к седлу приторочены какие-то вьюки. Проглотив слюну, Хольгер подошел поближе. Ну вот и хорошо. Кто-то любит конные прогулки в таком вот стиле.

— Эй! — позвал Хольгер.— Эй, есть тут кто?

Когда он подошел совсем близко, конь встряхнул длинной гривой и радостно заржал. Мягкие ноздри коснулись щеки Хольгера, огромные подковы ударили оземь. Хольгер потрепал его по шее. Никогда еще он не встречал столь дружелюбного к чужим коня. Присмотрелся. На уздечке архаическими буквами выгравировано — «Папиллон».

— Папиллон! — сказал Хольгер, чтобы проверить свою догадку. Конь заржал, топнул ногой и натянул поводья, которые Хольгер держал уже в руке.

— Папиллон — это твое имя? — Хольгер потрепал его по шее.— По французски это означает «мотылек», верно? Это ж надо додуматься — назвать такую громадину Мотыльком!

Его внимание привлек вьюк за седлом. Он присмотрелся... Черт побери! Кольчуга!

— Эй! — позвал он вновь.— Есть тут кто? Помогите!

Только сорока насмешливо застрекотала.

Оглядевшись, Хольгер заметил прислоненное к стволу дуба древко со стальным острием с одной стороны и чашеобразным упором с другой. Господи боже, копье, настоящее средневековое копье! Хольгер воспрянул духом. Беспокойная жизнь в подполье привела к тому, что он не столь строго соблюдал законы, как делало большинство его законобоязненных земляков; и потому он без особых колебаний отвязал вьюк, выложил на землю его содержимое. Было на что посмотреть: кольчуга, которая пришлась бы Хольгеру по колено, островерхий шлем с пурпурным плюмажем и прикрывавшей нос стальной стрелкой, кинжал, все необходимые пояса и ремни, кафтан, какой надевали под броню. Часть одежды из грубого, ярко окрашенного полотна, часть — из обшитого мехом шелка. Он не особенно удивился, когда обнаружил на левом боку коня подвешенные на ремнях меч и щит. Щит был своеобразной формы, строго соответствовавшей законам геральдики. Около четырех фу-

тов длины, явно новехонький. Хольгер стянул с него полотняный чехол. Щит состоял из деревянного основания и тонкой стальной пластины и нес на себе герб — на голубом фоне три золотых льва перемежались тремя алыми сердцами.

Герб этот пробудил в нем смутные воспоминания. Минутку, минуточку... Герб Дании? Нет, на гербе Дании девять сердец. Не припомнить...

— Но что все это означает? — почесал в затылке Хольгер. Кто-то устраивает маскарад? Хольгер вытянул меч из ножен: длинный, обоюдоострый, заточен, как бритва, рукоять широкая, крестообразная. Взгляд инженера распознал сталь с низким содержанием углерода. Для киносъемок, не говоря уже о парадах, никто не стал бы с такой доскональностью имитировать средневековую экипировку... Хольгер вспомнил виденные в музеях доспехи. Мужчины средневековья были гораздо ниже ростом своих нынешних потомков. А этот меч подходил к руке Хольгера так, словно был выкован специально для него — хотя Хольгер был высок даже по меркам двадцатого века...

Папиллон заржал, попятился. Хольгер резко обернулся и увидел медведя.

Это был огромный, коричневый медведь, он наверняка пришел сюда посмотреть, кто тут так шумит. Медведь вылупил глаза на них с Папиллоном — Хольгер горько жалел, что с ним нет его пистолета — потом повернулся и убежал в чащобу. Хольгер тяжело оперся на Папиллона, унимая колотящееся сердце.

— Может, и остался в Дании кусочек дикой чащобы,— услышал он собственный голос.— Быть может, осталась парочка ястребов. Но медведей в Дании нет и быть не может!

Разве что из зоопарка какой удрал... Ну вот, начинаются глупые домыслы. Сначала нужно разузнать о том о сем, а уж потом строить догадки...

Может, он сошел с ума, и у него галлюцинации? Что-то не похоже... Слишком четко работает его мозг. Хольгер видел солнечные луга и танцующие в них пылинки, видел листья, вдыхал запах конского пота и своего собственного, запах мха — для сновидения слишком много деталей... Его спокойный по натуре характер унял чуточку бег мыслей и привел к единственно возможному решению: даже если это и сон, ничего не поделаешь, придется жить в нем и дальше. Прежде всего — информация и сон.

Поразмыслив, он поменял эти потребности местами.

Конь держался с ним исключительно дружелюбно. Вообще-то Хольгер не имел права его забирать, но сейчас его

собственные нужды были, несомненно, важнее прав неизвестного хозяина, так беззаботно бросившего здесь свою собственность. А потому Хольгер преспокойно оделся. Ему пришлось изрядно пораскинуть мозгами, чтобы надеть незнакомую одежду — но все, включая сапоги, сидело на нем, словно было на него шито. Даже подозрительно... Он запаковал оставшееся и вернулся к коню. Скакун тихо фыркнул, когда Хольгер садился в седло; потом без понукания подошел к копью.

— Никогда бы не подумал, что кони такие умные,— сказал Хольгер громко,— ну ладно, я понял намек.

И взял копье, упер его в обнаруженную на седле подпорку; зажал поводья левой рукой, громко причмокнул. Папиллон направился в сторону солнца.

Вскоре обнаружилось, что Хольгер, как ни странно, умеет ездить верхом! До сих пор его познания в конной езде ограничивались несколькими попытками, кончившимися плачевно. Он всегда говорил, что конь — всего лишь большая неуклюжая животина, занимающая место в пространстве. И потому удивительной была симпатия, какую он мгновенно почувствовал к этому огромному созданию. Еще удивительней была легкость, с какой Хольгер держался в седле. Словно он всю жизнь был ковбоем. Задумавшись над этим, он пошатнулся в седле, враз потеряв уверенную посадку. Папиллон фыркнул — с насмешкой, мог бы поклясться Хольгер. А потом датчанин выбросил все из головы и высматривал дорогу меж деревьями, сосредоточив на этом все внимание. Конь шагал по тропинке — протоптанной оленями? — но лес был такой густой, что ехать в нем с копьем в руке было чертовски неудобно.

Солнце клонилось все ниже, и наконец лишь несколько лучиков просвечивали сквозь переплетение черных стволов и веток. Черт побери, столь обширная чащоба не может находиться в Дании! Неужели его, бесчувственного, перевезли в Норвегию? В Лапландию? В Россию? К черту на рога? Быть может, он лежал без сознания несколько недель, и пуля вызвала выпадение памяти? Нет, рана совсем свежая...

Хольгер вздохнул. Все эти размышления не могли составить конкуренции мыслям о еде. Хватило бы жареной трески, и кружку холодного «Карлсберга»... нет, поедим-ка по-американски и закажем бифштекс с косточкой, обложенный маринованным луком...

Папиллон взмыл на дыбы, едва не выбросив Хольгера из седла. Из гущи кустарника, из сгущавшейся темноты вышел лев.

Хольгер невольно вскрикнул. Лев остановился, выгнув хвост, из горла у него вырвался глухой рык. Папиллон беспокойно приплясывал, рыл копытами землю. Хольгер обнаружил вдруг, что опустил копье, уставя его в сторону огромного кота.

Из глубины леса донесся протяжный волчий вой. Лев стоял неподвижно. Хольгер не чуял охоты дискутировать с ним о правилах дорожного движения. Он отъехал в сторону, хотя Папиллон, казалось, готов был драться. Миновав льва, Хольгер ощутил сильную тягу пуститься галопом. Но тогда первый же сук наверняка выбил бы его из седла в такой темени. Датчанин облился потом.

Наступила ночь. Папиллон блуждал по звериным тропам. Блуждали и мысли Хольгера. Медведи, волки и львы — нет на земле такого уголка, где эти звери жили бы бок о бок. Быть может, в отдаленных местностях Индии?.. Но в Индии не растут европейские деревья, верно? Хольгер попытался вспомнить, что об этом писал Киплинг. И ничего не приходило в голову, одни смутные воспоминания, что запад есть запад, а восток есть восток. Ветка хлестнула его по лицу, и он принялся ругаться.

— Похоже, нам придется ночевать под открытым небом,— сказал он, простыв,— прелестно...

Папиллон шагал дальше — еще одна тень в насыщенной звуками темноте. Хольгер слышал волчий вой, крик филина, далекий хриплый визг, который мог издавать дикий кот. А это? Что такое? Злорадное хихиканье откуда-то снизу, с земли!

— Кто там? Есть там кто?

Топот маленьких ножек стал удаляться. С ним вместе удалялся и смех. Хольгер дрожал и не сразу решился ехать дальше. Ночной холод крепчал.

И вдруг небо покрылось сверкающими звездами! Хольгер не сразу сообразил, что выехал на поляну. Впереди светился, мигал огонек. Дом? Хольгер пустил Папиллона рысью.

И вскоре увидел избушку, необычайно примитивную — стены из обмазанных глиной плетенок, крыша дерновая. Блеск горевшего внутри огня багрово освещал дым, валившийся сквозь щели в плетенках. Хольгер натянул поводья и облизнул губы. Сердце колотилось так, словно перед ним вновь возник лев.

Но нужно решаться...

Он подумал, что надежнее будет остаться в седле. И ударил в дверь концом копья. Дверь со скрипом отворилась. На

фоне тусклого багрового света появилась сгорбленная фигурка. Раздался старческий голос, высокий и сварливый:

— Кто там? Кто пришел к Мамаше Герде?

— Я, кажется, заблудился,— сказал Хольгер.— Не найдется ли у вас свободной постели?

— Ох! А как же! Прекрасный молодой рыцарь, вижу я... да-да. Стары эти глаза, но Мамаша Герда хорошо видит, кто по ночам стучится к ней в дверь, хорошо видит. Сойди с коня, светлый господин, бедная старуха сможет тебе оказать... и не должен ты меня бояться, и я тебя бояться не должна, не в том я веке... но знаешь, были времена... однако все минуло, когда ты не родился, осталась одинокая старуха, и рада она любым вестям о великих событиях, что происходит вдали от ее скромной хижины... Входи, входи, отбрось свой страх. Прошу тебя, входи. Тут, на краю света, нелегко найти другое пристанище.

Хольгер протиснулся мимо нее внутрь. Там никого больше не было. Пожалуй, опасаться нечего.

2

Он уселся у рассохшегося стола из неструганного дерева. Дым клубился под потолком, щипал глаза. Одна-единственная комната с глинобитным полом. Другая дверь ведет в конюшню, где стоял теперь Папиллон. Костер горит на плоском камне, распространяя тусклый свет. Хольгер огляделся и увидел несколько грубых стульев, набитый соломой матрац, немного кухонной утвари и черного кота, сидевшего на огромном деревянном сундуке искусной работы, совершенно не гармонировавшем с хижиной. Желтые немигающие кошачьи глаза не отрывались от Хольгера. Мамаша Герда мешала что-то в железном котелке, подвешенном над огнем. Это была сгорбленная, сухая старушка со сморщенным лицом. Ее одежда напоминала драный мешок. Седые волосы редкими космами обрамляли запавший рот, крючковатый нос и щерившиеся в бессмысленной улыбке пеньки зубов. Но глаза ее были черные, пронзительные, суровые.

— Ну да, ну да,— затараторила она,— не таким, как я, бедным старухам выпытывать о том, что незнакомец желает сохранить в тайне. Хватает таких, что, не показывая себя, пробираются по этим неспокойным землям у предела света... И ты вполне можешь быть рыцарем из Фаэра в человеческом обличье, готовым положить чары на слишком любопытные уста. Могу ли я, мой добрый господин, все же спросить тебя о твоем имени? О том, какое ты сейчас носишь, не о настоящем, понятно, если ты желаешь держать настоящее в тайне

от глупой старухи, которая желает тебе только добра... Должна признать, что годы на этой старушке сказались, и она порой болтает сверх меры... но назови какое хочешь имя, чтобы я знала, как обращаться к тебе со всем надлежащим почтением.

— Хольгер Карлсен,— сказал он.

Старуха так и подпрыгнула, едва не перевернув котелок:

— Что ты сказал?!

— А что такого? — неужели его пищут? Неужели эта какая-то дикая околица в Германии? На всякий случай он вытащил из-за пояса кинжал: — Меня зовут Хольгер Карлсен! И что с того?

— Ох... да ничего такого, господин мой,— Герда отвернулась, потом вновь повернула к нему голову быстрым птичьим движением.— Вот разве что... И Хольгер, и Карл — имена достаточно громкие, сам знаешь, но я, честно тебе признаюсь, никогда не слышала, чтобы один из них был сыном другого *, отцами их были Пепин и Готфрид, или вернее, Готфрид и Пепин, чтобы уж совсем точно... Однако король — в каком-то смысле отец своего вассала, и...

Чтобы прервать словоизвержение, Хольгер сказал:

— Я не имею никакого отношения ни к одному из этих джентльменов. Это чистая случайность, что меня зовут именно так.

Старуха словно бы расслабилась и наложила полную миску густого варева. Хольгер немедленно набросился на него, не забивая себе голову мыслями о яде или правилах гигиены. Старуха подала ему хлеб и сыр, которые он резал своим кинжалом и ел руками; налила кружку прекрасного пива. Много времени прошло, прежде чем он выпрямился, отдуваясь, и сказал:

— Спасибо. Ты мне спасла жизнь, или по крайней мере рассудок.

— Да что ты, господин мой, разве это яства для такого, как ты, кто наверняка с королями и герцогами за одним столом едал, менестрелей из Прованса слушал, их песни и острословье. Правда, и я хоть старая да неумелая, пыталась тебе потрафить...

— У вас прекрасное пиво,— сказал Хольгер.— Я и не знал, что есть такой великолепный сорт. Видимо...— он хотел сказать: «Видимо, как ни странно, ваша местная пиво-

---

* Приставка «сен» в скандинавских фамилиях означает «сын»: Хольгер Карлсен — Хольгер, сын Карла.

варня до сих пор не пользуется вполне заслуженной славой», но старуха, хихикая, прервала его:

— Ох, благородный сэр Хольгер, ты наверняка рыцарь, может и не самого знатнейшего рода, но человек наблюдательный, сразу видно. Вмиг разгадал те безобидные штучки, на которые старая женщина вынуждена пускаться. Это верно, многие из подобных тебе негодуют на столь невинные заклятья, именуя их проделками Сатаны... Хотя, по правде говоря, в основе своей заклятья те ничуть не отличаются от деяний иных святых, творивших свои чудеса как для язычников, так и для христиан... но ты-то ведь знаешь, как часто тут, на пограничных землях, пользуются слабенькой магией — не выгоды ради и прибыли, а чтобы оборонить себя от сил Серединного Мира. И понимаешь ты в доброте своей, что несправедливостью было бы палить на костре безобидную старушку только за то, что она зачаровала немножко пива, дабы погреть свои старые кости в холодные ночи... В то время как хватает здесь сильных чернокнижников, что открыто пользует черную магию, и как на них все не падает...

«Она что, хочет сказать, что она ведьма? — подумал Хольгер.— А я, выходит, это сразу заметил? Что за болтовня? Что за скверный маскарад?»

Он не мешал ей тараторить — удивлялся языку, на котором она говорила. Это было весьма странное наречие (на котором он сам каким-то чудом изъяснялся свободно и обычно) — старофранцузский с большой примесью немецкого. Хольгер наверняка прочел бы книгу, написанную на этом языке — но с большим трудом. И никак не смог бы разговаривать на нем так, словно владел им с младенчества. Как получилось, что попав сюда — куда, о господи?! — он мгновенно научился говорить на здешнем диалекте?

Он никогда не был большим любителем беллетристики, не читал научную фантастику — однако все сильнее склонялся к убеждению, что какое-то невероятное стечение обстоятельств перенесло его прямиком в прошлое. Эта хижина, эта старуха, что приняла его рыцарское одеяние, как нечто само собой разумеющееся, этот язык, эта бескрайняя чащоба... Но где же он? В Скандинавии на таком наречии нигде не говорили. Германия, Франция, Британия? Если он оказался в средневековье, что здесь делает лев? И как понимать мимоходом брошенную старухой реплику о жизни на границе магической страны Фаэр?

Нет, бессмысленно так гадать. Несколько прямых вопросов помогут ему больше.

— Мамаша Герда...

— Да, благородный господин? Слушаю. С каждой услугой, какую я тебе окажу, благодать придет в мой скромный домик... а потому ты уж только выскажи желания свои, а я в меру моих убогих силенок выполню все, что твоей душе угодно — она погладила кота, не отрывавшего глаз от Хольгера.

— Можешь ты мне сказать, какой нынче год?

— Ох, дивные ты вопросы задаешь, добрый рыцарь... все, должно быть, из-за твоей раненной головы, и рана эта, несомненно, полученная в славной битве с каким-нибудь ужасным троллем или великаном, чуточку замутила память благодетеля моего... Скажу тебе по правде, коли уж хочешь знать — такие расчеты нас давненько не трогают, да и со временем тут, у пределов мира, частенько случаются вещи непостижимые...

— А что это за страна? Какое королевство?

— Право же, рыцарь мой ясный, ты задал вопрос, над которым множество ученых ломали себе головы, и множество воинов проламывали головы друг другу. Хе-хе-хе... Долгие годы пограничье наше было предметом раздора меж сынами человеческими и народом Среднего Мира, и войн случилось изрядно, и могучих чернокнижных поединков... одно могу тебе сказать — и Фаэр, и Святая Империя предъявляют на этот край свои права, но хозяина здесь как не было, так и нет... Однако права людей мне убедительней представляются, ведь люди живут тут постоянно, все новые приходят и поселяются... Однако, если рассудить, и сарацины права на эти земли заявить могут, потому что их Магомет сам был злым духом — по крайней мере, так христиане уверяют... Верно, Грималькин? — погладила она кота.

— Что ж...— Хольгер последним усилием старался держать себя в руках— А где мне найти людей... христиан, скажем... которые мне помогут? Где тут самый ближний король, герцог, или кто-то в этом городе?

— Есть город, не столь уж далекий отсюда по людским меркам. Но должна тебя предупредить, что веющее от Фаэра чернокнижье дивным образом коверкает как расстояние, так и время... И бывает, что место, куда ты направляешься, покажется тебе недалеким, а потому уплывает вдаль, в необозримые обширности, населенные опасностями... Сама земля и дорога, по которой ты ступаешь, изменяются вдруг...

— Поняла я, похоже, что тебе требуется. Хоть мои мысли частенько и заплетаются, как то бывает в старых головах, а Грималькин ужасно сообразительный, да говорить,

бедняжка, не умеет,— есть все же способ и совет тебе подать, и раны твои залечить. Ты ведь не будешь против, светлый господин, если я чуточку магией воспользуюсь, белой магией, белой, или уж серой в крайнем случае... будь я могучей чародейкой, как ты думаешь, ходила б-я в этих лохмотьях, жила бы в этой развалюхе? О нет, золотой дворец был бы моим жилищем, и слуги бросались бы исполнять любое твое желание. Если б ты позволил, я призвала бы духа, маленького такого, слабенького такого... и уж он рассказал бы тебе то, что ты понял бы лучше меня...

— Гм...— поднял брови Хольгер. Ну вот, теперь все ясно — она чокнутая. Лучше ей не противоречить, если хочешь пробыть здесь до утра,— Как тебе виднее, мамаша,— добавил он.

— Теперь вижу — ты и в самом деле из предивных краев изволил прибыть, рыцарь мой. Даже не перекрестился, услышав про духа... Но ты явно не из тех рыцарей, что призывают то и дело Высочайшего, и часто столь могучими заклятьями, что обречены на адское пламя, а они и без того не славятся богобоязненной жизнью... Однако Империи приходится пользоваться и этими орудиями, ибо в нашем беспечном и убогом мире других сплошь и рядом не отыщешь... Ты не из тех, и не из этих, сэр Хольгер, а потому напрашивается вопрос — не из Фаэра ли ты, в самом-то деле? Ну ладно, попробуем что-нибудь сделать, хотя должна я тебя предупредить: духи — создания непредсказуемые, могут и вовсе не ответить, а могут и дать ответ, у которого найдется множество толкований...

Кот спрыгнул с сундука, и Герда подняла крышку. Держалась она словно бы с насмешкой, и Хольгер никак не мог сообразить, что же она задумала. По спине у него прошел холодок.

Старуха вынула из сундука котелок на треноге, поставила его на пол и наполнила какой-то жидкостью из бутылки. Достала короткую палочку из эбенового дерева, украшенную слоновой костью. Бормоча и жестикулируя, начертила вокруг котелка два концентрических круга и вместе с котом стала меж внешним и внутренним. Пояснила:

— Тот круг, что внутри, должен задержать самого демона, а тот что снаружи — все чары, какие демон мог бы на нас навести, ведь демоны частенько капризничают, когда призывают их столь поспешно. И умоляю тебя, господин мой — не вздумай молиться или творить крестное знамение, иначе демон тут же улетучится не в самом добром настроении,— ее голос попросту констатировал факт, но ста-

руха покосилась в его сторону, и Хольгер жалел, что не видит ее глаз.

— Начинай уж,— сказал он чуточку хрипло.

Она принялась выплясывать вокруг внутреннего круга; Хольгеру показалось, что он разбирает слова ее песни. «Амен... Амен». Да, он знал, какие слова за этим последуют, хоть и не понимал, откуда у него это знание. «...мало а нос либера сед...» Латынь. Непонятно отчего кожа его пошла пупырышками. Теперь она говорила не на латыни — на каком-то пискливом наречии, которого Хольгер не мог распознать. Вот она прикоснулась своей палочкой к котелку. Из него повалил густой дым, почти скрывший старуху — что любопытно, дым не вышел за пределы внутреннего круга.

— О Велиал, Беел-Зебуб, Абаддон, Асмодей! — верещала старуха.— Самуэль, Самуэль, Самуэль!

Дым стал гуще? Хольгер вскочил. Он едва мог разглядеть Герду сквозь наливающийся багровый туман. Казалось, что-то повисло над котелком, что-то серое, полупрозрачное, змееподобное... великий боже, уже видны красные глаза, и фигура приобретает человеческие очертания!

Чудище заговорило свистящим, нечеловеческим голосом, а старуха отвечала на языке, которого Хольгер не знал. Чревовещание, быстро напомнил он себе, чревовещание и видения, порожденные его собственным помрачившимся рассудком, и только, и не более того. В конюшне бился и ржал Папиллон. Хольгер опустил руку к кинжалу. Лезвие было горячим. Неужели магия вызывает вихревые токи, нагревающие металл?

Существо в дыму свистело и прищелкивало, резко выгибаясь. Показалось, что с Гердой оно разговаривало ужасно долго. Наконец старуха воздела палочку и затянула иной напев. Дым начал редеть, он словно бы втягивался внутрь котелка. Хольгер выругался дрожащим голосом и потянулся за пивом. Когда от дыма не осталось и следа, Герда вышла из круга. Ее лицо вновь стало безжизненным, пустым, глаза полузакрыты. Но Хольгер видел, как ее трясет. Кот выгнул спину, задрал хвост и плюнул в сторону Хольгера.

— Удивительный ответ,— сказала старуха бесцветным голосом.— Удивительные вещи рассказал мне демон.

— Что он сказал? — прошептал Хольгер.

— Сказал... Самуэль сказал, что ты пришел из далека, что человек мог бы шагать до Страшного суда, но так и не добрался бы до твоего дома. Это правда?

— Пожалуй,— медленно сказал Хольгер.— Думается, можно выразиться и так...

— И сказал еще: помочь твоей беде, вернуть тебя туда, откуда ты прибыл, могут только в Фаэре. Туда лежит твой путь, сэр... сэр Хольгер. Ты должен ехать в Фаэр.

Он понятия не имел, что ответить.

Ох, не так Фаэр страшен, как о нем болтают,— Герда немного опамятовалась. Даже захихикала, хоть звучало это, как кашель.— Если уж пришла пора говорить, ничего не скрывая, то признаюсь, я не в самых худших отношениях с герцогом Альфриком — это один из Господ Фаэра, что живет к нам ближе других. Он малость обидчив, как весь их род, но поможет тебе, если попросишь — так сказал демон. А чтобы ты попал туда быстрее, я тебе дам проводника.

— З... зачем? — сказал Хольгер— То есть... вряд ли я смогу заплатить.

— Платить не нужно,— беззаботно махнула рукой Герда.— Может, мне еще и зачтется добрый поступок, когда придет пора уходить из нашего мира в другой, где будет, боюсь, пожарче. И вообще, старой бабке приятно оказать услугу такому благородному молодому человеку. Ах, были времена, давно тому назад... Но хватит об этом. Давай, я осмотрю твою рану, а потом ляжешь спать.

Она промыла ему рану и наложила, бормоча заклятья, повязку с зельями. Хольгер был слишком измучен, чтобы противиться чему бы то ни было. Однако у него хватило осторожности, чтобы отказаться от любезно предложенного старухой ее матраца и перебраться на ночлег к Папиллону. Не стоило чрезмерно испытывать судьбу. Эта хижина была странной — деликатно выражаясь.

3

Проснувшись, он какое-то время лежал в полусне, пока не вспомнил, где находится. Сон отлетел моментально. Хольгер сел и осмотрелся. Да, конюшня! Вернее, закуток. Примитивное темное помещеньице, наполненное запахом сена и навоза. Черный конь склонил к нему голову, осторожно тычется мордой. Хольгер встал, отряхнул с одежды соломинки.

Солнечные лучи рассеяли полумрак — это мамаша Герда отворила дверь.

— Доброе утро, светлый господин! Ты в самом деле спал сном праведников, как это называют, хотя я на своем веку видывала множество честных людей, всю ноченьку маявшихся бессонницей, и подлецов, сотрясавших храпом крышу.

Утром я не решилась нарушить твой сон, но вставай уж и посмотри, что тебя ждет.

Его ждали миска овсянки, хлеб, сыр и кусок недоваренной грудинки. Хольгер с аппетитом съел все и с тоской подумал о сигаретах и кофе. К счастью, суровые времена оккупации почти начисто отучили его от этой роскоши. А потому он удовольствовался на десерт ледяной водой, которой умылся во дворе.

Вернувшись в хижину, он убедился, что к нему прибыл гость — но тогда лишь, когда чья-то рука потянула его за штаны, и неизвестный пробасил:

— Вот он я.

Хольгер посмотрел вниз и увидел плотного мужчину с лицом коричневым, как земля и ушами, похожими на ручки кувшина, огромным носом, белой бородой, босого, в коричневой куртке и таких же штанах. Ростом эта персона не достигала и трех футов.

— Это Гуги,— сказала Мамаша Герда.— Он поведет тебя в Фаэр.

— Гм... Рад познакомиться,— сказал Хольгер. Пожал теплую и твердую ладонь карлика, чем несказанно того удивил.

Пора трогаться в путь,— весело сказала старуха.— Солнце уже высоко, а вам предстоит нелегкое странствие по весьма ненадежным местам. Но не опасайся, сэр Хольгер. Гуги — из лесного племени, он тебя проведет мимо всех опасностей прямиком к герцогу Альфрику.— Она подала ему завернутый в тряпицу сверток.— Я тут положила немного мяса, хлеба и другой снеди, уж знаю, какие вы непредусмотрительные, молодые паладины, бродите себе по свету, спасая прекрасных девиц, а обед с собой захватить вам и в голову не придет. Ах, стань я снова молодой, была бы такой же безалаберной, что значит пустой живот, когда мир зеленеет вокруг... Но теперь уж я старуха и предусмотрительной быть обязана...

— Спасибо, госпожа моя,— сказал Хольгер смущенно.

И хотел выйти, но Гуги с неожиданной силой потянул его за штаны:

— Ты что? В одной рубашке в лес собрался? Там хватает таких, что с превеликой охотой всадят немного железа в богатого путника...

— Ну да, конечно...— И Хольгер принялся развязывать вьюк. Мамаша Герда захихикала и выскочила наружу.

Гуги помог Хольгеру облачиться в средневековые доспехи. Обмотал его лодыжки ремнями, пока Хольгер натягивал через голову кафтан из грубой ткани. Потом, уже без по-

сторонней помощи, Хольгер надел забренчавшую кольчугу, легшую на плечи неожиданной тяжестью. Теперь прикинем — широкий пояс застегивается здесь, сюда прикрепляется кинжал, сюда пристегивается перевязь меча. Гуги подал ему стеганую шапочку и норманский шлем. Когда на его сапогах очутились золотые шпоры, а на плечах пурпурный плащ, Хольгер задумался — потрясающе он выглядит или попросту идиотски?

— Счастливой дороги, сэр Хольгер,— сказала Мамаша Герда, когда он выходил.

— Я... я буду о тебе вспоминать в своих молитвах,— сказал он, подумав, что в этих краях именно так и следует благодарить.

— А как же, сэр Хольгер, ты только не забудь! — она отвернулась, разразилась встревожившим его смехом и исчезла в доме.

Гуги покрепче затянул ему пояс.

— Ну пошли уж, разиня подпоясанный, а то весь день тут провозимся,— буркнул он.— Кто собирается на Фаэр, должен пришпорить коня.

Хольгер вскочил на Папиллона и помог влезть Гуги. Карлик примостился впереди него на луке седла и показал на восток.

— Туда поедем,— сказал он.— Если поднажмем, дня за два, за три до замка Альфрика доберемся.

Конь зашагал, и вскоре хижина осталась далеко позади. Они ехали широкой звериной тропой, меж высоких деревьев, посреди чистой зелени, шелеста и щебетанья; глухо ударяли в землю подковы, скрипели кожаные ремни, позвякивало железо. День выдался прохладный и безоблачный.

Впервые за сегодняшнее утро Хольгер вспомнил о ране на голове. Она не болела. Странные медикаменты ведьмы помогли.

Однако вся эта история выглядела столь необычно... Но он не стал ломать себе голову. Не будем спешить. Каким-то образом — быть может, во сне, но очень уж все это не похоже на сон, разве сон бывает столь доскональным? — он перенесся куда-то за пределы своего времени, и, не исключено, своего пространства. И оказался в мире, где верят в духов и ведьм, где живут по крайней мере один взаправдашний гном и одно чертовски удивительное существо по имени Самуэль. Разложим все по полочкам, благоразумно и не спеша...

Однако разложить все по полочкам оказалось не столь уж простым делом. Не только сама ситуация, но и вос-

поминания о родине, о том, что там могло случиться в его отсутствие, панический страх, что здесь, в этом мире, он может остаться навсегда — все это словно клещами сжимало его рассудок. Он явственно вспомнил изящные линии домов Копенгагена, пляжи, вересковые заросли и равнины Ютландии, дерзко взметнувшийся в небеса Нью-Йорк, просвеченную заходящим солнцем золотистую дымку Залива Сан-Франциско, и девушек, и миллион милых мелочей — все, что было его домом. Хотелось бежать, молить о помощи, чтобы вернуться туда, домой. Но нет, ничего не выйдет! Он здесь — и должен отдаться течению здешней жизни. Если этот герцог из Фаэра (любопытно, что это за место?) в состоянии будет ему помочь, есть еще надежда. И стоит поблагодарить судьбу за то, что воображение у него не слишком буйное, а вывести его из себя нелегко. Он взглянул на лохматого человека, сидевшего в седле впереди него:

— Очень мило с твоей стороны, что ты взялся служить мне проводником. Я хотел бы тебе чем-нибудь отплатить.

— Да нет, это я по ведьминому поручению взялся,— сказал Гуги.— Не то чтобы я в самом деле был ей слугой. Просто мы, лесные, ей помогаем время от времени, дров порубим, воды принесем, ну там, что придется. А потом она нам чем-нибудь поможет. Не буду врать, не шибко-то я ее, сову старую, люблю, но пиво у нее отменное.

— Мне она показалась очень милой старушкой.

— Ну как же, язык у нее без костей, мягко стелет, когда захочет,— Гуги угрюмо хохотнул.— А вот помню я, что было, когда к нам молодого сэра Магнуса занесло, много, много лет тому назад... Она и черной магией балуется. Смекалистая она, да не такая уж сильная, может вызывать парочку демонов попроще, и только, да и впросак не раз попадала со своими чарами.— Он осклабился.— Помню, один тип из Вестердалеса ей на мозоль наступил, она и поклялась, что спорынью ему на поля напустит. То ли у него благословение от священника было, то ли у нее что-то не сладилось, уж не знаю в точности, только долго она тужилась, пыхтела, да ничего не вышло, побило у мужика кое-где всходы, и все. Лебезит она даже перед господами из Срединного мира, думает, они ей могущества прибавят, но немного же она с того имела выгоды...

— Хм... А что стало с тем Магнусом? — спросил Хольгер. Новости эти ему не очень понравились.

— Ох, сдается мне, крокодилы его в конце концов сожрали...

Дальше они ехали молча. Потом Хольгер поинтересовался, что из себя представляют лесные жители. Гуги рассказал, что его народ живет в лесу (казавшемся Хольгеру бесконечным), питается грибами, орехами и прочими дарами природы; есть у них договор о взаимной помощи с мелким лесным зверьем вроде кроликов и белок. Гномы не обладают, в отличие от жителей Фаэра, врожденными магическими способностями, но с другой стороны, как раз благодаря этому могут не бояться ни железа, ни серебра, ни священных символов.

— Войны, что бушуют в этих ненадежных местах, нас не касаются,— сказал Гуги.— У нас своя жизнь, и пусть там Небеса, Пекло, Земля и Серединный мир сражаются меж собой, коли им охота. А когда эти гордые господа положат друг друга холодными окоченелыми трупами, мы останемся жить, как жили. Чтоб их всех чума сожрала! — Хольгер подумал, что гномы, должно быть, сыты по горло оскорблениями, какие понесли и от людей, и от жителей этого самого Серединного Мира.

— Вот теперь я не знаю, что и думать,— признался он.— Если Мамаша Герда питала на мой счет недобрые намерения, стоит ли мне слушать ее совета и ехать в Фаэр?

— Как знать? — пожал плечами Гуги.— Ты не торопись, я ведь не говорил, что у нее одно зло на уме. Если она против тебя за пазухой ничего не держит, может, ей и втемяшилась блажь тебе помочь. Даже герцог Альфрик тебе помочь может — забавы ради и из-за тайны, какую ты, сдается мне, собой являешь. С ними никогда не знаешь, что им на ум взбредет. Сами не знают, что через час сделают. Живут в дикости и потому во всех войнах держат темную сторону Хаоса.

Новости эти не радовали. Фаэр — единственная надежда Хольгера на возвращение домой. А может, это попросту ловушка. Но кто тратил бы время и силы, строя козни ему, чужеземцу без гроша за душой?

— Гуги, а ты с охотой подстроил бы мне каверзу?

— Нет, ты ведь не враг, ты человек добрый, не похож на тех, каких я повидал.— Гуги сплюнул.— Не знаю, что там Мамаша Герда задумала, и знать не хочу. Рассказал, что знал. Если хочешь в Фаэр, провожу.

— А что будет потом, тебе не интересно?

— Ничуточки. Я уж давно научился в чужие дела носа не совать.

В его громыхающем баске прозвучала горечь. Хольгер подумал, что мог бы его использовать в своих целях. Он уже

сталкивался с людьми, тяжко страдавшими от комплекса неполноценности. А Гуги наверняка был бы ему полезен — и отнюдь не в качестве проводника по ведущей в неизвестность дороге.

— Пить хочется,— сказал Хольгер.— Остановимся? Кажется, в узелке с едой что-то такое булькает...

Гуги облизнулся. Они натянули поводья и развязали ведьмин подарок. Так и есть — несколько глиняных фляжек. Хольгер откупорил одну и протянул гному. Гуги не на шутку удивился, но не заставил себя упрашивать. Его кадык зашевелился под снежно-белой бородой, наконец он рыгнул и передал фляжку Хольгеру.

Потом усиленно над чем-то задумался.

— Необычные у тебя манеры, сэр Хольгер,— сказал он.— И на рыцарей Импе́рии ты не похож, но и не сарацин.

— Верно,— сказал Хольгер.— Я живу очень далеко. А там считают, что все люди равны.

Из-под кудлатых бровей внимательно приглядывались к нему глаза-бусинки.

— Удивительные ты вещи говоришь. Кто же правит страной, если народ запросто равняют с господами?

— Мы выбираем совет. Там у каждого есть голос.

— Не может такого быть! Получится одна болтовня, а работы — никакой.

— До того мы долго шли другими дорогами, но владетели по праву рождения слишком часто оказывались слабыми, глупыми. Вот мы и решили, что сами справимся не хуже. Сейчас в моей стране от короля почти что ничего не зависит, решают все предводители. А большинство наших народов своих королей вообще изгнало.

— Хм... Чудной разговор... Хм... Начинает мне казаться, по правде говоря, что ты — из Хаоса...

— А что это значит? — спросил Хольгер.— Я в ваших делах ничего не понимаю. Можешь объяснить?

Он предоставил гному болтать, сколько тому вздумается, но узнал немного. Гуги не блистал интеллектом, да и жил в глухих лесах. Хольгер доведался лишь, что здесь постоянно сражаются меж собой две изначальных силы — Хаоса и Порядка. Хотя «силы» — не самое подходящее название, речь идет не просто о двух воюющих армиях. Образ жизни? Духовный конфликт меж Небом и Пеклом в его земном отражении? Как бы там ни обстояло, опорой Порядка были люди, хотя большинство из них не отдавало себе в том отчета; а некоторые — ведьмы, чернокнижники, злодеи — продались Хаосу. Часть существ, не принадлежащих к роду

человеческому (правда, весьма невеликая), тоже служила Порядку. А к противостоящему лагерю принадлежал почти весь Серединный Мир, к которому, похоже, относились страны вроде Фаэра, Тролльхейма, а также Гиганты — порождения Хаоса. Войны меж людьми, подобные нескончаемой вражде меж сарацинами и Святой Империей, играли на руку одному Хаосу. Под предводительством Порядка люди жили в покое и гармонии, тешась свободой, которой только Порядок мог вернуть подлинное значение. Но такое положение дел было столь чуждо жителям Серединного Мира, что они воевали беспрерывно и стремились подчинить своему правлению все новые страны.

Все это казалось Хольгеру столь туманным, что он перевел разговор на проблемы конкретной политики. И здесь Гуги оказался не силен. Страны, населенные людьми, лежали к западу отсюда и находились под влиянием Порядка. Они делились на Святую Империю Христиан, Сарацинские Страны на юге и несколько государств поменьше. Фаэр, ближайшая область Серединного Мира, располагался к востоку отсюда, не так уж далеко. А они с гномом находились как раз в пограничье, где произойти могло все, что угодно.

— Знаешь,— рассказывал Гуги,— в давние времена, сразу после Упадка, Хаос захватил едва ли не всю землю. Медленно его вытесняли, шаг за шагом. Дальше всего попятили, когда Избавитель жил на земле, тогда мало что от мрака осталось, и сам великий Пан умер. А теперь кружат слухи, будто Хаос силы подкопил и к новой войне готовится. Я уж там не знаю, правда, или нет.

Н-да... Невозможно пока отделить правду от вымысла. Однако этот мир имел так много общего с миром Хольгера, что между ними должна была существовать какая-то связь. Может быть, время от времени возникали случайные контакты, и люди вроде Хольгера возвращались потом с рассказами, ложившимися в основу легенд? Может, герои легенд здесь, в этом мире, и жили на самом деле? Припомнив некоторых персонажей, Хольгер от всей души надеялся, что его догадки неверны. Не хотелось бы ему встретиться ни с трехглавым великаном, ни с огнедышащим драконом — как бы ни были они интересны с точки зрения зоологии.

— И вот еще что,— сказал Гуги.— Придется тебе оставить в воротах нательный крестик, если носишь, и все свое железо. Те, из Фаэра, молитву не вынесут, отпора перед ней не найдут — но уж отыщут способ, чтобы зло на тебя потом навести...

Хольгер задумался: «А как здесь относятся к агностикам?»* Понятно, он воспитывался, как лютеранин, но в церкви не был много лет. Но почему бы ему не стать добрым католиком, чтобы выказать кому-то уважение?

Гуги болтал. Болтал. Болтал. Хольгер пытался поддержать приятельский разговор в границах приличий. Но потом они стали рассказывать друг другу разные историйки. Хольгер пытался вспомнить все соленые анекдоты, какие знал. Гуги рычал от смеха. Пообедать они остановились у ручейка с поросшими мхом берегами. Гуги наклонился вдруг и положил руку на плечо сидящего Хольгера.

— Рыцарь,— сказал он, глядя в землю.— Я рад оказать тебе услугу, если хочешь.

Хольгер едва овладел собой:

— Спасибо, это мне наверняка поможет.

— Не знаю, как лучше и сделать. То ли вести тебя в Фаэр по ведьминому совету, то ли быстренько в другую сторону подаваться. Сам не знаю. Но есть в лесу кое-кто, друг всем лесным жителям, он все знает, что в стране делается, и всегда может добрый совет дать.

— Если бы я с ним встретился, Гуги, это бы мне помогло.

— Не с ним, а с ней. Другого какого рыцаря я бы к ней и не повел, все они похабники, и она их терпеть не может. Но ты... Тебе я проводником согласен быть.

— Спасибо, друг. Если я смогу быть тебе полезен...

— Да ерунда,— буркнул Гуги.— Я это сделаю, чтоб себя ублажить. Ты там смотри, пристойно себя веди, балда такая!

4

Они повернули на север и ехали несколько часов, в течение коих Гуги в основном предавался воспоминаниям о победах над женщинами своего племени. Хольгер слушал вполуха, изображая благоговейное изумление, какого эти истории, впрочем, и заслуживали, если хотя бы половина их была правдой. Но занят он был собственными мыслями.

Дорога поднималась в гору, лес стал пореже, появились поляны, поросшие цветами, залитые солнцем; серые, заросшие мхом валуны вздымались меж деревьев; там и тут открывался вид на уходившие в синюю даль взгорья. Множество ручьев посверкивало и журчало, спеша вниз, в долины; там, где они срывались с уступов, сияли крохотные радуги. Зимородки носились там, как маленькие голубые молнии,

* Агностик — здесь атеист.

высоко в небе кружили ястребы и орлы, табунок диких гусей с криком сорвался из камышей, на озере промелькнул заяц, пробежал олень, прошагала парочка медведей. Белые облака отбрасывали тени на красочные холмистые края, прохладный ветер дул Хольгеру в лицо. Путешествие ему определенно нравилось. Даже доспехи, сначала тяготившие, теперь стали словно бы второй кожей. Неизвестно почему в этих местах таилось что-то близкое, знакомое, словно некогда он уже бывал тут, и часто.

Что скажет на это его память? Быть может, вспомнились Альпы, здешние края показались похожими на скалы Норвегии, горные луга у подножия вершины Райнер? Нет, эти места ему знакомы, и все тут. Но вспомнить, почему и откуда знакомы, он не мог и потому решил, что имеет дело со знаменитой «ложной памятью».

Но если, однако, переход в этот мир научил его незнакомому языку, дело могло этим не ограничиться. На миг охватила шальная догадка: что, если сознание оказалось перенесенным в чужое тело? Он глянул на свои широкие, жилистые ладони, поднял руку, чтобы дотронуться до вмятинки на переносице — памяти о том великом дне, когда с его помощью удалось победить команду Политехнического со счетом 36 : 24. Нет, никакого сомнения — это его собственное тело. Его собственное лицо, нуждавшееся в бритье.

Солнце уже стояло низко, когда они пересекли последний луг и остановились у деревьев над берегом озера. Поверхность его, казалось, пылала, отражая лучи заката. Из камышовых зарослей взвилась стайка диких уток.

— Подождем тут,— сказал Гуги. Плюнул на землю и растер ногой. Скривился: — Уф! Бедная моя старая задница!

Хольгер тоже спешился, ощущая во всем теле последствия долгой езды. Не было смысла спутывать верного, как собака, Папиллона; Хольгер только закинул поводья ему на шею, и конь с удовольствием принялся щипать траву.

— Она скоро явится, сдается мне,— проворчал Гуги.— У нее тут гнездо поблизости. А пока ждем, промочить горло не мешает...

Хольгер достал из вьюка фляжку с пивом и заметил:

— Ты ведь мне еще не рассказал, кто она такая.

— Алианора, дева-лебедь,— пиво заклокотало в глотке гнома.— Летает там и сям, даже до Серединного Мира добирается, ей все новости рассказывают, и громко рассказывают, и на ухо. О-о-ох! Может, Мамаша Герда и ведьма, но пиво варит — ух!

Заржал Папиллон. Хольгер обернулся и увидел, как скользит к озеру длинный, пятнисто-золотистый силуэт. Леопард! Не успев ничего сообразить, Хольгер уже держал в руке меч и готов был к бою.

— Не надо! — Гуги подпрыгивал, пытаясь схватить его за руку, но достать не смог и ухватил за ногу.— Он мирный! Он тебе ничего не сделает, если его госпожу не обидишь!

Леопард уселся и уставился на них холодными янтарными глазами. Хольгер вложил меч в ножны. Спина его покрылась потом. Едва эти дикие края стали ему казаться знакомыми — и на тебе!

Крылья захлопали у них над головой.

— Вот она! — крикнул Гуги, запрыгал, замахал руками.— Гей, гей, мы тут! В нескольких футах от них опустилась на землю лебедица, Хольгер в жизни не видел таких огромных. Лучи закатного солнца вспыхивали золотом на ее крыльях.

Хольгер неуверенно шагнул вперед, прикидывая, каким образом следует представиться лебедице. Она хлопнула крыльями, подалась назад.

— Нет, не бойся, Алианора! — Гуги одним прыжком оказался меж ними.— Это благородный рыцарь, я его привел, чтоб он с тобой поговорил.

Лебедица замерла, вытянула шею, распростерла крылья, приподнялась на лапах. Ее тело удлинилось, шея укоротилась, крылья становились уже...

— Господи боже! — перекрестился Хольгер.

Там, где только что был лебедь, стояла женщина.

Нет, девушка. Не старше восемнадцати лет: высокая и стройная, загорелая, с каштановыми волосами, ниспадавшими ей на плечи, большими серыми глазами, веснушками на задорно вздернутом носике, изящными очертаниями рта — она была прекрасна. Не думая, что делает, Хольгер расстегнул ремень под подбородком, сорвал шлем, шапочку и низко поклонился.

Она робко подошла ближе, трепеща длинными черными ресницами. На ней была лишь короткая туника без рукавов, облегавшая тело, сотканная, казалось, из птичьих перьев, босые ножки бесшумно ступали по траве.

— А, это ты, Гуги,— сказала она. В ее мягком контральто явственно слышались гортанные нотки, к которым Хольгер успел привыкнуть, слушая речи гнома.— Здравствуй, Гуги. И тебя приветствую, рыцарь, если ты друг моего друга.

Леопард пригнулся, взмахнул хвостом и окинул Хольгера подозрительным взглядом. Алианора усмехнулась, подошла и потрепала его по шее. Он потерся о ее ноги, урча как дизель.

— Этот долговязый юнец зовется сэр Хольгер — с достоинством представил его Гуги.— А ты, сынок, сам видишь.— вот она, дева-лебедь, собственной персоной. Сядем подкрепиться?

— Гм...— Хольгер мучительно подыскивал слова.— Большая радость для меня познакомиться с благородной госпожой.— Девушка явно опасалась его, а леопард был наготове, и Хольгер старался произвести хорошее впечатление.

— О нет,— улыбнулась она, и напряжение покинуло ее.— Это я должна радоваться. Так мало людей я вижу, и уж тем более столь доблестных рыцарей...— в ее голосе не было кокетства, она лишь пыталась не уступить ему в вежливости.

— Ох, да сядем наконец! — ухнул Гуги.— У меня уже живот к хребту присох!

Они уселись на дерн. Зубки Алианоры справлялись с черствым хлебом не хуже, чем зубы гнома. За едой все трое хранили молчание. Солнце уже коснулось горизонта, длинные тени достигали, казалось, пределов мира. Когда с провизией было покончено, Алианора открыто глянула на Хольгера:

— Какой-то человек тебя разыскивает, рыцарь. Он сарацин. Это твой друг?

— А... гм... сарацин! — у Хольгера даже зубы лязгнули.— Нет. Я... Я пришел издалека. И никого тут не знаю. Ты, наверное, ошиблась.

— Быть может,— осторожно сказала Алианора.— А что тебя привело к нам?

Хольгер рассказал о своих сомнениях, о том, что не знает, стоит ли верить ведьме. Девушка нахмурила брови:

— Не знаю, что тебе и сказать,— она выглядела огорченной.— В плохую компанию ты угодил, рыцарь. Мамаша Герда — злая душа. И каждый знает, сколько переменчив бывает герцог Альфрик.

— Думаешь, мне к нему ездить не стоит?

— Я этого не говорила.— Она казалась озабоченной не на шутку.— Я мало что знаю о благородных господах из Фаэра. Знаю нескольких из Серединного Мира, несколько кобольтов и гномов, парочку лесных русалок...

Хольгер ошеломленно заморгал. Едва он свыкался с мыслью, что находится в здравом рассудке, что его необыч-

ному положению можно найти объяснение, как эти, здешние, вновь принимались за свое, говорили о сверхъестественном так, словно оно было частью повседневности.

А может, и было — здесь. Проклятье, он ведь сам только что видел, как лебедь превратилась в человека. Галлюцинация это или нет, но у себя дома он такого наверняка в жизни не увидит.

Шок и вызванное им отупление медленно, но верно улетучивались. Всем естеством он начинал понимать, как далеко от дома оказался, насколько он одинок. Сжал кулаки, сдерживая то ли проклятья, то ли слезы.

Чтобы занять чем-то свои мысли, спросил:

— Ты могла бы побольше рассказать о том сарацине?

— Ах, тот...— девушка смотрела на отблески заката в воде. Над озером, в тиши, носились ласточки.— Я сама его не видела, но весь лес о нем только и говорит, кроты бормочут в норах, барсуки рассказывают зимородкам и воронам, а уж те разносят по всему свету. Рассказывают, что уже несколько недель одинокий воин, судя по обличью и доспехам, сарацин, ездит по нашим краям, расспрашивает про христианского рыцаря. А зачем тот ему нужен, не говорит. Но по описанию сарацина рыцарь тот весьма похож на тебя: гигант со светлыми волосами, на вороном коне, носящий знак...— она огляпулась на Папиллона.— Твой герб закрыт. Сарацин говорил о трех сердцах и трех львах.

Хольгер оцепенел.

— Не знаю я ни одного сарацина,— сказал он.— Вообще никого тут не знаю, я пришел из краев, лежащих так далеко, что ты и вообразить не можешь.

— Может это какой враг, смерти твоей ищет? — с любопытством спросил Гуги.— А может, какой друг?

— Говорю же, никого тут не знаю! — Хольгер сообразил, что кричит.— Извини. Я себя чувствую, как ребенок в тумане.

Глаза Алпаноры раскрылись.

— Ребенок в тумане? — ее смех звучал прелестно.— Красиво сказано.

Где-то в закоулках памяти Хольгера отложилось на будущее, что банальные в его мире обороты могут здесь оказаться исполненными мудрости и красноречия. Но прежде всего — сарацин. Кто он, дьявол его возьми? Единственным мусульманином, какого Хольгер встречал в жизни, был застенчивый маленький спринц в огромных очках, учившийся с ним на одном факультете. А уж этот сарацин никогда в

жизни не стал бы его рāзыскивать, да еще облачившись в здешнюю железную скорлупу!

Видимо, из-за коня и экипировки Хольгера приняли за кого-то другого, весьма с ним схожего. А это означало нешуточные хлопоты. Не стоит самому искать того сарацинского воина. Право же, не стоит!

Его охватила апатия и отрешенность.

— Поеду в Фаэр,— сказал он.— Выбора у меня нет.

— Ох, хорошенький выбор для смертного...— сказала Алианора гробовым голосом. Наклонилась к Хольгеру.— А на чьей ты стороне? Порядка или Хаоса? — видя, что он колебался, добавила:

— Не бойся. Я почти со всеми живу в мире.

— На стороне Порядка, похоже,— сказал он задумчиво.— Хоть и мало я знаю об этом мире... то есть об этой стране.

— Так я и думала,— сказала Алианора.— Я ведь тоже человек. Сторонники Порядка частенько бывают пьянчугами и грубиянами, но их дело ближе мне, чем хаос. А потому я отправлюсь с тобой, рыцарь. Быть может, в Серединном Мире я тебе как-нибудь да пригожусь.

Хольгер запротестовал было, но она подняла тонкую руку:

— Нет-нет, не перечь. Я умею летать, и оттого могу избегнуть многих опасностей. И потом...— она засмеялась.— И потом, сдается мне, прекрасное будет приключение.

Наступала ночь, неся с собой звезды и росу. Хольгер достал из вьюка свою постель. Алианора сказала, что будет на дереве.

Хольгер долго лежал, глядя на усыпанный звездами небосклон. Созвездия были знакомые — над ним раскинулось летнее небо Северной Европы. Но как далеко отсюда его дом? И можно ли говорить о «расстояниях» или все сложнее?

Он вспомнил, как помимо воли перекрестился, когда Алианора вдруг стала человеком. В прежней жизни ему бы и в голову не пришло автоматически творить крестное знамение. Одно лишь окружающее средневековье послужило причиной такому поступку, или неизвестно откуда взявшееся знание языка, умение ездить верхом — а может, и еще что-то новообретенное, неизвестное пока? Оттого, что он не мог разобраться в себе самом, одиночество казалось еще горшим.

Комаров тут не было. Стоит поблагодарить этот мир и за

такие мелочи. Но он приветствовал бы комарика, как воспоминание о доме.

В конце концов он уснул.

5

Выступили рано утром. Хольгер и Гуги ехали на Папиллоне, Алианора летела над ними в облике лебедя, взмывая вверх, выписывая круги, исчезала за́ деревьями и вновь появлялась. Настроение Хольгера поднималось — следом за солнцем. По крайней мере он ехал куда-то, и, похоже, в хорошей компании. Около полудня, продвигаясь все дальше на восток, они достигли гористого, продуваемого насквозь ветрами дикого края, изобиловавшего валунами, водопадами, теснинами, заросшими высокой жесткой травой, рощицами скрюченных деревьев. Хольгеру показалось, что горизонт впереди кажется темнее, чем раньше.

Гуги хрипло затянул песенку, насквозь непристойную. Чтобы не ударить в грязь лицом, Хольгер отплатил ему балладами вроде «Шотландского коробейника» и «Бастард — король Англии», переведя их на местное наречие с изумившей его самого легкостью. Гном корчился от смеха. Хольгер загорланил было «Лес тропс Орфеврес», но на него упала тень. Он поднял голову, увидел, что над ними кружит лебедица, с интересом прислушиваясь. И тут же замолчал.

— Давай дальше,— поторапливал Гуги.— Редкостная похабень!

— Я забыл, что там дальше,— сказал Хольгер. Когда они остановились на обед, Хольгер избегал встречаться взглядом с Алианорой. Они устроились возле густых кустов, заслонявших вход в пещеру. Девушка, снова в человеческом обличье, подошла к нему легкими шагами.

— Путь с тобой, сэр Хольгер, исполнен музыки,— улыбнулась она.

— Гм... Благодарю,— пробормотал он.

— Я хотела бы, чтобы ты припомнил, что там дальше было с тремя золотых дел мастерами. Жестоко было с твоей стороны оставлять их на крыше.

Он покосился на девушку, но не увидел в серых глазах ничего, кроме прямодушия. Что ж, она ведь жила до сих пор среди лесного народца, не столь уж и благовоспитанного... Но у Хольгера не хватило духу.

— Потом попробую вспомнить,— сказал он ненатуральным тоном.

Кусты за его спиной затрещали, из них выбралось странное существо. Сначала Хольгер принял его за калеку, но

тут же убедился, что это абсолютно здоровый представитель какой-то нечеловеческой расы. Он был повыше Гуги и гораздо шире в плечах, мускулистые руки свисали до колен. Большая круглая голова с плоским носом, острыми ушами и ртом, словно прорезанным ножом. Кожа безволосая, серая. Из одежды на нем был лишь кожаный фартук, а в руке он держал молот.

— Ах, да ведь это Унрих! — воскликнула Алианора.— Я и не знала, что ты забираешься в горы так далеко!

— А то как же,— круглые глаза создания пытливо уставились на Хольгера,— я там штольню новую колочу. Он махнул рукой в сторону пригорков.— Там золото, в тех вон холмах.

— Унрих-кобольт,— пояснила Хольгеру Алианора.— Меня с ним белки познакомили.

Гость жаждал новостей, как все жители этой страны. Историю Хольгера пришлось рассказать с самого начала. Выслушав ее, кобольт покачал головой и сплюнул:

— Не больно уж приятный город, куда вы шагаете. Нынче особенно, когда Серединный Мир свои орды в кучу сбивает.

— Вот-вот, сказал Гуги,— не такую уж теплую встречу нам могут в замке Альфрика устроить.

— Болтали, будто эльфы с троллями замирились. А раз так, и они заодно теперь, добра не жди.

Алианора нахмурилась:

— Не нравится мне это. Я слышала, черные маги все смелее ходят через границу, даже в сердце Империи. Выглядит так, словно бастион Порядка рухнул, и хаос теперь может невозбранно растекаться по свету.

— На том бастионе было святое заклятье, что на Кортану положили,— сказал Унрих с ноткой пессимизма в голосе.— И тот меч ныне упрятали. Никто не ведает куда, со всех глаз долой. А коли кто найдется, чтобы выкопал, то все одно ни одному находителю с ним не управиться.

Кортана, подумал Хольгер. Где я слышал это имя?

Унрих полез в карман фартука и к удивлению Хольгера вытащил неуклюжую глиняную трубку и мешочек чего-то походившего на табак. Ударяя кремень о сталь, высек огонь и глубоко затянулся. Хольгер жадно уставился на него.— Ох, эти твои драконьи штучки — дымом дышать...— проворчал Гуги.

— А мне любо,— сказал Унрих.

— И совершенно правильно,— вмешался Хольгер.—

«Женщина — не более чем женщина, а хорошая сигара — это ритуал». Все трое воззрились на него.

— Я никогда не слышала о людях, что так вот тешат демонов,— сказала Алианора.

— Одолжи-ка мне трубку,— сказал Хольгер.— А вы глядите!

— Эта хороша, чтоб ее одолжать,— кобольт исчез в пещере и вскоре вернулся с большой трубкой из корня вереска. Хольгер набил ее, разжег и с удовольствием принялся пускать кольца. В трубке был явно не табак — адски крепкое зелье, но не хуже того, что Хольгеру приходилось курить во Франции перед войной или в Дании во время войны. Гуги и Унрих похихикивали, Алианора залилась смехом.

— Что ты за нее хочешь? — спросил Хольгер.— У меня есть лишний плащ, меняю на эту трубку с кресалом и мешочком таб... вот этого зелья для курения.

— Идет! — моментально согласился Унрих. Хольгер стал подозревать, что сильно прогадал. Ну да ладно.

— Ты мог бы справедливости ради дать и немного еды впридачу,— сказала Алианора.

— Ну, коли ты просишь — Унрих полез в пещеру.

Алианора глянула на Хольгера сочувственно:

— Вы, люди, такой непрактичный народ...

В путь они отправились, имея несколько караваев хлеба, сыр и копченое мясо. Местность вокруг становилась все более гористой и дикой, но незаметно было, чтобы Папиллона это тревожило. Угрюмый мрак на горизонте вырастал перед ними, как стена. Под вечер они остановились там, где была, похоже, вершина горной цепи — оттуда открывался вид на опадавшие к сосновым лесам взгорья, кое-где поросшие редколесьем. Алианора энергично принялась сооружать шалаш, Гуги занялся ужином, одному Хольгеру не нашлось дела, и он с удовольствием приглядывался к девушке.

Когда настала темнота и они уселись у костра, Алианора сказала:

— Завтра мы вступим в пределы Фаэра. И дальше все будет в руках судьбы.

— А почему там, на востоке, так темно? — спросил Хольгер.

Алианора удивленно глянула на него:

— Из далеких же ты краев пришел... Или на тебя навели порчу, и ты все забыл? Каждый знает, что Фарисеи не выносят дневного света, и в их стране царит вечный полумрак,— она поморщилась. Пламя костра бросало отсветы на

ее юное лицо посреди окружавшего их мрака, наполненного холодными ветрами.— Если победит Хаос, полумрак этот может окутать весь мир, и никто не увидит больше солнца, зелени листьев, цветов. А потому я, сдается, на стороне Порядка. Однако... Однако в Фаэре и прекрасного много, сам увидишь.

Хольгер смотрел на нее сквозь пламя костра. Огонь отражался в ее глазах, ласкал пляшущим светом ниспадавшие на плечи волосы и грациозные линии тела, а ночь за спиной девушки пеленала ее в черный плащ.

— Я бы не хотел показаться чрезмерно любопытным,— сказал Хольгер.— Но не могу уразуметь, почему такая красавица живет в диких лесах среди... среди чужого ей племени.

— Никакой тут нет тайны,— она смотрела в пламя, и Хольгер едва расслышал ее голос в вытье ночного ветра.— Гномы меня нашли в лесу, еще младенчиком. Наверное, я была дочкой какого-нибудь крестьянина, и разбойники меня украли, когда напали на его дом. Здесь такое часто случается. Видимо, они хотели меня вырастить и продать в рабство, но младенец им надоел, они меня в чащобе и бросили. А маленький народец со своими друзьями — зверятами нашли меня и выходили. Они добрые, многому меня научили, в конце концов подарили этот лебединый наряд — говорили, он когда-то принадлежал Валькирии. Я обычным человеком родилась, но с помощью этого народа могу превращаться в лебедя, и потому, как видишь, живется мне безопасно. Потом гномы мне сказали: ты выросла, вольна отправляться, куда пожелаешь. Но дымные поселения людей меня не прельщают. Здесь, в лесу, мои друзья, здесь простор, и небо, и я всему этому рада. Вот...

Хольгер медленно склонил голову.

— А вот ты нам мало о себе рассказал,— неуверенно улыбнулась Алианора.— Где твой дом? Как ты ухитрился попасть сюда, не пройдя ни землями людей, ни Срединным Миром — иначе знал бы, каковы те края, а ты не знаешь...

— Хотел бы я знать, как попал сюда,— сказал Хольгер.

Так и подмывало рассказать ей все, свою историю с самого начала — но он тут же одумался. Она наверняка ничего не поняла бы. Да и ему не помешает держать в запасе лишнюю тайну.

— Думаю, на меня навели чары,— сказал он.— Я жил так далеко, что у меня на родине и слыхом не слыхивали о ваших местах. И вдруг в один миг я перенесся сюда.

— А как называется твоя страна?

— Дания,— сказал Хольгер и выругался под нос, когда она вскрикнула:

— Я слышала о твоем королевстве! Оно и в самом деле лежит далеко отсюда, но слава его разошлась широко. Христианская страна на севере Империи, да?

— Гм... ну... это вряд ли та самая Дания (уж точно!). Моя лежит в...— Чертовски не хотелось врать ей в глаза. Хотя бы полуправду... Минуточку, когда он странствовал по Штатам...— Моя Дания — это город в Южной Каролине.

Алианора мотнула головой:

— Похоже, ты что-то скрываешь. Ну коли на то твоя воля... Мы тут, в пограничье, научились не слишком любопытствовать — и зевнула: — Пойдем спать?

Они легли в шалаше, тесно прижавшись друг к другу, чтобы уберечься от ночного холода. Несколько раз Хольгер просыпался от лязганья зубов, слышал рядом ровное дыхание Алианоры. Очаровательный ребенок. Вот если б знать точно, что он никогда не найдет обратной дороги к дому...

6

Утром они стали спускаться вниз. Путь был не из легких, но конь шел быстро. Гуги только верещал, когда копыта Паппиллона оскользались на крутизне и повисали над краем дышащей холодом пропасти. Алианора летела высоко над ними. Она отыскала себе забаву, морозившую кровь в жилах зрителей — повиснув в воздухе, превращалась в человека, камнем летела вниз и становилась лебедем в самый последний миг, когда можно было еще избегнуть падения. Наблюдавший это Хольгер искал душевного спокойствия в трубке. Но разжечь ее ему никак не удавалось, пока Гуги не научил его обращаться с кресалом. Черт побери, не могли они изобрести спичек!

Они ехали сосновым бором. И вдруг в один миг, словно буря настигла, вокруг них сомкнулся полумрак и густел с каждым их шагом. Хольгер боялся, что вскоре вообще ничего не сможет разглядеть. Волосы вставали дыбом при одной мысли, что придется на ощупь пробираться по стране троллей, волкодлаков и бог знает кого еще.

Чем ниже они спускались, тем теплее становилось. Когда лес остался позади, повеяло крепнущим запахом незнакомых Хольгеру цветов — они пахли то ли бальзамическими смолами, то ли ладаном. И вот — просторная долина, холмы мягких очертаний. Гуги громко проглотил слюну.

— Ну, вот мы и в Фаэре,— буркнул он.— Другое дело, как нам отсюда убраться...

Хольгер пытливо осмотрелся. Солнце уже скрылось, но мрак, которого он так опасался, не наступал. Хольгер не понимал, откуда исходит свет, но видел почти как днем. Небо было вечерним, густо-синим, и та же синева разливалась вокруг в воздухе, словно они ехали под водой. Трава тут была высокая и мягкая, ее бледная зелень отблескивала серебром, и белые цветы блестели, как звезды. Асфорели, подумал Хольгер. Откуда он знает это название? Повсюду — усыпанные белыми розами кусты. Поодиночке или небольшими рощицами растут деревья, высокие, тонкие, с молочно-белыми стволами и кронами цвета травы. Ветерок лениво покачивал их вершины, и они серебряно позванивали. В этом обманчивом, лишенном теней свете невозможно было определить расстояние. Поблизости тек ручей, он не журчал, а пел — бесконечная мелодия, основанная на чужих, неизвестных нотах. Над водой кружились вихорьки, светившиеся белым, зеленым, голубым.

Папиллон фыркнул, заржал. Эти места ему определенно не нравились.

Я уже видел подобное, подумал Хольгер, видел эту холодную безмятежную голубизну над бледными деревьями и вонзавшимися в небо скалами. Но где? Где еще ветер шумит так мелодично и речушка позванивает стеклянными колокольчиками? Какое-то давнее видение — в Дании, в полуснеполуправде летней ночью? А может, еще раньше, в забытые ныне времена? Не знаю, но очень хотел бы дознаться...

Они ехали дальше. В этом не подверженном изменениям свечении, время, наоборот, казалось текучим и неустойчивым. Быть может, они ехали минуты. Быть может, столетия. Нереальные пейзажи проплывали вокруг, а они ехали, ехали... Вдруг лебедица пулей рванулась вниз, шумя крыльями, встала на земле и обернулась Алианорой. На лице ее был написан страх.

— Я видела рыцаря, он скачет в нашу сторону,— сказала девушка, пытаясь отдышаться.— Рыцарь Фаэра. Бог знает, какие у него намерения.

Сердце Хольгера заколотилось, как молот, но выглядел он совершенно спокойным:

— Ну что ж, скоро узнаем.

Чужак выехал из-за холма. Он сидел на рослом, снежно-белом коне, с гордо выгнутой шеей и развевавшейся гривой. Было в этом животном что-то неправильное — слишком длинные ноги, слишком маленькая голова. Всадник с ног до головы закован в латы, лицо скрыто опущенным забралом. Пук белых перьев колыхался над его шлемом, щит

был черным, без герба, а доспехи посверкивали вечерней голубизной. Чужак придержал коня и ждал, когда Хольгер подъедет ближе.

Когда датчанин оказался совсем близко, рыцарь наклонил копье:

— Остановись и отвечай! — его голос как-то странно вибрировал, словно бы металлически позвякивал и казался не вполне человеческим.

Хольгер натянул вожжи. Папиллон вызывающе заржал.

— Меня сюда прислала Мамаша Герда с вестями для герцога Альфрика.

— Сначала я хочу увидеть твой герб,— ответил отливающий бронзой голос.— Никто сюда не въезжает неопознанным.

Хольгер пожал плечами, чтобы скрыть беспокойство. Снял с седла щит, надел его на левую руку. Гуги стянул со щита полотняный чехол. Хольгер сказал:

— Смотри.

Рыцарь пришпорил коня и ринулся на него.

— Защищайся! — закричал Гуги.— Он твоей смерти ищет!

Папиллон прянул в сторону, а Хольгер все еще колебался. Глухой топот копыт — всадник пронесся совсем рядом, повернул коня и вновь ринулся на Хольгера, целя острием копья прямехонько ему в горло.

Дальше Хольгер действовал инстинктивно. Наклонил копье, заслонился щитом и тронул шпорами бока Папиллона. Вороной гигант ринулся вперед, с устрашающей скоростью сближаясь с врагом — острие копья чужака склонилось ниже и целило теперь в живот Хольгеру. Датчанин опустил пониже щит, крепче просунул ноги в стремена.

Они сшиблись с грохотом, эхом отозвавшимся в холмах. Чужое копье притиснуло Хольгеру щит к животу. Датчанин едва не выпустил свое, когда его острие вонзилось в щит противника. Но у того сломалось древко, сам он зашатался в седле. Папиллон ударил грудью чужого коня. Враг покатился по земле.

Но тут же вскочил — удивительно резво, хотя был в полном вооружении. Свистнул в воздухе его выхваченный из ножен меч. Думать было некогда. Хольгер позволил своему телу действовать самому — казалось, оно знает, что ему делать. Выхватил меч и нанес удар спешенному врагу. Клинки скрестились со звоном. Чужак целил ему в ногу, датчанин отбил удар и обрушил сверху меч на шлем врага. Громко скрежетнул металл о металл, противник пошатнулся.

Позиция Хольгера была невыгодной, и потому он спрыгнул на землю. Нога запуталась в стремени, датчанин рухнул навзничь. Подбежал враг, Хольгер ударил его свободной ногой. Снова грохот металла — противник упал. Оба вскочили одновременно. Меч чужака со звоном отскочил от щита Хольгера. Он ударил, целя в шею, стараясь найти щель меж сочленениями доспехов. Враг пытался поразить мечом не защищенные броней ноги Хольгера. Тот отпрыгнул. Враг бросился на него, нанес сильный удар сверху, но клинок Хольгера остановил меч врага на полпути. Удар был так силен, что отдался во всем теле Хольгера — но датчанин выбил меч из руки рыцаря Фаэра. Тот выхватил кинжал.

Широкий меч Хольгера не годился для колющих ударов, но датчанин все же заметил щель над наплечником, ухитрился воткнуть туда конец клинка. Посыпались искры. Закованная в латы фигура закачалась, рухнула на колени, повалилась в траву и недвижимо застыла.

Хольгер, чуть ли не теряя сознание, огляделся. В голове шумело. Белый конь галопом уносился на восток. «Помчался рассказать все герцогу»,— подумал Хольгер. Гуги выплясывал вокруг него, воя от радости. Алианора повисла у него на шее, шмыгая носом, уверяя, что справился он прекрасно.

«Я справился? — подумал Хольгер,— Я? Нет, это был не я. Я понятия не имею, как управляться с копьем и мечом».

Но кто же был тот победитель?

Алианора склонилась над неподвижным рыцарем Фаэра.

— Ни капли крови,— сказала она хрипло.— Но он убит. Ни один Фарисей не выживет после раны, нанесенной кованым железом.

Хольгер глубоко дышал. Голова вновь стала ясной. Он понял свою ошибку: нужно было оставаться в седле, использовать копья как дополнительное оружие. Что ж, в следующий раз он будет умнее.

Он подумал: «А что же жители Фаэра — Фарисеи, как их именуют (потому, несомненно, что неграмотный здешний мир исказил и запутал историю подлинных библейских фарисеев), что Фарисеи используют вместо железа? Сплавы, содержащие алюминий? Скорее всего, они с помощью магии добывают алюминий из бокситов. Может быть применяют еще бериллий, магний, медь, никель, хром, марганец...»

Наверняка так оно и есть, но образ чернокнижника — эльфа со спектроскопом был достаточно забавен, чтобы вер-

нуть Хольгеру бодрое расположение духа. Он громко расхохотался, чем удивил друзей.

— Ну что ж,— сказал он, сам слегка удивленный оттого, что не чувствовал враждебности к поверженному противнику,— посмотрим, что у нас тут...

Нагнулся и поднял забрало рыцаря Фаэра. Ему открылась пустота. Доспехи были пусты. Несомненно, с самого начала.

7

Фаэр выглядел безлюдным куском дикой природы — горы, леса, невозделанные долины. Хольгер спросил гнома, ставшего с той поры, как они пересекли рубежи Фаэра, удивительно тихим, чем же живут здешние жители. В ответ услышал, что часть еды и напитков они попросту создают из ничего чарами, часть получают в качестве дани из подвластных им областей Срединного Мира, а иногда охотятся на диких животных, населяющих эти места. Здешние жители — поголовно чародеи и воины, так что вся тяжелая работа ложится на плечи рабов из кобольтов, гоблинов и других рас, считающихся второсортными. Хольгер узнал еще, что Фарисеи не знают ни старости, ни болезней; говорят еще, что и души у них нет. Словом. Хольгеру они не показались друзьями, о которых стоит мечтать.

Стараясь занять мысли чем-то воистину серьезным и забыть о пустых доспехах, оставшихся лежать в траве среди асфоделей, Хольгер решил обосновать кое-что теоретически. Он отдавал себе отчет, что его познания в математике и физике довольно поверхностны, но надеялся все же, что с логикой дело у него обстоит не так уж плохо. Должно же быть какое-то объяснение этому миру!

Хотя этот мир и его собственный во многом отличались друг от друга, и примеров тому имелось предостаточно, было и сходство (взять хотя бы абсолютно схожие создания). А потому следовало отбросить гипотезу, будто он перенесся на иную планету, существовавшую где-то в космосе независимо от Земли. Основные законы природы, такие, как гравитация и правила химических реакций, остались, судя по всему, неизменными, но здесь, похоже, к законам этим добавились поправки, позволявшие существовать магии. Можно допустить, что магия — не что иное, как непосредственный контроль разума над материей. Даже там, откуда он прибыл, многие верили в телепатию, телекинез и тому подобное. Возможно, в этом мире при особых, благоприятных условиях силы, какими располагает психика, оказались

мощнее сил неодушевленной материи... Дойдя до этого, Хольгер понял, что ничего, в сущности, не достиг — всего лишь дал некоторым явлениям другие названия.

Прекрасно. Силы силами, но где он, в таком случае, находится? А может, следует спросить — когда? Быть может, два объекта способны все же занимать одно и то же пространство в одном и том же времени, никак друг на друга не воздействуя? Объектами этими могут быть две Вселенные со всеми своими звездами. Не только две — гораздо больше, сколько угодно. И Хольгер попросту угодил в одну из этих Вселенных, настолько близко расположенную к его собственной, что меж ними существует некая связь. Какая?

Он вздохнул. Довольно. Есть вещи и поважнее. А самое важное сейчас — остаться в живых в стране, где, похоже, многие настроены против человека, носящего в гербе три сердца и три льва.

Из полумрака медленно выступал замок. Стены взмывали на головокружительную высоту, крыши острые, изобиловавшие изгибами, увенчанные стрельчатыми тоненькими башенками; они были полны дикого очарования, словно ледяные утесы зимой. Белый камень казался кружевами, такими нежными, что их можно растопить дыханием. Однако, когда они подъехали ближе, Хольгер убедился, что стены весьма массивны.

Холм, на котором стоял замок, был опоясан рвом; ни одна речка, ни один ручей туда не впадали, но вода неустанно кружила вдоль стен.

Неподалеку возвышался другой холм, усыпанный розовыми кустами, полузакутанный туманом, не скрывавшим, однако, что холм имеет форму женской груди. Гуги показал туда.

— Бугор Фей,— сказал он тихо, совсем тихо.— Там, в середке, эльфы нечестивые радения заводят, а когда луна полная, выходят и вокруг бугра пляшут.

С севера, юга и востока полосой мрака протянулся лес, такой темный, что Хольгер с трудом различал отдельные деревья.

— Там, в Чащобе Мрака, Фарисеи на грифонов охотятся и ведовством занимаются,— сказал Гуги.

В замке зазвучала фанфара — далекий холодный звук, похожий на шум реки. «Они нас заметили»,— подумал Хольгер. И положил руку на рукоять меча. Алианора спустилась на землю и обернулась девушкой. Лицо ее приняло похоронное выражение.

— Ты и Гуги...— он откашлялся, прочищая горло.— Вы

проводили меня сюда, и я вам за то несказанно благодарен. Но теперь вам, быть может, лучше будет вернуться.

Алианора взглянула на него снизу вверх.

— Нет,— сказала она.— Думаю, нам лучше остаться. Тебе может понадобиться наша помощь.

— Кто я для вас? — спросил он.— Вы мне ничего не должны, а я вам должен столько, что никогда не смогу расплатиться.

Ее серые глаза были очень серьезными.

— Сдается мне, ты больше, чем «никто», даже если сам этого не понял,— сказала девушка тихо.— У меня предчувствия насчет тебя, сэр Хольгер. Кто бы там ни возвращался, а я остаюсь.

— И я,— сказал Гуги. Правда, он не выглядел довольным.— Или ты думал, что я прямо вот так труса справлю?

Хольгер не настаивал. Он сделал все, что мог, давал им шанс уйти — но, бог свидетель, как он рад, что они тем шансом не воспользовались!

Ворота замка отворились, бесшумно опустился мост. Снова зазвучали фанфары.

Уставив в небо копья, из ворот выехал конный отряд со знаменами и гербовыми вымпелами. Плюмажи колыхались над их головами. Хольгер остановил коня и ждал, крепко стиснув копье. Перед ним были владыки Фаэра.

Казалось, их одежды светятся в полумраке. Они были убраны в пурпур и золото, багряные и зеленые ткани — но все цвета искрились, переливались, изменялись что ни миг. На иных — кольчуги и латы из серебристого металла, искусно украшенные, покрытые гравировкой; на иных — накидки и геральдические короны. Все они были высокого роста, двигались с неспешной грацией — ни один человек, ни один кот не мог бы с ними сравниться. Холодной гордыни были исполнены их лица — странных очертаний, узкие, с высокими, косо поставленными скулами, широкими ноздрями. Кожа белоснежная, волосы длинные, серебристо-голубоватые, большинство мужчин чисто выбриты. Когда они оказались близко, Хольгер решил сначала, что все они слепы — их раскосые глаза тускло отливали сплошной голубизной. Но вскоре он убедился, что жители Фаэра видят лучше его.

Ехавший впереди остановил коня, чуть склонил голову.

— Приветствую тебя, рыцарь,— сказал он. Его прекрасный голос напоминал скорее песню.— Я — Альфрик, герцог Альфарланда в Королевстве Фаэр. Нечасто к нам в гости приходят смертные.

— Приветствую вас, господа. Меня направила к вам

ведьма, Мамаша Герда, сдается мне — покорная служанка мудрости вашей,— плавная речь сама собой текла из уст Хольгера.— Посчитала она, что ваша мудрость поможет справиться с моей бедой. И вот я прибыл сюда просить вас о помощи.

— Вот как? Рад слышать. Ты и твои слуги можете оставаться здесь, сколько вам будет угодно, а я приложу все старания, чтобы помочь в меру сил моих рыцарю в твоем положении.

«В моем положении?»— Хольгер уверен был, что атаковавшее их создание числилось в слугах герцога. Похоже, три сердца и три льва непопулярны в Срединном Мире. И остается открытым вопрос: понял ли уже Альфрик, что Хольгер — не тот, чьей смерти герцог ищет? И, независимо от того, понял что-то герцог или нет — какие мысли таятся за гладкой маской его лица?

— Воздаю хвалу вашему великодушию,— сказал Хольгер громко.

— Как мне ни грустно, но я вынужден просить, чтобы ты оставил крест и железо за стенами. Ты знаешь, наверное, злополучный недостаток народа нашего,— сказал Альфрик учтиво.— Не опасайся, ты получишь взамен иное оружие.

— В вашем замке, господин, мне ничто не может угрожать,— сказал Хольгер, дивясь легкости, с какой лгал.

Алианора переступила с ноги на ногу.

— Я присмотрю за твоими вещами, Хольгер,— сказала она.— Я ведь остаюсь снаружи.

Альфрик и другие Фарисеи обратили к ней огромные пустые глаза.

— Ах, это дева-лебедь, о которой мы столько слышали,— усмехнулся герцог.— Нет, прекрасная госпожа, плохим бы я оказался хозяином, не дав и тебе приюта.

Она упрямо мотнула головой. Альфрик удивленно поднял брови.

— Ты отказываешься? — прошипел он.

— Отказываюсь,— сказала девушка.

— Я уж тоже тут останусь,— поспешно вмешался Гуги.

— Нет, ты пойдешь с сэром Хольгером,— сказала девушка.

— Но...

— Сделаешь, как я говорю!

Альфрик пожал плечами:

— Сэр рыцарь, если ты не раздумал воспользоваться нашим гостеприимством...

Хольгер спешился, снял доспехи. Фарисеи отвели взгля-

ды, когда он коснулся крестообразного эфеса своего меча. Папиллон заржал, глядя на их коней, раздувая ноздри. Алианора навьючила на него доспехи и взяла под уздцы.

— Я подожду тебя в лесу,— сказала она и ушла, уводя коня. Хольгер смотрел ей вслед, пока она не скрылась в полумраке.

Кавалькада въехала в замок, на огромный двор, где росли деревья и цветущие кусты, шумели фонтаны, играла музыка, а воздух был наполнен ароматом роз. Хольгер увидел группу женщин Фаэра — собравшись у главного входа, они испытующе приглядывались к новоприбывшему — и на миг забыл обо всем на свете. Н-да... Безусловно стоило переменить родную Вселенную на другую, чтобы глянуть на них хоть одним глазком. Он склонил голову, ошеломленный.

Альфрик велел низкорослому зеленокожему рабу отвести гостя в отведенные ему покои, а Хольгеру сказал:

— Ждем тебя к обеду.

Хольгер и неотступно следовавший за ним Гуги шли длинными высокими коридорами, запутанными, словно лабиринт. Стены там сияли приглушенным светом. Сквозь увенчанные арками дверные проемы Хольгер видел внутренность комнат, сверкавших драгоценными каменьями. «Ну, понятно»,— подумал он, стараясь сохранить хладнокровие,— «Ничего удивительного, с помощью чар они могут создавать все это прямо из воздуха...»

Они прошли длинной, плавно изгибавшейся лестницей, миновали огромный зал и оказались в апартаментах из нескольких комнат, словно извлеченных из «Тысячи и одной ночи». Гоблин поклонился и вышел. Хольгер осмотрелся. Поблескивающие ковры, мозаики из драгоценных каменьев, гобелены, тканые золотыми нитями. Выглянул в окно с балконом, выходившее в огромный сад. Конусообразные светильники изливали чистый немигающий свет. Картины одного из гобеленов медленно сменялись, рассказывая историю, от которой Хольгер отвернулся в смущении.

— Ничего не скажешь, хорошо они тут устроились,— сказал Гуги.— Но я б охотно поменял всю эту лавочку на мой старый дуб. Нечестивые тут стены...

— Уж это точно,— Хольгер заглянул в ванную и нашел там те же удобства, что и у себя дома. Мыло, холодная и горячая вода, маникюрные ножнички, бритвы — но все иное, непривычного вида. Как бы там ни было, из ванной он вышел посвежевшим. На ложе лежала одежда, заготовленная для него — Хольгеру все пришлось впору, как вторая кожа. Шелковая рубашка с длинными рука-

вами, пурпурный атласный камзол, карминные обтягивающие штаны, короткий голубой плащ, черные бархатные башмаки — все вытканно золотой нитью, украшено самоцветами, обшито мягким диковинным мехом. Настроение его улучшилось. Он увидел в углу доспехи, ремни, меч с изогнутой рукоятью. Альфрик сдержал слово. Но оружие пока ни к чему — вряд ли тут являются к обеду с мечом у пояса.

— Неплохо тебя одарили, сэр Хольгер,— сказал Гуги.— Может, какую тутошнюю даму завоюешь. Говорят, дамы тут не больно строгих правил...

— Я вот хотел бы знать, отчего все они вдруг преисполнились к нам дружелюбия,— сказал Хольгер.— Разве Фарисеи живут с людьми, мягко говоря, в дружбе и согласии? Почему Альфрик так для меня старается?

— А вот чего не знаю, того не знаю, парень. Может, это он на тебя так силки расставил. А может, ради забавы добро решил сделать. Никогда про них не знаешь, чего они подумают или сделают. Они сами не знают и не думают.

— Ох, чувствую я себя виноватым, что Алианора бродит по лесам, а тебе придется торчать здесь...

— Ну, мне сюда, глядишь, приволокут какую еду, а госпоже лучше быть там, где она и есть. Я ее понял. Я тебе советом и делом помогу тут, а она там за стенами, если нужда появится.

Пришел гоблин и услужливо объявил, что гостя ждут к обеду. Хольгер пошел за ним сквозь туманно-голубые покои и оказался в таком огромном зале, что едва мог разглядеть его другой конец и светильники под потолком. Сидевшие за столом господа и дамы Фаэра походили на палитру с причудливо перемешавшимися красками. Вокруг них суетились рабы, где-то играла музыка, разговоры и смех звенели посреди тишины, каким-то чудом казавшейся прямотаки осязаемой, словно повисший в воздухе дым.

Хольгера усадили по правую руку Альфрика. А справа от датчанина сидела девушка, представленная ему как Мерривен. Он едва расслышал это имя — так поражен был ее лицом и фигурой. Чувствуя, как становятся ватными ноги, он попытался завязать разговор. Получалось это у него плохо, но она охотно поддержала беседу. Постепенно Хольгер понял, что беседа здесь была изящным искусством: быстрые реплики, поэтически-циничные фразы, всегда с оттенком колкости, построенные по каким-то сложным правилам, которых Хольгер еще не понимал. Ну что же, подумал он, бессмертные, не имевшие других занятий, кроме охоты, войн, магии и интриг, оттачивали искусство софисти-

ки из чистой необходимости, в поисках новых забав. О вилках тут, должно быть, и не слыхивали, но яства и вина были подлинной симфонией. И Меривен, Меривен!

— В самом деле,— шепнула она, не отводя от Хольгера своих дивных очей,— ты незаурядный рыцарь, если добрался сюда. Тот смертельный удар, что ты нанес своему противнику — ах, это поистине прекрасно!

— Ты видела? — спросил он резко.

— Да, в Черном колодце. Мы все смотрели. А вот шутили мы или всерьез посягали на твою жизнь — что ж, сэр'Ольгер, молодому человеку не всегда бывает полезно знать слишком много. Капелька неизвестности хранит его от самоуспокоенности,— она серебристо рассмеялась.— И что же тебя к нам привело?

Теперь улыбнулся он:

— И молодые дамы не должны знать слишком много.

— Ах, мучитель! Но я рада, что ты приехал,— она держалась с ним, как со старым другом.— Я могу так с тобой говорить, благородный рыцарь? Сдается мне, есть меж нами родство душ, хоть временами мы и находимся в состоянии войны.

— Дражайший мой неприятель,— сказал Хольгер. Она с улыбкой опустила глаза. Взгляд Хольгера тоже словно бы приобрел тенденцию не подниматься высоко — о, этот вырез ее платья! Он порылся в памяти, стараясь припомнить как можно больше цитат из Шекспира — ситуация словно специально для них создана.

В этом стиле он и продолжал флирт в течение всего банкета — длившегося, казалось, многие часы. Когда банкет завершился, все общество перешло в зал для танцев, еще более громадный. Едва только зазвучала музыка, герцог Альфрик отвел Хольгера в сторону.

— Отойдем на минуту, мой благородный господин,— сказал он.— Лучше нам, не откладывая, с глазу на глаз поговорить о твоих бедах, чтобы у меня было время над ними поразмыслить. Иначе наши дамы, сдается мне, не оставят тебе времени думать о делах.

— Благодарю вас,— сказал Хольгер, чуточку недовольный — сейчас его такие вещи интересовали мало.

Неспешными шагами они вышли в сад, отыскали скамью, скрытую свисавшими ветвями вербы, уселись. Перед ними приплясывали струйки воды в фонтане, за спинами пел соловей.

— Расскажи, с чем ты ко мне шел, сэр'Ольгер,— предложил герцог.

Не было причин что-либо скрывать. Если Фарпсей располагает силой, способной вернуть Хольгера домой, он должен знать все. Но с чего начать?

Хольгер старался, как мог. Время от времени Альфрик помогал ему вопросами, касавшимися больше мелочей. Ни разу он не высказал удивления, но выслушав Хольгера до конца, глубоко задумался. Уперся локтями в колени, вытянул кинжал из белого металла, с которым не расставался, вертел его в руке словно бы безотчетно и Хольгер прочитал выгравированные на лезвии слова: «Пламенное Острие». Интересно, что бы это могло значить?

— Удивительная история,— сказал Альфрик.— Самая удивительная из всех, что я слышал в жизни. Но мне она кажется правдой.

— Вы... вы можете мне помочь?

— Не знаю... сэр'Ольгер — думаю, только так в дальнейшем к тебе и стоит обращаться. Не знаю. В пространстве кружит множество миров, чародеи и астрологи исстари это ведали, но большинство вселенных — лишь теоретические домыслы, о которых глухо упоминают иные старинные тексты. Слушая тебя, я не впал в несказанное изумление исключительно потому, что сам немало размышлял о возможном существовании другой земли, такой, какой ты ее описал. Это она может как раз оказаться источником многих мифов и легенд — преданий о Фридрихе Барбароссе * или великих эпосов об императоре Наполеоне и его богатырях.

И продолжал оживленнее:

— В моих силах — призвать духов, способных дать совет. Это потребует времени, но мы сделаем все, что можем во имя законов гостеприимства. Думаю, надежды на успех есть, и немалые.

— Вы и в самом деле несказанно добры ко мне,— сказал Хольгер озабоченно.

— Не в доброте дело,— махнул рукой Альфрик.— Вы, смертные, и не представляете, как может наскучить жизнь, не имеющая впереди конца, как пытаешься найти новые развлечения... Это я должен тебя благодарить,— он встал, улыбаясь.— А теперь, сдается мне, ты с превеликой охотой отправился бы танцевать. Развлекись как следует, друг мой.

В зал Хольгер возвращался в приподнятом настроении. Чересчур он поспешил дать оценку Срединному Миру. Не

---

* Фридрих Барбаросса — (1125—1190), германский король, император «Священной Римской империи», полководец.

было никого любезнее и милее Фарисеев. Хольгер любил их.

Едва он вошел, Меривен взяла его под руку и сказала кокетливо:

— Сама не знаю, сэр рыцарь, зачем я подошла к тебе. Ты удалился вдруг, не сказав ни слова, бросив меня в одиночестве...

— Я постараюсь искупить вину,— сказал Хольгер.

Музыка эльфов обволокла его, завладела им. Он не знал сложных фигур величавого танца, но Меривен быстро освоила азы фокстрота, и оказалось, что лучшей партнерши у Хольгера до сих пор не было. Когда закончился бал, он так и не узнал. В один прекрасный миг они с Меривен ускользнули в сад, смеясь, пили вино из фонтанов и назад уже не вернулись. Дальнейшее превосходило лучшие его воспоминания о родном мире. Несказанно превосходило!

8

В этой стране не существовало настоящих рассветов и закатов, светлого дня и темной ночи. Ее обитатели управляли всем этим по своему капризу. Хольгер неспешно пробудился в самом прекрасном настроении. Меривен уже не было. В точности, когда потребовалось, отворилась дверь и вошел гоблин, неся поднос с завтраком. Видимо, они вновь прибегли к магии, чтобы узнать его вкусы — никаких кулинарных изысков родом из Старого Света, добротный американский завтрак: яичница с ветчиной, тосты, гречишные лепешки, кофе и апельсиновый сок. Когда Хольгер уже встал и оделся, пришел Гуги, с довольно-таки озабоченной физиономией.

— Где ты был? — спросил Хольгер.

— Да в саду спал. Показалось, так будет лучше, пока ты... хм, пока ты был занят,— гном присел на скамеечку. Он выглядел коричневым пятном, абсолютно неуместным среди здешнего золота и пурпура. Пригладил бороду:

— Что-то тут такое висит в воздухе, оно мне ужас как не нравится...

— Ты их попросту недолюбливаешь,— сказал Хольгер. Сейчас он думал только о том, что Меривен пригласила его на соколиную охоту.

— Эх, они уж себя подать умеют, голову заморочат винами там разными, дамочками ласковыми,— упирался Гуги,— А ведь особой дружбы меж людьми и Фаэром сроду не было, а нынче, когда Хаос собирается воевать, и тем более. Уж я-то знаю! Да и видел кое-что, когда под кустом лежал. Большие огни светились на самой высоченной башне, и буд-

то бы демон улетел, а уж дыму было! Такой смрад черно-книжья стоял — еще б немного, и кровь бы у меня в жилах свернулась. А потом еще кто-то прилетел с запада, да шумно так, сел на башню и залез внутрь. Похоже, герцог созывает на подмогу разную нечисть.

— Ну, конечно,— сказал Хольгер.— Он мне сам говорил.

— Валя, валяй,— бурчал Гуги.— Пляши, сидя у волка в пасти. А когда тебя мертвым воронам кинут, не говори, будто я не предупреждал...

Хольгер вышел из комнаты и спустился вниз. Под бормотанье гнома ожили остатки здравомыслия. Что если это и в самом деле — ловушка, и его хотят задержать здесь, чтобы он опоздал... Куда? Но, задумай они плохое, могли попросту заколоть его или отравить. Он мог, конечно, победить одного их рыцаря — а напал тот, похоже, исключительно потому, что Хольгер выступил в облике некоего загадочного паладина с тремя сердцами и тремя львами в гербе — но с дюжиной вряд ли справился бы. Или смог бы справиться? Он опустил руку на эфес меча. Приятно все же иметь его при бедре.

Меривен не назначила точного срока — они тут вряд ли мерили время часами. Хольгер слонялся по главному залу. Потом ему пришло в голову, что не мешало бы отыскать герцога и узнать, нет ли новостей. Он остановил понурого раба-гоблина и узнал, что покои хозяина замка находятся в северном крыле, на втором этаже. Весело насвистывая, прыгая через три ступеньки, направился туда.

И оказался там в тот самый момент, когда из двери в противоположном конце зала вышел Альфрик, в сопровождении женщины. Она тут же вернулась в комнату, но Хольгеру хватило и мига, он был ошеломлен. Похоже, этот мир полон невероятных красавиц. Она, несомненно, была человеком — выше женщин Фаэра, но тоже хрупкая; длинные, как ночь, волосы заплетены в косы и увенчаны золотой диадемой; белое атласное платье шуршит по плитам пола. Лицо цвета слоновой кости, нос с горбинкой, дерзость играла в уголках алых губ и сверкающих черных глазах. Положительно, везет этому герцогу!

В глазах Альфрика сверкнул гнев и тут же исчез.

— Доброе утро, сэр Ольгер. Как себя чувствуешь? — герцог склонил голову в приветствии, а его руки диковинно жестикулировали.

— Прекрасно, господин мой,— поклонился Хольгер.— Надеюсь, вы тоже?

— О, ты здесь, несносный мальчишка! Снова хотел от

меня скрыться? — Мериен схватила Хольгера за руку Откуда она взялась, прах ее побери? — Пойдем, кони нас ждут, пора на охоту,— и потащила его за собой, прежде чем он успел опомниться.

Они прекрасно провели время, пуская соколов на журавлей, диких павлинов и других птиц, незнакомых Хольгеру. Мериен весело тараторила, и Хольгер смеялся с ней вместе. Этот анекдот об охоте на василиска... вряд ли он годился для большой компании, где присутствуют дамы, но в самом деле был смешной. И Хольгер полностью отдался бы веселью, но память не давала ему покоя. Та женщина, что была с герцогом — Хольгер ее знал!

Он видел ее какой-то миг, но она до сих пор стояла перед глазами. Хольгер знал, что голос у нее низкий, что она горделива и капризна, что временами бывает приятной, а временами ужасной, но все зигзаги ее настроения — не более чем изменчивый покров, таящий под собой несгибаемую силу воли. Мериен выглядела довольно бледно в сравнении с... как же ее все-таки зовут?

— Ты грустен, господин мой,— девушка из Фаэра накрыла его ладонь своей.

— О, нет. Нет. Я задумался.

— Оставь! Позволь, я чарами разгоню твои думы, они — дитя печали и мать непокоя,— Мериен сорвала зеленую ветку, согнула, взмахнула ею, произнесла несколько слов, и веточка превратилась в арфу. Мериен заиграла, запела любовную балладу. Баллада ему понравилась, но все же...

Они повернули коней, возвращаясь в замок, и Мериен вдруг схватила его за руку.

— Гляди, вон там! — шепнула она.— Единорог. Они тут редко показываются. Он увидел прекрасного белого зверя, шагавшего меж деревьев. На единственном его роге красовалась веточка плюща. Секундочку! Хольгер напряг глаза, всматриваясь в полумрак — что это, кто-то идет рядом с единорогом?

Мериен напружинилась, как пантера.

— Если подкрадемся поближе...— шепнула она. Ее конь двинулся вперед, бесшумно ступая по мягкому мху.

Единорог стал, оглянулся на них, и тут же его не стало — мелькнула, исчезла белоснежная тень. Мериен выругалась с неженской изобретательностью. Хольгер промолчал. Он знал теперь, кто шел рядом с единорогом — на миг его глаза встретились с глазами Алпаноры. Но и она уже исчезла..

— Ну что ж, такова жизнь,— сказала Мериен и они

тронулись дальше, бок о бок.— Но не горюй так, господин мой. Потом, быть может, соберем ловчих и выследим эту тварь.

Хольгер хотел сейчас одного — лицедействовать как можно талантливее. Она никак не должна была почуять, что подозрения его вспыхнули вновь. А ему следует хорошенько все обдумать. Нет, ничто не давало оснований плохо думать о Фаэре, просто вид Алианоры что-то подтолкнул в нем. И ему необходимо посоветоваться с Гуги.

— Прости,— сказал он.— Я тебя покину. Хочу перед обедом принять ванну.

— О, моя ванна достаточно велика для нас обоих и для тех милых проказ, которым я тебя хочу научить,— сказала Мерлвен.

Хольгер жалел, что на нем нет сейчас шлема закрывавшего бы пылающие уши.— Я хотел бы вздремнуть немного, объяснил он неуклюже. И добавил в приливе вдохновения: — Нужно как следует отдохнуть перед ночью. Ради тебя. У меня ведь тут хватает соперников...

И распрощался, прежде чем она успела ответить, почти вбежал к себе в комнату. Гуги, свернувшись клубком на постели, глянул на него. Хольгер склонился над ним.

— Рано утром я видел женщину,— сказал он быстро и тихо, а потом описал ее — не впечатления от сегодняшней краткой встречи, а то, что таилось в глубине его памяти, казалось, годами.— Кто бы это мог быть?

— Хм — м...— протер глаза Гуги.— Похоже, это фея Моргана, королева. Может, это ее самую Альфрик нынче с Авалона и вызвал? Тогда уж наверняка самая отпетая чертовщина готовится...

Фея Моргана! Она! Хольгер был уверен в этом, хотя и не знал, отчего. Авалон — да, он видел этот остров птиц и роз, радуги и чар, но где видел, когда, при каких обстоятельствах?

— Расскажи мне о ней,— настаивал Хольгер.— Все, что знаешь.

— Ох... Ты к ней теперь дорожку бить начнешь? Она не для таких, как ты или даже сам герцог Альфрик. Не задирай глаза высоко — солнце выжжет. А если луна высосет разум, не лучше получится.

— Да нет же, нет! Я просто хочу все знать. Может, удастся догадаться, зачем она здесь.

— Та-ак... Да много-то я не знаю. Авалон, он в западном океане лежит, а о тех краях мы столько знаем, сколько наши старухи болтают. Но знаем мы, что фея Моргана —

сестра Артура, того самого, что был у бриттов последним великим королем. В ней тоже та самая кровь, сильная и дикая, что в их род из Фаэра попала. Это самая сильнейшая ведьма в христианском мире, и у нехристей, да и в Серединном Мире она с любым может потягаться. Она бессмертна и хитрая до ужаса — никто не знает, за Порядок она стоит, или за Хаос, или за себя саму. Говорят, она Артура унесла, когда он лежал смертельно раненый, выходила его и спрятала, чтобы воротился, когда настанет час. Может, так оно и есть, а может, она что коварное и измыслила, чтоб ему воротиться не дать. Ох ты, ну тоска прямо берет под одной крышей с ней быть...

Ничего определенного. Моргана могла прибыть сюда, чтобы помочь Альфрику справиться с бедой Хольгера, но могла и оказаться тут по каким-то своим делам, ничего общего с Хольгером не имевшим. Как бы там ни было, все выглядит довольно странно.

В спальню вошел гоблин.

— Наш милостивый герцог празднество для замковых слуг устраивает,— сказал он.— И ты, гном, зван.

— Гм...— Гуги пригладил бороду.— Спасибо большое, да не хочется что-то, приболел.

Гоблин поднял безволосые брови:

— Плохо на то посмотрят, если весельем пренебрежешь...

Гуги переглянулся с Хольгером. Датчанин кивнул. Быть может, его хотят разлучить с гномом, но если это так, помешать невозможно.

— Иди, Гуги,— сказал Хольгер.— Повеселись.

— Да уж ладно. Береги себя,— и Гуги затопал за гоблином. Чтобы немного подумать, Хольгер улегся в ванну и закурил трубку. Казалось, он угодил в научью сеть. Она такая нежная, милая даже, но из нее не вырвешься. Его охватила паника, хотелось кричать, убегать.

Он овладел собой. Сделать он ничего не может, остается притворяться, будто все в порядке. К тому же подозрения основаны на одних лишь смутных тревогах. И все же...

Пока он нежился в воде, ему принесли новый наряд, бальный. Хольгер надел его, пуговицы и пряжки застегнулись сами собой. Едва он закончил, круглая дверная ручка превратилась в металлические уста и изрекла:

— Его светлость герцог просит позволения войти.

— У-ух! — вскрикнул от неожиданности Хольгер. Справился с собой.— П-п-пусть в-войдет...

Видимо, рабы входили и выходили без позволения, и их

вообще не полагалось замечать, но знатные господа свято хранили право друг друга на одиночество.

Фарисей вошел. Его бледное лицо, лик статуи, растянулось в улыбке.

— Я принес добрые вести,— сказал он.— Посоветовался со многими Силами, и теперь могу с уверенностью утверждать, что велики твои шансы попасть домой.

— Я... вы... не знаю, как благодарить...

— Понадобится какое-то время, чтобы собрать снадобья для чар,— сказал Альфрик.— А пока что... Думаю, ты охотно примешь участие в празднестве, которое мы устраиваем именно по этому поводу. В Бугре Фей.

— Где? А, да, Я его видел.

Альфрик взял его под руку:

— Тогда пойдем? Заверяю, что время ты проведешь прекрасно. Эльфы знают, как сделать человека счастливым.

У Хольгера не было большой охоты участвовать в оргии, но разве он мог отказаться? Они спустились во двор. Там уже собирались обитатели замка — феерический водоворот красок, плывущих отовсюду, потоком изливавшихся по широкой лестнице. К ним подошла Меривен, и Альфрик поручил ее заботам Хольгера.

— Я тебя провожу в Бугор,— сказала девушка.— Не хочу, чтобы тебя похитила какая-нибудь из тамошних красавиц.

— А остальные разве туда не пойдут?

— Попозже. Мы с тобой пойдем первыми. Остальные придут попозже. Увидишь, как мы все продумали.

Хольгер подумал о смертельной ловушке, но тут же отбросил эту мысль — он шел туда не один, а в сопровождении Меривен.

Торжественная процессия вышла из ворот, прошла по мосту и двинулась лугом к усыпанному розами Бугру. За спиной Хольгера легко ступали несшие воинов кони, на концах длинных копий развевались вымпелы, музыканты дули в рога, перебирали струны арф и лютней, сотня господ и дам Фаэра, танцуя, приближалась к Бугру. Хольгер услышал иную музыку, плывшую навстречу. Высокие тона, прелестные звуки проникали в кровь, растекались по жилам, кружили голову. Он улыбнулся Меривен, внезапно воспылав к ней желанием, и светлые, распущенные по плечам волосы девушки закрыли лицо Хольгера, почти ослепив его. Они пахли молодым вином. Бугор отворился. Сквозь застилавшие ему глаза волосы Меривен датчанин увидел там, внутри,

мерцающее сияние и черные силуэты на его фоне. Музыка заставила его ускорить шаги, он не мог больше ждать.

Грохот копыт. Заржал конь, громко и гневно. Обернувшись, Хольгер увидел Алианору, галопом летевшую со стороны леса верхом на Папиллоне. Лицо девушки было искажено ужасом:

— Нет, Хольгер, нет! Не входи туда!

9

За его спиной разразился проклятьями Альфрик. Копье просвистело в воздухе на волосок от девушки. Хольгер замер, оцепенев от изумления.

— Бугор! Волоките его в Бугор! — закричал Альфрик.

Меривен что есть силы тащила его за собой. Трое Фарисеев рванулись вперед, точь-в-точь как регбисты. Хольгера вдруг охватила дикая ярость. Он бросился в бой. Одного свалил прямым ударом, тот рухнул наземь, да так и остался лежать. Правая рука Хольгера описала полукруг, волоча за собой Меривен, и кулак впечатался в обаятельное лицо второго. От третьего Хольгер уклонился. Перед ним вырос всадник, острие копья блеснуло у самой груди датчанина. Он оторвал вцепившуюся в него мертвой хваткой Меривен, поднял ее обеими руками и швырнул в грудь всаднику. Тот вылетел из седла.

Трое конных окружили Алианору. Папиллон взмыл на дыбы, ударил копытами и сшиб одного на землю. Молниеносно развернулся, укусил коня второго всадника. Тот жалобно заржал и галопом понесся прочь. Третий попытался проткнуть Алианору мечом. Она увернулась и спрыгнула с коня.

— Гей! — она прыгнула прямо в объятия разодетого в бархат Фарисея. Тот схватил ее, осклабясь. Но мигом позже он держал уже лебедя, а прав у лебедей скверный.

— Ой! — завопил он, получив клювом в глаз.

— Ой-е-ей! — это удар крыла едва не сломал ему нос.

— Спасите! — это клюв Алианоры зажал ему палец. Всадник разжал руки, выпустил лебедя и пустился в бегство.

Господа из Фаэра вертелись вокруг Хольгера, острия их мечей секли и кололи незащищенное броней тело. Он был слишком разъярен, чтобы чуять боль. Какая-то часть его мозга холодно удивлялась небывалой удаче, позволившей ему пока что отделаться царапинами. Но удача ли это? Он отвесил ближайшему противнику полновесный удар, завладел его мечом и крутил им, отмахиваясь. Меч был легче железного, его легко удержать одной рукой, но лезвие

острее бритвы. Воин целился ему в голову топором. Хольгер левой рукой перехватил топорище, вырвал его из пальцев врага. Защищался мечом и топором.

Папиллон атаковал толпу с тыла, лягался, кусался, топтал и пробился вскоре к своему хозяину. Нога Хольгера тут же нащупала стремя. Он взлетел в седло. Конь взял с места галопом.

Сзади застучали копыта. Обернувшись, Хольгер увидел несущихся вслед рыцарей Фаэра. Их кони были быстрее. Отнятое у врага оружие Хольгер бросил, а его копье Алианора, понятно, не могла принести, пока была в образе лебедя. Но его меч и щит висели у седла. Хольгер схватил их. Но было времени развязывать вьюк и доставать доспехи.

Сбоку летела белая лебедица. Вдруг она метнулась в сторону и в то место, где она только что была, ударил упавший сверху орел. Хольгер задрал голову. Огромные орлы один за другим падали с неба. Господи боже, они превращаются в орлов, теперь они ее достанут... Клювом и крыльями Алианора пробила себе дорогу и бросилась в лес, уже в человеческом обличье, теперь она могла скрыться от орлов-оборотней в чащобе. Но как ей уйти от погони, скачущей по земле?

Папиллона догнал всадник. Герцог Альфрик с мечом в руке. Длинные серебристые волосы развевались вокруг улыбавшегося как ни в чем не бывало лица. Сквозь грохот копыт, шум ветра в ушах и вой охотничьих рогов Хольгер отчетливо расслышал голос герцога:

— Посмотрим, сэр 'Ольгер из Дании, непобедим ты или нет!

— Охотно! — датчанин повернул коня. Альфрик напал справа, где не было ни щита, ни брони, но датчанин об этом не думал. Его тяжелый меч ударил наотмашь, скрестился с легким клинком Фаэра. Меч Альфрика отскочил вбок. С ловкостью, какой он от себя не ожидал, Хольгер зацепил лезвием изогнутый эфес и что было сил крутанул кистью. Меч вылетел из руки герцога. Альфрик подскакал совсем близко, его левая рука выстрелила вперед, как голова атакующей кобры, схватила руку Хольгера на рукоятке меча. Герцог не смог бы долго удерживать более сильного противника, но ему нужен был лишь миг — чтобы выхватить из-за пояса кинжал.

Хольгер извернулся в седле. Он не успел заслониться щитом, но успел ударить его стальной оковой руку с кинжалом. Герцог взвыл. Дым повалил от его руки, Хольгер почуял смрад обожженной кожи. Белый конь бешеным галопом унес герцога вдаль. Великие Небеса, Хольгеру не солгали!

Тела Фарисеев не выносят прикосновения железа!

— Ну, подходите, твари! Есть для вас кое-что!

Налетевшие всадники что есть мочи осадили коней и рассыпались в стороны. Хольгер увидел бегущих к нему лучников. Вот это уже гораздо хуже. Издалека они могут засыпать его стрелами. Как сумасшедший, Хольгер помчался к ним, решив расстроить их боевые порядки.

— Гу-гу — рычал он.— Эге-гей, тигр идет!

Конные рыцари бросились прочь, но лучники не шелохнулись. Стрела свистнула возле уха.

Фарисеи взвыли! Вонзили шпоры в конские бока, побросали луки, галопом брызнули во все стороны, словно разбросанные взрывом. И это правда, подумал Хольгер триумфально, они не выносят своих имен. Следует это запомнить. Вот только... почему, ничуть о том не думая, он выкрикнул молитву по-латыни? Ему захотелось обрушить им на головы всю небесную иерархию, но Хольгер решил не перегибать палку. Одно дело — творить искреннюю молитву, и совсем другое — призывать святые имена, чтобы потешиться чужим страхом; счастья это безусловно не принесет. (Откуда он это знает? Просто знает и все тут). Он ограничился тем, что показал на запад, выкрикивая:

— Гей, го, серебро!

Потому что молва гласила: Фарисеи не выносят серебра.

Что-то блеснуло в истоптанной траве. Нагнувшись с седла, Хольгер поднял оброненный герцогом кинжал. Оружие ничуть не выглядело необыкновенным, но очень острое, легкое, как пушинка. Однако надпись гласила: «Пламенное Острие». Хольгер засунул его за пояс, надеясь, что кинжал когда-нибудь да пригодится, окажется подходящим талисманом.

Теперь — Алианора. Он медленно поехал вдоль стены деревьев, громко зовя девушку по имени, но ответа не дождался. Радость триумфа мгновенно улетучилась. Если она погибла... пусть их ад проглотит! Дело даже не в том, что теперь он остался один-одинешенек — она была прелестным ребенком и спасла ему жизнь. Глаза у него защипало: и чем же он ей отплатил? Хорош друг — жрал, пил и гонялся за юбками, пока она спала в холодной росе и...

— Алианора!!!

Никакого ответа. Вообще ни звука. Ветер отправился на ночлег, замок скрылся в сгустившемся мраке, лес стал стеной ночи. Ни звука, ни шевеления. Хольгер был единственным живым существом посреди туманного мрака. Он подумал беспокойно: больше здесь оставаться нельзя. Фарисеи вско-

ре что-нибудь да придумают. Они могут призвать на помощь союзников, не боящихся ни железа, ни божьего имени. Фею Моргану, например. Если уж бежать, то не откладывая.

Он поехал на запад вдоль стены леса, зовя Алианору. Мгла сгустилась, всплывая от земли белыми клубами и струями, глуша стук копыт Папиллона, перехватывая Хольгеру дыхание. В гриве коня поблескивали капли, щит блестел от влаги, Хольгер видел теперь метра на два, не больше, мир вокруг сузился, стал маленьким и тесным.

Штучки Фарисеев, подумал Хольгер, и вдруг подступил страх. Его ослепили, теперь не так уж трудно будет одолеть. Хольгер пустил Папиллона галопом. Воздух был насыщен холодной сыростью, но губы у датчанина пересохли.

Что-то замаячило впереди в клубящейся серости, неясное, неразличимое.

— Эй, кто там? — крикнул он.— Стой, или худо будет!

В ответ раздался смех — не глумливый хохот Фаэра, а юный, звонкий смех.

— Хольгер, это я. Я искала себе коня. Мы ведь не можем пускаться в дальнюю дорогу, которая нас ждет, вдвоем на одном коне, а крылья мои устают быстро.

Она появилась из мглы — стройная фигурка в белой тунике из перьев. Капли росы блестели в ее волосах. Под ней был единорог, наверняка тот самый, что встретился Хольгеру с Мерлвен. Он приглядывался к датчанину умными глазами цвета оникса и держался поодаль. Впереди девушки, сгорбившись, примостился гном.

— Я вернулась поискать нашего малыша,— пояснила девушка.— А потом позвала моего единорога. Забери к себе гнома — единорог чужого долго на своей спине не потерпит.

Хольгеру стало невыносимо стыдно. Он совсем забыл о Гуги. А разъяренный герцог Альфрик наверняка быстро расправился бы с гномом. Хольгер взял из рук Алианоры маленького человечка и посадил перед собой.

— И что теперь? — спросил он.

— Теперь лучше галопом припустить, чтобы побыстрее с этой паршивой земли убраться,— буркнул Гуги.— Чем быстрее в порядочных краях очутимся, тем больше надежды, что живы останемся и всем расскажем, в какое дурное дело впутались.

— Резонно... Но боюсь, мы в такой мгле не найдем дороги.

— Я буду время от времени взлетать и искать путь,— заявила Алианора.— И мы их перехитрим.

И они двинулись напрямик сквозь сырую непроглядную

мглу. Горячка боя покинула Хольгера. Теперь он остро ощущал свою никчемность. На что он способен, кроме как втягивать добрых, великодушных людей вроде Алианоры в смертельно опасные авантюры? Что он сделал, чтобы отработать хотя бы съеденный хлеб? Бездельник, оставшийся в живых благодаря их милосердию.

Он вспомнил вопрос, для которого было сейчас самое время:

— Гуги, а чем мне грозил Бугор?

— Не знаешь? — удивленно взлетели густые брови гнома.— Потому-то они меня от тебя и убрали. Чтоб не упредил... Удивительные штуки в Бугре Фей со временем происходят. Всего одну ночь ты б там провел за утехами, а вышел оттуда — и окажется что тут сто лет минуло. А за то время они б и сделали все, в чем ты им, похоже, на дороге стоишь.

Хольгера пробила дрожь.

Совершенно иначе нужно взглянуть на свою роль в этом мире. Не такие простачки были герцог Альфрик и фея Моргана, чтобы спутать Хольгера с тем богатырем, хозяином щита с тремя сердцами и тремя львами... Выходит, он сам, собственной персоной, Хольгер Карлсен, сирота и эмигрант, каким-то непостижимым образом стал одной из центральных фигур надвигающегося кризиса. Но о чем идет речь? Перенесшись сюда из другого мира, что он обрел? Нимб святого? Как бы там ни было, силы Хаоса пытались его привлечь на свою сторону, а когда это им не удалось, хотели убить.

Ошеломляющее гостеприимство со включенной в счет Мерлвен — попытка приручить. Девушка водила его за нос, пока Альфрик вызывал фею Моргану и советовался с ней. И наверняка они решили, что рисковать не стоит, что следует, используя невежество Хольгера в здешних делах, заточить его в Бугре Фей на ближайшие сто-двести лет.

Но почему они попросту не всадили ему нож под ребро? Сделать это не составляло ни малейшего труда. Быть может, нападение пустого внутри рыцаря как раз и было первой пробой сил? Когда оно закончилось, Альфрик изменил тактику и решил устроить ловушку. Но кто предупредил о нем герцога? Несомненно, Мамаша Герда... Демон, которого она призвала, рассказал ей о Хольгере что-то такое, отчего она тут же обратилась к своим могущественным знакомцам из Фаэра. Никаких сомнений: с помощью магии она передала какое-то сообщение о нем. И уверена была, Альфрик с ним покончит.

Но что ей мог сказать демон? И что измыслит Середин-

ный Мир теперь, когда подвели и магия, и сила, как они будут стараться достать Хольгера?

В любом случае эта дорога домой для него теперь отпадает. Нужно поискать другую. Судя по тому, что он слышал и видел, кроме черных магов есть еще и белые. Быть может, следует обратиться к одному из них. И не стоит впутываться в местные конфликты, если можно этого избежать. Хватит с него одной войны! Альфрику быть бы благоразумнее и отослать Хольгера домой...

Но все указывает на то, что Альфрику это просто-напросто не под силу.

Басистый хохот раздался во мгле — грубый, отвратительный. Хольгер так и подскочил в седле. Гуги заткнул уши пальцами. Раздался шум кожистых крыльев. Но ничего они не увидели — только сырая мгла.

— Похоже, он перед нами,— сказал Хольгер. Если свернуть...

— Нет,— губы Алианоры дрожали, но голос звучал решительно.— Это они хотят сбить нас с пути. Если станем блуждать в этом тумане, тогда уж точно придется распроститься с надеждой.

— Хорошо,— сказал Хольгер. Казалось, горло его набито песком.— Я поеду первым.

Нервы были на пределе; бесформенные тени скользили, перемещались на границе мрака, воздух был полон шипенья, чавканья, еканья, вытья и хохота. Перед Хольгером возникла вдруг слепая страшная морда, она висела во мгле, кривясь и гримасничая. Хольгер упрямо ехал вперед, и видение растаяло. Гуги зажмурился и твердил, как заведенный:

— Я был хорошим гномом. Я был хорошим гномом.

Казалось, минула вечность, прежде чем мгла рассеялась. Они достигли рубежей страны полумрака. Паппилон с единорогом первыми почуяли солнце, пустились галопом и вырвались на свет, приветствуя его громким ржанием.

День клонился к вечеру. Они вышли из мрака не там, где входили. Длинные тени скал и высоких хвойных деревьев падали на холмы, густо поросшие колючим кустарником. Холодный ветер стегнул Хольгера по лицу. Поблизости шумел водопад. Обычный мир. После проведенных в Фаэре дней (сколько их, кстати, прошло?) пейзаж этот брал за сердце.

— Когда наступят сумерки, Фарисеи бросятся в погоню,— сказала Алианора.— Но здесь их чары не имеют той силы, так что наши шансы растут.

Ее голос был тусклым от усталости. Хольгер тоже был страшно утомлен. Они заставили скакунов бежать быстрее, чтобы до захода солнца отъехать как можно дальше. На ночлег устроились высоко на склоне холма, заросшего соснами. Хольгер срубил мечом две прямых ветки и смастерил из них крест. Воткнул его в землю у костра — огонь они собирались поддерживать всю ночь. Гном предпринял гораздо более языческие предосторожности — выложил большой круг из камней и железных предметов, бормоча под нос заклинания.

— Теперь, думаю, нам удастся пережить ночь,— сказала Алианора, улыбнулась Хольгеру.— Я еще не сказала тебе... Ты прекрасно сражался там, в замке. Ах, великолепное было зрелище!

— Ну... вообще-то... спасибо...— Хольгер уставился на свои сапоги, ковырял землю носком.

Ему было приятно, что им восхищается прелестная девушка, и все же... Он сам не знал толком, в чем тут дело. Чтобы скрыть смущение, сел к костру и осмотрел отнятый у Альфрика кинжал. Костяная рукоять, непропорционально большая чашеобразная гарда, узкое лезвие, изготовленное, как показалось Хольгеру, из магния. Чистый, без примесей магний чересчур мягок для серьезного оружия, к тому же легко воспламеняется. Но Хольгер решил поберечь кинжал, вспомнив, что Альфрик им определенно дорожил.

Покопавшись во вьюке, средн безобидного снаряжения путешественника кроме бутылки с маслом Хольгер отыскал запасной кинжал, а ножны прикрепил к своему поясу рядом со стальным кинжалом и вложил в них кинжал из магния. Алианора тем временем готовила ужин из остатков съестных припасов.

Ночь сомкнулась за ними, Хольгер, которому выпало стоять третью стражу, растянулся на мягкой подстилке из веток. Костер ало светился, веяло теплом. Нервы датчанина успокоились. Но уснуть никак нельзя, не тот случай. А жаль. Сон ему необходим.

Он проснулся от того, что Алианора трясла его за плечо. В изменчивом мигающем свете костра ее глаза казались огромными. Она хрипло шепнула.

— Послушай! Там кто-то есть!

Он вскочил, схватил меч и попытался проникнуть взглядом в окружающую их темноту. Да, теперь и он слышал — легкий топот множества ног, теперь и он видел — отблески пламени в чужих раскосых глазах.

Над самым его ухом взвыл волк. Хольгер подпрыгнул,

наугад взмахнул мечом. Ему ответил хохот, пронзительный и жуткий. «Ин номине Патрис — поспешно начал было Хольгер молитву, но из множества глоток вырвался дикий гогот. Либо эти твари не боятся святых имен, либо находились в безопасном отдалении. Скорее всего — первое. Глаза Хольгера привыкли к темноте, и он различил тени, сновавшие вокруг зачарованного круга. Тени чудовищ.

Гуги скорчился у самого костра, громко стуча зубами. Алианора ойкнула, Хольгер обнял ее свободной рукой. Девушка дрожала всем телом.

— Только спокойно,— сказал он.

— Это посланцы Фаэра,— шепнула она.— Жители ночи. Они со всех сторон, Хольгер! Никогда еще они меня не брали так в кольцо. Не могу я на них смотреть! — она спрятала лицо на его груди, сжала плечо, вонзив ногти.

— Для меня это тоже новое впечатление,— сказал он. Странно, он нисколечко не боялся. Эти твари в самом деле выглядели омерзительно, но к чему на них таращиться, если можно смотреть на Алианору? Ах, как жаль, что я флегматик!

— Им до нас не добраться, милая,— сказал он,— они давно бы это сделали, если бы могли.

— Но... но..

— Я видел загороженную плотиной реку, которая могла бы затопить огромные пространства. И никто не боялся Все знали, что плотина выдержит.

Но тут же задумался: а каков коэффициент безопасности их магического круга? Наверняка у здешних чародеев есть нечто аналогичное таблицам сопротивления материалов, и там наверняка отыщутся данные такого рода. А если нет, то они наверняка способны, твари, коэффициент такой вычислить... Но почему-то снова эти скрытые в глубинах памяти воспоминания? — он был уверен, что защита лагеря достаточно сильна.

— Нужно сохранять спокойствие,— сказал он.

— И все обойдется. Они нам ничего не сделают, разве что спать не дадут своим адским гвалтом.

Девушка дрожала, и Хольгер поцеловал ее. Она вернула поцелуй — неуверенно, неумело. Хольгер усмехнулся, глядя на сброд из Срединного мира — ну-ну, сынки, учитесь...

10

Враги ушли задолго до рассвета. Гуги объяснил, что твари спешат вовремя укрыться в своем логове. Хольгер задумался — какая часть спектра солнечного излучения невы-

носима для бестий? Актинические лучи? Если так, не мешает раздобыть ультрафиолетовую лампу.

Вот она, разгадка тайны магниевого кинжала Альфрика! Форма его не случайна. При нужде, окруженный врагами из Срединного Мира, герцог мог поджечь магниевое лезвие. Чашеобразная гарда защитила бы его руку от интенсивного ультрафиолетового излучения, другой рукой можно закрыть лицо — плащом, допустим. Врагу оставалось бы одно — пуститься в бегство. Ну что ж, такая вещичка может пригодиться и простому смертному...

Не выспавшись ночью, Хольгер, Алианора и Гуги вздремнули часа два перед завтраком. Проснувшись, Хольгер обнаружил, что он совершенно голый. Одежды, в которые его нарядили в Фаэре, улетучились. Чересчур уж мелкая пакость для герцога, подумал он. К счастью, Алианора еще спала. Вряд ли она была чересчур уж шокирована, но вот каково было бы ему? Он быстренько натянул прежнюю дорожную одежду, надел кольчугу и шлем.

Необыкновенно бодрые, они собирались в дальнюю дорогу. Алианора долго устраивалась на спине единорога. Для Хольгера оставалось загадкой, как она управляется с этим пугливым животным.

— И куда же нам теперь? — спросил он.

— Я знаю одно,— сказала девушка.— Лучше всего — как можно быстрее добраться до поселений людей. Сейчас на нас наверняка охотится весь Фаэр, Хольгер,— назвала она его по имени, восхищенно ему улыбаясь.— Но существа, лишенные души, не смеют приближаться к церкви, поэтому нам нужно ехать туда, где живут люди и есть церковь. И искать защиты у могущественной белой магии.

— А где?

— Я знаю одного чародея, он живет в городе Тарнберг. Сердце у него доброе, и он весьма искусен в своем ремесле. К нему нам и нужно ехать.

— Хорошо. Но что будет, если эта местная знаменитость не в силах окажется играть против сборной высшей лиги? — увидев, как ее глаза из восхищенных становятся невыразимо удивленными, он добавил: — Я хочу сказать: что, если этот местный практик не сможет бороться с такими мастерами, как Альфрик или фея Моргана?

— Тогда поедем в Империю. Она лежит далеко на западе, путь туда долог и опасен, но там охотно примут могучего рыцаря,— она вздохнула, ее глаза затуманились.— А со времен Карла там не было рыцаря, равного тебе.

— Какого Карла? Кто он был? Я слышал уже это имя.

— Это основатель Святой Империи. Король, воздвигший могущество христианства и загнавший сарацин назад в Испанию. Шарлемань, Королус Магнус *, ты о нем наверняка слышал.

— Гм... может быть,— Хольгер порылся в памяти. Трудно определить, какая часть его познаний происходила из родного мира, какая — из тех необъяснимых воспоминаний, все чаще оживавших в нем.

— Ты имеешь в виду Карла Великого? — Некоторые его называют и так. Я вижу, слава о нем достигла даже твоей Южной Каролины.

— Рассказывают, у него было много храбрых рыцарей, но я слышал только предания о Роланде. О том, что пал в ущелье Ронсеваль.

Голова у Хольгера закружилась. Неужели он действительно оказался в прошлом? Нет, невозможно. Однако Карл Великий — историческая личность.

Он вспомнил еще предание эпохи Каролингов — «Шансон де гест», романсы средневековья и народные баллады. Все сходится — страна магов и сарацины, девы-лебеди и единороги, чернокнижье и Бугор Фей, Роланд и Оливье. Господи боже, неужели он ухитрился попасть в... книжку сказок?

Нет. Исключено. Разумнее всего и дальше держаться убеждения, что это — иная вселенная, иной пространственно-временной континуум со своими законами природы, отличавшимися от земных. Если допустить существование множества таких вселенных, любая из них может отвечать своим собственным стандартам, даже если стандарт этот — доренессансная европейская мифология.

Но не так все просто. Слишком многим его воспоминаниям и знаниям отыскались здесь аналогии — значит, не случайно, не без причины угодил он именно в этот мир. Похоже, между его родным миром и этим существует какая-то связь. Сходство не ограничилось географией и астрономией — с историей то же самое. Здешний Карл вряд ли полностью соответствует земному Карлу Великому, но оба играли схожую роль в истории своих миров. Барды, поэты, прорицатели и прочие летописцы как-то ухитрились подключиться к линии связи, соединявшей оба мира — па-

* Карл Великий (742—814) — французский король и император из династии Каролингов, создатель обширной империи. Впоследствии он и его рыцари стали персонажами многочисленных легенд. Шарлемань, Каролус Магнус — французский и латинский варианты его имени.

писанные ими тома были ближе к истине, чем полагали они сами.

Несомненно, в игре участвовали не только два континуума. Быть может, все существующие. Каждая из неисчислимых Вселенных может оказаться лишь повернутой под иным углом частицей одного — единственного бытия. Хольгер не стал развивать эту гипотезу. Были более насущные вопросы. Что еще в этом мире можно идентифицировать?

Гуги говорил, что фея Моргана — сестра короля Артура. Того самого! Хольгер жалел теперь, что мало интересовался древними легендами — остались только смутные воспоминания о читанных в детстве книгах.

Среди паладинов Карла были Роланд, Оливье, Гуон... Стоп! Откуда я знаю Гуона? Перед глазами встало темное, диковинное лицо, вспомнились язвительные шутки, часто приводившие окружающих в ярость. Гуон де Бордо, ну да, в конце концов он покинул их и стал королем, герцогом или чем-то таким — в Фаэре! Но откуда я все это знаю?

Размышления его прервало басовитое бормотанье Гуги. Воспоминания, почти уже всплывшие на поверхность, вновь скрылись где-то в закоулках памяти.

— Веселенькая же ждет нас дорога, что ни ночь придется слушать вытье этих ихних длинноногих бестий...— жаловался гном.

— Вряд ли они вернутся,— сказала Алианора.

— Им это никакой выгоды не принесет, особенно сейчас, когда начались сборы на войну,— она нахмурилась.— Но Фаэр, несомненно, попробует что-нибудь другое. Альфрик не из тех, что легко выпускают добычу.

Бодрости это заявление не прибавило.

Они поднимались все выше в горы, по указанию девушки держа путь на северо-восток. К полудню оказались довольно высоко. Отсюда их взорам открылись все стороны света — стена мрака на горизонте, граница Фаэра осталась далеко позади, а впереди вздымались голые скалы, в которых еще предстояло найти проход; в глубине расщелин шумели пенные воды ледяных ручьев. По бледному небу ветер гнал растрепанные клочья облаков, солнце светило ярко, но не грело.

На обед они остановились у подножья высокого откоса. Хольгер с трудом рвал зубами хлеб каменной твердости и смахивавший на резину сыр, наконец не удержался:

— Неужели Дания — единственная страна, где люди умеют делать порядочные бутерброды? Если бы мне дали немножко белого хлеба, креветок, яйца и...

— Ты умеешь готовить? — с уважением гляпула на него Алпанора.

— Не так уж пскусно, но...

Она придвинулась ближе, приближалась к его плечу. Хольгер был этим слегка сконфужен.

— Когда подвернется случай,— промурлыкала она,— я раздобуду все необходимое, и мы с тобой устроим маленький пир для двоих.

— Хм,— сказал Гуги.— А пойду-ка я погодой полюбуюсь.

— Эй, вернись! — крикпул Хольгер, но гном уже скрылся за выступом скалы.

— Гуги — добрая душа,— сказала Алпанора, обвив руками шею Хольгера. Знает, как поступить, когда девушка ищет утешения.

— Слушай... ты очень красивая, я тебя очень люблю... Но... То есть... А, да пропади оно все пропадом! — Хольгер притянул ее к себе.

Гуги едва не налетел на них с разбегу.

— Дракон! — завопил он.— К нам дракон летит!

— Что? — Хольгер отстранил Алпанору, вскочил на ноги. — Кто? Где?

— Дракон, огнедышащее чудовище, ой-ой, Альфрик его паслал, он уже тут! — Гуги обхватил колени Хольгера.— Спаси нас, великий рыцарь! Разве не твое это ремесло, убивать драконов?

Папиллон зафыркал, дрожа. Единорог убегал, Алпанора бросилась следом, зовя его свистом.

Он остановился на миг, девушка вскочила ему на спину, и оба исчезли с глаз. Хольгер схватил Гуги, прыгнул в седло и поскакал следом.

Выехав на вершину холма, он увидел дракона. Чудовище летело с севера, до него было больше полумили, но грохот его крыльев уже ударил в уши Хольгеру. Футов пятьдесят длиной, прикинул датчанин в панике. Пятьдесят футов, покрытых панцирной чешуей мускулов, огромная змеиная голова, пасть, способная проглотить человека в два глотка, перепончатые крылья, стальные когти. Папиллона не нужно было понукать. Конь обезумел от страха и в беге почти не уступал единорогу. Искры брызгали из-под его подкованных копыт. Но грохот подков по камням уже не слышен был в шуме драконьих крыльев.

— Ой-ой-ой! — верещал Гуги.— Зажаримся живьем!

Дракон опустился ниже, нагоняя их с ужасной быстротой. Хольгер оглянулся — из зубастой пасти валили дым и

пламя. Как ни дико это выглядело, но датчанин задумался на миг о метаболизме дракона. Интересно, что за поправка к законам тяготения позволяет этой махине держаться в воздухе? В нос ударил смрад двуокиси серы.

— Смотри! Вон туда! — раздался крик Алианоры.— Туда он за нами не пролезет!

Хольгер увидел узкий вход в пещеру и крикнул:

— Нет! Только не туда! Это верная смерть!

Глаза ее были круглыми от страха, но она послушно направила единорога в другую сторону. Хольгер ощутил волну жары. Господи, в той дыре дракон зажарил бы их, пару раз дохнув!

— Нужно найти воду! — крикнул он.

Они неслись под гору, шум крыльев и рев пламени наплывали все ближе. Хольгер выхватил меч. Но на что тут надеяться? Дракон изжарит его в доспехах.

Однако Алианора, быть может, спасется.

Он не думал, отчего пришла в голову мысль про воду. Не было времени гадать. Бежать, бежать — по холмам, над пропастью в ущелье. Папиллон пронзительно взвизгнул — его задело пламя.

Они проломились сквозь заросли кустарника. Там текла речка, зеленая и быстрая, шириной футов в тридцать. Папиллон прыгнул. Единорог следом. Они остановились посреди потока. Ледяная вода колола ноги сотнями игл.

Дракон приземлился на берегу. Выгнул спину и зашипел, как разгневанный локомотив. Боится воды, сообразил Хольгер. Или об этом помнило подсознание датчанина?

— Он взлетит, схватит нас и унесет,— еле выговорила Алианора.

— Тогда — вниз, в воду! Хольгер соскочил с седла, встал на каменистом дне. Ледяной поток едва не сбил его с ног, напирая на грудь. Алианора и Гуги цеплялись за хвосты скакунов.

— Когда он нападет, ныряйте! — крикнул Хольгер.

Но в ледяной воде долго не продержишься. Они в ловушке. Ловушка идеальная.

Дракон неуклюже взмыл в воздух. Навис над ними, заслонив солнце. Медленно опускался все ниже, из разверстой пасти ударило пламя.

Пламя! Хольгер бросил меч в ножны, сорвал с головы шлем и зачерпнул воды. Дракон бросился на них. Хольгер заслонил глаза левой рукой и наугад выплеснул воду.

Вмиг его окутало облако пара. Дракон взревел так, что барабанные перепонки едва не полопались. Чешуйчатое

тело выгнулось, шея моталась туда-сюда, хвост молотил по воде. Хольгер выругался и выплеснул новую порцию воды прямехонько в пасть.

Дракон оглушительно взвыл. Медленно, словно одурманенный болью, поднялся ввысь и улетел на север. Но шум его крыльев слышался еще долго.

Хольгер пытался отдышаться. Непомерная усталость охватила его, но он стоял, не шевелясь. Когда чудовище исчезло с глаз, он помог друзьям выйти на берег.

Хольгер, Хольгер! — Алианора прижалась к нему, вся дрожа, плача и смеясь.— Как тебе это удалось? Как ты его победил, лучший из рыцарей, любимый мой, мой герой?

— Да ничего особенного,— Хольгер осторожно ощупал лицо. Так и есть, несколько волдырей.— Хватило скромных познаний в термодинамике.

— Это такой новый вид магий? — спросила она с уважением.

— Да нет, никакой магии. Видишь ли, раз дракон дышит огнем — значит, внутри у него температура выше. Я ему влил в глотку несколько литров воды, и получился небольшой взрыв, как в паровом котле,— он с деланным безразличием махнул рукой.— В самом деле, ничего трудного.

11

Проехав несколько миль, они наткнулись на долину среди скал, прогретую солнцем. Там росли буки и тополя, окруженные высокой травой и цветущей примулой; тихо журчал ручей, взлетела стая скворцов. Великолепное место, словно самой природой предназначенное для отдыха людей и животных.

Когда был смонтирован магический круг, Алианора зевнула — и это выглядело пленительно — улеглась поспать. Гуги уселся под крестом, строгая что-то подаренным кинжалом. Хольгер почувствовал странное беспокойство.

— Пойду-ка я осмотрюсь,— сказал он.

— А не опасно это, уходить в одиночку? — спросил гном. Потом ответил сам себе: — Ну да, кто осмелится напасть на победителя дракопов?

Хольгер покраснел. Сегодня он был героем дня, но слишком хорошо знал, что виной всему счастливый случай, и не более того.

— Я далеко отходить не буду.

Он закурил трубку и побрел не спеша, напевая под нос. Идиллический пейзаж: луг, деревья, цветы, ручей. Папиллон и единорог пасутся бок о бок, выводит трели дрозд. Если

бы не боль от ожогов, Хольгер завалился бы в тенечек и предался мыслям об Алпаноре. Нет. Не будем об этом. Нужно подумать о более важных вещах. Нужно взглянуть правде в глаза: здесь, в этом мире он, Хольгер — фигура не из последних, если не ключевая. Вспоминая все происшедшее, приходишь к выводу: отнюдь не случайно на месте пробуждения его ожидали одежда и оружие, сработанные по его мерке, не случайно там оказался Папиллон, необычайно сильный и умный. В Фаэре визит Хольгера вызвал замешательство. Что удивительно, его не смогли убить, хоть он и был в делах этого мира полным профаном... Ну что же, Карл Великий существовал в обоих мирах, и Хольгер — чей-то двойник? Но чей? Как, почему, зачем?

Он уже потерял костер из виду. Шагал напрямик, пытаясь сложить все, что увидел и узнал, в мало-мальски осмысленное целое. Конфликт Порядка с Хаосом выглядел чем-то большим, нежели религиозными распрями. Скорее это — фактор, оказывающий огромное влияние на здешнюю жизнь. Хольгеру это напоминало второй закон термодинамики — Вселенная как физическое тело стремится к хаосу и равномерному рассеянию энергии. Быть может, здесь эти тенденции нашли более... антропоморфное выражение. Минутку! Разве не так обстоит дело в его собственном мире? Чем он противостоял, сражаясь с фашистами, если не оживившими признаками прошлого, которых цивилизованное человечество считало погребенными навсегда?

Здесь схожий, с великими трудами установленный порядок пытались сломать дикие твари из Среднего Мира, жаждавшие распространить на весь мир Хаос, первобытное состояние, при котором возможно все, что угодно, не существует никаких законов и моральных запретов. По другую сторону баррикад встали люди чести и долга, всегда готовые поддерживать и распространять Порядок, безопасность, ответственность. Христианство, иудаизм, даже мусульманство всегда косо смотрели на магию — она более близка Хаосу, чем упорядоченной, управляемой законами физики природе. Но нужно отдать должное обеим сторонам: у науки были свои прихоти, у магии — свои законы. И для строительства самолета, и для создания ковра-самолета необходимым был определенный ритуал. Мамаша Герда упомянула как-то, что сверхъестественное равнодушно служит кому угодно. Потому-то Роланд, умирая в ронсевальском ущелье, пытался сломать Дюрандаль — чтобы чудесный меч не достался маврам; переменив хозяина, грозное оружие не потеряло бы своей мощи...

Симметрия эта впечатляет. В родном мире Хольгера силы природы были могучими и постижимыми, а силы магии и психики — слабыми, неуловимыми. Здесь все обстояло как раз наоборот. Оба мира каким-то непостижимым образом составляли одно целое. И там, и здесь борьба Порядка с Хаосом достигла критической точки. Что касается силы, создавшей это подобие и единство — быть может, Хольгеру следует, пересилив себя, назвать ее богом. Но он слабо разбирался в теологии. Предпочитал держаться вещей, которые поддаются практическому исследованию — дел повседневных, будничных проблем — насущных. А к таковым безусловно относился вопрос: зачем он здесь?

Разгадка постоянно ускользала. Свою жизнь в родном мире он помнил с детства, с детских лет до перестрелки на берегу поблизости от Кронборга. Но у него была и другая жизнь — знать бы только, где и когда. Воспоминания о ней у него украли. Нет, скорее, они затаились глубоко в подсознании и всплывали лишь после сильного потрясения, в необычных ситуациях.

Снова он что-то вспомнил. Кортана. Где он слышал это имя? Ага, от Гуги. Кортана — это меч. В нем скрыта великая магическая сила, но сейчас он укрыт где-то вдалеке от людских глаз.

«В древние времена, когда мечи сверкали на бранном поле, я держал Кортану в руке!»

Он обогнул дерево. И увидел фею Моргану.

Застыл, изумленный. Сердце колотилось, как молот. Моргана подошла ближе, купаясь в золотом свете, процеженном сквозь зеленые кроны. Она соткана из прекрасных красок. ее платье — как снег, ее уста — как коралы, ее волосы — сверкающая черная глубь горного озера, взбудораженная бурей. Ее голос обволакивает:

— Здравствуй, Хольгер! Ах как много времени прошло!

Он пытался сохранить хладнокровие. Но не смог. Моргана взяла его руку в свою, улыбнулась, и это было, как удар:

— Ах, как я скучала без тебя...

— Без меня? — его голос сорвался.

— О ком же другом речь? Ты что же, все забыл? — обращение на «ты» звучало в ее устах как нежная ласка.— Да, надолго же над тобой сомкнулась темнота... очень долго тебя не было, Хольгер.

— Н-н-но...

Она засмеялась, и это был обычный человеческий смех —

словно вся она была смехом в телесном обличье, нежным, теплым, покоряющим:

— Ах, твое бедное лицо! Немногие отважились бы схватиться с огнедышащим драконом. Позволь, я исцелю твои ожоги.— Моргана коснулась его лба. Боль, волдыри исчезли.— Ну как, теперь лучше, правда ведь?

Ничего подобного. Он взмок от пота, застежка плаща сдавила горло. Он немного пришел в себя и различал теперь детали, но они были не из тех, что способны успокоить мужчину: белоснежное прекрасное лицо, кошачья грация движений, плавные изгибы фигуры.

— В мире, где тебе пришлось жить, ты набрался ужасных привычек! — она вынула трубку из его застывших губ, выколотила ее и заткнула ему за пояс. Ее ладонь оказалась на его плече: — Несносный мальчишка.

Хольгер чуточку оомпился. Взрослые женщины не должны изображать расшалившихся котят. И с трубкой так обращаться не следует.

— Послушай,— прохрипел он.— Ты помогала Альфрику, а он что было сил старался меня убить. Чего же ты от меня хочешь?

— Чего может хотеть тоскующая по мужчине женщина? — она придвинулась ближе. Хольгер попятился, но уперся спиной в ствол дерева.

— Честно говоря, я не знала, что речь идет о тебе. Потому и помогала Альфрику. Но когда узнала все, поспешила отыскать тебя.

Он отер пот со лба и резко сказал:

— Ложь!

— Ну да. Нам, представительницам прекрасного пола, дозволяется иногда невинная ложь, правда ведь, мой милый? — она погладила его по щеке.— Но клянусь богом — сейчас я пришла, чтобы забрать тебя.

— Для Хаоса? — бухнул он напрямик.

— А почему бы и нет? Что ты такого нашел в этом скучном Порядке, чтобы вставать на его защиту? Подумай сначала о себе, Хольгер, медведь мой любимый, зачем тебе сражаться за неотесанных мужиков и зажиревших горожан, когда твоими могут стать радость и гнев Хаоса, его ослепительные звезды? Неужели ты, подобно простому смертному, ищешь жизни сытной и тихой, в этом мирке под крышей скучного серого неба, смердящего дымом и гноем — ты, побеждавший на бранном поле целые армии? Ты можешь сам создавать миры и зажигать солнца, если только пожелаешь!

Ее голова оказалась на его груди, руки сомкнулись на его талии.

— Н-нет...— пробормотал он.— Не хочу...

— Ну и перемена! И это человек, живший со мной на Авалоне? Ты забыл, сколько столетий юности, силы и любви я тебе подарила? — Ее огромные черные глаза уставились на него (он подумал, что это донельзя банальный и захватанный прием, но не нашел в себе сил этому поверить). Если не хочешь к нам присоединиться, по крайней мере не сражайся против нас. Вернись на Авалон, Хольгер. Вернись ко мне на светлый Авалон.

Какая-то частичка его отуманенного сознания знала, что на сей раз она лжет. Хочет, чтобы не участвовал в надвигавшейся битве. А еще хочет его. В конце концов, почему бы и нет? Разве он в этом чужом, незнакомом мире кому-то что-то должен?

— Сколько лет уплыло, долгих лет,— шепнула она.— Вот мы и встретились наконец, а ты меня и поцеловать не хочешь...

— Н-ну, это можно поправить...— пробормотал Хольгер.

Словно нежный, теплый вихрь заключил его в объятья. Ни о чем постороннем он думать не мог. И не хотел.

— Ах...— вздохнула она, не открывая глаз.— Владыка мой, целуй же меня, целуй...

Хольгер притянул ее к себе и краешком глаза заметил что-то белое. Поднял голову, увидел Алианору верхом на единороге. Видимо, девушка отправилась его искать.

— Хольгер! — звала она.— Хольгер, любимый, где ты... ах!

Единорог взвился на дыбы и сбросил ее в траву. Потом убежал, громко, негодующе фыркая. Алианора вскочила, уставилась на Хольгера с Морганой.

— Смотри, что ты наделал! — сказала она по инерции.— Теперь он не вернется!

Хольгер торопливо высвободился из объятий Морганы. Алианора разразилась плачем.

— Убери отсюда эту деревенскую девку! — яростно прошипела королева.

Глаза Алианоры вспыхнули гневом:

— Сама убирайся отсюда! Отойди от него, мерзкая ведьма!

Хищно блеснули зубы Морганы:

— Хольгер, если эта худышка сию минуту не уберется...

— Худышка?! А ты — старый кожаный мешок, я тебе выцарапаю твои гнусные глазки!

— Маленькие девочки не должны плакать,— прошипела Моргана.— От этого они становятся еще более вульгарными.

Алианора сжала кулачки, шагнула вперед:

— Лучше уж быть девчонкой, чем ходить с такой обвислой и морщинистой шкурой.

— Зато твоя шкурка прекрасна. Интересно, где ты раздобыла эти перышки?

— Да уж не там, где ты раздобыла румяна!

Хольгер отошел подальше, гадая, как убраться отсюда живым.

— Ах да, ты ведь у нас лебедица,— сказала Моргана.— Удалось тебе снести наконец яичко?

— Нет. Не умею я квохтать, как иные старые клуши.

Моргана побагровела и быстро зашевелила пальцами:

— Эй, только без этих штучек! — Хольгер прыгнул к ней. Он не хотел ударить, но не рассчитал и налетел всей тяжестью тела. Королева покатилась в траву. Медленно поднялась. Лицо ее вновь стало белоснежным, лишенным всякого выражения.

— Ах, вот даже как обстоят дела...— сказала она.— Вот оно...

— Именно так,— сказал Хольгер, но не знал, правду ли говорит.

— Что ж, отправляйся своей дорогой. Мы еще встретимся, дружок.— Моргана расхохоталась, на сей раз довольно гнусно. Взмахнула рукой и исчезла. Ветер с шумом заполнил образовавшуюся пустоту.

Лишь теперь Алианора залилась в три ручья, спрятав лицо в ладонях. Хольгер осторожно коснулся ее плеча. Она отбросила его руку, всхлипнула:

— Уходи! Ступай себе к той ведьме, если она тебе так нравится...

— Я не виноват,— хмуро сказал Хольгер.— я ее не просил сюда приходить.

— Уходи, плакать не буду!

Хольгер решил, что у него достаточно забот и без женских истерик. Повернул ее лицом к себе, встряхнул как следует и сказал убедительно:

— У меня с ней ничего нет. Поняла? А теперь пойдешь, как взрослая, или тебя нести?

Алианора всхлипнула, глянула на него широко раскрытыми влажными глазами, медленно опустила ресницы — лишь теперь Хольгер разглядел, какие они длинные.

— Сама пойду,— сказала она тихо.

Хольгер раскурил трубку и на протяжении обратного пу-

ти яростно пускал клубы дыма. Черт бы их всех побрал! Обнимая Моргану, он почти вспомнил свою прежнюю жизнь. Почти. А теперь воспоминания вновь растаяли.

Поздно горевать, с нынешнего дня Моргана несомненно станет его злейшим врагом. Хотя, по правде говоря, он рад был, что появилась Алианора — еще немного, и он не устоял бы, сдался...

Что хуже, он и не собирался упорствовать. Кто это писал, что нет ничего приятнее, чем вспоминать искушения, которые мы отвергли?

Поздно. Остается идти до конца.

Скрытое в подсознании вдруг напомнило о себе, и он понял, почему убежал единорог. Появление феи Морганы стало последней каплей, переполнившей чашу терпения весьма впечатлительного зверя. Ливнем капель. Он усмехнулся и взял Алианору под руку. Бок о бок они дошли до костра.

12

Гуги заявил, что самое худшее их ждет впереди, и Хольгер склонен был разделять пессимизм гнома. У них был один конь на троих. Конечно, Алианора могла часть пути проделать по воздуху, но лебеди не могут парить на одном месте, а они не хотели, чтобы девушка от них отделялась. Папиллон был необыкновенно вынослив, но он не мог бежать быстро, неся на спине рослого рыцаря в доспехах, девушку, гнома и все их пожитки...

Выступили на рассвете. Алианора превратилась в лебедя и улетела разведать дорогу. Вернувшись, уселась позади Хольгера, обхватила его за талию (прекрасная компенсация за многие неудобства) и рассказала, куда следует ехать. Хольгер надеялся, что к вечеру они доберутся до перевала, а к завтрашнему утру достигнут населенных людьми мест. Впереди еще много миль по диким чащобам, но Алианора видела несколько расчищенных от леса участков земли, несколько одиноких ферм и селений.

— А там, где живут люди, если только они не разбойники, найдется кусочек священной земли, хотя бы часовенка. А уж к ней большинство наших преследователей и близко не подойдет.

Хольгер спросил:

— Но как же сможет Серединный Мир захватить земли людей, если любая церковь для них — преграда?

— Он может этого добиться с помощью созданий, которые не боятся ни дневного света, ни молитв — вроде вчерашнего дракона или обладающих душой существ вроде злых

гномов. Но их мало, и они слишком глупые, годятся только для мелких поручений. Главной силой Серединного Мира, я думаю, будут люди, выступающие на стороне Хаоса — ведьмы, чернокнижники, разбойники, убийцы, все дикари — язычники севера и юга. Эти могут разрушить храмы и убить тех, кто выступит на их защиту с мечом в руке. Тогда большинство людей разбежится, и не останется ничего, что могло бы помешать голубоватому полумраку разливаться все дальше, на сотни миль. Страны Порядка будут слабеть, не только оружием, но и духом — близость Хаоса вредно влияет на людей, заражает их трусостью, склоняет к подлостям, подталкивает нарушить законы.— Алианора зябко поежилась.— Когда зло окрепнет, даже те, кто стоит на стороне добра, будут из страха пользоваться все более неприглядными методами борьбы, и тем самым откроют злу свои души.

Хольгер вспомнил о своем мире, где в отместку за Ковентри сравняли с землей Кельн, и кивнул. Шлем вдруг показался ему страшно тяжелым.

Чтобы избежать неприятных сравнений, он задумался о делах насущных. Могущество тех, кто их преследует, не безгранично — иначе их давно схватили бы. Но где эти границы пролегают? Что любопытно: не обладающие душой существа вроде обитателей Фаэра весьма слабы физически и в борьбе полагаются лишь на хитрость и коварство. Они быстрые и проворные, но не способны схватиться на равных с сильным человеком. (Правда, великаны, тролли и другие создания Серединного Мира превосходят людей силой, но Алианора говорила, что они неповоротливы и неуклюжи). Они не выносят солнечных лучей и потому устраивают вылазки в населенные людьми районы лишь с наступлением сумерек, но и тогда им приходится избегать освещенных мест и зданий. Их заклятья, как бильярдные шары от стенки, отскакивают от каждого, кто охвачен высоким чувством любви: достаточно быть честным и самоотверженным, чтобы не опасаться их. Они могут убить своими руками или погубить кознями, можно оказаться обманутыми ими, попасть в глупое положение, а то и угодить к ним в рабство — но победы над человеком в полном смысле этого слова им никогда не добиться. Только если сам человек того захочет.

И еще: сила их чар зависит от расстояния. Чем дальше Хольгер удалялся от Фаэра, тем меньшую угрозу представляли его жители.

Но это отнюдь не означает, что к Альфрику нужно относиться пренебрежительно.

Правда, он не был главным предводителем вражьих сил — фея Моргана стоит выше, а над ней должны быть другие, вплоть до Того, о ком Хольгер предпочитал не думать. Однако герцог был могуч, хитер, искушен в коварстве и вряд ли отказался от мести. И Моргана еще не взялась за дело всерьез...

Если бы только Хольгеру знать, для чего он им нужен!

Весь день Папиллон карабкался по горам. Лишь к заходу солнца они достигли гребня вершины. Голая каменистая земля, там и сям громоздятся валуны, и меж ними растут редкие пучки травы. Холодный ветер налетал со всех сторон. Папиллон устало отфыркнулся и понурил голову.

— Бедный звереныш,— Алианора потрепала его по шее.— Заставили тебя тяжко трудиться, да? И поесть нечего, одна сухая трава.— Она нашла камень с глубоким углублением и терпеливо лила туда воду из баклажки, пока Папиллон не утолил жажду. Хольгер тем временем обтирал и чистил коня. Неожиданную сноровку в обращении с лошадьми он уже принимал, как должное, но все еще был удивлен чуточку той нежностью, какую ощущал к Папиллону. Он старался укрыть коня попоной. Потом они выложили магический круг, поужинали и улеглись спать.

Первой дежурила Алианора, за ней Хольгер, за ним Гуги. Отстояв свою стражу, Хольгер лег рядом с девушкой и почувствовал, что больше уже не уснет. Ее голова лежала на его груди, а рука на его плече. За шумом ветра Хольгер не мог слышать дыхание девушки, но он ощущал тепло ее тела, чувствовал, как размеренно вздымается ее грудь. Холод проникал под попону, которой они укрылись, и потник, на котором они лежали, плохо защищал от стылой скалы.

Но не холод мешал ему уснуть. Предстоящие опасности занимали мысли, и еще это теплое создание с разметавшимися волосами, лежавшее на его груди... Он попробовал вспомнить Мериен, но стало еще хуже. А ведь сейчас ты бы мог быть с феей Морганой, горько подумал Хольгер.

И оставить Алианору одну в кольце подступавших врагов? Нет! Неосознанно он еще сильнее прижался к девушке. А вот этого как раз не следовало делать. Прежде чем он успел осознать, что происходит, его рука скользнула под тунику из перьев, и ладонь накрыла упругую грудь. Алианора сонно пошевелилась, пробормотала что-то. Хольгер замер, зажмурился, но не нашел в себе силы убрать руку. Наконец, после долгой внутренней борьбы открыл глаза.

Холодно поблескивали звезды. Луны не было, но по положению Большой Медведицы он определил, что рассвет не

столь далек. Но пока что стояла полная темнота. На фоне догорающего костра чернел силуэт Гуги, а дальше вздымались на фоне звездного неба громады гор. Та скала...

Раньше ее не было!

Хольгер вскочил, и мигом позже задрожала земля. И еще раз вздрогнула, и еще, словно кто-то молотил в гигантский бубен. Скалы тряслись, как ветхий дом, когда по лестнице спускается кто-то неимоверно тяжелый. Камни покатились по склонам. Хольгер выхватил меч. Великан был уже совсем рядом.

Подошва в человеческий рост длиной растоптала, расшвыряла магический круг. Пламя костра вырвало из мрака огромные, давно не стриженные ногти. Алианора вскрикнула. Хольгер заслонил ее своим телом. Папиллон подскочил к ним, выгнув шею и встопорщив хвост, вызывающе заржал, ноздри его раздувались. Гуги на четвереньках подбежал к Алианоре.

Великан присел на корточки и пальцем, напомнившим дубовый сук, поковырял в костре. Взметнулось пламя, и Хольгер рассмотрел, что перед ним гигантский гуманоид, гротескно кряжистый, коротконогий. Его кости должны иметь большое поперечное сечение, чтобы выдержать такую тяжесть — мелькнула у инженера шальная мысль.

Неуклюжее тело укутано в шкуры, кое-как сметанные. Долетевший до Хольгера запах заставил порадоваться, что ветер дует от него к великану. Насколько можно разглядеть в спутавшихся волосах и бороде, лицо гиганта деформировано, как у больного акромегалией, надбровные дуги высоко выступают над глазами, нос и нижняя челюсть выпирают вперед, зубы огромные, губы толстенные.

— Прыгай на Папиллона, Гуги,— сказал Хольгер. Ошеломление схлынуло, он больше не боялся. Не осмеливался бояться.— Алианора, взлетай. Я его задержу, насколько смогу.

— Я останусь с тобой,— ее голос чуточку дрожал, но голова гордо поднята.

— Как это получилось?— охнул Гуги.— Он ведь из Срединного Мира родом. Магический круг ему обязан был дорогу преградить.

— Он шел за нами,— сказала Алианора горько.— Они могут красться бесшумно, если понадобится. И ждал, когда у кого-то из нас появятся грешные мысли, и круг потеряет силу,— ее глаза недвусмысленно обвиняли скорчившегося гнома. Хольгер чувствовал себя прескверно, он-то знал, что Гуги тут совершенно ни при чем.

— Говорите так, чтобы я вас слышал!

Голос великана был лишен чересчур варварского выговора, вовсе не казался оглушительным, но тембр его был настолько низким, что неслышимые уху нижние регистры отзывались во всем теле; казалось, кости вибрируют. Хольгер облизнул губы, выступил вперед и сказал как можно громче:

— Во имя Отца и Сына и Святого духа приказываю тебе удалиться!

— Фу! — пренебрежительно отфыркнулся великан.— Поздно, смертный. Ты лишил магический круг силы своими грешными вожделениями и не успел очиститься от этих помыслов,— он вытянул ручищу.— Альфрик сказал мне, что тут отыщется великолепная добыча. Отдайте мне девчонку и проваливайте.

Хольгер искал слова, чтобы полной мерой выразить свое отвращение к такой сделке. Господи, бывают вещи похуже смерти! Увы, все, что пришло ему в голову, никак не годилось для девичьих ушей. Вместо ответа он прыгнул вперед. Его меч ударил по огромному пальцу.

Великан отдернул ручищу, подул на задымившуюся руку и крикнул:

— Постой! Поговорим!

Децибелы его голоса едва не сшибли Хольгера с ног. Он опустил меч.

Хольгер привык, что он выше ростом всех в округе, но сейчас роли переменились, и нависшее над ним гигантское лицо казалось снизу шире, чем на самом деле. Но он твердо стоял на ногах.

— Послушай, смертный, ты великий рыцарь, я вижу. И железо меня, конечно же, ранит. Но очень уж меня много. Я тебя забросаю валунами раньше, чем ты меня успеешь серьезно покалечить. Что ты скажешь насчет поединка полегче? Если превзойдешь меня умом, вы все уйдете невредимыми. И я еще насыплю твой шлем золотом доверху.— Он хлопнул по огромной суме у пояса.— А если проиграешь, отдашь мне девчонку.

— Нет! — плюнул наземь Хольгер.

— Подожди! Подожди, любимый.— Алианора порывисто схватила его за руку.— Спроси его: он говорит про поединок на загадках?

Хольгер удивился, но спросил. Великан кивнул:

— Вот именно. Знай же: мы, Большой Народ, сидим у себя дома в холодные зимние вечера и год за годом, век за веком ради скоротания времени устраиваем турниры, изощряя ум. Выше всего мы ценим загадки. Я не потрачу времени зря, даже если позволю вам уйти в обмен на три по-

вых загадки, из которых не найду ответа на две. Они самому потом сослужат добрую службу,— его лицо беспокойно обратилось к востоку.— Но торопись!

Глаза Алианоры заблестели:

— Я так и думала, Хольгер! Соглашайся. Перехитри его.

Великан, похоже, этого не услышал. Ну да, подумал Хольгер, его огромные уши не воспринимают всего диапазона человеческого голоса. И он ответил Алианоре фальцетом:

— Мне ничего в голову не приходит.

— Должно прийти,— ее пыл чуточку ослаб.

Она уставилась в землю, ковыряя ее ногой.— Если не сможешь... ну что ж, отдай меня ему. Он меня попросту съест. А ты слишком много значишь для этого мира, чтобы рисковать жизнью в борьбе за такое ничтожество, как я...

Мысли Хольгера лихорадочно прыгали. Какие он знает загадки? «Четыре висят, четыре идут, два направляют, один машет...» Корова. Самсон эту загадку задавал филистимлянам. Что-нибудь вроде этого придумать? Но великан говорил о столетьях, а за века чего только не услышишь.. Не настолько он, Хольгер, силен умом, чтобы с ходу сочинить новую загадку.

— Я буду бороться за друзей, за тебя и...— начал он. Присевший на корточки великан прервал его:

— Поспеши, я сказал!

Шальная мысль мелькнула у Хольгера.

— Он боится солнечных лучей?— спросил он Алианору писклявым голосом евнуха.

— Еще как! Рассвет превратит его в камень.

— Ага,— пропищал Гуги.—Парень, если ты ему мозги надолго задуришь, рассвет его окаменеть заставит, а мы все золото у него загребем.

— Как знать,— сказала Алианора.— Я слышала, что добытое таким образом золото проклято. Кто его заберет, вскоре умирает. Хольгер, совсем скоро ему придется спасаться от солнечных лучей. Неужели ты не протянешь время, ты, победитель дракона?

— Кажется.. могу.— Хольгер обернулся к великану, уже ворчавшему от нетерпения.— Я померяюсь с тобой!

— Три загадки на сегодняшнюю ночь,— прогудел великан и садистски ухмыльнулся: — Может, завтрашней ночью я от тебя потребую трех новых, и послезавтрашней.., Свяжи девчонку, чтобы не убежала. Живо!

Хольгер делал это так медленно, как только отважился. Шепнул Алианоре:

— Если увидишь, что дело плохо, веревки сбросишь легко..

— Нет. Если я убегу, он на тебя накинется.

— Мне и так похоже, придется с ним драться. А так ты спасешься.— Но говоря фальцетом, он не мог придать своему голосу должной убедительности.

Подбросил веток в костер и повернулся к великану. Тот сидел, уперев волосатый подбородок в колени.

— Ну начнем! — сказал Хольгер.

— Ладно. Ты скоро убедишься, что имел счастье помериться с мастером, победившим на девяти турнирах подряд.— Он глянул на Алианору и облизнулся: — Лакомый кусочек!

Меч вылетел из ножен, прежде чем Хольгер успел о том подумать.

— Заткни свою поганую пасть!

— Захочешь биться? — под кожей вздулись огромные мускулы.

— Нет,— опомнился Хольгер. Но этот гиппопотам осмелился так об Алианоре!— Хорошо. Первая загадка: зачем цыпленок переходит через дорогу?

— Что? — великан разинул рот, его зубы заблестели, как мокрые камни.— Ты меня об этом спрашиваешь?

— Да.

— Любой ребенок тебе ответит! Чтобы попасть на другую сторону.

Хольгер мотнул головой:

— Мимо.

— Лжешь! — взметнулась мамонтова туша.

Меч Хольгера со свистом рассек воздух:

— Я знаю ответ. И ты его можешь отыскать.

— Никогда я такого не слышал,— пробурчал великан, но уселся, устроился поудобнее и почесал ручищей подбородок.— Зачем цыпленок переходит дорогу? Чтобы попасть на другую сторону — и все тут! Какой мистический смысл тут скрыт? Что олицетворяет цыпленок и дорога? — он зажмурился, стал размеренно покачиваться. Связанная Алианора, лежа у костра, во весь рот улыбалась Хольгеру.

Прошла целая вечность, наполненная холодным ветром и холодными звездами, все еще сиявшими на небе. Хольгер увидел, что глаза гиганта открываются. Они блеснули под нависшими бровями в свете костра, словно черно-багровые фонари.

— Я нашел ответ,— раздался гулкий голос.— Загадка эта похожа на ту, которой Фиази победил Гротнира пятьсот зим назад. Слушай ответ, смертный: цыпленок— душа человеческая, а дорога — жизнь, которую душа должна перей-

ти с обочины рождения на обочину смерти. На этой дороге ждут ее многие опасности, не только зной и болото греха, но еще и повозки войны и мора, влекомые волами разрушения, а в вышине кружит ястреб по имени Сатана, всегда готовый пасть на добычу. Цыпленок не затем переходит дорогу, что трава на той стороне кажется ему зеленее. Он переходит, потому что обязан это сделать.

Он лучился самодовольством. Хольгер мотнул головой:

— Нет, снова мимо.

— Что?! — великан взметнулся, как морская волна.— Ах ты...

— Хочешь биться? — спросил Хольгер.— Я сразу понял, что умом-то ты не крепач...

— Нет, нет, нет! — завыл великан, вызвав небольшую каменную лавину, закружил вокруг костра. Наконец успокоился и сел.— Время уходит, а потому — сдаюсь, скажи разгадку. Зачем цыпленок переходит дорогу?

— Цыпленок потому и переходит дорогу, что слишком далеко было бы обходить ее кругом,— сказал Хольгер.

Поток ругательств гиганта изливался долго. Хольгер был тому только рад. От него требовалось выиграть время, тянуть как можно дольше, пока наконец первые лучи восходящего солнца упадут на его врага. Великан, кричавший, что его надули, наконец решил, что утолил свою ярость, но Хольгер к тому времени собрал немало доводов для дискуссии о значении понятий «вопрос» и «ответ», и они орали друг на друга добрых полчаса. Благословенны будут диспуты по семантике, в которых Хольгер участвовал студентом! Еще десять минут он выиграл, растолковывая великану теорию понятий Бертрана Рассела.

Гигант пожал плечами:

— Ну ладно,— и улыбнулся зловеще:— Будет еще завтрашняя ночь, дружок. Теперь посмотрим, какая твоя вторая загадка. Сдается мне, тут уж я лицом в грязь не ударю. Валяй!

Хольгер набрал побольше воздуха в грудь:

— Что это такое — четыре ноги, желтые перья, живет в клетке, поет и весит четыреста килограммов?

Ручища великана хлопнули оземь. Взлетели камни.

— Что за неслыханная химера! Это не загадка, это вопрос из естественной истории!

— Если загадка — вопрос, на который можно найти ответ путем логических размышлений, то я задал тебе загадку,— сказал Хольгер и украдкой покосился на восток. Показалось ему, или небо в самом деле становится светлее?

Великан замахнулся на него, но промазал и принялся грызть усы. Не так уж он умен, подумал Хольгер. Даже мозг с замедленными реакциями найдет ответ, имея сотни лет упражнений. Ребенку хватило бы нескольких минут, а этот бегемот затратит часы. Но великан, по́хоже, неплохо умел концентрировать умысел. Он сидел, зажмурившись, бормоча что-то, размеренно покачиваясь. Костер прогорел, но было еще темно, и гигант казался бесформенной тенью.

Гуги потянул Хольгера за штаны и шепнул жадно:

— Не забудь о золоте!

— И о проклятье, что на нем лежит,— добавила Алианора.— Боюсь, если даже мы победим, то не честно...

Но Хольгера, прагматика до мозга костей, эта сторона вопроса не занимала ничуть. Только святой может бороться со злом абсолютно чистыми руками. Великан-каннибал приплелся сюда незванным и вряд ли будет большим грехом обмануть его ради спасения жизни Алианоры.

И все же... Проклятье — из тех вещей, которыми не пренебрегают. По спине у Хольгера пробежали мурашки. Откуда-то он знал, что победа над великаном может оказаться хуже поражения.

— Готово! Я нашел разгадку, рыцарь. Две канарейки по двести килограммов каждая!

Хольгер вздохнул, Что ж, когда-то приходится и проигрывать.

— Молодец, Юмбо. Третья загадка...

Великан перестал злорадно потирать ручищи:

— Не называй меня Юмбо!

— А почему?

— Потому что мое имя — Беламорг. Ужасное имя, его надолго запомнят множество вдов, множество сирот, множество в щепки разнесенных деревень. Называй меня моим подлинным именем.

— Ну видишь ли, там, откуда я пришел, «Юмбо» — это вежливое обращение...— и еще минут пятнадцать Хольгер плел какую-то невероятную историю.

Наконец великан решительно перебил его:

— Последнюю загадку! И поспеши, иначе растопчу!

— Ишь ты... Как хочешь. Ответь, что это: зеленое, имеет колеса и растет около дома?

— Как? — огромная челюсть отвисла.

Хольгер повторил.

— У какого дома?

— Да у любого,— сказал Хольгер.

— Растет, говоришь? Вопрос о неких фантастических

деревьях, на которых растут колеса — не настоящая загадка.

Хольгер уселся и стал чистить ногти концом меча. Ему пришло в голову, что магниевый кинжал Альфрика может произвести тот же эффект, что и солнечные лучи. А может, и нет. Мощность излучения наверняка окажется недостаточной. Однако, если дойдет до драки, нужно все же испробовать Пламенное Острие. Хольгер отметил, что различает силуэт гиганта, хотя от костра остался только пепел.

— В моей стране такие загадки загадывают друг другу дети,— сказал он.

Вот это была чистая правда. Но уязвленное «эго» Беламорга позволило Хольгеру выиграть еще несколько минут — пока великан ворчал и ругался. Но вскоре он, гневно урча, с головой погрузился в размышления.

Хольгер сидел, не шелохнувшись. Алианора и Гуги лежали словно каменные, даже Паниллон замер. Все взоры были обращены на восток.

Небо поголубело.

Минула частица Вечности, прежде чем великан грохнул кулаком оземь и уставился на них.

— Сдаюсь,— проворчал он.— Солнце меня жжет. Пора искать убежище. Какова отгадка?

Хольгер встал:

— А почему я должен тебе ее выдавать?

— Потому что я так хочу! — колосс тоже встал, топнул пожищей и оцерил зубы: — Говори, иначе я эту девчонку в лепешку растопчу!

Хольгер изготовил меч.

— Ну хорошо,— сказал он.— Ответ — трава.

— Но у травы нет колес!

— Вот насчет колес я немножко приврал,— сказал Хольгер.

Гнев рванулся из Беламорга оглушительным рыком. Великан бросился на рыцаря. Хольгер отскочил подальше от Алианоры. Если удастся удержать гиганта в помрачении от гнева еще минут пять, а самому уцелеть, то...

— Цып-цып-цып, а вот и не поймаешь!

Беламорг пытался сграбастать его ручищами. Хольгер что есть силы взмахнул мечом и отрубил ему кончик пальца. Потом он прыгал, уворачивался, приседал, колол мечом, ругался, разжигая ярость великана, жадно хватал полной грудью воздух в редкие мгновенья передышки.

Когда первые солнечные лучи коснулись великана, Беламорг взвыл. Такого вопля муки и ужаса Хольгер в жизни не слышал. И побежал прочь от корчившейся туши, устрашен-

ный страданиями, в которых сам же был повинен. Великан так грянул оземь, что подпрыгнули ближайшие валуны, завыл, с ним происходили чудовищные превращения. Потом все стихло. Лучи восходящего солнца озарили длинную глыбу гранита, сохранившую отдаленное сходство с человеческой фигурой, покрытую кое-как сметанными шкурами.

Хольгер рухнул на колени. В ушах у него стоял этот вопль.

Когда он пришел в себя, голова его лежала на коленях Алианоры. Ее волосы, ее слезы ласкали его лицо, словно потоки солнечного света.

Гуги выплясывал вокруг гранитной глыбы:

— Золото, золото, золото! Каждый великан носит суму с золотом! Парень, отвяжи ее, станем богаче короля!

Хольгер с трудом поднялся и подошел к нему.

— Я бы тебе не советовала,— сказала Алианора.— Правда, деньги нам в пути не помешают, и если уж ты намерен их забрать — позволь, их понесу я, чтобы проклятье пало на меня одну. Ох, любимый мой!

Хольгер жестом приказал Гуги отойти и склонился над сумой из плохо выделанной кожи, завязанной ремнем. Несколько монет выпали из нее и блестели на земле, как крохотные солнца. Быть может, проклятье на них не падет, если употребить часть денег на благие цели, например, возвести часовню в честь Святого Георгия?

Что это за запах? Не вонь шкур, другой запах, приятный. Так пахнет воздух после грозы, когда небо проясняется... Озон? Несомненно. Но откуда...

— Боже мой!— вскрикнул он. Подхватил Алианору на руки и побежал прочь,— Гуги! Беги! Скорей отсюда! Ничего не трогай, если жизнь дорога!

За несколько минут они собрали вещи, вскочили на Папиллона и помчались вниз по западному склону горы. Лишь проскакав несколько миль, Хольгер остановил коня. Гуги и Алианора тут же потребовали объяснений. Пришлось сходу выдумать побасенку, будто святые вдруг предупредили его о смертельной опасности. К счастью, его авторитет в группе был достаточно высок, и они поверили.

Но как он растолковал бы им правду? Он сам плохо разбирался в ядерной физике, но помнил, как на лекциях в университете им рассказывали об экспериментах Лоренца и Резерфорда по превращению элементов,. И о лучевой болезни.

Россказни о проклятье, лежащем на золоте, которое забирали у превращенных солнечными лучами в камни вели-

канов, оказались чистейшей правдой. Во время превращения углерода в кремний возникали радиоактивные изотопы, и счет исходного продукта шел на тонны.

13

Минул полдень, а они все еще спускались в долину. Но на душе стало спокойнее. Лес вокруг, буковый с редкими соснами, нес явные следы присутствия человека; пни порубок, грядки на росчистях, выщипанный скотом подлесок, и, наконец, что-то похожее на торную дорогу — по словам Алпаноры, она вела в городок, куда попасть можно еще засветло. Хольгер, утомленный состязанием с Беламоргом, подремывал в седле — езда шагом и птичье щебетание убаюкивали. Они миновали одинокую ферму. Основательный, крытый соломой дом из ошкуренных бревен, солидный хлев свидетельствовали, что хозяин — человек зажиточный. Но из трубы не поднимался дым, а на подворье было тихо и пусто — только ворон скакал, насмешливо каркая.

Гуги показал на дорогу:

— По следам видно — хозяин пару дней назад всю скотину в город погнал. Но отчего бы вдруг?

Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь зеленые кроны, вдруг показались Хольгеру холодными.

К вечеру выехали на открытое пространство. Перед ними раскинулись поля созревающей пшеницы, явно принадлежавшие жителям близкой деревни. Солнце уже скрылось за лесом, черной полосой выделявшимся на алом фоне гаснущего заката. На востоке заблестели над горами первые звезды. Было еще довольно светло, и Хольгер рассмотрел примерно в миле впереди облако пыли на дороге. Он причмокнул, и Папиллон пустился рысью. Алпанора, забавы ради гонявшаяся за прилетевшими с заходом солнца нетопырями, тут же опустилась на седло позади Хольгера и приняла человеческий облик.

— Не нужно беспокоить этих людей нашими бедами,— сказала она.— У них наверняка свои хлопоты и свои страхи.

Большой нос Гуги втянул воздух:

— Скотину и овец загоняют за стены. Ну и запашок! Только есть тут что-то такое... Когда человек боится, пот пахнет острее. И еще чего-то, диковинный след, нелюдской...— он теснее прижался к груди Хольгера.

Стадо было огромное, дорога оказалась ему тесна. То тут, то там коровы и овцы выбегали на поля. Сновавшие вокруг мальчишки и псы загоняли ошалевшую скотину обратно в стадо, вытаптывая в пшенице настоящие тропинки. Что-то

случилось, подумал Хольгер, оттого-то они так и спешат. Он натянул поводья — дорогу загородили несколько крестьян с копьями. Это были кряжистые, светлокожие люди, бородатые и длинноволосые, в длинных кафтанах из грубой шерсти и штанах, перевитых ремнями постолов. Они выглядели спокойными по натуре, но в голосах их, когда они спросили Хольгера о его имени, звучали беспокойство и страх.

— Сэр Хольгер из Дании с двумя друзьями,— сказал он. Нет смысла рассказывать всю правду, чересчур сложную для них.— Намерения у нас мирные, мы хотели бы найти ночлег.

— Ольгер? — рослый мужчина средних лет, казавшийся их вожаком, опустил копье и почесал в затылке.— Где я слышал это имя или похожее?

Мужчины зашептались, но никто из них не пришел на помощь вожаку — нужно было думать о стаде.

— Вряд ли вы слышали обо мне,— сказал Хольгер.— Это кто-то другой. Я издалека, здесь проездом.

— Ну что ж, господин, приветствую вас в Лурвилле — сказал вожак.— Боюсь, в недоброе вы прибыли время, но все равно сэр Юв рад будет вас видеть... Эй вы! Поворотите ту паршивую яловицу, пока не забежала в соседнее графство... Меня зовут Рауль, господин. Простите нам это столпотворение на дороге.

— Что случилось?— спросила Алианора.— Я вижу, вы загоняете свою скотину на ночь за городские стены, а ведь загонов там для нее не найдется.

Хольгер услышал, как старик вполголоса прохаживается по адресу «этих заграничных путешественников и их скандально раздетых дамочек». Но тут же кто-то прервал его:

— Я о ней слышал, дедуля. Это дева-лебедь, она живет на северо-западе. Говорят, она очень добрая.

Хольгер внимательно прислушался к словам Рауля:

— Да, господин, уже два дня мы сбиваем всю скотину в одно стадо и пасем всех вместе, а к ночи загоняем в город. И сами там прячемся. С наступлением сумерек никто и носу за ворота не высунет. По округе рыщет волкодлак.

— Что ты сказал? —охнул Гуги.— Оборотень?

— Вот именно. В последние годы многое шло не так, как следовало бы. Что ни хозяйство — несчастье за несчастьем. Этой весной мой собственный топор сорвался и поранил мне ногу, а потом то же случилось с моим старшим. Три недели мы провалялись — в самый сев! В каждой семье — что-нибудь вроде. Говорят, это идет из-за гор, от Срединного Мира. Черноокняжье набрало такую силу, что достает

до нас и все обращает в зло. Так у нас болтают.— Рауль перекрестился.— Как знать... А самое скверное — луп-гаро*. Господи Иисусе, защити нас!

— А не может это оказаться обычный волк? — спросила Алианора.

— Я часто слышала, как люди пускали слух о волкодлаке, а потом выяснялось, что это обычный зверь, только очень большой и хитрый.

— Может быть,— сказал Рауль холодно.— Только никак не понять, как это обычный зверь выломал столько ворот и открыл столько замков. Обычные волки не убивают для забавы по дюжине овец зараз, как ласки это делают в курятнике. А вчера ночью Пьер Бигфут и его жена Берта сидели дома... Это в трех милях отсюда, в лесу. Серый выбил окно, прыгнул внутрь и схватил ребенка из колыбельки. Пьер его ударил серпом и клянется, что железо прошло сквозь волка, как сквозь туман. А Берта его сгоряча трахнула старой серебряной ложкой, бабкиной памятью. Вот тогда он бросил ребенка — слава богу, не покалечил! — и выпрыгнул в окно. Вот я и спрашиваю: обычный это волк?

— Нет,— тихо, испуганно сказала Алианора. Рауль сплюнул:

— Вот мы и будем спать за стенами, пока опасность не минует, а волк пусть рыщет по пустому лесу. Может, мы отыщем, кто это меняет шкуру, и спалим его на костре,— и добавил учтиво:— Очень все это некстати для сэра Юва, он сейчас снаряжает свою дочку Раймберг в путешествие на запад — она должна обвенчаться в Вене с третьим сыном маркграфа. Мы молимся, чтоб побыстрее пришел конец нашим бедам.

— Наш господин, увы, не сможет принять тебя так, как ты заслуживаешь, сэр 'Ольгер,— сказал какой-то парень.— Он будет всю ночь, сэр 'Ольгер, ходить дозором по стенам, чтобы волк не перескочил внутрь. А госпожа Бланшефлор не поднимется с постели, она больна. Но сын их и дочь сделают все, чтобы принять тебя достойно.

Хольгер подумал, что и ему следовало бы вставать на стражу. Но побоялся, что уснет — позади бессонная ночь и день в седле. Когда Папиллон неспешно зашагал впереди стада, датчанин попросил Алианору рассказать подробнее про свалившуюся на сельчан напасть.

— Есть два способа для человека превратиться в зверя,— сказала она.— Один — это заклятья, наложенные на обычных

* Волк — оборотень (франц.), соответствует волкодлаку русских сказок.

людей. Как моя тупика из перьев. Второй способ гораздо более мрачный. Иные люди рождаются на свет, имея двойную сущность, и чары здесь ни при чем. В человеческом обличье он приятный и рассудительный, а в облике зверя сеет смерть, пока не утолит жажду крови или не вернется в человеческий вид из страха перед разоблачением. Трудно их победить — их раны заживают в одно мгновенье. Только серебро причиняет им боль, только серебряным оружием их можно убить. Но от такого оружия он ускользает быстрее, чем любой настоящий зверь.

Человека, что ни ночь, охватывает желание стать медведем, диким котом или волком.— Все не совсем так. Тот парень прав — это может быть кто-то из них. Небольшая примесь крови в человеческих жилах может дремать всю жизнь, если окажется слишком слабой, чтобы проявить себя. Но сейчас чернокнижье набрало силу и могло пробудить спящего демона.

— И пусть поможет бог тому, кто этим перепуганным селянам покажется волком,— буркнул Гуги.

Хольгер ехал к городским воротам в угрюмом раздумье. Был во всем этом свой смысл, хотя и диковинный, как большинство управляющих этим миром законов. Волкодлачество — скорее всего набор унаследованных генов. Если набор этот оказывался полным, человек несознательно умирал, как только его отец обнаруживал в колыбельке волчонка. Если набор был «некомплектным», тенденция к смене облика слабела.

У этого несчастного крестьянина дремавшее в нем проклятье никогда до того себя не проявляло. До времени, когда из-за гор повеяло магией Серединного Мира, и она разбудила связанные с волкодлачеством процессы — биологические или химические.

Хольгер всматривался в темноту. Городок окружен был мощным палисадом с узкой галереей, по которой будет ходить сегодня ночью сэр Юв. Внутри теснились узкие деревянные домишки. Двухэтажные попадались редко. Кривые улочки были обычно [illegible]ропинками, немощеными и пыльными, усеянными [illegible]. Ведущая в ворота «главная улица» оказалась лишь [illegible] чуточку шире и прямее. Въехав в ворота, Хольгер стал объектом любопытства для женщин в длинных платьях и чепцах, нечесанных детишек и ремесленников в рабочей одежде. Большинство из них держало факелы, мерцающие, коптящие. Они проводили Хольгера взглядами, уважительно примолкнув.

Хольгер задержался у [illegible]ковой улочки, темного туннеля,

образованного домами и целиком почти накрытого их галерейками. Увидел вздымавшуюся над гребнями острых крыш верхушку угловатой башни — скорее всего, это и был дом сэра Юва. Стоявший поодаль здоровяк пригладил волосы обеими руками и сказал:

— Я кузнец Одо. К вашим услугам, господин.

— Эта улица ведет к дому вашего господина?

— Да, ваша милость. Эй, Фродарт, господин еще у себя?

Молодой человек в выцветших красных штанах, с мечом на боку, кивнул:

— Только что я его оставил в броне с головы до пят. Он подкрепился пивом перед ночным дозором. Я оруженосец, сэр рыцарь. Пойдемте, я вас провожу к нему. Наш городок — сущий лабиринт.

Хольгер снял шлем — его волосы, весь день покрытые железом, взмокли от пота, а ночной ветер нес приятную прохладу, увы не слишком благовонную. Вряд ли его здесь ждал особый комфорт. Сэр Юв де Лурвилль наверняка небогат — провинциальный рыцарь с горсткой челяди, охраняющий эти края от разбойников и выполняющий функции местного судьи. Однако Рауль был исполнен обывательской гордости, говоря о свадьбе дочери своего господина с младшим сыном мелкого аристократа с западной окраины Империи.

Ну и что с того? Все, что Хольгеру требуется — еда и место для ночлега.

Оруженосец пошел впереди с факелом, Хольгер ласково похлопал уставшего Папиллона по шее, ободряя его, и въехал в улочку.

Раздался женский крик.

Он еще не оборвался, а шлем Хольгера был уже на голове, меч в руке, Хольгер развернул Папиллона в ту сторону. Люди загомонили. Чадящие факелы отбрасывали зыбкие тени на дома главной улицы. Вторые этажи тонули в темноте. Только теперь Хольгер рассмотрел, что все окна закрыты ставнями, все двери заперты. Снова закричала женщина — в одном из этих домов.

Ставень, закрытый на железный засов, разлетелся на куски от удара изнутри. Выбив его лбом, на улицу выпрыгнуло что-то длинное, серое, косматое. В пасти у него заливался плачем ребенок.

— Волк! — закричал кузнец. — Матерь божья, он здесь!

В окне показалась женщина.

— Он пролез через кухню! — закричала она, простирая руки к зверю, к толпе. — Он пролез через кухню, утащил

Люсьену! Держите его, держите! Мужчины, бог вас покарает! Что вы стоите, спасите моего ребенка!

Папиллон метнулся вперед. Волк обернулся в его сторону, сжимая в зубах ребенка. Ребенок был жив, бился и плакал. Хольгер ударил мечом, но лезвие рассекло пустоту — волка там уже не было. Невероятно проворный, он проскочил меж ног Папиллона и убегал в глубь улочки.

Оруженосец Фродарт заступил ему дорогу. Не задержавшись ни на миг, волк гигантским прыжком перемахнул через него и нырнул за угол. Хольгер пустил Папиллона галопом. Поздно, подумал он, поздно! В лабиринте темных закоулков волк успеет сожрать добычу и превратиться в человека раньше, чем его настигнут...

Прошумели белые крылья. Лебедица ударила клювом, целясь в глаза волку. Тот прижал уши, увернулся и бросился в переулок. Алианора вновь оказалась перед ним, осыпала ударами. И задержала на миг.

Хольгер был уже там. Факелы остались позади, и он едва различал огромный черный силуэт. Свистнул меч. Хольгер ощутил, что лезвие пронзило тело волка. Блеснули его глаза, зеленые, холодные, полные лютой ненависти. Хольгер занес меч. Клинок блеснул в свете приближающихся факелов. Он был чистым, ни следа крови. Железо не могло ранить волкодлака.

Папиллон ударил передними копытами, опрокинул волка и принялся его топтать. Косматый зверь, невредимый, отпрыгнул вбок и растаял в темноте. Но на земле остался плачущий ребенок. Когда крестьяне подбежали к ним, Алианора, уже в человеческом облике, прижимала его к груди:

— Бедный мой, маленький мой, все уже, все. Ничего страшного, поцарапали нас немножко, и все. Испугался, бедненький... Детям своим будешь рассказывать, как тебя спас лучший на свете рыцарь. Не плачь...

Мужчина с длинной черной бородой, видимо отец, выхватил у нее ребенка, осмотрел его и упал на колени, плача, быть может, впервые в жизни. Хольгер оттеснил от него толпу, надвигаясь на нее конем, вытянул меч:

— Успокойтесь! Возьмите себя в руки! С ребенком ничего не случилось. Ты, ты и вот ты — ко мне! Нужны люди с факелами. Хватит болтать. Нужно отыскать волка.

Несколько мужчин побледнели, переглянулись и тихонько отошли. Кузнец Одо, грозя кулаком в ту сторону, куда скрылся волк, крикнул:

— Но как мы его найдем?! Он не оставляет следов. Спо-

койненько прибежит к себе домой и превратится в одного из нас...

Фродарт внимательно приглядывался к лицам окружающих. Пляшущий свет факелов освещал их на миг, потом они вновь скрывались в темноте.

— Мы знаем, что это кто-то из нас,— начал он громко, пытаясь перекричать гвалт.— Стража у ворот не в счет. Это для начала. А теперь пусть каждый запомнит, кто стоит с ним рядом.

Гуги потянул Хольгера за рукав:

— Пошли за ним, если такова твоя воля. У меня нос заложило от его вони.

Хольгер втянул воздух ноздрями:

— Пахнет только пылью да навозом.

— Но ты-то не гном лесной. Быстро, парень, опусти меня на землю, а я уж пойду по следу. Смотри, не отставай!

Хольгер посадил Алпапору за собой — отец ребенка целовал ее пыльную ножку — и тронулся следом за Гуги. Фродарт с Одо шли по бокам Папиллопа, высоко подняв факелы. Сзади валили самые смелые крестьяне с ножами, палками и копьями, а следом тащились все остальные. Если схватим волкодлака, подумал Хольгер, придется потрудиться, чтобы его связать. А потом... не хочется думать, что будет потом.

Гуги петлял по темным улочкам. Вышел наконец на замощенную базарную площадь. Здесь, под открытым небом, было чуточку светлее.

— Ага, запах, как горчица,— сказал он.— Ничто на свете так не смердит, как волкодлак, когда обличье зверя примет.

Хольгер подумал: может, это выделения неких желез? Подковы Папиллопа гремели по брусчатке. Они свернули на мощеную улицу. В окнах некоторых домов горели свечи, но Гуги игнорировал видневшихся внутри людей. Он бежал вперед, и вдруг за спиной Хольгера раздался заполошный вскрик Фродарта:

— Нет! Только не к дому моего господина!

14

Жилище рыцаря располагалось посреди площади, напротив церкви. Кухня и службы — в отдельных домиках. «Замок» оказался весьма непрезентабельным, крытым соломой деревянным строением, он был самую чуточку побольше, чем летние коттеджи в родном мире Хольгера, построен в форме буквы «Т». Над левой перекладиной возвышалась башня —

ее Хольгер уже видел. Главный вход — на конце «ножки», заперт наглухо. Из щелей ставен пробивался свет, в конюшне захлебывались лаем собаки.

Гуги подошел к обитой железом двери.

— Волк забежал сюда,— сказал он.

— А мой господин и его семья там одни! — Фродарт потрогал засов.— Заперто. Сэр Юв! Господин, ты слышишь? Все у вас в порядке?

— Одо, стереги с той стороны,— распорядился Хольгер.— Алианора, взлети повыше и наблюдай за домом!

Он подъехал к двери и постучал в нее рукояткой меча. Кузнец подозвал нескольких мужчин, они побежали за угол дома. Гуги поспешил следом. Толпа стекалась на площадь. В колышущемся свете факелов Хольгер узнал некоторых — они раньше сторожили ворота. Рауль, с копьем в руке, протиснулся сквозь толпу к Хольгеру.

Удары в дверь наполнили дом грохотом.

— Умерли там все, что ли? — вскрикнул Фродарт.— Нужно ломать! Люди вы или собаки, стойте тут, а ваш господин ждет помощи!

— Есть тут какой-нибудь черный ход? — спросил Хольгер. Кровь стучала ему в виски. Страха перед волкодлаком он не чувствовал, даже отчужденность пропала. Все встало на свои места: впереди была работа, для которой он предназначен.

Гуги пробрался меж ног стоявших и схватился за стремя:

— Другого выхода нет, а окон множество, и все закрыты наглухо. Но волк отсюда не выходил. Я все обошел. Даже места, куда он мог бы допрыгнуть, если б сиганул с башни. Теперь не уйдет, кругом обложили. В западне сидит.

Хольгер огляделся. Крестьяне поутихли, окружили дом и ждали. Свет факелов вырвал из мрака испуганное лицо женщины, отразился во множестве глаз; блеснул потный лоб мужчины. Над головами щетиной торчали копья, топоры, косы, цепы, вилы.

— А слуги? — спросил Хольгер Фродарта.

— Там никого нет, господин,— сказал оруженосец.— Слуги — городские жители, на ночь уходят домой. Только старый Николас остается, но он тоже тут, вон он стоит... Проведи нас в дом!

— Я это и собираюсь сделать, если освободите мне место.

Фродарт и Рауль быстро, хотя и несколько грубо отодви-

нули толпу. Хольгер потрепал Папиллона по шее и сказал ему тихонько:

— Ну, парень, покажем, на что мы способны?

Конь взмыл на дыбы, ударил в дверь копытами. И снова, и еще раз, и еще... Засов не выдержал. Дверь распахнулась.

Хольгер въехал в длинную комнату. Кое-где глинобетонный пол покрывали потрепанные ковры. Над расставленными вдоль стен скамьями висели охотничьи трофеи и оружие. Свечи в настенных канделябрах давали достаточно света, и Хольгер видел, что зал пуст. Напротив входной двери в противоположном конце зала — еще одна. Наверняка там, в поперечнике буквы «Т» — покои сэра Юва и его семьи. Толпа за спиной Хольгера разразилась криками. Впереди, в дверях, показалась закованная в латы фигура и взмахнула мечом:

— Кто вы?— отблески света заиграли на доспехах.— Что за налет?

— Сэр Юв! — крикнул Фродарт.— Волк вам не сделал ничего плохого, господин мой?

— Какой волк? Что за черт? Сэр рыцарь, как ты объяснишь свое вторжение? Ты что, мой враг? Если нет — клянусь богом, ты им можешь стать вскорости!

Хольгер спрыгнул с седла и подошел ближе. Сэр Юв де Лурвилль был высоким худым мужчиной с меланхоличным лошадиным лицом и обвисшими сивыми усами. Доспехи на нем оказались сложнее, чем у Хольгера — кроме кольчуги, он носил шлем с забралом, нагрудник, наплечники, наголенники. На щите красовался герб — черная волчья голова на фоне шести алых и серебряных полос. Герб показался Хольгеру удивительно подходящим к ситуации. Если какой-то их отдаленный предок был «совершенным» волкодлаком, память эта изгладилась из жизни следующих поколений, но сохранилась в родовом гербе.

— Я сэр Хольгер из Дании. Волкодлака я видел тоже. Только благодаря помощи божьей нам удалось спасти унесенного им ребенка. И мы шли за ним до самого твоего дома.

— Вот именно,— поддакнул Гуги.— След вел прямо сюда.

Шум прошел по толпе, как первый порыв ветра перед бурей.

— Врешь, гном! Я сидел тут весь вечер. И никакого зверя не видел.— Сэр Юв вытянул меч в сторону Хольгера.— Здесь никого нет, только моя больная жена и мои дети. Если ты хочешь убедиться в чем-то другом, то сделаешь это, переступив через мой труп!

Но голос его звучал не столь уж уверенно. Вряд ли он был таким уж удальцом.

Первым нарушил молчание Рауль:

— Ну, если так обстоит дело, сэр Юв, оборотень кто-то из твоей семьи.

— Я тебя прощаю,— яростно бросил сэр Юв.— Вижу, что ты переутомился. Но следующий, кто повторит за ним, повиснет на виселице!

По лицу Фродарта текли слезы.

— Гном, отчего ты так уверен? — еле выговорил он.

— Кому вы верите — этому уроду, недорослку, этому приблудному рыцарю, или вашему господину, защищавшему вас все эти годы?

За его спиной появился мальчишка лет четырнадцати, худенький, светловолосый, в шлеме, с мечом и щитом. Он явно схватил оружие впопыхах, потому что одет был в цветную накидку и чулки — местный эквивалент фрака. Ну конечно, подумал Хольгер, даже на окраинах цивилизации каждый аристократ одевается к ужину.

— Я здесь, отец! — крикнул мальчишка. Его зеленые глаза впились в Хольгера.— Я Гью, сын Юва де Лурвилль. Хоть я еще не опоясан, но обвиняю тебя во лжи и вызываю на бой!

Это произвело бы большее впечатление, не ломайся у него по-юношески голос. Впрочем, Хольгера это зрелище тронуло. Что тут странного? Волкодлак, когда находится в человеческом обличье, может быть весьма благородным и уверенным в своих правах. Хольгер вздохнул и спрятал меч в ножны.

— Я не хочу драться,— сказал он.— Если эти люди скажут, что не верят мне, я уйду.

Крестьяне беспокойно задвигались, уткнувшись взглядом в пол, потом вновь подняли глаза на Хольгера и Ювa. Фродарт попытался украдкой пнуть гнома, но Гуги отпрыгнул. В дверях появился Одо и растолкал людей, расчищая дорогу идущей за ним Алианоре.

— Будет говорить дева-лебедь! — крикнул он.

— Дева-лебедь, что спасла Люсьену. Тихо вы, бараньи головы, а то схлопочете!

Наступила полнейшая тишина, слышно стало, как во дворе захо́дятся лаем собаки.

Хольгер увидел, как побелели костяшки пальцев, стиснувшие копье Рауля. Низенький мужчина в сутане упал на колени, поднял распятие. Гью разинул рот. Сэр Юв сгорбился, как от удара. Все уставились на Алианору. Она выпря-

милась, тонепькая и стройная, свет поблескивал на ее медно-каштановых волосах.

— Некоторые из вас уже слышали обо мне, обитающей над озером Арроу. Не буду хвалиться, но в краях, лежащих ближе к моему дому, в Тарнберге и Грамдху, например, вам расскажут, сколько заблудших детей я вывела из леса, как заставила не кого-нибудь там — Маб собственной персоной — снять заклятье с мельника Филиппа. Я знаю Гуги всю жизнь и готова поручиться за него. К чему напрасные наветы? Вы должны быть счастливы, что самый могучий рыцарь из всех ныне живущих оказался здесь, чтобы избавить вас от волка. Слушайте его, говорю вам!

Через толпу пробился старик и громко спросил посреди гробовой тишины:

— Ты хочешь сказать, что это и есть Заступник?

— Ты о чем? — спросил удивленный Хольгер.

— Заступник... тот, кто придет, когда возникнет наивысшая нужда... легенду эту мне рассказал дед и не назвал имени Заступника, но скажи, сэр рыцарь, ты это, или нет?

— Нет...— но слова Хольгера потонули в гомоне и гвалте. Рауль прыгнул вперед, склонив копье.

— Кто крадет детей, тот мне не господин! — крикнул он. Фродарт замахнулся на него мечом, но как-то неуверенно. Слабый удар был отражен древком копья. В следующий миг четверо мужчин прижали оруженосца к земле.

Сэр Юв бросился на Хольгера. Датчанин едва успел выхватить меч и отразить удар. И сам ударил в щит противника с такой силой, что треснула железная оковка. Сэр Юв пошатнулся, Хольгер выбил у него меч. Двое крестьян схватили за руки своего господина. Гью попытался атаковать, но в грудь ему уперлись вилы и заставили отступить к стене.

— Рауль, Одо, успокойте людей! — крикнул Хольгер.— Не давайте им никого обидеть. Ты, ты и ты,— он указал на рослых крестьян, смышленых на вид.— Охраняйте эту дверь. Никого не пропускать! Алианора, Гуги, за мной.

Спрятал меч и поспешил в глубь здания по прямому коридору, украшенному резным деревом. Коридор заканчивался дверью, и еще две двери по бокам. Хольгер отворил среднюю. Комната увешана шкурами и тронутыми молью гобеленами. Пламя восковых свечей освещало женщину, лежащую на ложе под балдахином. Прямые седеющие волосы обрамляли благородное, пылавшее жаром лицо. Женщина чихала и кашляла в платок. «Тяжелая простуда»,— определил Хольгер. У изголовья сидела девушка, тут же вскочившая, лет шестнадцати-семнадцати, стройная фигурка, длинные свет-

лые косы, голубые глаза, вздернутый носик, алые губки. На ней было платье прямого покроя, перетянутое поясом с золотой пряжкой.

Хольгер поклонился:

— Простите мое вторжение. Я был вынужден.

— Знаю,— сказала девушка встревоженно.— Я все слышала.

— Вы ведь Раймберг?

— Да, я дочь сэра Юва. Моя матушка Бланшефлор,— упомянутая дама вытерла нос платком и уставилась на Хольгера со страхом, лишь самую малость приглушенным вызванными болезнями страданиями. Раймберг нервно сжала тоненькие ладони.— Я не могу поверить в то, что ты говорил, сэр рыцарь. Что один из нас — этот... тот зверь,— она удержала слезы, как-никак она была дочерью рыцаря.

— След ведет сюда,— сказал Гуги.

— Кто-нибудь из вас видел волкодлака? — спросил Хольгер.

— Мы были в дальних комнатах, я и Гью, а матушка спала. Двери были заперты. Отец сидел в главном зале. Услышав шум, я прибежала сюда успокоить маму.

— Значит, волкодлак — сам сэр Юв,— сказала Алианора.

— Нет, не отец! — прошептала Раймберг. Бланшефлор закрыла лицо руками. Хольгер отвернулся:

— Пойдемте дальше.

Комната мальчишки — у лестницы, ведущей на верхушку башни. Полна обычных для этого возраста вещичек. Комната Раймберг — напротив, в другом конце коридора. Там стоял сундук с приданым, прялка и все остальное, потребное девице знатного рода. Гуги не смог привязать запах к какому-то одному помещению, сказал, что он идет отовсюду. Волкодлак что ни ночь навещал эту часть дома. Но это не означало, что его кто-то заметил. Он мог входить и выходить через окно, пока все спали.

— Один из трех,— сказала Алианора подавленно.

— Из трех? — поднял брови Гуги.— А почему ты уверена, что мать не может оказаться зверем? Ведь она стала бы здоровой, как только сменила бы шкуру.

— Да? Я не знала. Волкодлаки не так уж часто встречаются, чтобы я знала, как бывает, когда они болеют... значит, четверо. Один из четверых.

Хольгер понуро поплелся в главный зал. Рауль и Одо уже навели порядок. Люди стояли вдоль стен, а Папиллон — у входа. Юв и Гью сидели в креслах с высокими спинками,

связанные по рукам и ногам. У них в ногах сидел Фродарт — его лишь обезоружили. Священник молился.

— Ну что? — крикнул Рауль, когда они вошли.— Кто из них?

— Не знаем,— сказала Алианора.

Гью плюнул в сторону Хольгера.

— Когда я увидел тебя без шлема, сразу подумал, что ты на рыцаря мало похож,— сказал он язвительно.— А теперь, когда вижу, как ты вламываешься к беззащитным женщинам, знаю наверняка — ты не рыцарь.

Следом за Гуги вошла Раймберг. Подошла к отцу и поцеловала его в щеку. Окинула взглядом зал и сказала:

— Вы напали на своего господина, вы хуже собак!

Одо мотнул головой:

— Нет, госпожа моя. Господин, который не заботится о своих людях — не господин. У нас дома детишки, мы не хотим, чтобы их сожрали заживо.

Рауль ударил в стену тупым концом копья:

— Тихо вы, там! Волк должен сегодня умереть. Назови его имя, сэр 'Ольгер. Его... или ее. Назови имя волка.

— Я...— Хольгер ощутил слабость в ногах. Облизнул губы.

— Мы не знаем,— крикнул Гуги.

— Вот как...— Рауль угрюмо оглядел крестьян.— Этого я и боялся. Может, зверь сам признается? Обещаю ему легкую смерть — серебряным ножом прямо в сердце.

— Пока он в человеческом облике, хватит и железа,— сказал Одо.— Ну говорите! Не хотелось бы подвергать вас пытке.

Фродарт дернулся:

— Раньше, чем ты это сделаешь, тебе придется оторвать мои руки от твоего горла!

Его проигнорировали. Рауль сказал:

— Если никто не признается, то лучше будет, чтобы умерли все четверо. Здесь священник, он их исповедует.

Гью подавил вскрик. Раймберг замерла. Все услышали доносившийся из глубины дома кашель Бланшефлор.

Юв словно обмяк.

— Ладно,— сказал он.— Волкодлак — это я.

Миг спустя Раймберг решительно усмехнулась:

— Оба лгут из благородства. Настоящий оборотень, добрые люди — это я. Не нужно меня убивать, достаточно будет постеречь, пока я не уеду венчаться в Вену. Вдали от Фаэра его чары уже не принудят меня оборачиваться зверем.

— Не верьте ей,— сказал Гью. Юв кивнул. Хриплый

вскрик из глубины дома мог означать, что и Бланшефлор берет вину на себя.

— Так мы ничего не добьемся,— сказал Рауль.— Рисковать нельзя. Луп-гаро должен умереть. Отец Вальдебрун, приготовьте их к последней молитве.

Хольгер вытянул меч и заслонил собой пленников.

— Пока я здесь, никто не посмеет убивать невинных! — раздался звучный голос, в котором Хольгер с изумлением распознал свой собственный.

Кузнец Одо сжал кулаки:

— Я не хотел бы причинять тебе зло, сэр 'Ольгер, но если понадобится ради жизни моих детей, я это сделаю.

Рауль добавил:

— Если ты и есть Заступник, назови имя нашего врага. Снова наступила гробовая, напряженная тишина. Хольгер ощутил, как три пары глаз жгут ему спину: это смотрели сгорбившийся Юв, задорный Гью и Раймберг, так хотевшая им помочь. Он услышал кашель больной. Господи Иисусе, победивший демонов, помоги же мне теперь! Хольгер сразу сообразил, что произнес молитву — впервые со времен детства.

Но метод, с которым он подошел к ситуации, не имел с мистицизмом ничего общего — это был трезвый, практический подход инженера. Правда, сейчас он не был столь уж непреложно уверен в себе, как раньше, когда все без исключения жизненные проблемы были строго рациональными. Но и эту загадку можно раскрыть с помощью рационального анализа, логических выводов. Хольгер не был детективом, но и волкодлак не был профессиональным преступником. Если... И вдруг ослепительно сверкнула истина.

— Господи, вот именно! — крикнул он.

— Что? Как? Кто? — посыпалось со всех сторон. Хольгер взмахнул мечом над головой. Слова полились из его уст. Он сам не знал, что скажет миг спустя, просто рассуждал вслух, но люди слушали его благоговейно.

— Тот, которого мы ищем, родился оборотнем. Ему не нужна, как Алианоре, магическая одежда. Но тогда одежда не изменяется вместе с его телом, верно? Значит, на охоту он выходит нагой. Фродарт сказал мне перед самым появлением волкодлака, что оставил своего господина пьющим пиво в этом зале. В полном вооружении. Сэр Юв ни один, ни с чьей-либо помощью не успел бы снять доспехи, которые мы на нем видим, а потом надеть их всего за несколько минут. Значит, это не он. Гью тоже оговорил себя, хотел спасти кого-то другого. Он сказал, что видел меня без шлема. А

шлем я снял, когда спрашивал дорогу, и тут же надел, когда поднялась суматоха. Волк не смог бы увидеть меня с обнаженной головой — он в то время уносил ребенка. Точнее уносила. Гью видел меня с башни, он никак не мог оказаться в тот миг в доме той женщины. Леди Бланшефлор... — черт, как объяснить им, что грипп, которым она наверняка болеет, вызывается вирусом? — Леди Бланшефлор больна. Ни собаки, ни волки этой хворобой не болеют. Если бы она обернулась волком, будучи больной, была бы чересчур слаба и не смогла бы двигаться так быстро и ловко. Если бы, приобретя облик волка, она выздоровела бы, это означало бы, что вирус... гм, демон, вызвавший болезнь... умер, оказавшись в зверином теле. И, вернувшись вновь в человечье обличье, она уже не страдала бы от кашля и жара, верно? Леди Бланшефлор вне подозрений.

Раймберг прижалась к стене, словно хотела исчезнуть в ней. Ее отец, полностью сломленный, вскрикнул и изогнулся в кресле, пытаясь прикоснуться к ней связанными руками.

— Нет, нет, нет...— заорал он.

Толпа заворчала и взвыла, словно среди нее оказались настоящие волки. Люди медленно надвигались, ощетинившись оружием, вытянув к девушке руки.

Девушка упала на четвереньки. Ее лицо исказилось, преображаясь в звериную морду. Зрелище было жуткое.

— Раймберг! — крикнул Хольгер.— Не надо! Я не позволю им...

Рауль попытался проткнуть ее копьем. Хольгер отразил удар, перерубив древко пополам, Раймберг взвыла. Алианора подскочила к ней и схватила ее в объятья, почти преобразившуюся.

— Нет! Сестренка, возвращайся к нам! Он тебя спасет, обещаю!

Щелкнула пасть, но Алианора схватила губы зверя руками и натянула их на клыки, чтобы волк не мог укусить.

Вскоре ей удалось обуздать зверя, и он замер.

— Девочка, мы тебе добра желаем...

Толпа напирала всерьез, и Хольгер принялся за дело. Кулаком и ударами меча плашмя он свалил особенно запальчивых, и толпа поутихла. Люди ворчали, глядели исподлобья, но уважение к гиганту в доспехах поумерило их воинственность.

Хольгер обернулся к Раймберг. Она уже вернулась в человеческий облик, плача, прижалась к Алианоре:

— Я этого не хотела. Не хотела. Это на меня находит, и я... я так боялась, что меня сожгут... Отец Вальдебрун,

моя душа погублена? Мне уже не уйти от адского пламени... Те дети так кричали...

Хольгер переглянулся со священником и сказал:

— Это болезнь. Девушка не виновата. И ничего тут не поделаешь.

Юв тупо смотрел перед собой.

— Я подозревал, что это она,— бормотал он.

— Когда волк пробежал мимо меня, я знал, где Бланшефлор, где Гью... и запер дверь. Я хотел... я думал, если удастся выждать, и она уедет в Вену...

— А почему бы и нет? — сказал Хольгер.— По-моему, отличный выход. Когда она окажется вдали от злых чар Срединного Мира, наваждение ослабнет. А пока, понятно, нужно ее хорошенько сторожить. Все может повториться...

— Это кончится, когда взойдет солнце, и ее душа проснется, душа человека,— сказал священник.— Тогда ей понадобится утешение...

— До сих пор ни один ребенок не погиб,— сказал Хольгер.— Ее отец заплатил возмещение тем, чьи дети были поранены, тем, кто понес какой-либо урон. Отправьте ее в Вену как можно быстрее. Думаю, она выздоровеет, отдалившись миль на сто. А в Империи никто ничего не должен знать.

Рауль — синяк у него под глазом наливался черным — упал в ноги сэра Юва, а Одо, хлюпая расквашенным носом, пытался развязать крепко затянутые узлы.

— Прости нас, господи! — сказал пастух.

Юв слабо усмехнулся:

— Боюсь, это я должен молить вас о прощении. И прежде других — тебя, сэр 'Ольгер.

Раймберг подняла мокрое от слез лицо:

— З-заберите меня отсюда! Чую, темнота вновь подступает. Заприте меня где-нибудь до рассвета. Свяжите меня,— она протянула руки к веревкам, снятым с ее отца.— Днем, сэр рыцарь, я найду слова благодарности... Ты спас мою душу.

Фродарт крикнул, обнимая ноги Хольгера:

— Заступник вернулся!

— О господи, отстаньте вы от меня с этим вздором,— запротестовал датчанин.— Я терпеть не могу слезливых сцен, а сюда приехал исключительно затем, чтобы выпросить немного еды. Может, и глоток вина отыщется?

15

Хольгер чувствовал себя в Лурвилле довольно неловко. И не только оттого, что следовало побыстрее отправляться на поиски эксперта-мага, пока фея Моргана не измыслила очередной каверзы. Семья Юва, разумеется, была ему благодарна, но не стоило и дальше вмешиваться в их частную жизнь. Жители городка преисполнились самой искренней сердечности — Хольгер за порог не мог ступить, тут же оказался в толпе поклонников. Леди Бланшефлор уговорила его возложить на нее руки и через пару часов была уже на ногах, совершенно здоровая. Она выздоровела бы и так — кризис миновал. Живое воображение Хольгера тут же нарисовало картину, как ему придется заниматься каждым случаем ревматизма и гриппа на десяток миль в округе.

Учитывая все это, они задержались всего на сутки и утром пустились в путь. Сэр Юв просил Алианору принять от него в подарок верховую лошадь, и она с удовольствием согласилась. С еще большим удовольствием они приняли бы немного денег — но, разумеется, ни один уважающий себя рыцарь и заикнуться об этом не мог.

Несколько следующих дней прошли превосходно. Они ехали лесами и долинами, искали укрытия, когда начинался дождь, останавливались у рек и озер ловить рыбу и купаться. Иногда мелькала среди ветвей белая фигурка лесной нимфы, порой золотистый грифон проплывал высоко в небе. Но обитатели Срединного Мира оставили их в покое.

Лишь Алианора, милая, веселая, оставляла желать лучшего в качестве дорожного товарища. Ее лебединая туника, чистая и белоснежная, никогда не пачкавшаяся, повергла Хольгера в изумление — он не смог освободиться от впечатления, что это вторая кожа девушки. Правда, Алианора имела привычку беззаботно сбрасывать ее на глазах Хольгера, едва им попадалась речка или заводь — что надолго выбивало Хольгера из равновесия. А время от времени появлялись ее лесные приятели. Белка, что принесла в подарок ягоды, была еще ничего, но когда в лагерь заявился лев и положил к ногам Алианоры только что пойманного оленя, нервы Хольгера добрых полчаса были натянуты, как струны. А потом еще пришлось рассказывать ей все о себе, своем происхождении и планах на будущее. Нет, она все поняла, но...

Но подлинные сложности — это отношение девушки к нему. Черт побери, он вообще не собирался ничего начи-

нать! Забавы на сеновале с кем-то вроде Мерлвен или феи Морганы — это одно, Алианора — совсем другое. Хольгер собирался возвратиться в свой мир при первой подвернувшейся оказии, и в этой ситуации роман меж ними не сулил ничего хорошего обоим. Хольгер хотел остаться джентльменом, но Алианора ничуть не стремилась помочь ему в этом. С робкой надеждой она шла напролом.

Как-то вечером Хольгер отвел Гуги в сторону. Перед этим он долго целовал Алианору на ночь и собрал всю силу воли, чтобы этим и ограничиться.

— Гуги,— сказал он,— Ты ведь видишь, что происходит у меня с Алианорой.

— Что у меня, глаз нету? — оскорбился гном.— И пускай происходит. Она слишком долго имела в друзьях одно лесное зверье да мой народ.

— Но... ты же раньше предупреждал, чтобы я не вздумал к ней приставать.

— Тогда я еще не знал. А теперь вижу, ты ей как нельзя лучше подходишь. Девушке нужен парень. Вы с ней могли бы стать царем и царицей наших лесов. Все бы вам только рады были.

— Эх, вижу я, помощи от тебя не дождешься...

Гуги был уязвлен:

— Я старался, как мог! Сколько раз харю отворачивал или в лес уходил, чтобы вас одних оставить!

— Я не о том... Ладно, не будем об этом.

Он закурил трубку и угрюмо уставился на огонь. Он вовсе не был Дон Жуаном и понять не мог, почему женщины этого мира одна за другой бросались ему в объятья. Конечно, Мерлвен и фея Моргана имели на то веские причины, шли на то в интересах дела, но Хольгер был не настолько туп, чтобы не заметить, с каким удовольствием они выполняли свои обязанности. Алианора же врезалась в него по уши, и точка. С чего бы вдруг? Хольгер отнюдь не считал, что необычайно притягателен для женщин.

Но тот человек, его здешнее «альтер эго», мог быть совершенно другим. Об этом свидетельствовали тысячи неуловимых мелочей, выплывавших к дремлющему глубоко в нем второму «я» — мелочи эти постепенно изменяли его, влияли на отношение к нему окружающих. Так каким он был, рыцарь, носящий в гербе три сердца и трех львов?

Задумался. Попробуем это обмозговать. Несомненно, он могучий воин, что многое значит в этом мире. Порывистый, но достаточно спокойный авантюрист, не блещущий остротой ума, но умеющий любить. Наверняка чуточку идеалист;

Моргана вспомнила, что он сражался на стороне Порядка, хотя мог добиться больших выгод, выступая за Хаос. Производил большое впечатление на женщин — иначе Моргана, столь хладнокровная и умная, не забрала бы его к себе на Авалон. И... да вот и все, пожалуй, что удалось логически вычислить. А может, это все, что он помнит?

Минуточку! Авалон. Хольгер глянул на свою правую руку. Эта самая ладонь лежала на балюстраде из зеленого малахита, выложенного узорами из рубинов и серебра. Он помнил, как солнечные лучи освещали руку, золотя волоски на фоне загорелой кожи, и серебро было теплее камня, а рубины кроваво отблескивали. Балюстрада — на вершине обрыва, отвесной скалы, и скала эта стеклянная. Сверху видно, как солнечные лучи преломляются в гротах, пылают мириадами крохотных радуг и вновь вырываются наружу — пылающие искры алого, золотого, фиолетового. Море внизу — темное, почти пурпурное; там, где скалы рассекают воду подобно носу корабля — пена удивительной белизны; Авалон никогда не стоял на месте, он плавал в западном океане, окутанный туманом своей магии...

Но больше ничего не удалось припомнить. Он глубоко вздохнул и уселся у костра.

Через несколько дней, а может, недель — Хольгер потерял счет времени — они выехали из чащобы и оказались на голых равнинах, где лес напоминал о себе лишь редкими рощицами. Пшеничные и ячменные поля желтели на отлогих склонах холмов, на огороженных лугах паслись коровы, овцы и невысокие косматые лошадки. Крестьянские дома тут были глинобитные, они попадались чаще, сбивались в деревеньки посреди полей. Иногда встречались деревянные замки, окруженные палисадом. Более современные, каменные, строили, видимо, дальше на западе, на землях, где полновластно расположилась Империя.

На севере Хольгер увидел туманную голубую полосу мощного горного кряжа. Три высоких вершины словно парили в воздухе, отсеченные от оснований. Гуги объяснил, что и за теми горами — область Срединного Мира. А потому не удивительно, что все здесь ходили с оружием, даже в поле; что строгая иерархическая пирамида Империи превратилась тут в отношения, не отягощенные излишними формальностями. Рыцари, у которых путешественники дважды ночевали, были неграмотными, суровыми, неотесанными, но держались дружелюбно и жаждали новостей.

На третий день путешествия по этим земледельческим

краям они с заходом солнца въехали в Тарнберг — Алианора сказала, что во всей восточной части герцогства это единственное место, мало-мальски похожее на город. Но замок его был пуст. Барон и его сыновья пали в битве с налетевшими с севера язычниками, его жена уехала на запад, к родным в Империю, и ни один наследник пока что не объявился. Налет этот был очередной проделкой Хаоса — Серединный Мир старался увереннее заявить о себе. А жители Тарнберга создали импровизированный совет горожан и сами несли стражу на бревенчатых стенах.

Миновав ворота, Хольгер въехал на мощеную улицу. Она вилась меж деревянными и каменными домами и вела на рыночную площадь с церковью. Повсюду бегали дети, бродили собаки и свиньи. Папиллон шествовал сквозь гомонящую толпу женщин и ремесленников — они таращились на Хольгера, неуклюже кланялись, но разговор завести не отважились. Зато ехавшую с ними рядом Алианору они хорошо знали и тут же засыпали вопросами:

— С кем приехала, дева-лебедь?

— Что это за рыцарь?

— Что нового в лесах, госпожа?

— Какие новости из Шарлемонта? Как там мой кузен Гарсент, видела его?

— Говорят, Фаэр собирает рати? — голос, задавший этот вопрос, звучал тревогой, и стоявшие рядом со страхом ждали ответа.

— Это что, новый господин, будет нас защищать?

Девушка улыбалась и махала рукой, но без особого воодушевления. Она не любила, когда вокруг нее оказывалось столько людей и стен.

Дом, к которому она привела Хольгера, выглядел выше и уже остальных, но изрядно покосился. У галерейки над дверями висела вывеска, написанная цветистым слогом:

«Мартинус Трисмегистус, магистр магии».

Заклятье, Чары, Предсказания, Исцеления, Любовные Напитки, Благословения, Заклинания, Всегда — полные — кошельки. При оптовых заказах — особая скидка».

— Хм,— сказал Хольгер.— Деловой парень, похоже.

— Ну да,— сказала Алианора.— Он еще — городской аптекарь, зубодер, писец, костоправ и искатель воды магическим прутиком.

И спрыгнула на землю, блеснув обнаженными ногами. Хольгер последовал ее примеру, привязал поводья Папиллона к столбу перед входом. Кучка подозрительных типов

остановилась на той стороне улицы, приглядываясь к лошадям и вьюкам.

— Поглядывай, Гуги,— сказал Хольгер.

— Да ведь стоит поплакать над дурнем, что Паппиллона увести попробует,— сказал гном.

— Вот я его смерти и не хочу,— сказал Хольгер.

Он поколебался — стоит ли делиться с этим чернокнижником всеми своими тайнами, рассказывать свою историю с самого начала? Но Алианора очень его хвалила. Да и не к кому больше обратиться.

Он отворил дверь, и раздался чистый звон колокольчика. Комната была полутемная, пыльная. Полки и столы завалены бутылями, банками, перегонными кубами, ретортами, огромными книгами в кожаных переплетах, черепами, чучелами и тому подобными вещами, точнее, хламом. Сова заухала со своего навеса, из-под ног выскочил кот.

— Иду, иду, светлые господа, минуточку, сейчас,— раздался тоненький фальцет, и мэтр Мартинус вынырнул из задней комнаты в мантии со знаками Зодиака, выцветшими от многочисленных стирок. Округлая голова его — совершенно лысая, а редкая бороденка кажется приклеенной. Близорукие глазки беспрерывно моргали, губы кривились в робкой усмешке.

— Приветствую вас, приветствую, господа. Как ваше здоровье? — Он присмотрелся. Да ведь это маленькая девалебедь? Входи, дорогая моя, входи. Но ты ведь уже вошла, верно? Да-да, ты, разумеется, уже вошла.

— У нас к тебе дело, Мартинус,— сказала Алианора.— Может, оно и нелегкое, но никого другого у нас нет.

— И хорошо, и прекрасно, дорогая моя, все сделаю, что смогу, благородный рыцарь. Все сделаю, что смогу. Прошу вас.— Мартинус смахнул пыль с висевшего на стене пергамента, явно стараясь обратить на него внимание Хольгера. Надпись гласила, что Мартинус, филиус* Голофи, выполнил все задания, экзаменаторами поставленные, и так далее; волею и благорасположением Регентов Университета в Рианоне сим присвоен ему титул Магистра Наук Магических со всеми привилегиями и обязанностями, сему титулу сопутствующими.

— Боюсь, что я не смогу...— Хольгер хотел объяснить, что денег у него нет, но локоть Алианоры толкнул его под ребра.

---

* Мартинус Трисмегистус, магистр магии (латинск.) Трисмегистус — «трижды величайший», титул покровителя алхимии Гермеса. Со стороны мага употреблять его — неописуемое хамство.

— Страшные тайны связаны с этим делом,— сказала она быстро.— И ни один обычный чародей с ним не справится. Потому я и привела этого рыцаря к тебе.

И одарила мага такой улыбкой, что даже Хольгер, собиравшийся потихоньку убраться отсюда, застыл на месте.

— И весьма мудро поступила, девочка, весьма мудро, если можно так выразиться. Проходите, прошу вас, там мы все обговорим.

Семеня впереди, Мартинус привел их в комнатку, столь же неопрятную и пыльную. Сбросил с кресел книги на пол, извиняясь за нерадивого слугу, потом громко прокричал:

— Вина! Принесите всем вина! — помолчал и крикнул: — Эй, ты! Кончай дрыхнуть. Вина нам всем.

Хольгер уселся в кресло, тут же затрещавшее под его тяжестью. Алианора присела на краешке соседнего, стреляя глазами, как птица в клетке. Мартинус устроился в третьем, скрестил ноги, почесал ладони и спросил:

— Так какие у тебя сложности, господин мой?

— Дело в том...— сказал Хольгер.— Все началось, когда... вот черт, не знаю, с чего и начать.

— Может, тебе прилечь на софу? — спросил Мартинус участливо.

Бутылка и три пыльных бокала проплыли по комнате, опустились на стол.

— Наконец-то,— пробурчал чародей. Подождал, пока невидимый слуга удалился.— Нынче, говорю я вам, приличной прислуги не сыщете. Ну никак. Вот этого духа взять — невыносим! Совершенно невыносим! Все обстояло иначе, когда я был мальчишкой. Вот тогда они знали свое место. А уж что касается зелий, мумий, порошка из сушеных жаб — нынче такого товара не найдешь, а цены! Господи мой, ты не поверишь, но Михаэлмас в последний раз запросил...

Алианора кашлянула.

— Ох, простите,— спохватился Мартинус.— Заговорился. Противная эта привычка — болтливость. Нужно записать для памяти — произнести заклятье от болтливости,— он наполнил бокалы и подал гостям. Вино оказалось сносное.— Говори, господин мой, прошу тебя. Расскажи мне все.

Хольгер вздохнул и начал свой рассказ. Мартинус перебивал его комментариями и вопросами столь же дотошно, как раньше герцог Альфрик. Едва Хольгер упомянул о ночлеге у Мамаши Герды, чародей встрепенулся:

— Знаю я ее. Неприглядная особа. Герда балуется черной магией. Из-за таких вот прохиндеев без лицензии наша профессия и теряет доброе имя. Продолжай, господин мой.

Когда Хольгер закончил, Мартинус наморщил лоб:

— Удивительная история. Думаю, ты прав — ты в самом центре какого-то весьма важного предприятия...

Хольгер с трепетом наклонился к нему:

— Кто я? Кто носит в гербе три сердца и трех львов?

— Не знаю, сэр Хольгер. Подозреваю, что ты был — или останешься — какой-то важной особой из краев, лежащих к западу отсюда, например, во Франции. Тебе знакома мистическая география? Мир Порядка, мир человека со всех сторон окружен демонами Хаоса, мир Порядка — словно бы остров в океане Серединного Мира. На севере живут великаны, на юге драконы. Наш Транберг лежит вблизи восточных рубежей заселенных людьми мест, и потому мы чуточку наслышаны о королевствах вроде Фаэра и Троллькейма. Но известия путешествуют медленно, к тому же по дороге они пропадают и искажаются. Так что не только о демонах Серединного Мира в западном океане, на островах Авалон, Лайонесс, Хай Брэзейл, но и о государствах людей вроде Франции или Испании до нас доходят лишь смутные, перелицованные слухи. И потому я не могу определить имя рыцаря трех сердец и трех львов, хотя в тех краях он, быть может, принадлежит к знатному роду и весьма известен. Не думаю, что в моих книгах отыщется что-нибудь на этот счет — хотя, честно тебе скажу, поскорее бы привести мою библиотеку в порядок и составить ее каталог. Однако мне кажется,— он принял важный вид, словно бы расстался с долей рассеянности,— что в общих чертах я могу реконструировать происшедшее. Этот рыцарь с запада был противником, с которым силы Хаоса опасались сойтись в открытом бою. Вероятнее всего, он был одним из Избранных, подобно Карлу, Артуру и высшим из их паладинов. Я имел в виду не святого, а воина, которого отметил Господь и взвалил на его плечи нечеловеческую тяжесть. Рыцари Круглого Стола и паладины Карла давным-давно покоятся в земле, и их место должен был занять другой герой. И Хаос, прежде чем пуститься в дальнейшее завоевание, должен был убрать этого рыцаря с дороги. Это могла осуществить Моргана, похоронив в его сознании воспоминания о прошлой жизни так глубоко, что ни одно обычное заклятье не в силах их освободить. А потом она превратила его в младенца и отправила в какой-то другой мир, надеясь, что назад он вер-

нется лишь после окончательной победы Хаоса. Не знаю, почему она его попросту не убила. Может быть, не хотела. А может, он, будучи одним из Избранных, защищен был могучими силами, превосходящими возможности Морганы. Словом, как бы там ни было, в один прекрасный миг, который кажется мне переломным, рыцарь вновь вернулся в наш мир. Вряд ли причиной тому послужило непосредственное вмешательство Господа. При всем моем уважении к тебе, рыцарь, я так не думаю — ведь чары все еще держат твою память под спудом. Думаю, что Моргана просто-напросто не приняла во внимание единства всего сущего. Герой должен был появиться, когда в нем возникла наивысшая нужда. И теперь Срединный Мир приложит всю свою мощь, чтобы усложнить ему жизнь Ему... или, точнее, тебе. Это, разумеется, чистейшей воды теория, игра ума, господин мой, но позволю себе заметить, что она великолепно подходит ко всем известным нам фактам...

Хольгер ссутулился — ситуация... Роль фигуры на шахматной доске ему ничуть не улыбалась. Да нет, он был свободен. Даже чересчур. Был телесным воплощением сил, о которых ничего не знал и не мог ими овладеть. Черт побери! Ну почему это выпало именно ему?

— Ты можешь отправить меня назад? — напрягся он.

Алпанора глубоко вздохнула и отвернулась. Она ведь знала, что я хочу вернуться, подумал Хольгер, чуя смутное беспокойство. Но притворялась, жила словно во сне...

Мартинус покачал головой:

— Нет, господин мой. Боюсь, это превосходит мои силы. И не только мои. Вряд ли кто-либо, смертный или житель Срединного Мира, сможет тебе помочь. Если я не ошибаюсь, ты не просто вмешался в борьбу Порядка и Хаоса. Ты — неотъемлемая часть этой борьбы,— маг тяжко вздохнул.— Будь я, как встарь, молодым, веселым и дерзким, попробовал бы. В те времена я бы на что угодно отважился... Ты никогда не бывал на факультете магии и не знаешь, какие штучки выделывали студенты... Но сейчас не жди от меня помощи, даже ценного совета подать не сумею.

— Что же мне делать? — безрадостно спросил Хольгер.— Куда идти теперь?

— Не знаю. Правда... Есть ведь Кортана, меч, изготовленный из той же стали, что Дюрандаль и Экскалибур. Есть и предание, оно гласит, что святой человек, настоящий святой благословил меч и предрек, что в руках законного владельца Кортана будет защищать христианский

мир, когда вслед за своими хозяевами уйдут в небытие другие великие мечи. Но впоследствии, гласит легенда, меч Кортана был украден... быть может, как раз подданными феи Морганы? Уничтожить его они были не в силах, но, чтобы меч не использовали против них, они где-то укрыли его с помощью язычников, на коих святое благословение не действовало.

— Значит, нужно мне попробовать его отыскать?

— Это опасная затея, молодой человек. Но только этот меч спасет тебя от врагов. Знаешь что?— Мартинус хлопнул Хольгера по плечу.— Вот как я сделаю. Употреблю всю свою силу — а многие согласятся, что не столь уж она ничтожна — чтобы дознаться, кто ты такой, и где укрыт меч. Его святой ореол способны учуять подвластные мне духи воздуха. Да, это лучший выход.

— Я тебе несказанно благодарна,— сказала Алианора. Похоже, никакие опасности ее не пугают — главное, Хольгер не исчезнет у нее из-под носа.

— Увы, в моем доме нет комнат для гостей,— сказал Мартинус.— Но в городе есть постоялый двор, вы там можете остановиться. Скажите хозяину, что я вас прислал, и что я... гм, не забыл о том должке. И приходите сюда завтра утром. Да, быть может, ты хочешь укрыться от того сарацина? У меня есть неплохие заклятья для изменения внешности, по умеренным ценам.

— Какой сарацин? — удивился Хольгер.

— Я не сказал? Ну вот, снова память подвела, рассеянным становлюсь... Нужно записать, в ближайшее же время навести на себя улучшающие память чары... Я говорил о сарацине, который тебя разыскивает. Он уже в городе.

16

Порывшись в книгах, Мартинус убедился, что не может найти заклятья, вернувшего бы Хольгеру память. Зато он с помощью пассов и клубков вонючего дыма снабдил датчанина новым лицом. Датчанин увидел в зеркале свою физиономию: довольно-таки подозрительная рожа, смуглая, светлые волосы и бородка стали черными, глаза карими. Алианора вздохнула:

— Раньше ты мне больше нравился...

— Когда захочешь вернуть свой прежний облик, произнеси «Белангор Меланхос», и заклятье растает,— сказал Мартинус.— А до того держись подальше от священных мест. Меч Кортана, кстати, тоже уничтожает заклятье.

Не скажу, что его наложение — столь уж тяжкий грех, но в чарах на изменение внешности есть кое-какие языческие элементы, и потому освященные предметы... Словом, держись от них подальше, если хочешь остаться неузнаваемым.

— Неплохо было бы сделать то же для моего коня,— сказал Хольгер.— Он бросается в глаза.

— Ну, это уж! — запротестовал Мартинус.

— Я тебя умоляю,— проворковала Алианора, трепеща ресницами.

— Ну ладно, ладно. Ведите его сюда. Но пусть ведет себя пристойно.

Папиллон заполнил собой комнату. Назад он вышел гнедым, не столь уж рослым коньком. В придачу Мартинус изменил и щит Хольгера. Он спросил, какой герб изобразить, но датчанину ничего не пришло в голову, кроме «Айвенго»— и щит его украсил вырванный с корнем дуб. Но эти перемены Хольгер мог увидеть только в зеркале — потому что сам был объектом волшебных превращений.

— Приходите ко мне завтра,— сказал чародей.— Но не раньше полудня. Это вы, лесные жители, встаете с первым лучом солнца.

Направляясь на постоялый двор, они проехали мимо церкви. Хольгер придержал коня. Ни с того, ни с сего захотелось вдруг зайти и помолиться, но он вспомнил о заклятьи и не отважился. Вновь ожила память того рыцаря? Наверняка тот был по-своему набожен. Трудно пускаться в неизвестность, не вознеся перед тем молитв Господу... Хольгер пустил коня рысью.

Уже настала ночь, они ехали погруженными во мрак улочками почти на ощупь. Навстречу им вышел толстый, широко улыбавшийся хозяин.

— Хотите остановиться на ночлег? У меня найдется, господин мой, прекрасная комната, где случалось, спали коронованные особы.

Хольгер подумал: хочется верить, что они при том не страдали от блох и прочей живности.

Нам нужны две комнаты,— сказал он.

— Ох, да я могу спать в конюшне,— сказал Гуги.

— Все равно нужны две.

Когда они спешились, Алианора подошла к нему вплотную. Хольгер вдохнул нежный солнечный запах ее волос.

— Зачем? — шепнула она.— У костра мы спали под одной попоной.

— Да,— буркнул он.— Но теперь я за себя не ручаюсь.

Алианора захлопала в ладошки:

— И прекрасно!

— Я... ко всем чертям! Две комнаты, я сказал!

Хозяин пожал плечами. И постучал себя пальцем по лбу, когда ему казалось, что никто на него не смотрит.

Комнаты оказались маленькими, из мебели там имелись только кровати. Но выглядели они достаточно опрятно. Хольгер ломал голову — как же он уплатит по счету? У них ведь ни гроша. До сих пор у него хватало забот и без раздумий о деньгах. Алианора, дитя лесов, могла вообще забыть о таких топкостях. И еще... Известие о их въезде в город наверняка разошлось широко. Кто-нибудь легко догадается, что светловолосый рыцарь, вдруг ставший смуглым брюнетом, получил новое лицо от Мартинуса. Слух о том может дойти до сарацина. Ну что ж, кинулся в воду — плыви...

Он снял доспехи, переоделся в лучшую накидку и чулки, но меч повесил на пояс. Выйдя из комнаты, столкнулся с Алианорой, порадовался, коридор слишком темный, и девушка не видит его нового лица.

— Пойдем поужинаем? — спросил он неуверенно.

— Да,— ответила она приглушенно и вдруг взяла его за руки.— Хольгер, я тебе не нравлюсь?

— Ну что ты. Я очень тебя люблю.

— Может, все оттого, что я — дева-лебедь, дикая и некрашенная? Это можно исправить. Я могу научиться быть дамой.

— Алианора... Я... Ты ведь знаешь — я должен вернуться домой. Что бы там ни говорили, в этом мире нет для меня места. Когда-нибудь мне придется уйти. Навсегда. Нам обоим будет нелегко, если... я твое сердце заберу с собой, а свое оставлю тебе.

— А если ты не сможешь вернуться? — спросила она.— Если останешься здесь навсегда?

— Н-ну... это уже будет совсем другая история.

— Ох, как мне хочется, чтобы ты тут остался. Но я все равно буду помогать тебе искать путь домой, раз ты так хочешь,— она отвернулась, понурила голову.— До чего же неприятная штука — жизнь...

Хольгер взял ее за руку, и они спустились вниз, в длинный зал с низким потолком, освещенный свечами и пламенем большого камина. Там сидел еще один постоялец. Завидев Хольгера и Алианору, он сорвался с лавки с криком: «О...», но замолк, едва Хольгер вышел на свет.

— Я ошибся, благородный рыцарь,— поклонился незна-

конец.— Принял тебя за того, кого разыскиваю. Простите мне, господин, и ты, госпожа.

Хольгер присмотрелся к нему. Несомненно, это был сарацин. Среднего роста, худощавый и гибкий, весьма элегантный в белом кафтане, просторных шароварах и красных туфлях с загнутыми носками. На поясе, обвивающем несколько раз его тонкую талию, висела булатная сабля. Лицо под тюрбаном со страусиными перьями и изумрудной заколкой было узкое и смуглое, с орлиным носом, острой черной бородкой и золотыми серьгами в ушах. Двигался он с кошачьей грацией, голос его был спокоен и вежлив, но Хольгер чуял, что в битве это был бы страшный противник.

— Охотно прощаю,— сказал Хольгер, стараясь не уступить в учтивости.— Могу ли я представить госпожу Алианору де ла Форе? *

— Я... гм, я сэр Руперт из Граустарка.

— Боюсь, я никогда не слышал твоего имени, сэр рыцарь, но я приехал с дальнего юго-запада и места эти мне совершенно неизвестны. Сэр Сарах, некогда король Мавритании, к твоим услугам,— сарацин склонился до самой земли.— Не окажете ли честь отужинать со мной? Для меня будет большой радостью, если...

— Охотно,— тут же согласился Хольгер. Он рад был, что платить по счету придется другому. Они сели. Коротенькая туника Алианоры явно удивила Сараха, но он тактично отвел глаза. Потребовал у хозяина принести образчики всех вин, отпил по глотку из всех кубков и выбрал к каждой перемене еды надлежащий сорт. Хольгер не удержался:

— Я думал, что твоя вера, сэр Сарах, запрещает пить спиртное.

— Ах, сэр Руперт, ты меня принял за кого-то другого. Я христианин, как и ты. Это правда, когда-то я сражался за язычников, но победивший меня рыцарь, честный и благородный, завоевал и мою душу для Истинной Веры. Но оставайся я приверженцем Магомета, все равно не осмелился бы быть столь неучтивым, чтобы не выпить за здоровье твоей госпожи, наиприкраснейшей из дам.

Ужин прошел в дружеской обстановке, за приятной беседой. Потом Алианора зевнула и ушла наверх спать. А Хольгер с Сарахом взялись за вино как следует. Датча-

* Измышленный Хольгером «дворянский» титул переводится как Алианора-из-леса.

пил, правда, сначала отнекивался, заявив, что не любит пить за чужой счет, но сарацин настаивал:

— Мне весьма лестно оказаться в обществе человека, который одинаково хорошо сложит балладу и преломит копье. Такие редко встречаются в этом диком пограничье. А потому не отвергай моего угощения, сэр Руперт.

— Ну да, здесь не самые лучшие места для путешествий,— согласился Хольгер. И добавил, зондируя почву: — Наверняка, сэр Сарах, тебя привели сюда важные дела?

— Да, я ищу одного человека,— пронзительные глаза сарацина уставились на него поверх кубка.— Может, ты слышал о нем? Он рослый и могучий, в точности как ты, только волосы у него светлые. Скорее всего он ездит на огромном вороном скакуне, а в гербе у него или черный орел на серебряном поле, или три сердца с тремя львами на ало-золотых полосах.

— Гм-м...— Хольгер погладил подбородок, стараясь сохранить спокойствие.— Кажется,— что-то я о нем слышал, но в точности не помню. Какое имя ты назвал?

— Я никакого не называл,— сказал Сарах.— Прости мне эту таинственность, но как его зовут, так и зовут. У него много сильных врагов, которые тут же ринулись бы по его следам, узнав, где он пребывает.

— Значит, тебе он друг?

Сарах сказал вежливо:

— Быть может, лучше будет, если мои побуждения останутся тайной. Не то чтобы я тебе не доверял, сэр Руперт, но у стен есть уши, и не только человеческие. А я чужой здесь — не только в этих краях, но и в этом времени.

— Что?!

Сарах зорко приглядывался к Хольгеру, словно ловя малейший оттенок его реакций:

— Вот об этом я как раз могу рассказать. Когда-то я знал того человека, уже искал его однажды, много веков тому назад. Но он исчез неизвестно куда. Потом я узнал, что он вернулся, в минуту, когда прекрасной Франции угрожала опасность. Он прогнал вторгшихся язычников, а потом вновь пропал. Случилось это, когда меня здесь уже не было. В поисках его я отправился морем, и сильный шторм выбросил мой корабль на берег плавучего острова Хай Бризейл, и я стал гостем в замке прекраснейшей из женщин,— он тоскливо вздохнул.— Удивительные вещи там творятся со Временем. Говорят, то же самое — на острове Авалон и под Бугром Эльфов. Мне казалось, что я пробыл

с ней всего год, но в населенных людьми странах минули века. Услышав что Серединный Мир собирает силы, я тайком от госпожи моей и возлюбленной использовал ее магию и доведался, что буря грянет именно тут, на востоке. И узнав еще, что рыцарь, с которым я так жажду встретиться, тоже должен вернуться в эти дивные края, откуда был изгнан. Однажды ночью я взошел на зачарованный корабль и доплыл на нем до юго-западных берегов этого королевства. Раздобыв коня, я поехал на север в надежде отыскать того рыцаря. Но бог пока что не помог мне в этом.

Сарах замолчал и одним глотком осушил кубок. Хольгер нахмурился. Он пробыл в этом мире достаточно долго и потому верил всему рассказанному. С ним самим случилось здесь и более невероятное. Сарацин, конечно, мог лгать... Нет, Хольгер уверен был, что услышал чистую правду. Почему-то это худое смуглое лицо казалось ему знакомым. Где-то, когда-то он наверняка встречался с Сарахом, как с другом, или как с врагом? Сарацин упорно уклонялся от этого вопроса, расспрашивать далее было неразумно. Правда, мавр не без приязни говорит о человеке, которого искал, но как раз это ничего не доказывало — рыцарь, строго соблюдавший кодекс чести, мог петь дифирамбы своему врагу, отправляясь убить его.

Та часть рассказа, из которой следовало, что знакомство Хольгера простираются на сотни лет в прошлое, особого впечатления на него не произвела. Горшего одиночества и тоски по дому и так нельзя было испытывать. Однако рассказ сарацина кое-что прояснил. Он, Хольгер, носивший в гербе три сердца и три льва, и был тем рыцарем, которого Моргана увлекла на остров Авалон, обрекла на жизнь вне нормального хода времени. Однажды он покинул Авалон — когда Франции угрожала опасность. И Моргана ему это позволила — видимо, ее не заботило, кто победит в той войне. Потом он к ней вернулся. И вот опять... Но теперь он вернулся сюда из более отдаленных мест, и Моргана сопротивлялась этому изо всей силы мрачной мощи.

— Я не хотел бы показаться чрезмерно навязчивым,— начал Сарах вежливо,— но любопытно мне, зачем ты странствуешь по этому беспокойному пограничью. Скажи мне, прошу тебя — где лежит твой Гарустарк?

— К югу отсюда,— пробормотал Хольгер.— Я... я дал некие обеты. Дева-лебедь любезно согласилась помочь мне их исполнить.

Сарах поднял брови. Наверняка он не поверил ни единому слову Хольгера. Но вежливо улыбнулся ему:

— Может, споем развлечения ради? Ты наверняка знаешь песни, баллады, секстины и сможешь усладить ими мои уши, столь долго слушавшие лишь вой волков и ветра.

— Попробую,— сказал Хольгер, довольный переменой темы.

И они пели добрых несколько часов. При этом употребили огромное количество вина, дабы промочить глотки и освежить память. Сараху необыкновенно понравился перевод «Аульдланд Ланд», на скорую руку сделанный Хольгером. Они подняли на ноги весь дом, когда вопя эту балладу, поддерживая друг друга, шатаясь, карабкались вверх по лестнице, чтобы наконец отойти ко сну.

17

На другой день, когда они шли в полдень к лавке Мартинуса, голова Хольгера трещала по всем швам. Алианора благоразумно помалкивала. Гуги они оставили с лошадьми на постоялом дворе — хозяин с утра поглядывал на них с нескрываемым подозрением. Видимо, у него уже случались неприятности с гостями, имевшими разветвленное генеалогическое древо и тощий кошелек.

Чародей вышел навстречу, широко улыбаясь:

— Видится, видится мне, ты заглядывал в кубок чаще, чем следовало, мой юный друг,— хихикнул он с неприятным превосходством, характерным для тех, чьи развлечения такого рода безвозвратно отошли в прошлое.— По счастью, у меня имеется весьма действенное и совсем недорогое снадобье, исцеляющее малярию, моровую язву, дурное настроение, мозоли, ревматические боли, слезящиеся глаза, проказу и похмелье. Выпей-ка содержимое этого кубка... Ничуть не горько, верно ведь?

Его панацея действительно в мгновение ока уничтожила последствия вчерашних возлияний и Хольгер подумал: на этом лекарстве можно было бы нажить состояние в родном мире, если бы удалось раздобыть рецепт.

Мартинус принял важный вид. Прошелся по лавке, заложив руки за спину, уставясь в пол, потом сказал хмуро:

— Мне не удалось установить твою личность, сэр Хольгер. Все создания, которые могли бы мне в том помочь, не смогли явиться на мой зов — кто-то преградил им дорогу мощным заклятьем. Это означает, что ты и в самом деле очень важная персона. Но враг не смог предусмотреть всего. Я сумел вызвать стремительных духов воздуха, даже Ариэля пригласил на консультацию и открыл с их по-

мощью место, где покоится меч Кортана. Оно не столь уж далеко отсюда, но я бы в такое путешествие не пустился...

Сердце Хольгера заколотилось:

— Где?

Мартинус обернулся к Алианоре:

— Ты знаешь храм святого Гриммина на горе?

Она прикусила губку:

— Слышала о таком.

— Там лежит меч. Я думаю, его спрятали в тех краях, на востоке, чтобы он был подальше от своего законного владельца; а храм святого Гриммина выбрали, чтобы до предела затруднить владельцу поиски, если он все же нападет на след,— маг помотал лысой головой.— Мой юный друг, не могу со спокойным сердцем советовать тебе ехать туда.

— Что это за место? — спросил Хольгер.

— Заброшенный храм в горах к северу отсюда. Сотни лет назад его возвели там миссионеры, надеявшиеся обратить в истинную веру тамошние дикие племена. И какое-то время там жила группа неофитов. Но потом на них напали, вырезали, и с тех пор церковь лежит в руинах. Говорят, что вождь нападавших осквернил алтарь человеческой жертвой, и здание утратило ореол, стало обиталищем злых духов и насылает беду. Теперь и дикари к нему близко не подходят.

— Хм...— Хольгер уставился в пол. Казалось, он держит на плечах весь мир. Безусловно, Мартинус не шутил.

А зачем, собственно, Хольгеру возвращаться домой? Что его туда влечет? Ну как же — приятели, воспоминания, знакомые, любимые пейзажи. Но если честно, там не осталось никого и ничего, достойного настоящей тоски. Война, голод, продажность, антигуманность. И если даже удастся вернуться, он может оказаться в том самом времени на том самом месте. А ведь там он и его друзья прижаты к земле огнем гитлеровцев, и шансов остаться в живых у них нет, остается лишь умирать со слабеющей надеждой, что они проживут столько, чтобы дать лодке достигнуть шведского берега.

Черт, и ведь все указывает на то, что тот мир не был ему родным. Его родина здесь, а там он пребывал в изгнании. Конечно, тот мир выглядел лучшим, более опрятным прибежищем...

Нет, запротестовала его упрямая совесть, и там хватает темных сторон бытия, и разве тот мир позволит ему пережить такие приключения, как здесь.

Волосы Алианоры вспыхнули в солнечных лучах. Та-

кой девушки Хольгер еще в жизни не встречал. Если отказаться от глупой экспедиции на север и уйти с Алианорой восвояси, его ждет не самая худшая участь. Король лесов. Он наверняка сможет выкроить себе владения на этих бесконечных ничьих землях. А если захочется более цивилизованной жизни, можно уехать с Алианорой в Империю.

А дальше? Ведь Хаос готовится к войне. Он вспомнил, что Фарисеи собираются распространить вечный полумрак на всю планету. И помнил, что говорила фея Моргана насчет великолепных забав со звездами и планетами; помнил о людях, их семьях, их надеждах, схваченных тенетами разрушения.

Нет у него выбора. Как у всякого честного человека в нынешние грозные времена. Нужно приложить все силы чтобы отыскать меч и передать его законному владельцу, или самому сражаться им, если окажется, что Кортана принадлежит ему. А уж потом — если у него будет «потом» — можно и попытаться отыскать дорогу домой.

Он поднял голову:

— Я еду.

— Мы едем,— поправила Алианора.

— Как хочешь,— сказал Мартинус тихо.— И помолись за удачу. Пусть тебя бог убережет и поможет — ведь ты, думаю, едешь ради нас всех,— он вытер глаза рукавом, потом заставил себя улыбнуться и сказал: — Ну вот и все с этим. А теперь поговорим о счете, перед столь опасным путешествием нужно уладить и такого рода дела...

Хольгер тяжко вздохнул.

— Как раз теперь у нас нет денег,— вмешалась Алианора,— но если ты пришлешь счет немного погодя, мы позаботимся, чтобы он был оплачен сполна.

— А я-то думал, что денег у вас в избытке,— Мартинус заметно поскучнел.— Видите ли, в моем заведении не принято представлять кредит...

— Но на твоей вывеске написано, что ты можешь творить всегда — полные — кошельки...— заикнулся Хольгер.

— Это только реклама. Штришок для создания полноценного образа.

— Мой старый добрый друг,— Алианора улыбнулась и взяла чародея за руку.— Ты ведь не будешь докучать воркотней о деньгах человеку, которому предстоит спасти весь мир, правда? Заклятья будут твоим вкладом в это великое предприятие. И твое имя будет прославлено в песнях.

— Но как я это объясню моим кредиторам? — запротестовал Мартинус.

— Ах, ну неужели неправда, что благородный поступок дороже всех богатств мира,— Алианора погладила мага по щеке.

— В Библии есть места, из коих можно сделать такой вывод, но...

— Ах, спасибо, дорогой друг! Я знала, что ты согласишься! Благодарю!

— Но... Вы не можете так... Я...

— Нет-нет, к чему слова? Ты нам достаточно помог, и было бы грешно принять от тебя еще что-то. До свидания, мой благородный друг.— Алианора поцеловала его в щеку, прежде чем он успел опомниться, вытолкнула Хольгера за дверь.— О эти женщины! — только и подумал датчанин. На постоялом дворе они встретили разгуливавшего у крыльца Сараха. Он подошел к ним и низко поклонился:

— Ваш друг гном сказал, что вы вскоре вновь отправитесь в путь.

— Да,— сказал Хольгер, перехватил взгляд хозяина и торопливо добавил.— Быть может.

Сарах погладил бородку тонкими пальцами, унизанными перстнями:

— А могу ли я осведомиться, в какую сторону вы направляетесь?

— На север, похоже.

— В те дикие края? Приключение это достойно будет баллады, если кто-то останется в живых, чтобы ее сложить.

— Я говорил тебе, что дал обет,— буркнул Хольгер.

— О, прости, друг мой,— сказал Сарах.— Неучтиво было расспрашивать далее о том, что ты желаешь сохранить в тайне, но не могу ли я помочь тебе советом?

— Если хочешь сохранить в тайне цель своего путешествия, не оставляй людям столько простора для сплетен. Легко им будет распустить языки, если они не будут знать совершенно ничего. Одни станут говорить, что ты решил совершить славный рыцарский подвиг и убить одного из троллей, что обитают в горах на севере и часто, как мне рассказывали, пожирают людей. Правда, кое-кто здесь уверяет, что тролля убить невозможно, я перекинулся парой слов с горожанами... А другие станут болтать, что сэр Руперт отправляется вызвать на поединок короля язычников. Но большинство уверится, что ты будешь искать в горах золотой клад — ох уж эти мне крестьяне. И найдутся такие, что спросят: а при чем тут молодая дама, она-то как

вяжется со всеми этими намерениями? Люди станут болтать языком, как только выдастся свободная минутка, и молва разнесется, как пожар в степи. Если ты этого не хочешь, лучше сразу назвать во всеуслышание какую-то конкретную цель — лучше всего столь удивительную, что о ней вообще не будут судачить.

И Алианора попалась на его удочку.

— Путешествие и в самом деле удивительное,— сказала она искренне.— К проклятой церкви святого Гриммина.

— Я дал обет совершить туда паломничество, чтобы...— Хольгер пытался уберечь в тайне, что только возможно,— Чтобы спасти церковную утварь, которая там еще уцелела. Но не люблю я об этом рассказывать, это... гм, это во искупление поступков, о которых мне не хочется вспоминать.

— Вот как! Что ж, прости,— Сарах не сводил с него глаз.— А знаешь ли ты, что как раз в тех местах я еще не искал своего рыцаря? Никак не думал, что он может оказаться там. Но вот теперь засомневался, не ошибся ли, не поехать ли мне туда? И еще... Быть может, если я помогу тебе исполнить твой обет, мой кредит в небесах превысит нынешнее жалости достойное состояние. Добрые друзья сокращают путь, не говоря уже о том, что полезными будут в минуту опасности. Не смогу ли я поехать с вами?

Алианора и Хольгер переглянулись. Ее глаза говорили: «Ты с ним уже знаком, тебе и решать».

Поколебавшись, Хольгер сказал:

— Опасность грозит не только нашим телам. Думаю, мы можем столкнуться и с черной магией.

Сарах пренебрежительно махнул рукой, улыбнулся:

— Твой меч — прямой, моя сабля — кривая. Этого достаточно, чтобы поразить врага, какую бы форму он ни принял.

Хольгер почесал подбородок. Бесспорно, спутник ему не помешает. Знать бы только тайные побуждения Сараха...

Быть может, это агент Хаоса? Однако подсознание, которому Хольгер все больше доверял, твердило иное. Он попробовал поставить себя на место мавра: вот он путешествует, тщетно разыскивая по какой-то серьезной надобности кого-то крайне ему нужного, и вдруг встречает некоего странствующего рыцаря, чьи россказни доверия не внушают... Да, подсознание подсказывало ему, что именно таков Сарах — неудержимое любопытство, во всем пытавшееся дознаться до истины. К тому же сарацин может догадываться, что сэр Руперт из Гаустарка как-то связан

с тем, кого Сарах ищет, знает даже, где объект поиской находится. И если даже все не так, не мешает поискать своего человека в северных горах. В любом случае у Сараха есть веские причины навязываться в спутники сэру Руперту.

— Мне приятно будет сопутствовать тебе, сэр рыцарь,— сказал Сарах.— И еще приятнее, разумеется — тебе, очаровательная госпожа. Я так этого жажду, что если вы будете столь любезны и согласитесь, стану настаивать, чтобы вы посчитали себя моими гостями с момента вашего появления здесь... О нет, не отказывайте мне, и слышать не желаю!

Хольгер и Алианора усмотрели в его взгляде тень иронии. Нет сомнений — он знал, что за душой у них ни гроша и про себя посмеивался в кулак. Но не стоило пренебрегать возможностью покинуть город спокойно, без стычки с хозяином постоялого двора.

— Хорошо,— Хольгер протянул руку, Сарах ее пожал.— Руку на дружбу?

— Да. Клянусь рыцарской честью.

— И я клянусь,— Хольгер знал, что поступил правильно. По крайней мере, до конца их путешествия Сарах будет связан рыцарской клятвой. А когда в руки Хольгера попадет Кортана, сарацин перестанет быть для него серьезным противником.

— Когда нет друга, спина словно голая,— сказал он порывисто.

Сарах так и подскочил:

— От кого ты это слышал?

— Да просто в голову пришло. А почему ты спрашиваешь?

— Я знавал когда-то человека, так изъяснявшегося. По правде говоря, это тот, кого я ищу.— Сарах внимательно смотрел на него, наконец отвел взгляд.— Нужно что-нибудь съесть и собираться в дорогу. Лучше всего выехать завтра утром, как по-твоему?

Он был прекрасным застольным товарищем — шутил, пел, вспоминал довольно пикантные истории. Потом вместе с Хольгером проверил свое снаряжение. Доспехами Сараха были стальной панцирь, покрытый искусной гравировкой, остроконечный шлем с кольчужным назатыльником, защищавшим шею: наконец, наголенники, прикрепленные к высоким сапогам из мягкой кожи. На щите его была шестиконечная звезда, серебряная на голубом поле, а вокруг нее — золотые лилии на алом. Среди его оружия на-

шелся и лук со стрелами. Кобыла у него была белая, поджарая. Гнедого мерина Алианоры он одобрил, но сказал, что лучше будет купить еще и мула, на котором поедет Гуги с запасом провизии. Потом он еще долго высчитывал, что им еще купить, не переплачивая.

Когда они легли спать, Хольгер долго не мог уснуть. Он знал: какие бы меры предосторожности они ни принимали, фея Моргана узнает о цели их путешествия, если уже не узнала — и постарается им помешать, как только сможет.

18

Два раза они ночевали на крестьянских подворьях. Хольгер заметно уступал Сараху в красноречии и потому помалкивал. Сарацин говорил за двоих, был веселым, обходительным и уделял девушке все больше внимания — а Хольгер выглядел все более угрюмым и неразговорчивым. Он старался сохранять хладнокровие — в конце концов, какие он имел права на Алианору? — но удавалось это ему плохо.

На третий день села и пашни остались позади. Ночевали они в шалаше пастуха, рассказавшего им несколько жутких историй о диких, ужасных налетчиках, державших в страхе эти края. Наиболее кровавой славой пользовались тролли, порой забредавшие сюда. Здесь кончались населенные христианским людом места — дальше были одни лишь владения каннибалов.

И вот наутро они стали подниматься в горы еще более высокие и крутые, чем на востоке. Алианора объяснила, что они оказались у подножия мощного хребта Ютун.

— По другую сторону хребта — только холод, мрак и льды, освещенные полярным сиянием. Там — края великанов.

Но цель их путешествия лежала гораздо ближе — на равнине у строгов горных вершин. Однако впереди была самое малое неделя пути по трудному и опасному бездорожью.

Они проезжали меж валунов, покрытых прамами от ледников; взбирались на пологие склоны, спускались со склонов; оказывались в пробитых ветром каньонах с острыми, как бритва, краями, таких узких, что дневной свет едва проникал в них. Лес остался позади, лишь росли там и сям скрюченные горные сосны, трава была редкая и жесткая, ветер, холодный даже в полдень, ночью становился ледяным. Облака проползали высоко в небе, бледное соли-

де не грело, а звезды казались зловещими льдинками. Часто приходилось переправляться через быстрые ручьи, стекавшие с гор. Тогда их кони напрягали все силы, сопротивляясь потоку. Лишь Гуги выходил сухим из этих переправ — его коротеньких ножек вода не достигала. Время от времени он жизнерадостно вопил: «Эгей, корабль на горизонте!», или «Обрасопить рифы!» — но забавлял этим лишь одного себя. Сарах нюхал табак, чихал и цветисто проклинал путешествие (он вообще отказывал этим местам в праве иметь нечто похожее на климат), но упорно ехал дальше.

— Когда я вернусь домой,— говорил он,— лягу на солнышке, под цветущим апельсиновым деревом. Невольницы будут напгрывать сладкие песенки и класть виноград прямо в рот. А чтобы сохранить форму, буду постоянно упражняться — два раза в день шевелить быстро пальцами. Когда пройдет пара месяцев и такая жизнь мне наскучит, отправлюсь на рыцарские подвиги — ну, скажем, в ближайшую кофейню.

— Ах, кофе...— вздохнул Хольгер. У него кончается даже выменянный у Унриха табак, или что это там было.

Время от времени Алианора превращалась в лебедицу и улетала на разведку. Как-то, на четвертый день путешествия, когда она скрылась из глаз, Сарах посмотрел на Хольгера с необычной для сарацина серьезностью:

— Хоть она и одевается довольно странно, девушку такую встретишь не часто...

— Знаю,— кивнул Хольгер.

— Прости нескромность вопроса, но бог дал мне глаза, чтобы я смотрел. Она ведь не возлюбленная тебе?

— Нет.

— Тем глупее ты выглядишь.

— Вот я и говорю, уж сколько говорю,— пробурчал гном.— Странный это народ — рыцари. Весь мир изъездят вдоль и поперек, чтобы девушку спасти, а потом не знает, что с ней делать. Везете ее домой к папе-маме, а если наберется смелости, то хватит его, чтоб на коленях ленту на память выпросить. Чудо, что они еще целиком не вымерли, рыцари-то, при таком-то к женщинам отношении...

Перед закатом солнца Алианора вернулась.

— Я видела храм; издалека,— сказала она.— А ближе к нам видела два укрепленных селения дикарей, и возле них торчат на шестах черепа. Там — большое оживление, словно дикари готовятся к войне.

— Так оно и есть,— сказал Хольгер.

Алианора продолжала:

— Я нашла дорогу — через перевал, а потом вверх, на равнину. Там нет селений — видимо, оттого, что в какой-то из пещер поблизости поселился тролль. Но и туда заходят охотники, они нас могут выследить. И навести на нас воинов, чтобы схватить нас и сожрать.

— Печальный это конец для дельного рыцаря — быть запеченным в собственных доспехах,— сказал Сарах. И широко улыбнулся. — Хотя, сдается мне, жаркое из сэра Руперта, Гуги и меня окажется довольно жесткое и жилистое. Другое дело — деликатес из твоих прелестных ножек.

Алианора улыбнулась и покраснела до кончиков ушей. Сарах взял ее за руку:

— Если придется плохо, ты должна улететь, оставить нас. Лишившись таких как мы, мир не понесет большого ущерба, но он станет воистину унылым местом, потеряв тебя, озаряющую его сиянием своих прекрасных глаз.

Она не сразу высвободила руку. «Этот тип свое дело знает», подумал Хольгер. Увы, сам он никак не мог найти благовидного предлога, чтобы вступить в беседу. Но слушать сарацина было невыносимо. Хольгер занял место во главе кавалькады. Настроение портилось. Он старался убедить себя, что Сарах ему не соперник. Не выходило. Неужели у мавра нет ни капли такта и чувства приличия? И Алианора, где ее глаза? А почему, собственно, она обязана понимать, что происходит? До сих пор за ней попросту никто не ухаживал. Банальные комплименты она наверняка примет за высшую мудрость и подлинные чувства. Сарах — чтобы его черти взяли! — не имеет права так вести себя со столь беззащитным существом во время столь важной и опасной экспедиции, никто не имеет права так... Да пропади оно все пропадом!

К вечеру они достигли неглубокой котловины. Перед ними вздымался склон, на который завтра предстоит карабкаться — сплошное нагромождение скал, черневших на фоне неба как зубья пилы. А здесь, внизу, пенный водопад струился в озеро с темно-синего обрыва, окрашенный заходящим солнцем всеми оттенками алого. Невысокий, уютный берег. Когда они приблизились, стайка диких уток шумно взлетела и села поодаль. И вновь настала тишина.

— Я так и надеялась, что к вечеру мы сюда доберемся,— сказала Алианора.— Если забросить на ночь несколько удочек, на завтрак будет что-нибудь получше сухарей и солонины.

Гуги мотнул большой кудлатой головой:

— Вот уж не знаю, девочка. Все эти места так и смердят злом, а тут, у озера, еще вдобавок какой-то запах, я такого в жизни не встречал...

Хольгер потянул носом воздух — влажный, пахнущий водорослями.

— А мне тут нравится,— сказал он.— Как бы там ни было, до наступления темноты нам уже озеро кругом не объехать.

— Мы можем вернуться туда, откуда спустились, и переночевать там,— сказал Сарах.

— Тащиться добрых две мили,— буркнул Хольгер.— Отправляйся, если хочешь. Я здесь ночевать не боюсь.

Сарацин побагровел, но удержался от гневной отповеди. Алианора поспешно вмешалась:

— Смотрите, вон там хорошее место, совсем сухое.

Под ногами у них пружинил мох, влажный, как губка. Но поблизости лежал огромный плоский камень. Его отлогие края поросли лишайником, а сам он был покрыт густой невысокой травой. Посередине его лежала охапка сухих сучьев, так и просившихся в костер. Алианора пожала плечами:

— Будто нарочно для нас приготовлено.

— Вот-вот,— буркнул Гуги.

Но развивать эту тему дальше никто не стал.

Хольгер и Сарах, выложив магический круг, занялись лошадьми, а Гуги тем временем достал из вьюка топор и нарубил дров. Солнце скрылось за горами, но полнеба еще пылало пурпуром, словно некие великаны разожгли там костры.

Алианора встала от разгоравшегося костра:

— Пойду заброшу удочки, пока он как следует займется.

— Останься здесь, прошу тебя,— сказал Сарах. Он сидел, подобрав под себя ноги, его смуглое красивое лицо было обращено вверх, к Алианоре. За все время пути ему каким-то чудом удалось сохранить свое яркое одеяние в первозданной чистоте.

— Ты не хочешь свежей рыбы?

— Отчего же, хочу. Однако радости желудка — ничто в сравнении с еще одним часом нашей столь короткой жизни, проведенным в присутствии такого совершенства и прелести.

Девушка отвернулась. Хольгер заметил, что она залилась румянцем. Хольгеру причиняли почти физическую боль

эти юные округлости под лебединой туникой, большие серые глаза, мягкие губы, узкие ладони.

— Я...— шепнула Алианора.— Я не очень-то понимаю твои слова, сэр Сарах.

— Сядь рядом,— похлопал он ладонью по траве,— и я в меру моих скромных способностей попытаюсь тебе объяснить мои слова.

— Но... но...— она глянула на Хольгера затуманенными глазами. Датчанин стиснул зубы и отвернулся. Краем глаза заметил все же, что она села рядом с Сарахом.

— Пойду заброшу удочки,— буркнул Хольгер и встал. Схватил удочки, сбежал к воде. Заболела шея, до того хотелось оглянуться. Штаны и сапоги промокли даже раньше, чем он зашел достаточно далеко, чтобы те двое скрылись из виду. Не хватало еще схватить воспаление легких! Перестань наконец себя жалеть! В том, что Алианора дала себя увлечь этому проходимцу, виноват исключительно ты сам. Ведь это ты ее оттолкнул, а не она тебя, верно? Что с того, что иначе ты поступить не мог? Судьба сыграла с тобой скверную шутку...

Он расчищал кинжалом дорогу в камышах. Из оружия он оставил себе только пояс с кинжалами. Сарах поступил так же, но Хольгеру недоставало врожденной элегантности сарацина, сам он вечно ходил перемазанный, вспотевший, растрепанный, даже лицо у него сейчас чужое. Ничего удивительного, что Алианора... Но что он так к ней прикипел? Радоваться нужно, что нашелся кто-то, кто его от нее избавит. Чертовы камыши!

Он наконец выбрался на берег озера. Спокойная, как зеркало, гладь под черными скалами и небом, пурпурным на востоке, где повис месяц в компании одной-единственной звезды, и алым на западе. Последние отблески заката кроваво отблескивали на воде, и колыхания их были столь нежными, что подступавшая темнота ощущалась почти физически. Шаги Хольгера звучали громко, тревожно, камыши шуршали, шелестели. Со старой колоды, наполовину торчавшей из воды, спрыгнули лягушки. Хольгер разложил на ней удочки и принялся нацеплять на крючки кусочки мяса.

Холод охватывал его влажными щупальцами, проникал вглубь тела. Он дрожал, пальцы слушались плохо, приходилось напрягать зрение, чтобы разглядеть удочки. А ведь мог бы сейчас сидеть на Авалоне. Или даже, черт побери, с Меривен в бугре Эльфов. Неужели эта лебедица не подозревала, какое производит на меня впечатление, разгуливая

полуобнаженной под самым носом? Провались они к дьяволу, все женщины, сколько их ни есть! Они для одного созданы. Но Меривен, по крайней мере, великолепно служит тому, для чего создана.

Ладонь соскользнула, и крючок впился ему в палец. Хольгер яростно выругался, схватил кинжал и с размаху всадил его в корягу — делать что угодно, чтобы не заорать от тоски...

Смех обрушился на него, как водопад. Он резко обернулся. За спиной, у самой воды, увидел белую фигуру. Мигом позже белые руки обхватили его за шею, он не мог пошевелиться. Почувствовал, что его увлекают назад и вниз. Озеро сомкнулась над его головой.

19

Он пробовал отбиваться, но его мускулы свело судорогой, сознание залила тьма. Белые руки ослабили хватку. Инстинктивно он раскрыл рот, хватая воздух.

Но водой он не захлебнулся. Не сразу вспомнил, где он, кто он, как оказался здесь. Сознание вернулось, но еще долго он не мог ничего разглядеть вокруг — пока глаза привыкали к подводному миру.

Он сидел на белом песке, простиравшемся во все стороны, куда достигал взгляд. Повсюду лежали камни, поросшие ярко-зелеными, длинными, лениво колыхавшимися водорослями. Воздух мягко фосфоресцировал — это похоже на неизвестно откуда плывущий свет Фаэра, только здесь он зеленее. Правда... Вокруг него на сей раз не воздух. Изо рта и поздрей Хольгера вырывались струйки похожих на жемчужинки блестящих пузырьков и уплывали вверх. Слева из бледного свечения появилась рыба, проплыла мимо Хольгера и исчезла где-то справа, в лишенной перспективы дали. Хольгер вскочил, высоко подпрыгнул и невероятно медленно опустился вниз. Казалось, он стал невесомым. При каждом движении ощущал окружающую его воду.

— Приветствую тебя, сэр 'Ольгер,— раздался холодный, но не лишенный приятности голос. Он резко обернулся. Перед ним лениво покачивалась нагая женщина, нежные зеленые веточки кровеносных сосудов отчетливо выделялись на белоснежной, как снег, коже. Длинные волосы колыхались у плеч, легкие, зеленые, как водоросли. Ее глаза были желтыми, лицо — широкое, с плоским носом и полными, чувственными губами. По сравнению с лицом тело ее казалось невероятно загорелым. Хольгер никогда еще

не видел столь грациозного существа — разве что угри...

— Что, что, в чем дело? — отшатнулся он.

— Успокойся,— засмеялась она.— Ты ведь благородный рыцарь, а не глупый поселянин. Приветствую тебя еще раз,— она шевельнула ногой, подплыла ближе. Хольгер заметил, что пальцы у нее на ногах необычно длинные. И соединены перепонками. Ногти, как и губы — бледно-зеленые. Но она не выглядела отталкивающей. Отнюдь! Хольгеру даже пришлось напомнить себе, что он угодил в ловушку.

— Прости мне столь неожиданное приглашение в гости,— из ее губ выплыли блестящие жемчужинки пузырьков воздуха и осели на волосах, словно пригоршня алмазов.— Но я не могла упустить столь удобного случая — при тебе не оказалось железа, и ты был не в самом благочестивом настроении. Верь мне, я не собираюсь причинять тебе зло.

— Где я, черт побери? — рявкнул он.

— В глубинах озера, где я, его русалка, живу в одиночестве долгие века,— она взяла руки Хольгера в свои, мягкие и холодные, но, чуял он, невероятно сильные.— Не бойся, мои заклятья хранят тебя, и ты не утонешь.

Хольгер вздохнул и выдохнул: как на воздухе, никакой разницы, разве что грудь слегка сдавливает. Ощупал языком губы и рот, сплюнул. Пытаясь найти какую-то опору для здравых рассуждений, подумал: каким образом силы, определяемые как магические, навлекают из воды кислород, что за тонкая пленка, вероятнее всего мономолекулярная, защищает его лицо? Только лицо. Все остальные части тела соприкасаются с водой. Одежда промокла насквозь. Но холода он не чувствует. Господи, о чем я? Нужно придумать как выбраться отсюда!

Он высвободил руки и резко спросил:

— Кто тебя на меня наслал?

Она закинула руки за голову, выгнулась, стоя на кончиках пальцев, усмехнулась:

— Никто. Ты не представляешь, как могут наскучить одиночество и бессмертие. Когда сюда пришел прекрасный молодой рыцарь с волосами цвета солнца и глазами цвета неба, я полюбила его, как только увидела.

Его щеки запылали. Конечно, ей, существу Срединного Мира, легко было определить, что его нынешнее лицо — иллюзия, маска. Пусть так... но откуда она знает его имя?

— Фея Моргана! — вскрикнул он.

— Какое это имеет значение? — русалка пожала плечами, словно волна прошла по ее телу.— Пойдем, недалеко отсюда мое жилище. Там тебя ждут угощения. А потом...— она подплыла ближе и опустила глаза.

— Все это произошло не случайно,— упрямо сказал Хольгер.— Я знал, что Моргана будет за мной следить. Она все заранее приготовила, едва сообразила, что мы идем к озеру. Думаю, даже чувствами моими управляла, едва я вышел из круга...

— Ах, оставь! Ни одного смертного, склонного по натуре к добру, нельзя зачаровать, если он сам того не хочет.

— Уж я-то знаю, к чему в тот момент склонялась моя натура. Подозревая: даже если бы чувства эти мне не навязали силой, то все равно осторожно подтолкнули бы в нужном направлении. Уж я-то знаю... Сгинь, пропади! — Хольгер начертил перед собой крест.

Русалка лениво усмехнулась, мотнула головой влево-вправо, и ее волосы колыхнулись, как волны:

— Поздно. Попав ко мне,— не важно, по собственной воле, или нет — ты уже не сможешь ускользнуть так просто. Почему бы и не рассказать тебе правду? Да, ее Высочество Госпожа Авалона велела мне караулить у берега и схватить тебя, как только выпадет случай. Я должна тебя тут задержать, пока она не пришлет за тобой — после окончания войны, которая вскоре разразится,— русалка всплыла вверх и легла на бок в воде, на уровне его лица. Ее пальцы, тонкие и сильные, взъерошили ему волосы.— И вот я рада, что этот приказ выпал на мою долю. И сделаю все, чтобы твое пребывание здесь было приятным.

Хольгер отскочил и что было силы оттолкнулся от дна. Метнулся вверх, поплыл к невидимой поверхности озера. Русалка тут же оказалась рядом, лениво плавая вокруг. Задерживать его она и не пробовала, только сделала какой-то жест.

Вокруг замелькали темные тени. Перед лицом Хольгера щелкнули челюсти. Он заглянул в холодные глаза и усеянную острейшими зубами пасть щуки невероятных размеров. И тут же его окружили другие — десять, сто... Челюсти сомкнулись на его руке. Хольгер почувствовал острую боль, кровь заклубилась алым туманом. Он больше не плыл. Щуки окружили его со всех сторон. Русалка вновь махнула рукой. Щуки медленно отплыли, остановились поодаль.

Хольгер упал на песок. Дыхание и пульс не скоро пришли в норму.

Русалка взяла его руку и поцеловала укушенное место. Рана исчезла, словно ее и не было.

— Нет, сэр 'Ольгер, ты останешься здесь,— промурлыкала она.— Ты меня ужасно разочаруешь, если снова попытаешься покинуть столь неучтиво.

— Я себя еще ужаснее чувствую.

Она засмеялась и взяла его под руку:

— Королева Моргана хочет забрать тебя как можно быстрее. Но я считаю тебя военным трофеем, почетным пленником в почетному плену. И постараюсь не отдавать тебя подольше...

— Мои друзья...

— Не опасайся за них, дорогой мой. Сами по себе они не опасны для великих планов. Можно ручаться, они невредимыми воротятся домой,— и добавила злорадно,— когда зайдет убийственное для меня солнце, я следила издалека за некими особами в вашем лагере. Похоже, дева-лебедь вскоре перестанет печалиться из-за твоего исчезновения и позволит, чтобы ее утешили. Если не этой ночью, так следующей.

Хольгер сжал кулаки. Ему перехватило горло. Этот сарацинский прохвост... И Алианора попалась на его удочку! Птичьи мозги!

Русалка положила ему руку на плечи. Ее припухшие губы почти касались губ Хольгера.

— Ладно! — сказал он хмуро.— Пошли в твое жилище.

— Как ты меня обрадовал, прекрасный рыцарь! Ты увидишь, какие яства я для тебя приготовила. И узнаешь, какие наслаждения, непредставляемые для неуклюжих обитателей суши кроются здесь, в глубинах, где вода не стесняет свободы тела.

Могу себе представить, подумал Хольгер. Коли уж он угодил в ловушку, почему бы не использовать связанные с этим выгоды?

— Пойдем,— повторил он.

Русалка затрепетала ресницами.

— Но разве ты сначала не снимешь эту ужасную одежду?

Хольгер взглянул на свою промокшую насквозь одежду, на русалку. Его ладони потянулись к пряжке пояса.

Но по дороге пальцы наткнулись на рукоять кинжала Альфрика. Воспоминания мгновенно ожили. Он замер. Потом встряхнул головой и быстро сказал:

— У тебя в жилище разденусь. Быть может, одежда мне еще пригодится.

— Нет, Моргана разоденет тебя в шелка и меха. Ох, не будем вспоминать о той печальной минуте, когда мне придется с тобой расстаться. Идем же!

Русалка метнулась вперед, как стрела. Хольгер неуклюже поплыл следом, взбаламучивая воду, как колесный пароход. Русалка вернулась и со смехом закружила вокруг, приближалась, касалась его губ своими, но выскальзывала, едва он пытался ее обнять.

— Подожди немного,— сказала она.

Щуки плыли следом, их глаза горели, как фонари.

Хольгер ожидал увидеть коралловый дворец. Каменный круг был фундаментом для занавеса водорослей, возносящихся вверх, зеленых и коричневых, неустанно колыхавшихся. Рыбы проплывали сквозь них. Мелочь брызнула в стороны, когда появилась русалка, но большие форели остались и тыкались головами в ее ладони. Занавес, холодный и скользкий, сомкнулся за Хольгером.

Внутри оказалось несколько больших комнат, разделенных такими же занавесами. Русалка провела его в трапезную. Там стоял каменный стол, украшенный раковинами и жемчугом, заставленный полными яств золотыми тарелками, мисками, блюдами. Стол окружали изящные кресла из рыбьих костей.

— Вот, взгляни, рыцарь мой,— сказала русалка.— При помощи королевы Морганы мне удалось раздобыть для тебя и редкие вина,— она подала ему круглобокий кувшин с высоким запечатанным горлышком, похожий на южноамериканскую бомбиллу.— Пей из горлышка, чтобы озерная вода не испортила вкуса ценного содержимого. Пей, за наше близкое знакомство!

Она чокнулась с ним своим кувшином. Вино оказалось превосходным — выдержанное,крепкое, ароматное. Русалка придвинулась ближе, ее ноздри раздувались, рот приоткрылся.

— Приветствую тебя,— шепнула она.— Съешь что-нибудь? Или сначала...

Хольгер подумал, что может позволить себе провести здесь одну-единственную ночь. Кровь стучала ему в виски. Конечно может. Даже обязан — чтобы усыпить ее подозрения перед новой попыткой к бегству.

— Я не так уж и голоден,— сказал он.

Она замурлыкала, как кошка, стала расстегивать его кафтан. Он потянулся к пряжке, снял пояс, взгляд русалки задержался на пустых ножнах и других, с кинжалом Альфрика. Она встрепенулась:

— Но это же не сталь?! Я бы почувствовала близость железа. Ага, понимаю! — она вынула кинжал и внимательно осмотрела.— Пламенное Острие... Странное имя. Фаэрская работа, правда?

— Да. Я его забрал у герцога Альфрика, победив его в бою,— похвалился Хольгер.

— Меня это не удивляет, благородный рыцарь,— она потерлась щекой о его грудь.— Ты единственный, кто мог такое совершить,— кинжал вновь приковал ее внимание.— Все, что у меня есть, сделано из золота и серебра. Я много раз говорила жрецам дикарей, что хочу еще и бронзы. Но они и в молитвенном трансе, и в ясном сознании ужасно глупы, им и в голову не приходит, что демону озера может пригодиться хороший острый нож. У меня было несколько каменных — с древних времен, когда мне еще приносили такие жертвы. Но они все так источились, что остались одни жалкие обломки.

— Вот и бери этот кинжал как память обо мне,— Хольгер собрал всю силу воли, чтобы произнести это равнодушно.

— Я найду множество способов отблагодарить тебя, господин мой,— сказала она. И собиралась вновь заняться его одеждой, но Хольгер взял у нее кинжал и кончиком пальца попробовал острие.

— Он совсем тупой. Отпусти меня на берег, и я его тебе наточу.

— О нет! — хищно усмехнулась она. Опыта общения с людьми у нее не было, и она могла, конечно, попасться на хитрость. Но не столь примитивную.— Поговорим о чем-нибудь более приятном.

— Можешь держать меня за ноги, или связать их, если хочешь,— сказал он.— Чтобы наточить этот нож, нужно выйти на воздух. Видишь, на нем написано, что нужно пламя.

Она отрицательно мотнула головой. Хольгер криво усмехнулся. Что же, это была только проба. Стоя рядом с этим грациозным существом, он не очень-то и жалел, что бегство не удалось.

— Как хочешь,— сказал он и положил ей руки на бедра.

Быть может, ее сбило с толку, что он ей не противился. Или чересчур была уверена в своих силах. Как бы там ни было, она сказала:

— Среди принесенных мне жертв есть такой круг... Может, попробуешь? Кажется, именно этим на земле точат ножи.

Хольгер поборол дрожь:

— Завтра.

Русалка выскользнула из его объятий:

— А я хочу сейчас! — глаза ее заблестели. Ту же капризность, прямо-таки граничащую с безумием, Хольгер подметил у жителей Фаэра. Русалка потянула его за руку.— Пойдем, посмотришь мои сокровища.

Он последовал за ней, притворяясь раздосадованным. Следом поплыли щуки.

— Ты говорила, дикари приносят тебе жертвы? — спросил он, превозмогая сухость в горле.

— Да,— рассмеялась она.— Каждую весну они приходят на берег и сбрасывают в воду то, что по их мнению, мне нравится. И в самом деле попадаются симпатичные вещички,— она раздвинула живой занавес.— Я все дары переношу сюда, в сокровищницу. Даже глупые, над которыми стоит посмеяться.

В глаза Хольгеру бросились кости. Русалка, несомненно, убила уйму времени, выкладывая из частей скелетов замысловатую мозаику. Среди нее виднелись черепа с драгоценными камнями в пустых глазницах. В другом углу сложены кубки, блюда, украшения, награбленные язычниками в цивилизованных странах или изготовленные довольно искусно их собственными мастерами. А напротив свалены в кучу самые разные предметы, как показавшиеся варварам ценными, так и те, от которых они попросту, должно быть, хотели избавиться,— испорченные водой книги из какого-то монастыря, хрустальный шар, зуб дракона, поломанная статуэтка, разбухшая тряпичная кукла (у Хольгера защипало глаза) и масса всяческого хлама, после долгого пребывания в воде ставшего неузнаваемым. Русалка запустила в кучу обе руки.

— Тебе приносят и человеческие жертвы,— сказал Хольгер осторожно.

— Младенца и девушку раз в год. Они мне совершенно ни к чему. Я не тролль и не каннибал, но дикари этого никак не могут уразуметь. И жертвы всегда пышно разодеты,— русалка посмотрела на него невинными глазами. Хольгер вспомнил, что у нее нет души.

Под белоснежной кожей напряглись мускулы, и русалка вытащила точило. Деревянные части совершенно сгнили, бронзовые скобы проржавели насквозь, но точильный круг ничуть не пострадал от воды. Русалка повернула ручку, и он крутнулся.

— Красивые игрушки, правда? — спросила она.— Выбе-

ри себе, что хочешь. И не забудь, что я тоже вхожу в число игрушек...

Превозмогая себя, Хольгер сказал:

— Сначала займемся кинжалом. Ты сможешь вертеть этот круг?

— Так быстро, как тебе нужно. Испытай меня,— ее взгляд говорил, что Хольгер может испытать ее, как ему вздумается. Она покрепче уперлась ногами в песок и так раскрутила точило, что вода взвихрилась. Хольгер коснулся круга острием кинжала, и раздался пронзительный визг.

Щуки придвинулись ближе, уставив на его угрюмые морды.

— Быстрее, если можешь,— сказал он.

— Ага!

Вой, визг металла. Гнилая рама вибрировала, с бронзовых болтов летела зеленая пыль. Господи, только бы эта рухлядь выдержала!

Щуки оказались совсем близко — русалка не хотела рисковать, пока в руках у Хольгера было оружие. Ее любимцы могли в три минуты обглодать человека до костей. Хольгер собрал всю свою отвагу, сосредоточился на кинжале. Его план мог и провалиться. Но даже здесь, под водой, металл должен нагреваться от трения.

Облачко магниевой пыли заклубилось вокруг острия.

— Довольно, быть может? — хрипло спросила русалка. Волосы обвили ее спину, грудь, плечи, янтарные глаза горели.

— Еще рано. Быстрее! — Хольгер что было сил прижал лезвие к кругу.

Пламя чуть не ослепило его. Магний горит и в воде.

Русалка взвизгнула. Закрыв лицо ладонью, Хольгер махнул кинжалом в сторону щук. Одна укусила его за лодыжку. Хольгер отшвырнул ее пинком, всем телом навалился на занавес, раздвинул его и поплыл вверх.

Русалка кружила вокруг, держась в безопасном отдалении. Криком она призывала своих щук напасть. Одна бросилась на Хольгера. Датчанин взмахнул факелом, и хищница улепетнула. Или она тоже не выносила ультрафиолетового излучения, или, что вероятнее, влияние русалки ослабело с расстоянием, как то всегда бывает с магией, и она оказалась слишком далеко от своих водяных волков, не могла заставить их атаковать.

Хольгер молотил ногами, загребал свободной рукой. Когда же, наконец, поверхность? С расстояния в несколько

световых лет он услышал голос русалки, ласково призывавшей:

— 'Ольгер, 'Ольгер, неужели ты меня покинешь? Там, на суше, тебя ждет гибель. 'Ольгер, вернись ко мне! Ты не представляешь, какие ласки тебя ждут...

Он взял себя в руки и плыл дальше. Ярость русалки настигла его:

— Тогда умри!

Вдруг вместо кислорода он вдохнул воду. Русалка сняла с него заклятия. Он задыхался, легкие жгло. Едва не выпустил свой магниевый факел. Увидел русалку — она приближалась, окруженная тучей щук. Хольгер отпугнул их факелом, задержал дыхание и поплыл. Вверх, вверх... Мышцы слабели, сознание мутилось, но он плыл вверх.

Голова его оказалась над поверхностью озера, он закашлял, отплюнулся, набрал полную грудь воздуха. На небе стояла полная луна, отбрасывая на воду ломаную дорожку серебристого света. Хольгер поспешно выгребал к черному берегу, держа факел над самой водой. Пламя погасло в тот миг, когда он достиг камышей. Продрался сквозь заросли и побежал, стремясь уйти как можно дальше от воды. Потом упал.

Холод коснулся мокрой одежды, забрался под нее, разлился по телу. Хольгер лежал, щелкая зубами, ожидая, когда силы вернутся и можно будет пойти в лагерь. Победителем он себя не чувствовал. Он выиграл этот раунд, но впереди ждут новые. И кроме того... кроме того... может не стоило уходить так быстро?

20

Он отыскал лагерь. Камень вздымался над землей, как корабль, черный на фоне ночи, а освещенные лунным блеском, гонимые ветром облака создавали впечатление, что корабль плывет. По каким морям? Костер почти прогорел — пятнышко света оттенка запекшейся крови. Хольгер вскарабкался на борт и увидел прижавшихся друг к другу коней, их темные силуэты можно было принять за корабельную надстройку. Сарах стоял на носу, глядя в сторону севера. Ветер, воющий в невидимых снастях, раздувал его плащ. Лунный свет на обнаженной сабле.

Крохотная разъяренная фигурка сграбастала Хольгера за ноги и попыталась встряхнуть:

— Парень, где ты шлялся? Мы тут чуть с ума не свихнулись. Одни следы на берегу, и вдруг вот он заявился,

мокрый, хоть выжми, и злыми местами пахнет... Где ты был?

Сарах полуобернулся к нему, блеснули глаза под островерхим шлемом, но сарацин тут же отвернулся и упорно смотрел на север. Хольгер глянул туда. Далекие горы заслоняли край долины, но показалось все же, что он различает зыбкое, мерцающее алое сиянье, словно кто-то разжег там огромный костер. Внезапно страх перехватил ему горло.

— Где Алианора? — крикнул он.

— Полетела тебя искать, сэр Руперт,— медленно, очень спокойно ответил Сарах.— Когда мы отчаялись тебя найти, она обернулась лебедицей и полетела осмотреть горы. То сиянье мы уже тогда увидели, боюсь, туда она и полетела. Не думаю я, чтобы здесь, в этих местах, у такого огня, собрались добрые люди.

— И ты ее не удержал? — гнев прогнал охватывший тело холод. На негнущихся ногах он двинулся к мавру.— Клянусь богом...

— Соблаговоли объяснить мне, благородный рыцарь,— сказал Сарах как можно учтивее,— как я успел бы ее задержать, если она скороговоркой заявила, что собирается делать, и тут же взмыла в воздух? Я ее попросту не успел схватить.

— Все так и было,— буркнул Гуги.— Расскажи лучше, где тебя носило.— Хольгер колебался. Гном переступил с ноги на ногу и добавил: — Да, сам знаю — снова ты кому-то дал себя обдурить. Но мы должны услышать, как все было, чтоб знать, чего еще ждать.

Хольгер почувствовал, что силы покидают его. Он сел, обхватил колени и рассказал во всех подробностях историю своего пленения и бегства. Гуги сказал теребя бороду:

— Ну да, она самая, русалка коварная. Я ж не люблю попусту болтать, я тебя сразу упредил, что тут недоброе для нас место. Запомни хорошенько и в другой раз меня слушайся. Я чаще прав бываю, чем ошибаюсь, на многих случаях из своей жизни могу тому дать пример. Одна моя врожденная скромность мешает рассказать, как в Гроте Гавера таилась волшба, а я отговаривал бедного сэра Турольда, отговаривал...

Не обращая внимания на гнома, Сарах сказал задумчиво:

— Похоже, непременно важная на тебя возложена миссия, сэр Руперт, раз на твоем пути воздвигают такие преграды...

Хольгер был чересчур утомлен и измучен, чтобы попро-

бовать рассеять подозрения Сараха и объяснить, что все — случайное совпадение. Он стянул мокрую одежду и стал искать, чем бы обтереться — но шум крыльев над головой и возникшая из тьмы белая птица заставили его побить все рекорды в молниеносном натягивании мокрых штанов.

Алианора опустилась на камень и приняла человеческий облик. Увидев Хольгера, тихо вскрикнула и шагнула было вперед, но тут же замерла. В слабом свете прогоревшего костра он не мог рассмотреть ее лицо, видел лишь темный силуэт, едва озаренный багровым сиянием углей.

— Значит, ничего страшного не случилось.— сказала она довольно холодно.— И прекрасно. Я летала посмотреть, что там за свет. Это стоянка дикарей на голом склоне горы, и...— ее голос сорвался. Дрожа, она смотрела на Сараха, словно ища у него тепла и участия. Зубы сарацина блеснули в черной бороде. Он сорвал с себя плащ и набросил на плечи девушки.

— И что ты там увидела, о храбрейшая и прекраснейшая из женщин? — спросил он, чересчур уж заботливо кутая девушку в плащ.

— Там справляют шабаш,— она оглянулась в темноту.— В жизни такого не видела, но это явно что-то вроде шабаша. Тринадцать мужчин стояли полукругом вокруг костра, разложенного у каменного алтаря, на котором лежал сломанный крест. Большинство из них, судя по одежде и украшениям,— вожди диких племен. А другие, похоже, с севера... старые все, старые, и на лицах такое зло, что крылья едва не отказались мне служить, и я чуть не упала наземь. А за кругом света, так, что я их едва различала, стояли чудовища. Ох, как я рада, что их скрывала тьма — даже то, что я разглядела, будет преследовать меня по ночам. Эти тринадцать не сводили глаз с алтаря, а на алтаре истекало кровью...— она проглотила слюну и с усилием закончила,— Человеческое дитя. И на вершине алтаря сгущался мрак, похожий очертаниями на человеческую фигуру, но ростом гораздо выше человека...

Я улетела. Это было с час назад. Я не могла спуститься на землю, к вам, пока холодные ветры не унесли с собой часть моего ужаса...

Она упала на колени и закрыла лицо руками. Сарах склонился к ней, но девушка оттолкнула его. Подошел Гуги, положил ладони ей на плечо, взял ее за руку, Алианора прижалась к нему. Дыхание со свистом вырвалось из ее груди.

Сарах отошел к Хольгеру и сказал ему угрюмо:

— Значит, все, что я слышал на Хай Бризейле, все, о чем тут люди говорят день и ночь — правда. Хаос готовится к войне. Он постоял неподвижно, тень среди теней, поднял саблю и сказал:

— Когда я последний раз был среди людей, сотни лет назад, случилось мне побывать и в этих краях. В те времена здешний народ так же держался язычества, но был чист душой. Дьволу они не поклонялись и человечины не ели. Их намеренно развратили, чтобы они стали орудием в руках врагов рода человеческого. Их вождей приняли в Круг Мрака, и теперь те, кто заправляет Кругом, прикажут им вести свои племена на жителей долин. Может быть, сегодняшний шабаш — последний из многих. Наверняка каннибалы начнут утром собирать орду.

— Я тоже так думаю,— сказал Хольгер машинально.

— Ты думаешь о многих вещах, про которые нам не рассказываешь,— сказал Сарах и вложил саблю в ножны.— Ну, неважно. Сейчас сон для нас важнее разговоров. Ответить на некоторые вопросы, что то и дело у меня рождаются, я тебя попрошу в другой раз.

— Спасибо за предупреждение,— сказал Хольгер.

Он боялся, что не уснет, но вскоре погрузился в томительную полудрему, беспокойный полусон, полный бредовых видений. И доволен был, когда Гуги разбудил его — пришла его очередь стоять на страже. Когда настал рассвет, Хольгер почти успокоился.

Они поспешно позавтракали, оседлали коней и пустились в дорогу. Хольгер ни разу не оглянулся на закутанное туманом озеро, и вскоре оно осталось далеко позади. Стояли холода, по оловянному небу ветер гнал клубы серых облаков. Чем выше они поднимались, тем меньше растительности видели на склонах горы, и, наконец, остались вовсе уже редкие пучки серебристой травы. Выщербленные ветром скалы вздымались на горизонте, почти отвесные и угрюмые. Алианора объяснила, что именно туда им следует взобраться, чтобы попасть на перевал, а оттуда — на равнину. Дороги полегче проходили слишком близко от селений диких каннибалов, зато здесь Алианора не увидела с воздуха ни одного туземца. Гуги сморщил нос и плюнул.

— И не диво, что дикарь сюда не заходит. С каждым шагом все сильнее смердит троллем. Эта гора дырявая, как сито, от его нор и ходов.

Хольгер покосился на Алианору схавшую меж ним и Сарахом. Ее лицо помертвело.

— До сих пор мы одолели неплохой зверинец — ска-

зал он, надеясь ее хоть чуточку расшевелить.— Ведьму, Фарисеев, дракона, великана, волкодлака. Что для нас какой-то тролль?

— Я бы уж скорей согласился схватиться с ними со всеми, слитыми в одно, чем с троллем,— хмуро сказал Гуги.— Он отличается от великана, как росомаха от медведя. Не такой здоровенный, но злобный и ловкий сверх меры. Много великанов пало от людской руки, но ни один еще рыцарь не вышел победителем из битвы с троллем.

— А почему? — поднял брови Сарах.— Железо его не ранит?

— Ну отчего ж, железо обжигает его, как тебя бы обжег раскаленный металл. Но он быстро с врагом разделывается, а раны еще быстрее зализет. Тролли — родственники упырям, поедающим мертвецов в могилах. Твое крестное знамение против него не поможет, чтоб его одолеть, нужно быть святым. А больше про него ничего неизвестно — мало кто из тех, что видели тролля, вернулись о нем рассказать.

— Славный был бы подвиг — убить тролля,— дал волю Сарах рыцарским амбициям.

«Лучше уж прозябать в безызвестности», подумал Хольгер.

Около полудня, выехав из ущелья, они нос к носу столкнулись с людоедами. Хольгер, ругаясь, натянул поводья. Его сердце забилось сильнее, но потом страх уступил место необходимости принять решение. Он огляделся. Видел все четко, во всех подробностях, как ночью при вспышке молнии.

Человек двадцать рысцой спускались в долину с северного склона. Заметив путешественников, дикари повернули к ним. Они быстро приближались. Их вопли походили на лай разъяренных псов.

Их вождь был рослым, мускулистым, светлые волосы и борода заплетены в косички, лицо размалевано красными и синими полосами. Голова его украшена бычьими рогами и султаном из перьев, на плечах короткий плащ из барсучьих шкур, бедра покрыты косматой шкурой. В руке он держал огромный стальной топор.

Остальные мало чем от него отличалось. Вооружены топорами, мечами, копьями. У одного на голове ржавый шлем с забралом, наверняка снятый с убитого рыцаря — ужасная картина при голом теле. Другой что есть мочи дул в деревянный свисток, вплетая его свист в волчьи завывания остальных.

— Назад! — крикнул Сарах.— Бежим!

— Никаких шансов,— ответил Хольгер.— Тут, в скалах, пеший легко догонит конного. К тому же нам нужно побыстрее добраться до церкви.

Копье ударило о земь в нескольких шагах перед ним.

— Алианора, взлетай! — крикнул Хольгер.

— Нет,— мотнула она головой, ощупью ища его ладонь.

— В воздухе тебе будет легче сражаться,— вмешался Сарах. Хольгер жалел, что сам соображает так туго. Девушка тут же вынула ноги из стремян. Лебедица,. хлопая крыльями, взмыла в небо.

Дикари остановились, как вкопанные, взвыли, кто-то зажмурился, кто-то ничком упал на землю.

— Аллах акбар! — вскрикнул Сарах.— То есть, я хотел сказать, слава богу. Магия не страшит.

Лебедица пикировала. Вождь потряс топором, вырвал лук у воина и пустил стрелу. Алианора увернулась в последний момент. Вождь заорал на своих людей, что-то хрипло приказывая, пинками заставил встать тех, кто лежал, уткнув лицо в землю.

— Так...— сказал Гуги.— Этот наверняка из Круга Мрака, видывал чары и похуже... Он их пытается на нас натравить.

— Но они колеблются,— отозвался Сарах беззаботно, словно сидел за пиршественным столом. Снял с плеча лук, короткий, вытянутый. Посмотрел на Хольгера.— Показать бы им еще парочку фокусов...

Тот в отчаянии подумал о карточных фокусах, представил, как предлагает вождю каннибалов загадать карту... Ага!

— Гуги, высеки огонь! — крикнул он.

— Зачем?

— Поди ты к черту! Огня, быстро!

Гном достал кресало из мешочка на поясе, а Хольгер тем временем набил трубку. Пальцы у него дрожали. Трубка еще не раскурилась, а дикари были уже совсем рядом. Хольгер видел шрам на щеке одного, кость в носу у другого, слышал шлепанье босых ног, и даже, казалось, их дыхание. Глубоко затянулся.

И выдохнул.

Дикари враз остановились, оскальзываясь. Хольгер дымил так, что из глаз покатились слезы, из носа закапало. Слава богу, ветер совершенно стих. Хольгер поднял над головой плащ, чтобы дым лучше был виден на темном фоне. Тронул Папиллона коленями и медленно поехал к ди-

карям. Те стояли как вкопанные, разинув рты, вытаращив глаза.

Хольгер помахал руками и крикнул:

— Бу-у-у!

Мигом позже ни одного воина в пределах видимости не оказалось. Вокруг валялось брошенное оружие. Вопли дикарей доносились из ущелья далеко впереди. Однако вождь остался и стоял в гордом одиночестве. Хольгер вытянул меч. Вождь охнул и припустил следом за своими людьми. Сарах выстрелил в него из лука, но промахнулся.

Алианора села на землю, превратилась в девушку, подбежала к Хольгеру и обняла его ногу, захлебываясь от восторга:

— Ах, Хольгер, Хольгер!

Сарах спрятал лук, чтобы обеими руками схватиться за бока, и эхо его хохота разнеслось далеко вокруг.

— Гений! — орал он.— Сущий гений! Руперт, как я тебя люблю!

Хольгер усмехнулся. Он попросту вновь обратился к беллетристике на сей раз «Янки при дворе короля Артура», но не было смысла это им объяснять. Заимствование оказалось удачным, и этого достаточно.

— Поехали,— сказал он.— Их босс может пинками прибавить им смелости.

Алианора вскочила на коня. Ее щеки разрумянились, она выглядела счастливой.

— Быстро же они труса спраздновали,— злорадствовал Гуги.— А ведь про них всегда молва шла, что воины они хорошие. Почему ж они чар испугались? А потому, что насмотрелись их досыта, самых вредных, вот и не выдержали.

Хольгер не смог с этим не согласиться. Вряд ли эта банда случайно оказалась у них на пути. Должно быть, им приказывала Моргана, как только узнала, что русалка не смогла его у себя задержать. Вряд ли они теперь вернутся.

Сарах подъехал к нему:

— Мне послышалось, что прекрасная госпожа назвала тебя неизвестным мне именем...

Алианора покраснела, пробормотала:

— Н-нет... тебе показалось...

Сарах поднял брови. Он был слишком деликатен, чтобы в лицо обвинить ее во лжи. Девушка подъехала к нему так близко, что их колени соприкоснулись.

— Путешествие наше такое тяжелое,— промурлыкала она.— Не облегчишь ли ты его рассказом о своих приклю-

чениях? На чем ты остановился в прошлый раз? Ты совершил столько великих подвигов и так интересно умеешь рассказать о них...

— Ну, если... Изволь! — Сарах подкрутил усы и начал свой рассказ. Широко раскрыв глаза, девушка слушала самую неправдоподобную побасенку, какую Хольгер встречал в своей жизни, но, впрочем, умело поданную. Датчанин схватил поводья Паппилона и отъехал подальше. Радость недавней победы моментально улетучилась.

21

Вечер застал их у входа в ущелье. Это была ведущая вверх расселина, усыпанная обломками скал. Завтрашнее восхождение на равнину наверняка отнимет многие часы. Но потом, сказала Алианора, им останется до цели всего несколько миль легкой дороги.

Легкой, как спуск в пекло, подумал Хольгер, и его пронизала дрожь. Трезвомыслящий инженер засвидетельствовал бы, что их путешествие напоминает скорее пресловутую дорогу в заоблачные выси. Но мир инженера лежал бесконечно далеко отсюда, как в пространстве, так и во времени — сон, приснившийся когда-то, но стершийся уже из памяти, как это со снами и бывает.

У подножия скалы они наткнулись на луг — если только этот поросший травой пятачок заслуживал такого названия — и разбили там лагерь. В центре его возвышался каменный монолит. Быть может, язычники в незапамятные времена воздвигли этот менгир, но потом где-то поблизости поселился тот тролль, и люди отсюда сбежали. Настала ночь. Вновь налетел ветер, он все крепчал, пригибая к земле пламя костра, искры пролетали, как метеоры, и так же быстро гасли. Воцарилась темнота, лишь изредка озаряемая светом луны, тут же скрывавшейся за грудами облаков. Ночь полна была свиста, шелеста, визга. Все четверо, измученные, проглотили несколько кусков и завернулись в одеяла. Гуги выпала первая стража, Хольгеру вторая, глубокой ночью. Он подбросил веток в огонь, плотнее завернулся в плащ, стараясь уберечься от холода и смотрел на своих друзей.

Отблески пламени подрагивали на их неподвижных силуэтах. Сарах спал чутко, как кот, безмятежный и расслабленный, как и днем. Гуги завернулся в одеяло, как в кокон, оттуда торчал лишь его посапывающий нос. Взгляд Хольгера переместился к Алианоре и надолго задержался на ней. Одеяло почти сползло с нее, она лежала на боку,

поджав ноги, скрестив руки на груди. Ее лицо, полузакрытое распущенными волосами, напоминало ребячье, удивительно беззащитное. Хольгер нагнулся и укутал ее одеялом. Она улыбнулась во сне, когда губы Хольгера коснулись ее щеки.

Он встал с тяжелым сердцем. Больше беспокоился о ней, чем о себе. Если его затянет вихрь надвигающейся войны, он как-нибудь перебедует, но невыносимой была мысль, что вместе с ним туда затянет Алианору и швырнет ее неведомо куда. Но как этому помешать? Что предпринять?

Он ударил кулаком в ладонь:

— Черти бы меня взяли! — не зная, проклинает он или просит.

— Хольгер.

Он обернулся. Меч вылетел из ножен. Но ничего, кроме темноты, не видно. Шумел ветер, шелестела сухая трава, где-то далеко покрикивала сова.

— Хольгер.

Он подбежал к самому рубежу магического круга, тихо спросил, преодолевая внутреннее боренне:

— Кто тут?

— Хольгер,— раздался певучий голос.— Не поднимай шума. Я хочу поговорить с тобой одним.

Сердце у него заколотилось, меч выпал из руки, словно вдруг стал для нее неимоверно тяжел. Из темноты вышла фея Моргана.

Огонь озарил алым ее стройную фигуру, сделал прозрачным длинное платье из тончайшей ткани, отразился в ее глазах крохотными кострами.

— Чего ты хочешь?— прохрипел Хольгер.

Ее губы медленно раздвинулись в чарующей улыбке:

— Всего лишь поговорить с тобой. Пойди сюда.

— Нет,— он мотнул головой, пытаясь стряхнуть оцепенение.— Не выйдет. Шагу за круг не сделаю.

— Не бойся. По крайней мере не опасайся тех существ, что боятся креста. Они сейчас далеко отсюда, готовятся к войне,— она пожала плечами.— А впрочем, стой, где хочешь.

— Чем ты меня теперь будешь пугать? Новыми бандами дикарей?

— Те, кого ты сегодня встретил, получили мой приказ взять тебя живым, не считаясь с потерями. Ты поступил бы разумнее, сдавшись им. Они привели бы тебя ко мне, не сделав ничего плохого.

— А что было бы с моими друзьями?

— Хольгер, кто для тебя эти случайные знакомые? Что тебя с ними связывает? Запомни, мой дорогой: дикари, которых ты сегодня разогнал, вернулись к главным силам племени. Их вождь жаждет отплатить тебе за пережитый позор. При вашей следующей встрече ни я, ни само пекло не сможет удержать их от посягательств на твою жизнь. Честь вождю вернет одно — если он съест твое сердце. Уходи со мной, Хольгер, пока не поздно.

— С тобой, научившей этих дикарей есть человечину?

Она покривилась:

— Это не я. Ну, правда, это мои союзники — демоны и их пророки, которых Хаос призвал, чтобы подчинить себе жителей этих гор... это они ввели нечестивые обряды. Среди дикарей нет никого, кого бы я чему-нибудь учила,— она улыбнулась.— Я верю в радость, в свершения, в насыщенную жизнь.. В то, что тебе когда-то подарила и охотно преподнесла бы снова.

— Твои обещания меня не трогают,— сказал он, глядя мимо нее в темноту. И знал: сейчас он сказал, что думал. Фея Моргана его больше не волновала. Протяни она руку, дотронься до него — прикосновение какой-то женщины, и только. Обаятельной, правда, но не более того.

— Да, тебя нельзя назвать самым стойким в своих привязанностях человеком в мире,— усмехнулась она,— Когда-то ты даже взбунтовался против своего сюзерена, самого Карла. И более ярого противника у него в жизни не было. Но в конце концов твое великодушие покончило с вашей враждой.

— И мы с ним побратались, сдается мне,— он вырвал у Морганы свою ладонь.

Моргана посмотрела на Алцанору. Вздохнула с нескрываемой тоской.

— Вижу, что теперь над тобой получили власть заклятья, которые старше моих. Что ж... Когда-то я провела с тобой прекрасные дни... и ночи, и память о них у меня никто не отнимет.

— Мое прошлое ты у меня как раз отняла,— вздохнул он, горько.— Превратила меня в младенца и отправила за пределы моей Вселенной, в невообразимую даль. И то, что я вернулся — не твоих рук дело. Я вернулся трудами какой-то другой силы, о которой ничего не знаем ни ты, ни я.

— Кое-что ты все же узнал...— сказала она.— А хочешь знать еще больше? Я могу тебе вернуть утраченные воспоминания.

— Какую же плату? Ту, что ты требовала в последний раз?

— Нет, плата будет пониже. Я даже не потребую от тебя бросить приятелей на произвол судьбы. Я присмотрю за ними, чтобы им не сделали ничего худого. Потому что ты ведешь их прямиком к гибели: Они погибнут вместе с тобой.

— А почему я должен тебе верить?

— Позволь, я верну тебе память. Выйди из круга, и я сниму с нее чары. Ты сразу вспомнишь, какими клятвами я связана.

Хольгер посмотрел на нее. Она стояла, выпрямившись, высокая и красивая. Темные волосы волнами струились из-под золотой короны. Но под маской притворного спокойствия она, Хольгер чуял, напряглась, как струна. Губы сжаты, ноздри раздуваются, в глазах горячечно пылает отражение костра. Ладони медленно сжимаются в кулаки.

Почему самая могущественная в этом мире колдунья его боится?

Хольгер задумался над этим, стоял неподвижно посреди ветреной ночи; у ног его лежал сон, над головой — темнота.

Да, она была могучей, и употребила свое могущество против него, но и в нем таилась мощь, способная противостоять Моргане. Теперь эта мощь сказала ему: «ни шагу дальше, стой, где стоишь!» Вся магия, какую испробовали на Авалоне, в Фэзре и на населенных смертными землях, не смогла остановить Хольгера на избранном им пути. Теперь и краса Морганы не имела над ним власти — благодаря некиим серым глазам и каштановым волосам. Королева не имела уже в своем репертуаре заклятий, способных его задержать.

Разумеется, он оставался обычным смертным, уязвимым для всего, что не имело никакого отношения к чарам Морганы — как для чар кого-то иного, так и для самых натуральных вещей вроде острой стали.

— В моем мире ты — не более чем легенда,— сказал он задумчиво.— Я и подумать не мог, что мне придется сражаться в реальности с кем-то вроде тебя...

— Это был не твой мир,— сказала она.— В том мире ты тоже не более чем легенда. Твое место здесь, со мной.

Он мотнул головой, ответил громко:

— Думаю, что оба мира — мои,— за всеми здешними хлопотами он так ни разу и не дошел в своих размышлениях до лежащей на поверхности истины: он сам — пер-

сонаж из цикла легенд о Карле Великом и короле Артуре. Когда он сам — персона там, в другом мире (как далеко он лежит от этой ночи и этой женщины!) Хольгер, будучи еще ребенком, мог даже читать о своих собственных подвигах.

Но на них лежит печать забытья. Быть может, его имя известно всем до единого, быть может, он герой своих же детских грез, но заклятья Морганы сковали его память. Переход в этот мир к тому же стер из памяти все, что он мог там, у себя, слышать о трех сердцах и трех львах.

— Кажется, ты узнал достаточно, понял уже, что этот мир тебе по вкусу,— сказала Моргана. Шагнула к нему, и они почти касались друг друга.— И не особо торопишься назад. Да, в обоих мирах происходят великие потрясения, а ты стоишь в самом центре их и там, и здесь. Сколько я могу тебе открыть! Но если ты не откажешься от своих сумасшедших планов, будешь и дальше пользоваться мощью, о которой не знаешь ровным счетом ничего — потерпишь поражение и погибнешь. А если случайно и выживешь, то горько о том пожалеешь. Сбрось со своих плеч этот груз, Хольгер, останься со мной, и мы всегда будем счастливы. Еще не поздно!

Он усмехнулся:

— Мои шансы на победу больше, чем ты пытаешься меня уверить. Иначе ты не тщилась бы так преградить мне путь. Сдается мне, тебе прекрасно ведомо, куда я держу путь. Ты все сделала, чтобы сбить меня с дороги, обмануть, покалечить. Теперь же ты, несомненно, попытаешься лишить меня жизни. Но я пойду вперед прежней дорогой.

Что за высокопарный слог, подумал он. Вот уж не предполагал, что стану так изъясняться.

Внезапно нахлынула усталость. Он знал, что жаждет одного лишь покоя. Чтобы кончились эту блуждания вселенную. Чтобы он мог уединиться с Алианорой где-нибудь вдали от всех этих миров и их ужасов. Но он не мог позволить себе передышки. Слишком много людей падут жертвами Хаоса, отвернись он хоть на миг.

Моргана долго смотрела на него. Вокруг завывал ветер.

— Все свершилось трудами Предназначения,— выговорила она с трудом. Даже Сарах вернулся. Великий Ткач превращает разноцветную пряжу в гобелен. И все равно — не рассчитывай на победу!

И вдруг в ее глазах блеснули слезы. Она придвинулась и поцеловала его в щеку, едва прикоснулась губами, но

редко Хольгер встречал в поцелуе женщины такую нежность.

— Прощай, Хольгер,— сказала она. Отвернулась и скрылась во мраке.

Он долго стоял, дрожа от холода. Быть может, разбудить остальных? Нет, пусть спят. Их это не касается.

Текло время. Набирали силу ночные шумы. Хольгер очнулся и посмотрел на небо, чтобы определить, не пришло ли к концу его дежурство. Но небо сплошь затянуло облаками. Ну, неважно. Он может простоять на страже и до рассвета. Все равно больше не заснет после разговора с Морганой.

Хольгер уже не обращал внимания на ночные шумы. Ветер превратился в настоящий вихрь, грохотали камни, звякнуло железо...

— Гей!!!

В круг света прыгнул вождь каннибалов. За его спиной сверкали острия копий — штук сто, а то и побольше. Они прятались в ущелье, а теперь Моргана послала их вниз, чтобы они...

— Эй, вставайте! У нас гости!

Гуги, Алианора и Сарах вскочили. Сарацин выхватил саблю, прыгнул к своей кобыле и сорвал ее поводья с колышка. Алианора вскочила на своего гнедка. Двое дикарей, торжествующе вопя, кинулись к ней. Один занес копье. Гуги метнулся ему под ноги — маленький коричневый вихрь. Оба упали. Хольгер кинулся на второго. Его меч взлетел и опустился на голову врага.

Он отшвырнул падающее на него тело, сбив с ног еще одного врага. Наконечник копья скрежетнул по его кольчуге. Хольгер увидел перед собой вождя и наугад взмахнул мечом. Тот ощерил зубы. На шее Хольгера сомкнулись чьи-то руки. Он вспомнил, что на сапогах у него острые шпоры, и лягнул ногой. Пронзительный вопль сзади, руки разжались.

Хольгер отступал, пока не ощутил спиной менгир. Высокий воин с намалеванным на груди драконом рванулся в атаку. Меч свистнул справа налево, и голова врага слетела с плеч. Но кольцо дикарей сомкнулось вокруг Хольгера. Бросив взгляд поверх бычьих рогов и султанов из перьев, он увидел, что Сарах уже в седле, отмахивается саблей. Папиллон топчет врагов копытами, лягается, кусает, его грива и хвост взметываются черным пламенем.

Кто-то вскочил с земли совсем рядом, проскользнул под мечом датчанина. Кинжал в его руке метнулся вверх.

Хольгер успел принять удар на левую руку, защитил живот. У ног людоеда возник Гуги, схватил его под коленки и опрокинул. Гном и человек, сцепившись, рыча, покатились по траве.

Перед ним уже возвышался вождь. Его топор ударил в шлем Хольгера, как молния. Хольгер пошатнулся, услышал свой крик: «Великий боже, святой Георгий!». Вождь захохотал, вновь ударил. Хольгеру каким-то чудом удавалось отражать его удары. Большинство из них. Иные все же падали на шлем и кольчугу. Хольгер едва держался на ногах. К вождю на помощь подбежали два его воина.

Но за их спинами появился Сарах. Свистнула кривая сабля, дикарь схватил левой рукой правую и с безмерным удивлением уставился на нее — она осталась у него в руке, отсеченная сарацином. Хольгер взмахнул мечом, и второй воин отскочил, хромая. Вождь обернулся, насел на сарацина, и они закружились, со звоном парируя удары, осыпая друг друга проклятиями.

Конь Алианоры истошно заржал, рухнул наземь. Белая лебедица взмыла вверх и тут же спикировала, целя клювом в глаза врагам. Хольгер перевел дух. Кто-то хрипло выкрикнул приказ, и у плеча Хольгера просвистело копье. Забыв про раны и усталость, датчанин ринулся в бой. Его меч работал, как коса. Папиллон взмывал на дыбы, становясь невероятно огромным, разбивал головы передними копытами, ржаньем заглушая воинственные выкрики дикарей. Человек и конь разогнали врагов и вернулись к менгиру.

Гуги выбрался из-под бездыханного тела своего противника, утер руки и побежал к ним. Рядом приземлились Алианора и превратилась в девушку. Мигом позже подскакал Сарах. Хольгер сунул ногу в стремя, взлетел на Папиллона. Пинком в зубы отшвырнул дикаря, попытавшегося стащить его на землю. Нагнулся, отцепил щит и надел его. Протянул к Алианоре руку, державшую меч. Девушка ухватилась за его рукав и прыгнула в седло позади него. Сарах тем же способом усадил Гуги себе за спину. Рыцари переглянулись, кивнули друг другу и ринулись в бой.

Они секли, рубили, кололи. И вокруг них стало пусто. Враг бежал. Хольгер с Сарахом вернулись под менгир, тяжело дыша. Их клинки были в крови. Кровь пятнала их одежды, руки и лица. Повсюду валялись тела, некоторые еще бились, хрипя. Людоеды сбились в кучу далеко в темноте, только блеск оружия выдавал их присутствие. Вождь, потерявший свои рога и пышные перья с кровото-

чащей раной на голове, тяжело поднялся с земли и побежал к своим людям.

Зубы Сараха блеснули в улыбке:

— Славная, славная битва! Во славу пророка... пророка Иисуса! Сэр Руперт, лишь один человек на свете мог сражаться подобно тебе!

— Ты тоже не ударил лицом в грязь,— сказал Хольгер.— Но жаль, что тебе не удалось прикончить их вождя. Сейчас он вновь пошлет в атаку.

— Из луков нас перестреляют,— заявил Гуги.— Будь у них мозгов чуточку побольше, давно бы мы валялись, стрелами утыканные.

Хольгер обернулся к Алианоре. По правому плечу девушки ползли струйки крови. Сердце у него оборвалось, голос сорвался.

— Тебя ранили?

— Ничего страшного,— она улыбнулась дрожащими губами.— Стрела. Крыло задела.

Он присмотрелся. В том прежнем цивилизованном мире он встревожился бы, увидев у девушки такую рану, но здесь, сейчас — в самом деле ничего страшного...

Невероятная радость охватила его.

— Я построю часовню... святому Себастьяну... в благодарность,— прохрипел он.

Руки Алианоры обвили его талию.

— Ты можешь более приятным способом выразить свою радость,— шепнула она ему на ухо.

Сарах сказал резко:

— Мы ничего уже не сможем построить, если сейчас же отсюда не уберемся. Руперт, если мы вскачь пустимся назад, вниз, еще можно спастись...

Слабость мгновенно покинула Хольгера:

— Нет! Это — единственная дорога к святому Гримминну. Другие, даже если мы их отыщем, наверняка охраняются еще крепче. Нужно идти вперед.

— Прямо к ним в руки? — крикнул сарацин.— Забираться на эту осыпь в потемках, навстречу сотне воинов? У тебя с головой не все ладно!

— Беги, если хочешь,— сказал Хольгер ледяным тоном.— Я собираюсь нынче же ночью добраться до церкви.

Гуги уставился на него немигающим взглядом так пристально, что Хольгеру стало не по себе. Он огрызнулся:

— И ты туда же? Ну да, мы наверняка погибнем тут, в ущелье. Сам знаю. Уезжай с Сарахом. Я пойду один.

— Нет,— сказал Гуги.

Настала тишина, в которой Хольгер явственно слышал стук своего сердца. Наконец гном продолжил, неспешно, сварливо:

— Если уж тебе стукнуло в башку благородного дурня строить, придется мне твою дурость маленько исправить. Сам знаешь, по ущелью не пройти. Но есть другой путь наверх, и уж туда никто за нами не полезет. Я могу вынюхать вход в нору тролля — а нос мой уверяет, что это недалеко. Там вся гора как сыр ходами изрыта, есть надежда, что тролль вылез за добычей или дрыхнет, или глубоко вниз забрался и нас не учует. Надежда дохлая, но другой-то нету! Что скажешь? Не раздумал до своей заклятой церкви добраться?

За плечами Хольгера тяжело вздохнула Алианора.

— Сарах,— сказал Хольгер.— Бери Алианору и постарайся укрыть ее в безопасном месте. Мы с Гуги пойдем в логово тролля.

Девушка схватила его за пояс и сказала гневно:

— Нет уж, ты от меня так легко не отделаешься! Я тоже пойду.

— И я,— сказал Сарах, проглотив слюну.— В жизни не бежал от приключений.

— Дурни! — фыркнул Гуги.— Ваши кости в норе белеть будут, пока прахом не рассыплются. Много рыцарей там сгинуло. Столько гордыни в них было, что на ум и места не осталось. Одного жаль — что девушка вместе с вами там сгинуть может. Ну, галопом!.

22

Сарах поехал первым, везя Гуги, выступающего в роли проводника. Перед глазами Хольгера мелькнули алые и голубые ленты, вплетенные в хвост белой лошади сарацина. Датчанин тронул коленями бока Папиллона.

Они скакали среди скал на восток, поблизости от затаившихся людоедов, слышали их нарастающий вой. Хольгер увидел отблески света на острие копья — оно летело сверху по дуге прямо в него. Поднял щит и отбил им копье. Тут же три стрелы ударили в щит.

Но они уже нырнули в темноту, оставив позади догорающий костер. Белая лошадь и просторные белые одежды Сараха выглядели смутным, едва различимым во мраке пятном. Папиллон споткнулся. Его подкова высекла из камня сноп искр. Кони замедлили бег, пошли неровной рысью. Вокруг был мрак. Хольгер не знал, воображение или чутье подсказывают ему, что слева — скалы. Он ощущал

их нависшую над головой тяжесть так, словно уже погребен под ними.

Он оглянулся назад, увидел вождя людоедов. Верзила в барсучьих шкурах схватил из костра горящее полено и размахивал им над головой, раздувая. Огонь окутал его золотистым сиянием. Призывая криком своих воинов, он воздел топор и рванулся в погоню.

Вскоре он настиг коней, осторожно и медленно ступавших по каменистому склону. Хольгер заметил краем глаз, что и остальные все же бегут за вождем, хоть и без особого запала. И все внимание обратил на вождя, подбегавшего слева — с той стороны, где меч не мог его достать. Людоед замахнулся топором, целя Папиллону в бабку. Конь отскочил, едва не сбросив наземь своих седоков. Хольгер развернул его мордой к нападавшему, подумал: «Сейчас набегут остальные, и мы окажемся в западне!»

— Алианора, держись! — крикнул он, наклонился далеко вперед, пытаясь достать врага мечом. Его удар был отражен острием топора. Вождь уклонился, он был гораздо проворнее коня. Размалеванное лицо с заплетенной в косички бородой искривилось в кровожадной ухмылке.

Но факел в левой его руке оказался в пределах досягаемости меча. Хольгер ударил справа налево, и пылающее полено стукнуло каннибала по обнаженной груди. Дикарь взвыл от боли. Не успел он опомниться, как Хольгер оказался поблизости. Меч рассек воздух. Вождь рухнул замертво. Вся схватка отняла секунды. «Ты умел драться, сукин сын»,— подумал Хольгер, тронул шпорами бока Папиллона и поскакал за Сарахом.

Они ехали в непроглядной темноте. Людоеды бежали следом, но напасть не решались. Лишь изредка свистела стрела, провожаемая криками и воем.

— Сейчас они соберутся с духом и бросятся! — крикнул Сарах через плечо.

— Вряд ли,— ответила Алианора.— Ты разве ничего не чуешь?

Хольгер потянул носом. Ветер дул ему прямо в лицо. Он ощущал его, чуял, что он очень холодный, что развевает ему плащ и треплет плюмаж,— и ничего больше.

— Ух!— сказал Сарах чуточку погодя.— Это тот смрад и есть?

В темноте за их спинами пронзительно взвыли дикари. Хольгер, чье чутье было притуплено курением, последним унюхал нарастающую вонь. Людоеды явно отказались от погони. Несомненно, они намеревались засесть поблизости

и караулить врагов всю ночь, но не пересекали некую черту.

Если запах можно назвать густым и холодным, то именно таким был смрад тролля. У самого входа в пещеру Хольгеру невыносимо захотелось зажать нос.

Они остановили коней. Алианора спрыгнула на землю.

— Нужно найти, чем осветить дорогу,— сказала она.— Тут под ногами сухие ветки. Наверное, тролль их обронил, когда устраивал логово.

Она собрала охапку хвороста, а Гуги высек огонь. Хольгер увидел черную пасть пещеры, метров трех в высоту. Она вела в непроглядный мрак.

— Ну, пошли,— сказал он. В горле пересохло.

— Я бы хотела снова увидеть звезды,— сказала Алианора, и ветер развеял ее слова. Гуги сжал ее ладошки.

— Ну а если мы и наткнемся на тролля?— сказал Сарах.— Наши клинки изрубят его на кусочки. Сдается мне, что мы напугались бабушкиных сказок.

И он решительно вошел в пещеру. Хольгер двинулся следом. Меч в правой руке и щит на левом плече казались невероятно тяжелыми, он ощущал тупую боль в местах, где по доспехам пришлись удары. По спине ползли ручейки пота, свербило в местах, куда он не мог дотянуться и почесать. Воздух пещеры был насыщен запахом тролля, мешавшимся с душным смрадом гниющего мяса. Пламя факела приплясывало, затухало, вспыхивало, тени метались по бугристым стенам. Хольгер мог бы присягнуть, что видит на стенах каменные лица, разевающие беззубые рты при виде путников. Земля под ногами усыпана камнями (о которых он что ни миг отбивал пальцы ног) и обглоданными дочиста костями зверей. Алианора внимательно смотрела под ноги, то и дело нагибалась, поднимала куски дерева и сухие ветки. Отчетливый звонкий стук конских копыт возвращался глухим эхом.

В противоположной от входа стене пещеры был пробит туннель — высотой метра в три и чуточку поуже. Хольгеру с Сарахом пришлось идти, едва не задевая друг друга локтями. Хольгер старался не гадать, голыми руками пробил тролль этот туннель или нет. Раз или два он споткнулся о кости, которые могли быть только обломками человеческих черепов. Туннель сворачивал, еще раз, и еще, чувство направления совершенно отказалось служить Хольгеру, и вдруг он понял, что знает точно: они спускаются вниз бесконечной дорогой в самое нутро земли. Собрав всю силу воли, он удержался от крика:

Туннель привел их в пещеру, где зияли три прохода. Гуги вышел вперед, жестом приказал Сарáху и Хольгеру остаться на месте. Свет факела заострил черты его лица, огромная тень гнома казалась черным гротескным чудовищем, готовым на него броситься.

Он внимательно присмотрелся к пламени, ставшему желтым и коптящим, потом послюнил палец, поднял его, поворачиваясь во все стороны, и выбрал левый туннель, буркнув:

— Туда.

— Нет,— сказал Хольгер.— Смотри, он ведет вниз.

— Ничего не вниз. И не ори так.

— Ты с ума сошел! — сказал Хольгер.— Каждый глупец...

Гуги гляпул на него из-под клочкастых бровей:

— Каждый глупец вправе думать, как ему нравится. Вдруг ты и прав. Головой не поручусь. Только по-моему, хорошая дорога как раз тут, и о подземельях я знаю малость побольше твоего. Так как, пойдете куда я показал?

Хольгер проглотил слюну:

— Ладно. Извини. Веди нас.

Гуги усмехнулся:

— Ты дельный парень.

— И затопал в левый туннель. Остальные пошли следом.

Вскоре стало ясно, что туннель поднимается вверх. Хольгер ни словом не обмолвился, когда Гуги миновал несколько боковых коридоров, не удостоив их и взгляда. Но когда они оказались в схожей пещере с тремя проходами впереди, гном какое-то время колебался.

Наконец сказал озабоченно:

— Все мне подсказывает, что средним надо идти. Вот только смрад тролля там сильнее.

— Ты даже отличаешь, где сильнее, где слабее? — поморщился Сарах.

— Наверное, там его логово,— шепнула Алианора. Чей-то конь фыркнул. В тесном пространстве это прозвучало как выстрел.— А ты не мог бы найти другую, окольную дорогу?

— Можно попробовать,— ответил Гуги неуверенно.— Только времени уйдет куча.

— А нам нужно как можно быстрее добраться до церкви,— сказал Хольгер.

— Зачем? — спросил Сарах.

— Сейчас это неважно,— ответил Хольгер.— Попросту поверь мне на слово, ладно?

Хотя сарацин и достоин доверия, не время и не место посвящать его во все сложности. Слишком много значит Кортана, не зря враги так стараются помешать...

Моргана без труда могла бы опередить Хольгера, оказаться у церкви раньше, но это ей ничего не даст — она не смогла бы перенести Кортану в другое место. Меч чересчур тяжел для женских рук, а чары применить нельзя — мешает ореол святости Кортаны и лежащее на нем благословение. Кто-то должен помочь фее, унести меч самым естественным образом, с помощью физической силы — так, как и украли Кортану в прошлый раз. Однако все за то, что дикари панически боятся церкви святого Гриммина и никогда к ней не подойдут, даже если фея прикажет. А ее собственные полки из жителей других краев заняты подготовкой к войне с Империей.

Если у нее будет время, она безусловно найдет кого-нибудь в помощники. Или призовет силы, способные легко расправиться с Хольгером, прежде чем он достигнет церкви. Но пока что ему везет — больше, чем он того заслуживает. Он прекрасно знал, что не одолел бы самых сильных союзников феи. Только святому такое под силу, а Хольгеру ох как далеко до святости...

Эрго: нужно спешить изо всех сил.

Сарах хмуро смотрел на него. Потом вздохнул:

— Тебе виднее, друг мой. Идем кратчайшей дорогой.

Хольгер пожал плечами и двинулся вперед. Туннель изгибался, вел вверх, потом вниз, снова вверх, заворачивал, расширялся, сужался. Их шаги гремели, как удары в бубен. Мы здесь, мы здесь, тролль, мы здесь, мы идем...

Коридор сузился настолько, что они плечами задевали стены. Впереди — Гуги, за ним — Хольгер, за ним — Сарах, и последней — Алианора. Коней ведут под уздцы. Зыбкое пламя факела бросает на стены алое сияние и пляшущие тени. Хольгер расслышал приглушенный голос Сараха:

— Самый тяжелый мой грех — то, что я позволил столь прелестной девушке оказаться в столь зловонной дыре. Бог мне этого никогда не простит.

— Но я прощу,— шепнула Алианора.

Сарацин засмеялся:

— И этого достаточно! Госпожа моя, кому нужны солнце, луна и звезды, если рядом — ты?

— Прошу тебя, помолчи. Мы и так выдаем себя шумом.

— Хорошо, удовольствуюсь мыслями. Мыслями о красоте, грациозности, прелести и доброте, словом, мыслями об Алианоре.

— Ох, Сарах...

Хольгер закусил губы до крови.

— Тихо вы, там, сзади,— прошипел Гуги.— У самого логова идем. Коридор оборвался. Факел освещал крохотную часть огромной пещеры, когда пламя чуточку разгорелось, Хольгеру показалось, что он видит стены, плавными изгибами возносящиеся на невообразимую высоту. Землю устилал толстый слой веток, листьев, полусгнившей соломы и костей — повсюду обглоданные кости. И над всем этим царил неодолимый, парализующий запах смерти.

— Тихо! — сказал Гуги.— Думаете, мне тут нравится? Мы должны пройти мягонько, как кошки. Выход наверняка вон там.

Листья трещали под ногами, с каждым шагом все громче. Хольгер пошатывался, ступая по этому толстому, ненадежному ковру. Споткнулся о корягу. Сук царапнул его по щеке, словно целил в глаза. Датчанин наступил на человеческий скелет и тот рассыпался под сапогом. Слышно было, как кони собственной тяжестью проваливаются в эту труху, оступаются, фыркают с омерзением.

Пламя внезапно взметнулось с треском, стало ясным. И тут же Хольгер ощутил холодное дуновение.

— Мы недалеко от выхода,— сказал Гуги.— Го-о!

— Го-о! — ответило эхо.— Го-о-о!

Эхо!

Из огромной кучи сухих листьев вылезал тролль.

Алпанора закричала. Лишь сейчас Хольгер услышал в ее голосе настоящий страх.

— Боже, спаси нас,— прошептал Сарах.

Гуги пригнулся, заворчал. Хольгер уронил меч, пагнулся, поднял его и снова выронил,— ладони взмокли от пота.

Тролль подошел ближе, неуклюже загребая ногами. В вышину он не менее двух с половиной метров. Точнее не определить — он страшно горбился, ручищи свисали до земли, кулаки волочились у ступней, огромных, когтистых. Безволосая зеленая кожа свободно болталась, словно троллю она была велика. Широкий шрам рта, нос не короче метра, черные бездонные колодцы глаз без ресниц и белков, глаз, словно впитывавших безвозвратно свет и ничего не отражавших.

— Го-о-о,— тролль идиотски оскалился и вытянул лапу.

Крик Сараха. Блеснула его сабля. Удар. Хлюпанье. Из раны поднялся дым. С той же идиотской ухмылкой, ни на йоту не изменившейся, тролль протянул к сарацину другую лапу. Хольгер бросился к нему, занес меч.

Тролль ударил его наотмашь. Хольгер принял удар на щит. Щит треснул, и датчанин отлетел на кучу гнилых листьев, покатился в угол. Лежал неподвижно, бессильно, пытаясь отдышаться. Увидел мельком: лошадь Сараха пронзительно кричит, брыкается и порывается встать на дыбы. Алианора повисла на ее узде, пригибая голову вниз. Взгляд Хольгера метнулся к Сараху.

Сарацин приплясывал на ложе тролля. Каким-то чудом он удерживал равновесие на этой шаткой груде веток и листьев. Приседал, отскакивал, уклонялся от неуклюжих замахов тролля, от попыток чудовища сграбастать его; сабля его неустанно посвистывала, казалась смазанной туманной полосой, за которой блестели в улыбке белые зубы мавра. Что ни удар, лезвие глубоко вонзалось в зеленую тушу. Но тролль только покряхтывал. Сарах расчетливо и хладнокровно целил в одно и то же место — в правую лапу, над запястьем.

И вот очередной удар отсек кисть чудовища напрочь.

— Ага! — Сарах радостно засмеялся.— Гуги, посвети-ка!

Гном воткнул факел в развилку высокой коряги и бросился помочь Алианоре удерживать белую кобылу. Папиллон кружил вокруг дерущихся, выжидая удобного момента.

Он представился, когда тролль замахнулся на Сараха левой лапищей. Конь бросился на чудовище сзади. Его копыта ударили в широчайшую спину, как в барабан. Тролль рухнул ничком, а Папиллон взмыл на дыбы во всю свою невероятную высоту и обрушил передние ноги на голову. Череп тролля треснул.

— Великие небеса! — перекрестился Сарах и весело сказал Хольгеру, только сейчас сумевшему подняться: — Не так уж все страшно было, сэр Руперт, а? Хольгер посмотрел на свой искореженный щит.

— Ну да,— сказал он весело.— Вот только я себя неважно показал...

Кобыла Сараха дрожала крупной дрожью, но уже не взбрыкивала. Алианора ласково поглаживала ее.

— Быстрей, пошли отсюда,— сказал Гуги.— Нос мне этой вонью забило.

Хольгер кивнул:

— Выход где-то близко... Господи Иисусе!

Отсеченная рука тролля бежала по земле, перебирая пальцами, как огромный зеленый паук. Пробежала по кучкам листьев, по веткам, вскарабкалась по коряге, цепляясь за кору ногтем указательного пальца, скатилась вниз и неслась вприпрыжку, пока не достигла запястья, от которого

была отсечена. И приросла к нему. Разбитая голова тролля была уже целехонькой. Чудовище встало во весь рост и осклабилось. Кроваво сверкнули в свете догорающего факела его клыки. Путники оцепенели.

Тролль бросился на Хольгера. Датчанин испытал огромное желание пуститься наутек, но не знал даже, в какую сторону бежать. Сплюнул наземь, занес меч и ударил, вложив всю силу.

Меч раз за разом ударял по ручище, не уступавшей в толщине суку столетнего дуба. Звенела сталь. Зеленая кровь хлестала во все стороны и тут же чернела, окутанная клубившимся из ран дымом. Казалось, меч светится изнутри. И вдруг упала отсеченная ручища, покатилась по охапкам гнилых листьев. Перевернулась ладонью вниз и, упираясь пальцами, поползла назад к хозяину.

Сарах атаковал справа. Его сабля прошлась по ребрам тролля. Отсеченный кусок шкуры упал наземь и, шурша, похлюпывая, поволокся к троллю. Папиллон взмыл на дыбы и ударил копытами. Снес троллю морду. Челюсти упали под ноги коню и сомкнулись на бабке. Рысак заржал, заметался, лягаясь и высоко подскакивая. Сарах не успел увернуться от удара уцелевшей руки тролля, принял его на защищенный кольчугой живот, полетел наземь, перевернулся пару раз и уже не шевелился.

«Его и в самом деле нельзя убить!» — подумал Хольгер.— Господи, в какой дыре нам пришлось погибать...

— Алианора, беги!

— Нет! — она схватила факел и подбежала к ошалевшему от боли Папиллону.— Сейчас я ее оторву! Стой спокойно!

Тролль сцапал с земли свою руку и приставил ее на место. Уцелевшая половина морды жутко ухмылялась. Хольгер ударил что есть сил, и еще раз — но глубокие раны тут же затянулись. Датчанин споткнулся и отпрыгнул назад. Алианора увернулась от молотивших по воздуху копыт Папиллона, схватила его за узду и как-то успокоила на миг. Нагнулась, чтобы разжать впившиеся в ногу коня челюсти.

Когда она приблизила факел, челюсти разжались сами. Девушка удивленно вскочила и отбежала назад.

— Го-о-о! — ухнул тролль. Он отвернулся от Хольгера, подошел к челюстям, поднял их и вложил в рот. И вновь двинулся к датчанину, щелкая клыками.

И тут Хольгер вспомнил!

— Огня! — крикнул он.— Побольше огня! Спалите его!

Алианора бросила факел в кучу соломы, тут же вспых-

пувшей. Дым щекотал ноздри, выжимал слезы из глаз... Чистый дым, подумал Хольгер отрешенно, чистое пламя, они разгонят смрад этой могилы. Он взял себя в руки. Ударил мечом.

Отсеченная кисть тролля отлетела далеко. Алианора бросилась к ней, подняла. Лапища билась в ее руках, пальцы извивались, как зеленые черви, но Алианора швырнула лапу в огонь. Зеленая ладонь согнулась в кольцо, выползла из пламени — но почерневшая, уже опаленная. Застыла. Язык огня метнулся к ней и завершил дело.

Тролль плаксиво взвыл, молотя ручищей, как дубиной. Удар — и меч вылетел из руки Хольгера. Датчанин нагнулся. Тролль навалился на него всей тушей. Хольгер лежал, не в силах ни пошевелиться, ни вздохнуть. Но Папиллон рванулся в бой, и чудище оставило Хольгера.

Шатаясь, встал Сарах и тут же бросился в схватку. Папиллон уже свалил тролля. Сабля полоснула чудище по ноге, и еще раз. Огонь перекинулся на куски сухого дерева, его треск превратился в гул, в пещере стало светло, как днем. Алианора собрала все силы, и ей удалось забросить ногу тролля на пылающие поленья.

В строй вернулся Хольгер. Зеленые пальцы сомкнулись на его лодыжке, пальцы другой лапы, отсеченной Сарахом. Датчанин оторвал ее и швырнул в огонь. Она ухитрилась как-то извернуться на лету, упала в безопасном месте и поползла, пытаясь укрыться под корягой. На нее бросился Гуги, схватил. Гном и отсеченная рука, сцепившись, покатились по земле, взметая листья.

Голову тролля уже отрубил Сарах. Она щелкала клыками и брызгала слюной, когда Хольгер поддевал ее концом меча и швырял в пламя. Покатилась, пылающая, в сторону Алианоры. Хольгер вновь вонзил в нее меч, и хотя клинок мог лишиться закалки, придерживал голову в пламени, пока она не обуглилась.

Оставалось еще туловище. С ним пришлось труднее всего. Борясь со скользкими змеями потрохов, оплетавшими их, как щупальцами, Хольгер и Сарах поволокли тяжеленную, словно из металла отлитую тушу в сторону бушующего в середине пещеры огня. Потом Хольгер никак не мог вспомнить, как им удалось дотащить ее и сунуть в пламя. Удалось как-то...

Гуги, оборванный и окровавленный, затолкнул в огонь руку тролля. Потом осел на землю и больше не встал.

Алианора подбежала к нему, присела на корточки.

— Он тяжело ранен! — крикнула девушка. Хольгер едва

расслышал ее в гуле пламени. Жар и дым туманили сознание.— Гуги! Гуги!

— Лучше убраться отсюда, пока пещера не превратилась в печь,— крикнул Сарах в ухо Хольгеру.— Видишь, дым стелется вон туда, в проход? Выход там! Алианора пусть несет гнома, а ты мне помоги справиться с этой проклятой клячей!

Соединенными усилиями они успокоили кобылу. И бросились в проход, в дым, каждый вздох отдавался болью во всем теле, кашель раздирал грудь. Но они вырвались наконец из пещеры.

23

«Мы на равнине»— подумал Хольгер с тупым удивлением. Неизвестно, как долго они пробыли под землей, но луна уже спустилась на западе к горизонту.

Луна... Небо очистилось от облаков. Ветер их разогнал. Ветер над поросшей жесткой травой равниной, теребил засохшие кусты, выгибал голые ветки стоявших там и сям корявых деревьев. Темно-серая равнина, скупо освещенная кошмарным блеском луны и безжалостных колющих звезд. Дым, валивший из пещеры, тут же раздирало в клочья, и они мгновенно таяли. На севере равнина обрывалась пропастью, залитой непроглядным мраком — казалось, до нее рукой подать. Хольгер вроде бы разглядел там горные вершины, но не был в том уверен. Холод пронизывал его до мозга костей.

Сарах, хромая, подошел к нему. Должно быть, Хольгер выглядел точно так же — измученный, весь в ссадинах, измазанный кровью и копотью, одежда висит клочьями, шлем покрыт вмятинами, меч затупился. Облако заслонило луну, и Хольгер ничего теперь не видел.

— Все целы? — прохрипел он.

Сарах ответил так тихо, что его голос едва слышен был в беспокойном шелесте травы:

— Боюсь, с Гуги дело скверно.

— Ничего,— ответил голос, сохранивший басовитые нотки.— Сколько я получил, столько и сам влепил.

Луна выглянула из-за облаков. Хольгер присел на корточки рядом с Алианорой, державшей на коленях голову гнома. Ручеек крови из раны на его боку становился все тоньше.

— Гуги,— прошептала Алианора.— Ты не можешь умереть... Представить немыслимо...

— Не плачь, девочка,— пробормотал гном.— Вон та орясина за меня хорошо отплатила.

Хольгер склонился над ним. В белом, нереальном лунном блеске застывшее лицо гнома казалось вырезанным из старого, очень темного дерева. Только ветер трепал его бороденку, да кровяные пузыри вздувались на губах. Перевязать его рану было невозможно — чересчур она была велика для столь маленького тела.

Гуги поднял руку и потрепал ладонь Алианоры.

— Ну, не плачь,— вздохнул он.— И так с полсотни баб моего собственного племени уж найдут причины по мне поплакать. Но ты была мне дороже всех,— он втянул воздух.— Дал бы тебе добрый совет, да не успею... в... башке... шумит..

Хольгер снял шлем.

— Авве, Мария...— начал он. Здесь, на продуваемой ветрами равнине среди гор он не мог сделать ничего лучшего — и ничего другого. Он просил господа о милости и покое для души гнома, а когда Гуги отошел, закрыл ему глаза и начертил над ним знак креста.

И отошел, оставив Алианору наедине с гномом. Они с Сарахом выкопали клинками неглубокую могилку. Уложили в нее тело и прикрыли горкой камней. На вершине импровизированного надгробья Хольгер воткнул кинжал Гуги, рукояткой вверх. Где-то, примерно в миле отсюда, завыли волки. Хольгер надеялся, что до тела им не добраться.

И лишь после этого они осмотрели свои раны.

— Мы понесли тяжелые утраты,— сказал Сарах. От его обычного балагурства не осталось и следа.— Потеряли не только друга, но еще и коня и мула со всем имуществом. Наши мечи — тупые железки, наши доспехи вот-вот рассыплются. И вдобавок Алианора не сможет летать, пока ее крыло... ее плечо не заживет.

Хольгер смотрел на серый, безрадостный пейзаж. Ветер бил ему в лицо.

— Это было мое дело,— сказал он.— Я в ответе перед вами за все, что вам пришлось перенести.

После долгого молчания Сарах сказал спокойно:

— Думаю, это дело всех людей чести.

— Сарах, я должен тебя предупредить, что мы сражаемся против самой королевы Морганы. Она узнает, что мы здесь. Думаю, она уже в Срединном Мире и ищет помощи у тех, кто в состоянии нам помешать.

— Ну да, они могут очень быстро передвигаться, эти, из Срединного Мира,— сказал Сарах.— Так что не стоит нам

тут долго заспиваться. Послушай, а что будет, когда мы наконец доберемся до церкви?

— Тогда мои поиски окончатся... скорее всего... и мы, быть может, окажемся в безопасности. А может, и нет. Не знаю.

Хольгер наконец решился рассказать все, с самого начала, но Сарах уже отвернулся и пошел к своей лошади — уходило драгоценное время.

Алианора села на Папиллона за спиной Хольгера. Ее руки обвили талию датчанина с нечеловеческой силой. Когда конь тронулся, она обернулась, чтобы взмахом руки попрощаться с тем, кто оставался на равнине.

Даже Папиллон был утомлен, а белая кобыла чуть не падала от усталости. Подковы стучали по камням, трава расступалась с сухим шорохом, шелестели кусты, поскрипывали мертвые деревья. Луна над горизонтом светила в глаза Хольгеру, словно хотела его ослепить.

Вскоре Алианора спросила:

— Те туземцы, в ущелье, случайно на нас наткнулись, как думаешь?

— Нет,— Хольгер окинул взглядом лишенные красок, покрытые тенями окрестности. Далеко впереди на фоне звезд и облаков белел силуэт Сараха; видимо, он спал в седле, потому что никак не реагировал, когда Хольгер сказал: — Сначала пришла Моргана. Мы поговорили, она ушла и послала дикарей.

— Поговорили? И что она сказала?

— Да ничего особенного. Просто хотела, чтобы я сдался.

— Думаю, она хотела гораздо большего. Когда-то она была твоей женщиной, правда?

— Да,— ответил Хольгер бесстрастным тоном.

— Она могла бы обеспечить тебе жизнь в роскоши.

— Я сказал ей, что предпочитаю остаться с тобой.

— Ох, любимый мой,— шепнула она.— Я... я...

Он слышал, что девушка пытается сдержать слезы, и спросил:

— Что с тобой?

— Ох, сама не знаю. Я не должна быть такой счастливой, а особенно сейчас, правда? Но я... но я ничего с собой поделать не могу...— она утерла слезы краешком изодранного плаща.

— Но... Я думал, ты и Сарах...

— Он? Конечно, он очень милый. Но неужели ты и вправду думал, Хольгер, что у меня есть и другие намерения, кроме как отвлечь его внимание от тебя и твоей тайны?

Неужели ты ревновал? Но разве отыщется девушка, способная предпочесть тебе другого?

Хольгер вперил взгляд в Полярную Звезду.

Алианора глубоко вздохнула и положила руки ему на плечи.

— Давай об этом никогда больше не вспоминать,— сказала она категорическим тоном.— Но вот если я увижу, Хольгер, что ты заглядываешься на кого-то, тебе придется плохо...

Он резко натянул поводья, остановил коня, крикнул:

— Сарах! Проснись!

— Что такое? — схватился за саблю сарацин.

— Наши лошади,— сказал Хольгер, думая совсем о другом.— Они падут, если не дать им передышку. Отдохнув с часок, мы сможем ехать гораздо быстрее.

Лицо Сараха казалось овальным пятном, его доспехи — матовым отблеском. Но видно было, что он останавливает коня.

— Не знаю... Если Моргана пошлет погоню, наши кони, думаю, найдут в себе силы помчаться вихрем. С другой стороны...— он пожал плечами.— Будь по-твоему.

Они спешились. Алианора прильнула к плечу датчанина. Хольгер кивнул сарацину, надеясь, что тот не расценит этот жест как чрезмерно самодовольный. Сарах сначала выглядел безмерно удивленным, потом широко улыбнулся:

— Желаю счастья, друг мой,— раскинулся в траве и принялся насвистывать что-то.

Хольгер с Алианорой ушли далеко. Датчанин забыл о боли и усталости. Он слышал стук своего сердца, ничуть не учащенный — размеренные, сильные удары, отдававшиеся во всем теле. Они с Алианорой остановились, взялись за руки и молча смотрели друг на друга.

Серебристо светила луна, круглая, покрытая кое-где тенями. По небу летели редкие облака, светившиеся по краям, меж ними блистали звезды. Ветер назойливо завывал, но Хольгер был глух к его вою. Перед ним стояла Алианора, серебристая фигурка, сотканная из теней и холодного белого сияния. Капли росы поблескивали на ее волосах, в глазах отражалась луна.

— Потом нам, быть может, поговорить уже не удастся,— сказала она.

— Да, возможно,— согласился он.

— Тогда скажу тебе сейчас — люблю тебя.

— И я люблю тебя.

— О, любимый мой...— Алианора прильнула, и Хольгер обнял ее.

— Каким же я был глупцом,— сказал он.— Сам не знал, чего хочу. Думал, когда все это кончится, вернусь домой, бросив тебя здесь. Я был глупцом. Она простила его — глазами, губами, ладонями. Хольгер сказал:

— Если нам удастся из всего этого выбраться живыми, мы уже не расстанемся. Мое место — здесь. Рядом с тобой.

Лунный блеск отражался в ее полных слез глазах, но голос девушки был полон счастья:

— Ничего больше не говори...

И Хольгер вновь поцеловал ее.

Крик сарацина заставил их отпрянуть друг от друга. Слова долетели до них, разорванные ветром, лунный свет гасил их:

— Скорей! Скорей отсюда! Дикая Охота!

24

Где-то далеко, на границе слышимости, звучали рога. В них был шум ветра и моря, грохот огромных крыльев, крики ястребов, карканье ворон. И Хольгер понял: это мчится Дикая Охота. А дичь — они трое.

Он вскочил на Папиллона, конь помчал, Хольгер на скаку подхватил Алианору и усадил за спиной. Сарах уже обогнал его. Белая лошадь и всадник в изорванных белых одеждах неслись в лунном свете, как духи. Подковы звенели, грохотали оземь.

Слева серебристо светила луна. Обок проносятся деревья, под копытами стелется темнота, камни стреляют из-под подков; шелест травы и шум веток — как хохот. Хольгер ощущал, как под ним ходят напряженные мышцы коня, как сжимают его талию руки девушки — Алианора без слов указывала ему дорогу, рассмотренную ею с воздуха. Позвякивали доспехи, скрипели кожаные ремни, ветер свистел в ушах. Но громче всего было тяжелое дыхание Папиллона, его шалое хрипенье.

Вокруг сияли звезды, невообразимо далекие. Созвездие Лебедя сверкало над головой, туманная дуга Млечного Пути протянулась по небу. Большая Медведица совершала свое извечное кружение вокруг Полярной Звезды. Все звезды были холодные. На севере Хольгер разглядел горные вершины, острые, как мечи, укутанные льдом, залитые лунным блеском. Сзади, за спиной, клубилась темнота.

Галоп, галоп, галоп! Рога в руках осужденных на вечное проклятье охотников трубили все ближе — пронзитель-

но, рыдающе, с таким страданием, какого Хольгер в жизни не слышал. Сквозь посвист рассекаемого грудью коня воздуха датчанин расслышал в небе грохот копыт, лай бессмертных гончих. И пригнулся к гриве Папиллона, колыхаясь в ритме скачки; одной рукой он обхватил шею коня, другой придерживал Алианору.

Скорей, скорей, по серой, как пепел, равнине, под облаками и заходящей луной, галоп, галоп, галоп! Точка зачарованных охотников хлынула в его сознание мощной волной невыносимой безнадежности. Усилием воли Хольгер стряхнул ее, напряг взор, пытаясь рассмотреть цель их путешествия. Но впереди лежала пустынная равнина, а за ней — ледяные горы.

Сарах стал отставать. Его лошадь все чаще спотыкалась. Сарацин задирал ей поводьями голову, немилосердно шпорил. Хольгеру казалось, что адские собаки настигают. Неистовый вой раздался совсем рядом.

Он оглянулся, но все заслоняли разметавшиеся по ветру волосы Алианоры. Привиделся блеск металла, или нет? Что это за звуки, не грохот ли голых, лишенных плоти костей?

— Скорее, скорее, лучший из коней! Скачи, дружище, лети, как ни один конь никогда в жизни — вместе с нами они преследуют весь мир! Скорее, хороший мой, это гонка со Временем наперегонки, гонка с ордами Хаоса! Пусть поможет тебе бог, даст тебе силы!

От рева рогов едва не трескался череп. Грохот копыт, лай гончих, стук голых костей — уже за спиной! Хольгер ощутил, что Папиллон сбивается с аллюра. Алианора пошатнулась, едва не свалилась с коня. Хольгер крепче прижал ее к себе.

Но что это там впереди, вверху, что за острый силуэт на фоне неба? Церковь святого Гриммина! Дикая Охота, завывая, неслась по пятам. Хольгер слышал шум огромных крыльев, видел, как сгущаются перед глазами клубы мрака. Господи Иисусе, я недостоин, но помоги же мне в этот миг!

Стена выросла перед ними. Дикая Охота окружила их полукругом. Хольгер почуял жуткий невообразимый холод, проникший в самое сердце. Показалось, что ветер свистит меж его собственных ребер.

Но Папиллон напрягся и прыгнул. Огромный вороной скакун взмыл над стеной и приземлился на той стороне. От удара Хольгер с Алианорой едва не вылетели из седла. Сарах скакал следом. Но его лошадь перепрыгнуть не смогла. Упала. Сарацин отпрыгнул, ухватился за кромку стены и рывком перебросил тело на церковный двор. Крик его ло-

шади, короткий и пронзительный, утонул в завывании Дикой Охоты.

И вдруг все стихло. Даже ветер умолк. Тишина обрушилась на них, как вопль.

Хольгер наклонился и дрожащей рукой схватил ладонь Сараха. Другой прижал к себе Алианору. Огляделся.

Двор зарос травой и диким кустарником, почти скрывавшим надгробья, окружавшие развалины церкви. Полосы мглы, кое-где выбеленные лунным светом, возносились вверх, неся влажные кладбищенские запахи. Прильнувшая к Хольгеру Алианора дрожала от холода.

Из отброшенной развалинами тени донеслись какие-то звуки. Шаги лошади, бредущей меж могил, старой, хромой, неимоверно измученной; она ступала неуверенно, спотыкаясь о надгробья, но двигалась прямо к ним, искала их. Горло Хольгеру перехватило от страха — это была, он знал, Кладбищенская Лошадь; кто ее увидит — умрет.

Папиллон не мог идти быстро — надгробья торчали из земли, как жадные пальцы, готовые схватить коня и свалить на землю. Сарах взял его под узду и осторожно повел. Они шли меж каменными плитами, пьяно накренившимися. Высеченные некогда на них имена давно стерлись и забылись. Шаги старой хромой клячи звучали все громче — шаткие, неуверенные, они неотвратимо приближались.

Тьма все гуще клубилась вокруг церкви, словно хотела скрыть ее от глаз нежданных пришельцев. Колокольня лежала в руинах, крыша провалилась внутрь, стены зияли пустыми глазницами окон. Путники медленно приближались к развалинам, нащупывая дорогу среди окутанных туманом надгробных камней. Копыта Кладбищенской Лошади захрустели по гравию совсем рядом. Но они уже были у входа в церковь. Датчанин спрыгнул с седла. Алианора упала в его протянутые руки. Хольгер взошел по стертым временем ступеням, бережно неся девушку.

— И ты тоже,— ласково сказал Сарах, заводя Папиллона внутрь.

Они остановились и смотрели на алтарь, освещенный сиянием заходящей луны. Высоко над остатками пресвитериума сохранилось распятие. Хольгер увидел Христа в короне из звезд. Снял шлем и опустился на колени. Рядом с ним преклонили колени Алианора и Сарах.

Они услышали, как уходит прочь Кладбищенская Лошадь. Когда ее неуверенные шаги растаяли в тишине, повеял ветерок, и мгла рассеялась. Хольгер подумал, что церковь не умерла, не обесчещена, осталась символом мира и покоя.

Небо было ей крышей, а стенами — пульсирующий жизнью свет.

Он поднялся и привлек к себе Алианору. Знал, что поиски его окончены, и это знание причиняло боль. Нежно поцеловал девушку. И услышал тихий, ласковый голос Сараха:

— Так что же ты собираешься тут искать?

Не ответив, Хольгер подошел к алтарю. Перед ним увидел большую каменную плиту. Дрожь пробрала его тело, когда он коснулся ввинченного в плиту железного кольца.

— Вот оно,— сказал он. Вынул затупившийся, бесполезный уже меч, просунул в кольцо, действуя им, как рычагом. Плита оказалась ужасно тяжелой. Клинок выгнулся дугой, вот-вот мог сломаться.

— Помоги мне! — прохрипел Хольгер.

Сарах вогнал саблю в образовавшуюся щель. Мигом позже меч переломился с треском. Вдвоем они подняли плиту, перевернули. Она рухнула с глухим грохотом и разломилась на три части. Алианора схватила Хольгера за руку, шепнула:

— Слушай!

Он поднял голову и услышал далекий шум марширующих армий. Мощный грохот копыт, звуки труб, предвещавшие смерть, лязг оружия.

— Это орды Хаоса двинулись на человечество. Хольгер глянул в яму у своих ног. Там в нарождавшемся рассвете отливал голубым огромный меч.

— Со страхами покончено,— сказал Хольгер.— Тому, что заключено в этом мече, никто не сможет противостоять. А когда демоны, которых дикари чтут, как богов, будут побеждены, их союзники — люди враз потеряют отвагу и разбегутся. Сейчас мы имп займемся.

— Но кто же ты? — шепнула Алианора.

— Еще не знаю,— сказал он. — Но скоро узнаю.

Он выжидал. Чуял в себе мощь, но то, что его ожидало, превышало все людские меры и надежды. Он не собрал еще достаточно отваги, чтобы взяться за рукоять.

Взглянул вверх на Распятие. Нагнулся. И выпрямился, держа Кортану в руке.

— Я знаю этот меч,— прошептал Сарах.

Хольгер чувствовал, как его фальшивый облик тает, исчезает. И возвращается память. Теперь Хольгер знал, кто он такой.

Алианора прижалась к нему, Сарах положил Хольгеру руку на плечо, Папиллон ласково коснулся мордой его щеки.

— Что бы ни случилось, что бы со мной ни произошло, знайте — вы вернетесь невредимыми и с вами всегда будет моя любовь.

— Я искал тебя, друг,— сказал Сарах.— Искал тебя, Огер.

— Я люблю тебя, Хольгер,— сказала Алианора.

Огер Датчанин, Хольгер Данске, которого старые французские хроники именуют «Огир ле Данойс», вскочил в седло... Он был датским принцем, которого еще в колыбели одарили силой, удачей и любовью те из жителей Фаэра, что желали людям добра. Был тем, кто направился служить Карлу Великому и стал одним из знаменитейших его рыцарей, защитником христианства и человечности. Был тем, кто победил в бою Сараха, короля Мавритании, и стал его другом, и они странствовали вместе долгие годы. Был тем, кого любила фея Моргана; тем, кого она, когда подступила к нему старость, взяла к себе на Авалон, чтобы вернуть ему молодость. И он жил там с ней, но сто лет спустя язычники стали угрожать Франции, и он вернулся, чтобы задать им трепку. А потом, в миг своего Триумфа, был перенесен из мира смертных в неизвестность.

Одни уверяют, что он на Авалоне, на острове, не знающем власти Времени, ждет, когда вновь придет час спасти Францию; другие говорят, что он спит в подвалах замка Кронборг и проснется, когда враг станет угрожать Дании; но все забыли, что он был и останется человеком со всеми нуждами и слабостями рода человеческого. Для всех он — попросту Заступник.

Он выехал из церкви на равнину. Казалось, следом едет весь мир.

ЭПИЛОГ

Вскоре после окончания войны я получил письмо от Хольгера Карлсена. Узнал, что он жив, но больше не имел от него никаких известий, пока два года назад он в один прекрасный день не появился у меня в конторе.

Он очень изменился, выглядел гораздо спокойнее и старше, что меня ничуть не удивило — я помнил из того письма, сколько ему пришлось пережить, сражаясь в подполье. Он рассказал, что снова нашел себе работу в Штатах.

— Зарабатываю на жизнь и только,— пояснил он.— А главное мое занятие — рыскать по антикварным магазинам. Старинные книги. Я отыскал несколько великолепных экземпляров в Лондоне, Париже и Риме, но этого мало.

— Это что-то новенькое! — воскликнул я.— Ты стал библиофилом?

Он рассмеялся — не очень весело.

— Не совсем. Расскажу при случае,— стал расспрашивать о наших общих знакомых. Пребывание в Лондоне несомненно улучшило его английский.

Случай выдался вскоре. Думаю, ему позарез нужен был благожелательный слушатель. Он вступил в лоно католической церкви (учитывая его прежние взгляды, я готов считать этот шаг сильным аргументом в пользу подлинности его рассказа), но не это стало темой его излияний.

— Не думаю, что ты поверишь хоть слову из того, что услышишь,— сказал он как-то в полдень, когда мы сидели у меня дома за пивом и бутербродами.— Но выслушай все же, ладно?

И он рассказал эту историю, как она ему помнилась. Закончил перед самым рассветом. Улицы были пусты, а фонари светили так тускло, что можно было разглядеть звезды. Он налил себе пива и долго созерцал стакан.

— И как же ты вернулся? — спросил я тихо, чтобы не вырвать его резко из задумчивости. Он посмотрел на меня взглядом лунатика:

— Понятия не имею. Я вдруг оказался здесь. Там, в том мире, я выехал на равнину и разогнал орды Хаоса, рассеял его войско. В какой-то миг мне стало казаться, что я одновременно сражаюсь на берегу, в другом мире и другом времени.

И очутился на берегу, совершенно голый. Моя здешняя одежда вместе со мной не путешествовала и лежала теперь рядом. Меня зацепила парочка пуль — так, царапины. Я двигался чертовски быстро. Быстрее, чем может это сделать нормальное человеческое тело. Врачи говорят, что при сильных нервных потрясениях такое иногда случается. Резкое повышение адреналина в крови, или что-то вроде этого. Словом, я оказался среди немцев, вырвал у одного карабин и заработал им, как дубиной. Вскоре с ними со всеми было покончено.

Он скривился, вспоминая ту неприятную сцену, но продолжил:

— Те два мира — а миров наверняка гораздо больше — словно бы составляют одно целое. И там, и здесь шла та же борьба. Здесь — с нацистами, там — с Серединным Миром, но в обоих случаях — борьба Порядка против Хаоса, древней дикой магии, слепо пытавшейся уничтожить род людской, все его свершения. В обоих мирах помощь требовалась Да-

нии и Франции. И в обоих появился Огер. Здесь, в этой Вселенной его деяния были рангом пониже — всего лишь какой-то берег, и человек в лодке, бегущий к союзникам, где он был необходим. И он обязан был спастись. Зная все, что случилось потом, легко понять, почему. Вот Хольгер Данске и помог ему вырваться на свободу. В том мире Каролингов я провел несколько недель, а сюда вернулся в ту самую секунду, из которой был взят. Забавная штука Время...

— А что с тобой было потом? — жадно спросил я.

Он тихонько засмеялся:

— Ну и намучился же я, когда они добивались, зачем я разделся, перед тем, как кинуться на немцев, и когда успел скинуть одежду... Хорошо еще, времени было мало — мы разошлись поодиночке, прежде чем я успел окончательно запутаться. И с той поры я был самым обычным Хольгером Карлсеном. А что мне еще оставалось?— пожал он плечами.— Я уже все знал о себе, знал, что — и в самом деле Заступник, что разогнал в том мире орды Хаоса. А потом силой наложенного на меня заклятья был возвращен сюда, чтобы и здесь закончить свое дело. Кризис в обоих мирах миновал, задание было выполнено... ну и вот, все пришло в норму, равновесие восстановилось, улегся вихрь, перемещавший меня во времени и пространстве. И я остался здесь,— он посмотрел на меня устало.

— Знаю, о чем ты думаешь. Галлюцинации, видения и тому подобное. Я не в претензии. Спасибо, что хоть выслушал.

— Честно говоря, не знаю, что и думать,— сказал я.— А зачем тебе книжки?

— Не книжки, а книги. Старинные. «Гримуарес». Да-да, трактаты по магии. Сумела же как-то Моргана отправить меня в другой мир,— вдруг он грохнул кулачищем по столу: — И я найду способ вернуться!

С тех пор я не встречал его, не получал от него писем, не слышал о нем. Что ж, случается, что люди пропадают бесследно. Быть может, ему удалось перенестись в мир, о котором он мне рассказывал — если все это правда. Я хотел бы воздержаться от безапелляционных суждений. Но надеюсь, что так оно и есть.

Но сейчас на наш мир надвигаются новые бури. И может настать миг, когда нам вновь потребуется Огер Датчанин.

ОПЕРАЦІЯ «ХАОС»

Привет!

Если вы существуете — привет!

Скорее всего, мы вас никогда не обнаружим. Это странный эксперимент — проверка дикой гипотезы. Но, помимо всего, это наш долг.

Я лежу, скованный сном. Лишь наполовину сознаю существование моего мира. Меня подготовили, чтобы послать призыв сквозь потоки времени, потому что то, что случилось со мной много лет назад, оставило следы моей заурядной натуре. Они верят, что их содержащие послание мысли имеют большие шансы войти с резонанс с нашими, если будут посланы мною.

Возможность неудачи невелика. Моя заурядность полностью взяла верх над крошечным остатком магны, курящейся во мне, как крошечный дымок. И в любом случае весьма неприятно, что я излучаю мысль в пустоту. Вероятно, это так.

Это скорее всего философская идея, что время имеет больше одного измерения, что могут одновременно существовать различные Вселенные, некоторые из которых совершенно чужды нам, а некоторые такие, что и отличить невозможно.

(...Почему во сне я разговариваю на этом языке? Это не моя обычная речь. Препараты вызвали странное состояние. Проклятье, когда завтра проснусь, я буду собой и не только собой. Но сейчас и всю ночь я — это я...)

Земля, где битва под Геттинсбергом выиграна Ли, а битва при Ватерлоо — Наполеоном. Или Земля, где религия Митры одержала верх над христианством. Или Земля, где вообще никогда не было Рима. Или Земля, где другие животные, а не люди, размнувшись, стали обладать разумом. Или Земля, на которой вообще не развилась разумная жизнь.

Земля, принадлежащая к таким областям космоса, где иные законы природы. Для их обитателей возможно то, чего мы никогда не сможем. Но они никогда не достигнут того, что мы сделаем без затруднений...

Но должен сказать, что у гипотезы есть кое-что побольше, чем просто философские основания. Имеется подтверждение в новейшей, слишком абстрактной для меня, физической теории. И есть анекдотические случаи появлений и исчезновений, наводящих на мысль, что возможны телесные перемещения от одного временного потока к другому. Бенджамин Батуст, Каспар Хаузер... То, что случилось со мной — хотя это не самое важное. Однако, вы обязаны выполнить ваш долг.

Видите ли, параллельные миры существуют, они должны быть тесно взаимосвязаны. В противном случае гипотезу невозможно проверить и она не имеет смысла. Имея одно и то же происхождение, воплотившись в одних и тех же формах, эти миры должны иметь одну и ту же судьбу. Борьба Закона и Хаоса, какие бы разнообразные формы она не принимала, наверняка идет во всех мирах.

Кое-чему мы научились. Мы обязаны послать вам сообщение, научить и предупредить.

Вам это может показаться всего лишь сном. То же ощущаю и я. Но все, что мне помнится, произошло на самом деле. Сомнительно, чтобы вы, те, которые окажетесь в пределах нашей досягаемости, смогли бы ответить нам. Даже если захотите, ведь в противном случае мы бы уже получили сообщение откуда-нибудь. Но надеемся, что наше сообщение вы воспримете. Спросите себя, как простой сон может быть таким, как то, что сейчас вам снится?

У нас пока нет определенного представления о том, на что вы похожи. Но предполагаем, что вы — нечто больше, чем ничто. Вы, вероятно, живете в мирах, не слишком отличающихся от нашего. В противном случае связь была бы невозможной. Как бы я мог найти отзвуки в душах поистине чуждых существ? Нет, вы тоже должны быть людьми, обладающими при этом технологической культурой.

Вы должны, как и мы, помнить Галилея, Ньютона, Лавуазье, Ватта. Вероятно, вы тоже американцы. Но в какой-то точке мы разошлись. Был ли у вас Эйнштейн? И если был, над чем он работал после своих ранних публикаций, касающихся броуновского движения и специальной теории относительности? Такие вопросы можно задавать бесконечно.

Разумеется, и у вас возникнут такие же, касающиеся нас вопросы. Поэтому я хоть как-то расскажу вам свою историю,

(Этого все равно не избежать, сумрак окутывает меня.) Несомненно, я много буду рассказывать о том, что вам известно. Может быть, вы уже знаете, как работают электрические генераторы или как закончилась Первая мировая война, или еще что-нибудь — терпите. Лучше получить слишком много сведений, чем слишком мало. Для вас это более, чем жизненно важно.

Если вы существуете.

С чего начать? Полагаю, что для меня это дело началось во время Второй мировой войны. Хотя, разумеется, история прослеживается и гораздо раньше.

1

То ли очень не повезло, то ли их разведка оказалась лучше, чем ожидали, но последний налет, сломив нашу воздушную оборону, снес к дьяволу палатку корпуса погоды. Проблемы снабжения — это проблемы снабжения. Мы не могли пополнять запасы неделями, а тем временем враг захватил контроль над погодой. Наш единственный уцелевший погодник, майор Джексон, должен был использовать то, что осталось от его стихии, чтобы защитить нас от молний. Так что приходилось принимать все, что им хотелось наслать на нас. Сейчас шел дождь.

Ничто так не обескураживает, как неизменно идущий уже неделю холодный дождь. Земля раскисла и грязь лезла в сапоги. Они сделались такими тяжелыми, что их трудно было оторвать от земли. Униформа превратилась в вымокшую насквозь тряпку, липнущую к твоей трясущейся шкуре. Продовольственные пайки отсырели, винтовки требовали сверхзаботы. И все время слышишь, как дождь барабанит по шлему. Никогда уже не удастся забыть эту серую, без конца бьющую по телу воду. И через десять лет ветер, сулящий дождь, будет вызывать чувство подавленности.

«Одно утешение,— подумал я.— Пока идет дождь, с воздуха на нас хорошую атаку не проведешь. Несомненно, когда они будут готовы атаковать с бреющего полета, облачный покров уберут к черту. Но наши метлы появятся так же быстро, как и их ковры».

Медленно, с натугой, мы шли вперед. Вся наша дивизия, вместе с примыкающими частями,— Сорок пятая Молниеносная, краса и гордость армии Соединенных Штатов, превратилась в жалкое промокшее скопище людей и драконов, рыщущих по холмам Орегона в поисках оккупантов.

Я медленно шел по лагерю. Вода сбегала с краев палаток, и, булькая, стекала в окопы. Наши часовые, разумеется, на-

дели шапки-невидимки, но я видел, как на грязи появляются отпечатки, слышал хлюпанье сапог и надоедливые однообразные проклятия.

Я миновал взлетно-посадочную полосу. Военно-воздушные силы располагались рядом с нами, чтобы сразу оказать поддержку в случае необходимости. Двое, не утруждая себя невидимостью, стояли на страже возле опрокинутого ангара. Их голубые мундиры были так же замызганы, как и мой защитный, но они были чисто выбриты, и знаки различия — крылатая метла, побеждающая злого врага — были начищены. Они отдали мне честь, и я лениво ответил им тем же.

Сзади лежали бронированные листы. Ребята соорудили из них переносное укрытие для зверюг. Я мог видеть только пробивающийся сквозь щели пар и ощутил пакостную вонь рептилий. Драконам дождь ненавистен, и водителям приходилось тратить чертовски много времени, чтобы не выпустить их из-под контроля.

Поблизости расположилось отделение Петрологической войны — закрытый сверху затон, в котором извивались, шипели и поворачивали увенчанные гребнями головы василиска.

Лично я сомневался в практической ценности этого корпуса. Нужно подвести василиска вплотную к человеку и заставить змея смотреть прямо, пока человек не окаменеет. А отражательные алюминиевые костюм и шлем, которые следует носить, чтобы защититься от излучения своих же питомцев — это прямое приглашение вражеским снайперам.

Кроме того, углерод человеческого тела, превращаясь в кремний, дает радиоактивные изотопы. Так что, вы получите, может быть, такую дозу радиации, что врачам придется уступить вас святому Джону Уорту. Тому, кто до полуночи не вылезает из своего склепа.

Кстати, если вы знаете, кремация отмерла не просто как обычай — закон о национальной обороне объявил ее незаконной. Нам пришлось заниматься многими, по-старинному устроенными, кладбищами. Так что с прогрессом науки свобод у нас стало поменьше.

Я прошел мимо инженеров, командовавших бандой зомби (мертвецы, исполняющие приказания колдуна). Те рыли очередную осушительную канаву. Я вышел к огромной палатке генерала Ванбруха. Часовой, увидев мою эмблему — тетраграмму Разведывательного корпуса и знаки различия на погонах, отдал честь и впустил меня внутрь.

Я вошел, остановился возле стола и поднял в приветствии руку.

— Капитан Матучек, сэр,— сказал я.

Ванбрух взглянул на меня из-под лохматых седых бровей. Это был мужчина, с лицом похожим на выветрившийся камень. Кадровый вояка на все сто три процента. Но мы относились к нему точно так же, как вы — к полководцам, чьи портреты оттиснуты на банкнотах.

— Вольно,— сказал он.— Садитесь. Это займет некоторое время.

Я нашел себе складной стул, сел. Два других стула были уже заняты. Сидевших на них я не знал. Один — толстяк с круглой красной физиономией и белой пушистой бородкой. Майор с эмблемой круглых кристаллов Корпуса Связи. А другая — юная девушка. Несмотря на усталость я, замигав, снова, посмотрел на нее.

Она того заслуживала — высокая, зеленоглазая, рыжеволосая. Лицо с высокими скулами. А фигура слишком хороша для униформы женской вспомогательной службы США. И для любой другой — тоже. Знаки различия капитана. Паук Кавалерийского корпуса... Хотите официальное название — пожалуйста, не паук, а слейпнир *.

Генерал представил нас друг другу.

— Майор Харриган, Капитан Грейлок. Капитан Матучек. А теперь давайте займемся делом.

Он расстелил перед нами карту. Я наклонился и посмотрел на нее. На ней были обозначены наши и вражеские позиции. Враг все еще удерживал в своих руках половину побережья Тихого океана от Аляски до Орегона, хотя положение значительно улучшилось, когда в битве при Миссисипи год назад удалось повернуть вспять нашествие.

— Итак,— сказал Ванбрух,— я опишу вам ситуацию в целом. Задание вам предстоит опасное, и, хотя вы вызвались на него добровольцами, хочу чтобы вы знали, насколько оно важное...

Все, что я тогда знал — что именно я вызвался идти добровольцем. Вызвался так или иначе. Это была армия, да еще участвовавшая в такой войне, как эта. Так что, я не смог бы отказаться из принципа. Когда Сарацинский Халифат напал на нас, я был невызывающим особых пареканий актером в Голливуде. Мне бы очень хотелось вернуться к своему занятию, но сперва нужно было покончить с войной.

— Как видите, мы потеснили их,— сказал генерал — и все оккупированные страны встрепенулись и закудахта-

---

* Слейпнир — в древнескандинавской мифологии — волшебный шестиногий конь.

ли, готовясь поднять восстание как только получат шанс выиграть битву. Британия помогает в организации и вооружении подполья, а сама тем временем готовится форсировать Ла-Манш.

Русские готовят наступление с севера. Но мы должны нанести врагу решительный удар. Взломать линию фронта и погнать их. Это послужит сигналом. Если мы добьемся успеха, то с войной будет покончено уже в этом году. В противном случае она может растянуться еще года на три.

Я это знал. Вся армия это знала. Официально еще ни слова не сообщалось, но люди каким-то образом чувствуют, когда предстоит большое наступление.

Генерал неуклюже прочертил пальцем по карте:

— Девятый броневой дивизион — здесь, Двенадцатый Метательный — здесь. Саламандры — тут, где, как мы знаем, они сконцентрировали своих огнедышащих. Моряки готовы высадиться на побережье и вновь захватить достаточно кракенов. Один удар — и мы их погоним.

Майор засопел в бороду и мрачно уставился в круглый кристалл. Шар был мутный и темный. Враг создавал такие помехи для наших кристаллов, что их невозможно было использовать. Мы, естественно, отвечали тем же. Капитан Грейлок нетерпеливо застучала по столу безукоризненно наманикюренным ногтем. Она была такая чистенькая и красивая, что я решил, что в конце концов я ей не нравлюсь. Во всяком случае сейчас, когда мой подбородок покрыт трехдневной щетиной.

— Но, по-видимому, что-то идет не так, сэр,— отважился сказать я.

— Правильно, будь оно проклято,— сказал Ванбрух.— В Тролльбурге.

Я кивнул. Сарацины пока удерживали этот город. Город — ключ к позиции, оседлавший шоссе № 20 и охраняющий подступы к Салему и Портланду.

— Мне кажется, мы предлагали захватить Тролльбург, сэр,— пробормотал я. Ванбрух нахмурился:

— Это должна сделать Сорок пятая,— проворчал он.— Если мы опростоволосимся, приятель, они сделают вылазку, отрежут Девятый и сорвут всю операцию. Кроме того, майор Харриган и капитан Грейлок из Четырнадцатого доложили мне, у гарнизона в Тролльбурге есть ифрит.

Я присвистнул. Озноб пополз вдоль позвоночника. Халифат, не задумываясь, прибегал к использованию Сверхъестественных сил (в частности, поэтому остальной мусульманский мир относился к сарацинам, как к еретикам, и пена-

видел их не меньше, чем мы). Я бы никогда не подумал, что они зайдут так далеко, что сломают печать Соломона. Вышедший из повиновения, ифрит может причинить невообразимые разрушения.

— Надеюсь, у них он только один...— прошептал я.

— Один,— сказала Грейлок. У нее был низкий голос, он мог бы казаться приятным, если бы она не говорила так отрывисто.— Они прочесали все Красное море, надеясь найти еще одну бутыль Соломона. Но, кажется, эта — последняя.

— Все равно плохо,— сказал я. Усилие, которое потребовалось, чтобы голос звучал ровно, помогло мне успокоиться.— Как вы это узнали?

— Мы из Четырнадцатого,— зачем-то сказала Грейлок.

Как бы то ни было, ее кавалерийский значок вызвал у меня удивление. Как правило, из всех новобранцев, только кислолицые школьные учительницы (и им подобные) годятся на то, чтобы разъезжать на единорогах.

— Я просто офицер связи,— торопливо сказал майор Харриган.— Лично я езжу на метле...

Я усмехнулся. Ни одному американскому мужику (если только он не член какого-нибудь Святого ордена) не захотелось бы сознавать, что его посчитали пригодным справиться с единорогом.

Майор свирепо посмотрел на меня и залился краской.

Грейлок продолжала, будто диктуя. Она говорила по-прежнему резко, хотя тон ее голоса несколько изменился.

— Нам повезло, что мы взяли в плен бимбаши штурмового отряда. Я допросила его.

— Они держат рот на хорошем замке, эти знатные сыны пустыни,— сказал я. Время от времени я сомневался про себя в Женевской конвенции, но мне бы не понравилась идея нарушить ее окончательно, даже если неприятель подобных угрызений совести не испытывает.

— О, мы прибегаем к жестоким мерам,— сказала Грейлок.— Мы поселили его в очень хороших условиях и очень хорошо кормили. Но в то мгновение, когда кусок оказывался в его глотке, я превращала его в свинину. Он сломался очень быстро и подробно рассказал все, что знал.

Я громко расхохотался. Ванбрух захихикал, но она продолжала сидеть с невозмутимым видом. Трансформация органики — это всего лишь перетасовка молекул.

Атомы не изменяются, так что риска получить дозу облучения нет. Но, конечно, трансформация требует хороших знаний в области химии.

Здесь и кроется подлинная причина, почему обычно не-

хотинец относится к Техническому корпусу с завистью. Неприкрытая ненависть к тем, кто может превратить ПЗ в отбивную или жаркое по-французски. У квартирмейстеров хватает затруднений с заклинанием обычных пайков, чтобы еще отвлекаться на создание изысканных блюд.

— О'кей, вы узали, что у них в Тролльбурге есть ифрит,— сказал генерал.— Какими еще они располагают силами?

— Малый дивизион, сэр. Вы бы взяли город голыми руками, если бы можно было обезвредить этого демона,— сказала Грейлок.

— Да, я знаю.— Ванбрух покосился в мою сторону.— Ну, капитан, рискнете? Если вам удастся справиться с ним, это означает по меньшей мере Серебряную Звезду... Простите, Бронзовую.

— А...— я сделал паузу, подыскивая слова. Меня больше интересовало продвижение по службе, либо полное увольнение в запас. Но, возможно, последует и такое, тем не менее... речь идет не о моей голове, это возражение стратегического порядка.— Сэр, в этой области мои знания чертовски малы. В колледже я чуть не завалил демонологию.

— Эту часть работы выполняю я,— сказала Грейлок.

— Вы?! — Я вернул на место отвисшую до самого пола челюсть, но что еще сказать, я не знал.

— До войны я была Главной ведьмой Колдовского агентства в Нью-Йорке,— холодно сказала она.

Теперь я понял, откуда у нее такие повадки. Типичная девица, сделавшая карьеру в большом городе. Не в моих силах остановить ее и генерала.

— Я знаю, как справляться с демонами на побережье. Ваша задача — в сохранности доставить меня на место и обратно.

— Да,— сказал я.— Тогда не о чем говорить.

Ванбрух прочистил горло. Ему не нравилось посылать на такое дело женщин. Но времени было мало, слишком мало, чтобы искать другую возможность.

— Честно говоря, капитан Матучек — один из лучших наших оборотней,— польстил он.

— АВЕ, ЦЕЗАРЬ, МОРИТУРИ ТЕ САЛЮТАНТ! *

Нет, я подразумевал иное, но не беда. Померев, смогу не спеша придумать что-нибудь получше. Я не был испуган, точно. Помимо того, что я был заколдован от страха, были

* «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя» — обращение римских гладиаторов перед боем.

всякие причины полагать, что мои шансы не хуже, чем у идущего в огонь пехотинца. Ванбрух не стал бы приносить в жертву своих подчиненных, посчитай он задание безнадежным. Но на счет перспективы я был менее оптимистичен, чем он.

— Думаю, что два ловких человека проберутся незамеченными для их стражей,— продолжал генерал.— Затем вам придется сымпровизировать. Если вам удастся нейтрализовать чудовище, то мы атакуем завтра в полдень.— Затем мрачно добавил,— если до рассвета я не получу известия, что это удалось, нам придется перегруппироваться и начать отступление, спасая все, что сможем. Вот полученная путем геодезической съемки карта города и его окрестностей.

Он не стал тратить понапрасну времени, выясняя, действительно ли я согласился идти добровольно...

2

Я вел капитана Грейлок к палатке, которую делил с двумя братьями-офицерами от падающего дождя. По долгому откосу наклонно падающего дождя ползла темнота. Мы тащились по мерзкой грязи и, пока не оказались под брезентовым покрытием, молчали. Мои товарищи по палатке были в патруле, так что места для нас хватило. Я зажег огонь Святого Эльма и сел прямо на промокшие, положенные на пол, доски.

— Садитесь,— пригласил я, указывая на единственный, имевшийся в нашей палатке, табурет. Он был одушевленный, а купили мы его в Сан-Франциско. Не особенно проворный, он все же мог тащить на себе наше снаряжение и подходить, когда его звали. Почувствовав на себе незнакомый вес, он беспокойно заерзал, а потом снова уснул.

Грейлок вытащила пачку «Крыльев» и подняла брови. Я кивнул в знак благодарности, и во рту у меня оказалась сигарета. Лично я в походе курю «счастливые» — самовоспламеняющиеся — удобно, если спички окажутся отсыревшими. Когда я был на гражданке и мог себе это позволить, моей маркой был «Филипп Моррис», потому что возникающий вместе с дымком сигареты маленький, одетый в красное эльф, может заодно приготовить порцию виски.

Некоторое время мы молча попыхивали дымом и слушали дождь.

— Ну,— сказал я наконец,— полагаю, у вас есть какие-нибудь транспортные средства?

— Моя личная метла,— сказала она.— Эти армейские Виллисы мне не нравятся. Мне нравится «Кадиллак». Я выжму из него больше, чем это возможно.

— У вас есть грим, пудра, безделушки?

— Только немного мела. Любое материальное средство не слишком полезно, когда его используешь против могущественного демона.

— Да? А как насчет воска, которым была запечатана бутылка Соломона?

— Не воск удерживал ифрита в бутылке, а печать. Чары создаются символом. В сущности, надо полагать, что их воздействие чисто психологическое.— Она посасывала сигарету, и на ее щеках образовались впадины.

Я начал понимать, что капитан Грейлок, что называется, сахарная косточка...

— У нас будет возможность проверить эту теорию сегодня ночью,— сказала она.

— Ну, ладно. Надеюсь, вам захочется прихватить с собой какой-нибудь пистолет, заряженный серебряными пулями. У них, как вы знаете, тоже есть оборотни. Я возьму пистолет-пулемет сорок пятого калибра и несколько гранат.

— Как насчет спринцовки?

Я нахмурился. Мысль об использовании святой воды в качестве оружия, всегда казалась мне богохульством (хотя капитан утверждал, что ее применение против порождений Нижнего мира допустимо).

— Бессмысленно,— сказал я.— У мусульман нет такого ритуала, и они, разумеется, не используют существ, которые ему подчиняются. С собой я возьму камеру «Полароид».

Айк Абрамс просунул свой огромный нос в разрез палатки.

— Не хочется ли вам и леди капитану немного покушать, сэр?— спросил он.

— Что ж, конечно, хотим,— сказал я.

А сам подумал: «Скверно, что свою последнюю ночь в Видгарде я проведу, как жвачное...»

Он исчез и объявил:

— Айк всего лишь рядовой, но в Голливуде я играл в «Зове дебрей» и «Серебряном ампане». А здесь он с радостью назначил сам себя моим ординарцем.

Он принес нам поесть.

— Знаете,— заметила она,— одно хорошо, по крайней мере, в нашу технологическую эру: нам известно, что в этой стране был хорошо распространен антисемитизм не только среди немногих свихнувшихся, но и среди обычных респектабельных граждан.

— Действительно. Особенно верили в чушь, что все евреи — трусы, и на фронте их днем с огнем не сыщешь. Те-

перь, когда для большинства из них колдовство под запретом — по религиозным причинам (а ортодоксы волшебством вообще не занимаются) — евреев в пехоте и в рейнджерах столько, что не заметить этого просто невозможно.

Я-то поустал от того, что герои комиксов и рассказов в дешевых журналах носят еврейские имена. Разве англосаксы не принадлежат, как и евреи, к нашей культуре. Но то, что она сказала — правильно. И это показывает, что она была чуточку больше, чем обычная машина для делания денег. Самую крошечную чуточку.

— Кем вы были на гражданке? — спросил я, главным образом потому, чтобы заглушить непрекращающийся шум дождя.

— Я уже говорила вам,— огрызнулась она, вновь свирепея.— Служила в колдовском агентстве. Реклама, объявления и так далее.

— О, а Голливуд весь фальшивый настолько, что и насмешки не заслуживает,— сказал я.

Помочь этому я, однако, не мог. Эти деятели с Мэдисон-авеню, от них в конечном итоге одна головная боль. Подлинное искусство используется для того, чтобы как пузыри выскакивали самодовольные ничтожества. Или чтобы продавать вещи, главное достоинство которых в том, что они точно такие же, как и все остальные того же сорта.

«Общество защиты животных от жестокого обращения» борется против того, чтобы русалок дрессировали для создания волшебных фонтанов с помощью заклинаний. Как борется и против запихивания молодых саламандр в стеклянные трубки для освещения Бродвея. Но я по-прежнему полагаю, что это лучше, чем трубные вопли о духах «Маашер», которые на самом деле не что иное, как приворотное зелье.

— Вы не понимаете,— сказала она.— Это часть нашей экономики. Часть всей нашей общественной жизни. Думаете наш средний отечественный чародей способен починить, ну, скажем, машину для поливки газонов? Нет, черт возьми! Он скорее выпустит на волю духов воды. И, если не будет противодействующих чар, затопит половину города. И тогда нам, ведьмам, приходится убеждать гидр, что они обязаны подчиниться нашему волхованию. Я ведь уже говорила вам, что когда имеешь дело с этими существами, эффект чисто психологический. Чтобы добиться этого, я ныряла к ним с аквалангом.

Я покосился на нее с уважением. С тех пор, как человечество осознало, насколько незначительно действие холодного оружия, и началось развитие магии, мир нуждается

в отчаянно смелых людях. По-видимому, она относится именно к такой категории.

Абрамс притащил две тарелки с пищевыми пайками. Вид у него был тоскливый, и я пригласил его присоединиться к нам. Наше задание было секретным, а еще следовало обговорить детали.

Капитан Грейлок превратила кофе в мартини (недостаточно сухое), а годную лишь для собак и пехоты жратву в мясо. Но не следует ожидать от женщины слишком душевной тонкости, а еда была, если честно — лучшая, что водилась у меня за весь месяц.

После коньяка она невольно расслабилась, и я понял, что ее отталкивающая холодность — просто защита от скользких типов, с которыми ей приходилось иметь дело. И мы выяснили, что зовут нас Стив и Вирджиния.

Но затем снаружи сумерки сменились тьмой, и нам нужно было идти...

3

Возможно, вы думаете, что это чистейшей воды безумие — послать двух людей (из них одна женщина) в расположение вражеских войск для выполнения такой задачи, как эта. Должно казаться, что по меньшей мере нужно было выслать бригаду рейнджеров. Но современная наука изменила войну в той же мере, как индустрию, медицину, обычную жизнь, наконец. Данное нам задание было безрассудно-отчаянным в любом случае, и мы бы особо ничего не выиграли, будь нас намного больше.

Видите ли, хотя практически каждый может научиться некоторым простейшим видам и приемам колдовства — таким, как искусство управлять метлой, химчисткой, токарным станком и так далее, лишь незначительное меньшинство представителей человечества можно считать подлинными знатоками. На это требуются годы и годы учения и практики. А помимо того, необходимы врожденные способности. Это вроде превращения человека в животное. Если человек относится к тем немногим, у кого есть нужные хромосомы, превращение в присущего ему зверя осуществляется почти инстинктивно. В противном случае необходимо воздействие внешней силы.

Ученые приятели поведали мне, что Искусство заключает в себе понимание Вселенной, как набора канторовских бесконечностей. Внутри каждого данного класса часть равна целому и так далее. Одна хорошо подготовленная ведьма сможет сделать все, что окажется необходимым. Большой

отряд было бы просто-напросто легче засечь, а это значит — рисковать представляющими ценность кадрами. Так что, Ванбрух был прав, посылая лишь нас двоих. Иногда на собственной шкуре приходится удостовериться, насколько здравы принципы военных действий...

Мы с Вирджинией повернулись спинами друг к другу — чтобы переодеться. Она облачилась в брюки и куртку, я — в эластичную вязаную одежду, годящуюся мне и в волчьей ипостаси. Мы надели шлемы, нацепили свое снаряжение и обернулись. Она прекрасно смотрелась даже в этом одеянии — зеленом и мешковатом.

— Что ж,— сказал я тихо,— пойдем?

Разумеется, страха я не испытывал. Каждый новобранец, вступая в армию, получает прививку от страха. Но то, что нас ожидало, мне не нравилось.

— Думаю, что чем раньше мы выйдем, тем лучше,— ответила она и, шагнув к выходу, свистнула.

Помело спикировало, приземлилось рядом с нами. Метла была раскрашена полосами в самые фантастические цвета. Но и сама по себе была хороша. Пенопластовые сидения хорошо гасили ускорение, а прекрасно спроектированные откидные спинки походили на те, что использовались на армейских машинах.

Управлял помелом приятель Вирджинии — громадный кот. Черный, как непроглядная ночь, и с недоброжелательно поблескивающими глазами. Он изогнулся дугой, с негодованием зафыркал. Погодно-предохранительные чары не давали дождю коснуться его, но пропитанный влагой воздух ему не нравился.

Вирджиния пощекотала его под подбородком.

— О, Свертальф,— прошептала она.— Хорошая киса, эльф мой драгоценный, принц тьмы... Если мы переживем эту ночь, ты будешь спать на воздушных, как облако, подушках, ты будешь пить сливки из золотой чаши...

Кот навострил уши и дал полный газ двигателю.

Я взобрался на заднее сидение, удобно устроил ноги на стременах и откинулся на спинку. Девушка, сидевшая передо мной, негромко запела, склонившись к метле. Помело резко рванулось вверх, земля провалилась, лагерь скрылся во мгле. Мы с Вирджинией обладали колдовским зрением (если точнее, видели в инфракрасном спектре), так что в освещении не нуждались.

Помело поднялось над облаками. Вверху был виден гигантский звездный свод, внизу — белесый крутящийся сумрак. Мельком я заметил пару описывающих круги «П-56».

Патруль. Каждый «П-56» состоит из шести крепко связанных между собой метел, чтобы поднять груз брони и нулеметов. Мы оставили их позади и устремились к северу.

Держа на коленях автомат, я сидел, слушая визг проносившегося мимо воздуха. Внизу смутно видпелись очертания холмов. Я заметил редкие вспышки. Артиллерия вела дуэль. На таком расстоянии невозможно с помощью колдовства сбить снаряд с курса или взорвать броню. Ходили слухи, что «Дженерал Электрик» работает над прибором, способным произвести заклинание в течение нескольких микросекунд, но пока большие пушки продолжали свою беседу.

Тролльбург лежал в каких-то нескольких милях от наших позиций. Я видел его. Город расстилался внизу, затемненный от наших пушек и бомбардировок. Как было бы славно, если бы у нас оказалось атомное оружие. Но, пока тибетцы вращают свои колеса, молясь о предотвращении атомной войны, такого рода идеи останутся ненаучной фантастикой.

Кот вытянул трубой хвост и мяукнул. Вирджиния наискось направила метлу вниз.

Мы приземлились в гуще деревьев, и она обернулась ко мне:

— Их дозоры, должно быть, поблизости,— прошептала она.— Я не решилась приземлиться на крышу. Нас было бы слишком легко заметить. Пусть путь в город начинается отсюда.

Я кивнул:

— Годится. Подождите минутку.

Я осветил себя фонариком. Как трудно было всего десять лет назад поверить, что трансформация не зависит от того, как ярко светит луна! Затем Вирпер доказал, что этот процесс — просто один из тех, где поляризованный свет, с правильно подобранной длиной волны, воздействует на щитовидную железу. И корпорация «Полярпод» сделала очередной миллион долларов на линзах превращения. Нелегко идти в ногу с нашим ужасным и удивительным временем, но я бы не сменил его ни на какое другое.

Обычно испытываемое ощущение — будто весь покрываешься рябью, трясешься. Меня пронзила смешанная с восторгом боль. Короткое похмельное головокружение. Атомы перегруппировались, образуя новые молекулы. Некоторые нервные окончания удлинились, другие наоборот, исчезли. Кости на мгновение сделались текучими, мышцы растягивались словно резиновые. Затем тело стабилизировалось. Я встряхнулся, просунул хвост через клапан облегающих

брюк и ткнул носом в ладонь Вирджинии. Она потрепала меня по шее, позади шлема.

— Ну что, шепнула она.— В путь...

Я повернулся и нырнул в кустарник.

Многие писатели пытались описать возникающие при превращении ощущения, но все они потерпели неудачу. Ибо нет в человеческом языке подходящих слов. Зрение сделалось менее острым. Очертания звезд над головой расплылись, мир сделался плоским и бесцветным. Зато я ясно слышал все звуки ночи. Эти звуки превратились почти в рев, это были сверхзвуки.

Целая Вселенная запахов била в ноздри. Запах мокрой травы и почвы, где кишели спешно спасающиеся бегством полевые мыши. От мышей исходил горячий запах, чуть сладковатый. Отчетливый резкий запах оружия, масла, нефти. Неясная вонь дыма... Бедное, с притупленными чувствами, человечество, полуглухое к этому изобилию!

Труднее всего передать, что представляла собой моя психика. Я был волком.

Волком, у которого нервы, жилы, и инстинкты — волчьи. И волчий же, острый, хотя и ограниченный разум. Я сохранил человеческую память, и цели мои были целями ЧЕЛОВЕКА. Но все это делалось каким-то нереальным, грезоподобным. Мне приходилось напрягать всю свою волю, чтобы не растерять их, чтобы не пуститься в погоню за первым же попавшимся зайцем. Неудивительно, что в былые времена оборотни заслужили дурную славу. Это было еще до того, как они поняли, что превращение включает и изменение психики. До того, как оборотням начали с детства давать надлежащее воспитание.

Мой вес — 180 фунтов, а закон сохранения материи соблюдается при превращениях столь же строго, как и все остальные законы природы. Так что, я был весьма крупным волком. Но я с легкостью скользил сквозь кусты, мчался вдоль лугов и оврагов, тень среди прочих движущихся теней.

Я уже почти проник в город, когда уловил запах человека. Я припик к земле. Серый мех дыбом встал на загривке. Я ждал. Мимо прошел часовой. Это был высокий бородатый мужчина. Его золотые серьги слабо поблескивали в свете звезд. Обернутый вокруг шлема тюрбан казался огромным на фоне Млечного Пути.

Я дал ему пройти и двинулся следом, пока не увидел следующего караульного. Часовые были расставлены вокруг всего Тролльбурга. Каждый расхаживал по сто ярдов, встречаясь на ее концах с напарником. Нам будет непросто...

Какой-то неясный шум отозвался в ушах. Я пригнулся, стараясь слиться с землей. Вверху, словно привидение, проплыл один из их самолетов. Я увидел два пулемета, мужчин, сидящих на корточках за ними. Ковер неспешно летел на малой высоте, описывая круг над кольцом караульных. Троллькург хорошо охранялся.

Как бы то ни было, Вирджинии и мне необходимо было пробраться сквозь эти дозоры. Мне нужно было совершить обратное превращение, чтобы использовать всю мощь человеческого разума. Инстинкт волка повелевал мне просто наброситься на ближайшего человека, но тогда бы в мои, покрытые шерстью уши, вцепился бы весь гарнизон.

Выждать... Может быть, это действительно необходимо.

Сделав петлю, я вернулся обратно в чащу. Свертальф цапнул меня когтями и пулей взлетел на дерево. Вирджиния Грейлок испуганно вскочила, в руке ее поблескивал пистолет. Затем она расслабилась и несколько нервно засмеялась. Я мог бы и сам, в моем теперешнем облике, использовать фонарик, висящий на шее, но ее пальцы справились с этим быстрее.

— Итак? — спросила она, когда я снова стал человеком,— что вы выяснили?

Я описал положение дел. Она нахмурилась и закусила губу. Губа, правда, была слишком хороша, чтобы с ней обращались подобным образом.

— Скверно,— сказала Вирджиния.— Я боялась чего-нибудь подобного...

— Послушайте, вы сможете быстро обнаружить этого ифрита?

— О, да. Я училась в Конголеском университете, и в совершенстве обладаю колдовским чутьем. И что из этого?

— Я отвлеку их внимание, нападу на кого-нибудь из часовых, и устрою шумиху. У вас появится возможность незаметно пролезть через линию караула.. Оказавшись в городе, вы, одев шапку-невидимку...

— Нет. Их системы обнаружения не хуже наших. Невидимость давно устарела.

— М-м... думаю, вы правы. Как бы то ни было, в темноте будет легче добраться туда, где хранится ифрит. Ну а там уж как повезет, заранее не угадаешь.

— Я подозревала, что нам предстоит что-то вроде этого,— ответила она, и вдруг сказала с поразившей меня нежностью.— Но, Стив, у нас будут некоторые шансы спастись...

— Только не в том случае, если они поразят меня серебром. Правда, их пули, в основном — обычный свинец. Расчет

они ведут на той же основе, что и мы. В среднем каждая десятая пуля должна быть серебряной. У меня, вероятно, шансов девяносто из ста — вернуться целым и невредимым.

— Лжец,— сказала она.— Но храбрый лжец.

Я вообще не храбрый. Подмывает иногда помечтать о Кузнечной долине, об Аламо, о холме Сан-Хуан. Или о Касабланке, под которой наша, численно превосходящая армия, остановила три Панцирные дивизии Африканского корпуса фон Огерхауза. Подмывает — но только, если ты сам уютно расположился где-нибудь в безопасности.

Предохраняющие от страха чары сползли с меня, в животе заворочался тяжелый ком, однако, я не видел иной возможности сделать то, что мы обязаны сделать. Потерпи наша попытка неудачу, это означало бы военно-полевой суд.

— Когда они пустятся на охоту за мной, я собью их со следа. Собью и постараюсь вновь встретиться с вами.

— О'кей,— она вдруг встала на цыпочки и поцеловала меня.

Впечатление было ошеломляющее.

Я замер на мгновение, глядя на нее:

— Что вы делаете в субботу вечером? — меня чуть-чуть трясло.

Она рассмеялась:

— Не забивайте себе голову, Стив. Я из кавалерии...

— Да, но война не может продолжаться до бесконечности,— я улыбнулся. Улыбнулся беспечной, насильственной улыбкой, и глаза ее внимательно остановились на мне. Зачастую полезно использовать накопившийся опыт.

Мы обсуждали все детали так тщательно, как только возможно. Вирджиния особых иллюзий не питала. Ифрита, наверняка, хорошо охраняли, да и сам по себе он представлял большую опасность. Рассчитывать, что нам обоим удастся увидеть восход солнца, означало не что иное, как благодушие.

Я снова принял волчий облик и ткнулся ей в руку. Она взъерошила мне мех, и я скользнул в темноту.

Я избрал часового, удалившегося на некоторое расстояние от дороги (дорогу, разумеется, перегораживала застава). По сторонам намеченной жертвы виднелись еще люди, медленно расхаживающие вперед и назад.

Я скользнул за пень, находившийся почти точно на пути часового. Ждал.

Он приблизился, и я прыгнул. Успел увидеть глаза и зубы, блестевшие на бородатом лице, услышал его вскрик, уловил исходившую от него струю страха... а затем мы столкну-

лись. Он опрокинулся, отбиваясь. Я щелкнул зубами, целясь в глотку. Челюсти сомкнулись на его руке, и я почувствовал горячий соленый вкус крови.

Он завизжал. Я понял, что крик услышан на линии охраны. Два ближайших сарацина мчались на помощь. Я разорвал первому глотку и сжался в ком, чтобы прыгнуть на второго.

Он выстрелил. Пуля пронзила тело, оставив зазубрину острой боли. Я зашатался. Но он не знал, как ему следует обращаться с оборотнем. Ему бы упасть на колено и стрелять безостановочно, пока не настанет черед серебряной пули. В случае необходимости ему следовало отбиться от меня, пусть даже штыком и продолжать стрелять. А этот... Он бежал ко мне, взывая к Аллаху своей еретической секты.

Мои мышцы сжались, и я рывком бросился на него. Проскользнул под штыком, под дулом, и ударил сарацина так, чтобы свалить его. Он устоял, вцепился в мое тело, и повис. Я полукругом занес левую заднюю лапу за его щиколотку и толкнул. Он упал. Я оказался сверху. Позиция, к которой всегда должен стремиться ввязавшийся в рукопашную оборотень. Я мотнул головой и, оставив на его руке глубокую рану, вырвался из захвата.

Но прежде, чем я успел расставить все точки над «и», навалились еще трое. Их саперные лопатки заходили взад-вперед, вонзались мне в ребра снова и снова. Обучали их вшиво. Я прогрыз себе дорогу из этой «кучи малы» (к тому времени их накопилось уже полдюжины) и вырвался на свободу.

Сквозь запах пота и крови я уловил еле слышное дуновение духов «Шанель № 5». Про себя я рассмеялся. Вирджиния, оседлав метлу, в футе над землей, на скорости обогнула свалку и была уже в Тролльбурге. Теперь моя задача — унести ноги и увести погоню. И при этом не словить серебряную пулю...

Я завыл, чтобы поиздеваться над теми, кто высыпал из стоявших вдали зданий. И прежде, чем припустить через поле, дал хорошенько рассмотреть себя. Я бежал не спеша, так, чтобы они не потеряли меня, делая зигзаги, чтобы в меня не попали. Спотыкаясь и воя, они мчались следом.

Все, что они могли знать — совершен налет десантников. Их патрули перегруппировались, весь гарнизон поднят по тревоге. Но наверняка никто, за исключением нескольких отобранных офицеров, не знает об ифрите. И никто из этих офицеров не осведомлен, что мы получили о нем сведения. Так что догадаться, что мы задумали, невозможно. Может

быть, нам удастся осуществить эту труднейшую операцию...

Что-то внезапно устремилось на меня сверху. Один из проклятых ковров. Он пикировал, словно ястреб, винтовки выплевывали огонь. Я кинулся по ближайшей, ведущей к лесу, тропинке. Под деревья! Дайте мне забраться хотя бы под елочки, тогда я...

Не дали. Я услышал звук прыжков за спиной, учуял едкий запах... и захотелось скулить. Тигр-оборотень способен мчаться так же быстро, как и я.

На мгновение вспомнился старик-проводник, который был у меня на Аляске. Если бы в мгновение ока он оказался здесь! Он был оборотень-медведь, кодьяк...

Затем я развернулся и встретил тигра раньше, чем он успел наброситься на меня.

Это был огромный тигр, фунтов 500, не меньше. В глазах его тлел огонь, и громадные клыки. Он занес когтистую лапу, способную переломить мой хребет. Я кинулся вперед, укусил его и отскочил, прежде чем он успел ударить. Частью своего сознания я слышал, как враги ломились через подлесок, пытаясь отыскать меня.

Тигр прыгнул. Я уклонился и бросился к ближайшим зарослям. Возможно, я сумею пробраться там, где он не сумеет...

Он несся между деревьями за мной, бушевал и ревел.

Я увидел узкую щель между двумя гигантскими дубами. Слишком маленькую для него щель, и кинулся туда. За те полсекунды, что протискивался, он догнал меня. В голове взорвались и потухли огни...

4

Я находился вне времени и пространства. Само мое тело отделилось от меня, а может, это я отделился от тела...

Как мог я осознать бесконечную вечность темноты и холода этой пустоты, коль скоро у меня не было соответствующих понятий? Как я мог испытывать отчаяние, коль скоро был не что иное, как точка, затерявшаяся в пространстве или во времени?

Нет, даже не так. Ибо здесь не было ничего. Ничего, что можно было бы осознать. Ничего, что можно было бы любить, ненавидеть или бояться. Ничего, о чем можно было бы хоть как-то поведать словами. Мертвец ощущал бы себя менее одиноким, ибо единственное, что существовало во всей Вселенной — был я и мое отчаяние.

Но в то же время, а может, на квадриллион лет позже,

или и то и другое вместе, ко мне пришло сознание чего-то еще.

На меня глядел Солипсист. Беспомощный, практически ничего не осознающий, я мог лишь прикоснуться к его самомнению. Такому бесконечному, что не оставалось места даже надежде. Я вращался в бурных течениях его мыслей, слишком чужих, слишком огромных и непонятных, чтобы надеяться на спасение. Будто слышал урывками рев Ледовитого океана, в котором тонул...

— Опасность. Этот и те двое. Определенно, они могут быть ужасно опасны. Не в данный момент, когда они всего лишь способствуют уничтожению плана. Великий план, в котором эта война — всего лишь первая страница... что-то в них предостерегает, пусть и слабо, об опасности...

Если бы только я мог более ясно видеть во времени!..

Их нужно устранить, уничтожить. Что-то нужно сделать до того, как возникнет и возрастет их потенциальная возможность. Но сейчас я еще не могу ничего. Может быть, как это случается на войне, их убьет. Если нет, мне следует запомнить их, и попробовать сделать что-то позднее. Сейчас у меня слишком много иных дел, я должен сохранить семена, насаженные мною в этом мире. Вражеские птицы летят во множестве на мои поля... голодные стаи. И орлы, охраняющие их со все возрастающей дикой яростью. Вы попадетесь еще, птицы, в мои ловушки... и Тот, кто выпустил вас!

Так велика была под конец сила его ярости, что я оказался выброшенным на свободу...

5

Я открыл глаза. И какое-то время чувствовал лишь ужас. Меня спасла физическая боль, прогнав мысли об уже полузабытых кошмарах. Прогнав их туда, где обитают кошмары. Их сменила мысль, что после удара я какое-то время пробыл в бреду.

Человекозверь, в своей звериной ипостаси, не настолько уязвим, как полагает большинство. Кроме таких штучек как серебро, которое является биохимическим ядом для процессов метаболизма, так сказать в полутекучем теле, кроме этого — повреждение жизненно важного органа может повлечь за собой смерть. Это — как непрерывная ампутация, если только поблизости не окажется хирурга, который пришьет вам ампутированное обратно до того, как отомрут клетки.

Мы, однако, крепкая порода. Я, вероятно, получил удар, который сломал мне шею. Мой спинной мозг не был безвозвратно поврежден, все заживало с обычной для зверя ско-

ростью. Беда была в том, что они взяли и тут же превратили меня в человека до того, как зажили соответствующие повреждения. Моя голова упала, меня вырвало.

— Вставай! — Чей-то сапог воткнулся мне в ребра.

Шатаясь, я поднялся. Все мое снаряжение тут же убрали подальше, в том числе и фонарик. Несколько человек держали меня под прицелом своих ружей. Рядом стоял человек-тигр. В своем человеческом обличии он достигал почти семи футов роста и был чудовищно толст. Косоглазя от головной боли, я разглядел на нем знаки различия эмира. В те времена это было скорее воинское звание, чем титул, но, как бы то ни было, он был весьма важной персоной.

— Пойдемте,— сказал он и пошел впереди, а я, подталкиваемый,— следом.

Я увидел ковры в небе, услышал вой их оборотней, рыщущих в поисках других американцев. Но меня слишком мутило, чтобы заботиться еще и об этом.

Мы вошли в город. Его тротуары глухо звучали под нашими сапогами. Мы шли к центру. Троллькург не был большим городом. Возможно, некогда в нем насчитывалось тысяч пять населения. Улицы в большинстве были пусты.

Я увидел несколько отрядов сарацин, палящих в небо из противовоздушных орудий. Мимо тяжело и неуклюже прополз дракон, повсюду располагались бронебойные пушки. Ни следа гражданского населения, но я знал, что с ним случилось. Привлекательные молодые женщины угодили в офицерские гаремы. Остальные мертвые, либо сидят под землей, ожидая отправления на невольничьи рынки.

Когда мы добрались до отеля, где располагался вражеский штаб, головная боль утихла. Мозг снова стал ясным. При данных обстоятельствах это было сомнительным везением. Меня провели по лестнице в номер-люкс и приказали встать перед столом. Эмир сел за стол, рядом расположился юнец-паша из разведки. С полдюжины охранников выстроились вдоль стен.

Эмир повернул свое огромное лицо к паше, сказав ему что-то (Как я предположил, следующее: Вести допрос буду я, а вы наблюдайте).

— Итак,— сказал он на хорошем английском языке,— у нас есть несколько вопросов. Пожалуйста, назовите себя.

Я механически заявил ему, что меня зовут Шерринфорд Майкрофт, капитан армии США, и назвал свой номер.

— Это не настоящее имя, не так ли? — спросил он.

— Разумеется нет,— ответил я.— Мне известна Женевская конвенция. Вам не удастся околдовать с помощью мо-

его же имени. «Шеррингфорд Майкрофт»—это мое «Джон Смит».

— Халифат не подписывал Женевскую конвенцию,— спокойно сказал эмир,— и когда джихад требует использования крайних мер... В чем состояла цель вашей вылазки?

— Не стоит требовать моего ответа,— сказал я. Можно было бы помолчать, все равно это давало выигрыш во времени Вирджинии. Но все же, молчать было хуже.

— Возможно, вас удастся уговорить,— заявил он.

Происходи дело в кино, я бы ответил, что вышел на луг собирать маргаритки. И безостановочно острил бы, пока они плющили в тисках мои пальцы. Но в реальной действительности их методы были реальны.

— Ладно,— сказал я,— меня послали в разведку.

— В одиночку?

— Нет. Нас было несколько. Надеюсь, что они удрали. Возможно, это займет его ребятишек на какое-то время, пусть порыщут.

— Лжете,— быстро сказал он.

— Коль вы мне не верите, ничем не могу помочь,— пожал я плечами.

Его глаза сузились:

— Скоро я выясню, говорите ли вы правду. Если нет, то пусть тогда вас милует Иблис.

Я не смог с собой справиться, вздрогнул, жемчужины пота выступили на моей коже. Эмир рассмеялся. Это был неприятный смех — какой-то рык с завыванием, ворочающийся в его жирной глотке. Как у тигра, забавляющегося с добычей.— Обдумайте свое решение,— посоветовал он и углубился в изучение расположенных на столе бумаг.

В комнате сделалось совсем тихо. Стражники замерли, словно отлитые из бронзы. Сонная физиономия юнца в тюрбане. За спиной эмира в окно глядела тьма ночи. Только слышны были громко тикающие часы и шорох бумаг. И, казалось, это только усугубляло тишину.

Я вымотался, голова болела, в пересохшем рту — мерзостный привкус. Я не имел права упасть, и от усилия моя крайняя физическая измотанность усугубилась еще больше. Мне пришло на ум, что эмир, должно быть, боится нас, если прилагает столько усилий, чтобы захватить одного-единственного пленника. Честь и слава американцам. Но меня это мало утешало.

Мои глаза изучали обстановку. Особо смотреть было не на что: обычная гостиничная обстановка. Эмир загромоздил свой стол множеством всякой всячины: круглый кристалл

(бесполезный, потому что мы тоже создавали помехи), прекрасной работы алмазная ваза (выкраденная из чьего-то дома), набор премилых хрустальных рюмок, коробка для сигар из кварцевого стекла, графин, наполненные чем-то, что выглядело хорошим шотландским виски. Я решил, что эмиру нравится все хрустальное и прозрачное.

Он захотел попотчевать себя сигарой, мановением руки открыл сигаретницу, и «гавана» вплыла ему в рот и самовоспламенилась. Одна за другой тащились минуты. Пепельница время от времени воспаряла вверх, чтобы получить очередную порцию пепла. Я догадался, что все, что ему сейчас нужно, это вот так медленно и лениво поднимать и опускать пепельницу. Такой, толстяк, заплативший за пребывание в шкуре действительно огромного оборотня, нуждался в подобного ряда комфортабельном отдыхе.

Было очень тихо. С потолка сиял ослепительный свет. В нем было нечто чудовищное, неправильное. Наши обычные, добрые, производства «Дженерал Электрик» огни Святого Эльма, сверкающие над этими, увенчанными тюрбанами, головами.

Я уже начал отчаиваться, когда блеснула идея. Как воплотить ее в жизнь, я пока не знал, но хотя бы просто так, для того, чтобы быстрее прошло время, начал составлять заклинание.

Вероятно прошло с полчаса (хотя мне показалось, что прошло полстолетия), когда дверь открылась, и мелкими шажками вошел фаннек — маленькая лиса африканской пустыни. Эмир поднял взгляд. Посмотрел так, как будто тот использовал свой фонарик, чтобы подсветить в темном клозете.

Вошедший, естественно, оказался карликом, едва ли в фут ростом. Он простерся на полу и быстро заговорил высоким прерывистым фальцетом.

Эмир медленно развернул свой подбородок ко мне:

— Мне сообщили, что не найдено никаких признаков следов, кроме ваших. Вы лгали.

— Разве я не сказал вам? — спросил я. В горле у меня стояло ощущение, как будто там провели наждаком. Чужое у меня было горло.

— Мы применяли сов и летучих мышей. Волком был только я.

— Замолчите,— сказал он невыразительно.— Я знаю не хуже вас, что летучие мыши-оборотни могут быть только вампирами, и что во всей вашей армии нет пригодного для военной службы вампира.

Это была правда. Все время и без конца некоторые каби-

нетные генералы вопрошают, почему бы не создать подразделение Дракул. Ответ тривиален. Они слишком уязвимы и легковесны, они не выносят солнечного света. Если не получают без перебоев своей порции крови, то способны наброситься на своих же товарищей, и их невозможно использовать там, где есть солдаты-итальянцы.

Я проклял себя, но мой разум слишком оцепенел, чтобы придумать выход из этого затруднительного положения.

— Полагаю, кое о чем вы умалчиваете,— сказал эмир. Он махнул рукой графину и рюмкам. Графин вылил из себя порцию шотландского, которое эмир и принялся неторопливо потягивать.

Правящая Халифатом секта еретичка еще и своими отношениями к спиртным напиткам. Руководители секты утверждают, что хотя Пророк и запретил вино, он ничего не сказал насчет пива, джина, виски, коньяка и рома.

— Придется использовать более действенные меры,— сказал наконец эмир.— Я надеялся избежать этого. Он кивнул охране.

Двое держали меня за руки. А обрабатывал паша. У него это хорошо получалось. Фаннек-оборотень наблюдал с жадностью. Эмир попыхивал своей сигарой и продолжал заниматься бумагами.

Через несколько долгих минут он приказал прекратить. Меня отпустили, даже поставили рядом стул, а он мне действительно был крайне необходим.

Я сел, тяжело дыша. Эмир мягко поглядел на меня.

— Я сожалею об этом,— сказал он.— Мне это не доставило удовольствия... Странно, но я поверил ему.— Нам бы хотелось надеяться, что вы окажетесь более благоразумным до того, как мы будем вынуждены повторить то же самое. Кстати, не хотите ли сигару?

Все та же процедура третьей степени. Отлупите человека, чтобы на нем живого места не оказалось, а потом продемонстрируйте ему свою доброту. Вы изумитесь, как часто он после этого, разрыдавшись, ломается.

— Нам необходимы сведения о вашей армии, и что вы планируете,— сказал эмир.— Если вы согласитесь сотрудничать и примите истинную веру, вы сможете занять среди нас почетное место. Нам, в Халифате, по душе хорошие люди.— Он улыбнулся.— Когда война кончится, вы, если того пожелаете, сможете набрать гарем в Голливуде.

— А если я не расколюсь? — пробормотал я.

Он простер руки:

— Тогда у вас никогда не появится желания завести гарем. Выбирать вам.

— Дайте подумать. Это все нелегко...

— Пожалуйста, думайте,— вежливо ответил он и повернулся к своим бумагам.

Я сидел расслабившись, как только можно, гнал дым сквозь глотку и с силой выдувал его обратно. Их техники смогут снять чары армии только в том случае, если я дам на то добровольное согласие. А мне его давать не хотелось.

А предположим, окно за спиной эмира. Это значит упасть с высоты двух этажей на мостовую. Скорее всего я просто разобьюсь насмерть. Но это более предпочтительно по сравнению со всеми другими, предоставленными мне возможностями.

Я повторил про себя составленное мною заклинание. Настоящий специалист должен знать по крайней мере один вымерший язык — латынь, греческий, классический арабский, санскрит, старонорвежский и так далее, согласно общепринятым основаниям симпатической науки. Особенно сильно на сверхъестественные феномены с помощью обычных слов не повлияешь, не считая некоторых обыденных штампов того минимума, который необходим, чтобы управиться с окружающими нас в повседневной жизни механизмами. Я в этой области специалистом не был.

Тем не менее, я очень неплохо знал один, чуточку экзотический диалект. Я не знал, сработает ли он, но мог попытаться. Я решился. Мышцы мои напряглись и дернулись. Столбик пепла моей сигары обломился, и когда я поднял сигару снова, на ней собралось немного пепла от сигары эмира. Я повторил про себя рифмы, поднес сигару ко рту и пробормотал заклинание.

ГОЛЫЙ ЧИСТЫЙ ПЕПЕЛ — В ПУТЬ,
ВВЕРХ СТРЕМИТСЯ ПЕПЕЛ ВРАЗ,
ПЕПЕЛ, ПУТЬ СВОЙ НЕ ЗАБУДЬ,
ОТПРАВЛЯЙСЯ ПРЯМО В ГЛАЗ!

Я зажмурился правым глазом и поднес пылающий кончик сигары прямо к веку. Эмирская «Эль Сумо» подскочила и воткнулась в его правый глаз. Он завизжал и опрокинулся на спину.

Я вскочил. Фаннек-оборотень, благодаря тому, что я прыгнул к нему, оказался в зоне моей досягаемости. Тыльной стороной ладони я врезал ему по тощей, грязной шее и содрал болтающийся на ней фонарик.

Охрана взвыла и скопом пошла на меня. Я перелетел через стол и, прихватив по дороге графин, оказался рядом

с эмиром. Обезумев от боли, он вцепился в меня. Его глаз превратился в страшную рану, на которую нельзя было взглянуть без ужаса.

Замахнувшись графином, я завопил:

Я СВОДЕН СЛОВНО СВЕТ,
ОТПУСТИ ТОТЧАС МЕНЯ,
ДЛЯ МЕНЯ ПРЕГРАДЫ НЕТ,
И ОПЯТЬ СВОБОДЕН Я!

Закончив, я высвободился и запустил графином в охрану. Стишки были вшивые и могли бы не сработать, если бы эмир осознал, насколько они вшивые. Но я высвободился.

А затем и шар, и пепельница, и чаша, и рюмки, и все остальное отправилось вслед за графином. В воздухе было не продохнуть от битого стекла.

Подождать и посмотреть, что получилось, я не собирался. Наоборот, вылетел из окна, словно дьявол, которому сказали: «Изыди!» Приземлился мячиком на обочину, подскочил и давай уносить ноги!

6

Солдаты были повсюду. Вслед мне дождем сыпались пули. Я наверняка поставил рекорд, пока мчался до ближайшего переулка. Колдовским зрением усмотрел открытое окно и, извернувшись, нырнул туда. Скорчившись за подоконником, слышал как мимо несется погоня.

Это была подсобка разграбленной бакалейной лавки. И в ней было достаточно темно для того, что я собрался сделать. Я повесил фонарик на шею, направил его на себя и совершил превращение. Преследователи вернулись через минуту, и мне следовало сделаться неуязвимым для свинца.

Став волком, я принюхался в поисках другого выхода. Задняя дверь была наполовину открыта. Я скользнул туда. Двор, забитый старыми упаковками, ящиками, был хорошим убежищем. Я залег там, стараясь совладать со своей волчьей натурой — ужасно подмывало напасть на них, ползающих совсем рядом.

Они ушли, и я попытался обдумать создавшееся положение. Велико было искушение, задрав хвост, бежать из этого окаянного места. Вероятно, я мог бы это сделать, ведь с формальной точки зрения свою часть поставленной перед нами задачи я выполнил. Но в действительности дело еще не закончено, и Вирджиния один на один с ифритом (если она еще жива) и...

Когда я попытался вспомнить, как она выглядит, в памяти всплыл такой образ: волчица с приятно пахнувшим ме-

хом. Я яростно затряс головой. Усталость и отчаяние волнами захлестывали мой разум — верх брали инстинкты зверя. Если я собирался что-то делать, это надо делать быстро.

Я поразмышлял, принюхался во все стороны. Город был полон наводящих смущение запахов. Но я уловил слабое, отдающее серой, дуновение, и осторожно затрусил в том направлении. Я держался тени, и хотя был замечен дважды, меня не окликнули. Вероятно, они полагали, что я из их шайки. Резкий запах серы делался все сильнее.

Они хранили ифрита в здании бывшего городского суда. Хорошее на вид, прочное и солидное строение. Тщательно вынюхиваясь в приносимые ветром запахи, я прошел через разбитый перед зданием маленький парк. А затем стремглав пронесся через улицу и вверх по ступенькам. На площадке валялись тела четырех солдат, в глотках — раны. Возле двери припаркована машина-метла. Одна из деталей управления метлой представляет собой острый двенадцатидюймовый стержень, и Вирджиния использовала его в качестве копья.

Моя человеческая составляющая не избавилась еще от ложных романтических бредней, попятилась в ужасе, но волк, в довольной усмешке, оскалил зубы. Я ударил всем телом в дверь. Замок вылетел, дверь открылась. Я сунул нос в щель и едва успел отпрянуть до того, как не узнавший меня Свертальф вцепился в него когтями. Узнав меня, он резко дернул хвостом, и я проследовал мимо него в вестибюль. Едкий запах лился с ведущей наверх лестницы. Нащупывая путь в глухой тьме, я взобрался по ней.

В помещении на втором этаже горел свет. Я толкнул неплотно закрытую дверь и вошел. Вирджиния была здесь. Задернув занавески, она как раз зажигала огни Святого Эльма. Она была весьма занята своими приготовлениями. Глянула на меня испытывающе, но работать не прекратила, при этом она напевала заклинания. Я улегся своим косматым туловищем около двери и принялся наблюдать.

Она нарисовала мелом обычную для таких случаев фигуру — вроде Вашингтонского Пентагона. Внутри ее начертила Звезду Давида и поместила в центр бутыль Соломона. Бутыль выглядела невнушительно, просто старая посудина из необожженной глины. Ее полая ручка загибалась вверх и уходила внутрь бутылки. Всего-навсего «бутылка Клейна», с горлышком, запечатанным красным воском. На воске стояла Соломонова печать. Вирджиния распустила волосы, и они летучим рыжеватым облаком окружили ее бледное лицо.

Волчья часть моего сознания изумилась, почему мы просто не удираем, прихватив этот сосуд. Но человек напомнил

волку, что эмир, без сомнения, принял меры предосторожности (магические, конечно), чтобы бутылку нельзя было раскупорить за пределами этой комнаты или вынести из комнаты. Мы обязаны вывести демона из строя. Обязаны сделать это как-нибудь. Но никто в нашей стране не имеет больших знаний о демонах этой расы. Вирджиния закончила петь заклинания, вытащила затычку и отпрыгнула от пятиугольника. Из посудины, кипя, повалил дым. Она едва успела отпрыгнуть, в такой спешке выбрался на волю ифрит. Я зажал хвост между ног и заворчал. Вирджиния тоже была испугана. Она изо всех сил старалась не показать этого, но я уловил запах адреналина.

Ифрит, чтобы уместиться под потолком, согнулся почти вдвое. Это было чудовищное создание с кожей серого цвета. Он был более или менее человекоподобен, но имел крылья, рога и длинные уши. У него были громадные клыки и глаза, словно тлеющие угли. К тому же, он был совершенно голый. Его боевыми качествами были сила, быстрота и практическая неуязвимость.

Выпущенный на волю, он мог отразить любую атаку Ванбруха. И нанести ужасающие потери, как бы старательно мы не окапывались в обороне. Овладеть контролем над ним впоследствии — вот подлинная проблема. Он мог бы превратить в пустыню всю страну. Но с какой стати это должно заботить сарацин? Он должен сражаться на их стороне — вот и все, что они потребовали бы у него в качестве платы за освобождение.

Он проревел что-то на арабском. Из его рта, свиваясь, вылетали клубы дыма.

Вирджиния, на фоне полуразвернутых, похожих на те, что у летучих мышей, крыльев выглядела совсем крохотной. Ее голос звучал не так спокойно, как ей того хотелось бы:

— Говори по-английски, Марид. Или ты слишком невежествен?

Демон вознегодовал и обиделся:

— О отродье тысячи бабуинов!

От его громового голоса у меня чуть не лопнули барабанные перепонки.

— О, ты, бедная и трусливая, не верившая ни во что тварь. Тварь, которую я могу убить одним мизинцем! Приблизься ко мне, если смеешь!

Я был испуган не столько тем, что он начинает крушить все подряд, сколько производимым им шумом. Его было слышно, наверное, на четверть мили.

— Замолчи, проклятый Богом! — ответила Вирджиния.

Это его чуточку потрясло. Как и большинство порождений ада, он не мог перенести упоминания Святого имени. Но, чтобы всерьез это подействовало, нужны были условия, которых мы воспроизвести не могли.

Вирджиния, подбоченясь, задрала голову навстречу огненному, направленному на нее сверху вниз взгляду:

— Вижу, что Сулейман ибн Дауд не напрасно заточил тебя. Возвращайся в свое жилище и никогда не выходи из него снова, иначе гнев Небес поразит тебя! Ифрит презрительно усмехнулся:

— Знай, что Сулейман-мудрый уже три тысячи лет, как мертв,— парировал он.— Долгие и долгие годы провел я в тесной темнице. Я, для которого не было никогда преград ни на Земле, ни в небе! И вот сейчас, наконец, я получу свободу, и узнают мощь моей мести хилые потомки Адама! Он указал на невидимую преграду. Невидимая, но в несколько миллионов «пси».

Она надежно удержит его до тех пор, пока кто-нибудь, сведущий в этих делах, не сотрет линии.

— О, ты, бесстыжая, обнажившая свое лицо проститутка, с волосами, как пламя ада! Знай, что я — Рашид Могучий, победитель Птиц Рух! Приблизься ко мне, и сразись, как мужчина!

Я пододвинулся ближе к девушке, шерсть на моем загривке поднялась дыбом. Ладонь, коснувшаяся моей головы, была холодной.

— Паранойдальный тип,— шепнула Вирджиния.— Большинство этих вредоносных порождений Низших Миров — психопаты. А этот еще и глуп. Надо как-нибудь схитрить — это наш единственный шанс. У меня нет никакого волшебства, которое напрямую заставило бы его подчиниться. Но...— уже громко и ифриту.— Замолчи, Рашид, и выслушай меня. Я тоже принадлежу к твоей расе и требую соответствующего к себе отношения.

— Ты? — он фальшиво и громко расхохотался.— Ты из расы Марида?! Ну, ты, обладающая лицом, похожим на рыбью морду, если ты подойдешь ближе, я докажу, что ты не годишься даже на...

Остальное он изобразил жестом. Но было бы не по-джентльменски воспроизводить здесь это.

— Нет, выслушай меня,— сказала девушка.— Хорошо, смотри и внимай мне.

Она сделала пассы и произвела формулу. Я узнал заклинание, которое не позволяет произносившему его солгать во время важного для него разговора, хотя в наших судах не

используют этот способ, но я знал, что он применяется во время судебных разбирательств в других странах.

Демон тоже понял, что это такое. И я сообразил, что сарацинские эксперты накачали его английским (это повышало его боевую эффективность), добавили отрывки сведений о современном мире.

Ифрит угомонился и начал внимательно слушать.

Вирджиния сказала подчеркнуто:

— Теперь я ничего не могу говорить, кроме правды. Ты согласен, что предмет и его обозначение — есть одно и то же?

— Да,— прогрохотал ифрит.— Это общеизвестно.

Я почуял ее облегчение. Первое препятствие взято! Его не обучали принципам научной магии! Хотя, разумеется, имя находится в симпатической связи с предметом (на этом основаны заклинания и многие другие методы колдовства), но Коранбский уже в текущем столетии доказал, что слова и обозначенные ими объекты — не идентичны.

— Прекрасно,— сказала Вирджиния.— Мое имя Джинни.

Он уставился на нее в изумлении:

— Это действительно твое имя?

— Да. Будешь ли ты теперь меня слушать? Я пришла дать тебе совет. Ты знаешь, я обладаю могуществом, и я отдаю его на милость Аллаху Всемогущему, Всезнающему, Сострадающему.

Он сердито сверкнул глазами. Но, согласившись, что она принадлежит к его роду, ему приходилось сдерживать свою грубость. И даже проявлять готовность быть галантным.

Она не могла лгать, давая ему совет. Ему и в голову не пришло, что советуя, ей достаточно было кое о чем умолчать.

— Ладно, продолжай, если хочешь,— прорычал он.— Известно ли тебе, что завтра я отправлюсь в поход, чтобы уничтожить сонмище язычников? — Сказанное подстегнуло его мечты о славе.— Я разорву и растопчу их. Я разотру их в мелкий порошок и освежую. Они узнают мощь Рашида яркокрылого, яростного, безжалостного, мудрого...

Вирджиния терпеливо ждала, пока он перечислял все эти прилагательные, потом мягко сказала:

— Но, Рашид, зачем ты должен убивать, разрушать и вредить?

Ты не получишь взамен ничего, кроме ненависти!

В его рыке прорезался скулежный визг:

— Айе, ты говоришь правду! Весь мир ненавидит меня! Все злоумышляют против меня! Никогда Сулейман не пленил бы меня! Что бы я не пытался сделать, всему препят-

ствовали завистливые злопыхатели. Айе, но завтра придет день расплаты!

Вирджиния недрогнувшей рукой зажала сигарету и выпустила дым в ифрита:

— Как можешь ты доверять эмиру и его приспешникам? Он тоже твой враг. Все, что он хочет — чтобы ты сделался послушным оружием в его руках! А затем — обратно в бутылку!

— Почему... почему? — Тело ифрита распухло так, что заскрипел искривлявший пространство барьер.

Из ноздрей его с треском вылетели молнии. Сказанное Вирджинией не приходило ему в голову. Особым умом его раса не отличалась. Но, разумеется, грамотный психолог способен был понять к чему приведет параноика его логика.

— Разве ты не ощущал вокруг себя враждебности на протяжении всей своей долгой жизни? — быстро продолжала Вирджиния.

— Вспомни, Рашид, вспомни. Чем встретил тебя этот злобный, завистливый мир — это была жестокость, разве не так?

— Айе... Так и было.— Похожая на человеческую, голова склонилась, голос упал до еле слышного шепота.— Меня ненавидели с самого детства... Айе, моя собственная мать ударила меня крылом так, что сбила с ног!

— Возможно, это получилось нечаянно,— сказала Вирджиния.

— Нет. Она всегда предпочитала моего старшего брата... Деревенщину!

Вирджиния села, закинув ногу за ногу.

— Расскажи мне об этом,— попросила она и в ее голосе звучало сочувствие.

Я почувствовал, как ослабела страшная сила, изнутри распиравшая барьер. Ифрит опустился на свои окорока, глаза полузакрыты. Он вновь разворачивал в памяти происшедшее за миллионолетие. А вела его туда, направляя, Вирджиния. Я не понимал, что она задумала. Она наверняка не могла бы провести психоанализ монстра всего лишь за ночь. Но...

— Айе... мне было всего лишь три сотни лет, когда я упал в яму... наверное, ее вырыли враги!

— Конечно, ты вылетел из нее? — мурлыкала Вирджиния.

Ифрит завращал глазами. Физиономия его вздернулась и покрылась морщинами, став еще уродливей.

— Я сказал, что это была яма!

— Но, во всяком случае, не озеро? — сочувственно спросила Вирджиния.— Нет! — С его крыльев посыпались молнии, грохнул гром.— Но, хоть и не эта распроклятая мерзость... но, нечто темное, мокрое... нет, даже не мокрое. Это был какой-то обжигающий холод.

Я смутно понял, что девушка ухватила путеводную нить. Она опустила бледные ресницы, чтобы скрыть внезапный блеск глаз. Я не мог угадать, каким потрясением было случившееся для эфирного демона. Как шипели его огни и превращались в пар, пока он тонул. И как после этого он, должно быть, внушал себе, что ничего подобного не было. Но как сможет использовать это Вирджиния?

Свертальф влетел молнией в зал и затормозил, упершись всеми четырьмя лапами в пол. Шерсть на нем, до последнего волоска, стояла дыбом, мученические глаза уставились на меня. Он прошипел что-то и снова вылетел из дверей. Отмечу, что я там оказался раньше него.

Из вестибюля снизу доносились голоса. Я выглянул и увидел, что там носятся солдаты. Вероятно, они пришли выяснить, что за шум, и увидели убитых стражников. Должно быть, поскольку их было немного, они уже послали за подкреплением.

Что бы там ни пыталась сделать Джинни, но на это ей нужно было время...

Одним прыжком я выскочил и вцепился в сарацинов. Образовалась вопящая и бурно шевелящая масса. Они меня чуть не расплющили своей массой, но челюсти оставались свободными, и я пользовался ими вовсю. А затем с тыла на них набросился оседлавший метлу Свертальф.

Кое-что из оружия сарацин мы затащили в вестибюль (челюсти пригодны и на это) и уселись ждать. Я решил, что останусь волком. Иметь руки хорошо, но еще лучше быть неуязвимым для большинства тех штучек, которыми располагали сарацины. Свертальф задумчиво обследовал пистолет-пулемет, приладил его на подпорке возле стены и согнулся над ним.

Я не спешил. Каждая минута, которую проводили мы с ним вот так, каждая минута, которую мы продержимся, отражая приближающуюся атаку — это минута, выигранная для Джинни. Я положил голову на передние лапы и замер. Скоро, слишком скоро я услышал грохот мчащихся по тротуару солдатских сапог.

В приближающемся на подмогу отряде насчитывалось, должно быть, целая сотня сарацин. Я увидел, как они колышутся темной массой, уловил отблеск звезд на стволах

оружия. На короткое время они сгрудились вокруг ликвидированных нами охранников. А затем внезапно завопили и кинулись, атакуя, вверх по лестнице.

Свертальф уперся, как мог, и застрочил из автомата. Отдача отбросила его и он с воем прокатился через вестибюль. Но двоих уложить успел. А остальных в дверном проеме встретил я.

Ударь клыком, укуси, прыгни туда, обратно... Рви их, полосуй, рычи и рви их рожи! Они уже не спешили, неуклюже сгрудившись у входа. Еще короткий вихрь, устроенный моими зубами, и они отступили, оставив на месте с полдюжины убитых и раненых.

Я выглянул в дверное окошко и увидел моего приятеля эмира. Глаз его скрывала повязка, но он тяжеловесно носился вокруг своих людей, побуждая их к действию. Такой энергии я от него не ожидал. Небольшие группки откалывались от главного отряда и мчались куда-то в сторону. Не куда-то, а к другим входам и окнам.

Я взвыл, когда понял, что помело мы оставили снаружи. Теперь никто не сможет спастись, даже Джинни. Негодующий вой превратился в рычание, я услышал звон стекол и грохот сбивающих замки выстрелов.

Этот Свертальф оказался умной киской. Он снова взялся за свой пистолет-пулемет и ухитрился (ведь лапы его были с когтями) открыть огонь по вспышкам. Затем мы отступили к лестнице.

Они вслепую наступали на нас в темноте. Кишели вокруг, прощупывали дорогу.

Я не мешал им, но первый, кто нащупал ступени, умер бесшумно и быстро. У второго хватило времени для визга. И вслед за ним поперла вся банда...

Они не могли стрелять в такой темноте и давке без риска уложить кого-нибудь из своих. Обезумев, они атаковали лишь с помощью своих кривых сабель. И этим саблям я ничего противопоставить не мог. Свертальф вел продольную пальбу по ногам, а я рвал их, как мог — вой и крики, укусы, треск, лязг... Аллах а абкар, так сверкайте зубы в ночи!

Лестница была узкой, это помогло. Да и их раненые мешали им. Но слишком явен был их перевес. На меня одновременно лезло около сотни храбрых мужчин, и мне пришлось отступить на шаг, а потом еще и еще. Не отступи — и они окружили бы меня. Но я успел добавить к тем, что уже полегли, еще более дюжины. И за каждый фут, что приходилось отдавать, мы добавляли еще несколько. И выиграли время.

У меня не сохранилось четких воспоминаний об этой битве. О таких вещах редко помнишь. Но, должно быть, минуло около двадцати минут, прежде чем они, разъяренно воя, откатились. У подножия лестницы стоял эмир. Он хлестал хвостом по своей ярко раскрашенной шкуре.

Я постарался сбросить с себя усталость, вцепился когтями в пол, готовясь к последней схватке. Вверх по ступенькам медленно надвигался на нас одноглазый тигр. Свертальф зафыркал. Внезапно он прыгнул через перила за спину громадной кошки и исчез во мраке. Что ж, он позаботился о целости своей шкуры.

Мы уже почти сошлись нос к носу, когда эмир занес с выпущенными когтями лапу и ударил. Я кое-как увернулся и вцепился ему в глотку. Все, чего я добился — это полная пасть отвисавшей от тела шкуры. Но я повис на ней и постарался вгрызться глубже.

Он взревел и потряс головой. Я мотался из стороны в сторону, словно маятник. Тогда я зажмурился и сжал челюсти еще крепче. Он полоснул длинными когтями мои ребра. Я отскочил, но зубы остались на прежнем месте. Он сделал выпад и подмял меня под себя. Челюсти его лязгнули. Боль пронзила мой хвост. Я взвыл и отпустил его.

Одной лапой он пригвоздил меня к месту. Занес другую, готовясь переломить мой хребет. Каким-то чудом, обезумев от боли, я извернулся и высвободился. И ударил снизу вверх. На меня глядел, ослепительно сверкая, его неповрежденный глаз — я вышиб этот глаз из глазницы.

Он визжал! Взмахом лапы отшвырнул меня, как котенка, к перилам. Там я и улегся почти без сознания и уже готовился испустить дух. А ослепший тигр тем временем метался в агонии. Зверь возобладал в нем над человеком, и он скатился по ступеням и учинил страшное побоище своим же собственным солдатам.

Над свалкой с соленьем пронеслась метла. Добрый старый Свертальф! Он удрал только для того, чтобы вернуть нам средство передвижения. Я видел, как он подлетел к двери, за которой находился ифрит, и как он подпялся, покачиваясь, готовый встретить следующую волну сарацин.

Но они все еще пытались совладеть со своим боссом.

Я согнулся, обрел дыхание и встал. Смотрел, обонял, слушал. Мой хвост, казалось, горел в огне. Половины хвоста как не бывало.

Пистолет-пулемет завел свою прерывистую песню. Я услышал, как клокочет кровь в легких эмира. Он был силен и умирал трудно.

«Вот тебе и конец, Стив Матучек,— подумал сидевший во мне человек.— Они делают то, с чего должны были начать в первую очередь. Встанут внизу и начнут поливать тебя огнем. А каждая десятая пуля — серебряная...»

Эмир упал и, разинув пасть, испустил дух. Я ждал, когда его люди очухаются и вспомнят обо мне.

Над лестницей, на помеле появилась Джинни. Ее голос доносился откуда-то издалека:

— Стив! Сюда! Скорее!

Я ошеломленно помотал головой. Попытался понять, что означают эти слова. Я был слишком измотан, был слишком волком. Она сунула пальцы в рот и свистнула. Это до меня дошло. Она с помощью ремня втащила меня к себе на колени и крепко обхватила. Пилотировал помело Свертальф. Мы вылетели в окно на втором этаже и устремились в небо.

На нас набросился оказавшийся поблизости ковер-самолет. Свертальф добавил мощности и наш «кадиллак» оставил врага далеко за кормой, и тут я отключился...

7

Когда я пришел в себя, то лежал ничком на койке в больничной палате. Снаружи бил яркий дневной свет. Земля была мокрая и дымилась. Когда я застонал, в палату заглянул медик.

— Привет, герой,— сказал он.— Лучше оставайся пока в этом положении. Как ты себя чувствуешь?

Я подождал, когда ко мне полностью вернется сознание. Потом принял от него чашку бульона.

— Что со мной? — прошептал я. (Меня уже, разумеется, превратили в человека).

— Можно считать, что твои дела не так уж и плохи. В твоих ранах завелась кое-какая инфекция — стафилококки, та разновидность, что поражает и человека, и собакообразных. Но мы вычистили этих зверушек с помощью нашей антибиотической техники. Помимо этого — потеря крови, шок, и явно застарелое первое истощение, через неделю-другую будешь в полном порядке.

Я лежал, размышляя. Мысли тянулись медленно и лениво. И в основном касались того, как восхитителен на вкус этот бульон. Полевой госпиталь не может таскать с собой оборудование, от которого дохнут бактерии. Зачастую у госпиталя нет даже добавочных анатомических макетов, на которых хирург мог бы отработать симпатические операции.

— Какую технику вы имеете в виду? — спросил я.

— У одного из наших парней Злой глаз. Он смотрит на микробов в микроскоп.

Далее я не спрашивал. Знал, что через несколько месяцев «Ридер Дайджест» посвятит этому случаю лирическую тянучку.

Меня мучило другое.

— Атака... началась?

— Ата... А, это! Она состоялась два дня назад, уважаемый Рики-Тики-Тави. Тебя в это время хранили под одеялами. Мы швабрим их по всему фронту. Последнее, что я слышал, что они уже добрались до линии Вашингтона, и продолжают драпать.

Я вздохнул и провалился в сон.

Меня не мог разбудить даже шум, с которым врач диктовал своей пишущей машинке...

Джинни пришла на следующий день. Верхом на ее плече ехал Свертальф. В открытую дверь палатки бил солнечный свет, и поэтому волосы Вирджинии отливали медью.

— Здравствуйте, капитан Матучек,— сказала она.— Как только освободилась, сразу же пришла узнать, как вы себя чувствуете.

Я приподнялся на локтях. Свистнула сигарета, которую мне предложила Вирджиния. Сигарета оказалась в зубах, и я медленно сказал:

— Перестань, Джинни. Сейчас еще не окончание той ночи, но, думается, мы с тобой знакомы в достаточной степени.

— Да.— Она присела на койку и погладила меня по голове.

Это было восхитительно. Свертальф замурлыкал мне, и я хотел ответить ему тем же.

— Что с ифритом? — спросил я после паузы.

— По-прежнему в бутылке,— она рассмеялась,— сомневаюсь, что удастся когда-нибудь завлечь его оттуда. Если предположить, что кому-то того хочется.

— Но что ты сделала?

— Просто применила на практике принцип папы Фрейда. Если когда-то об этом напечатают, на меня ополчатся все приверженцы Юнга, сколько их есть в нашей стране... Но это сработало. Я копалась в его воспоминаниях, разбиралась в иллюзиях и скоро обнаружила, что у него гидрофобический комплекс. Не водобоязнь, связанная с бешенством, а просто страх воды, мой Пират...

— Можешь называть меня Пиратом,— проворчал я,— но если назовешь Фидо, тогда гладь по голове.

Она не спросила, с какой стати я настолько самонадеян,

что претендую и далее на ее ласку. Это меня воодушевило. Правда она залилась румянцем, но тем не менее продолжала:

— Получив ключ к его личности, я нашла простой способ сыграть на этом комплексе. Я объяснила ему, насколько распространено это вещество — вода. И так как вообще трудно от нее избавиться, он приходил в ужас все больше и больше. Когда я сказала, что тело живых существ, включая и его собственное, содержит около восьмидесяти процентов воды, дело было сделано. Он вполз в бутылку и впал в полную апатию. Помолчав минуту, она добавила задумчиво.— Мне хотелось оставить его у себя. Я бы поставила бутыль на каминную доску. А так я попросту напишу небольшую статью об использовании психиатрии в военном деле.

— Разве бомб, драконов, использования вервольфов и прочей придуманной нами дряни уже недостаточно? — вопросил я с состраданием.

Бедные, незатейливые стихийные духи! Они считали себя злодеями, но им следовало бы поучиться у человеческой расы!

Что касается меня, то я мог представить, с какими неудобствами сопряжена женитьба на ведьме, но...

— Поцелуй меня...

Что она и сделала...

У меня не очень-то много осталось сувениров от этой войны. Это поганое время, и лучше о нем не вспоминать. Но один подарок на память все-таки со мной, несмотря на все старания хирургов-косметологов: когда я превращаюсь в волка, хвост у меня обрубленный... А когда я человек, то при сырой погоде стараюсь не садиться.

За это я получил «Пурпурное солнце»!

Немного, черт возьми...

8

Сейчас мы собрались для одной из интермедий. Я проскочу по ней быстро. По остальным (позже) — тоже. Зачастую они были для нас — для Джинни и меня — более интересными и важными, чем те эпизоды, когда на сцену выступает Враг. Подлинное дело человека — не борьба, не опасности, не мелодрамы. Подлинное дело — работа, особенно, если человеку так повезло, что то, что он делает, доставляет ему удовольствие. Подлинное дело — это отдых и развлечения, встреча с любовью, создание семьи, те шутки, которые рассказывает человек, и неожиданные, но приятные маленькие приключения.

Однако то, что случилось с нами в этой области, вряд ли вас особенно заинтересует. У вас своя жизнь. Кроме того, тут многое касается только нас, и никого более. И еще одно: для передачи сообщения у меня есть только ночь. Еще чуть-чуть, и напряжение, возможно, станет слишком сильным. Не знаю, но без нужды рисковать не буду. Этому я научился там.

В конце концов интермедии используют для того, чтобы вкратце изложить некоторые эпизоды.

Первый эпизод, о котором я сейчас вам расскажу случился примерно два года назад.

Джинни и я оставались еще на службе в течение нескольких месяцев, хотя непосредственного участия в сражении не принимали. Мы с ней не виделись, что было хуже для нас обоих. Все новые командировки и перемещения бросали нас то в одну, то в другую сторону.

Война продолжалась не слишком долго. Носящие халаты поняли вкус сепаратизма. И Халифат распался, как бьется брошенное на землю стекло. Революция, бунты, расколы, кровная месть, банды и постоянные военные поражения. Америке и ее союзникам не нужны были вооруженные силы, чтобы занять оставшуюся у врага территорию. Враг сам просил, чтобы его оккупировали для восстановления порядка до того, как наступит мор и голод. Благодаря нашим особым талантам, мы — Джинни и я — пересекли почти полмира, но... не вместе.

Мы потратили попусту уйму времени. Тем не менее, мне понадобилось немало времени, чтобы взаправду решиться сделать ей предложение. И хотя ее ответное письмо было нежным, в нем не было «да». Оспротев очень рано, она, повзрослев, превратилась в женщину, нуждающуюся в любви. В женщину, с нерастраченными запахами любви. Эта сильная духом и телом девушка не позволит, чтобы ее будущая любовь кончилась неудачей. Она не выйдет замуж, если не уверена, что это — на всю жизнь.

Почему-то меня демобилизовали раньше ее, и вновь я стал восстанавливать связи, прерванные войной. Следов войны было заметно в Соединенных Штатах на удивление мало. Хотя захватчики заняли почти половину территории, они продержались там очень недолго. А потом мы погнали их, и им было не до того, чтобы причинять значительные разрушения.

Пострадали только такие, долго удерживаемые завоевателями городишки, как этот несчастный Тролльбург. По пятам за армией следовали гражданские чиновники, действо-

вавшие быстрее и эффективнее, чем я ожидал. А может, просто сама цивилизация оказалась достаточно устойчивой. Точно так же оправляется земля от вызванных технологических опустошений.

Так что я вернулся в мир, который, если не считать нехватки некоторых продуктов (это скоро прекратилось) казался вполне знакомым. Я имел в виду, внешне. Психология сделалась какой-то иной. Люди были до глубины души потрясены тем, что случилось. Потрясены, я полагаю, более глубоко, чем они сознавали сами, и значительная часть населения была выбита из равновесия. От немедленных социальных потрясений нас спасло, несомненно, само обилие появившихся эксцентрических течений. Слишком много оказалось демагогов, самозваных пророков, ложных чародеев. Сумасбродов от религии, политики и науки. Психов с религиозным фанатизмом, проповедующих новые диеты и новый образ жизни. И один Бог знает, кого еще. Все они старались уничтожить друг друга. Некоторые, например церковь иоаннитов, большинство приверженцев которой предпочли сохранить анонимность, скоро приобрела зловещий характер.

Однако, все это не привело к революционному взрыву. Нас, кто не заразился фанатизмом (но помню, мы составляли большинство), происходившее беспокоило мало. Мы полагали, что государству самим ходом событий нужно будет пережить этот разброд и пресечь его. А тем временем мы вернулись к повседневной жизни, снова мечтая об обычном. Мы жили день за днем.

Что касается меня, то я вернулся в Голливуд. Вновь начал играть волка-оборотня для «Метро-Голдвин-Майер». Результат оказался разочаровывающим. Одевать поддельную кисточку поверх обрубленного хвоста мне казалось отвратительным. Работникам студии это тоже не нравилось.

Кроме того, они не были уверены, что я хорошо играю свои роли. И я в этом тоже не был уверен. Например, как ни мучался, но не получал полного удовлетворения от своей игры в «Дракуле», «Франкенштейне», «Человеке-волке» и в «С кем встречался Парацельс!.

Не то чтобы я свысока стал поглядывать на чисто развлекательные картины, но обнаружил , что у меня появилось стремление сделать что-нибудь более серьезное.

Так что и с той и с другой стороны появились намеки, что мне пора в отставку.

Отсрочку кризису дали, вероятно, мои медали. Но героев войны было хоть пруд пруди. Кроме того, всем известно, что проявленная на войне храбрость — это в значительной мере

вопрос подготовки и дисциплины. Немалое значение имело также и заклинание против страха. Но воздействие последних снимается перед уходом в отставку, ибо гражданскому человеку приличествует скромность. Сам я не претендую на нечто большее, чем обычная доля свойственной человеку храбрости.

Примерно к этому времени демобилизовалась Джинни. Она сразу же навестила меня. Наш союз был полностью восстановлен. Правда, она не согласилась на мое повторное предложение.

— Пока нет. Стив, дорогой, нам обоим сперва нужно увидеть, что мы представляем собой в мирной жизни...

Через несколько дней у нас неожиданно состоялся очень серьезный разговор. Джинни вытянула на поверхность мои подлинные мечтания — покорить Огонь и Воздух, создать антигравитационные чары, достаточно сильные, чтобы можно было достичь иных планет. Если честно, мне всегда хотелось стать инженером. Но уже на первом году обучения деньги кончились, и кое-кто, видевший меня в любительских спектаклях, решил, что я талантливый парень, и... В общем, одно цеплялось за другое. Подобно большинству людей, я плыл по течению.

Джинни не походила на остальных. Однако и ей пришлось сейчас призадуматься. Она получила приглашение вернуться в Колдовское агентство. Но сомнительно, чтобы ей действительно хотелось работать для большой организации. Независимое консультативное агентство, где она сама себе будет хозяйкой — разве оно не даст ей свободу рук и возможность разрабатывать собственные идеи? Ей нужно было расширить свои позиции в чародействе, и очевидный путь к этому — получение степени доктора философии.

Деньги, накопившиеся за время нашей армейской службы, позволяли нам вернуться к учебе.

Окончательно все решилось, когда после некоторой переписки университет Трисмегиста предложил ей должность преподавателя. Ведь у нее уже была получена в Конго степень магистра гуманитарных наук. Одновременно с преподаванием, Джинни могла продолжать учебу. Я бухнул заявление на инженерский факультет Трисмегистовского, и был принят. Несколько недель спустя, Стивен Матучек и «Метро-Голдвин-Майер», вежливо рыдая, распрощались. А затем упомянутый Матучек, вместе с Вирджинией Грейлок, вступили на борт суперковра, отбывающего на Средний Запад.

Сперва все шло хорошо, как по маслу. Мы подыскали недорогие, но вполне приличные комнаты поблизости друг

от друга. Занятия были интересными. Свободное время мы проводили вместе. Главным образом мы часами гуляли. Ее нежелание раннего замужества слабело такими темпами, что я видел, что к Рождеству она согласится. Как раз кончится весна, и мы сможем сыграть свадьбу.

Но затем мы получили удар прямо в солнечное сплетение. Мы знали, что большую часть преподавательского состава подмял под себя президент, Бенгт Мальзус. Это было напыщенное ничтожество, главным достижением которого было то, что Опекуны университета сделались его подпевалами. Все, что Мальзус предлагал, находило, как правило, принятые решения, не затрагивая работников, находящихся на более низком уровне. По крайней мере, не слишком затрагивая.

Но за год до этого Мальзус предписал, чтобы весь академический персонал, без малейшего исключения, принес магическую клятву повиновения правилам университета до тех пор, пока контракт считается в силе. Несколько человек наотрез отказались. Короче говоря, правила были обычные.

Жалование хорошее. Новые обязательства предписания были нацелены на то, чтобы как-то преодолеть мятежные, психопатические и откровенно нигилистические настроения, в последнее время пугающе распространявшиеся не только среди студентов, но и среди профессорско-преподавательского состава. Джинни подписала.

Прошло что-то около двух недель, когда кто-то заметил, что мы все время гуляем вместе, и насплетничали. Джинни вызвали в кабинет президента. Он продемонстрировал ей правила. Напечатанная мелким шрифтом фраза, которую ей и в голову не пришло прочесть: «Студентам и работникам университета, включая преподавателей, не разрешается встречаться во внеучебное время». В этот вечер при встрече настроение у нее было мрачное. Естественно, на следующий день я, разметав клерков и секретарей, прорвался в кабинет Мальзуса. Но все было бесполезно. Он не собирался ради нас менять свои правила. Правило было наповал, поскольку клятва не допускала никаких исключений. Не разрешались встречи и со студентами иных учебных заведений, так что мой перевод в другой университет ничего бы не дал.

Единственное решение — пока не истечет срок контракта Джинни, я выпадаю из ее поля зрения. А она проявляет железную волю и не интересуется мною. Но потерять целый год? Да кто я — волк или мышь?! По этому поводу мы с ней немедленно, прямо на людях, поцапались. А когда можешь встречаться лишь случайно, либо на официальных меропри-

ятиях, выясняется, что не так-то просто кончить дело миром и поцелуями.

О, конечно, мы по-прежнему оставались добрыми друзьями. Виделись иногда в курилке, на некоторых лекциях... Настоящая «сладкая жизнь». А тем временем, как она отметила с ледяной логикой, мы остались людьми (я-то знал, что эта логика — способ самозащиты, но ничего поделать не мог). Время от времени она появлялась в обществе с каким-нибудь молодым сослуживцем. И я бывало ухаживал за какой-нибудь случайной девушкой.

Вот так у нас к ноябрю и обстояли дела...

9

Небо было заполнено метлами. Полиция теряла голову, пытаясь справиться с движением. Игры выпускников университета всегда вызывали большой наплыв публики. Еще довоенный «шеви» за огромным, в двести драконьих сил, «линкольном», рукоятка небесно-голубого цвета, полиэтиленовые прутья, плюс радио. Радио тут же принялось издеваться надо мной, но я получил свободное место на вешалке первым. Сунув ключ в карман, я слез с метлы и принялся мрачно слоняться в толпе.

На все время Игр Бюро Погоды оказало нам любезность. Воздух был прохладен, свеж и звонок. Над темными зданиями университетского городка большой желтой тыквой поднималась полная луна. Мне подумалось, что там, за городом, поля и леса Среднего Запада.

Там пахнет мокрой землей и струится туман. И волчья составляющая моей натуры захотела бежать отсюда и оказаться там, и гоняться за кроликами. Но по-настоящему тренированный оборотень может контролировать свои рефлексы, и поляризованный свет вызывает у него не более, чем приятную нервную почесуху.

Что касается меня, импульс скоро угас в унылых раздумьях. Джинни, любимая! Если бы она оказалась сейчас рядом! Вот она идет, поднятое навстречу ветру лицо, на длинных волосах рыжий узор изморози... Да, единственная моя спутница — нелегальная фляга в заднем кармане. Какого дьявола я вообще явился на эти игры?

Миновав Дом союза «Тма Каф Самет», я обнаружил, что нахожусь уже на территории университетского городка. Трисмегистовский университет был основан, когда уже родилась современная наука, и сей факт был отражен в его планировке. Самые большие здания принадлежали факультету языкознания — потому, что экзотические языки необ-

ходимы при создании более мощных, чем обычные, заклинаний. Вот почему сюда приезжает так много студентов из Африки, Азии — чтобы изучить «американский сдвиг».

Но есть здесь и два здания английского языка — искусствоведческий колледж и колледж инженерного стихосложения. Поблизости — здание Торбантропологического факультета, где всегда демонстрируются интересные выставки, посвященные иностранной технике. В этом месяце — техника эскимосов, в честь приезда шамана антекоков, доктора Айпгалака. В стороне — заботливо окруженный оградой факультет зоологии. Забор потому, что там помещены длинноногие и длиннорукие бестии.

Они вряд ли могут быть названы приятными соседями. Медицинский факультет обзавелся великолепным новым исследовательским центром — дар Фонда Рокфеллера. Из этого центра уже вышли такие изумительные изобретения, как поляроидные фильтрующие линзы, которые дают возможность тем, кто поражен дурным глазом, вести нормальный образ жизни.

И это только начало!

Юридический факультет казался безлюдным. Юристы всегда работают в ином мире.

Я пересек бульвар, миновал маленькое мрачное здание корпуса физических наук. Меня поприветствовал доктор Грисволд. Он медленно спускался вниз по ступенькам — маленький, высохший человек с козлиной бородкой и веселыми голубыми глазами. В блеске этих глаз, в их глубине таилось смешанное с болью недоумение. Он походил на ребенка, который никак не может до конца понять, почему никто, кроме него, не интересуется игрушками.

— А, мистер Матучек,— сказал он.— Пришли поприсутствовать при Игре?

Я кивнул (не особенно любезно). Но мы шли вместе, и мне пришлось быть вежливым. Не для того, чтобы подлизаться на всякий случай. Он вел у меня занятия по физике и химии, но это как раз пустяки. Мне просто не хотелось обижать этого милого и одинокого старого чудака.

— Я тоже,— продолжил он.— Насколько понимаю, организаторы что-то задумали. Впервые будет нечто захватывающее.

— Вот как?

Он дернул головой и по-птичьи посмотрел на меня:

— Есть ли у вас какие-нибудь затруднения, мистер Матучек... Если в моих силах помочь вам... Знайте, что я сделаю все что в моих силах.

— Все прекрасно,— соврал я.— Во всяком случае, благодарю вас, сэр.

— Человеку зрелого возраста нелегко вернуться к учебе. Да еще когда его окружают хихикающие юнцы. Я не забываю, как вы помогли мне в этом... м-м... инциденте в прошлом месяце. Поверьте, я вам очень благодарен.

— О, пустяки, черт возьми. Я здесь, чтобы получить образование.

Мне не хотелось перекладывать груз своих забот на его плечи. У него был достаточный запас своих собственных.

Грисволд вздохнул. Очевидно, он чувствовал мою отчужденность.

— Я часто ощущаю себя таким беспомощным,— сказал он.

— Что вы, сэр,— ответил я со старательной искренностью.— Как стала бы в Мидгарде * алхимия практической наукой, не основывайся она с начала и до конца на ядерной физике? Ведь в противном случае алхимик мог бы неожиданно для себя получить смертоносный радиоактивный изотоп. Или вещество, которое уничтожило бы половину округа.

— Разумеется, разумеется. Вы прекрасно все понимаете. Вы все знаете о нашем мире. Во всяком случае, больше чем я. Но, студенты... ладно, думаю, что это естественно. Им хочется, чтобы сказал несколько слов, сделал несколько пассов и получил то, чего желаешь. Именно таким образом. Не докучая себе ни изучением санскритской грамматики, ни периодической таблицы. Они не понимают, что никогда нельзя получить чего-то из ничего.

— Поймут. Они повзрослеют.

— Даже администрация в этом университете просто не понимает потребности физической науки. Как раз сейчас в Калифорнийском университете установлен философский камень на биллион вольт. А здесь...— Грисволд пожал плечами.— Извините меня. Жалость к себе вызывает только презрение.

Мы вышли к стадиону. Я отдал свой билет, но отказался от очков ночного видения. У меня сохранилось колдовское зрение, полученное во время базисного облучения. Мое место оказалось на тридцатом ряду между студенточкой с мордочкой первокурсницы и старшекурсником. Мимо проплыл одушевленный лоток, и я купил горячих сосисок и взял напрокат хрустальный шар. Но шар мне нужен был не для

---

* Мидгард — по древнескандинавским сказаниям — земля, отведенная для жизни человечества.

того, чтобы в деталях видеть игру. Я пробормотал над ним, заглянул внутрь и увидел Джинни.

Она сидела напротив меня, на пятидесятом ряду. На коленях у нее покоился черный Свертальф. Вызывающие красные волосы Вирджинии выделялись ярким пятном на бесцветном фоне окружающей ее толпы. Это колдовство, эта ее особая магия была чем-то более древним и более сильным чем Искусство, но и в нем Джинни была искушена.

Ее отделяло от меня поле, в руках у меня был всего лишь дешевый стеклянный прибор, и все же сердце мое екнуло. В эту ночь с ней был доктор Алам Аберкромби, ассистент-профессор сравнительной магии: гладкий, красивый блондин, светский лев. Он крутился вокруг Джинни изо всех сил. А я исходил дымом...

Думаю, что Свертальф ставил свои моральные качества не выше, чем Аберкромби. У меня были все намерения хранить Джинни верность, но... Узкая улочка, ты ставишь на стоянку метлу, и к тебе прижимается хорошенькая девушка. В этом случае желтые круглые глаза, сверкающие с ближайшего дерева, как-то связывают и окончательно отрезвляют. Я скоро сдался, и посвящал вечера учебе или пил пиво.

О-хо-хо. Я плотнее запахнул плащ, под свежим ветром меня пробрала дрожь. В воздухе пахло какой-то бедой.

«Вероятно,— подумал я,— во всем виновато мое скверное настроение»...

И все же я чуял — в недалеком будущем быть беде.

От воплей старшекурсников чуть не лопнули барабанные перепонки. В лунном свете показались команды — «Трисмегистские грифоны» и «Чародеи Альберта Великого». Глубокие старики недовольны тем, что в командах так много измученных образованием очкастых коротышек. Такие игроки кажутся им бесполезными в американском футболе. Вероятно, до эпохи магии команды комплектовались из динозавров. Но, разумеется, неотъемлемая и основная составляющая искусства — интеллект, и он придает спорту характерную окраску.

В этой игре были интересные моменты. «Чародеи» взлетели над землей, и их защитник превратился в пеликана. Душанович, в образе кондора, закогтил его на нашей двадцатке. Андриевский был лучшим в линии оленей-оборотней (он входил в большую десятку). Он держал их так, что мяч дважды оказывался вне игры.

На третий раз мячом завладел Плисудский, тут же превратившийся в кенгуру. Его игра была изумительной. Как

он увернулся от игрока, пытавшегося отобрать мяч! (Малый был в шапке-невидимке, но можно было наблюдать за ним по отпечаткам его ног, как он несся вперед). И отпасовал мяч Мстиславу.

«Чародеи» опустились пониже, они ожидали, что Мстислав превратится в ворона, чтобы забить мяч с поля. Но это было, как гром среди ясного неба, когда он превратился в... свинью. В жирного борова. (Естественно, это были мелкие превращения, быстрый жест и игрок превращается в заранее намеченное животное. Там не использовались те великие и страшные слова, которые мне, бывало, приходилось слышать в предрассветной мгле).

Чуть позднее явная грубость с нашей стороны стоила нам пятьдесят ярдов. Домино случайно наступил на афишу, которую ветер занес на поле, и проехался по именам «Чародеев». Но большого ущерба наши не потерпели, а «Чародеи» получили точно такой же пенальти, когда Троссона в азарте вынесли с поля, да еще метнули вслед молнию.

К концу первого периода счет был 13 : 6 в пользу «Трисмегистских грифонов», и толпа чуть не разнесла от восторга скамейки.

Я надвинул шляпу на лоб, бросил на старшекурсника нелюбезный взгляд и уставился в кристалл. Джинни проявляла больше энтузиазма, чем я. Она подпрыгивала и вопила, и, казалось, не замечала, что Аберкромби своей лапой обнял ее. Или, может, это у нее не вызывало протеста? Я обиделся и надолго приложился к фляге.

На поле высыпали ликующие люди, им понадобилось устроить парад. Дудя и барабаня, совершая в воздухе сложные, тщательно продуманные эволюции своими инструментами, они двинулись традиционным маршем туда, где ждала их Королева Красоты студенческого городка. Я сказал себе, это не менее традиционно, чтобы она встречала их верхом на единороге. Но, по некоторым причинам, данный номер был в этом году опущен.

Волосы поднялись у меня на затылке дыбом. Я ощутил слепой инстинктивный позыв поменять кожу на шкуру. Едва успел вовремя заставить себя остаться человеком и упал на сиденье, обливаясь холодным потом. В воздухе вдруг отчетливо завоняло опасностью. Неужели никто больше не ощущал этого?

В поисках источника опасности я сфокусировал кристалл на скандирующей команде, краем сознания я смутно услышал приветственные выкрики:

АЛЕФ, БАТ, ДАЛЕТ, ХИ, ВА!
КОМИНИ, ДОМИНИ, УРА, УРА, УРА!
ПРОТЫКАЙ ИХ, ЖАРЬ В ОГНЕ,
СЛАВНАЯ ЕДА!
ТРИСМЕГИСТОВ ЖДЕТ ПОБЕДА
НЫНЕ И ВСЕГДА!
МАКИЛРАЙТ!

— Что это такое с вами, мистер? — студентка отпрянула от меня, и я понял, что рычу.

— Ох... ничего... я надеюсь, ничего,— я старался овладеть своим лицом, не дать ему превратиться в волчью морду.

Толстоватый, белокурый мальчишка, среди тех, внизу, не казался страшным, но я чувствовал, что его будущее окутано крутящейся грозовой тьмой, пронизанной ударами молний и раскатами грома. Мне уже приходилось сталкиваться с ним. Хотя я не донес на него в свое время, но это именно он чуть не уничтожил химическую лабораторию Гриволда.

Зеленый первокурсник, забавник, не злой по натуре, он представлял собой несчастливую комбинацию природной способности к Искусству и крайней безответственности. Студенты-медики славились веселыми выходками (такими, как оживший скелет, врывающийся, приплясывая, в женскую спальню). Макилрайту хотелось приобщиться к этим проделкам как можно раньше.

Гриволд показывал студентам, как обращаться с катализаторами, и Макилрайт тут же забормотал заклинание. Он хотел сыграть на каламбуре и провести в пробирке катализ. Он ошибся в расчетах и получил саблезубого тигра.

Дитя каламбура, тигр был совершенно безмозглым, и все же это была злобная, вызывающая ужас тварь. Я тут же оказался в клозете, и там, с помощью фонарика, совершил превращение. Став волком, я вылетел в окно и шмыгнул под деревья, чтобы дождаться, пока кто-нибудь вызовет людей из департамента Изгнания бесов.

Поняв, что все это сотворил Макилрайт, я как-то, улучив момент, отведя его в сторону, предупредил, что если ему вздумается снова показать класс, то я сожру его. Сожру в самом буквальном смысле этого слова. Шутка есть шутка, но не следует шутить за счет студентов, которые действительно желают учиться. Как и за счет тех милых, почтенных окаменелостей, которые пытаются учить студентов.

Предводитель парада взмахнул рукой, и из ничего выскочил столб многоцветного пламени. Столб поднялся на высоту человеческого роста, еще выше. Скачущее сияние, блеск

красного, голубого, желтого, и его окружал крутящийся, состоящий из искр вихрь. Я сощурился и сумел разглядеть в пламени гибкое, размалеванное тело. Оно походило на тело ящерицы.

Студентка взвизгнула.

— Трижды благословенный Гермес,— закудахтал старшекурсник.— Что это, демон?

— Нет, Дух Огня,— тихо ответил я.— Саламандра. Чертовски опасная тварь, если учесть, сколько дураков ее окружает...

Мой взгляд неотрывно следил за полем Огненная тварь начала свои штучки. Прыгала, кувыркалась, что-то бормотала, выбрасывала длинные языки пламени. Да, рядом с ней находился пожарный — в полном церковном облачении. Он совершал свои пассы, не давая саламандре причинить вреда. Все должно быть о'кей. Вроде бы...

Я зажег сигарету. Меня трясло. Скверно это — следовать примеру Лока *. Вонь опасности била мне в ноздри. Ядовитый кислый запах опасности...

Со стороны все это выглядело красиво, однако... В кристалле вновь появился Аберкромби. Он хлопал в ладоши. Но Джинни сидела нахмурясь, с озабоченным видом. Между длинными зелеными глазами залегла морщинка. Ей все это нравилось никак не больше, чем мне. Я переключил шар обратно на Макилрайта. Любящего пошутить Макилрайта.

Я был, вероятно, единственным из присутствующих, кто заметил, что произошло.

Макилрайт взмахнул своим жезлом, и у саламандры выросли крылья. Толстяк-пожарник, жестикулируя и раскачиваясь взад и вперед, оказался, естественно, на пути взмаха ее крыльев. Это было подобно столкновению с паровым котлом.

— А-а-а!

Пожарный пулей взмыл в небо. Саламандра заколыхалась. Мгновенным прыжком, утоньшаясь вверх, выросла, сделавшись выше стен. Мы увидели мельком нечто вращающееся, ослепительно блестящее, с расплывшимися очертаниями, и тварь исчезла.

Моя сигара вспыхнула, превратилась в пламя. Я отшвырнул ее. Почти ничего не соображая, догадался выкинуть заодно и фляжку. В мгновение ока она раскалилась добела, водка вспыхнула голубым пламенем.

---

* Лок — восставший на других богов, бог Огня.

Толпа завыла. Все отбрасывали прочь сигареты, хлопали по карманам, где воспламенялись спички, отшвыривали бутылки. Королева городка пронзительно взвизгнула, ее тоненькое одеяние охватило пламя. Скинув платье(как раз вовремя, чтобы избежать ожогов), и причитая, помчалась по полю голая. При других обстоятельствах это зрелище меня бы заинтересовало.

Саламандра прекратила свои беспорядочные метания и материлизовалась в воротах. Столбы начали дымиться. Невыносимое сияние, рев и пылающая трава. Выкрикивание заклинаний тушения огня было невыносимо. Пожарник бросился к саламандре. Из ее пасти выскочил язык пламени.

Я отчетливо услышал ее дикий хохот, и тварь снова исчезла. Диктор, которому следовало бы успокоить зрителей, истошно закричал, когда огонь вспыхнул перед его будкой. В мгновение ока пять тысяч народу, царапаясь и кусаясь, топча друг друга, кинулись к выходу. Началась давка, люди были охвачены слепым желанием вырваться отсюда.

Прыгая по скамейкам и головам, я скатился на поле. Эта бушующая на ярусах давка означала смерть.

— Джинни! Сюда, Джинни, здесь безопасно!

Она не могла расслышать меня в этом грохоте, но сама догадалась. За руку она тащила очумевшего от ужаса Аберкромби. Мы взглянули в лицо друг другу. Вокруг — огонь и разрушение. Джинни вытащила из сумочки палочку.

В своем запертом помещении кипятились грифоны. Кипятились в прямом смысле этого слова. Саламандра, материализовавшись, игриво обернулась вокруг водопроводной трубы.

Загудели сирены, и, освещенные луной, над нами засновали полицейские метлы.

Полиция пыталась обуздать панику. Одну метлу тут же подожгла саламандра. Наездник спизился, соскочил. Пылающая палка с грохотом рухнула в траву.

— Боже! — закричал Аберкромби.— Саламандра вырвалась на свободу!

— Да что вы говорите? — фыркнул я.— Джинни, ты же ведьма. Ты можешь что-нибудь сделать?

— Я могла бы погасить эту скотину. Но для этого нужно, чтобы она была рядом, пока я читаю заклинание,— сказала она. Распущенные рыжие волосы обрамляли бледное, с высокими скулами лицо, и в беспорядке падали на плечи.— Это наш единственный шанс уничтожить породившие ее чары... И она знает это!

Смятение захлестнуло меня. Но, вспомнив о дружище Макилрайте, я обернулся и схватил его за шиворот.

— Совсем свихнулся? — заорал я.

Он, задыхаясь, разинул рот:

— Я ничего не делал!..

Я тряс его так, что зубы его лязгали:

— Не болтай попусту! Я все видел!

Он рухнул на землю.

— Это была всего лишь шутка,— хмыкнул он.— Я не знал!

«Что ж,— подумал я мрачно,— вот тебе, без сомнения, и правда. Ведь вот в чем беда с Искусством, беда с любой неразумной силой природы, которой овладеет человек, будь то огонь или динамит, атомная энергия или магия. Любой остолоп, нахватавшись знаний, пытается что-нибудь сделать. Начать-то он может... Сегодня остолопов ужасно потянуло на колдовство. Но не всегда его последствия удается столь же легко прекратить».

Как и в любом другом учебном заведении в «Трисмегисте», постоянную проблему представляли студенческие шалости. Обычно они были безобидными. Например, надев шапку-невидимку и пробраться ночью в женскую спальню.

Или выставить в окнах украденные у девушек принадлежности нижнего белья. Иногда шутки бывали, пожалуй, и забавными. Например, как-то раз оживили статую прежнего президента (это был достойный и заслуженный человек), и она промаршировала по городу, распевая непристойные песни. Часто шутки были совершенно неостроумными. Так, например, когда Дин Уорсби был превращен друзьями в камень, и на протяжении трех дней этого никто не замечал.

Но это уже ни в какие рамки не лезло. Саламандра могла спалить весь город.

Я обернулся к пожарнику. Тот весь изнервничался, напрасно пытаясь остановить какое-нибудь полицейское помело. Вокруг прыгали тусклые огни, полицейские не замечали его.

— Что вы полагаете предпринять? — спросил я.

— Необходимо послать служебный рапорт,— отрывисто сказал он.— И считаю, нам понадобится Дух Воды.

— У меня есть опыт работы с гидрами,— предложила свои услуги Вирджиния,— так что, я могу оказаться вам полезной.

— Я тоже,— сказал я немедленно.

Аберкромби сердито уставился на меня;

— Вы-то что сможете сделать?

— Я оборотень! — рявкнул я.— Когда я волк, огонь мне не страшен. Полезная штука, не правда ли?

— Прекрасно, Стив! — Джинни улыбнулась. Старая, такая знакомая нам обоим улыбка.

Не долго думая, я сгреб ее, привлек к себе и поцеловал. Нельзя сказать, что оплеуха была недостаточно энергичной.

Апперкот, и я сел прямо на задницу.

— Нельзя! — коротко сообщила Джинни.— Это, черт бы их побрал, проклятые чары.

Я видел, в глазах ее металась боль. Как зверь в клетке. Но ее разум был вынужден повиноваться придуманным Мальзусом правилам.

— Это... э-э... здесь не место для женщин,— забормотал Аберкромби.— Для такой очаровательной женщины, как ты... Разреши я провожу тебя домой, дорогая.

— Я должна это сделать,— сказала она нетерпеливо.— Что, черт возьми, творится с этими легавыми? Нам нужно убираться отсюда!

— Тогда я тоже иду с вами,— заявил Аберкромби,— Я немножно знаком с проклятиями, и с благословениями. Хотя боюсь, что в этом отношении то, чем я владею, не бог весть что. Во всяком случае, департамент Сокровищ поглядывает на мои сокровища без одобрения.

Даже в это мгновение, когда ад разверзся на земле, оглушенный буйствующими раскатами грома, мне было радостно видеть, что Джинни не обратила ни малейшего внимания на его пресловутое остроумие. Она отрешенно нахмурилась. На рядом стоявшей скамье скорчилась Королева городка, на ней был чей-то плащ. Джинни, усмехнувшись, махнула рукой. Королева сбросила плащ и помчалась к нам.

Секунд через тридцать рядом приземлились три полицейские метлы. Пожарный скомандовал им, и вся наша группа тут же поднялась по спирали над стадионом и влетела в путаницу улиц.

Взлет был быстрым, но и за короткое время я увидел три охваченных пламенем дома.

Саламандра разгулялась...

10

Изможденные и вымазанные сажей, с отчаявшимися взглядами, вся наша компания оказалась в управлении полиции округа. Здесь уже находились шефы полиции и пожарных. Возле коммутатора бесился какой-то офицер.

Джинни завернула по дороге к себе, захватить свою метлу. Теперь у нее на плече ехал Свертальф, под мышкой — том «Руководства по алхимии и метафизике». Аберкромби стращал и без того перепуганного Макилрайта. Под конец я сказал Аберкромби, чтобы он это прекратил.

— Мой долг,— завелся он.— Я, как вы знаете, исполняя обязанности воспитателя...

Я высказал предположение, что университет мог бы свободно обойтись и без фискалов. Не к чему удивляться, что студенты не пьянствуют по притонам и не провозят контрабандой нимф. И не каждый год делают попытки сдать экзамен, спрятав под пиджаком приятеля, который бы шепотом подсказывал ответы по шпаргалке. Как бы то ни было, мне не нравятся профессиональные наушники.

— Разберетесь с ним позднее,— сказал я и пинком выставил парня за дверь.— Возможно, здесь скоро появится саламандра.

Весьма раздраженный, в комнате возник президент Мальзус и тут же требовательно проорал:

— Что все это означает?

Над его толстыми щеками подпрыгивало пенсне.

— Как вам было известно, сэр, я был занят подготовкой к очень важному мероприятию. На завтра намечен официальный завтрак членов «Клуба Львов», и...

— Возможно, не будет никакого завтра,— хрюкнул, обрывая его, лягаш,— пока у нас вырвавшаяся на свободу саламандра...

— Сала... Нет! Это полностью противоречит установкам! Это положительно запрещено, чтобы...

Офицер у коммутатора оглянулся на нас:

— Она сейчас подожгла католическую церковь на углу четырнадцатой и Эльма, и, боже мой, все наше оборудование уже задействовано!

— Невозможно! — завопил Мальзус.— Демон не может приблизиться к церкви!

— Насколько глупым делается человек на нашей работе,— не скрывая злости прошипела Джинни.— Это не демон. Это Дух стихии!

Когда ей удалось вновь овладеть своей яростью, она медленно продолжала:

— Не стоит слишком надеяться, что гидра сможет победить саламандру. Но мы можем вызвать ее, чтобы она помогла бороться с пожарами. Саламандра все время будет опережать нас, но, по крайней мере, не весь город окажется уничтоженным.

— Если только саламандра не окажется слишком сильной,— влез Аберкромби. Его лицо побледнело, губы еле двигались.— Достаточно сильной, чтобы испарить гидру.

— Вызовите двух,— запинаясь приказал Мальзус,— вызовите сотню. Я не буду требовать поданного по всем правилам официального заявления на разрешение использо...

— Эта возможность ограничена, сэр,— сказал Аберкромби,— есть условие: в зависимости от общей воплощенной массы, сдерживающие силы должны возрастать по экспоненте. В этом городе, вероятно, не найдется достаточно подготовленных специалистов, чтобы держать под контролем двух Духов одновременно. Если пробудить к жизни четырех, то городу будет грозить затопление, а саламандра просто перенесется куда-нибудь в другое место.

— Алан...— Джинни положила «Руководство» на стол, веером перелистала страницы.

Аберкромби склонился поверх ее плеч. При этом не забыл заботливо положить ладонь на ее бедро, и я проглотил, что хотел сказать.

— Алан, ты можешь вызвать для начала одну гидру, и заставить ее бороться с огнем?

— Разумеется, моя прелесть.— Он заулыбался,— это элементарная задача.

Она обеспокоенно взглянула на него и предупредила:

— С гидрами бывает так же трудно справиться, как и с Духами огня и воздуха. Одного знания теории мало.

— У меня есть некоторый опыт,— он излучал самодовольство. — Во время войны... Когда все это кончится, давай зайдем ко мне, чуть выпьем, и я тебе расскажу.— Его губы слегка коснулись ее щеки.

— Мистер Матучек! — Завизжал Мальзус.— Прекратите, пожалуйста, отращивать клыки!

Я, взяв себя в руки, справился с яростью, действующей на меня так же, как и лунный свет.

— Послушайте,— сказал начальник полиции,— мне нужно знать, что будет дальше. Все эти неприятности из-за ваших длинноволосых, и я не желаю, чтобы ваши действия еще больше затруднили обстановку.

Я вздохнул, понимая, что Джинни и ее красавец в конце концов действительно заняты, и, вытащив сигарету, предложил:

— Разрешите, я объясню. Во время войны мне пришлось немного узнать о таких делах. Дух стихии — это то же самое, что и демон. Любой демон — это отдельное существо,

обладающее, скажем так, индивидуальностью. Дух стихии есть часть одной из основополагающих сил.

Саламандра возникла из первичной энергетической матрицы и обрела временную индивидуальность. Она вернется в эту матрицу, если удастся покончить с ней. Это как пламя. До тех пор, пока она существует лишь потенциально. А когда костер погасят, пламя вернется в первоначальные формы существования. Пусть будет разожжен новый костер, пусть даже он горит на недогоревших поленьях первого костра, но полученное пламя будет не идентично первоначальному.

Так что легко понять, почему дух отнюдь не стремится к первоначальному состоянию.

Когда Духу удается вырваться на свободу, как это произошло с саламандрой, он готов на все, чтобы остаться в этом мире. Готов на все, чтобы увеличить свою мощь.

— Но как саламандра могла поджечь церковь?

— Потому, что у нее нет души. Она просто физическая сила.

Всякое, обладающее подлинной индивидуальностью существо, будь-то человек или еще кто-либо, находится под сдерживающим влиянием... э-э... определенных моральных законов природы. Так демон не выносит вид святых символов.

Поступающий неправильно человек, живя на этом свете, испытывает угрызения совести. И предстает перед Судом на том свете. Но о чем заботиться пламени? А саламандра и есть не что иное, как громадный язык пламени. Она всего лишь флюктуация физических законов нашего, то есть, нормального и паранормального мира.

— Так как же ее... погасить?

— Это могла бы сделать соответствующая по массе гидра. Произошла бы взаимная аннигиляция. Или саламандру могла бы погрести под собой Земля. Или мог бы сдуть оказавшийся поблизости Воздух. Трудность в том, что Огонь — самая быстрая стихия. Он перескочит в другое место до того, как ему успеет повредить какой-нибудь другой Дух. Так что у нас остается лишь одна возможность — заклинание, возвращающее саламандру к первоначальному состоянию. Но оно должно быть произнесено в ее отсутствие. И занимает около двух минут.

— А когда она услышит, что начали произносить заклинание, то испепелит заклинателя или удерет. Очень мило. Что же нам делать?

— Не знаю, шеф,— сказал я.— Одно знаю — это все рав-

но, что попытаться поцеловать в морду кобру.— Я вздохнул, чмокнул губами. Действовать надо быстро потому, что каждый пожар, зажженный тварью, служит ей пищей и добавляет новый запас энергии. Она делается все сильнее. Существуют определенные ограничения, например, квадратно-кубический экран, но пока это произойдет, она может стать слишком сильной, чтобы человечеству удалось с ней справиться...

— И что же тогда произойдет?

— Всеобщая гибель... Нет, я подразумеваю не совсем это. Люди, естественно, призовут на помощь сильных противодействующих Духов. Но только представьте с какими трудностями будет сопряжен контроль над ними. Подумайте о случайностях и опасностях, которые невозможно предвидеть. Халифат по сравнению с ними — пустяк!

Джинни, разогнувшись, отошла от стола. Аберкромби начертил мелом на полу пентаграмму. Исходящему слюной Мальзусу было поручено простерилизовать на спичке карманный нож. (Вся идея состояла в том, чтобы взять у кого-нибудь немного крови. Кровь могла бы заменить обычно используемые снадобья, поскольку она содержит точно такие же белки).

Девушка положила ладонь на мою руку:

— Стив, мы потратим слишком много времени, если попытаемся собрать всех местных экспертов. Боюсь, что то же самое справедливо и по отношению к полиции штата или Национальной Гвардии. Бог знает, что натворит саламандра, пока чиновники, которых ты здесь видишь, будут взывать о помощи. Но ты и я сможем по крайней мере проследить за ней. Подвергаясь при этом меньшей опасности, чем остальные. Рискнешь?

Я был согласен:

— Конечно. Саламандра не может повредить мне, если я буду волком. Особо повредить... Не сможет, если я буду осторожен. Но ты будешь держаться на заднем плане.

— Ты когда-нибудь слышал о клятве, приносимой членами нашего ордена? Пойдем.

Входя в дверь, я бросил на Аберкромби самодовольный взгляд. Он надрезал свое запястье, начертил кровью магические знаки, а затем начал творить заклинание. Я ощутил, как по комнате пронесся влажный вихрь.

Снаружи была осенняя пора, высоко в небе стояла луна. Сразу в дюжине мест металось багровое ослепительное сияние. Зубчатыми силуэтами на его фоне виднелись крыши, и в ушах выли сирены. В вышине, освещенные мерцанием

маленьких, безразличных ко всему звезд, посыпалось что-то, напоминающее ворох сухих листьев. Это, оседлав метлы, бегством спасались люди.

Свертальф прыгнул на переднее сидение «кадиллака» Джинни. Я поместился сзади. И мы со свистом взмыли в небо.

Внизу, под нами, зашипело, плюясь, голубое пламя. Городские фонари погасли. По улицам хлынула вода. Она неумолимо ревела, и в ее потоке подскакивал, смахивающий на поплавок, президент Мальаус.

— Несчастный Сатана! — Я чуть не подавился.— Что еще случилось?

Свертальф резко повел помело вниз.

— Этот идиот,— простонала Джинни,— он дал гидре размыться. Короткое замыкание...— она сделала несколько быстрых пассов своей палочкой.

Поток успокоился, вошел в берега. Образовалась круглая заводь. Ее десятифунтовая толщина мерцала в лунном свете. Из воды выскочил Аберкромби и побрел, хлюпая, к ближайшему очагу пожара.

Я расхохотался:

— Сходи к нему на квартиру и послушай, что он тебе расскажет о своем огромном опыте...

— Не бей лежачего,— мгновенно огрызнулась Джинни.— Ошибка сделана не без твоего участия, Стив Матучек.

Свертальф вновь повернул метлу вверх. Мы неслись над дымовыми трубами. Неужели она действительно влюбилась в этого дьявола? Правильный профиль, вкрадчивый голос, ловко подвешенный язык. Все находится рядом... Я подавил приступ боли, искоса глянул вперед, пытаясь определить, где находится саламандра.

— Туда! — перекрикивая свист воздуха, пронзительно закричала Джинни. Свертальф задергал хвостом и зашипел.

Район университета старательно пытался скрыть свою бедность. Старые, псевдоготического стиля, отделанные деревом пещеры. Нечто среднее между особняками и меблированными комнатами. Район уже начал гореть. В темноте между уличных фонарей вспыхивали многочисленые красные звезды.

Приближаясь, мы заметили, как одна звезда взорвалась и обратилась в клуб белого пара. Гидра, должно быть, ударила в патрубок пожарного крана и смылась. У меня мелькнула еретическая мысль, что саламандра окажет обществу услугу, уничтожив этот архитектурный нонсенс. Но ведь речь идет также о жизни людей и их имущества.

Громадный, ужасный Дух раскачивался над пожираемым домом. Саламандра уже вдвое увеличилась в размерах, и на раскаленную добела сердцевину невозможно было смотреть. Вокруг узкой головы метались искры пламени.

Свертальф затормозил. Мы отлетели на несколько ярдов и теперь парили на высоте двадцати футов, на одном уровне с жаждущей пастью. Дико было видеть выгравированное на фоне ночи, освещенное неярким сиянием лицо Джинни. Она плотнее вдвинула ступни в стремена и начала читать заклинание:

— О, Индра, Люцифер, Молох, Гефест, Дони...— ее голос был почти не слышен в грохоте обрывающейся крыши.

Саламандра услышала. Огненные глаза обратились на нас. Взглянув, она прыгнула.

Свертальф взвизгнул, когда от жара скрутило его усы (возможно, ущерб был причинен лишь его тщеславию), и развернул помело. Мы помчались прочь. Саламандра зарычала. Ее голос был похож на треск сотни одновременно горящих лесов.

Внезапно опаляющий наши спины жар прекратился. Тварь материализовалась перед нами.

Закрыв лицо Джинни, я свое собственное спрятал за ее спиной, и мы пролетели сквозь стеклянную стену сооруженного перед ней «Пивного парка». Вслед нам метнулся огненный язык. Метнулся и свернулся кольцом. Оставшаяся снаружи саламандра бушевала.

Мы скатились с метлы, огляделись. Пивная была пуста.

Темно, повсюду следы огня. Никого не было. Я увидел стоящий на прилавке, доверху налитый стакан пива, и выпил его залпом.

— Мог бы предложить и мне выпить,— сказала Джинни.— Алан бы предложил...

И прежде, чем я опомнился достаточно, чтобы решить, язвит ли она или просто шутит, Джинни продолжала быстрым шепотом:

— Она пыталась удрать. Собирается с силами. Она уверена в себе и надумала убить нас!

Даже в эту минуту мне хотелось сказать, что рыжие и спутанные волосы и пятна сажи на ее аристократическом носу выглядят, как ни странно, даже очень очаровательно. Но случай не казался подходящим.

— Она не вернется сюда,— выпалил я.— Все, что она может сделать — это с помощью теплового излучения подпалить здание, а на это понадобится время. Пока что мы в безопасности.

— Но а... ну да. Конечно, пни горят плохо. Мне говорили, что все пивные бары университета построены из пней, армированных железом.

— Да.

Я выглянул в разбитое окно. Саламандра кинулась мне навстречу, и цветные пятна заплясали у меня перед глазами.

— Наша гостья показывает характер,— сказал я.— Ну, говори быстро свое заклинание.

Джинни покачала головой:

— Она просто отлетит за пределы слышимости. Но, может быть, удастся поговорить с ней. Понять, как...

Она подошла к окну. Корчащаяся вдоль бара вытянула шею и зашипела. Я стоял за спиной своей девочки и чувствовал себя беспомощным и бесполезным.

Свертальф, облизывающий с прилавка пролитое пиво, поглядел на нас и насмешливо фыркнул.

— Эй, Дочь Огня! — крикнула девушка.

Рябь прошла сверху вниз по спине саламандры. Ее хвост безостановочно хлестал из стороны в сторону, поджигая растущие вдоль дороги деревья. Я не в силах описать ответивший Джинни голос. В нем был и треск, и рев, и свистящее шипение. Голос, порожденный огненным мозгом и глоткой.

— Дочь Евы, что ты можешь сказать такой, как я?

— Именем Высочайшего, я приказываю тебе смириться, вернуться к своему подлинному состоянию и перестать вредить этому миру!

— Хо!.. О-хо-хо-хо! — Тварь уселась на свой зад (асфальт пошел пузырями) и прерывисто захохотала прямо в небо.— Ты, созданная из горючего материала, приказываешь мне?!

— Я располагаю силами такими могущественными, что они затушат тебя, маленькая искра. Эти силы вернут тебя в ничто, из которого ты пришла. Смирись и повинуйся, так будет лучше для тебя же.

Мне подумалось, что саламандра на мгновение действительно была поражена.

— Сильнее, чем я? — затем она заревела так, что пивная затряслась.— Ты смеешь утверждать, что существуют силы могущественнее Огня?! Чем я, которая явилась пожрать всю Землю!

— Более могущественные и более прекрасные. Сама подумай, о Мать Пепла, ты не можешь даже войти в этот дом. Вода тебя гасит, земля уничтожает, и лишь воздух способен поддержать твое существование. Лучше сдайся, не медли...

Я вспомнил ночь охоты на нфрита. Джинни, наверняка,

попытается выкинуть тот же фокус — разобраться в психологии бушующей и мечущейся за стенами твари. Но на что она может надеяться?

— Более прекрасные? — Хвост саламандры забился, оставляя на мостовой глубокие борозды.

Из тела саламандры вылетели огненные шары, посыпался дождь красных, голубых и желтых искр. Прямо как Четвертого Июля, Мелькнула сумасшедшая мысль: так бьется об пол ребенок в припадке истерики.

— Более прекрасные! Более могущественные. Ты посмела сказать это... А-а-а! — В метнувшемся языке пламени сверкнули раскаленные добела зубы.— Посмотрим, какой ты станешь, когда я сожгу тебя! Ты умрешь от удушья!

Голова саламандры метнулась к разбитому окну фасада. Она не смогла проникнуть сквозь железную преграду, но начала высасывать воздух. Вдыхать его и выдыхать. Волна пышущего, как из топки, жара отбросила меня назад. Я задыхался.

— Боже мой... Она хочет сожрать кислород! Оставайся здесь!

Я прыгнул к двери. Джинни пронзительно закричала. Выскочив наружу, я услышал ее слабое:

— Нет!..

На меня лился слабый свет. Прохладный, от которого я затрепетал. Вокруг беспокойно плескались огни пожаров. Я припал к горячей обочине, и содрогнулся, когда мое тело начало изменяться.

Я был волком. Волком, которого не сможет убить враг. По крайней мере, я на это надеялся. Укороченный хвост ткнулся изнутри в брюки, и я вспомнил, что некоторые раны не поддаются излечению, даже когда я принимал звериный облик.

Брюки! Черт, будь они прокляты! В горячке я забыл о них. А вы когда-нибудь пробовали стать волком, если на вас напялена рубашка, штаны, нижнее белье — и все это рассчитано на человека?

Я изо всех сил заработал своим влажным носом. Подтяжки соскользнули и обмотались вокруг задних лап. Передние лапы запутались в галстуке, а пиджак радостно превратился во что-то напоминающее узел.

Обезумев, я катался и рвал одежду клыками. Вдруг осознал, что передо мною выросла саламандра, ее хвост хвестнул меня по спине. Мгновенная опаляющая боль, и вместе с одеждой вспыхнула шерсть и кожа. Но тряпье сгорело, и я оказался свободен. Мобильные молекулы моего

тела самовосстанавливались в считанные секунды. Полагая, что я выведен из строя, саламандра уже не обращала на меня внимания. Едва понимая, что я делаю, я подхватил зубами свалившуюся с уменьшившейся ступени туфлю, приставил к ближайшему, раскаленному добела пальцу ноги саламандры и обеими лапами стал изо всех сил натягивать.

Она взревела. Развернулась кругом, готовая снова напасть на меня. Разинула пасть. Она могла перекусить меня пополам. Я быстро отскочил в сторону. Чудовище остановилось, оценило разделяющее нас расстояние. Вспыхнув, исчезло и материализовалось прямо надо мной.

Теперь мне бежать было некуда. Я вдыхал огонь, сжигающий мое отяжелевшее тело, и корчился в агонии. Я весь превратился в пламя...

11

Одиночество. Его никак не нарушило глядящее на меня лицо. У меня нет слов, чтобы описать его. Только одно — лицо было огромным, и его глаза были глазами трупа. Но тогда я не видел его. Как и не чувствовал холода, более сильного и более мучительного, чем я чувствовал прежде. Потом я услышал голос.

Я не знал его до сих пор, пока он не настиг меня, прошедший вне времени и пространства, но и он не потряс до основания мои чувства и разум, которых у меня не было. И меня покинула всякая надежда и всякая вера.

— Гордись, Стивен. Я лично потрудился, чтобы тебя и твоих спутников настигла смерть. Для этого я сам возбудил в голове дурака мысль о шутке. Зная, что лишь такой путь обеспечит благополучное завершение проводимой мной в в мире работы. Задача имела свои тонкости, и я не мог доверить ее никому. И хотя всеобщее уничтожение — это приятно, но подлинная цель — вовсе не применять материальных бед для человечества. На самом деле мои действия по навлечению гибели на вас двоих могут оказаться хорошим аргументом, если мои слуги поддались провокации. Если они хотят вступить в отношения с тем, Другим. Но опасность, которую вы представляете, станет ясной для всех лишь когда настанет для этого время. Я не знаю, когда это произойдет, не знаю, как можно будет определить это время. Но я знаю, что ты для нас опасен уже не будешь...

То, чем я был, съежилось от ужаса. Оно было ничтожнее, чем самая мельчайшая часть ничего.

— И все же,— мерно гремел во мне голос,— тебе не обязательно умирать, Стивен. Я предчувствую, что эта жен-

щина, Вирджиния, может оказаться худшим врагом, нежели ты. Да, я предвижу, что лишившись ее, ты — не угроза Плану. Но она без тебя будет представлять не меньшую опасность, если не большую. Прими во внимание ее ловкость и сноровку, ее таланты. Она, в отличие от тебя, дважды попавшего в ловушку, не попалась ни разу. Прими во внимание так же силу ее духа. Желание отомстить за тебя может побудить ее к выяснению истинной подоплеки случившегося. Или, может быть, она предпримет еще что-нибудь. Не могу сказать, что именно. Но я вижу, что хотя ты и горишь, она в ловушке еще не полностью. Хочешь ли ты жить? Хорошо жить, Стивен?..

Что-то более слабое, чем свет, дошедший от самой дальней звезды, вспыхнуло во мне.

— Что я должен для этого сделать?

— Служить мне. Подчиняться моим чарам. Саламандра выпустит тебя, не причинив непоправимого вреда. После того, как раны заживут, тебя ждет одно: долгая и счастливая жизнь. Это гарантируют мои чары. Показав, что ты свободен, вызови ее из дома. Будешь усыплять ее бдительность до тех пор, пока над нею, как над тобой раньше, не материализуется Саламандра. Если ты не согласишься, то возвращайся обратно и сгори заживо...

Больше, чем неизмеримая бесконечность отделяла меня от Вирджинии. У меня не было тела, которое могло бы ответить «да» или «нет». Но точка, которой я сделался, представила, что Вирджиния испытывает ту же, познанную мною, муку. И от этой мысли, откуда-то из иного безвременья, вырвалась неимоверная ярость, сплавленная с неимоверной ненавистью, и все, что происходило (или этого не было?), взорвавшись, кануло в породившую его пустоту...

Думаю, что бешенство настолько пересилило муку, что я вновь стал сражаться.

Я так думаю. Мне рассказывали, что я сцепил клыки на некотором месте, которым уселась на меня бестия. Говорили, что я кусался и пытался удержать ее на месте. Но боль была слишком сильной, чтобы я мог помнить что-нибудь, кроме самой боли.

Потом саламандра исчезла. Улица была пустой и темной. Лишь луна, и вдали — уцелевший уличный фонарь. И неровный красный отблеск горящих зданий. Тихо, если не считать хруста и блеска пожаров. Когда я очнулся настолько, что вернулось обоняние, первое, что я уловил, был кислый запах дыма.

Это продолжалось несколько минут. Несожженной ткани

едва хватило, чтобы восстановить остальные. Когда здоровье вернулось, моя лохматая голова лежала на коленях Джинни. Похожим на пересохший ремень языком, я слабо лизнул ее руку. Будь я человеком, я предпочел бы сохранить позу, приданную мне Вирджинией. Но я обладал волчьим инстинктом, и потому, приложив максимум усилий, приподнялся и издал слабый хриплый вой.

— Стив... Боже, Всемогущий, Стив ты спас нас! — шептала Джинни.— Еще несколько минут, и мы бы задохнулись. У меня и сейчас словно песок в горле...

Спрыгнув с прилавка и мяукнув, к нам гордо подошел Свертальф. Он выглядел так же самодовольно, как только может выглядеть кот с подпаленными усами и бакенбардами.

Вирджиния прерывисто рассмеялась и объявила:

— Но ты должен этому деятелю пинту сливок или еще что-нибудь в этом роде. Как ты склонил чашу весов в нашу сторону, так и он сделал для тебя то же самое. По крайней мере, предсказал, как помочь тебе.

Я навострил уши.

— Он открыл пивные краны,— сказала она,— а я начала наполнять кувшины и бросать их через дверь в саламандру. Это стало беспокоить ее, она стала уворачиваться. Видимо, ее ослабило действие пара и давление, когда ты пустил в ход свои челюсти.— Джинни ухватила меня за шею.— Эти секунды, пока ты удерживал ее... это же настоящий подвиг!

Пиво! Качаясь, я поднялся на ноги, и потащился в глубь пивной. Ничего не понимающие Свертальф и Джинни следовали сзади. Я закусил губу и показал мордой на ближайшие стаканы.

— О, понимаю,— Джинни щелкнула пальцами,— ты хочешь пить... Ты же обезвожен. Она налила литровую кружку. Захлебываясь, я вылакал ее и показал, что хочу еще. Джинни покачала головой:

— Ты заставил саламандру убраться, но нам еще предстоит иметь с ней дело. Далее будет простая вода.

Метаболизм моего тела перераспределил влагу. Я почувствовал, что окончательно выздоровел. И первая, по-настоящему хорошая мысль — надо надеяться, что в дальнейшем пиво не будет тратиться на драку с Духами. Вторая мысль — что бы ее слова не означали, нам следует заняться этим как можно скорее.

За все приходится платить. Беда оборотней в том, что приняв иной облик, они, естественно, обладают звериными

мозгами. Лишь сверху неглубокий поверхностный слой человеческой личности. Или, говоря проще, будучи волком, я по-человеческим меркам, отличался редкостной тупостью. Я был способен понять лишь одно: будет лучше, если я снова превращусь в человека. Поэтому я вышел через открытую дверь, в лунный свет, и приступил к превращению.

Вы сталкивались когда-нибудь с разъяренной пантерой? Отборнейший мат. Я внезапно завыл и начал превращаться обратно.

— Подожди-ка,— решительно сказала Джинни.— Она сбросила с себя обгоревшее, хотя вполне еще пригодное к носке, отделанное мехом пальто.

Сомневаюсь, что когда-нибудь кого-либо одевали быстрее. Пальто очень жало в плечах, но было достаточно длинным, если я вел себя осторожно. Ночной ветер холодил мои голые колени, зато лицо по-прежнему жгла саламандра.

Это одна из причин, по которым среди моих тревог отсутствовала мысль о встреченном мною видении. Другая причина — непосредственно угрожающая нам опасность, опасность сиюминутная, реальная. Кроме того, уж очень неправдоподобно было пережитое мною. Сознательная реконструкция расплывшегося воспоминания о случившемся причиняла просто физическую боль. Даже более сильную, чем когда я вспоминал о предыдущем случае. И, наконец, не уверен, чтобы вообще хотелось думать об этом.

В голове мелькнуло: дважды, когда я умирал, терял сознание, у меня были схожие видения. Может, следует обратиться к психиатру? Нет, это было бы глупо. Увиденное — не более, чем идиосинкратическая реакция на травму. Скорее всего, подобного рода травм в моей жизни больше не будет.

И я забыл обо всем этом, а затем торопливо спросил:

— Куда теперь? Проклятая тварь может быть где угодно.

— Думаю она околачивается возле студенческого городка. Там ей достаточно места, где разгуляться, а она не слишком торопится. В путь.

Пивной зал тлел. Джинни принесла метлу, и мы взмыли в небо.

— Итак,— сказал я,— мы ничего не добились, лишь потеряли время.

— Нет, не совсем так.— Я немного разобралась в ее психологии.

Под нами проносились крыши.

Джинни обернулась ко мне:

— Саламандру породили заклинания, и я не знала точ-

но, что она собой представляет. При создании стихийного Духа можно получить практически все, что угодно. Но, очевидно, руководитель парада был убежден, что саламандра должна знать английский. У нее есть даже рудиментарный интеллект. Учти при этом изменчивую природу огня. И что мы в результате получаем? Ребенка!

— Ничего себе ребенок! — проворчал я, поплотнее запахиваясь в пальто.

— Нет, нет Стив, это не важно. Ей присущи две характерные черты, отличающие ребенка. Ограничивающие его черты. Непредусмотрительность, беззаботность, бездумность... Умная саламандра не бушевала бы. Она втихомолку и постепенно накапливала бы силы. А эта даже не понимает, что ей следует сжигать всю планету. Либо просто не задумывается о такого рода вещах. Потому что, откуда она возьмет после всего этого кислород?

Вспомни также ее фантастическое тщеславие. Она пришла в неописуемую ярость, когда я сказала, что существуют силы, более могущественные и прекрасные, чем она. Причем, замечания, касающиеся могущества и красоты, разозлили ее одинаково сильно.

У нее нет способности надолго задерживать на чем-либо свое внимание. До того, как начать беспокоиться о причинении нам сравнительно незначительных неприятностей, она могла бы сперва убить тебя, либо Свертальфа, либо меня. И она могла бы, когда ты вцепился в нее скрежеща зубами, выдержать боль на короткое время, не слезать с тебя до тех пор, пока ты не погибнешь...

Ее голос дрогнул и она торопливо продолжила:

— В то же время, пока ее внимание не рассеивалось, пока ничто не отвлекало ее, она концентрировалась только на одном исходе. Она забыла, что он лишь часть большого целого, и исключала все возможные результаты.— Джинни задумчиво кивнула.— Должен существовать какой-то путь воздействия на ее психику.

Мое собственное тщеславие не такое уж маленькое.

— Я не был сравнительно неприятностью...— проворчал я.

Джинни улыбнулась и, дотянувшись, погладила меня по щеке:

— Все хорошо, Стив, все прекрасно. Я рада, что ты такой же. Я убедилась, что ты будешь хорошим мужем.

Эта фраза здорово ободрила меня, но хотелось бы знать точно, что она подразумевала под этим.

Мы обнаружили саламандру. Там, внизу, она поджига-

ла театр. Но пока я смотрел на нее, она, полыхнув, исчезла и вновь появилась на расстоянии мили, возле медицинского исследовательского центра. Не выдержав жара, кирпич начал прикрываться стекловидной пленкой. Мы приблизились, а саламандра тем временем с раздражением ударилась о стенку. Потом она вновь исчезла. Невежественная, импульсивная, как ребенок. Это адское создание.

Развернувшись над студенческим городком, мы увидели свет в окнах административного корпуса.

— Вероятно, здесь устроили штаб,— сказала Джинни.— Сейчас узнаем новости.

Свертальф приземлился на бульвар перед зданием. Мы, спотыкаясь, побрели вверх по ступеням.

Дверь охраняли вооруженные противопожарным снаряжением легавые.

— Эй, вы! — Один из них загородил нам дорогу.— Куда вы направляетесь?

— На совещание,— Джинни пригладила волосы.

— Вот как? — полицейский взглянул на меня.— Одет и взаправду для совещания... Все, что творилось этой ночью... Хохот полицейского переполнил чашу терпения. Я превратился в волка и тряхнул легавого за штаны. Он замахнулся дубинкой, но Джинни превратила его в маленького боа-конструктора. Я снова превратился в человека и предоставил банде полицейских решать возникшие у них проблемы самим. Мы прошли в зал.

Зал совещания преподавательского состава был набит битком. Мальзус собрал всех своих профессоров. Мы вошли и я сразу же услышал его звучный голос:

— Постыдно. Власти не захотели прислушаться к моему мнению. Джентльмены! Город выступил против носящего мантию ученого. Мы обязаны защищать честь...

Мальзус замигал, увидев меня и Джинни, входящую со Свертальфом. Его лицо приобрело пурпурный цвет, когда он заметил мои, торчащие из-под пальто, голые колени. В самом деле, я был в блеске своей славы, отделанное норкой пальто и щетинистый подбородок.

— МИСТЕР МАТУЧЕК!!!

— Он со мной,— отрывисто сказала Джинни.— Пока вы тут заседаете, мы сражались с саламандрой.

— Возможно, чтобы победить ее, требуется нечто большее, чем мускулы,— улыбнулся доктор наук Алан Аберкромби.— Больше даже, чем мускулы волка. Как я вижу, мистер Матучек остался без штанов в самом прямом смысле этого слова...

Джинни холодно глянула на него:

— Я полагала, что ты руководишь гидрой...

— О, у нас уже достаточно специалистов, чтобы использовать одновременно трех водяных Духов,— сказал Аберкромби.— Рутинная работа. Я понял, что мое место здесь. Скоро мы без труда справимся с пожарами.

— А саламандра тем временем зажжет новые,— отрезала Джинни.— И с каждым пожаром она делается все сильнее и сильнее... Пока вы здесь сидите и благодушествуете.

— Ну, моя дорогая, спасибо,— он рассмеялся.

Я так сжал челюсти, что сделалось больно. Джинни, в ответ на смех, улыбнулась. Улыбнулась на самом деле.

— К порядку! К порядку! — гудел президент Мальзус.— Мисс Грейлок, садитесь, пожалуйста. Хотите ли вы что-нибудь добавить к дискуссии?

— Да. Теперь я понимаю, что представляет собой саламандра.

Она заняла место за дальним концом стола. Это был последний оставшийся незанятым стул. Так что мне пришлось с несчастным видом болтаться на заднем плане. Ах, если бы на ее пальто было больше пуговиц!

— Так вы знаете, как ее можно уничтожить? — спросил профессор алхимии Линден.

— Нет, но я поняла ее образ мышления.

— Нас больше интересует, как ею можно управлять,— сказал Линден.— Как мы можем, наконец, от нее избавиться? — Он прочистил горло.— Очевидно, прежде всего, нам нужно понять, какой процесс позволяет ей быстро передвигаться.

— Ну, это просто,— пыхнул трубкой Гриволд.

Его голос был заглушен басом Линдена:

— Процесс, в основе которого лежит, конечно, общеизвестное свойство взаимодействия огня со ртутью. Поскольку, в сущности, в наши дни в каждом доме есть, по меньшей мер, хоть один термометр...

— При всем моем уважении, дорогой сэр,— прервал его астролог Витторио,— должен сказать, что вы говорите сущий вздор. Дело просто в том, что Меркурий и Нептун, совпав с созвездием Скорпиона...

— Вы не правы, сэр,— возразил Линден.— Крайне неправы!

— Давайте справимся в «арс тауматургика»...— он пошарил руками в поисках своего экземпляра, но тот куда-то пропал.

Алхимику пришлось, чтобы найти книгу, пройти адап-

тированный вариант заклинания, используемого племенем Добу при поисках бататов.

А Витторио тем временем вопил:

— Нет, нет и нет!

Совпадение со Скорпионом, если учесть, что им противостоит Уран в своем восхождении, что я легко могу доказать...— он подскочил к доске и принялся чертить на ней диаграмму.

— Ну вот, поехали! — Вмешался метафизик Джаспер.— Не понимаю, как вы оба можете так ошибаться. Как было доказано мной в докладе, прочитанном на последней конференции «Тройственных англосаксонцев», внутренняя природа матрицы...

— Это было опровергнуто еще десять лет назад,— закричал Линден.— Средство...

— Динг эн зих... (непонятно на каком языке)

— Уран...

Я украдкой подобрался к Грисволду и дернул его за рукав. Он последовал вслед за мной в угол зала.

— Ладно, как же действует эта окаянная тварь? — спросил я.

— В основном ответ дает квантовая механика,— прошептал он.— Согласно принципу неопределенности Гейзенберга, существует определенная вероятность нахождения фотона в какой-либо точке пространства, чтобы изменить свои пространственные координаты обычного дифракционного процесса. Наблюдается псипереход. В результате она переходит от точки к точке, не пересекая разделяющее пространство и не появляясь в нем. Это очень напоминает скачок электрона, хотя, если быть точным, аналогия не совсем корректная, ибо меняется влияние...

— Ладно, это не важно,— вздохнул я.— Наш разговор делается чуточку беспорядочным. Не лучше ли нам...

— Заняться первоначально поставленной целью,— согласился подошедший к нам Аберкромби.

За ним к нам присоединилась Джинни.

Тем временем Линден успел подбить глаз Витторио, а Джаспер забрасывал их обоих кусками мела.

Наша, оставшаяся вне схватки группа, отошла поближе к двери.

— Я уже нашел ответ на нашу проблему,— сказал Аберкромби.— Но мне нужна помощь. Волшебство трансформации. Мы превратим саламандру во что-то иное, с чем мы сможем легко справиться.— Это опасно,— сказала Джинни,— понадобятся действительно сильные заклинания, а это

такая вещь, что результаты могут оказаться обратными. Что тогда случится, предсказать невозможно.

Аберкромби выпрямился и уставился на нее с благородной болью:

— Ради тебя, моя дорогая, я готов встретить любую опасность...

Она посмотрела на него с восхищением.

Меня всего скрутило.

— Пойдем,— сказала она.— я тебе помогу.

Грисвольд схватил меня за руку:

— Не нравится мне это, мистер Матучек,— поведал он.— Искусство трансформации слишком ненадежно. Должен, наверное, существовать какой-то иной метод, основанный на законах природы. На законах, которые можно было бы выразить качественно.

— Да,— печально сказал я.— Но что это за метод?

Я пошел к сблизившимся над книгами головам Джинни и Аберкромби. Рядом вышагивал Грисволд и Свертальф, дергающий из стороны в сторону хвостом. Профессора ничего не замечали, они были слишком заняты собой.

Мы вышли и последовали мимо бесившейся втихомолку (мы их хорошо запугали) банды полицейских.

В его химическом отделе были необходимые нам вещества. Мы вошли в отозвавшуюся эхом темноту.

Вот и наша цель. Лаборатория первого курса. Длинная комната, в которой рабочие столы со скамьями, полки и тишина. Грисволд включил свет.

Аберкромби осмотрелся:

Так, нам придется затащить сюда саламандру. Она обязательно должна быть здесь, иначе мы ничего не сможем сделать.

— Действуй, и будь наготове,— сказала Джинни Аберкромби.— Я знаю, как заманить сюда эту бестию. Небольшая трансформация.

Она подготовила пробирки, заполнила их различными порошками и бегло начертила на полу символы. Уже были подготовлены к работе увенчанные шарами волшебные палочки.

— Что вы надумали? — спросил я.

— Ох, не путайся под ногами! — вскрикнула Джинни.

Я сказал себе, что это вызвано всего лишь слабостью и отчаянием. Но все равно было больно.

— Мы, разумеется, используем ее тщеславие. Я приготовлю римские свечи, ракеты, заряды. Выпустим в воздух

все это, и, естественно, она явится продемонстрировать, что она способна сотворить еще боле эффектные штучки.

Грисволд и я забились в угол. Началась большая игра. Если честно, я был напуган. Костлявые колени крошки-ученого стучали друг о друга, выбивая дробь маршевого ритма. Даже Джинни... Да, на ее гладком лбу выступили бусины пота. Если задуманное им удастся, мы, вероятно, приговорены. С нами покончит либо саламандра, либо непредвиденная отдача заклинания. И мы понятия не имели, не сделалась ли тварь слишком большой, чтобы ее удалось трансформировать.

Подготовив свои огненные изделия, ведьма подошла к открытому настежь окну и высунулась. Голубые и красные шары, рассыпая потоки золотых искр, с шипением унеслись в небо и там взорвались.

Аберкромби закончил чертить свои диаграммы. Улыбаясь, обернулся к нам:

— Прекрасно! Все под контролем. Я обращу энергию саламандры в материю. Как вам известно, Е равняется МС в квадрате. Матучек, зажгите бунзоновскую горелку и поставьте на нее мензурку с водой. Грисволд, выключите и включите свет, а потом включите поляроидные лампы. Нам понадобится поляризованное излучение.

Мы повиновались, хотя меня корежило при виде старого, заслуженного ученого в качестве лаборанта согласно снисходительным указаниям этого карточного паяца. Вот уж ловкач — мечта рекламного агентства...

— Вы полностью убеждены, что это сработает? — спросил я.

— Разумеется,— он улыбнулся.— У меня есть опыт. Во время войны я был в интендантском корпусе.

— Так,— сказал я,— но превратить грязь в солдатские пайки — это не то же самое, что трансформация этого чудовища.

Мне вдруг сделалось тошно. Я вспомнил, как он напортачил с гидрой. Я понял правду. Аберкромби был уверен, он не боялся потому, что знал слишком мало!

С минуту я не мог пошевелить ни одним мускулом. Грисволд с несчастным видом нес в руках какие-то металлические предметы. В былые дни, он, кажется, использовал их, когда проводил с первокурсниками эксперименты. Он пытался научить их обращаться с химическим оборудованием. Боже, это было так давно, кажется, миллионы лет назад...

— Джинни! — Я, спотыкаясь, кинулся к окну, возле ко-

торого стояла Вирджиния. За окном в воздухе зависла радуга.— Господи, дорогая, остановись...

Грянул гром, и в комнате появилась саламандра. Полуослепший, я отшатнулся назад.

Ужасающе выросшая саламандра заполняла всю противоположную часть лаборатории.

Поверхности столов и скамеек начали дымиться.

— Ах, так! — от огня чуть не лопнули барабанные перепонки.

Свертальф взвился на верхнюю полку и опрокинул на паразитку бутылку с кислотой. Она этого не заметила.

— Та-ак! Маленькие влажные букашки, вы пытались превзойти меня!

Аберкромби и Джинни подняли свои волшебные палочки и выкрикнули несколько коротких слов. Заклинание трансформации.

Припав к полу в углу, я пытался хоть что-нибудь разглядеть сквозь клубы вонючего кислотного пара. И увидел: Джинни пошатнулась, а затем, спасаясь, отпрыгнула в сторону. Она явно поняла, что результат оказался не тот, которого ожидали.

Раздался дробящий все взрыв, в воздух полетели осколки стекла...

Меня прикрывало тело Гриволда, и волшебство всего лишь превратило меня в волка. Джинни стояла позади скамейки на четвереньках. Она была почти без сознания, но невредима. Благодарение, вечное благодарение охраняющим нас Силам! Невредимая...

Свертальф... на полке тявкала пекинская болонка. Аберкромби исчез. Зато к двери мчался, стеная, шимпанзе в твидовом костюме.

На пути обезьяны грохнул взрывом огненный шар. Она завертелась, завизжала и отскочила от поднявшихся клубов пара. Саламандра изогнула спину и заревела.

Это она смеялась:

— Так вы хотели испробовать свои штучки на мне! Всемогущей, Ужасной, Прекрасной?! Ну, вы попрыгаете... как вода на раскаленной сковородке! И я, я — та сковородка, на которой вы будете поджариваться!

Почему-то отдающая низкопробной мелодрамой речь саламандры не казалась нелепой, это была обладающая детским разумом, хвастливая, бесчувственная, пожирающая все тварь, которую выпустили на Землю, чтобы она обратила в пепел и дома человека, и самого человека.

Оказавшись под поляризованным светом, я вновь превра-

тился в человека и вскочил на ноги. Грисволд открыл водопроводный кран и, зажав пальцем, направил на саламандру струю воды. Саламандра раздраженно зашипела. Что ж, вода по-прежнему вредила ей, но потушить саламандру мы не могли, у нас было слишком мало жидкости. Теперь для этого понадобилось бы целое озеро.

Голова саламандры качнулась. Она разинула пасть, целясь в Грисволда, и длинным толчком выдохнула:

— Все суета и тщеславие...

Я перекатился к бунзеновской горелке, на которой кипела никому не нужная мензурка. Взгляд Джинни сквозь свесившуюся на глаза обгоревшую челку. От жара комната пошла кругом, с меня потоками лил пот. Нет, не было у меня никакого озарения, мною руководил голый инстинкт и беспорядочно кувыркающиеся воспоминания.

— Убей нас! — крикнул я.— Убей, если смеешь. Наш слуга более могуществен, чем ты. Он разыщет тебя на краю света!

— Ваш слуга? — словно свивались языки пламени.

— Да... Я всерьез говорю! Да, наш слуга: огонь, который не боится воды!

Зарычав, саламандра немного отступила. Она еще не настолько окрепла, чтобы страшное имя Воды не заставило ее заколебаться.

— Покажи мне его.— Она дрожала.— Покажи... Я посмею...

— Наш слуга... маленький, но очень могущественный,— скрежетал я.— Он ярче и прекраснее тебя. И ему не страшна стихия Воды! — Я, шатаясь, добрался до банки, где лежали обломки металла. Щипцами вытащил пару кусков.— Осмелишься ли ты посмотреть на него?

Саламандра рассвирепела:

— Осмелюсь ли я? Спроси лучше, посмеет ли он сравниться со Мной?

Я глянул искоса. Джинни поднялась на ноги. Она уже схватила свою палочку, глаза ее сузились.

Тишина повисла в этой комнате, словно в ней сконцентрировалась тяжесть всего мира. И в ней пропали, сгладились все еще оставшиеся на свете звуки и треск огня, и невнятное обезьянье бормотание Аберкромби, и негодующее тявканье Свертальфа. Щипцами я взял узкий и длинный кусок магния и поднес его к пламени горелки.

Металл вспыхнул голубовато-белым пламенем. Я отвернулся. Глаза не выдерживали ослепительного фиолетового сияния. Даже саламандра засверкала менее ярко. Зверюга

было попыталась сравниться с ним, но этот подвиг был ей не под силу... Она отпрянула.

— Смотри! — Я еще выше поднял пылающий кусок.

Из-за спины донеслось быстрое бормотание Джинни:

— О, Индра, Абадонна, Люцифер...

Детский разум, не способный охватить более одного объекта в один промежуток времени... но как долго протянулся этот промежуток? Я должен полностью владеть вниманием, нам нужно 120 секунд.

— Огонь,— саламандра была обеспокоена.— Всего лишь еще один огонь. Крохотная часть породившей меня силы.

— Способна ли ты на подобное чудо?

Я сунул кусок в мензурку. Из воды вырвался клуб пара. Вода зашипела, пошла пузырями. Но металл продолжал гореть.

— ...абире экс орбис территория...— благословенно шептал Грисволд.

— Это какой-то фокус! — завизжала саламандра.— Это невозможно, если этого не могу даже Я! Нет!

— Оставайся там, где стоишь! — гаркнул я в лучших армейских традициях.— Ты все еще сомневаешься, что мой слуга настигнет тебя всюду, где бы ты не скрылась?!

— Я убью это маленькое чудовище!

— Приступай немедля, дружище! — согласился я.— Не хочешь ли ты устроить дуэль на дне океана?

В поднятый нами шум вплелись пронзительные свистки. В окнах появились полицейские.

— Я покажу вам! — рев едва не перешел в рыдание.

Толкнув сперва Грисволда, я нырнул под лавку. На то место, где я только что стоял, обрушился фонтан пламени.

— Цып, цып, цып,— звал я.— Все равно не сможешь поймать меня! Ты же боишься, кошка драная!

Свертальф кинул на меня негодующий взгляд.

Пол затрясся, когда Дух кинулся на меня. Саламандра не огибала столы и скамейки, а просто прожигала себе сквозь них дорогу. Раскаленный жар вцепился в меня, вцепился когтями в глотку. Извиваясь, я катился во тьму.

И все кончилось.

Джинни вскрикнула с триумфом:

— Амен!

И в опустевшем воздухе грохнул разряд грома.

Кренясь и шатаясь, я встал на ноги. Джинни упала мне на руки. В лабораторию полезла полиция. Грисволд проверещал, что нужно позвонить в Департамент Огня и Пожаров, пока еще не все здание обратилось в дым.

Свертальф соскочил с полки. Он забыл, что пекинской болонке не присуща кошачья ловкость. В итоге, в его выпученных глазах кипело глубокое и праведное негодование...

12

Снаружи, на бульваре, было прохладно. Мы сидели в покрытой росой траве. Я смотрел на луну и думал, как это много и удивительно — жить.

Нас разделяли чары постановления, но лицо Джинни светилось нежностью. Мы едва ли обращали внимание на тех, кто бежал мимо, крича, что саламандра исчезла. Мы почти не слышали звуки трезвона церковных колоколов, возвещавших новость людям и небу.

Пробудил нас своим лаем Свертальф.

Джинни тихо рассмеялась:

— Бедняга! Как только смогу, сразу же превращу его обратно. Но сейчас у меня есть более неотложные дела. Идем, Стив.

Грисволд, убедившийся, что его бесценная лаборатория уже в безопасности, следовал за нами, тактично сохраняя дистанцию. Свертальф остался на месте. Полагаю, что он просто не мог двигаться, его слишком потрясла мысль, что могут быть дела, более важные, чем превращение его обратно в кота.

Доктор Мальзус встретил нас на полдороге, как раз под одним из фонарей Святого Эльма. Лунный свет неровно высвечивал его лицо. Пенсне блестело.

— Моя дорогая мисс Грейлок! — начал он.— Это действительно правда, что вы отвели от общества нависшую над ним угрозу? Ваши действия в высшей степени заслуживают внимания. В славные анналы этого славного заведения, в котором я имею честь быть президентом...

Подбоченясь, Джинни повернулась к нему и пригвоздила на месте ледяным взглядом, с каким он наверняка никогда не сталкивался.

— Похвалы следует адресовать мистеру Матучеку и доктору Грисволду. Так я и информирую прессу. Не сомневаюсь, что у вас появится желание рекомендовать увеличение ассигнований на имеющие громадное значение исследования доктора Грисволда.

— Ох, но, право...— запинаясь, начал ученый,— я не...

— Замолчите, вы, простофиля,— шепнула Джинни. И громко.— Лишь благодаря проявленной смелости и дальновидности, лишь благодаря его приверженности основополагающим современным теориям, глубокому знанию зако-

нов природы... Мальзус, остальное вы сможете добавить сами. Не думаю, чтобы вы были особенно популярны, если и далее будете держать возглавляемый доктором Грисволдом отдел на голодном пайке.

— О... действительно... в конце концов...— президент расправил плечи.— Я уже собирался внимательнейшим образом обсудить высказанную вами идею. Точнее, она будет рекомендована к утверждению на ближайшем заседании правления.

— Я поддержу вас в этом,— сказала Джинни.— Далее: это дурацкое правило, ограничивающее отношения преподавателей и студентов. Мистер Матучек в недалеком будущем станет моим мужем...

Бац! Я попытался вновь обрести дыхание.

— Дорогая мисс Грейлок,— забрызгал слюной Мальзус.— Правила приличия, пристойность... у него неприличен даже внешний вид.

Я с ужасом понял, что я в суматохе каким-то образом даже потерял пальто Джинни.

Появились двое легавых, они тащили кого-то волосатого, бьющегося в их руках... Третий нес свалившуюся с шимпанзе одежду.

— Простите, мисс Грейлок.— Это было сказано чрезвычайно почтительным тоном.— Мы нашли эту потерявшуюся обезьяну и...

— Ах, да.— Джинни рассмеялась.— Нам придется вернуть ей прежний облик, но не прямо сейчас. Стив больше нуждается в этих брюках.

Я нырнул в штаны, словно змея в нору.

Джинни обернулась с ангельски сладкой улыбкой к Мальзусу: — Бедный доктор Аберкромби,— вздохнула она.— Вот что случается, когда имеешь дело со сверхъестественными силами. Полагаю, сэр, что у вас нет правил, запрещающих представителям профессорско-преподавательского состава проводить исследования?

— О, нет,— сказал президент дрожащим голосом.— Разумеется, нет. Наоборот, мы надеемся, что наши сотрудники в своих публикациях...

— Ну, конечно, полагаю, что наиболее интересные исследовательские проекты предусматривают изучение трансформации. Допускаю, что это немного опасно. Волшебство трансформации может привести к нежелательным результатам, как это случилось с доктором Аберкромби.

Джинни оперлась на свою волшебную палочку, задумчиво скользя взглядом по дерну:

— Может случится, да, есть маленькая вероятность, что в обезьяну превратитесь вы, дорогой доктор Мальзус. Или, например, в червя. В длинного скользкого червя. Но мы не позволим, чтобы эти обстоятельства препятствовали развитию науки. Не так ли?

— Что?! Но...

— Естественно,— мурлыкала ведьма,— если бы мне предоставили возможность общаться с моим женихом, так как мне хочется, то у меня не было бы времени на подобного рода исследования.

Чтобы признать поражение, Мальзусу пришлось потратить лишних пятьдесят слов. Покосившееся величие — он не сдавался до тех пор, пока над студенческим городком не погас последний отблеск фонаря.

Джинни неторопливо скользнула по мне взглядом:

— Правило не может быть официально отменено вплоть до завтрашнего утра,— шепнула она.— А тогда... ты сможешь пропустить несколько лекций?

— Ка...ак,— сказал доктор Алан Аберкромби.

Затем появился, полный негодования Свертальф, и загнал его на дерево...

13

Сейчас — короткая интермедия. Первый учебный год закончился для нас. Джинни гордилась моими сплошными пятерками по шаманистике и математическому анализу. Она помогала мне в критические моменты по колдовским языкам (Грисволд оказал мне такую же услугу по электронике). Поскольку мы решили сыграть нашу свадьбу в июне, Джинни пришлось кое-что изменить в своих учебных планах.

Думайте о бывшей высокооплачиваемой Нью-Йоркской ведьме все, что угодно, но не считайте ее наивной. Конечно, у Джинни был характер. Приобрела она и своего рода опыт. Однако, специализировалась она в тех областях Искусства, где помимо упрямой верности и чистоты характера, требуется также и невинность. Такого рода специалистки оплачиваются соответственно. Теперь моей девочке, которая соединила лед и пламень, придется сделаться всего лишь одной новобрачной. Ну и что из этого? В следующем году она приобретет необходимые знания и компенсирует свое замужество.

Мы не могли полностью скрыть от средств массовой информации нашу роль в тушении саламандры. Но Мальзус, оглушительно трубящий, что университет спас этот прекрас-

ный городок от гибели, страстно желал нашей дружбы. И с его помощью мы ухитрились сбить газетчиков с толку. Так что, скоро общественность перестала нами интересоваться.

Грисволд чуть не тронулся, получив ассигнования больше, чем он, по его мнению, заслуживал.

Заодно его возмущало, что мы получили меньше, чем заслуживали.

Это продолжалось до тех пор, пока мы не узнали, что данные ему деньги необходимы на модернизацию отделов, а данные нам всего лишь для того, чтобы гарантировать наше уединение. Кроме того, нам хотелось быть уверенными, что правило, касающееся сведений, так и останется аннулированным. И что в прочих аспектах наша жизнь в Трисмегистском окажется невыносимой.

Так что пришлось заключить с Мальзусом молчаливое соглашение о сотрудничестве. Не дать прилипнуть к нему клейму труса, а напротив, способствовать восстановлению его чувства собственного достоинства.

Вот так, быстро, и протекли зима и весна. Все было чудесно и изумительно.

Я мог бы пропустить весь этот период, но не могу удержаться от того, чтобы не остановиться на...на, по крайней мере, одном моменте.

— Нет,— сказал я партнеру и другу моей невесты.— Медовый месяц мы проведем без тебя.

Он прижал уши и возмущенно сказал:

— Фрр-мяу!

— Ты прекрасно проведешь весь месяц в этой квартире. Управляющий обещал кормить тебя каждый вечер. В то же время, когда он ставит молоко для домового. И не забывай, что если приходит домовой, ты не должен за ним охотиться. Ты делал это уже три раза подряд, когда мы с Джинни уходили обедать. После последнего случая добрый народец превратил наше мартини в сладкую воду.

Свертальф сверкнул желтыми глазами и забил по бокам хвостом. Я вообразил, что такое для кота те, кто, черт возьми, величиной с мышь и спасается бегством, словно мышь... Что ж, они должны рассчитывать, что с ними будут обходиться, словно с мышами.

— Он будет приходить сюда, чтобы стирать пыль и менять твой же песок,— напомнил я самым непреклонным голосом.— Ты можешь покидать квартиру, если тебе захочется свежего воздуха. В любую минуту бери метлу и лети в дымовую трубу. Но домовой неприкосновенен, запомни это, хвастун. И если я, вернувшись, узнаю, что ты гонялся за

ним, то превращусь в волка, и ты будешь отсиживаться на дереве, понял?

Свертальф дернул хвостом в мою сторону, а затем поставил его вертикально.

В комнату вошла Вирджиния Грейлок, которая несколько часов назад (не могу поверить) стала миссис Матучек. Я увидел ее: высокую, изящную, тонкую, в белом платье, увидел ее прекрасное лицо и облако рыжих волос, падающих на плечи.

Я был так ошеломлен, что воспринял ее голос, как симфонический аккомпанемент.

Ей пришлось повторить:

— Дорогой, ты абсолютно уверен, что мы не можем взять его с собой? Это такое испытание для его нервов!

Я очухался достаточно, чтобы ответить:

— Его нервы сделаны из оружейной стали. Это прекрасно, что он хочет спать с нами в одной постели... Когда мы вернемся, допускаю, что это разумно... Но неразумно, если весь мой медовый месяц на моем животе будут находиться пятнадцать фунтов веса черного колдовского кота. Кроме того, что еще хуже, он предпочитает твой живот...

Джинни залилась румянцем:

— Будет непривычно и странно, если я, после стольких лет, останусь без него. Он мой близкий друг. Если он обещал вести себя хорошо...

Свертальф, успевший забраться на стул, терся об ее бедро и мурлыкал. Мне в голову пришла неплохая мысль. И все же я опустил поднятую было ногу.

— Он не способен вести себя хорошо. И он не нужен тебе. Мы же собираемся забыть обо всем на свете, забыть о делах, так ведь? Я не буду штудировать никаких текстов, не стану навещать моих товарищей-оборотней. Мы даже не посетим семейство койотов-оборотней из Акапулько, тех, которые приглашали нас. Ты не собираешься ни заниматься колдовством, ни посещать шабаши. Мы с тобой будем вдвоем, и я не хочу, чтобы твоя мохнатая штучка...— я моментально осекся.

Но Джинни ничего не заметила. Она лишь вздохнула, и, кивнув, начала гладить спину коту.

— Хорошо, дорогой,— сказала она, и будто в ней щелчком возродилось былое.— Решил напялить семейные кольсоны? Наслаждайся, покуда сможешь.

— Намерен это делать всегда,— похвастался я.

Она вздернула голову:

— Всегда? — Потом поспешно добавила.— Нам пора отправляться. Все упаковано.

— Давай, супруга,— согласился я.

Она показала мне язык.

Я погладил Свертальфа:

— До свидания, дурачок. Надеюсь, ты не в обиде?

Он легонько куснул мою руку и заявил, что не согласен.

Джинни крепко обняла его, затем схватила меня за руку и торопливо повлекла к двери.

Дом, в который нам предстояло потом вернуться, находился вблизи Трисмегиста. Наша квартира была на третьем этаже. Наша, состоявшаяся утром, свадьба была тихой и скромной. Несколько друзей в церкви, потом завтрак у кого-то из них дома. А затем мы сказали им: «До свидания». Нью-Йоркские родственники Джинни и мои — в Голливуде, были богаты. Они скинулись и подарили нам персидский ковер. Подарок нас несколько потряс, но покажите нам новобрачных, которым бы не хотелось немного роскоши.

Ковер лежал на лестничной площадке под лучами солнца, его краски пылали. На заднем конце громоздился багаж. Мы уютно уселись бок о бок на подушках из полимеризованной морской пены. Джинни прошептала слова команды. Ковер двинулся так плавно, что я не заметил, как мы поднялись в небо. Ковер не обладал той скоростью, что и спортивная модель помела, но триста драконьих сил вынесли нас из города за считанные минуты.

Под нами развертывались громадные районы Среднего Запада. Здесь и там, словно серебряные ленты, блестели реки. Мы неслись, и ни ветерка не проникало сквозь защитный экран. Джинни выскользнула из платья. Она была одета только солнцем. И теперь я понял теорию транзитного переноса. Отсутствие чего-то имеет столь же реальное значение, как и наличие.

Мы летели на юг и купались в солнечном свете. Когда наступили сумерки, мы остановились и поужинали в очаровательном ресторанчике. Нам не хотелось останавливаться в помело-отеле, и мы полетели дальше.

Ковер был мягкий, толстый, покойный. Я хотел было поднять откидной верх, но Джинни сказала, что если мы спустимся пониже, то там будет теплее. И она оказалась права.

Небо было усеяно звездами. А потом поднялась большая желтая луна, и в ее свете половина звезд исчезла. Воздух был наполнен шепотом, внизу была темная земля, и мы слышали, как поет слитный хор кузнечиков. И все, что будет потом, нас не интересовало...

14

Я точно знал, куда мы направляемся. Мой фронтовой друг, Хуан Фернандец, нашел хорошее применение приобретенным в армии знаниям. Он служил в секции пропаганды и создал там немало превосходных сценариев. Теперь он готовил уже не посылаемые на врага кошмары, а сонные серии.

Передачи пользовались популярностью, и заказчики хорошо платили Хуану. По сути, все любили Хуана, если не считать психоаналитиков. Теперь, когда научные исследования привели к созданию эффективной противомагийной техники, психоанализ устарел. Хуан в прошлом году соорудил в стране своих предков дачный домик. Домик был выстроен почти на самом побережье Соноры — это одно из наиболее красивых мест Мидгарда.

Фернандец пригласил меня сюда на этот месяц, и мы с Джинни запланировали на этот срок нашу свадьбу.

В полдень следующего дня мы пошли на посадку. К западу, голубым и белым огнем, играл калифорнийский залив. Продолженная прибоем широкая полоса песчаного пляжа, и громоздящиеся ярус за ярусом утесы, и, наконец, вся разворачивающаяся к востоку страна — сухая, застывшая, внушающая страх. А вознесенный над спадающим к берегу склоном домик был окружен зеленью.

Джинни захлопала в ладоши:

— О, я никогда бы не поверила, что такое возможно.

— Вы, жители восточных штатов, не знаете, как велика страна.— Я был полон самодовольства.

Она заслонилась от слепящего солнца и указала:

— А что там такое?

Мой взгляд не мог оторваться от ее руки, я просто вспомнил. Над утесами, примерно в миле к северу от нашего домика и на несколько футов выше, громоздились полуосыпавшиеся стены, окруженные грудами камней. В северном углу хмуро встречала ветер торчащая обломанным зубом башня.

— Ла Форталеза,— сказал я.— Построена испанцами в семнадцатом веке. Какого-то дона осенила идея разбогатеть, разрабатывая этот край. Он воздвиг замок в качестве опорного пункта и резиденции. Привез жену из Испании. Но все пошло плохо, и замок вскоре оказался покинутым.

— Давай мы его обследуем.

— Хорошо, если тебе хочется.

Джинни положила руку мне на плечо:

— Стив, почему у них все пошло плохо? Что им противодействовало?

— О... ничего. Я не особенно интересовался Форталезой. Даже будучи человеком я ощущал там что-то враждебное. Однажды, приняв волчий облик, я отправился туда после наступления темноты и... это было омерзительно. Это ощущалось не столько физически, сколько... А, не будем об этом.

— Испанцы в те времена обращали туземцев в рабство,— сказала она задумчиво,— не так ли? Вообрази, сколько человеческих смертей повидал этот замок. И эти смерти оставили на нем свой след. Но это было уже давным-давно. Мы осмотрим его. Руины очень живописны, и выглядят они отсюда потрясающе. Если тебя действительно беспокоят привидения...

— Дорогая, забудем об этом! Я не подвержен суевериям!

И мы поселились в этом домике и действительно забыли об этом.

Дом был построен под монастырь — белые стены и красная черепичная крыша. Он был окружен двором, где весело играл фонтан, вокруг которого располагался сад. Зелень травы и листьев, красный, белый, пурпурный, золотой узор цветочных клумб завершал красоту дома. Мы были совершенно одни. Почва была насыщена Землей и Водой, следовательно в уходе не нуждалась. Две другие стихийные силы кондиционировали в доме воздух. Кроме того, чистота там тоже поддерживалась волшебными силами (дорогостоящее это удовольствие — заклинание чистоты).

Поскольку Джинни временно выбыла из магической деятельности, она приготовила завтрак по-мексикански из привезенных нами припасов. Она была так прелестна в шортах, купальнике и переднике с оборочками, что у меня не хватило духу вылезти с предложениями поучить ее готовить. Джинни громко крикнула от восторга, когда грязная посуда сама полетела на кухню. Она даже пошла за ней следом — вдруг какая-нибудь из тарелок захочет упасть вместо воды на пол.

— Это самая современная посудомойка, о которой я когда-либо слышала,— воскликнула Джинни.

Во второй половине дня у нас было много свободного времени, и мы отправились купаться в прибое. Когда солнце село, мы вскарабкались по желтой скале обратно. Эта скала была как лестница, ведущая в небо. Мы проголодались, и я поджарил на углях бифштексы. Мы молчали. Потом мы ушли в патио и оттуда, сидя на сбитых из досок

стульях, любовались на море и держались за руки, и звезды высыпали на небо, чтобы приветствовать нас.

— Давай, когда взойдет луна, сменим кожу на шкуру и чуть порезвимся,— предложил я.— Из тебя выйдет очаровательная волчица. Я бы, гм... ну, неважно!

Она покачала головой:

— Я не могу, Стив, дорогой.

— Ты наверняка сможешь. Конечно, понадобится пустить в ход волшебство, но...

— В том-то и дело. У тебя человеко-волчьи гены. Все, что тебе нужно для изменения — это поляризованный свет. Но для меня изменение означает большую трансформацию, и... Не знаю. Я чувствую, что не смогу этого сделать. Даже не могу сейчас вспомнить формулы. Вообще ничего не смогу вспомнить. Все, что я знала, смешалось и улетучилось даже в большей степени, чем я ожидала. Мне придется заново пройти курс обучения по самым элементарным вещам. А сейчас... меня может изменить только профессионал.

Я вздохнул. Ведь я надеялся, что мы превратимся в волков. Нельзя по-настоящему узнать мир, если пользуешься только человеческими чувствами и разумом, если не используешь ощущения, присущие зверю. А ведь Джинни, разумеется, часть этого мира... Что ж!

— О'кей,— сказал я.— Тогда позднее, когда ты вновь станешь специалистом.

— Конечно. Мне очень жаль, дорогой. Но, если хочешь пробежаться в волчьем облике сам — беги.

— Без тебя, нет

Она тихо рассмеялась:

— А вдруг у тебя появятся блохи?

Она наклонилась, чтобы укусить меня за ухо.

И тут мы услышали шаги.

Я вскочил на ноги. То, что я бормотал при этом, особым гостеприимством не отличалось. Под бархатным небом, по змеей уходящей в глубь страны тропинке, к нам приближалась какая-то тень.

«Что за черт,— подумал я.— Кто-то из расположенной отсюда в десяти милях деревни? Но...»

Когда я человек, мой нос очень нечуток по моим же волчьим стандартам, но запах, который я вдруг уловил, мне не понравился. Не то чтобы это был неприятный запах. Наоборот, от его острого аромата полускрытое сумерками лицо Джинни сделалось еще прекраснее. И все же что-то во мне противилось.

Я шагнул навстречу входившему в наше патио незнакомцу. Он был среднего для мексиканца роста, то есть, ниже меня. Он двигался так грациозно, что производил шума меньше, чем струйка дыма, и я подумал: «Не ягуар ли оборотень он?» Его гибкое тело было облачено в безукоризненно белый костюм. Сверху — темная накидка, лицо затемнено широкополой шляпой. Затем пришелец снял шляпу и поклонился, лицо его оказалось в луче падающего из окна света.

Я никогда еще не встречал такого красивого мужчину. Высокие скулы, греческий нос, заостренный подбородок, широко расставленные с зеленоватым оттенком глаза, в которых прыгали золотые искры. Кожа белее кожи моей жены, и гладкие, светлые, пепельного оттенка волосы. Я усомнился: мексиканец ли он. Скорее последний представитель некогда существовавшей, а теперь начисто забытой расы.

— Буэнос ночес, сеньор,— грубовато сказал я.— Пардон, перопо хабламос эспаньол.— Это было не совсем правда, но мне не хотелось разводить вежливую болтовню.

Я не мог сказать, был ли ответивший мне голос тенором или контральто, но, в любом случае, в нем звучала музыка:

— Поверьте мне, добрый сэр, я владею всеми, которые мне могут понадобиться, языками. Молю простить меня, но увидев издали, что дом освещен, я взял на себя смелость предположить, что вернулся его хозяин. И я решил навестить его, дабы по-соседски поприветствовать.

Выговор был столь же архаичен, как и построение фраз. Гласные, например, звучали по-шведски, хотя в предложениях отсутствовал присущий шведскому ритм. Сейчас, однако, я был удивлен сказанными словами:

— По-соседски?

— Обстоятельства сложились так, что мы — я и моя сестра — живем в том древнем замке.

— Что? Но... — я остановился.

Фернандец не упоминал ни о чем подобном, но с другой стороны, он и сам не был здесь уже много месяцев. Он купил несколько акров у мексиканского правительства, которому принадлежали и Форталеза, и окружающие земли.

— Вы приобрели этот замок?

— Несколько комнат замка обеспечили нам вполне комфортабельное существование, сэр,— уклонился он.— Мое скромное имя — Амарис Маледикто.

Его рот так четко очерчен, что было трудно заметить, как полные губы искривились в улыбке. Если бы не запах, бьющий мне в ноздри, я был бы окончательно покорен.

— Вы и ваша леди являетесь гостями синьора Фернандеца? Добро пожаловать.

— Мы временно поселились в этом доме,— Джинни говорила как-то по-детски, задыхаясь.

Я бросил на нее украдкой взгляд и в желтом, падающем из окна свете, увидел, что глаза ее блестят, и что она пристально смотрит ему в глаза:

— Нас.. Нас зовут Вирджиния... Стивен и Вирджиния Матучек.

С каким-то холодным недоумением я подумал, что новобрачным почему-то кажется, что если они теперь именуются «миссис», то это должно производить впечатление. «Миссис такая-то...», и с этой уверенности их не сдвинешь.

— Это очень мило с вашей стороны, что вы навестили нас... Пешком в такую даль. Ваша сестра, она тоже придет?

— Нет,— сказал Маледикто.— И, честно говоря, ей было бы неприятно ваше общество, весьма вероятно, что ее уязвило бы зрелище такой красоты, как ваша. Ваша красота породила бы у нее тоску и зависть.

Ночь была наполнена ароматами цветов. Над головой, над вершинами острых утесов, сверкали звезды, внизу шумело, окутанное туманом, громадное море. И как ни странно, речь Маледикто не казалась ни дерзкой, ни надуманной. В его словах не было ничего, кроме абсолютной правды. В полусумраке, сгустившемся на патио, я увидел, что Джинни залилась румянцем. Она отвела глаза от глаз Маледикто. Ее ресницы затрепетали, словно птичьи крылья, и она смущенно ответила:

— Вы так добры. Не хотите ли присесть?

Он снова поклонился и мягко опустился на стул, перелившись, словно вода.

Я дернул Джинни за рукав, подтолкнул ее к дому и зашипел с яростью:

— О чем ты думаешь? Теперь мы не избавимся от этого типа на протяжении часа!

Она, не обращая ни малейшего внимания на сказанное, стряхнула мою руку с таким гневным жестом, которого я не помнил со времен нашей последней ссоры.

— Не выпьете ли немного коньяка, синьор Маледикто? — спросила она, улыбнувшись ему своей лучезарной улыбкой.— Я принесу. А может быть, хотите сигару? У Стива — «Префектос».

Я сидел, пока она суетилась внутри дома. Какое-то мгновение я был слишком разъярен, чтобы выговорить хоть слово, но заговорил Маледикто:

— Очаровательная девушка, сэр. В высшей степени восхитительное создание.

— Она моя жена,— взорвался я.— Мы приехали сюда, чтобы в одиночестве провести наш медовый месяц...

— О, прошу вас, не подозревайте меня,— его довольный смех смешался, казалось, с бормотанием моря.

Он сидел в тени, и я мог разглядеть только неясные, расплывчатые очертания — черное и белое.

— Я все понимаю, и не осмеливаюсь испытывать ваше терпение. Не исключено, что позже, когда вы познакомитесь с моей сестрой, вам доставит удовольствие...

— Я не играю в бридж.

— Бридж? А, верно, вспомнил. Это новая карточная игра,— он изобразил рукой гипнотический знак отрицания.— Нет, сэр, мы ни других, ни себя не должны заставлять делать то, чего они не хотят. Например, мы не можем прийти с визитом туда, где существует некто, желающий, пусть даже и невысказанно, нашего появления.

Кроме того, как смог бы человек, поселившийся в таком жилище, как наше, узнать что-либо, кроме того, что у него появились соседи? И теперь я не в силах ответить на вежливое приглашение вашей леди неблагодарным отказом. Не беспокойтесь, сэр, мой визит продлится очень недолго.

Что ж, как всегда, вежливость смягчает гнев. Маледикто мне по-прежнему не нравился, но теперь я мог анализировать свои мотивы, и моя враждебность по отношению к нему уменьшилась. Ярость превратилась в какое-то громадное неприятное чувство третьего лишнего. Что-то, исходящее от него, возможно, его духи, заставляли меня желать Джинни более, чем когда-либо прежде.

Но ярость вновь вспыхнула, когда принесшая коньяк Джинни начала вертеться вокруг него. Она щебетала слишком громко и слишком много смеялась, и, наконец, приняла настойчиво зазывать его к нам завтра обедать.

Я угрюмо прислушивался к их беседе. Он говорил гладко, вкрадчиво, остроумно, но ни разу не ответил прямо на касающиеся лично его вопросы. Я сидел и репетировал, что я выскажу, когда он уберется.

Наконец он поднялся:

— Не смею больше задерживать вас. Кроме того, дорога на Форталезу проходит по скалам, а я знаком с ней недостаточно хорошо. Так что, для того, чтобы не сбиться с пути, придется идти немедленно.

— Но это может быть опасно.— Джинни повернулась ко мне.— Ты должен проводить его до дома.

— Не осмелюсь позволить себе доставить вам подобное затруднение,— возразил Маледикто.

— Это минимум того, что мы можем для вас сделать. Я настаиваю, Амарис. Это не займет у тебя много времени, Стив. Ты говорил, что тебе хочется пробежаться в лунном свете, и, глянь — луна почти поднялась.

— О'кей, о'кей! — гаркнул я так нелюбезно, как только возможно.

Действительно, на обратном пути я смогу превратиться в волка и несколько сбить свою злость. Если же я попытаюсь с нею спорить, прямо сейчас, и выскажу все, что чувствую, наша вторая часть ночи будет... Это будет скорее не ссора, а Армагедон.

— Пойдемте.

Он поцеловал ей руку. Она попрощалась таким нежным, таким дрожащим голосом, словно влюбленная первый раз школьница.

У него был фонарик. Он бросал маленькую прыгающую лужицу света, выхватывая из сгущающейся перед нами темноты то камни, то кучно растущие побеги полыни. Лунное зарево над восточным кряжем разгоралось все ярче. Я почувствовал, как звенели мои нервы. Какое-то время мы напскось поднимались по склону. Тишину нарушало лишь поскрипывание наших туфель.

— Вы не побеспокоились взять с собой светильник, сэр,— сказал наконец Маледикто.

Я хмыкнул. С какой стати говорить ему о колдовском зрении. Я также ничего не сказал ему о том, что я волк-оборотень, которому, чтобы переменить обличье, не нужно иметь фонарик.

— Итак, вам придется взять мой,— продолжал он,— в противном случае обратный путь может оказаться чрезвычайно опасным.

Я знал это. Обычный человек был бы как слепой на этой тропе — даже при ярком лунном свете. Тропа почти стерлась, разглядеть ее было трудно, и все вокруг сделалось искривленным и заполнилось тенями. Если человек потеряет голову, он будет бродить, сбившись с пути, до самого рассвета, или, скорее всего, свалится в пропасть и разобьет себе череп.

— Я зайду за вами завтра вечером.— Маледикто удовлетворенно вздохнул.— Ах, сэр, ваше прибытие сюда — это такое редкое счастье. Новобрачные так сильно переполнены любовью, а Сибелита томилась, пылая, столь же долго, как и Амарис.

— Ваша сестра? — спросил я.

— Да. Не хотите ли, если вас не затруднит, встретиться с ней этой ночной порой?

— Нет.

Снова воцарилась тишина. Мы спустились в окруженное утесом ущелье. Там было темно как в желудке. Я уже не видел ничего, кроме тусклого отблеска воды, а вверху лунного сияния. В свете холодных и очень далеких звезд, я рассмотрел утесы, что возвышаются надо мной. Утесы походили на клыки. Казалось, что мы с Маледикто — последние, оставшиеся в живых.

Он остановился. Его фонарик вдруг потух.

— Доброй ночи, синьор Матучек,— крикнул он. Его смех звенел, и в нем звучали одновременно зло и красота.

— Что? — Сбитый с толку, я заморгал, всматриваясь в мрак. Тьма сомкнулась вокруг меня.— Что вы имеете в виду, черт побери?? Мы еще не дошли до замка!

— Нет. Отправляйтесь туда, если вы того хотите... и если сможете.

Я услышал как он отправился по тропинке обратно. Камешки под его ногами уже не хрустели. Шаги были мягкие, быстрые, словно прыжки зверя. Он направлялся обратно к нашему дому.

Мгновение я стоял, словно вылитая из свинца статуя. Я слышал малейшее движение воздуха, шорох полыни. Слышал океан. Затем грохот сердца заглушил все другие звуки.

— Д Ж И Н Н И! — завизжал я и кинулся вслед за ним. Ноги соскользнули со скалы, я упал, разбив до крови руки. Шатаясь, поднялся. Отвесные утесы и обрывы швырнули обратно мои проклятья. Спотыкаясь, я спустился вниз по откосу, продираясь сквозь кустарники и кактусы. Я споткнулся обо что-то, снова упал. На этот раз я ударился головой о булыжник. Удар не был серьезным, но боль пронзила все тело, в глазах взорвались огни, и минуты две-три я лежал без сознания.

15

И тогда я почувствовал в ночи чье-то присутствие. И сквозь безнадежность одиночества, что струилось отовсюду и захлестывало мою душу, я различил натянутую струной надежду.

Мой пристальный взгляд скользнул по переходящему в пропасть откосу. За пропастью тускло мерцало море. Рассудок мой большей частью вернулся. Маледикто искусно убрал меня со сцены. Вероятно, и убил бы, не будь моей

тренировки, не принадлежи я к особому виду Гомо Сапиенс. Этого он не предполагал. У меня было в запасе чуть больше, чем он догадывался. Например, колдовское зрение.

Я пробормотал формулу и почувствовал, как сетчатка глаза изменилась. Теперь я мог видеть на мили. Разумеется, то что я видел, было нечетким, расплывшимся. Человеческий глаз не может должным образом сфокусироваться в лучах инфракрасного света. Но я начал узнавать местность. Я приблизительно определил путь и помчался к дому.

Было жутко. Я бежал слишком медленно, а Маледикто передвигался с недоступной для человека скоростью.

Над холмами поднималась луна. Было почти полнолуние. Изменение произошло раньше, чем я осознал, что хочу этого. Я не стал останавливаться, чтобы раздеться, на ходу сорвал с себя одежду и понес ее в пасти. Побывавшая в волчьих челюстях, она тут же превратилась в лохмотья. Остались лишь шорты, но тогда мне такое не приходило в голову.

Глаза волка не позволяли мне видеть так далеко. Но обоняние вело меня по утоптанной траве, по собственному следу.

Вдруг до меня долетела и поразила мысль врага. Мысль более ужасная, чем любая боль:

...УСПЕХ В МОИХ РУКАХ, С ТРЕТЬЕЙ ПОПЫТКИ... ОБА, ОН МЕРТВ, А ОНА СОВРАЩЕНА. РАСКАЯНИЕ ОБ ЭТОМ СЛОМИТ ЕЕ... УГРОЗА, КОТОРУЮ МОЖНО БЫЛО ПРЕДВИДЕТЬ В НИХ, КАК В ПРИБЛИЖАЮЩЕМСЯ ГРОЗОВОМ ОБЛАКЕ, ОТВЕДЕНА... НАКОНЕЦ-ТО БЕЗОПАСНОСТЬ...

Маледикто не смог бы так воздействовать на нее сам, во всяком случае, не так сильно... Не мог бы сломить ее любовь, гордость, порядочность... Нет, мою девочку вынудил так действовать сам Искуситель...

Я не знал, какое задумано зло. Но, как вспышка, мгновенно, я увидел ее наедине с Маледикто, и это сожгло и затмило все остальное: боль, слабость, здравый смысл, даже на какое-то время, память о глумящемся наблюдателе. Я заревел от ярости и отчаяния, вскочил и побежал.

Мной овладело безумие берсеркера. Я не осознавал, что делаю. Несомненно, и это было предусмотрено. Я должен был упасть со скалы и разбиться насмерть. Но полузвериные инстинкты и рефлексы охраняли меня. Думаю, что это было именно так. Внезапно я ощутил, что вымотался. Мне пришлось остановиться. Эта вынужденная пауза дала воз-

можность рассудку справиться с эмоциями. Я огляделся и не обнаружил ни замка, ни нашего дома.

Затем нашел тропу и впитал еще один запах. Теперь я знал, что скрывается за непонятным благоуханием Маледикто.

Демон.

Мне не встречался прежде точно такой же запах, но моему волчьему мозгу было интересно, к какому роду принадлежит демон. В узком моем черепе оставалось пространство лишь для ненависти и спешки.

В поле зрения появился наш домик. Я прыгнул к патио. Никого не было. Выходящее на море окно спальни было открыто навстречу лунному свету... Он держал ее в своих объятиях. Она еще сопротивлялась, отталкивала его. Но глаза ее были закрыты. Она слабела.

— Нет...— шептала Джинни.— Нет. Помогите, не надо Амарис, Амарис...— ее руки качнулись к его горлу и соскользнули на шею.

Она притянула его лицо. Обнявшись, они качнулись вниз. Мрак окутал спальню.

Я коротко взвыл и вонзил в него зубы. На вкус его кровь не была похожа на человеческую. Она была, как вино, и теперь она горела и пела во мне. Я не посмел укусить его снова. Еще один такой глоток, и я, наверное, лягу, как собака у его ног и буду просить приласкать меня.

Я пожелал превратиться в человека.

Трансформация заняла не больше времени, чем понадобилось ему, чтобы отпустить Джинни и повернуться ко мне. Хоть он и был удивлен, но рычать мне в ответ не стал. В зыбком лунном свете вырисовывалось его волшебное лицо, в глазах горели золотые искры. Он смеялся.

Добавив вес своего тела, я направил кулак в его лицо. Гладкая, медленная плоть человека! Ей ли вступать в битву с быстрой, как ртуть, жизнью, порожденной воздухом и Тьмой? Резким, точно вспышка, движением Маледикто отскочил. Его просто не было на прежнем месте. Я врезался в стену и упал. Надо мной звучал его смех.

— Разве сия хныкающая тварь достойна обладать такой милой девицей, как ты? Молви хоть одно слово, Вирджиния, и я пинками загоню его в собачью конуру.

— Стив...— она съежилась, вжалась в угол. Она не кинулась ко мне.

Я перекатился, вскочил на ноги. Маледикто ухмыльнулся. Обхватив Джинни за талию, привлек к себе. Она задрожала, пытаясь оттолкнуть его. Он поцеловал ее, она пре-

рывисто вскрикнула. И снова жест сопротивления превратился в жест любви. Маледикто толкнул меня свободной рукой, и я тяжело упал. Он поставил ногу мне на голову, надавил.

— У меня нет большого желания ломать тебе кости,— сказал он.— Но, если ты не будешь настолько вежлив, чтобы уступить желанию леди...

— Желанию?! — Джинни вырвалась из его рук.— Силы небесные! — Вопила она.— Изыди!

Маледикто рассмеялся:

— Если моя жертва призывает святое имя вполне искренне, я должен исчезнуть,— его голос походил на журчание.— Тем не менее, я, как видишь, остался здесь. То, что сокрыто глубоко внутри тебя, томится желанием ко мне, Вирджиния!

Она схватила вазу и запустила в него. Он ловко поймал ее, грохнул об меня, и направился к окну.

— Айе,— сказал он.— Сейчас чары рассеялись. Но не бойся. Когда наступит более благоприятный час, я вернусь...

Мгновение, и он перепрыгнул через подоконник. Я пополз следом. Белое патио залило лунным светом. Пусто.

Я сел, поднял голову. Рядом опустилась на пол Джинни. Медленно текли минуты. Наконец я встал, включил свет. Нашел себе сигареты и тяжело сел на кровать. Возле моих колен распростерлась ничком Джинни. Я не стал даже касаться ее.

— Кто это был? — спросил я.

— Инкуб *.

Ее голова была опущена, я видел лишь рассыпавшиеся по ее спине рыжие волосы.

Пока нас не было, она надела свою самую парадную ночную рубашку. Для кого?

Ее голос был тихим и слабым:

— Он, должно быть, обитает в развалинах. Поселился в замке вместе с испанцами. Возможно, он — виновник постигшей их неудачи.

Я втянул дым в легкие.

— Почему он не появился раньше? — спросил я громко и глупо.— Ах да, конечно, у него очень ограниченные возможности действия. Фамильное проклятье. Он не мог выйти за пределы владения того старого дома. А с тех пор, после наступления темноты, здесь никто не появлялся.

— До тех пор, пока мы...— продолжала она шепотом.

---

* Инкубы, Суккубы — демоны разврата — соответственно мужского и женского пола.

— А Хуан со своей женой были здесь лишь оказиями.— Я неистово дымил.— Ты же ведьма. У тебя есть информация. Все, что я знаю, Инкуб — демон эротики. Скажи, почему он никогда не беспокоил Фернандеца?

Она снова начала плакать, будто у нее кончилась всякая надежда. Мне подумалось, что это отчаяние вызвано также и тем, что она потеряла свою ведьмовскую силу. Она уже не была волшебницей. Мне все было ясно.

— Потому что святые символы защищают тех, кто действительно хочет защиты. Думаю, тут он сказал правду. Хуан и его жена добрые католики. Они не появятся здесь, не развесив на каждой стене по распятию. Ни у нее, ни у него — не возникает желания изменить друг другу...

Она подняла лицо. Выражение его было диким:

— Ты думаешь, что я...

— О, не сознательно. Если бы мы догадались сразу же по прибытии развесить кресты. Если бы мы сотворили от чистого сердца молитву, мы тоже были бы в безопасности. Никогда нельзя знать заранее, будешь ли ты окружен инкубами. Но наши головы были слишком заняты, а сейчас — поздно. Полагаю, что подсознательно ты забавлялась идейкой, что маленький отход от неукоснительной моногамии — это было бы не так уж и плохо...

— Стив! — Она с трудом поднялась на ноги.— В наш медовый месяц! Как ты мог сказать такое!

— Смог...— я затушил сигарету. Жаль, что не в лицо Маледикто.— А как иначе ему удалось опутать тебя своими чарами?

— И ты, Стив... Стив, я люблю тебя. Только тебя!

— Что ж, будет лучше, если ты сядешь на ковер и дашь полные обороты. Лети в Гуймас — это ближайший город, достаточно крупный, чтобы его полиция экзарциста* тебе помогла. Расскажи там все и попроси помощи, потому что, если я помню что-то из демонологии, раз ты попала под влияние инкуба, он последует за тобой куда угодно.

— Но ничего не было! — Она закричала так, как будто я ее ударил.

Что ж, в определенном смысле это и был удар.

— Да... Не хватило времени. В этот раз. Конечно, обладай своей колдовской силой, ты могла бы изгнать любого демона с помощью чисто светского Искусства. Но сейчас у тебя этой силы нет. Пока ты не пройдешь курс повторного обучения — каждый час, когда ты находишься вне Церкви, тебя должен охранять экзарцист, если только не...— я встал.

* Экзарцист — священник по изгнанию бесов.

— Что? — близкая к безумию, она вцепилась в меня ледяными пальцами.

Я стряхнул ее. Я был слеп от ярости. Мое мужское достоинство было уязвлено вдвойне. Маледикто отлупил меня в драке и чуть было не соблазнил мою жену.

— Стив! Что ты задумал?!

— Что я могу сам избавиться от него.

— Не можешь! Ты не колдун, а он — демон!

— А я волк-оборотень. Может быть это достаточно уравняет наши шансы.

Шаркая, я протащился в ванную и перебинтовал там руку. Раны, впрочем, были поверхностные. А вот суставы пальцев распухли.

Джинни попыталась помочь, но я показал ей на дверь. Я понимаю, что я тогда был неправ. Но уж слишком распирала меня боль и ярость. Я только смутно понимал, что должен отправиться в Форталезу, куда, по-видимому, вернулся Маледикто. Став волком, я буду так же силен и быстр, как и он. Разумеется, кусаться я не осмелюсь. Но, если представится случай превратиться в человека, использую приемы рукопашного боя, которым меня обучали в армии...

План был абсолютно безнадежен, но меня подстрекал мой собственный демон. Джинни все поняла. Ее колдовские способности частично вернулись к ней. А может, это у нее было врожденное. Безжалостное сияние огня Святого Эльма высвечивало ее абсолютно белое лицо. Она дрожала и судорожно глотала слюну.

Но вот она кивнула:

— Если иначе не можешь, то мы пойдем вместе.

— Нет! — Рык клокотал в моем горле.— Отправляйся в Гуйамас, говорю тебе! Мало мне из-за тебя бед? Оставь меня одного. А потом я решу, хочу ли я, чтобы ты вернулась ко мне обратно!

Какое-то мгновение она пристально смотрела на меня. Пусть никогда я больше не увижу подобного взгляда. Потом она исчезла.

Я вышел из патио и превратился в волка. В воздухе висел запах демона. Я пошел по этому запаху. Путь вел в гору...

16

Земля была залита ослепительным лунным светом. Нос чуял запахи пыли, шалфея, кактусов, осоки и бурых водорослей. Уши слышали ультразвуковой писк летучих мышей,

панический топоток американского зайца. Мое естество больше не корчилось в муке. В волчьем черепе вмещаются лишь простые мысли жаждущего убивать плотоядного зверя. Я как бы переродился. Известно, что некоторые психиатры добивались хороших результатов, временно превращая своих пациентов в животных.

Какое-то время спустя на фоне луны обрисовались изъеденные временем очертания сторожевой башни. Каждым своим нервом готовый к атаке, я вошел в то, что когда-то было воротами. Я стоял посередине пустого двора. Песок, наносимый сюда в течение столетий, сорняки, пробившиеся между плитами. Здесь и там валялись отколовшиеся камни облицовки. Ближе к центру громоздилась груда обломков, тут когда-то стояло здание. Ниже — отверстия погребов. Я осмотрел их, вернее, небрежно заглянул туда — неглубоко, но там логовища никуба я не обнаружил.

Я завыл, бросая вызов противнику.

Кто-то мгновенно повернулся у двери, ведущей в башню. Одетый во все белое, он шагнул вперед. Я тут же отпрыгнул. Мелькнула дикая мысль: если первым же укусом я порву ему шейную вену, то тогда я наглотаюсь этой пьянящей, как вино, крови. Но он уже будет мертв.

Смех, бегущий на маленьких и легких ножках. Девушка вновь шагнула вперед.

Неправдоподобно белая, на фоне черных заплесневелых стен, она стояла под водопадом льющегося сверху лунного света.

— Добрый вечер, прекрасный юноша. Я не смела надеяться на такое счастье.

Исходящий от нее аромат проник в мои легкие, в мои жилы... Я зарычал. Рык превратился в поскуливание. Я завизжал. Я завилял обрубком хвоста. Она подошла ко мне, почесала у меня за ушами. Я лизнул ее руку. Вкус был ошеломляющий. Где-то, как в грохочущей громами пустыне, родилась мысль: сейчас мне ни к чему оставаться волком. Тело пронизал ток изменения. Я стал человеком.

Она была такого же роста, что и Амарис, и такая же красивая. То же самое странное лицо с заостренным подбородком. И флюоресцирующие под лунным светом глаза. Облаком, ниже талии, падали пепельные волосы, и одета она была в платье, сотканное, очевидно, скародными на паутину пауками. Платье облегало ее фигуру, которая... Ладно, не буду и пытаться описать ее фигуру. Думаю, секрет наполовину объяснялся движениями девушки.

— Сибелита, я полагаю...— удалось мне выдавить.

— А ты, суть, Стивен,— узкая изящная рука упала на мою руку и осталась там.— Ах, добро пожаловать!

Я облизал губы:

— Э-э... Ваш брат дома?

Она подвинулась ко мне:

— Какое это имет значение?

— Я... э-э...— идиотская мысль: невежливо объяснять женщине, какое у тебя дело к ее брату, если хочешь убить его.— Послушайте,— выпалил я,— вы и он... вы должны оставить нас в покое.

Сибелита мягко улыбнулась:

— Ах, твоя печаль — это моя печаль, Стивен. И кроме того, неужели в душе не отыщется жалости к нам? Известно ли тебе, в чем на самом деле заключаются вечные муки? Быть созданием, в котором существуют, не смешиваясь, первичные стихии — Огонь Вожделения, Воздух Порыва, Вода Изменчивости и Темное Могущество Земли... И, имея такое естество, быть обреченной красться подобно крысе в этих руинах, и выть в пустое небо... И голод, голод в течение трех лет. Если ты погибаешь от истощения, а двое прохожих разостлали те малые крохи, которые они без труда могут тебе уделить?

Я пробормотал что-то насчет ложности аналогий.

— В этом нет зла,— молила она, и подвинулась еще ближе. Ее руки легли мне на плечи, грудь легко коснулась моей груди.— И нет в этом злого умысла. Это — необходимость, Стивен. Вы, смертные, тоже не безупречны. Ни один демон не осмелится приблизиться к вам, будь вы святыми, у которых не бывает нечистых мыслей. Нас влечет к тем, кто схож с нами самими.

— А... да...— мне нечем было дышать.— Тут две стороны вопроса... Я хотел сказать, одна сторона, да...

Сибелита рассмеялась снова.

— Не надо, прекрасный юноша! Вот я стою в лунном свете, обнимая обнаженного, самого прекрасного в мире мужчину...

— О, Господи! — Я вспомнил, что все мое обмундирование — лишь нижнее белье. Поскольку она не отпрянула, восклицание, должно быть, не было воспринято, как молитва.

— ...Способного рассуждать на материалистические темы! Нет, вы переполнены любовью и щедры! — Сибелита отпорхнула в сторону.— У меня не должно быть перед тобой преимущества. В подлинной дружбе не должно быть преимущества. Пусть мы будем в одинаковом состоянии...

Она щелкнула пальцами и платье исчезло. Не то, чтобы

это что-то сильно изменило, разве что морально. Но мораль тогда как-то казалась не относящейся к делу.

— А теперь иди ко мне, дорогой мой. Мой волк, мой первый в жизни «лоупгароу»... Не надо бы тратить так много времени на женщину, но я предчувствую так много нового, такое счастье. Иди ко мне!

Она снова бросилась мне на грудь.

Не могу сказать точно, что заставило меня ответить на ее поцелуй. Это было так, будто вокруг закружил окрашенный розовым вихрь.

— Каким-то образом мне удалось собрать остатки своей воли:

— Нет! У меня есть жена! В смехе Сибелиты послышались неприятные нотки: — Ха-ха! Как полагаешь, чем изволит быть занятым Амарис с того момента, как ты оставил свою девку одну?

Я издал какой-то короткий, полувизгливый звук.

— Это уже прошло,— мурлыкала Сибелита,— и что сделано, то сделано. Не порицай свою жену. Она всего лишь смертная. Можешь ли ты возвыситься над своим состоянием смертного?

Передо мной на минуту мелькнуло видение Ада. Затем, едва сознавая, что происходит, я резко привлек Сибелиту к себе. Целуя, я легонько укусил ее губу и почувствовал вкус демонской крови.

— Пойдем...— напевала она.— Мой любимый, отнеси меня в башню.

Я поднял ее и пошел через двор.

— Стив! — крик Джинни воткнулся в меня, словно нож.

Я выронил свою ношу. Сибелита шлепнулась на землю своим прекрасным задом и выпалила несколько весьма неприличных слов. Я изумленно уставился на Джинни. Она лежала, свесившись, на парившем над разрушенными воротами персидском ковре. Рыжие волосы ниспадали в беспорядке на голые колени. И хотя я знал, что она для меня потеряна (ибо ее отнял Амарис и прежнего между нами уже никогда не будет) мне стало ясно: кроме Джинни мне никого не нужно.

Сибелита поднялась. Она была совсем белая в лунном свете. Я более не желал ее. Пошла она к черту!

Она презрительно усмехнулась Джинни, повернулась к ней спиной и раскрыла мне свои объятия, сказав:

— Защищайся!

Я превратился в волка.

Сибелита уклонилась от моего выпада. Я снова услышал

донесшийся, будто из другого мира, крик Джинни. Все мое внимание было привлечено к инкубу. Тело Сибеллиты задрожало, посерело, и она тоже превратилась в волка. Она бесстыдно улыбнулась мне. Аромат самки ударил меня, словно дубиной.

Я не дал ей времени на попытку и вцепился ей в глотку. Мы покатились, сплелись в драке. Она была сильна, подвижна, упорна, но не тренирована в тонкостях рукопашного боя оборотней. Я, превращаясь в зверя, все равно владею приемами дзю-до. Я подныряул под ее челюсти и сомкнул зубы там, где намеревался.

Кровь дьявола была сладка и отвратительна на вкус. Теперь она уже не могла возбудить мои желания. Слишком сильна была овладевшая мною любовь к жене. И ненависть к существу, с которым я сражался. И, если бы вы предпочитали современную терминологию, в моих железах накопилось достаточно темтостерона и адреналина, чтобы подавить все остальные, содержащиеся в ней гормоны. Я убил ее.

В последний миг я услышал, но не с помощью слуха, пронзительный вопль демона.

Грязный дух! Я почувствовал, не нервами, как взвихрилось пространство, когда демон пытался сопротивляться изменению преднигеровской математической формулы и формы функции, вылетая в породивший его нижний континуум, и оставляя в этом мире лишь массу обмена.

Быстро и безжалостно действовали мои клыки. Тело погибло, и не обладающий душой демон исчез.

Я лег возле трупа волчицы. Я задыхался. Тело страшно корчилось. Менялась последовательность: волчица, женщина, мужчина, хвостатый и рогатый сатанопд.

Когда исчезли последние связующие силы, она задымилась и превратилась в клуб пара.

Медленно, шаг за шагом, возвращался мой, изодранный в клочья разум. Я лежал на коленях моей дорогой Джинни. Наверху дружелюбно мерцали звезды, и на нас лился прохладный лунный свет, и замок был не чем иным, как грудой камней.

Я снова превратился в человека и обнял ее.

— Все хорошо, любимая,— выдохнул я.— Все хорошо. Я прикончил ее. Теперь я убью Амариса.

— Что?! — ее мокрое лицо оторвалось от моей груди, коснулось моих губ.— Разве ты не знаешь? Ты же убил!

— А?

— Ну да. Мои познания частично вернулись ко мне... после твоего ухода,— она прерывисто вздохнула.— Инкубы

и сукубы — это одно и тоже. Они меняют свой пол, когда это требуется. Амарис и эта шлюха — одно и то же.

— Ты хочешь сказать, она не... он не...— я испустил вопль, который наверняка зарегистрировал сейсмограф в Байя-Калифорнии.

Этот вопль — самая благодарственная молитва, которую я когда-либо возносил Богу.

Не то чтобы я не был готов простить свою любимую. Я ведь на себе испытал мощь демона. Но когда я узнал, что прощать-то ее не за что, у меня словно гора с плеч свалилась.

— Стив! — воскликнула Джинни.— Я тоже люблю тебя, но у меня не железные ребра...

Я вскочил на ноги.

— Мы прошли через это,— сам себе не веря, шептал я.— Мы действительно прошли через это. Мы действительно выиграли.

— О чем ты? — спросила она. Спросила по-прежнему робко, но глаза ее уже сияли светом.

— Что ж,— сказал я,— думаю, что мы получили хороший урок смирения. Теперь мы знаем собственное подсознание куда лучше, чем знает его обычный человек.

Мгновенный озноб пронзил меня. Я подумал, что никогда обычный человек не оказался бы так близко к гибели, как мы. На вторую ночь свадьбы! Но и сами по себе мы могли бы оказаться на краю гибели. Нам противостояло нечто большее, чем притязание мелкого демона. Не случайно мы оказались в его логовище. Кто-то хотел нас уничтожить.

Теперь я полагаю, что Сила, желающая погубить нас, тогда еще лишь наблюдала. Она не могла сама нанести удар. Никого, кто бы смог попытаться снова совратить нас, поблизости не было. И во всяком случае мы были здорово настроены против таких целей. Враг не мог вновь использовать глубоко кроющиеся в нас ревность и подозрение. И не мог натравить нас друг на друга. И от подозрений и ревности мы были свободны, как никто никогда из смертных. Мы очистились от них.

Но враг был терпелив и хитер, он выволок наружу все еще оставшееся в нас зло... И освободимся ли мы от тоски и боли? Или он не оставит нас в покое?

Не знаю. Но знаю, что внезапно мне открылись великолепные ночи, и что меня захлестнула, не оставившая места ни для чего другого, волна любви к Джинни. А когда много дней спустя мне вспомнилось то, что произошло на высившемся над морем утесе, это воспоминание было таким же

смутным, как и все предыдущее, и я отделался от него, решив небрежно и в шутку: забавно, что получил по башке, я всегда вижу одну и ту же галлюцинацию.

— В итоге, любимая, я узнал, как велика твоя тревога за меня. Ты последовала сюда за мной, не зная, что может произойти... Когда я сказал, чтобы ты спасалась.

Она потерлась взъерошенной головой о мое плечо:

— И я узнала то же самое, Стив. Я рада.

Мы ступили на ковер.

— Домой, Джеймс,— сказал я.

И когда Джеймс взмыл в воздух, помолчав, добавил:

— Подозреваю, что ты смертельно устала.

— Ну, не особенно. Я еще слишком взвинчена... Нет, черт возьми, слишком счастлива...

Она сжала мне руку:

— Но ты, любимый мой, бедный мой...

— Я чувствую себя прекрасно,— ухмыльнулся я.— Завтра можем встать поздно. Выспимся.

— Мистер Матучек, о чем вы думаете?

— О том же, о чем и вы, миссис Матучек. Догадываюсь (в лучах луны плохо было видно), что она залилась румянцем.

— Понимаю, очень хорошо, сэр. Все вышло так, как мы это и предвидели...

17

Мы вернулись домой. На лето устроились на работу, и уволились, когда осенью вновь начались занятия. Ничего особенно серьезного, но, например, когда Джинни забеременела, нам пришлось продать ковер. За эти два года семейной жизни, с нами не происходило ничего захватывающего, когда мы оставались наедине.

А потом сиделка подвела меня к кровати, на которой лежала моя любимая. Ее всегда великолепного цвета лицо было сейчас белым от вынесенных страданий. Волосы огненным пламенем разбросаны по подушке, и хотя на глаза не опускались веки, никогда они еще не сияли таким ярким зеленым светом.

Я наклонился, поцеловал ее так нежно, как только мог.

— Эй, ты...— прошептала она.

— Как ты себя чувствуешь? — единственное, что пришло мне в голову.

— Прекрасно.— Она рассмеялась, а потом принялась меня рассматривать.— Но ты выглядишь так, будто вся эта чушь имеет под собой основания.

Действительно, многие акушеры, когда рождается ребенок, укладывают отца в постель. Но наш врач последовал наиболее распространенному мнению, что максимум симпатической помощи жене я оказываю, когда хожу в приемной. За последние месяцы я с таким остервенением учил все относящееся к этому вопросу, что стал чуть ли не специалистом. Первые роды для такой высокой и тонкой женщины, как Джинни, должны были быть трудными. Она восприняла это со своим обычным хладнокровием. В предсказании обратила внимание только на то место, где руны указывали пол ребенка, ибо только зная его, мы не опростоволосимся с выбором имени.

— Как тебе понравилась наша дочь? — спросила она.

— Она великолепна.

— Лжец,— она тихо рассмеялась,— еще не было на свете мужчины, не ужаснувшегося, когда ему сказали, что теперь он должен именоваться отцом сморщенного комка красной плоти,— ее рука потянулась к моей.— Но она еще станет красивой, Стив. Она такая беспомощная. Для нас она самая прекрасная на свете.

Я сказал себе, что не стоит орать прямо здесь, где в палате полно матерей.

Спасла меня своим вскриком нянька:

— Я думаю, вам лучше пока оставить вашу жену в покое, мистер Матучек. И доктор Акман предпочел бы, чтобы свидание закончилось. Ему пора идти домой.

Он ждал меня в помещении записи новорожденных. Я вошел, звуконепроницаемая дверь захлопнулась, и нянька запечатала ее, оттиснув на воске Звезду Давида. Это была современная больница, здесь принимались все меры предосторожности.

Томас Акман был седой, угловатый человек шести футов росту. Он напоминал скалу. У него были свободные манеры. Было видно, что он несколько устал. Я заметил, что под украшенным знаками Зодиака халатом медика на нем были одеты белые парусиновые брюки и рубашка без галстука. Это не считая амулета, конечно.

Мы пожали руки друг другу.

— Все идет хорошо,— заверил он.— Получены результаты лабораторных анализов. Как вы понимаете, поскольку в роду матери не было человеко-зверей, ваши дети не станут прирожденными волками-оборотнями. Но, так как девочка унаследовала от вас комплекс рецессивных генов, она будет легко поддаваться заклинаниям трансформации. Это — определенное преимущество, особенно, если она, подобно матери,

изберет профессию волшебницы. Но это не означает, что не должны быть приняты некоторые предосторожности. По сравнению с другими, она будет более подвержена сверхъестественным влияниям.

Я кивнул. Мы с Джинни наверняка неподобающе часто принимали участие во всех нежелательных для нас приключениях.

— Выдайте ее замуж за подходящего человека,— пошутил Акман,— и ваши внуки будут волками-оборотнями.

— Если она окажется похожей на мою старуху,— сказал я,— то, Боже, помоги тому бедняге, которого мы заставим на ней жениться.— Я говорил это, чувствуя себя полнейшим идиотом.— Послушайте, доктор, мы оба устали. Давайте оформим документы новорожденной и покончим с этим...

— Согласен,— он сел за стол.

На пергаменте уже были написаны имена родителей, дата рождения и официальный порядковый номер, под которым ребенок числился среди других новорожденных.

— Как вы решили ее назвать?

— Валерия!

— Что ж, я предполагал, что ваша жена выберет что-то вроде этого. Ее идея, не так ли? А второе имя?

— Э-э... Мэри. Мое решение. В честь моей матери,— я понял, что снова бормочу чушь.

— Хорошая мысль. Если ей не понравится причудливое «Валерия», будет называть себя вторым именем. Хотя подозреваю, что ей понравится.

Он сунул пергамент в машинку, впечатал оставшиеся сведения. Вздохнув, передал документ мне (при этом просыпал на него пепел из пепельницы) и очень торжественно сложил пополам первичное свидетельство с отпечатками пальцев моей дочери.

— А подлинное имя?

— Викторикс.

— А?

— Это имя всегда нравилось Джинни...

Валерия Викторикс. Последний римский легион в Британии. Последняя противостоявшая Хаосу сила, как сказала Джинни в одну из тех редких минут, когда была совершенно серьезна.

Акман пожал плечами:

— Ну, не думаю, чтобы девочка когда-нибудь назвала себя так.

— Надеюсь, не назовет никогда.

— Это произвело бы нехорошее впечатление,— согласился он.— Но не волнуйтесь. Мне пришлось видеть слишком много молодых мужей, потрясенных крайними из возможных и отрицательных последствий. А ведь на самом деле подлинное имя — не что иное, как разумная предосторожность. Нечто вроде прививки.

— Знаю. У моих родителей появилась эта мысль при моем рождении... не то, чтобы кто-то злоумышленно, против обычного мирного гражданина... Но вы сами убедитесь, что жизнь моя была беспокойной и часто подвергалась опасностям. Поэтому насущно необходимо было принять какие-то меры. Впрочем, эти меры не всегда надежны. Медицинская наука — одна из немногих областей, где, допускаю, существует подлинный прогресс.

Акман окунул орлиное перо в сделанные из дубового галла чернила:

— Во имя птицы, олицетворяющей твою родину, и дерева молнии,— он возвысил голос,— под их и Божьей защитой, дитя сего дня, да будет твое подлинное имя, известное на всей Земле лишь твоим родителям, твоему врачу и тебе самой, когда ты достигнешь совершеннолетия — Викторикс. И пусть оно принесет тебе добрую славу и счастье. И носи его, пока не истекут отведенные тебе годы... Амен!

Он вписал имя, присыпал доставленным из Галлилеи песком, и снова встал:

— Этот документ я зарегистрирую лично,— и, зевнув,— о'кей, это все.

Мы повторно пожали друг другу руки.

— Сожалею, что вам пришлось принимать младенца в такой неурочный час.

— Мы, врачи, ко всему готовы,— ответил он. Сон его оставил. Он пристально взглянул на меня.— Кроме того, я ожидал этого...

— А?

— Я уже слышал кое-что о вас и о вашей семье. И кое-что выяснил самостоятельно. Погадал на рунах. Возможно, вы этого не знали, но ребенок был зачат во время зимнего солнцестояния. И совершенно не говоря уже об обычной наследственности, результаты гадания показывают еще что-то. Не могу понять, что. Но я был совершенно уверен, что она родится именно в эту ночь, потому что в эту ночь — Великое полнолуние. Я буду наблюдать ее с неослабевающим интересом, мистер Матучек. И советую вам особо оберегать вашу дочь. А теперь — доброй ночи...

18

В последние три года ничего примечательного у нас не было. Вернее, так бы, возможно, подумали вы. Но ведь вы как-то отличаетесь от нас. А что касается нас, то это было время, когда перед нами открылся весь мир. И одновременно — дрогнула земля под ногами.

Начну с того, что мы не ожидали рождения Валерии. Позднее мы выяснили, что Свертальф вновь принялся гоняться за домовым. В отместку Добрый народец превратил противозачаточные таблетки Джинни в аспирин. Много позже мне подумалось, не крылось ли за этой случайностью нечто большее. Ведущие нас Силы ставят нас в положения, служащие Их целям...

Сперва Джинни намеревалась жить и далее соответственно нашим первоначальным планам. Хотя бы, когда наша маленькая подрастет, чтобы на день ее можно было оставлять под присмотром приходящей няни. И она получила в Аркане степень доктора философии. Ей предложили великолепную работу. Но поскольку в нашей семье появилась дочь, и от этого никуда не денешься, эмансипацию мамы пришлось отложить. Мы не могли доверить Валерию какой-то наемной неряхе! Пока не могли. Ни тогда, когда она впервые научилась улыбаться, ни тогда, когда она начала ползать, ни когда звуки, напоминающие булькание и птичий щебет, превратились в настоящий смех... Позже, позже.

Я не протестовал. Был совершенно со всем согласен. Но это означало подчиниться — временно, если не навсегда, следующему: ловко устроившись, молодая чета, имевшая жирный доход (нас двое), поселившаяся в очаровательном месте и занимающаяся чем-то отвратительным. У меня появилось было намерение возобновить голливудскую карьеру, но я изумился бы, пожелай Джинни выслушать хоть слово об этой идее.

— А ты вообрази на полсекунды.— заявила она,— что мне бы захотелось стать заурядной актрисой. Сыграть в «Серебряном вожде и девушке», когда бы из меня вышел чертовски хороший инженер?!

Лично я не думал, что все, сыгранное мною в кино, так уж плохо, но в целом ответ ее меня утихомирил.

Не станет же новоиспеченный бакалавр заниматься сложными исследовательскими проблемами. Особенно, если он старше остальных выпускников. Мне пришлось начать с более простого. К счастью (как мы тогда подумали), работа оказалась неожиданно хорошей.

«Корпорация предсказаний Источник Норн *» — была одной из тех появившихся в последнем буме компаний, которые взяли на себя обслуживание бизнеса Информации и так далее. Первоначально маленькая, она разрасталась по экспоненциальной кривой. Помимо производства занималась исследованиями. И, в конце концов, туда был приглашен и я.

Это было не просто восхитительно, но и означало первый (и неплохой) шаг на пути профессиональной деятельности, к цели. Кроме того, просвященная администрация подстрекала нас к дальнейшему приобретению знаний. Жалованье было хорошим. И вскоре мой босс, Барни Стурласон, стал моим другом.

Главный недостаток заключался в том, что нам пришлось остаться в этом во всех отношениях скучном городе. Но мы арендовали за городом комфортабельный дом, это утешало. И мы оба обладали друг другом, и у нас была маленькая Валерия. Это были хорошие годы. Точнее — в них не было ничего из ряда вон выходящего.

Вы совершенно правы, если считаете все это малозначительным. Полагаю, что человека всегда привлекало то, где таится гибель. И будет привлекать впредь. Однако, иные времена заставляют вспомнить древнее китайское ругательство: «Чтобы тебе пришлось жить в интересное время!»

Ни Джинни, ни я не поддались на пропагандистскую болтовню, что коль скоро злой и безнравственный Халифат разгромлен, впереди вечное торжество мира и счастья. Мы знали, что вечно, наоборот, наследие, оставленное человечеству войнами. Кроме того, мы знали, что этот конфликт был не столько причиной, сколько симптомом навалившегося на мир недомогания. Не будь христианский мир расколот, враг не смог бы захватить большую часть восточного полушария и Соединенных Штатов. По существу, Халифат был не чем иным, как секуляризованным оружием мусульманской еретической секты. Среди наших союзников было немало верующих в Аллаха.

Разумным казалось ожидать, однако, что теперь человечество осмыслит полученный им урок и отставит в сторону религиозные распри, приступит к перестройке и восстановлению. В частности, мы надеялись, что будет окончательно дискредитирована и захиреет Церковь Иоаннитов.

Правда, ее приверженцы тоже сражались с Халифатом. Правда и то, что они сыграли ведущую роль в движении Сопротивления на оккупированных территориях. Но они

* Норны — у древних скандинавов — Боги Судьбы.

бросили вызов старым убеждениям и верованиям. Всему, на чем основывается западное общество. Так кто же в первую очередь раскалывает и ослабляет нашу цивилизацию?! И не они ли подали пример поднимающей голову идеологии Халифата, не они ли подтолкнули взрыв безумия на Среднем Востоке?

Теперь я лучше знаю, насколько следует ожидать от человечества разумных действий.

Вопреки всеобщему убеждению, угроза появилась отнюдь не внезапно. Некоторые предупреждали о ней с самого начала. Они указывали, что иоанниты сделались доминирующей силой в политике уже нескольких стран, и что эти страны тут же начали относиться к нам не особенно дружелюбно. И что, несмотря на это, иоанниты постепенно обращают в свою веру всю Америку.

Но мы их, в общем-то, не слушали. Мы были слишком заняты восстановлением причиненных войной разрушений. Мы решили, что те, кто трубит тревогу — реакционеры и мечтающие дорваться до власти тираны (не исключено, что среди них были и такие). Теология иоаннитов, возможно, идиотская, говорили мы, но разве первая поправка не гарантирует свободу проповеди и вероучений? Вероятно, из-за нее, из-за иоаннитов у петристских церквей* появились определенные трудности, но разве это не их собственная проблема?

Действительно, в наш научный век говорить об опасности, исходящей от религиозно-философской системы, якобы искусно повсюду распространяемой, системы, подчеркивающей свое стремление к миру почти так же неуклонно, как квакеры, системы, превозносящей заповедь любви к ближнему своему превыше всего прочего... Но, пожалуй, насквозь, светское общество и наша, опутанная ритуалами, вера лишь выигрывает, восприняв кое-что из того, что проповедуют иоанниты.

Движение и его влияние разрастались. Каким-то образом соблюдающие порядок демонстрации все чаще и чаще стали превращаться в свирепые бунты. Не санкционированные профсоюзами забастовки, выдвигавшие все менее осмысленные требования, сделались всеобщим явлением. Агитация парализовывала один студенческий город за другим. И человек за человеком начинали умно толковать, что не-

---

* Большинство христианских церквей базируется на вероучении, восходящем к Петру и Павлу.

обходимо сломать безнадежно коррумпированный порядок, и на его развалинах построить Рай Любви.

И мы, то есть большинство народа, то великовесное большинство, которое не желает ничего, кроме того, чтобы их оставили в покое и дали возможность возделывать персональные садики. Все удивляюсь, как это страна сразу, буквально за одну ночь, покатилась к гибели?

Брат, это случилось не в одну ночь. Даже не в одну Вальпургиеву ночь...

19

В тот июльский день я вернулся домой рано. Наша окруженная стеной улица была тихой и спокойной. Повсюду — старинные огни Святого Эльма. Дома и газоны купались в солнечном свете. Я заметил несколько моих соседок, летящих верхом на метлах. В седельных сумках у них — покупки из бакалейной лавки и, привязанные к детским сиденьям, один-два ребенка. Этот способ передвижения был наиболее популярен среди молодежи нашего округа. Его предпочитали хорошенькие молодые жены. Кстати, в теплую погоду они надевали только шорты и лифчики. Залитая солнцем сцена не улучшила моего плохого настроения.

Меня переполнял гнев. Я только что выбрался из разыгравшейся около завода заварухи. А здесь было тихо. Показалась моя крыша. Там, под ней,— Джинни и Валерия. Мы с Барни выработали план, как справиться с начавшимися вчера вечером неприятностями. Я даже развеселился, представив наши дальнейшие действия. И между тем, я дома.

Я влетел в открытый гараж, спешился и повесил свой «шеви» рядом с «фольксбесом» Джинни. Когда я вышел из гаража, направляясь к парадной двери, что-то, будто пушечное ядро, просвистев в воздухе, ударило меня в грудь. Я крепко обнял дочку. Вьющиеся желтые волосы, громадные голубые глаза.

Папа! Папа!

Не потомок, а произведение искусства!

На ней был костюм херувима, и мне пришлось вести себя осторожно, чтобы не помять крылья.

Прежде, когда она летала, принимались меры предосторожности: привязывали к столбу плюс присмотр Джинни. Каким образом ей удалось освободиться?

О! Сделав разворот на помеле, из-за угла вылетел Свертальф. Спина изогнута, хвост трубой, он ругался. Очевидно, Джинни доверила ему присматривать.

Несомненно, он вполне мог проследить за ребенком. Не выпуская его со двора, он должен был оберегать ее от всяких неприятностей... пока она не увидела, что пришел папа.

— О'кей.— Я рассмеялся.— Хватит. Давай войдем в дом и скажем «Ау-у» маме.

— На свинке?

В прошлую осень, на день рождения Валерии, я наскреб денег на дорогостоящее колдовство. Превращала меня Джинни. До того, играя с ребенком, я превращался в волка, а вот прокатиться на толстой, украшенной цветочками свинье?.. Вся местная ребятня до сих пор обсуждала этот случай.

— Извини, нет,— пришлось ответить мне.— С такими летными качествами тебе бы следовало обратиться в Военно-воздушные силы,— и я схватил ее, пронзительно визжащую, и понес за лодыжки, а пока нес, пел: «В небе птенчик маленький, в небо вверх тормашками»...

В комнате, выйдя из подсобного помещения одновременно с нами, появилась Джинни. Загляпув ей за спину, я понял, почему ей пришлось передоверить присмотр за полетами: вал стирки. Трехгодовалый ребенок пачкает массу одежды, а мы не могли позволить себе пользоваться услугами фабрики самоочистки.

Джинни пришлось одушевлять каждую одежду по отдельности, а потом проверять, не пожелали ли они связаться узлом во время намыливания и прополаскивания, и носиться вокруг нее, пока она самовысушивалась, и так далее. И поскольку такого рода представления неотразимо привлекательны для любого ребенка, она вынуждена была отправить Валерию куда-нибудь в другое место.

И тем не менее, не безрассудно ли доверять опеку дитя своему приятелю? До сих пор она занималась стиркой, пока Валерия спала. Свертальф уже неоднократно доказывал, что он заслуживает полного доверия. Но, несмотря на все сидящие в нем сверхъестественные силы, он оставался большим черным котом. Всего лишь. Следовательно, на него нельзя было слишком полагаться в скучных повседневных делах. Но потом я подумал:

«Какого черта! С тех пор, как Джинни перестала быть практикующей ведьмой, у бедного зверюги не так уж много развлечений. Он даже не может погоняться за другим котом, потому что никто из соседских не осмеливается драться с ним. Это поручение он, вероятно, воспринял с радостью. Джинни, как всегда, знает что делает и...»

— И я, идиот, попусту торчу здесь, теряя время,— сказал я, загребая ее в объятия.

— Что такое идиот? — спросила с поля Валерия. И, поразмыслив над этой проблемой, сказала.— Папа хороший идиот...

Свертальф глянул на нас скептически и завертел хвостом.

Рядом с Джинни я немного расслабился. Она пропустила сквозь пальцы мои волосы.

— Р-р,— пробормотала она.— Чем вызвано такое поведение, тигр?

— Сегодня можешь называть меня тигром,— сказал я, чувствуя себя все более счастливым с каждой минутой.

Джинни кинула на меня хитрый взгляд:

— Хорошо, котенок...

— Ну, подожди немного...

Она пожала плечами. Рыжие локоны качнулись:

— Если ты уж так настаиваешь, неудачливый похититель женщин...

Валерия строго посмотрела на нас и сказала: «Когда вы штукаетесь головами, убирайте их, чтобы не было больно»...

В этом была своя логика. Пока мы извлекали херувима из его одежды, времени объясняться не было. Потом наш потомок, перевернув вверх дном все в гостиной, устроился смотреть по хрустальному шару мультипликации. Наконец я оказался на кухне, наблюдая за Джинни, как она начинает готовить ужин. Появилась возможность побеседовать.

— Почему ты вернулся домой так рано? — спросила она.

— Как тебе понравится, если сегодня вечером мы попытаемся возродить кое-что из былого?

— Что именно?

— «Матучек и Грейлок»... Нет — «Матучек и Матучек-Странный Сигнал Тревоги». Патент взят компанией «Чертова Нелепица».

— Что случилось, Стив?

— Увидишь в передаче по шару. Наступают новые времена. Они уже не просто пикетируют, они пошли дальше. Они блокируют все входы. Нашим служащим пришлось выбираться через верхние окна. В них швыряли камнями.

Джинни была удивлена и возмущена. Но сохранила хладнокровие, которое выказывала миру за пределами этого дома.

— Вы вызвали полицию?

— Конечно, вызвали. Я ведь вместе с Барни слушал передачу, в которой Робертс излагал свои мысли, что ветераны еще могут быть в чем-то полезны. Что ж, если мы так хотим, полиция может оказать нам помощь. Демонстранты вторглись в чужие владения. Окна разбиты, стены заклеены непотребными лозунгами... и так далее. С точки зрения закона, наш случай вполне очевиден, но... От хлопот избавлена только оппозиция.

Хлопоты для нас, и столько, сколько угодно. Они будут сопротивляться любой попытке рассеять демонстрацию. Помнишь Нью-Йорский скандал в прошлом месяце? Многие из этих типов тоже студенты. Вообрази заголовки: «Жестокая полиция выступает против Идеалистических настроений молодежи», «Нападение на Мирную демонстрацию», «Полиция пустила в ход дубинки и Колдовство»... Пойми, вот ведь в чем самое дерьмо.

Предприятия, связанные с «Источником Норн», производят снаряжение для армии и полиции. Такое, как флюоресцирующие колдовские опознавательные метки или глаз василиска. Контракт обязывает нас вести исследования в этом направлении, но полиция и вооруженные силы служат истеблишменту. Истеблишмент — есть зло. Поэтому «Источник Норн» следует уничтожить.

Начальник полиции сказал нам, что официальное вмешательство с целью пресечь вторжение будет означать кровопролитие. А тогда вероятны волнения на Марлин-авеню... Бог знает, куда это может завести. Он попросил оставить работу до конца недели. Может, тогда гроза нас минует. Мы, вероятно, сделали бы это в любом случае. Некоторые наши служащие уже сказали инспекторам, что боятся вернуться обратно. Так вот обстоят дела...

В глазах Джинни искрами сверкнула с трудом сдерживаемая ярость.

— Если вы уступите,— сказала она,— они перейдут к следующему номеру своей программы.

— Ты все поняла верно. Мы все это понимаем. А вот как насчет мученичества? Священники поапнитов готовы провести еще одну хапжескую церемонию, посвященную невинно пролитой крови. Крови, во всем подобной крови Агнца. В стране полно исполненных благих намерений простаков, которые задумаются, а не сбились ли они, действительно, с пути петристской церкви, если общество, которое на них основывается, использует насилие против членов Церкви Любви. Кроме того, давай, дорогая, смотреть в лицо фак-

там. Против гражданского неповиновения насилие еще никогда не помогало...

— Ты вспомни, как бывает после того, как заговорят пулеметы.

— Да, конечно. Но кому захочется убеждать правительство, что последняя надежда — кровопролитие? Да скорее я сам стану иоаннитом. Итог: «Источник Норн» не может просить полицию, чтобы та очистила его владения.

Джинни резко повернула ко мне голову:

— Не похоже, чтобы тебя это особенно печалило...

Я рассмеялся:

— Нет, мы с Барни поразмыслили некоторое время над этой проблемой и кое-что придумали. Я сейчас действительно, в определенном смысле, доволен. В последнее время жизнь наша стала слишком скучной. Вот я и спрашиваю, не хочешь ли ты принять участие в одной забаве?

— Сегодня вечером?

— Да. И чем раньше, тем лучше. Подробности я тебе расскажу, когда наша юная надежда уляжется спать.

Появившаяся было улыбка Джинни увяла:

— Боюсь, что не смогу так быстро найти няньку для присмотра за ней. На этой неделе в школе выпускные экзамены.

— А если не найдешь, тогда как насчет Свертальфа? Там твой приятель тебе не понадобится. А здесь он способен делать элементарные вещи: может нести охрану, а если у нее разболится животик, то он сбегает к соседям и разбудит их всех...

— Она может проснуться и захочет нас увидеть,— возразила Джинни, хотя и не очень твердо.

Возражение я опроверг, напомнив, что мы, когда Валерии вроде бы стали сниться кошмары, купили ей охранитель сна. Маленький деревянный солдатик, с мушкетом наизготовку, стоял возле ее кровати, готовый прогнать из сна все страшное. Я не особенно верил приборам, призванным возмещать родительскую любовь, и вообще родителей, но они помогали.

Джинни согласилась. Я увидел, что в ней ключом бьет энергия. Хотя она и приняла на время роль домашней хозяйки, но чистокровную скаковую лошадь не заставишь до бескопечности тащить плуг...

Вот таким образом мы сделали первый на нашем пути шаг в Ад...

20

Ночь была безлунной, звезды скрывала легкая дымка. Мы собирались недолго.

И она, и я надели черные свитера и брюки. Мы летели, выключив фары и пользуясь колдовским зрением. Это было хотя и противозаконно, но зато безопасно. Летели над городом, где созвездиями светились окна и уличные фонари. Наконец, помело пошло вниз. В этом районе расположились промышленные предприятия. Здесь было еще темнее, еще более пусто, чем обычно в эти часы. Возле магазинов и пакгаузов я не видел практически ни одного мерцавшего здесь крохотного голубоватого огонька. Добрый пародец всегда пользовался предоставленной ночью возможностью, пока вокруг нет людей, заглядывать, удивляясь и восхищаясь, в окна. Сегодня что-то спугнуло их.

Испугавшее их происходило на земле «Источника». В воздухе билось тревожное, яркое, словно пламя рассвета, зарево. Когда мы приблизились, утихший было ветер вновь усилился и донес до нас запах плоти, пота и ладана, отдающего кислотой и электрической энергией сверхъестественного. Волосы встали дыбом у меня на хребте. Импульс был так силен, что мне пришлось приложить все усилия, чтобы не превратиться в волка-оборотня.

Вокруг главного здания собралась огромная толпа. От сада, где в теплую погоду завтракали наши рабочие, ничего не осталось, кроме грязи и сигаретных окурков. Я прикинул: здесь собралось около пятисот человек. Свободного места не осталось, и приземлиться было невозможно. В целом толпа оставалась на месте, но движение отдельных тел создавало бескопечную рябь. Волнами катились слитные звуки голосов и шарканье ног.

У гаража было более свободно. Здесь и там виднелись люди, собравшиеся перекусить или выспаться, забравшись в спальные мешки. Они сохраняли почтительное расстояние от установленного в дальнем конце сада переносного алтаря. Время от времени кто-то из них преклонял колени и кланялся алтарю.

Я протяжно присвистнул:

— Эта штука появилась уже после моего ухода.

Рука Джинни еще теснее сомкнулась вокруг моего запястья.

Службу вел поаппитский священник. С высоты мы не могли ошибиться, увидев его белую мантию и молитвенную позу, в которой он мог оставаться часами. Руки широко

раскинуты, точно у орла крылья. Мы услышали печальное высокое песнопение. Позади алтаря поблескивал высокий Т-образный крест. На самом алтаре четыре талисмана — чаша, скипетр, меч и диск. Два псаломщика размахивали кадилами, в воздухе пахло сладковатым и, как ни странно, морозным дымком.

— Что он делает? — пробормотал я.

Я никогда не утруждал себя изучением обычаев новой церкви. Не то, чтобы Джинни и я были совсем уж невежественными и не знали о новых научных открытиях, доказывающих реальность Божества и всего прочего, вроде абсолютного зла, искупления и загробной жизни. Но у нас создавалось впечатление, что это лишь отрывочные сведения, и за ними скрывается что-то еще. И что Бог имеет такое множество проявлений, что они едва ли доступны ограниченному человеческому пониманию.

Так что мы смело могли именовать себя унитарианцами.

— Не знаю,— ответила Джинни. Голос ее был мрачный.— Я читала что-то насчет доктрин и обрядов, но это всего лишь вершина айсберга, и то было несколько лет тому назад. Во всяком случае нужно быть причастником... Нет, много больше — посвященным. В конце концов надо быть адептом, и лишь тогда можешь сказать, что понимаешь значение этого обряда.

Мне стало не по себе:

— Может он сбить нас?

С нарастающим беспокойством я смотрел на неровное свечение, не имеющее, казалось, источников. Свечение, на всю эту широкую, развернувшуюся передо мной сцену. Вокруг здания стояли бородные, одетые в синее полицейские. Несомненно, их коробило от летящих в их адрес язвительных замечаний.

Кроме того, в большинстве они, вероятно, принадлежали к традиционным церквям. Они уж точно были не против арестовать проповедника вероучения, утверждающего, что их собственная вера должна исчезнуть.

«Нет,— ответил я сам себе.— Не может быть. Иначе легавые тотчас же упрячут его в холодную. Может быть, сейчас он предает нас анафеме. Полагаю, что он мог бы это сделать, учитывая, что у нас свобода религии, и что человек не может указывать Богу, а может лишь просить его милости. Но вдруг он действительно творит заклинания, вызывает вредоносные колдовские силы?»

Громкий голос Джинни прервал мои размышления:

— Когда вы имеете дело с этими гностиками,— сказала

опа,— трудности в том, что неизвестно, где кончаются их молитвы, а начинаются заклинания. Идем на посадку, пока что-нибудь не случилось. Происходящее сейчас мне чем-то не нравится...

Я кивнул и направил помело к главному корпусу. Иоанниты меня не слишком-то беспокоили. Священник, в общем, тоже. Вероятно, они служили свою эзотерическую мессу лишь для того, чтобы воодушевить демонстрантов. Разве его церковь не заявляла, что она — Церковь Вселенской Любви? Может она, будучи выше всего земного, действительно не нуждается в насилии? Время Ветхого Завета, время Сына — было временем искупления. Время Евангелия от Иоанна, время Духа Святого — будет временем любви и раскрытием тайны. Не взирая ни на что...

Полиция запретила полеты в непосредственной близости от места проведения демонстрации. Исключение делалось лишь для тех, кто хотел улететь отсюда.

Иоаннизм — это общественное движение. Но лишь черни, лишь выходцы из самых низов становились иоаннитами. Для значительного большинства из них идея об отречении от этого, достойного лишь презрения, грешного материалистического мира, означала не что иное, как вошедшее в моду требование уничтожения этого мира. Искушение одним махом взлетать наверх и там попивать коктейль «Молотов» нередко оказывалось слишком сильным.

Естественно, мы с Джинни могли бы настаивать, что имеем право явиться сюда. Даже с эскортом, в случае необходимости. Но это могло бы вызвать то, чего нам хотелось избежать — взрыва. В общем, лучше всего для нас было проскользнуть сюда незамеченными. Незаметно, как для врагов, так и для друзей. Но сноровка, отличающая нашу команду, несколько поблекла. Нам следовало бы как следует собраться.

Это нам удалось. Метла, привидением скользнув по небу, влетела в гараж. Открывающая система вспомогательного оборудования вентиляции пронизывала здание от первого этажа до крыши. В обычных условиях наши работники входили и выходили через двери. Но сегодня двери были перекрыты дважды: телами оппозиционеров и установленными нами защитными полями. Чтобы снять эти поля, требовалось усилие высококвалифицированного чародея. Техпари агентства Пинкертона колдовали не так надежно, как нам бы хотелось.

Все окна первого этажа были прикрыты ставнями.

Сквозь вентиляционные отверстия донесился снизу невнятный говор, молитвенное пение.

Положив метлу, я шепнул на ухо Джинни (ее волосы щекотали мои губы и это было восхитительно), шепнул чуть слышно:

— Знаешь, я рад, что у них здесь появился священник. Днем они распевали народные песни.

— Бедняга ты мой любимый,— она крепко сжала мою руку.— Давай посмотрим, что там еще.

Мы заглянули в выходящее в холл и на лестницу окно. Там вызывающе горел свет. Мы прошли туда. Наши шаги в пустоте звучали слишком мрачно и громко, и мы почувствовали облегчение, когда добрались до кабинета Барни Стурласона.

Его огромная туша возвышалась над письменным столом.

— Вирджиния! — прогрохотал он.— Какая приятная неожиданность! — И, явно колеблясь,— но, э-э... опасность...

— Не заслуживает внимания, как объяснил мне Стив,— перебила Джинни.— У меня впечатление, что вы собираетесь пустить в ход превосходную магию?

— Конечно, собираемся...

Я заметил, что его некрасивое лицо перекосилось от усталости. Он настаивал, чтобы я шел домой и ждал там. В этом были свои практические резоны. Были и возражения. Например, если бы дела пошли кисло, и мы бы обнаружили, что нас атакуют, мне следовало бы превращаться в волка и держать оборону, пока в действие не вступит полиция. Барни остался у себя. В помощь ему было выделено несколько добровольцев, и он был уже не просто исследователь — он был босс.

— Стив объяснил вам, что мы задумали? — Продолжал Барни. Он мгновенно принял решение принять предложенную Джинни помощь.— Что ж, надо будет удостовериться, что не пострадало сложное и дорогостоящее оборудование. Умалчиваю уже о полностью уничтоженных приборах, но... Вы только вообразите, сколько времени и денег уйдет на то, чтобы заново настроить каждый прибор! От рудопоисковой рогульки до вечного двигателя! Я уверен, что все надлежащим образом защищено, но независимая проверка, конечно, не помешает. Потом пройдитесь возле цехов и лабораторий и поглядите, что я мог просмотреть. Там, где нужно, поставьте их на защиту.

— О'кей.— Она бывала здесь достаточно часто, чтобы знать, что где находится.— Что мне будет нужно, я возьму на складе. А если понадобится помощь, попрошу мальчиков

из отдела алхимии.— Она помолчала.— Подозреваю, что вы двое будете сейчас очень заняты.

— Да, я собираюсь дать им последний шанс убраться отсюда,— сказал Барни.— А если кто-то из них чрезмерно разъярится, то будет лучше, если рядом окажется Стив. Он — хороший телохранитель.

— А я по-прежнему полагаю, что ты сам себе хороший телохранитель,— фыркнул я.

— Несомненно, ты прав. Как всегда прав,— сказал Барни,— но не забывай о том, что нам нужно соблюдать законность. Я не владелец данного участка земли, я всего лишь владелец расположенного на нем предприятия. Мы действуем по инициативе наших работников. И после того, как дирекция согласилась поддержать наши действия, Джек Робертс весьма одобрил наш план. Кроме того, владельцы мы участка или нет, но применив против вторжения в наши владения колдовство, мы поступаем менее жестоко, чем если бы было пущено в ход огнестрельное оружие. То, что мы сделаем — это не приносящие вреда оборонные меры, направленные на защиту наших детей и нашего имущества.

— Если только мы не подвергнемся прямой опасности,— сказал я.

— А это и есть то, что мы пытаемся предотвратить,— напомнил он.— Во всяком случае, поскольку существует закон, нужно, чтобы будущей свидетельнице, которой предстоит остаться в этом здании, это было бы совершенно ясно.

Я пожал плечами и стащил с себя верхнюю одежду. Под ней был надет эластичный, без швов костюм. В нем, когда я человек, арестуют за неприличный вид, но когда я делался волком, он не стеснял движения. Лунный фонарик, словно толстый круглый амулет, уже висел на моей шее.

Джинни крепко поцеловала меня и шепнула:

— Береги себя, тигр.

У нее не было особых причин для беспокойства. У осаждающих нас не было никакого оружия, если не считать кулаков, ног, возможно, контрабандно протащенной дубинки и так далее. То есть, у них не было ничего, чего бы я мог бояться, сменив кожу на шкуру. Даже нож, пуля, клыки могли причинить мне лишь временный вред. Да и то нужны были бы особые, я бы сказал редкие, условия, вроде тех, при которых я потерял половину хвоста во время войны.

Кроме того, вероятность, что начнется драка, была очень маленькой. С какой стати оппозиционеры станут нападать на меня? Полиции бы их хватило на один зуб, а пока проворачивается затея о мученичестве, прикрыть наш завод было

бы гораздо легче. Несмотря на это, голос Джинни звучал не совсем ровно, и пока мы шли через зал, она смотрела нам вслед. Смотрела, пока мы не завернули за угол.

— Подожди секунду.— Барни открыл шкаф и извлек оттуда одеяло. Одеяло он перекинул через руку.— Если ты захочешь изменить свой облик, я наброшу его на тебя.

— С какой стати? Снаружи нет солнечного света, только огни эльфов. Этот свет не препятствует трансформации...

— После того, как появился священник, свет изменился. Для полной уверенности я использовал спектроскоп. Сейчас в нем достаточно ультрафиолета, так что у тебя могут возникнуть трудности. Это результат охранительных заклинаний — на случай нашего нападения.

— Но мы не нападем...

— Разумеется, нет. С его стороны — это демагогический прием чистейшей воды, который выставляется напоказ. Но умный прием. Фанатики и наивные детишки, входящие в эту банду, увидели, что вокруг нас установлено защитное поле, и тут же заключили, что это было необходимо. Итак, было вновь подтверждено, что «Источник Норн» — их враг.— Он покачал головой.— Поверь мне, Стив, этими демонстрантами управляет, словно марионетками, кто-то более сильный.

— Ты уверен, что священник сам установил поле?

— Да. Все их священники — маги. Вспомни, это входит в их обучение, и хотел бы я знать, чему их еще обучают в этих, никому не доступных, семинариях... Давай попытаемся поговорить с ним.

— Он проповедует? — Я был удивлен.— Высшие иерархии иоаннитов не раз заявляли, что если члены их церкви вмешиваются в политику, то они делают это исключительно как честные граждане.

— Знаю. А я — император Нортон...

— Нет, действительно,— настаивал я,— эти их темные теории... Все это чрезвычайно просто, чтобы быть правдой. То, что мы видим — это общественное волнение, недовольство людей, какие-то неопределенные изменения...

Мы вышли к главному входу. Дверь была обрамлена мозаичными стеклянными панелями. Панели, как и окна, были разбиты вдребезги, но никто не догадался заложить дыры. Наши защитные чары могли действовать беспрепятственно. Разумеется, на нас эти чары не действовали. Мы вышли на лестничную площадку, прямо к тем, кто хотел заблокировать нас в здании.

Дальше нам идти было некуда. Ведущие вниз ступеньки были плотно забиты людьми. Никто на нас пока не обра-

пцал внимания. Барин похлопал по плечу тощего бородатого юнца.

— Извините,— прогремел он с высоты своего башенного роста,— разрешите?

Он выдернул из немытой руки юнца плакат, навесил на него одеяло, и, подняв как можно выше, замахал этим импровизированным флагом. Цвет его лица был желто-зеленый.

Воздух, похожий на дуновение ветра перед штормом, прошел по толпе. Я видел лица, лица, лица... Лица рядом со мной, лица внизу, выплывающие из мрака, куда не доходил колеблющийся свет. Но, думаю, что виной было только то, что я торопился, или мое предубеждение, но создавалось жуткое впечатление, будто все лица — совершенно одинаковы. Всем приходилось слышать о длинноволосых мужчинах и коротко подстриженных женщинах, об их немытых телах и изношенной одежде.

Все это наличествовало в избытке. Естественно, я обнаружил и обязательных в таких случаях седобородых радикалов, и их прихлебателей из студенческих общежитий, и хулиганов, и тунеядцев, и вандалов, и правдоискателей, и так далее. Но было здесь много чистых и хорошо одетых, ужасно серьезных мальчиков и девочек. У всех у них — высоких, низеньких или среднего роста — был удивленный вид, как будто они внезапно обнаружили, что участвуют в пикетировании.

И у всех у них — у высоких, низеньких, средних, богатых, бедных, гетеросексуальных или гомосексуальных, в каких-то отношениях способных и тупых в других, интересующихся одними вещами и лишь скучающих, когда они сталкиваются с другими вещами, обладавших бесконечными и неповторимыми наборами своих воспоминаний, мечтаний, надежд, и у каждого свои страхи и своя любовь — у них у всех была душа.

Нет, они показались одинаковыми лишь вначале, из-за своих плакатов. Не мог бы сосчитать, на скольких, наподобие спортивных табло, указывался счет, с которым выигрывает святой Иоанн, на скольких были тексты, что-то вроде «Возлюби ближнего своего» или просто «Любовь». Впрочем, различия в текстах было мало, они повторялись и повторялись. Тексты на иных плакатах были менее дружелюбны — «Дематериализуйте материалистов!», «Фабриканты оружия, рыдайте!», «Прекратите снабжать полицию рогами дьявола!», «Убейте убийц, ненавидьте ненавидящих, уничтожайте несущих уничтожение!», «Закрыть это предприятие!»

И казалось, будто лица... нет, хуже, сам мозг этих людей сделался не чем иным, как набором плакатов, поперек которых были написаны эти лозунги.

Но поймите меня неправильно, я никогда просто не размышлял об юнцах, чувствующих настоятельную необходимость нанести удар прямо в брюхо Богу существующего порядка. Очень плохо, что большинство людей, старея и жирея, теряет интерес к подобным вещам. Истеблишмент зачастую нестерпимо самодоволен, ограничен и глуп. Его руки, которые он заламывает столь ханжески, благодаря благочестивости, слишком часто обагрены кровью.

И еще... И еще... Есть кое-что, что будет отличать наше время от грядущих Темных времен, которые продлятся, пока не возникнет новый и, вероятно, еще худший истеблишмент, который восстановит порядок. И не надувайте самих себя, что ничего подобного не случится. Свобода — прекрасная вещь, пока она не превратится во что-то иное — в свободу вламываться в чужие дома, грабить, насиловать, порабощать тех, кого вы любите. И тогда вы с восторгом встретите того, кто въедет на белом коне и начнет обещать, что перевернет и изменит вашу жизнь. И вы сами вручите ему кнут и саблю...

Поэтому наша лучшая ставка — хранить то, чем мы уже обладаем. Разве не так?

Однако, как ни печально, это создает определенные обязанности. И это — наше. Оно формирует нас. Мы можем сами не слишком хорошо сознавать это, но, наверняка, мы поймем. Это лучше, чем что-то для нас чужое и незнакомое. И если мы будем упорно трудиться, упорно думать, проявим чутье и добрую волю, мы сможем доказать это.

Вы не повторите нашу ошибку, не будете надеяться, что вашу жизнь смогут улучшить злобные и напуганные теоретики. Они лишат вас всего вашего богатства, приобретенного в муках жизненного опыта. Вы не станете слушать вещающих речей догматиков. Их предел — реформистские движения, которые чего-то там добились то ли два поколения тому назад, то ли два столетия.

Отвернись от студентов, уверяющих, что у них есть ответ на все социальные вопросы, над которыми ломали головы и разбивали вдребезги сердца такие люди, как Хаммапури, Моисей, Конфуций, Аристотель, Аверий, Платон, Томас Аквинский, Гобб, Локк, Вольтер, Джефферсон, Линкольн и тысячи других.

Но хватит об этом. Я не интеллектуал, я всего лишь пытаюсь думать самостоятельно. Мне тягостно видеть, как пол-

ные благих намерений люди делаются орудиями в руках тех немногих, чья цель — обвести нас вокруг пальца...

Они едва не задохнулись от изумления. Горловой звук вздоха быстро прекратился и перешел в рычание. Ближайший мужчина сделал один-два шага в нашу сторону.

Барни взмахнул своим флагом:

— Подождите! — воззвал он. Громоподобный бас перекрыл все остальные звуки.— Перемирие. Давайте переговорим! Приведите вашего руководителя ко мне!

— Не о чем нам говорить, ты, убийца! — завизжала усеянная прыщами девица и замахнулась на меня своим плакатом.

Я успел мельком увидеть на нем надпись: «Мир и братство». Дальше читать не стал, был слишком занят, оберегая свой череп. Кто-то начал скандировать лозунг, который быстро подхватили остальные: «Долой Диотрофеса, долой Диотрофеса, долой Диотрофеса»...

Меня охватила тревога. Хотя Диотрофес лишь едва упоминался в Третьем послании Иоанна, современные иоанниты превратили его в символ противостоящих их движению церквей (несомненно, их посвященные и адепты подразумевали под этим именем и какие-то другие объекты).

Неверующие, то есть просто бунтари (они составляли большинство иоаннитов), не беспокоились о том, чтобы разобраться в таких тонкостях дела. При них Диотрофес сделался нарицательным именем ненавистной им светской власти. Или кого угодно еще, кто стоял бы им поперек дороги. Этот призыв уже не раз гипнотизировал толпы, приводя их в крушащее все неистовство.

Защищая глаза от когтей девицы, я отобрал у нее плакат, извлек свой фонарик, но внезапно все изменилось. Зазвучал колокол. Чей-то выкрик. Низким был и звон, и выкрик, и в них звучало что-то, что перекрыло растущий гам.

— Мир! Храните любовь в ваших сердцах, дети. Успокойтесь, ибо здесь присутствует сам Святой дух!

Нападающие на меня попятились. Наше окружение раздалось. Люди начали опускаться на колени. Стон прошел по толпе, он усиливался. Это был почти оргазм, и смолк, сменившись тишиной. Подняв глаза, я увидел, что к нам приближался священник.

Он шел, держа в руке колокол, а над головой, вознесшийся вверх, ранее стоявший за алтарем Т-образный крест. Так что вместе с ним шествовал сам, пригвожденный к кресту Тайны, Христос.

«Ничего тут нет страшного,— мелькнула дикая мысль,—

если не считать, что другие церкви назвали бы все это кощунством — придать главному символу их веры подобную форму и подействовать на него, как на какую-то метлу, с помощью антигравитационных заклинаний...»

Однако, в целом, спектакль был чрезвычайно внушительным. Это было как бы олицетворением всего гностицизма. Я всегда относился к «невыразимым тайнам» иоаннитов, как к невыразимому пустословию. Теперь я кое-что понял. Здесь было нечто большее, чем обычные сверхъестественные эманации. Я ощущал это каждым, унаследованным от волчьей ипостаси, нервом. Мне казалось, что эта сила исходила не от Всевышнего. Но тогда от кого же?

Священник остановился перед нами. Выглядел он человек человеком. Он был маленький, тощий, его мантия была ему не слишком впору. На пуговке носа криво сидели очки. Его седые волосы были такими редкими, что я едва мог понять, где начинается его тонзура (пробритая через макушку от уха до уха — полоса). Рассказывали, что такую тонзуру ввел Симеон-маг.

Сперва он повернулся к толпе:

— Разрешите мне без ненависти поговорить с этими, не знающими любви джентльменами. Возможно, это послужит торжеству добродетели.— В голосе его была какая-то странная убежденность.— Тому, кто любит, не может быть неведом Бог, ибо Бог есть любовь.

— Амен!— забормотали иоанниты.

Когда маленький священник повернулся к нам, я внезапно поверил, что он и правда всерьез принимает это замечательное изречение. От его слов не пахло ложью.

Враг хорошо знает, как использовать преданную своему делу искренность. Но теперь я относился к нему с меньшей неприязнью.

За священником обозначился человек. Он улыбнулся нам и наклонил голову:

— Добрый вечер. Я — посвященный Пятого класса, Мармидон. К вашим услугам.

— Это... э-э... ваше эклезиастское имя? — спросил Барни.

— Разумеется. Прежнее имя — есть первое, что следует оставить в этом мире, проходя через Врата Перехода. Если это вызывает у вас насмешки, то они меня не страшат, сэр.

— Нет, ничего подобного я даже не допускаю,— и Барни представился.

Потом представил меня. Этим дешевым способом он высказал наше желание наладить мирные отношения, по-

скольку и без того было легко определить, кто мы такие.

— Мы пришли, поскольку надеемся заключить соглашение.

Мармидон засветился:

— Великолепно! Изумительно! Как вы сами понимаете, я не официальный представитель. Демонстрация организована комитетом Национальной добродетели, но я буду рад оказать вам услугу.

— Беда в том,— сказал Барни,— что наши возможности в выполнении ваших основных требований весьма ограничены. Как вы понимаете, мы не против мира во всем мире и всеобщего разоружения. Но это дело международной дипломатии. Таким же образом решать, когда нужно положить конец оккупации ранее враждебных нам стран, и сколько нужно затратить средств на повышение социального благосостояния в нашей стране, должны президент и Конгресс. Амнистией для участвующих в беспорядках должны заниматься городские власти. Вводить ли в школах курс философии и истории гностицизма обязаны решать специально для этого назначенные представители правительства. Что касается всеобщего выравнивания и искоренения материализма, лицемерия и несправедливости...— Он пожал плечами.— Для этого нужно, по крайней мере, поправку в Конституции.

— Вы, однако, можете оказать немаловажное влияние на процесс достижения этих целей,— сказал Мармидон.— Например, вы можете пожертвовать определенную сумму в фонд Комитета Общественного Просвещения. Вы можете способствовать выдвижению на выборах достойных кандидатов и помочь финансировать их компанию. Вы можете разрешить прозелитам обращать в истинную веру ваших служащих. Вы можете прервать отношения с дельцами, все еще проявляющими упорство.— Он распростер руки.— И, если вы сделаете это, дети мои, вы спасетесь от вечного проклятья.

— Ну, может быть. Хотя пастор Карлслунд, из лютеранской церкви Святого Олафа, возможно, убеждал меня в обратном,— сказал Барни.

— В любом случае, перечень слишком велик, чтобы провернуть все это за один день.

— Само собой, само собой,— Мармидона затрясло, так его переполняло рвение.— Мы достигнем поставленных целей постепенно, шаг за шагом. «Но пока в вас есть свет, вы можете быть детьми света». Таков единственный результат нашей сегодняшней беседы.

— Трудности в том, что вы хотите, чтобы аннулировали

подписанные нами контракты, за которые мы уже получили аванс. Вы хотите, чтобы мы нарушили данное нами слово и подвели тех, кто нам доверяет...

Сказанное никак не подействовало на Мармидона. Он выпрямился во весь рост, твердо посмотрел на нас и отчеканил:

— Эти воины Духа Святого требуют, чтобы вы прекратили производство снаряжения для армии, несущей угнетение другим странам, и полиции, несущей угнетение нашей стране. Сейчас мы не просим вас ни о чем большем. И не согласимся ни на что меньшее. Данный вопрос — вне обсуждения.

— Понимаю. Ничего иного я от вас не ожидал. Но я хотел бы при свидетелях разъяснить вам ситуацию. Я хочу предостеречь вас.

Те, кто слышал эти слова, завертелись. Одни свистящим шепотом передавали услышанное другим. Я понял, что напряжение снова возрастает.

— Если вы используете насилие против тех, кто пришел сюда, чтобы просто выразить свой протест,— объявил Мармидон,— они либо обрушат на вас силу закона, либо окончательно убедятся, что закон есть выражение интересов крупных предпринимателей... которые, говорю вам, есть в свою очередь, порождения Сатаны.

— О, нет, нет,— ответил Барпи.— Мы пониже сортом, хотите — верьте, хотите — нет. Но вы вторглись в чужие владения. Вы помешали нашей работе как раз тогда, когда нам не хватает ни времени, ни рабочих рук. Мы обязаны выполнить вытекающие из контракта обязательства, и мы попытаемся сделать все от нас зависящее. Сейчас будет проводиться эксперимент. Он может оказаться опасным. Пожалуйста, ради вашей же безопасности, очистите территорию предприятия...

Мармидон застыл:

— Если вы задумали изгнать нас с помощью несущих смерть заклинаний...

— Ничего подобного. Я точнейшим образом расскажу вам, что мы задумали. Мы намерены испробовать новый метод транспортировки жидкостей. Прежде чем внедрить его, мы обязаны удостовериться в его безопасности. Если система не выдержит испытания, те, у кого нет защиты, могут оказаться травмированными.— Барпи возвысил голос (хотя мы знаем, что полицейские олухи и так ловят каждое слово).— Я приказываю и предупреждаю, я прошу вас. Пре-

кратите вторжение, очистите собственность компании. В вашем распоряжении полчаса.

Мы повернулись и оказались внутри здания. Ушли с их глаз раньше, чем опять поднялся шум. И пока мы шли через зал, пока не достигли благословенной тишины главной алхимической лаборатории, слышали летящие вслед проклятия, насмешки, ругательства. Слышали звериный вой иоаннитов.

В лаборатории собрались отобранные Барни из числа добровольцев с дюжину ученых, техников и рабочих. Они сидели, курили, пили сваренный на бунзоновых горелках кофе. Негромко переговаривались. Когда мы вошли, они встретили нас тихими аплодисментами. Они наблюдали стычку по видеошару.

Я поискал глазами заведующего товарными складами Айка Абрамса. Еще во время войны я знал его как хорошего парня и впоследствии предоставил ему работу на нашем предприятии.

— Все в порядке? — спросил я.

Он показал большой палец:

— Что касается меня, капитан, более чем готово. Я не могу ждать.

Мгновение я рассматривал его:

— Ты действительно готов применить ЭТО против тех людей?

У него стал такой вид, будто ему плюнули в лицо:

— А вы бы не применили, будь в моем положении?

«В твоем,— подумал я,— а также в положении множества людей, но особенно — в твоем положении, Айк. Да!»

Будучи рационалистом, я питал отвращение к иррациональной сущности гностицизма. Будь я набожным христианином, я мог бы предъявить церкви иоаннитов длинный счет. Тут и ее претензии быть преемником всех прочих церквей, и отрицание всякого права этих церквей на дальнейшее существование.

И еще в большей степени, вероятно,— эзотеризм иоаннитов, отрицающих, что бог изливает свою милость на все человечество. И рационалист, и верующий — равно могли бы протестовать против извращения церковью иоаннитов Евангелия от Иоанна, не только самой мистической, но и самой прекрасной книги Святого Писания.

Но если вы еврей, иоанниты вырывают из контекста и швыряют вам в лицо изречение, вроде: «Много есть в этом мире людей, которые не признают, что Иисус Христос явился к нам во плоти. Такой человек обманщик и антихрист».

И вы бы поняли, что возрождается древний кошмар антисемитизма.

Чуть смутившись, я обернулся к Биллу Харди, нашему Главному Парацельсу. Он сидел, покачивая ногой, на лабораторном стуле.

— Сколько вы получили вещества? — спросил я.

— Около пятидесяти галлонов,— ответил Билл.

— Ого! Без всякой алхимии?

— Абсолютно без всякой. Чистая и честная реакция Берцелиуса. Допускаю, что нам просто повезло, что у нас в запасе было много исходных градиентов.

Я содрогнулся, вспомнив ужасный пример, приведенный им, когда обсуждался план.

— Как это отзовется на Мидгарде?

— Ну, в департаменте производства... полным-полно всяких распоряжений. Например, от маслопроизводителя требуют принятия многих мер предосторожности против прогорклости. С процессом вы знакомы. Мешало то, что вы не хотели, чтобы реакция была сперва проведена в пробирке, а потом с помощью симпатических чар можно было получить сколько угодно тонн этого вещества. Правительство может попытаться взять под контроль популяцию скунсов в Западных штатах и...— он замолчал.

Вошла Джинни. Ее глаза блестели. Она держала волшебную палочку, словно меч Валькирии.

— Приступим, мальчики! — в ее голосе слышался лязг металла.

— Пойдемте.— Барни приподнял свое объемистое туловище.

Вслед за ней мы пошли к контейнерам. Это были самые обычные одногаллонные канистры, такие, в каких продается жидкая краска. Но на воске, запечатавшем винтовое горло каждой канистры, была оттиснута печать Соломона, и я подсознательно ощутил, как напряжено поле сверхъестественных сил вокруг этих посудин. Казалось невозможным, чтобы ученым удалось погрузить их на тележку и вывезти.

Вместе со мной в мой отдел вошли Айк и его команда. Наспех смонтировали аппаратуру, которая тоже не производила особо внушительного впечатления. Честно говоря, это было спаянное на скорую руку чудовище: большой, работающий на бензине электрический генератор в обрамлении катушек и пучков проводов. Для эксперимента иногда требуется больше энергии, чем способны дать заботливо экранированные силовые линии общего пользования.

Чтобы эта халтура заработала, мне пришлось снять с ге-

ператора магнитные экраны. Поэтому все, что мы сейчас имели — это куча железа. Никакими мерами и чарами в непосредственной близости от генератора не пахло. Айк, весь день пребывающий в своей стихии, взвалил на себя весь вес генератора и неуклюже потопал за мной следом. Он снова стал самим собой, протащил генератор через все залы и комнаты, и затормозил лишь поднявшись по лестнице.

Без сомнения, ему иногда хотелось, чтобы люди никогда не открывали способа воздействовать на сверхъестественные силы (влиять на них мы научились вскоре после конца Бронзового века). Он не был ортодоксом. Его вера не запрещала ему использовать колдовство. Но не был он и реформатором, либо неохаосистом. Он был пуданстом консервативного толка. То есть мог использовать предметы, приведенные в повиновение с помощью колдовства кем-то другим. Но сам порождать чары не имел права. Нужно отдать ему должное, невзирая на это, он и сам работал успешно, и пользовался уважением своих подчиненных.

Он ухитрился дотащить никак не приспособленное к переноске устройство, вместе со всем добавочным оборудованием, до гаража. На его плоской крыше уже собрались все остальные. Джинни предстояло отправить канистры по назначению именно отсюда. Канистры покачивались в воздухе там, где их могли достать создаваемые генератором искажения магнитного поля.

Мы втащили его наверх. Затем осторожно установили возле светового люка. Барни обошел машину по кругу. Из-за генератора мы не могли подняться к нашим друзьям ни с помощью метлы, ни с помощью заклинаний. Пришлось подниматься по веревочной лестнице.

— Готовы? — спросил Барни. В тусклом тревожном свете на его лице поблескивали бусинки пота. Если наша затея окончится неудачей, отвечать за непредвиденные последствия придется ему.

Я проверил все соединения:

— Ну, ничего не отошло, но дай мне сперва осмотреться.

Я подошел к стоящей у низкого парапета Джинни. Внизу мутным потоком бурлила толпа. Задирали вверх исполненные ненависти плакаты и лица. Они заметили парящие над ними контейнеры и поняли, что решающий момент близок. Склонившись над алтарем, что-то делал посвященный Мармидон. Я понял, что он усиливает поставленное им защитное поле. До меня донеслись незнакомые слова:

— ...Хелифомар, мабонсарун гоф ута эннунас сацпнос...

Молитва перекрывала угрюмое бормотанпе осаждающих. Огни эльфов вспыхнули ярче. Насыщенный энергией воздух потрескивал, кипел, пахло грозовым ветерком озона.

На губах моей любимой появилась слабая задумчивая улыбка.

— Как бы это понравилось Свертальфу,— сказала она.

Барни неуклюже подошел к нам:

— Можно начинать, и я дам им последний шанс...

Он прокричал те же предупреждения, что и прежде. В ответ раздались пронзительные вопли. В стену застучали объедки и камни.

— О'кей,— сказал Барни.— Хватит задерживать.

Я шагнул назад, к генератору, и запустил мотор. Включил ток. Генератор запел, прерывисто задрожал. Я вдохнул отвратительный дым и стало радостно. Хорошо, что мы не полагались на двигатели внутреннего сгорания. Мне приходилось видеть так называемые автомобили, они были построены около 1900 года, незадолго до полета первой метлы. Поверьте мне, помещения, где хранятся автомобили, не надо называть музеями. Гораздо точнее — «Хранилища ужасной нелепицы».

Громкий голос Джинни отвлек мое внимание. Он отправлял канистры в предназначенное для них место. Я их уже не видел. Теперь, равномерно распределенные по всей площади, они плавали в десяти футах над голфвой толпы. Джинни взмахнула волшебной палочкой. Я щелкнул главным выключателем.

Нет, чтобы очистить принадлежащую «Источнику» территорию, мы не использовали колдовство... Ток, пройдя по обмотке генератора, породил такое магнитное поле, что в радиусе ста ярдов прекратилось действие как наших, так и их чар.

Все приборы, которые могли быть повреждены, мы упрятали в помещение, обитое изнутри изолирующим материалом. Мы повторно предостерегли толпу, что проводим эксперимент с транспортировкой жидкостей, возможно, являющийся опасным. Ни один закон не мог от нас требовать, чтобы мы добавили, что эти жидкости — находящиеся под большим давлением, намеренно испорченные нами консервы. Настолько испорченные, что готовы взорваться каждую секунду. И взорвутся, когда исчезнут силы, поддерживающие защитное поле.

На самом деле мы намеренно преувеличили опасность. Мы пытались свести на нет, по крайней мере уменьшить вред, причиненный захватчиками. Ничего страшного в кон-

тейнерах не было. Может, присутствовал слабенький токсикоз в такой концентрации, что об этом и говорить не стоило. Хотя... нормальное человеческое обоняние сочло бы ее достаточной, чтобы забить тревогу.

Просто безобидная смесь таких веществ, как: бутилмеркаптан, трупные запахи и ароматы гниения... М-да, у всей этой органики великолепная проникающая способность. И если хоть несколько капель попадет на кожу человека, вонь не исчезнет в течение недели, а то и двух.

Донесся первый истошный визг. Настала минута моего торжества. Затем нахлынула волна зловония. Я забыл надеть противогаз, забыл, что даже когда я человек, мой нос все же достаточно чувствителен. Одно слабое дуновение, и я задохнулся. Меня вырвало, содержимое моего желудка разлетелось по всей крыше. Запах, в котором смешалась вонь скунса, прогорклого масла, сгнившей спаржи... Это было гниение, гибель, это были колеса Колесницы Джагернаута, вымазанные лимбургским сыром... это было выше всякого выражения. Я едва смог натянуть на себя маску.

— Бедняга, бедный Стив,— рядом стояла Джинни.

— Они убрались? — прошипел я.

— Да... вместе с полицией. А с ними, похоже, и половина квартала.

Я вздохнул с облегчением. Была в нашем плане слабая точка: оппозиционеры не разбегутся, а возжелав наших жизней, вломятся в уже незащищенные двери. Узнав на собственном опыте, что мы им устроили, я теперь не думал, что такое возможно. Свою задачу работники лаборатории выполнили лучше, чем сами надеялись.

Вряд ли нужно ожидать, что они захотят вернуться. Если тебя арестовали, или ты сложил голову за общее дело — ты герой, и твой пример вдохновляет всех прочих. Но если ты просто-напросто сделался таким, что не можешь поговорить с лучшим другом (Потому, что он не может приблизиться на расстояние слышимости), видимо, твоя борьба за общее дело закончилась неудачей...

Я схватил Джинни, прижал к себе и принялся целовать. Черт, снова забыл о противогазе! Она распутала хоботы масок.

— Мне лучше пойти, пока эта гадость не разошлась по всему городу, надо уничтожить ее,— сказала Джинни.— Выключи свою машину и заэкранируй ее.

— А-а... да,— мне пришлось согласиться.— Мы намечали, что завод возобновит работу уже утром...

То одно обнаружилось, то другое, но еще пару часов

мы были заняты. Когда закончили, Барни раздобыл несколько бутылок, и до самого рассвета мы отмечали победу. Небо в восточной стороне вспыхнуло розовым заревом, и лишь тогда мы с Джинни, шатаясь и икая, взобрались на нашу метлу.

— Домой, Джеймс.

Нас обвевал прохладный воздух, высоко над головой разворачивался купол небес.

— Знаешь что? — сказал я через плечо.— Я люблю тебя.

— Мур-р,— она дотянулась, потерлась щекой о мое плечо. Руки скользнули по моему телу.

— Бесстыжая девка,— сказал я.

— Предпочитаешь что-нибудь в другом роде?

— Ну, нет. Но могла бы и подождать немного. Я тут с тобой чувствую себя все более развратным с каждой минутой и не имею никакой возможности удовлетворить похоть...

— О, возможность есть,— пробормотала она мечтательно.— Даже на помеле. Забыл?

— Не забыл. Но черт побери, здесь, как и на других воздушных линиях, вот-вот все будет запружено. Зачем, в поисках уединения, лететь несколько миль, когда у нас рядом есть великолепная спальня?

— Верно. Твоя идея мне нравится. Всего пятнадцать минут и нам обеспечено уединение в собственном доме... Прибавь пару, Джеймс.

Метла резко ускорила полет.

Меня переполняло счастье, и мое счастье была Джинни.

Она первая почуяла признаки сверхъестественного. Я понял лишь, что ее голова оторвалась от моих лопаток, руки отпустили мою талию, ногти сквозь рубашку вонзились в тело.

— Какого Молоха!

— Тс-с! — выдохнула она.

Полет. Молчание. Легкий, но неприятный холодный ветер рассвета. Наконец она заговорила. Голос ее звучал напряженно, он был каким-то ослабевшим, растерянным:

— Уже некоторое время я чувствую что-то неладное. Возбуждение и все такое... я об этом забыла.

У меня все дрогнуло внутри, как будто я готовился к превращению в волка. Чувства и сверхчувства стали ощупывать пространство. Повседневная магия плюс кое-что полученное в армии, плюс чуточку более солидная инженерная подготовка. Но у человеко-волков есть еще и прирожденные инстинкты и знания.

Наконец я понял.

Вокруг веяло ужасом...

Помело устремилось вниз. Мы уже поняли, что ЭТО случилось в нашем доме.

Мы соскочили с метлы на газоне перед домом. Я повернул ключ, ворвался в дверь. В доме было темно.

— Вал! — закричал я.— Свертальф!

Замки не были сломаны, стекла целы. Мечи и камни, охранявшие проходы, по которым к нам могло проникнуть сверхъестественное, находились на прежнем месте.

Но стулья были опрокинуты, вазы сметены со столов и разбиты, стены, пол, ковры — вся квартира забрызгана кровью...

Мы вбежали в комнату Валерии. Когда же увидели, что малютка спокойно спит в своей кроватке, то обнялись и расплакались.

Наконец Джинни удалось заговорить:

— Где же Свертальф? Что случилось с ним?

— Я понцу! Он совершил подвиг.

— Хорошо.— Джинни вытерла глаза.

Она оглядела царящий в детской беспорядок. Взгляд ее сделался жестким.

— Почему она не проснулась? — спросила она голосом, какого я раньше никогда не слышал.

Я уже начал поиск. Свертальф нашелся на кухне. Линолеум был залит кровью. У кота переломаны кости, разорвана шкура, распорото брюхо. И все же он еще с хрипом дышал. Я не успел рассмотреть, какие у него еще повреждения, как раздался пронзительный крик Джинни. Я галопом помчался обратно.

Она держала ребенка на руках. Из-под спутанных золотоволосых локонов тускло и тупо глядели голубые глаза. Лицо Джинни так осунулось, что, казалось, кости скул сейчас прорвут кожу.

— С ней что-то случилось,— сказала Джинни,— не знаю что, но случилось...

Я постоял мгновение, чувствуя, как вдребезги разлетается Вселенная. Потом я шагнул в туалет. Там темно, а мне сейчас нужна темнота. Сорвал с себя одежду и пустил в ход фонарик. Превратившись, подбежал к ним. Нос волка впитывал их запахи. Я сел на задние лапы и взвыл.

Джинни выронила то, что держала.

И пока я совершал обратное превращение, она неподвижно стояла возле кровати.

Превратившись, я сказал:

— Я позвоню в полицию.— Я не узнал собственного голоса.— Это не Вал. Это вообще не человек...

21

Я не могу вспомнить в подробностях, что происходило в течение нескольких следующих часов.

К полудню мы оказались в моем рабочем кабинете. Начальник местной полиции почти сразу понял, что дело выходит за пределы его компетенции, и убедил нас известить ФБР. Работники Бюро тщательно, дюйм за дюймом, обследовали дом и весь участок. Лучшее, что мы могли сделать — не путаться у них под ногами.

Я сидел на кровати, Джинни — на краю вращающегося стула. Время от времени кто-то из нас вскакивал, ходил по кругу, произносил какую-то бессмыслицу и падал обратно. Густо висел туман табачного дыма. Пепельница переполнилась окурками. В голове было пусто. Взгляд Джинни был глубоко обращен в глубь себя. В окнах — солнечный свет, трава, деревья. Все это теперь казалось нереальным.

— Тебе, правда, нужно что-то поесть...— сказал я, в Бог знает какой раз.— Подкрепи силы.

— Поешь сам,— ответила она, глядя в никуда.

— Я не голоден.

— Я тоже.

Нас снова охватил ужас.

Резкий телефонный звонок сорвал нас с места.

— С вами хочет поговорить доктор Акман,— сказала трубка.— Будете говорить?

— Во имя самого Господа, да! — вырвалось у меня.— С видеоконтактом!

На мгновение я лишился рассудка, и никак не мог сконцентрироваться на первом сообщении человека, с чьей помощью в этот мир вступила Валерия. Мой разум закрутился вокруг принципов устройства телефона. Симпатические вибрации, когда оба абонента чарами заклинают один и тот же номер. Если пожелает — видеоконтакт с помощью магического кристалла, частичное вселение души в аппарат для передачи речи...

Рука Джинни обхватила мое запястье. Ледяная рука. Это привело меня в чувство.

Лицо Акмана выглядело почти таким же изможденным, как и лицо Джинни.

— Вирджиния, Стив...— сказал он,— у меня для вас сообщение.

Я попытался ответить. Не смог.

— Вы были правы,— сказал Акман.— Это гомункулус.

— Почему исследования заняли столько времени?— спросила Джинни. В ее голосе не было уже той силы. Просто хриплый суровый голос.

Потому, что случай беспрецедентный. Об оставленных колдунами подменышах до сих пор говорилось только в легендах. Ничто в имеющихся данных даже косвенно не указывает на причину, по какой нечеловеческий разум украл ребенка... и каким образом это сделано. И, конечно, нам неизвестна причина, по которой этот гипотетический похититель оставил вместо ребенка голема...— он вздохнул.— Вероятно, мы знаем меньше, чем полагали.

— Что вам удалось обнаружить?— в голосе Джинни вновь зазвучала решимость.

Я пристально посмотрел на нее.

— Вместе со мной,— сказал Акман,— исследования вели: полицейский хирург, люди из криминалистической лаборатории, а позднее патологоанатом из больницы университета. Вернее, я вместе с ними. Я ведь домашний врач. Несколько часов мы потратили на проверку предположений, что Валерия заколдована. Сами понимаете — подобие полное.

Данное существо не имеет разума. Линии электроэнцефалограмм практически ровные... Но оно идентично вашей дочери во всем, вплоть до отпечатков пальцев. Однако, она... оно не смогло отреагировать на все наши терапевтические заклинания. Что привело нас к мысли, что это тело — имитация. Стив, мы втолковывали это вам с самого начала. Наш вывод подкреплен целой серией тестов.

Например, процентное содержание соли в тканях гомункулуса наводит на мысль, что его создатель не имеет достаточного ее количества. Окончательно вопрос был решен, когда сделали инъекцию радиоактивной Святой воды. Метаболизм и отдаленно не схож с человеческим... Нам помогло, что он говорил таким сухим тоном.

Ужас постепенно начал приобретать пусть туманные, но очертания. Колесики мозга со скрипом пришли в движение. Как найти способ вступить в бой с похитителем?

— Что сделают с подменышем? — спросил я.

— Полагаю, что власти предпочтут сохранить ему жизнь. В надежде, что... что удастся что-нибудь узнать. Понять и что-нибудь сделать. В конце концов, если больше ничего не случится, он, несомненно, перейдет в собственность государства. Не питайте ненависти к этому бедному существу. Все что оно есть— бедное существо, созданное

для какой-то злой цели. Но ответственности за это оно не несет.

— Если не возражаете, не будем терять времени,— резко сказала Джинни.— Доктор, у вас есть какие-нибудь идеи, как вернуть Вал?

— Нет. Это угнетает меня.— Он нахмурился.— Хотя я только медик... Что еще я могу сделать? Скажите, что? Я начну тогда немедленно.

— Можете начать прямо сейчас,— сказала Джинни.— Вы, конечно, слышали, что мой кот защищал Вал, и был очень сильно изранен. Сейчас он у ветеринара, но я хочу, чтобы им занялись вы.

Акман не скрыл удивления:

— Что? Но, право же... послушайте, я не могу спасти жизнь животному, если этого не может даже специалист!

— Здесь нет проблемы. Свертальф выкарабкается, но ветеринар не подготовлен для работы с дорогостоящим, предназначенным для людей, оборудованием. У него нет и самого оборудования. Я хочу, чтобы кот выздоровел как можно скорее. Если у вас нет нужных зелий или заклинаний, узнайте, как их найти. Деньгами можете не ограничиваться...

— Подожди,— сказал я,— сколько с меня высосут эти пиявки?

Она тут же оборвала меня:

— Счет оплатит «Источник». Или правительство. У них денег хватит. С подобным они еще не сталкивались. Возможно, впереди страну ждет крах.— Она выпрямилась. Мрачный взгляд, свисающие прямые волосы, одежда та же, что была прошлой ночью... и все же она снова была капитан Грейлок из Четырнадцатого кавалерийского полка Соединенных Штатов Америки.— Я не спятила, доктор.— Поразмыслите, что вытекает из того, что вы обнаружили,— продолжала она,— не исключено, что Свертальф может дать какую-нибудь информацию о том, с чем он столкнулся. Но, конечно, только не в том случае, если он был без сознания, и в конце концов, и мы обязаны быть хорошими товарищами и помочь ему всем, чем только можем.

Акман поразмыслил с минуту.

— Хорошо,— сказал он.

Он уже собрался закончить разговор, когда дверь кабинета открылась.

— Подождите-ка! — приказал чей-то голос.

Я мигом (да теперь-то к чему эта скорость) повернулся на каблуках. Я увидел твердое коричневое лицо и мускули-

стое тело Роберта Сверкающего Ножа. Глава местного отделения ФБР был облачен в старомодный деловой костюм. Такие костюмы в его организации — рабочая униформа. Украшенная перьями, его шляпа мела, казалось, по потолку. Смахивающая на полицейскую дубинку бутыль из выдолбленной тыквы, похлопывала по заду при каждом шаге. Одеяло, наброшенное вокруг плеч, и раскрашенная кожа щек были усеяны изображениями орлов, солнечного диска и Бог знает чего еще.

— Вы подслушивали,— обвиняющим тоном заявил я.

Он кивнул:

— Нельзя упускать ни одного шанса, мистер Матучек. Доктор Акман, вам придется соблюдать абсолютную секретность. Никаких, как вы намеревались, консультаций с неумеющими держать рот на замке шаманами и знахарями.

Джинни вспыхнула:

— Послушайте...

— Вашего кота вылечат,— тем же самым, не допускающим возражений резким тоном пообещал Сверкающий Нож.— Сомневаюсь, что он может оказаться в чем-то полезным, но нельзя упускать ни единой возможности. Счет оплатит Дядя Сэм. Доктор Акман по-прежнему может руководить работой своей группы. Но я хочу, чтобы всем ее членам было ясно... Наверняка, черт возьми, ясно! Что они не должны болтать больше, чем необходимо. Задержитесь в своем кабинете, доктор. В течение часа к вашей группе присоединится оперативник.

Врач рассвирепел:

— Сколько же времени ему понадобится, чтобы убедиться, что все приглашенные мной специалисты — самые благонамеренные американцы?

— Это займет у него очень немного времени. Вы удивитесь, как много он уже о них знает. Вас также удивит, как много будет неприятностей у того, кто будет настаивать на своем праве поведать прессе или даже своим друзьям, как пойдут дальше дела.— Сверкающий Нож саркастически усмехнулся.— В наши дни любители подслушать обладают самой ухищренной аппаратурой...

Дверь он оставил приоткрытой. Было слышно, как его люди бродят по дому и о чем-то вполголоса говорят друг другу. В комнате, почему-то, чувствовался сильный кислотный запах.

— Сядьте, пожалуйста.— Сверкающий Нож оперся спиной о книжную полку, внимательно посмотрел на нас.

Чтобы овладеть собой, Джинни понадобилось заметное усилие.

— Вам не кажется, что вы действуете, как уличные грабители?

— Обстоятельства вынуждают, миссис Матучек.

Джинни закусила губу и кивнула.

— Может, перейдем к делу? — попросил я.

Суровая жестокость ненужной маской слетела со Сверкающего Ножа:

— Мы осведомлены, что у вашей жены есть определенные подозрения,— сказал он с таким выражением, что подумалось, а нет ли у него самого дочери.— Она ведьма и уже все поняла. Но не желает допускать эту мысль, пока есть хоть какая-то надежда, что ответ может быть менее ужасен. Это не обычное похищение.

— Конечно же!

— Подождите. Я сомневаюсь, относится ли вообще данный случай к категории «похищение». Возможно, он выходит за пределы юрисдикции моего Бюро. Однако, как сказала ваша жена, здесь в большой степени затронуты интересы национальной безопасности. Я свяжусь с Вашингтоном, пусть там решают. В конечном счете — хоть сам президент. А пока мы не должны раскачивать лодку.

Я перевел взгляд с него на Джинни. Снова не имеющий формы ужас. Снова — не конкретное существо, с которым можно сражаться, а просто обстановка кошмара.

— Пожалуйста...— прошептал я.

Угол рта Сверкающего Ножа быстро и страшно дернулся. Он заговорил ровной бесцветной скороговоркой:

— Мы установили, что кровь полностью принадлежит коту. Обнаружены слабые следы ноарха, то есть крови сверхъестественного существа. Не сам ноарх, но, вероятно, возникшие вследствие его воздействий пятна. Больше нам дало изучение оставленных на полу вмятин и царапин. Эти отметины мы идентифицировать не смогли, они не принадлежат ни одному из известных нам существ, как обычного, так и сверхъестественного мира.

И поверьте мне, в нашей фирме работают хорошие идентификаторы. Внешний факт состоит в том, что в дом никто не входил. Мы проверили все возможные способы проникновения... и опять-таки нам известно множество различных способов. Ничто не сломано, не снято, не просверлено. Нет и признака воздействия на символы и предметы охраны. Их поля развивают полную мощность, надлежаще настроены, ловушки в порядке, нигде ничего не нарушено.

Поэтому никто и ничто не могло пролететь в дымовую трубу, просочиться в щель, дематериализоваться, пройти сквозь стену. Или чарами заставить присматривающего за ребенком впустить его. Столь же многозначителен тот факт, что никто по соседству не видел и не слышал ничего, вызывающего тревогу. Вспомните о так называемом втором зрении сторожевых собак. Вспомните, как быстро распространяется среди них тревога. Появись на вашей улице с враждебными целями кто-нибудь сверхъестественный — поднялся бы гам, перебудивший всех на три квартала в окружности. Вместо этого ваши ближайшие соседи сообщили, что слышали что-то напоминающее шум кошачьей драки.

Помолчав, Сверкающий Нож закончил:

— Наверняка, наши знания в области магии не полны. Однако мы знаем достаточно о применении магии в преступных целях, чтобы сказать с уверенностью — никакого насильственного проникновения в дом не было.

— Так что же, в таком случае, было? — закричал я.

Вместо него ответила Джинни:

— Это пришло к нам из Адской Вселенной...

— Теоретически это могло быть и существо небесного происхождения,— Сверкающий Нож коротко и натянуто улыбнулся,— но с философской точки зрения... это исключено. Девочку похитил кто-то из слуг дьявола.

Джинни упала на стул. Ее лицо было безжизненным, подбородок на кулаке, вторая рука безвольно уронена на колени, глаза полузакрыты. Она забормотала, будто в бреду:

— Подменыш прекрасно подтверждает вашу теорию, не так ли? Согласно современной науке, перенос материи из одного пространственно-временного континуума в другой требует соблюдения известных физических законов. Психическое излучение проникать из континуума в континуум не может. Отсюда: видения, соблазны, вдохновение и так далее. Тут действует принцип неопределенности. Но к объектам реального мира это не относится. Если осуществляется перенос из одной реальности, из одной Вселенной в другую, необходимо объект переноса заменить другим предметом. В нем должно содержаться точно такое же количество материи. Точно так же должно в точности совпадать на момент переноса и строение обоих предметов...

Лицо Сверкающего Ножа выражало тревогу:

— Сейчас неподходящее время ссориться с Всевышним,— пробормотал он.— У меня не было и нет такого намерения,— вяло сказала Джинни.— Он всемогущ. Но могущество его слуг ограничено. Для них наверняка легче пе-

ренести предмет, не меняя его естественной формы, чем решить проблемы изменения формы, учитывая, что в нем содержится неисчислимое количество имеющих разную скорость атомов.

Гораздо легче обеспечить подобие предмета заменой. Вероятно, то же относится и к обитателям Нижнего Континуума. У них отсутствует творческое начало. По крайней мере так утверждает петристская церковь. Насколько я понимаю, вероучение иоаннитов включает элементы манихейства. Демон мог перейти из своей Вселенной в любую точку нашего дома, поскольку естественная форма его существа — хаос. Ему для перехода не нужно было ничего, кроме обладающих высокой энтропией грязи, пыли и отбросов мусора. Выполнив задуманное, он, вероятно, возвращаясь, вернул все это обратно. Не исключено, следы этого можно заметить. Я знаю, что во время драки все в доме было перевернуто вверх дном, но было бы полезно произвести лабораторный анализ содержимого помойного ведра, песка для кота и так далее.

Фэбээровец поклонился:

— Мы уже подумали об этом и обнаружили, что содержимое всюду одно и то же.

— О, вы-то как догадались подумать об этом? При таких обстоятельствах...— Глаза Джинни раскрылись и голос ее зазвенел, как медленно вытаскиваемая из ножен шпага:

— Наша дочь в аду, сэр. Мы намерены вернуть ее.

Я подумал о Валерии. Она одна, а вокруг визжащее и кривляющееся нечто, жестокий и безымянный ужас. Она кричит, зовет папу и маму, а они не идут...

Я сидел на кровати, меня окружала ночь, которой не было конца, и слушал доносящийся с другого конца спальной, будто из опасной пропасти шириной во многие световые годы, слова моей любимой:

— Давайте не будем тратить время на эмоции. Я продолжу дальнейшую реконструкцию случившегося. Если я ошибусь — поправьте. Демон (возможно, их было несколько, но я принимаю, что он был один), так вот, демон вошел в наш космос в виде рассеянного скопления материи, но тут же собрался воедино компактной массой. Путем обычной трансформации он принял выбранную им форму. Можно принять как истину, что ни Враг, ни любой из его прислуживателей (если верна петристская традиция) не стал бы мешать демону. Он мог бы принять облик какого-либо реально существующего создания.

То, что вам не удалось его идентифицировать, ничего не означает. Это существо могло быть порождено уже забытой мифологией или придумано кем-то, наделенным особо богатым воображением. Может быть даже на другой планете. Наша семья не особенно набожна. Было бы лицемерием, а потому — бесполезно, если бы мы пытались возвести вокруг себя защитную стену из религиозных символов. Кроме того, несмотря на прежние наши схватки с одним-двумя демонами, мы не ожидали, что один из них вторгнется в обычный пригородный дом, принадлежащий обычной средней семье.

В легендах не приводится ни единого подобного случая. Так что вторжению демона ничто не препятствовало. Он располагал всего несколькими фунтами массы.

С ним мог бы справиться любой сохранивший присутствие духа человек. В крайнем случае, обратил бы его в бегство.

Демону было бы не до выполнения его грязного дела, а тем временем успели бы позвонить экзорсисту. Но в ту ночь ни одного взрослого человека здесь не было.

Свертальф говорить не умеет, и никакого иного средства позвать на помощь у него, очевидно, не было. Он мог бы одержать победу, но не смог справиться с существом, сплошь состоящим из клыков, когтей, шипов и брони. В конце концов, победив Свертальфа, он схватил Вал и унес ее в Нижний Континуум. Предназначенной для обмена массе была придана форма нашей дочери. Я права?

Сверкающий Нож кивнул:

— Полагаю, да.

— Что вы намерены теперь предпринять?

— Честно говоря, сейчас мы не можем сделать очень многого. Ничего не можем сделать. Мы не знаем, зачем было совершено преступление. Его мотивов.

— Вам стало известно о них прошлой ночью. Мы приобрели могущественного и опасного врага. Полагаю, что заявления иоаннитов, что их адепты владеют тайнами знаний — истина. Эзотеризм всегда больше ассоциировался не столько с божественным, сколько с дьявольским. Я предлагаю начать поиск с кафедрального собора.

Лицо Сверкающего Ножа, несмотря на покрывавший его слой краски, явно выразило сострадание:

— Я уже объяснил вам, миссис Матучек, когда вы впервые догадались, кто может быть ответственным за преступление, что это очень опасно — предъявить обвинение, не имея серьезных улик. Сейчас сложилась крайне деликатная ситуация. Кто может понять это лучше, чем вы? Мы не вправе допустить новых беспорядков. Кроме того... скажу, не

скрывая,— это вторжение, возможно, означает начало чего-то гораздо более страшного. Гораздо более худшего, чем похищение вашей дочери...

Я приподнялся:

— Ничего не может быть хуже,— тихо сказал я.

Он не обратил на это никакого внимания. Он понимал, что сейчас главный из нас — Джинни.

— Наши знания об адской Вселенной практически равняются нулю. Я сейчас выдам вам то, что сохраняется в глубокой тайне, потому что подозреваю, что вы всегда докопаетесь до правды на основании незасекреченной информации. Лишь очень немногие из гражданских волшебников знают то, что вы сейчас услышите. Армия предприняла несколько попыток проникнуть туда. Успех был не больше, чем у института Фауста триста лет тому назад. Пробыв там считанные минуты, люди возвращались в состоянии крайнего психического шока. И не могли рассказать, что с ними случилось. А записи приборов не имели никакого смысла.

— Если только вы не примете гипотезу Никельсона,— сказала Джинни.

— Какую гипотезу?

— Гипотезу, что пространство-время в том космосе, который в отличие от нашего, является неэвклидовым. Что его геометрия меняется от точки к точке,— сухо пояснила Джинни.

— А, да, мне говорили, что армейские исследователи пришли к выводу...— он увидел торжество, вспыхнувшее в глазах Джинни.— Черт, ловко вы меня поймали в ловушку! — И опять непреклонным тоном.— О'кей. Вам придется понять, что мы не имеем права действовать вслепую и опрометчиво, когда в действие по трудно понятным причинам вовлечены неизвестные силы. Результаты могут оказаться катастрофическими. Я намерен доложить обо всем самому директору Бюро. Я уверен, что директор тут же доложит обо всем самому президенту. И равным образом уверен, что президент прикажет нам не терять бдительности, но пока мы не узнаем больше — носа не высовывать...

— А как насчет Стива и меня?

— Насчет вас — все так же. Запомните, если понадобится, с вами свяжутся.

— Сомневаюсь. Какой выкуп может потребовать демон?

— Тот, кто наслал демона.

— Повторяю вам, займитесь похитителями!

— Займемся. Мы займемся всеми, кто попал в наше по-

ле зрения. Пусть это и не очень разумно, но понадобится время.

— А пока что Валерия находится в аду!

— Если вам понадобится священник для очистки души, наши служащие Бюро располагают священнослужителями практически всех вероисповеданий. Если хотите, я вызову сюда священника.

Джинни покачала головой:

— Спасибо, нет. Попросите их, чтобы они помолились за Вал. Вреда от этого не будет. Правда, сомневаюсь также, что это принесет пользу. Но, конечно, никакой священник не может помочь Стиву и мне. Все, что мы хотим — это получить возможность разыскать свою дочь.

Мое сердце забилось. Оцепенение спало. Я встал.

Сверкающий Нож обхватил себя за плечи руками:

— Я не могу, конечно, допустить этого... вы двое совершили в прошлом почти неправдоподобное. Но ставки сейчас слишком велики, чтобы доверить игру дилетантам. Если вам угодно меня возненавидеть — пожалуйста. Мне будет больно, но, если это послужит вам хоть каким-нибудь утешением... Но я не позволю вам рисковать ни собственной жизнью, ни интересами общества. Вы останетесь здесь. Под стражей...

— Ты!— я уже почти кинулся на него, но Джинни оттолкнула меня.

— Прекрати, Стив,— жестко сказала она.— Не создавай дополнительных трудностей. Мы — ты и я — сделаем вот что. Если это не помешает следствию, поедим через силу и выпьем сонного зелья. И перестанем дергаться до тех пор, пока снова не научимся думать.

Сверкающий Нож улыбнулся:

— Спасибо. Я был уверен, что вы проявите благоразумие. Я пойду потороплю на кухне, так что вы скоро сможете поесть.

Я закрыл за ним дверь. Я весь трясся от ярости.

— Какого черта нужно было разыгрывать весь этот фарс? — разбушевался я.— Если он полагает, что мы будем сидеть и ждать, пока чиновники изволят прогоготать свое разрешение...

— Тихо,— она коснулась губами моего уха и зашептала.— Думаешь, эта поганая стража будет для нас что-нибудь значить?

— О-хо-хо! — в первый раз за все время я рассмеялся. В изданных мной звуках не было ни веселья, ни мелодичности, и все же это было нечто вроде смеха...

22

Нельзя сказать точно, что мы оказались под домашним арестом. Приставленный к нам хорошо воспитанный молодой мужчина обеспечивал нашу безопасность. И когда нужно, помогал по хозяйству. Но он дал ясно понять, что если мы попытаемся выйти из дома или передать кому-нибудь весточку, он вдруг обнаружит, что мы замыслили заговор против Всеамериканской комиссии по торговле. Тогда, как ни печально, придется арестовать нас. Он сожалеет.

У парня была хорошая колдовская подготовка. Агент ФБР должен иметь ученую степень в какой-нибудь отрасли волшебства или магии, не считая точных наук, таких как математика, например. Его начальство хотело быть уверенным, что мы не попытаемся выкинуть что-нибудь отчаянное, но Джинни ухитрилась вытянуть из него нужную информацию. Никогда не пойму, как ей удалось это сделать. Не думаю, что она пустила в ход против него чары (я имею в виду чары Искусства).

Ее чары относились скорее к другой области. И против них не мог устоять ни один мужчина с нормально работающими железами внутренней секреции. Но вот что мне по сию пору кажется невозможным — она разговаривала, улыбалась, расцвечивала искрами остроумия какую-то очень ей идущую, чуть женскую, строго отмеренную грусть.

Взмахивая ресницами, она постепенно подводила его к рассказам о его прошлых подвигах..., а тем временем каждый угол дома вопил о том, что здесь нет Валерии.

Сославшись на утомление, мы покинули гостиную рано. И действительно, мы очень устали и были крайне измотаны.

— Он хорошо подготовлен в колдовстве,— шепнула моя любимая во мраке нашей спальни.— Но не в практической магии. Постараемся обвести его вокруг пальца, возьми накидку.

Я понял ее намерения. Кончились эти часы несвободы. Во мне забурлила холодная радость. Я содрал одежду и, натянув волчий костюм, надел ее поверх снова. Достал шапку-невидимку, без пользы валявшуюся уже годы... Всего лишь, казалось бы, сувенир времен войны.

Джинни подошла ко мне и крепко прижалась.

— Любимый, будь осторожен! — ее голос дрожал, и я ощутил, что губы Джинни соленые.

Ей нужно было остаться. Ей отводилась роль разбивать возможные подозрения, и ей действовать, если вдруг поступит требование выкупа. Джинни досталась более трудная часть задачи.

Я надел плащ. Закрывавший лицо капюшон пахнул плесенью. Если точно — не шапка-невидимка, а плащ-невидимка. Маленькие пятнышки видимости показывали, где поработала моль. Крепкий орешек.

Нужно было просто-напросто сбежать из дома, а потом мы надеялись, что будет возможность вернуться обратно. Слишком много средств разработано в наши дни против шапки-невидимки. Для серьезного дела она уже не годится. Тут и детекторы, работающие на инфракрасных лучах, и банки с краской, взрывающиеся, если сделаешь неверный шаг и так далее. У нашего, всегда дружелюбно относившегося к нам соседа, несомненно установлены приборы, которые поднимут тревогу, если поблизости обнаружится изменение поля невидимости.

Джинни вполголоса бормотала заклинания и еще что-то. Все необходимое она принесла в эту комнату еще днем. Объяснила это тем, что хочет как можно скорее защитить нас от враждебного нашествия.

Следующий пункт нашего плана был столь же прост. Сверхъестественные силы действуют, пока не очень велик магнетизм Земли. Магнетизм — вот тут и появляются возможности воздействия на эти силы и их изменения. Но сила магнитного поля Земли постоянна. Поэтому, обычно, поисковые магические приборы не предназначены для обнаружения малых количественных изменений. Джинни придумала хитрую штуку: слабое поле шапки-невидимки постепенно усиливалось по интенсивности вдвое. Теперь, по мере моего удаления от дома, интенсивность столь же постепенно будет снижаться вплоть до первоначального значения. Когда я вернусь, Джинни уничтожит всякие следы этой проделки.

В теории все было просто, а как на практике... Как выяснила Джинни, в доме были, видимо, установлены приборы тревоги. Понадобилась вся ее сноровка, чтобы они не сработали.

Наше бедное старое ФБР! Оно понятия не имело, что имеет дело с Джинни, и нельзя принимать в расчет лишь уровень образования и наличие оборудования. У нее помимо этого был Талант!

Она подала сигнал, и я выскользнул в окно.

Ночной воздух был сырой, промозглый. На газоне в колдовском сиянии уличных фонарей блестела роса. Я услышал воющее рычание собаки. Вероятно, она почуяла запах моего плаща. И, несомненно, весь наш участок находится под наблюдением... Да, мое колдовское зрение тут же обнаружило прячущегося в тени фонаря Святого Эльма по ту сторону

дороги какого-то мужчину. Я старался шлепать как можно быстрее и тише. Шел посередине мостовой. Так меньше вероятности, что меня засечет подлец-караульный или сработает сторожевое поле.

Пройдя несколько кварталов, я оказался на безопасном расстоянии — возле местной школы. Свернув, я запрятал плащ-невидимку на помойке, неподалеку от спортивной площадки. Теперь я мог идти открыто, ничем не примечательный законопослушный обыватель, направляющийся куда-то по своим делам. Ночь близилась к концу, следовало позаботиться, чтобы меня не узнал кто-нибудь из прохожих.

Из первой же телефонной будки я позвонил в дом Барни Стурласона. Он сказал, чтобы я пришел к нему прямо сейчас. Такси я брать не стал, предпочел маршрутный ковер, ибо понимал, что затерявшись в толпе пассажиров легче остаться неузнанным. На ковре я и добрался.

Барни открыл дверь. Прихожая была освещена. Желтый свет падал на широкие плечи Барни.

Он тихо присвистнул:

— Я понимаю, что тебе лучше побыть сегодня дома, подстригая кустарник. Но, Стив, ты выглядишь так, будто наступил конец света. Что случилось?

— Твои семейные не должны нас слышать,— сказал я.

Он тут же развернулся на каблуках и провел меня в кабинет. Толкнув меня в обитому кожей креслу, Барни запер дверь, налил две здоровые порции шотландского виски и наконец сам опустился в кресло напротив меня.

— Итак?

Я рассказал ему. Никогда прежде на его лице не приходилось видеть мне подобной боли.

— Нет, нет...— шептал он.

Затем он встряхнулся, как медведь, готовящийся кинуться в драку, и спросил:

— Что я могу для вас сделать?

— Прежде всего, одолжи мне метлу.

— Постой... Я чувствую, что ты действуешь опрометчиво. Куда ты задумал отправиться?

— Я собираюсь лететь в Силоам и выяснить там все, что удастся.

— Я так и думал.— Барни зашевелился, кресло скрипело под его весом.— Стив, это не шуточки. Силой проникнуть в кафедральный собор поаннитов... Наверное, попытаться выбить признание у какого-нибудь священника... Нет. Ты только накличешь новые беды на ваши головы. И это тогда, когда Джинни нуждается в каждой крохе твоих сил и

возможностей. Пусть следствие ведет ФБР. Там работают профессионалы. Допустим, улики действительно существуют. Гоняясь за ними, ты их, скорее всего, попросту уничтожишь.

Взгляни фактам в лицо, и ты придешь к тому же самому заключению...— Барни внимательно поглядел на меня.— Добавь к этому моральные соображения. Ты не согласен, когда вчерашняя толпа пыталась на своем праве устанавливать свои собственные законы. Претендуешь на то, что у тебя есть такое право?

Я сделал маленький глоток, прислушиваясь к ощущению. Виски приятно обожгло горло.

— У нас с Джинни было время все обдумать,— сказал я.— Мы знали, что ты будешь возражать. Но не мешай. Я им покажу, где раки зимуют. Не хочу, чтобы это звучало драматически, но разве может с нами случиться что-нибудь худшее?

Добавь любое число к бесконечности, сколько угодно...— мне пришлось остановиться, чтобы сделать еще глоток,— и ты получишь ту же самую бесконечность. Насчет того, что у ФБР больше возможностей... Мы не собираемся метаться, словно бык на арене — лишь бы что-нибудь делать.

Поверь, что мозги у нас тоже есть. Наверняка Бюро уже давным-давно имеет своих агентов среди иоаннитов, досье на лидеров их церкви и так далее, все, что полагается в таких случаях. Но вспомни, как несколько лет назад проходило судебное разбирательство преступлений другой церкви. Помнишь ее аббревиатуру ХСУА? В обвинительном заключении, предъявленном церкви Генеральным прокурором, не нашлось ни единого веского доказательства. И это несмотря на то, что они открыто отрицали традиции и законы Америки.

— Иоанниты широко проповедуют свои взгляды,— сказал Барни.— Черт возьми, я и сам согласен с некоторыми их утверждениями! Наше общество сделалось слишком мирским, слишком любящим жизненные блага! Все слишком заняты делапием долларов и погоней за наслаждениями. Все увлечены сексом, и ни у кого нет времени на любовь. Огрубелые, бессердечные люди не обращают никакого внимания на неимущих...

— Барни! — рявкнул я.— Ты пытаешься отвлечь меня, расхолодить, но это у тебя не пройдет. Либо ты поможешь тут же, либо я получу то что мне нужно, но в другом месте...

Он вздохнул, нащупал трубку в кармане своего твидового жилета и принялся набивать ее:

— О'кей. Продолжай. Если мой друг не может найти защиты от незаконных... от ведущих к гибели действий руководителей иоаннитов, разве это не доказательство, что иерархия этой церкви служит дьяволу? Или, может, они просто ничего не знают?

— Гностики хвастают, что обладают никому более неподвластными силами и знаниями. Каким-то образом они привлекают на свою сторону все больше людей. И все ближе подводят страну к социальным потрясениям, ведущим к... Ладно. Главное вот что — кто еще, кроме них, может быть связан с тем, что случилось? Возможно даже, они ввязались в это дело непреднамеренно. Полагаю, было именно так. Но с тем, что случилось, они связаны.

Я наклонился к нему.

— Послушай, Барни. Серкающий Нож признал, что торопиться с расследованием он не будет. А Вашингтон придержит на привязи эту свору еще крепче, чем хочет сам Нож. Нет сомнения, завтра он разошлет агентов расспросить иоаннитов. И как водится, ничего не узнает. Чтобы получить ордер на обыск в церкви, нужно иметь очень веское доказательство. Особенно, если так много людей верят, что эта церковь несет им последнее Слово Божье.

И опять-таки, особенно если храм представляет собой лабиринт, секрет которого знают лишь посвященные различных степеней. Ну а если кому-нибудь удастся произвести обыск, что он выяснит? Тут не какая-нибудь заурядная задача. Обычные тесты на наркоманию и тому подобное не применимы. А будь я Верховный Агент Зефира, я бы сам пригласил фэбээровцев. Пусть смотрят, где им угодно. Всюду, где это допустимо с религиозной точки зрения. Что ему это стоит.

— А чего ты можешь добиться? — вопросом ответил Барни.

— Вероятно, ничего. Но я намерен действовать сейчас, а не через неделю. И ни законы, ни общественное мнение меня не остановят. У меня есть кое-какие особые способности и есть опыт борьбы со злом. И еще — они меня не ждут. И, чтобы закончить наш спор, если там есть, что искать, то лучшие шансы найти — это у меня.

Барни, нахмурясь, разглядывал меня.

— Что касается моральной стороны дела,— сказал я,— ты, может быть, и прав. С другой стороны, я не собираюсь аверствовать, словно мнимый Агент особого назначения, супердетектив Ви-Ноль-Ноль. И, несмотря на все опасения

Сверкающего Ножа, я, честно, не понимаю, как я могу спровоцировать серьезное вторжение со стороны Нижнего Мира. Это вызвало бы вмешательство Всевышнего, а Враг не пойдет на открытое столкновение. Что хуже, Барни, незаконное вторжение в чужие владения... может быть, осквернение святынь... или оставленный в аду ребенок?

Он с маху поставил стакан на край стола.

— Ты прав,— вырвалось у него, и в удивлении захлопал глазами.— Кажется, я разбил дно у этого стакана...

— Закончили. Мне пора.

Мы встали вместе.

— Тебе нужно оружие? — предложил Барни.

Я покачал головой:

— Давай не будем впутываться в уголовщину. Против того, с кем мне придется столкнуться, оружие, вероятно, не поможет.

Мне показалось, что незачем ему объяснять, что за пазухой у меня спрятан охотничий нож, а когда я превращусь в волка, оружия у меня будет полная пасть.

— Ах, да,— сказал я,— договоримся, чтобы все было ясно. Я был у тебя. Без сомнения, это может быть установлено, если хорошо постараться, но взяв у тебя метлу, снова исчез неизвестно куда.

Он кивнул головой и сказал:

— Верю, что тебя ждет удача. Мое помело не такое быстрое, как какая-нибудь спортивная модель, зато летит почти бесшумно. Я отрегулировал его только вчера.— Он постоял мгновение, размышляя. Сквозь окна сочилась тишина, темень.— Тем временем я тоже начну изыскивать. Вим Харди... Янис Вензель, он работает в библиотеке... Гм, мы можем привлечь к работе твоего доктора Акмана. А как насчет профессора Грисволда из университета?..

Я найду и еще людей, способных держать язык за зубами. Тех, кто с радостью захочет нам помочь и готов нести любую ответственность. По крайней мере, мы соберем все незасекреченные данные, относящиеся к Нижнему Континууму. Может быть, добудем что-то из засекреченного. Мы сможем составить уравнения, выделим сведения, предположительно относящиеся к решению нашей проблемы. Потом пропустим весь массив через вычислительную машину и отсеем неработоспособные идеи. Ну, я приступаю к работе прямо сейчас...

Что можно сказать такому парню? Только «Спасибо»!

23

Похоже, это было вполне в характере церкви иоаннитов. Свой кафедральный собор (единственный на весь Верхний Средний Запад) они воздвигли не в Чикаго, Милуоки или в каком-нибудь городе вообще, а в совершенно пустынном месте.

Даже от нашего скромного городка его отделяло миль сто. Местоположение собора олицетворяло и символизировало отношение гностиков к этому миру как ко злу.

Идея спасения с помощью тайных ритуалов и оккультных знаний...

В отличие от петристского христианства, христианство иоаннитов само не придет к вам. Оно возводит лишь маленькие угрюмые часовни, размером едва ли больше тех будок, в которых стоят караульные. Вы сами должны прийти к христианству иоаннитов.

Вызов такого рода кажется очевидным, и поэтому, подумал я, он, вероятно, неверен. Все, что относится к гностицизму, всегда на самом деле иное, чем кажется. Вероятно, так много народу и тянется к иоаннитам в наши дни, что он весь состоит из загадок. Под одной маской у него обнаруживается другая, а внутри лабиринта — другой лабиринт.

Традиционные церкви создали простую и ясную теологию.

Эти церкви четко определяют смысл своих мистерий (хотя тут нужно отметить общеизвестное — что смертные, то есть мы — не могут постичь все проявления Всевышнего). Они заявляют, что, поскольку этот мир дан нам Создателем, значит в своей основе он добрый, хороший мир. Многие его недостатки вызваны человеком, и наш долг — стремиться к совершенствованию.

Все это слишком неромантично. А иоанниты апеллируют к мечтам и грезам человека, к ребенку, всегда сидящему внутри нас. Они обещают, что познав тайну, человек станет всемогущим, а одна часть этой тайны — отрицание этого общества.

Я относился к этому утверждению с высокомерной насмешкой, но в то же время... верил, что в нем есть большая доля правды. Однако, чем больше я размышлял, тем меньше мне казалось, что это утверждение что-нибудь объясняет.

У меня было время и желание подумать. Я летел в ночи, над головой сверкали россыпью звезды, внизу — почти такая же россыпь столь же далеких огней деревень и ферм. Вокруг свистел, делавшийся все холоднее, воздух. Он на-

сквозь пронизывал меня. Теперь я понимал, как мало знаю, как я был ленив в учебе, не ленился лишь получать стипендию.

Но я начал понимать и другое. Факты, уже забытые мной, всплывали в памяти и начали складываться в единую картину. Я чувствовал, что скоро буду понимать больше. Я летел и мрачно размышлял о том, что мне известно о церкви иоаннитов.

Был ли это просто идиотский культ, появившийся то ли два, то ли три поколения назад? Культ, взывавший к чему-то глубоко погребенному в душе человека Запада? Или он действительно так древен, как утверждают иоанниты — основан самим Христом.

Другие церкви отрицали это. Само собой, католиков, ортодоксов и протестантов нельзя рассматривать как единую общность петристов. Но общеизвестное мнение, грубо говоря, их такой общностью, в общем-то, считало. Эти церкви одинаково интерпретировали слова, с которыми Иисус обращался к своим ученикам. Они все признавали особо важную роль, которую играл Петр. Хотя, разумеется, между ними были разногласия (включая вопросы о старшинстве Апостолов), все они совершенно одинаково признавали Двенадцать учеников Иисуса.

И еще... и еще... Эти странные слова в последней части Евангелия от Иоанна:

«Тогда Петр, обернувшись, увидел, что ученик, которого Иисус любил больше других, следует за ним. И когда была вечерня, он бросился на грудь ему и спросил:

— Господи, который из нас предаст тебя?

Петр, видя это, сказал Иисусу:

— Господи, а что будет делать этот человек? Иисус сказал ему:

— Если я хочу, чтобы он ждал пока я приду, что тебе в этом? Следуй за мной...

Затем начали ученики все говорить друг другу:

— Собратья, этот ученик не умрет.

Однако, Иисус не сказал ему, что он не умрет, но...

— Если я хочу, чтобы он ждал, пока я приду, что тебе в этом? Этот ученик, который свидетельствует об этом, и написал это. И мы знаем, что его свидетельство истинно...»

Мне были непонятны эти слова, и я все же не уверен, что их понимают и ученые-библеисты (безотносительно к тому, что сами они утверждают). Конечно, именно на этом направлении возникает легенда, что Господь наш чего-то совершил, что никто, кроме Иоанна, не знал. Совершил что-

то, о чем не поведал другим церквям — петристским и схожим с ними. Это деяние в конце концов станет известно людям и поведет человека к новому помыслу Божьему. Возможно, нынешний культ иоаннитов целиком и полностью зародился в текущем столетии. Но иоанниты трубят, что этот культ тайно существовал уже 2000 лет.

Это утверждение почти неизбежно ассоциируется с миром потустороннего.

Гностицизм, меняя название, существовал издавна. И всегда считался еретическим течением. В своей первоначальной форме (вернее — формах) он представлял собой попытку растворить христианство в мешанине тайных восточных культов, неоплатонизме и колдовстве. Предание возводит его возникновение к Симеону-магу, упоминавшемуся в Восьмой главе Библии, и воспоминания о котором приводят ортодоксов в неподдельный ужас.

Современный иоаннизм обрел сомнительную честь, воскресив это древнее от зари времен религиозное течение, и прокламирует, что оно не было ошибкой, а напротив, несло людям высшую истину. Собственно, Симеон-маг не был извратителем Библии и религии, а пророком.

Насколько вероятно, что все это правда? Может быть действительно мир стоит на пороге царства Любви? Не знаю. Откуда я могу знать? Но, поразмыслив (причем петристская церковь сыграла не меньшую роль, чем мои эмоции), я решил, что учение иоаннитов — ложь. То, что иоаннизм приобрел такое широкое распространение, я просто отнес за счет столь свойственной для человека тяги к иррациональному.

Так же проста община правдоискателей, исполняющая свои ритуалы и предающаяся различным размышлениям там, где им ничто не помешает! Община притягивает пилигримов, которые нуждаются в крове, заботе и пище. В том же нуждаются священники, псаломщики и другие. Храму (это более точное название, чем «Кафедральный собор», но иоанниты настаивают на соборе, чтобы подчеркнуть то, что они являются христианами) необходимы денежные поступления.

Как правило, поступают значительные пожертвования, и эти деньги оказываются в умелых руках. Зачастую вокруг первоначально уединенного храма вырастает целый город. Так возник и Сплоам, куда я направлялся.

Просто. Банально. Почему у меня возбуждают беспокойство сведения, известные любому читателю ежедневной прессы? Может, я размышляю над этим просто чтобы не думать

о Валерии? Нет. Чтобы как можно лучше разобраться в том, что бесконечно, туманно и запутано.

Что-то там еще, что-то там за этим кроется... Неужели мне это не кажется, неужели я начал понимать их? Но если и так, то что именно я начал понимать? Я подумал о нетерпимости иоаннитов. О бунтах и мятежах, вечно устраиваемых иоаннитами. Я вспомнил, как они откровенно признают, что адепты повелевают силами, о которых и вообразить трудно. Ведь это еще более разоблачает их.

Я вспомнил рассказы об отступниках, не продвинувшихся, против их ожиданий, до высших ступеней... Что же такое страшное случилось с ними? Не было ничего преступного, ничего противоречащего нормам морали. Ничего, что щекотало бы нервы. Просто было что-то безобразное и плачевное. Было что-то подобное ненависти. Всего лишь, и потому не очень интересное для нас, посторонних.

Я думал о теологии гностиков. Вернее, той ее части, что они не скрывали. Какая-то ужасная смесь апокалиптического откровения и логики.

Иоанниты отождествляли своего Демиурга с Богом Ветхого Завета и с Сатаной.

Я подумал об Антихристе...

Но тут меня не хватило. Слишком мало, как я уже говорил, я знал о вещах. Пришлось остановиться на том, что думать об этом бесполезно. Ибо Всемогущий и сам справится с ним в любом случае, какое бы обличье он не принимал... Где-то далеко, чуть ли не на другом краю прерии, замерцали огни. Я был рад, что полет близится к концу, а что дальше случится — неважно. Хватит с меня размышлений.

Сиоам — обычные улицы, обычные дворы и дома. Под Главной аэролинией, возле границы города, написано:

«НАСЕЛЕНИЕ 5240 ЧЕЛОВЕК».

Другая вывеска возвещала, что члены клуба Львов встречаются по вечерам в ресторане «Котел кобальта».

В городе имелось с пару маленьких предприятий, Муниципалитет, начальная и средняя школы, пожарная часть, порядком замусоренный парк, гостиница. И большое количество заправочных станций, чем необходимо.

В деловой части города находились универсальные магазины, одно-два кафе, банк, клиника, кабинет дантистов, аптека... Все как обычно в Америке.

Эта невзрачность подчеркивала, насколько чуждо все остальное. Хотя близилась полночь, в городе было, как в могиле. Улицы пустынны, никто не прогуливался, не шел, взявшись за руки, не было молодых пар. Кое-где виднелись

редкие полицейские метлы. И лишь кто-то один, закутанный в мантию, с капюшоном на голове, медленно брел вдоль улицы.

Дома отгородились друг от друга и от остального мира закрытыми ставнями. Горожане спали. А где не спали, там, вероятно, не смотрели в хрустальный шар, не играли в карты, не пили спиртное и не занимались любовью. Скорее всего, они молились или штудировали свои книги в надежде достичь более высокой религиозной степени, овладеть большими знаниями и мощью, обеспечить спасение своей души.

В центре города стоял кафедральный собор. Он возвышался над городом-равниной. Ничего преступного в этой картине не было. Ровные, белые, как слоновая кость, стены поднимались все выше и выше, а над ними — огромный купол. Издали окна походили на ногти.

И на каждом этаже один ряд окон. Но затем я увидел еще два мозаичных, каждое в полфасада, окна. Мрачными тонами на них были изображены тревожащие душу рисунки. На западном окне — Сандала Эмандала — священный символ буддистов. На восточном — Окно Божье. На западной же стороне вздымалась одинокая башня. На фотографиях она не производила внушительного впечатления, но теперь было видно — она едва не достигала звезд.

На стенах собора играли огни, окна тускло светились. Я услышал молитвенное песнопение. Откуда-то, как из-под толщи льда, доносились мужские голоса. С ними переплетались голоса женщин. Мелодия была мне незнакома. А слова... Нет на Земле такого языка.

...Хельфист Аларита арбар понитоте мелихо тарасут ганадос тепрура маряда селисо...

Мелодия звучала так громко, что ее было слышно, наверное, и на окраинах города. И она была нескончаемой. Хор пел беспрерывно. Всегда под рукой были священники, прислужники, псаломщики, пилигримы, всегда под рукой, чтобы заменить усталого певца или певицу. Любого и любую из участников хора.

Мне стало не по себе, как подумал, что дни и ночи напролет людям приходится слушать гимны. Если человек живет в Силоаме, пусть даже не понимит, вероятно, его сознание скоро перестанет воспринимать это пение. Но разве не будут постоянно проникать эти звуки в его думы, сны, грезы. Наконец, в саму душу?

Я не мог объяснить, что я сейчас чувствовал. Словами этого не выразишь. Но с каждым ярдом ощущение делалось все сильнее. Ощущение враждебности... или истины, которую я просто не способен воспринять?

Привратник в воротах был приятным на вид молодым человеком. Волосы, как пакля, и голубые глаза. Такое в этих краях дружелюбие, таких американцев любил описывать Уолт Уитмен.

Я припарковал метлу (участок был огромен, пуст, погружен во тьму), подошел к нему и спросил, можно ли войти. Мгновенно он рассматривал меня, потом небрежно сказал:

— Вы не причастник, не так ли?

— Н-нет,— я был несколько ошеломлен.

Он захихикал:

— Да разве я знаю... Мне чего? Подождем, когда они закончат молиться Марии, потом войдем.

— Извините, я...

— Все, ладно. Веди себя тихо, никто ничего не заподозрит. В теории ты все равно проклят. Сам-то я в это не верю. Знаешь, чего я думаю? Моя девушка — методистка. Священники тянут волынку, не разрешают мне жениться на ней. Но все равно не поверю, что ей гореть в аду...

Тут он понял, что слишком распустил язык:

— Чего это ты явился так поздно? — спросил он. —Туристы обычно бывают у нас в дневное время.

Я решил, что он не принял обет, просто вольнонаемный. И не более фанатичен, чем обычный средний христианин. Короче говоря, принадлежит к тому большинству, какое есть в любой организации, в любой стране.

Я был готов к такому вопросу и ответил:

— Я путешествую по делам. Получил указание посетить ваш город сегодня рано утром. Задержался и прилетел сюда только сейчас. Ваш хор так знаменит, что не хотелось бы упускать случая прослушать его.

— Спасибо.— Он протянул мне брошюру.— Правила знаешь? Входить и выходить через главный вход. Знаешь место в Языческом... э-э... туристском пределе. Не шуметь, не фотографировать. Когда захочешь уйти, иди тихо тем же путем, которым пришел.

Я кивнул и пошел к двери. Мощеный двор, на нем — вспомогательные здания, выстроившиеся квадратом вокруг собора. Там, где здания не соединялись впритык, между ними поднимались стены, оставляя лишь три прохода. Ворота в них были закрыты на проволоку. Учрежденческие, жилые, складские здания выглядели одинаково. Точнее — однообразно. Кое-где виднелись фигуры неспешно идущих куда-то людей. Мужчин трудно было отличить от женщин. И на тех, и на других были одинаковые рясы с затеняющими лица капюшонами.

Мне вспомнилось, что иоанниты никогда не были замешаны в любовных скандалах. И это при том, что они практиковали как секс, так и безбрачие. Ну, хорошо, их монахи и монахини не просто прошли посвящение. Они посвященные. Иоаннизм превзошел баптизм и оставил далеко позади обычные ритуалы и элементарную перемену имени (последнее соответствовало принятой в петристских церквях информации. Кстати, прежнее имя оставалось и использовалось во взаимодействиях со светскими властями).

Годами посвященные умерщвляли плоть, дисциплинировали дух, занимали свой мозг тем, что их святые книги называли божественным откровением, а неверующие именовали претенциозной чепухой. Верующие же принадлежали к другим церквям. Нередко считали это «Откровение» нераспознанным дьяволопоклонством.

«Да провались оно все...» — подумал я.

Мне необходимо сконцентрироваться на том, что я обязан сделать. Нет сомнения, что эти тихие унылые фигуры в рясах в случае нужды будут действовать быстро и энергично. Невозможно отрицать подавляющее впечатление, производимое вблизи собором. А доносившееся из него песнопения заставляло думать, что оно заполняет всю ночь.

Сохранившиеся у меня чувства волка начали отказывать. И хорошо, потому что это пугало, чуть ли не до смерти. Кожа покрывалась едким потом, холодные капли струйкой сбегали по телу. Резкий запах пота бил в ноздри. Весь мир окутался дымкой нереального, весь мир заполнила безжалостная мелодия.

Но Валерия оставалась в аду...

Я остановился там, где смутный колеблющийся свет был сильнее всего, и прочитал брошюрку. В ней меня вежливо приветствовали и излагали те же правила поведения, о которых мне поведал привратник. На задней обложке был начерчен поэтажный план базилики главного здания. Схемы других помещений не приводились. Было ясно, что на всех этажах, как северной, так и южной стороны, находится много других помещений. Есть они и в башне, и даже в куполе. Не составляло секрета, что под собором располагались обширные подземелья. Там проводились обряды. Некоторые обряды, во всяком случае.

Что я еще знаю? Ничего. Чем выше духовная степень, тем больше тайн святилища открывается посвященным. А в самые тайные святилища вход открыт только адептам, и лишь они знают, что там происходит.

Я поднялся по ступенькам собора. Огромные двери были открыты. По обеим их сторонам торчали два здоровенных монаха. Монахи стояли неподвижно, глаза обыскивающе скользили по мне.

Длинный, с низко нависшим потолком, стериально чистый вестибюль был совершенно пуст, если не считать купели со Святой водой. Ни радостно верещавшей доски объявлений, ни приходских извинений, ни рисунков, что любят делать ученики воскресных школ. Посредине вестибюля стояла монахиня. Она указала мне на коридор, ведущий налево. Другая, стоявшая рядом с ней, переводила взгляд с меня на коробку с надписью: «Пожертвования» и обратно, пока я не опустил туда пару долларов.

В воздухе носилось что-то странное. Не только пение, запах ладана, пристальные взгляды — что-то неосязаемое, какие-то силы, от которых напряглись все мышцы моего тела.

Я вошел в боковой предел собора. Он был огражден канатами. Скамьи в несколько рядов. Очевидно, предел предназначался для посторонних. Я был здесь один. С минуту я осматривался. Предел был огромен и производил потрясающее впечатление. Я сел. Еще несколько минут я потратил на то, чтобы постичь окружающее, в чем я потерпел неудачу.

Эффект превышал всякое понимание. Геометрия голых белых стен, колонн, свода — ее просто не с чем было соизмерить. Человек оказывался как бы в бесконечно тянущейся куда-то пещере. И в густом сумраке господствовал собор. Око Божье над алтарем, и Мандала над возвышением, где находился хор. Но и они казались нереальными, они были где-то за орбитой луны, а редкие свечи мерцали, будто звезды. Пропорции, изгибы, пересечения — все служило созданию впечатления, что человек оказался в неимеющем конца лабиринте.

Раньше, на краю неба, виднелись фигуры полдюжины служек, теперь они исчезли, но может быть это были просто прихожане. Церковь иоаннитов намеренно унижала свою паству.

У алтаря стоял священник. Рядом — два прислужника. Взглянув на их белые мантии, я понял, что они посвященные. На расстоянии они казались совсем крохотными. А священник почему-то не казался маленьким, у него была белая борода, на плечах черно-голубая ряса. Адепт. Высокорослый, он застыл, неподвижно раскинув руки...

Мне стало страшно, я боялся его. Он молился, а может...

Кадила раскачивались, я задыхался от их дыма. Над го-

ловой хор все вел свою монотонную мелодию. Никогда в жизни я не чувствовал такого страха.

Отведя взгляд, я принудил себя внимательно оглядеть окружающее. Так, как будто это вражеская крепость, в которую необходимо проникнуть. Что бы со мной сейчас ни творилось, не здесь ли скрываются виновники того, что произошло с моей девочкой?

При мысли о Валерии во мне проснулась ярость. Ярость тут же сделалась такой сильной, что ко мне вернулась смелость. Колдовское зрение помочь мне здесь не могло. Здесь наверняка приняты все меры против подобных колдовских штучек. Оставалось обычное зрение. Глаза постепенно адаптировались в полутьме. Все мои чувства, не только зрение, были направлены и напряжены до предела.

Место, отведенное для тех, кто не принадлежит к иоаннитской церкви, было расположено как можно дальше от алтаря. В конце, по леую сторону предела собора, так, что справа от меня, до самого нафа, тянулись ряды скамей. Слева, вдоль северной стены оставался проход. На возвышении, надо мной, громоподобно ревел хор. Впереди, где обрывались ряды скамеек, висел, скрывая большую часть поперечного нафа, занавес, украшенный черными звездами.

Я подумал, что ничто из увиденного не подсказывает, как проникнуть куда мне надо.

Мягкими шагами прошел мимо меня монах. Поверх рясы на нем был длинный стихирь, расшитый кабаллистическими знаками. На полдороге к поперечному нафу он остановился у плиты, на которой горели свечи, зажег еще одну свечу и простерся на полу. Пролежав так несколько минут, он встал, поклонился, отступил на семь шагов и обернулся ко мне.

Я видел такое одеяние на фотографиях. Так одевались те, кто пел в хоре. Очевидно, его только что сменили, и он, вместо того, чтобы тут же снять это одеяние, предпочел сперва приобщиться к Божьей милости.

Когда монах миновал меня, я направился за ним следом. Между стеной и скамьями оставалось свободное место. Нависший сверху балкон для хора отбрасывал такую густую тень, что я едва заметил, как монах проскользнул в дверь, открывшуюся в ближнем ко мне углу.

Идея блеснула словно молния. Я сел, внешне совершенно спокойный, на деле же, я был напряжен до предела. Оглядел из конца в конец базилику. Никто не обращал на меня внимания. Вероятно, священник и служки не видели меня. Тут все было спроектировано так, чтобы навязчивые

язычники мешали службе как можно меньше. Сквозь громкое пение я слышал шаги монаха, но мои уши не уловили поворота ключа в замке. Путь был свободен.

А что дальше? Этого я не знал. Да и не особо меня это заботило. Если меня сразу сграбастают, я турист — остолоп. Выругают и выкинут пинком под зад, и я попытаюсь найти какой-нибудь другой способ проникнуть внутрь. Если меня схватят, когда я достаточно глубоко проберусь в глубины собора — что ж, я готов рискнуть.

Я подождал еще триста миллионов микросекунд. Я ощущал каждую из них. Надо дать монаху достаточно времени, чтобы он успел убраться отсюда. И пока длились эти секунды, я опускался на колени и сгибался все ниже и ниже, до тех пор, пока меня совершенно не скрыла спинка скамейки. И, наконец, я встал на четвереньки. Пора!

Я поспешно, хотя и не очень быстро, пополз в залитый тенью угол. Поднявшись на ноги, оглянулся. Адепт стоял в прежней позе, он походил на мрачное приведение. Прислужники производили какие-то сложные манипуляции со священными предметами. Хор пел.

Кто-то бил себя в грудь, покидая собор через южный предел. Я подождал, пока он уйдет, затем взялся за дверную ручку. От нее исходило странное ощущение. Я очень медленно повернул ее. Дверь заскрипела, но ничего не случилось. Заглянув внутрь, я увидел цепочку тусклых голубых фонарей.

Я вошел.

И оказался в прихожей. Отделенное занавесью, за ней находилось помещение больших размеров. И там, и здесь было пусто. Но такая удача не могла продолжаться долго.

Всего занавесей было три. За второй открывалась спиральная лестница, откуда доносились звуки гимна. За третьей тянулся коридор. Большая часть его была заставлена вешалками с висящими на них стихирями.

Очевидно, иоаннит, получив наставление где-то в другом месте, должен был надеть здесь стихирь и затем уже подняться на возвышение, где пел хор. Кончив петь, он возвращался тем же путем.

Если хор состоит из 601 певца, меняться поющие должны достаточно часто. Возможно, сейчас ночью, когда хор состоит в основном из священников, более тренированных, чем энтузиасты-миряне, смены проходят не так часто. Но в любом случае мне лучше здесь не оставаться.

Костюм будет мешать, если я превращусь в волка. Снять его и оставить под этими свитерами-распашонками? Однако,

если кто-то случайно увидит меня босого, в плотно прилегающей к телу одежде — «кожа волка для костюма» — ему будет трудно поверить в мои добрые намерения.

Я вытащил из-за пояса ножны, достал нож и сунул его в карман куртки. И отправился в путь...

24

Коридор тянулся вдоль всего здания. В стенах его было множество дверей. В основном там, видимо, размещались обычные кабинеты и канцелярии. Что-нибудь в этом роде. Двери были закрыты, свет погашен. На матовом стекле виднелись надписи. Так, например — «Постовая пропагандиста. Отдел 12».

Что ж, отсюда брались под контроль обширные территории. Проходя мимо одной, я услышал стук пишущей машинки. Я как-то привык слушать одно бесконечное песнопение, и вдруг — стук машинки! Это так испугало, будто я услышал стук челюстей скелета.

Планы у меня были смутные. Очевидно, Мармидон, священник, участвовавший в демонстрации у предприятий «Источника», получает указания из этого центра.

Выполнив поручение, он вернулся сюда, чтобы собратья очистили его от греха общения с язычниками. Сложные, тщетно разработанные заклинания, волшебство которых слишком дорого для обычного человека, чистят его быстрее, чем это произошло бы естественным путем. В конце концов я мог ориентироваться только на Мармидона. Если он не при чем, я могу угрохать на поиски в этом крольчатнике дней десять. Причем без всякой пользы.

От коридора ответвлялись идущие то вверх, то вниз лестницы. Куда они вели, указывали надписи на стенах. Я ожидал этого. Сюда, должно быть, являлось множество мирян и пришлого духовенства, у которых были какие-то дела в канцелярии и кабинетах собора, в незасекреченных отделах, конечно. Еще одна надпись: «Кабинет Мармидона — номер 413».

Он посвященный Пятой степени, а этот ранг расценивался достаточно высоко. Еще две ступени и он становится кандидатом на Первую ступень, то есть на получение звания Адепта. Поэтому я решил, что он не простой священник, капеллан или миссионер, а скорее принадлежит к руководящей верхушке собора. Но тут мне пришло в голову, что я не знаю, в чем состоят его обычные обязанности.

Я шел теперь с удвоенной осторожностью. На площадке третьего этажа путь преградили ворота сварной стали. Они были заперты. Не удивительно, подумал я. Добрался туда,

где обитает высшее духовенство. Ворота были не так высоки, чтобы ловкий человек не смог перелезть через них.

Помещение, куда я попал, на взгляд не отличалось от расположенного ниже. Но по коже пробежали мурашки — так много было здесь энергии сверхъестественного.

Четвертый этаж не походил на Мэдисон-авеню. Коридор здесь был облицован кирпичом, с бочкообразного свода свисали масляные лампы, имеющие форму чаши Святого Грааля. Метались огромные тени. От стен отражалось эхо песнопения. Воздух пах как-то странно — кислотой, мускусом, дымом. Комнаты, должно быть, были здесь очень большие, двери, выполненные в виде стрельчатых арок, находились на значительных расстояниях друг от друга. На дверях были лишь таблички с именами, никаких номеров, но я решил, что порядок нумерации здесь такой же, как и всюду.

Одна дверь на моем пути оказалась открытой. Оттуда лился, неожиданный здесь, яркий свет. Я сбоку заглянул туда и увидел полки и полки книг. Некоторые книги казались древними, но большинство были современными... Да, эта толстая, должно быть, «Руководство по алхимии и метафизике», а вот та — «Энциклопедия таинственного», а вон та переплетенная подборка «Души»... Что ж, каждому ученому нужна своя подручная библиотека. Но наверняка здесь проводятся очень странные исследования. Это уж такое мое счастье, что кто-то продолжал работать так поздно ночью.

Я рискнул посмотреть, кто и что там поближе. Скользнул к косяку. В комнате находился мужчина. Один. Он был громаден, выше Барни Стурласона. Но он был стар, очень стар. Ни волос, ни бороды у него не было. Лицо... такое лицо должно быть у мученика, у мумии Рамзеса.

Старик был облачен в рясу Адепта. На столе перед ним лежала книга, но он не глядел в нее. Неподвижны были его глубоко посаженные глаза, а руки медленно двигались по странице. Я понял, что он слеп. Книга, однако, была обычной, это не был шрифт Брайля.

Свет, вероятно, включался автоматически. А может, за полками работал еще кто-то. Я тихо скользнул мимо дверей.

Кабинет Мармидона оказался всего несколькими ярдами дальше. Под его именем и рангом, на латунной дощечке, было обозначение:

«ЧЕТВЕРТЫЙ ПОМОЩНИК — ЗВОНАРЬ».

Ради всего святого, этот недомерок, он что — в колокола звонит?

Дверь была заперта. Я мог бы вывинтить задвижку или

шурупы, на которых держались дверные петли, для этого у меня был нож. Но лучше подождать, пока рядом совсем никого не будет. А тем временем я, пожалуй, суну нос в...

— Кто это?

Я мгновенно обернулся. В дверях своего кабинета (того, который выходил в библиотеку) стоял Адепт. Он опирался на посох. Но его голос звучал как-то странно, что мне не верилось, что ему вообще нужно опираться. Меня охватила тревога. Я и забыл, каким могуществом обладают маги. А он — маг.

— Пришелец — ты кто? — припер меня к стене грохочущий бас Адепта.

Я облизал пересохшие губы:

— Сэр... Ваша Посвященность...

Посох поднялся, указывая на меня. На нем был изображен главный символ поанниптов: крюк, перекрещенный Т-образным крестом. И это была не просто палка со знаком, это был волшебный жезл.

— От тебя веет падалью,— сказал Адепт.— Я слеп, но чувствую это. От тебя веет опасностью. Назови себя.

Я коснулся ножа в кармане и фонарика превращения за пазухой. Сейчас эти предметы были для меня бесполезны. Но когда пальцы ощутили их, они сделались для меня как бы талисманами. Я хотел воспользоваться ими, если подвернется счастливый случай. Во мне вновь проснулись воля и разум. Ударами пульса прозвучала мысль: мне везет больше, чем я мог рассчитывать. Он сам заговорил со мной. Он — жуткий старик, этот сукин сын, но он человек. Какие бы силы не повиновались ему, я держу его в поле зрения.

Тем не менее мне пришлось пару раз откашляться, прежде чем он смог услышать от меня пару слов. Слова мои, как мне показалось, звучали скомкано и неуверенно:

— Я... я прошу прощения у Его Посвященности... Он появился так неожиданно. Не будет ли он так любезен сказать мне, где сейчас находится посвященный Мармидон?

Адепт опустил свой посох. Это было его единственное движение. Его мертвые глаза неподвижно уставились на меня. Лучше бы он действительно был зрячим.

— Какое у тебя к нему дело?

— Извините, Ваша Посвященность. Секретное и неотложное дело. Как узнали Ваша Посвященность, я э-э... не совсем обычный посланец. Могу признаться, что собирался поговорить с посвященным Мармидоном в связи с э-э... трудностями, возникшими у компании «Источник Норн». Выяснилось, что это гораздо более важно, чем сперва казалось.

— Это я знаю. И знаю, конечно, когда вернется Мармидон. Я вызывал... Узнавал. Достаточно. Это тот, сдвинувшийся с места камень, который может вызвать лавину.

У меня возникло дикое ощущение, что эти слова предназначались не мне, а кому-то другому. И почему это дело заставило тревожиться и его тоже? Я не осмелился потянуть время для раздумий.

— В таком случае Его Посвященность поймет, почему я так спешу и почему я не могу нарушить клятву никому не разглашать порученное дело. Никому, даже его Посвященности. Если он даст мне возможность узнать, где кельи Мармидона...

— Провинившийся живет отдельно от братии. Он плохо выполнил свой пасторский долг и навлек на себя гнев Святоносного. На него наложена эпитимья. Пока над ним не совершат обряд очищенья, можешь не искать его.— И неожиданно резко.— Ответствуй мне! Откуда ты явился? Чего добиваешься? Как это может быть, что от тебя несет опасностью?

— Я... не знаю,— запинаясь, пробормотал я.

— Ты не освящен?

— Видите ли, Ваше Посвященность... если вы.. если он, ну, возможно, тут имеет место недопонимание. Меня... мое начальство приказало мне вступить в контакт с Мармидоном. У входа мне сказали, что я могу разыскать его здесь, и дали ключ от ворот.

В эту скромную фразу мне удалось вместить куда больше наглой лжи, чем я мог надеяться. Великолепное вранье! Учитываю, что он тоже сопричастен. Он растерялся. Что делать дальше? Удивляться?

— Полагаю, что это, может быть, была их ошибка.

— Да. Низшему духовенству, естественно, ничего не сообщили...

Маг задумался.

— Если Его Посвященность скажет, куда мне идти и к кому обратиться, я больше не буду беспокоить его.

Он пришел к решению:

— Секретариат ночного аббатства, комната 107. Спроси посвященного Хезатоуба. Из тех, кто сейчас там находится, ни один не обладает достаточной информацией по делу Матучека. Проконсультируйся с ним.

По делу Матучека?...

Пролепетав слова благодарности, я едва ли не бегом удалился. И пока шел по лестнице, беспрерывно чувствовал между лопатками пристальный взгляд невидящих глаз.

Прежде чем снова перелезть через ворота, я позволил себе на мгновение остановиться, чтобы опомниться.

Я знал, что едва ли располагаю временем. Адепт, может, несколько дряхл, но только несколько. Вряд ли он особо обеспокоен моим появлением. Но если он решит выяснить побольше? Тогда, возможно, он не ограничится телефонным звонком брату Хезатоубу. Если у меня действительно есть шанс узнать что-то, надо спешить.

Куда, однако, мне идти? Как идти? На что я рассчитывал? Пора сознаться, что эта рискованная затея слишком уж отдает донкихотством. Пора смываться.

Ну, нет! Пока есть возможность, нужно атаковать самую большую ветряную мельницу. В работу включился мозг. Нет сомнения, что верхние этажи и подвалы собора предназначены для священников самого высокого ранга. В древности приверженцы древних культов проводили главные обряды под землей. Пожалуй, лучше всего мне поискать Мармидона в подземельях собора.

Я ощутил, как на лице сама собой появилась судорожная улыбка. Ему вряд ли стали облегчать наказание, заклинаниями лишив его запаха. Вот еще одна причина полагать, что он упрятан в подвал. Упрятан слишком далеко, чтобы его можно было отыскать с помощью даже обоняния.

С помощью человеческого обоняния!

Я вернулся на первый этаж, и поспешно начал спускаться вниз. Все шло как по маслу. Было уже далеко за полночь. Чародеи, должно быть, были поглощены своими делами. За немногими, может быть, исключениями.

Я уже спустился двумя этажами ниже. Здесь, видимо, помещались склады и кладовые, где хранился дворецкий инвентарь и так далее. На одном из этажей я увидел монашку, драившую пол голыми руками. Обычная ее работа? Искупление вины? Самоуничтожение? Она была единственным человеком, которого я встретил здесь. Она меня не заметила.

Дальше по пути мне снова встретились запертые ворота. По ту сторону, за ними, лестница делалась круче. Вокруг был уже не бетон, а грубо отесанный камень. Я уже углубился в скальное основание собора. Стены были холодными до озноба, влажными. Холодным был и воздух. Современного освещения здесь не было, оно осталось там, позади. Путь мой освещали только свечи, вставленные в далеко стоявшие друг от друга железные подсвечники. Свечи были оплывшие. Снизу тянул ветерок. В тусклом свете прыгали уродливые тени. И, наконец, я был избавлен от звуков мессы. А лестница все вела вниз!

И снова, бесконечно вниз.

Но вот лестница кончилась. Я ступил на пол, созданный природой пещеры. Редкие голубые огни выхватывали из колеблющего мрака очертания сталактитов и сталагмитов. Они горели в ладонях обычно дезактивизированных Рук Славы. Руки Славы были укреплены над входами в туннели. Я знал, что высшие иерархии иоаннитов пустили в ход свое влияние, чтобы получить разрешение полиции на эти приборы. Действительно ли они понадобились иоаннитам для проведения исследований? Из одного тоннеля доносился шум бегущего под землей потока. Из другого сочился тусклый свет, несло ладаном, слышался чей-то дрожащий голос. Молитва, бдение, чародейство или еще что-либо?

Я не стал задерживаться, чтобы выяснить что там такое. Быстро скинул с себя одежду и обувь. Спрятал все это в глубине скалы. Нож я заткнул за эластичную резинку трусов.

Направив на себя линзу, я трансформировался. При этом я постарался, конечно, не слишком поддаваться квазисексуальным ощущениям, и вбил в мою голову, для чего я совершил превращение. Чувства и мышцы зверя должны служить поставленной человеком цели.

Поэтому, как я заметил, превращение проходило трудно. Чтобы закончить его, мне понадобилось вдвое больше времени по сравнению с тем, сколько это обычно занимало. Несомненно, влияли антиколдовские заклинания. Вероятно, мне не удалось бы стать волком, если бы не мои хромосомы.

Никакого сомнения. Я снова стал волком!

И без того слабый свет потускнел так, что только мешал. Волк не так зависит от зрения, как человек. Уши, ноги, язык, каждый волос моего тела, и, прежде всего, нос — впитывали поток информации. Пещера перестала быть ямой, где я мог бы оступиться. Любую пещеру теперь я постигал сразу.

И... да, это не ошибка. Из одного тоннеля слабо тянуло запахом тухлого мяса — отвратительным запахом. Я едва успел подавить вой вышедшего на добычу волка, и затрусил к туннелю...

25

Проход был длинным, извилистым, пересеченным множеством других тоннелей. Не веди меня мое обоняние, я бы скоро заблудился. Путь освещали испускавшие огонь Руки — над каждой, выбитой в скале кельей. Но кельи встречались редко. Общеизвестно, что кандидат на Первую сту-

пень посвящения, должен в одиночестве провести здесь сутки и лишь в отдельных случаях после этого на него снисходило благочестие и святость.

Утверждали, что так душа вознаграждается за творимые без помех молитвы и размышления. Но мне как-то не верилось, что благие влияния проникают так же и в сознание. Некие запахи, едва уловимые даже моим волчьим обонянием... от них шерсть на загривке становилась дыбом.

Через некоторое время эти запахи были заглушены запахом, след которого вел меня. Когда, наконец, я добрался до источника запаха, пришлось на время задержать дыхание. Так, не дыша, я и заглянул в келью.

Тусклое голубое свечение, льющееся с пальцев над входом, давало света вряд ли больше, чем ночник в большой палате. На соломенном тюфяке спал Мармидон. Чтобы было теплее, он укрылся рясой. Столь же грязной, как и его кожа. Помимо рясы у него был сухарь, жестяная банка с водой, чашка, иоаннитская Библия и свеча, чтобы можно было читать Библию. Должно быть, он покидал келью только тогда, когда нужно было посетить расположенную дальше по тоннелю каморку с люком. Но если бы он вообще не выходил из кельи, особенного различия не было бы. Ф-фу!

Отступив немного, я превратил себя в человека. В этом облике зловонные испарения действовали на меня не так сильно. Да и вновь обретенный разум человека взял верх над инстинктами зверя. Кстати, Мармидон, несомненно, даже не замечал зловония.

Я вошел в его жилище. Опустившись на корточки, я потряс его за плечо. Свободной рукой вытащил нож.

— Вставай, ты!

Он забарахтался, проснулся, и, увидев меня, застыл с разинутым ртом. Должно быть, я представлял собою весьма зловещее зрелище. На голое тело надето местами что-то черное и облегающее, а на лице нет и тени милосердия. А он — его лицо, с ввалившимися глазами, выглядело тоже неважно в этом мертвенном свете. Он не успел закричать, я зажал ему рот ладонью.

Щетина на небритой физиономии скрипела. Тело посвященного колыхалось, как тесто, и показывало мне руку.

— Тихо,— сказал я выразительно,— или я выпущу тебе кишки.

Он показал знаками, что согласен, и я отпустил его.

— М-м-мистер Матучек...— шептал он, и, съежившись, все старался отползти от меня, пока не наткнулся на стену.

Я кивнул:

— Пришел потолковать с тобой.

— Я... Как... О чем, во имя Господа?

— Верни нам мою дочь в целости и сохранности.

Мармидон чертил в воздухе кресты и другие знаки.

— Вы сошли с ума? — он нашел в себе силы внимательно посмотреть на меня и сам ответил на свой вопрос.— Нет. Я могу сказать это твердо...

— Я не одержим демоном! — прорычал я.— И не сумасшедший. Говори!

— Н-но мне нечего сказать. Ваша дочь? Я и не знал, что у вас есть дочь!

Мир закружился. Я попятился назад. Он не лгал. Он не мог лгать в таком состоянии.

— А?.. — только и мог сказать я.

Он немного успокоился, пошарил вокруг в поисках очков. Нащупав, нацепил их, и, опустившись на тюфяк, вновь взглянул на меня.

— Это святая правда,— сказал он настойчиво.— Почему у меня должны оказаться сведения о вашей семье? Почему кто-то из вашей семьи должен оказаться здесь?

— Потому, что вы сделались моими врагами.— Во мне опять разбушевалась ярость.

Он покачал головой:

— Мы никогда не враждуем с человеком. Как мы можем сделаться его врагами? Мы используем Евангелие Любви.

Я фыркнул. Он отвел глаза.

— Что ж,— голос его дрогнул.— Все мы — сыны Адама. Мы тоже, как и любой другой, можем впасть в грех. Признаю, что тогда меня охватил гнев... когда вы... выкинули этот фокус... когда хитростью заставили нас... заставили те невинные души...

Я взмахнул ножом. Лезвие сверкнуло.

— Прекрати болтать чепуху, Мармидон! Единственная невинная душа во всем этом подлом деле — трехлетняя девочка. Ее похитили. Она в аду!

Его рот широко открылся, глаза выпучились, как у лягушки.

— Говори! — приказал я.

Какое-то время он не мог выдавить из себя ни слова, а потом, в совершеннейшем ужасе:

— Нет! Невозможно! Я бы никогда... никогда!!!

— А как насчет твоих дружков священников? Который из них?

— Никто! Клянусь. Этого не может быть...

Я кольнул его острием ножа в глотку. Он содрогнулся:

— Пожалуйста, разрешите мне узнать, что случилось. Разрешите мне попробовать помочь вам.

Я убрал нож, пошатываясь, прошел пару шагов, сел, хмурясь, потер лоб. Все это расходилось с тем, что я думал сперва.

— Послушайте,— начал я обвиняющим голосом,— вы сделали все от вас зависящее, чтобы лишить меня средств к существованию. А когда вся моя жизнь пошла под откос, что я должен подумать? Если не вы виноваты, вам лучше предоставить мне убедительные доказательства этого...

Посвященный сглотнул слюну:

— Я... Да, конечно. У меня не было намерения причинять какой-либо вред. То, что вы сделали... делаете... это грех. Не обрекайте себя на вечное проклятие. И не толкайте других на такой же путь греха. Церковь не может оставить это без внимания. Ее служители... большинство из них... помогут вам во всем, что только от них зависит.

— Кончайте проповедь! — приказал я. Помимо всего прочего, я не хотел, чтобы возгоравшийся в нем пыл пересилил его страх передо мной.— Придержитесь фактов. Вы были посланы натравливать на нас ту банду. Вы их подстрекали!

— Нет... Хорошо, я вхожу в состав добровольцев. Когда происходили те события, мне разрешили принять в них участие. Но не для того, чтобы... чтобы сделать то, о чем вы говорите... нет, чтобы оказать помощь, помощь советом, осуществлять духовное руководство... ну, и обеспечить защиту против возможного с вашей стороны колдовства... Ничего более! Вы же сами напали на нас.

— Конечно, конечно. Это мы начали пикетирование, а когда оно не сработало, силой вторглись на чужую территорию, установили блокаду, учинили факты вандализма, терроризма... Ха-ха! И действовали вы исключительно в качестве частного лица. Правда, когда вы потерпели неудачу, то нашли поддержку и утешение у своего руководства. И уже вернулись к исполнению своих обычных обязанностей.

— На меня наложена эпитимья за то, что я согрешил гневом,— заявил он.

Легкая дрожь пробежала у меня по позвоночнику. Ну, вот, теперь мы добрались до главного.

— Вас поместили сюда не просто потому, что вы рассердились на нас. Что вы сделали на самом деле?

Его снова охватил ужас. Он воздел бессильные руки.

— Пожалуйста... Я не могу... Нет!

Я поднес нож к его лицу.

Мармидон нахмурился и быстро сказал:

— Разгневался на вашу жестокость, упрямство... я наложил на вас всех проклятье. Проклятье Мабона. Просвященные отцы, не знаю, как они узнали о том, что я сделал, но Адепты наделены даром... Когда я вернулся, мне сказали, что последствия могут оказаться гибельными. Ничего больше я не знаю. Пока я находился здесь, мне никто ничего не говорил. Никто не приходил сюда... Что, действительно были какие-то последствия?

— Как сказано... Что это за проклятье?

— Это не заклинание. Вы понимаете между ними разницу, не так ли? Заклинания, используя законы волшебства, вызывают к действию сверхъестественные силы или призывают нечеловеческие существа. Это, мистер Матучек, то же самое, что нажать спусковой крючок или свистнуть собаке. Это — как использование любого инструмента. Молитва — другое. Это мольба, обращение к Всевышнему. Проклятье — не что иное, как формула, в которой содержится просьба... ну, наказать кого-то. Всевышний, либо его ангелы, выполняют просьбу, если увидят, что человек должен быть наказан. Лишь им дано судить...

— Повторите его.

— Абсит омен! Это опасно!

— Вы только что утверждали, что само по себе оно безвредно...

— Разве вы не знаете? Молитвы иоаннитов не то же самое, что молитвы петристов. Нас осеняет особая милость Божья, его особый промысел. Мы обладаем особым знанием, мы — возлюбленные его дети. Наши молитвы могущественны сами по себе. Я не могу предсказать, что случится, если я произнесу эти слова... Пусть даже у меня нет никаких намерений, но, в подобных условиях... когда нельзя проконтролировать.

«Очень может быть...» — подумал я.

Сущность гностицизма в древние времена состояла в поиске сил и власти с помощью древних знаний. В овладении мощью, превышающей мощь самого Бога. Несомненно, Мармидон будет искренне отрицать, что его церковь возродила эту идею, но он еще не получил статуса Адепта. Сами конечные тайны от него скрыты. Без особого желания я подумал, что непохоже, чтобы он был способен совершить преступление. Этот коротышка в душе был неплохим человеком.

Меня осенило. Еще полсекунды я обдумывал эту мысль. А если логически продолжить ее... Предположим, что осно-

воположники современного гностицизма сделали какое-то открытие, вооружившее их неизвестной до сих пор мощью. Результаты убедили их, что они оказывают воздействие непосредственно на самого Бога.

Предположим далее, что они ошиблись... были введены в заблуждение. Потому что, пропади оно пропадом, идея, что смертные могут хоть как-то влиять на Всемогущего, не имеет никакого смысла. Какой вывод следует из этих предположений? Следующий: вне зависимости, знают ли они об этом или нет, благословения и проклятия иоаннитов являются в действительности не молитвами, а особо искусным, имеющим чрезвычайную силу колдовством.

— Я могу ознакомить вас с текстом.— Мармидон весь дрожал.

— Вы можете прочесть его сами. Он не относится к числу запретных.

— Ладно,— согласился я.

Он зажег свечу и раскрыл книгу. Мне приходилось издали видеть Иоаннитскую Библию, но никогда не выпадало случая хоть полистать ее. Иоанниты заменяли Ветхий Завет чем-то таким, что даже неверующие, вроде меня, сочли богохульством. Обычно приводимый текст Нового Завета сопровождался множеством апокрифов, добавлением других произведений, источник которых не мог определить ни один ученый.

Трясущийся палец Мармидона коснулся отрывка в последнем разделе. Я сощурился, пытаясь разобрать мелкий шрифт. Текст на греческом шел параллельно с переводом на английский. Отдельной строчкой шли пояснения смысла слов, вроде тех, что были в распеваемом наверху гимне.

«Свят, свят, свят. Во имя семи гномов. О, мабон, праведный, безмерно Великий ангел Духа Святого, надзирающий над изливающими гнев и хранящими тайну бездонной бездны, приди ко мне на помощь, излей горе на тех, кто причинил зло мне, чтобы могли и они познать раскаяние и дабы не страдали больше слуги скрытой от очей человеческой истины и Царства, которое грядет. Словами этими призываю тебя, Гелифомар, Мабон Сарут Эпанус Сацинос.

Амен, амен, амен....»

Я закрыл книгу:

— Не думаю, чтобы такого рода заклинания чего-нибудь стоили,— медленно сказал я.

— О, можете повторить это вслух,— выпалил Мармидон.— Вы можете. И обычный церковный причастник может тоже. Но я — звонарь, или как вы называете — заклинатель.

Не слишком высокого ранга, не слишком искусный, но и мне дарована определенная милость.

— Ах, так! — И я с болью и ужасом начал понимать истину.— Ваша повседневная работа состоит в том, чтобы вызывать демонов и руководить ими...

— Не демонов. Нет, нет! По большей части обычных существ сверхъестественного мира. Иногда — ангела низшего разряда.

— Вы имеете в виду существо, сказавшее вам, что оно ангел?

— Но он и есть ангел!

— Неважно! Так вот что случилось! Вы говорите, что разгневались до безумия, прокляли нас. Прочли эту молитву темным силам. Я утверждаю, что вы, сознательно или нет, но занимались колдовством. Поскольку детекторами ничего не зафиксировано, значит этот род колдовства еще не известен науке.

Это был призыв кому-то, живущему за пределами нашей Вселенной. Что ж, вы, иоанниты, кажется, ухитрились наладить связь с иным миром. Вы верите, большинство из вас верит, что этот мир — Небеса. Я утверждаю, что вас обманывают. На самом деле этот мир — Ад!

— Нет! — застонал он.

— Помните, у меня есть основания для этого утверждения. Вот куда попало мое дитя — в Ад!

— А может быть и нет?

— Демон отозвался на ваш зов. Случилось так, что из всех служащих «Источника Норн» лишь мой дом оказался незащищенным от нападения демона, так что месть обрушилась на нас.

Мармидон расправил хилые плечи:

— Сэр, я не отрицаю, что вашего ребенка похитили. Но если девочку украли... в результате моих опрометчивых действий, вам не следует бояться.

— Когда она находится в аду? Предположим, мне вернут ее сию же минуту. Какой страшный след оставит на ней пребывание там?

— Нет, честное слово, не бойтесь.— Мармидон похлопал меня по руке. Угадал как раз по побелевшим суставам, обхватившим рукоятку ножа.— Если она сейчас находится в Нижнем Континууме, действия по ее возвращению сопряжены со временем. Вы понимаете, что я имею в виду?

Сам я не очень-то хорошо разбираюсь в таких вещах, но Адепты глубоко проникли в их суть, и некоторую часть своих знаний они передают посвященным, начиная с Пятой сте-

пени и выше. Математическая сторона осталась вне пределов моего понимания.

Но как я припоминаю, адская Вселенная отличается особо сложной геометрией пространства и времени. Будет не особо трудно вернуть вашу дочь в ту же секунду, из которой ее похитили. Точно так же, как и в любой другой момент времени.

Нож вывалился из моей ладони. В моей голове гудели колокола.

— Это правда?

— Да. Церковный обет не позволяет сказать мне большего.

Я закрыл лицо руками. Слезы бежали у меня между пальцами.

— Но я хочу помочь вам, мистер Матучек. Я раскаиваюсь в том, что поддался гневу.

Подняв взгляд, я увидел, что он тоже плачет.

Через некоторое время мы нашли в себе силы приступить к делу.

— Разумеется, мне не следует вводить вас в заблуждение,— объявил он.— Когда я сказал, что можно одинаково легко войти в любую точку времени, это не значит, что у вас нет трудностей. На самом деле существуют такие трудности, что преодолеть их могут лишь наши верховные Адепты. Никто из ныне живущих геометров, пусть он даже гений, не сможет самостоятельно отыскать дорогу сквозь эти измерения. К счастью, однако, этот вопрос перед нами не стоит.

Я просто хотел, чтобы, успокоившись, вы все же увидели, как обстоят дела. Возможно, ваша дочь была действительно похищена в результате моего проклятья. Тогда понятна немилость, проявленная ко мне моим руководством. Но если даже так, она находится под защитой ангелов.

— Докажите,— потребовал я.

— Попытаюсь. Я снова нарушаю все правила, если учесть, что на меня наложили эпитимью, а вы — неверующий. Однако я могу попробовать воззвать к ангелу.

Мармидон застенчиво улыбнулся.

— Кто знает, если вы отречетесь от своих заблуждений, возможно, девочка будет возвращена немедленно. Обращение в истинную веру человека, обладающего вашими способностями и энергией — это было бы чудесно. Возможно все, что случилось, соответствует цели Божьей.

Мне не очень-то понравилась идея с этим зовом. Если честно, у меня озноб побежал по коже. Мармидон может сколько угодно думать, что явившееся к нему существо —

небесного происхождения. Я же так не думаю. По вступив на этот путь, я был готов встретиться лицом к лицу и с чем-то худшим, чем дьявол.

— Приступим.

Он открыл Библию на новой странице. Текст был мне незнаком. Преклонив колени, он начал песнопение. Пронзительная, скачущая то вверх, то вниз мелодия била по нервам.

По туннелю порывами пронесся ветер. Огни не угасли, но темнота сгустилась. Делалось все темнее. Казалось, будто я умираю. И, наконец, я оказался в пронизанной свистом тьме. Я был совершенно один. А вокруг — нескончаемая ночь.

Внезапно появилось памятное мне бесконечное отчаяние. Никогда прежде не было оно таким сильным — ни в предыдущие три раза, ни когда похитили Валерию, ни когда умерла моя мать.

Поскольку кончилась для меня всякая надежда, я постиг тщетность всего сущего. Любовь, радость, честь — значили меньше, чем горстка пепла... их никогда не было. И во всем пустом мироздании существовал только я.

Совершенно опустошенный я...

Где-то в неизмеримой дали вспыхнул свет. Он двинулся ко мне. Искра. Звезда. Солнце. Он двинулся ко мне. Я увидел громадное, напоминающее маску лицо. Заглянул в лишенные жизни глаза. И ударами зазвучал во мне мерный голос: — Час настал. Несмотря на ифрита, саламандру, инкуба, вопреки действиям смертных, твоя жизнь не оборвалась, Стивен. Вопреки моей воле и моим замыслам. Я предвижу, что в этом цикле развития мира, среди моих злейших врагов, окажешься ты. Предвижу опасность, которую ты будешь представлять моему новому великому замыслу. Я не желаю знать причины, по какой ты пытаешься уничтожить дело рук моих — бездумный ли призыв одного дурака или поспешное повиновение другому.

Но теперь ты имеешь возможность проникнуть в мою сокровенную твердыню. Страшись, Стивен.

Сам я не могу и коснуться тебя, но у меня есть могущественные слуги, и я пошлю их навстречу тебе. Более могущественные, чем те, с которыми ты сталкивался прежде. Если ты и дальше будешь идти против меня, значит, ты пойдешь навстречу собственной гибели. Возвращайся домой. Покорно, как подобает сыну Адама, смирись со своей потерей. Породи других детей.

Перестань вмешиваться в дела, касающиеся всего чело-

вечества. Занимайся исключительно своими собственными делами. Тогда тебя ожидает довольство, здоровье и богатство. И долго продлятся дни твои. Но все это — если ты заключишь со мной мир. Если же нет — ты погибнешь, и погибнут все, кто поддерживает и любит тебя. Страшись меня!

Видение, голос, тьма — исчезли. Мокрый от пота, воняющий потом, я смутно уставился на Мармидона. Мерцали свечи... Не знаю, как я устоял на ногах. Мармидон излучал довольство и потирал руки. Мне едва удалось понять его.

— Вот! Разве я не был прав? Вы удовлетворены? Разве он не великолепен? Будь я на вашем месте, я пал бы на колени, восхваляя Бога за милосердие.

— Ч-ч-что? — выдавил я.

— Ангел! Ангел!

Я взял себя в руки. Ощущение, будто я выбрался из бешеного потока. И — пустота в сердце. Но разум по инерции продолжал работать. Повинуясь разуму, губы выговорили слова:

— Возможно, мы по-разному видели одно и то же существо. Что видели вы — увенчанную короной голову, сверкающие крылья.— Он чуть не пел.

— Ваша дочь в безопасности. Она будет возвращена вам, когда вы окончательно раскаетесь. И поскольку на нее пало благословение в ее смертной жизни, она будет причислена к лику Святых истинной церкви...

Что ж, мелькнуло у меня в голове, это без сомнения не в первый раз. Враг использует в своих целях людей, искренне верящих, что они служат Богу. Как там было у Яхонтана Эдварса, жившего в давние времена в Новой Англии? «Земля в Аду вымощена черепами некрещенных детей»... Кто на самом деле был тот Иегова, которому он поклонялся?

— А что испытывали вы? — спросил Мармидон.

Нужно или нет скрывать то, что открылось мне? Вероятно, нет. Что бы это дало хорошего?

И тут наше внимание привлекли новые звуки — шум приближающихся шагов и голосов.

— Что, если его здесь нет?

— Подождем два-три часа.

— В этой гробнице?

— Все в руках Божьих, брат...

Я окаменел. Шли двое — монахи, судя по шороху их шагов, их выдавали сандалии,— огромного роста и веса, так гудел у них под ногами камень. У встреченного мною наверху Адепта, видимо, возникли подозрения, или где-то зарегистрировали заклинание Мармидона и появление «ангела», а мо-

жет и то, и другое вместе. Если меня намерены схватить — я предупрежден. А сейчас моя жизнь бесценна, ибо я должен вернуться домой со сведениями, которые помогут возвращению Валерии.

Я направил на себя фонарик. Изменившись, расслышал хныканье Мармидона. Хорошо, что мне некогда. Я был волк, и мои эмоции были эмоциями волка. Будь время, я бы порвал ему глотку за то, что он сделал, но...

Серой молнией я выскочил из кельи. Густой сумрак помог мне. Монахи не замечали меня, пока я не оказался почти рядом с ними. Двое, очень мясистые. У одного была палка, у другого — автоматический пистолет 45-го калибра. У этого второго я проскочил между ног. Он, не удержавшись, покатился. Его приятель с треском опустил мне на спину свою дубину. На мгновение движения мои замедлились. Должно быть, сломано ребро... Хотя это связало скорость, я устремился вперед. Пистолет выстрелил, и в камень, рядом со мной, ударила пуля. Если в обойме пистолета есть серебряные пули, попадание означает смерть. Нужно бежать!

Я взлетел вверх по лестнице. Монахи остались где-то позади. Но впереди уже подняли тревогу, мелодию гимна прорезал бой колоколов. Может, у моих преследователей был с собой карманный шар-переговорник? Созданный на предприятиях, принадлежащих «Источнику Норн»?

Я ворвался в прихожую первого этажа. Здесь должны быть другие двери, но я не знал, где они находятся. Волк может развивать скорость, с какой распространяются плохие новости. Я проскочил занавес, отделяющий ризницу, где пел хор прежде, чем из канцелярии успел выглянуть кто-либо работающий в ночную смену или появился какой-нибудь заспанный монах.

Церковь бурлила. Под моим телом с треском распахнулась дверь в боковой предел. Достаточно было взглянуть. Песнопение продолжалось, но по нафу, крича, бежали люди. Как раз в этот момент двое закрывали ведущую в вестибюль дверь. Бежать было некуда.

Послышалось топанье ног по коридору. Иоанниты не знали, куда я делся. И, конечно, были обескуражены внезапно поднятой непонятной тревогой. Тем не менее времени у меня было мало — лишь до той поры, пока кто-нибудь не догадается заглянуть сюда.

Мне пришло в голову, как нужно действовать. Не знаю причин этого недоступного волчьему мозгу озарения. Видимо, повинуясь инстинкту, я передней лапой щелкнул выключа-

тель на моем фонарике. Голубые огни, горевшие в помещении, не мешали моему превращению в человека. Кинувшись обратно в ризницу, я схватил стихирь и натянул его через голову. Он оказался мне почти до пят. Ноги оставались почти голыми, но, может быть, этого никто не заметит...

Поднявшись за рекордное время на возвышение, где пел хор, я остановился в арке входа, чтобы оценить ситуацию. Мужчины и женщины были сгруппированы по голосам. У каждого или каждой в руках были сборники гимнов. Несколько таких книжек лежало на столе. Вид отсюда вниз и вверх, на купол, был потрясающий. Я не стал тратить зря ни мгновения. Выбрал себе группу, взял книжку и торжественно двинулся вперед.

Мне не удалось бы выйти сухим из воды, будь вокруг нормальная обстановка. Хористы были слишком возбуждены, их внимание было приковано к суматохе, что бурлила внизу. Мелодия, сбиваясь, неуверенно прыгала. Я нашел себе место на краю группы баритонов, открыл сборник на той же странице, что и сосед.

Лучше будет, если я начну издавать такие звуки. Это не репетиция, которая проводилась с мирянами. Я не мог даже правильно произнести большинства этих слов и заботился только о том, чтобы не очень выпадать из тона.

Сосед искоса взглянул на меня. Это был осанистый, дружелюбный на вид священник. Должно быть, подумал он, что имея такое странное устройство ротовой полости, мне не следовало бы становиться рядом. Я одарил его слабой улыбкой.

— Тхатис эталетам тетес абеска русар,— подчеркнуто интонируя пропел сосед.

Я ухватился за первую же попавшуюся мелодию, имеющую сходство с той, что напевал сосед. Уставившись в книжку, я как можно неразборчивей начал:

«А ПЕРЕД СМЕРТЬЮ МОРЯК МНЕ СКАЗАЛ:
НЕ ЗНАЮ, МОЖЕТ
БЫТЬ, УБЛЮДОК МНЕ...»

В общем контрапункте это сошло, не упоминая уже о гамме внизу. Критик отвел взгляд.

Так и продолжаем — он гимн, я — «Большое красное колесо».

Полагаю, что за проведенный здесь час мне должны проститься многие грехи. Час, решил я, как раз то не вызывающее подозрение время, которое может провести здесь певец-мирянин. А тем временем — ушки на макушке, и взгляд украдкой — я пристально следил, как продвигается охота за мной.

Обширные размеры и запутанная планировка кафедрального собора здорово сыграли мне на руку. Я мог находиться где угодно. Разумеется, при поисках было пущено в ход колдовство. Но у колдунов было мало зацепок, помимо того, что рассказал обо мне Мармидон.

Я был под защитой чар одной из лучших ведьм Гильдии-Джинни. Перед моим уходом она сделала все, что только от нее зависело. Выследить меня было бы даже не таким простым делом для тех существ, которых могли позвать на помощь наиболее могущественные Адепты.

Но долго я выжидать не мог. Если я вскоре не выберусь отсюда, я мертв, или со мной случится нечто худшее смерти. А какой-то частью своего сознания я радовался. Видите ли, опасность мобилизовала мои силы. Отчаяние, порожденное встречей с исчадием ада — там, в подземелье,— исчезло полностью. Главное — я жив, и я сделаю все, на что только способен. Я убью каждого, кто встанет между мною и моими любимыми!

Через некоторое время главный вход опять открыли. Хотя и под присмотром монахов. Я придумал план, как обвести их вокруг пальца.

Выбравшись из хора и сняв стихирь, я снова превратился в волка. В северном коридоре снова стало пустынно. Не повезло бы иоаннитам, которые могли бы там мне встретиться. Конечно, они выставили охрану у каждой двери... и после этого их страсть к охоте охладела. Конечно, поиски продолжались, но уже без шума: спокойно и методично, не дискредитируя религиозную атмосферу собора. Мне удалось не попасться на глаза поисковиков, ведь у меня были органы чувств волка. И я стал искать окно.

На нижних этажах либо в комнатах кто-то был, либо комнаты были заперты. Я поднялся на шестой этаж. Здесь веяло такой враждой, что я едва мог вытерпеть. Но я нашел то, что искал: выходящее наружу окно в коридоре. Я прыгнул (просто ли я решился, или мне помогло отчаяние). Разбившееся стекло оставило на моей шкуре глубокие раны, но эта боль была ничто по сравнению с болью, когда я грохнулся на бетонную площадку.

Но я был волком, и повреждения не были смертельными, и калекой на всю жизнь я от них тоже не стану. Оставшееся от меня кровавое месиво зашевелилось, вновь стало единым целым. Вокруг меня все было залито кровью (не подвергшейся регенерации). Я чувствовал слабость и головокружение. Ничего, хорошее питание, и все будет в порядке.

В небе все еще мерцали звезды. Видно было плохо. И, конечно, привратники в воротах уже оповещены. Им известно многое, а может быть и все. Руководители иоаннитов очень хотели как можно скорее справиться с этим очень хлопотным делом.

Зубами я содрал с себя остатки одежды. Оставил только фонарик — его хорошо скрывали складки шерсти вокруг шеи, и потрусил к воротам, через которые вошел в собор.

— Здравствуй, песик! — приветствовал меня юный привратник.— Откуда ты взялся?

Я покорно потерпел ласку его руки на своем загривке, и смылся...

В окутанной тьмой деловой части Силоама я совершил новое преступление. Проник сквозь еще одно окно, на этот раз в задней части бакалейного магазина.

Позднее я смогу компенсировать ущерб владельцу. «От неизвестного». Я нашел несколько фунтов бифштексов и съел все это. Но главное — мне нужно было какое-то транспортное средство. Превратившись в человека, я обнаружил, что у меня нет ни одного цента. Более того, я абсолютно гол. Мне пришлось позвонить Барни.

— Прилетай и забери меня,— сказал я.— Буду, обернувшись волком, ждать тебя где-нибудь в одном из этих мест...— Я назвал ему примерно с полдюжины, на тот случай, если охота на меня не ограничится степями собора.

— Что случилось с моей метлой? — тревожно спросил Барни.

— Оставил ее на месте парковки. Сможешь завтра заявить свои права на нее.

— Сгораю от нетерпения услышать от тебя о твоих похождениях...

— Ну, могу сказать тебе, это была и почка!..

26

Проскользнув домой, я подробно отчитался перед Джинни. Я был от усталости как бревно. Она лежала бок о бок со мной и настойчивым шепотом требовала, чтобы я рассказал все ей немедленно. Ее вопросы вытянули из меня все до последней детальки, даже то, что пролетело мимо сознания, на что я не обратил внимания.

Уже взошло солнце, когда Джинни приготовила мне завтрак и позволила отдохнуть. Я сразу уснул и проспал целые сутки. Иногда просыпался, ел, сонно озирался, и засыпал снова.

Джинни объяснила нашему фобээровцу, что мое состоя-

ние вызвано нервным истощением. И это не было такой уж неправдой. Заодно она убедила его и его непосредственного начальника (Сверкающий Нож находился тогда в Вашингтоне), что если они хотят сохранить происшедшее в тайне, им не следует держать нас под замком, кое-что знали соседи, и уже поползли слухи.

Конечно, слухи можно было быстро пресечь, но до наших друзей и деловых партнеров они дойдут. И если наши знакомые встревожатся, их ворожба может принести кучу неприятностей.

В итоге разрешили принимать гостей. Когда к нам залетела миссис Делакорт, чтобы одолжить четверть пинты серы, мы представили фэбээровца как кузина Луи, и мельком упомянули, что пока ищут проникших к нам грабителей, мы отослали Вал из города. То ночное происшествие оказалось почти незамеченным, лишь ежедневная газета поместила на одной из внутренних страниц заметку. Как бы то ни было, мне снова позволили работать, а Джинни — выходить за покупками. Нам назвали номер, по которому мы могли позвонить, если потребуется.

Но ничего, конечно, не сказали о том, кто тенью следовал за нами по пятам. «Хвосты» были подготовлены отлично, если бы не некоторые наши ухищрения, мы бы их вообще не заметили.

Итак, на третий день утром я явился в «Источник». Проинформировал Барни Стурласона. Он подыскал мне на этот день работу «не бей лежачего». И в своем кабинете я расхаживал, курил, пускал кольца (мой язык уже напоминал высушенный кожаный ремень) и пил кофе, пока он, булькая, не полил у меня из ушей. Так я проводил время, ожидая назначенной после обеда встречи. Я знал, что эта встреча действительно может многое решить. Когда по интеркому известили, что совещание начинается, я совсем потерял голову. С трудом вспомнил, что мне тоже туда надо идти... встретиться с теми, кто решит нашу судьбу.

Комната, где должно было состояться совещание, находилась наверху. Она была заколдована как против промышленного шпионажа, так и против надзора властей.

Во главе стола громоздилась туша Барни. Воротник расстегнут, сигара дымится. Собрались одиннадцать человек, это в какой-то степени гарантировало, что среди нас не затаился Иуда...

Кроме Барни я знал троих — Гриселда Харди, Яппса Вензеля и немножко еще одного — доктора Нобу, метафизика, с которым мы иногда консультировались. Остальных я не

знал. Один оказался адмиралом в отставке, Хью Чарльзом, специалистом по разведке. Другой — математик Фалькенберг. Третий — пастор из церкви, прихожанином которой был Барни.

Все они выглядели усталыми. Им пришлось работать, как галерным рабам. Работу они закончили буквально минуту назад. У последних двоих вид был свежий. Абсолютно ничего примечательного в их внешности не было, если не считать того, что у одного из них был небольшой чемоданчик, который он поставил на пол.

Прежде чем представить нас друг другу, Барни сделал несколько пассов и произнес заклинание.

— О'кей,— сказал он.— Поле секретности опять на полной мощности. Заходи и присоединяйся к шабашу.— Он улыбнулся мне.— Стив, разреши мне познакомить тебя с мистером Смитом и мистером Брауном. Они — представители компании, деловые предложения которой сегодня ставятся на ваше обсуждение.

Фигуры и лица Смита и Брауна заколебались, расплылись и сделались четкими. Наваждение кончилось. В падающем из окна свете волосы Джинни отливали мерцающей медью. Доктор Акман открыл свой чемоданчик. Свертальф выскочил из него. Уже выздоровевший, большой, черный и как всегда самонадеянный. Потянулся, разминая затекшие мышцы.

— Мур-р-р,— сказал он ворчливо.

Пастору захотелось приласкать его, и он протянул руку. Я не успел предостеречь его. К счастью, у Акмана вошло в привычку брать с собой аптечку.

Свертальф уселся рядом с Джинни и принялся умываться.

— Как вам удалось сделать это? — спросил с профессиональным интересом адмирал.

Джинни пожала плечами:

— Очень просто. Как вы знаете, Барни связался с доктором Акманом. Они назначили время, когда доктор должен был отменить прием больных. Он сходил в лабораторию, ветеринарскую, и принес оттуда Свертальфа. Мой кот, когда нужно, умеет вести себя тихо, даже если лежит в чемодане. Мы уже убедились, что «хвоста» за доктором не было.

Свертальф самодовольно дернул хвостом.

— Тем временем в город вышла я,— продолжала Джинни.— У Барни сегодня распродажа. Самая легкая вещь на свете — это затеряться в толпе. И кто может заметить, ес-

ли я чуточку поколдую? Изменив свою внешность, я встретилась с доктором Акманом и изменила внешность и ему.

Свертальф задумчиво уставился на доктора.

— Потом мы пришли сюда.— Джинни слегка улыбнулась.— Барни точно знал время нашего прихода и понизил активность поля, чтобы наша маскировка не развеялась.

Джинни открыла сумочку (та очень походила на обычный конверт), вытащила косметику и посмотрелась в зеркальце. Неяркая косметика, скромное платьице — в ней трудно было заподозрить ведьму высокого полета, если только не заметить, что все это нарочитое.

— Перейдем к делу,— сказал Барни.— Мы немедленно проинформировали собравшихся о том, что тебе удалось обнаружить, Стив. С чисто научной точки зрения, твое открытие (с учетом того, что мы выяснили) имеет чрезвычайно важное значение. Можно сказать, что наша совместная работа имеет революционное значение.— Он сделал паузу.— Но это значит, что мы вмешиваемся в политику.

— Или в религию,— сказал Янис Вензель.

— Сомневаюсь,— сказал пастор Карлслунд,— есть ли в данном случае между ними какое-нибудь различие.

Пастор был высокого роста, светловолосый мужчина с внешностью настоящего ученого.

— Если иоаннитская церковь действительно есть порождение дьявола...— Грисволд поморщился.— Мне очень бы не хотелось верить в это. Я не согласен с ее догматами, но утверждение, будто это вероучение не просто ошибочно, но создано Злом, означало бы зайти слишком далеко. Вы уверены, мистер Матучек, что вы действительно встретились с Врагом?

— Во всяком случае, с одним из его наиболее высокопоставленных приближенных,— сказал я,— или, если предпочитаете, с одним из наиболее низкопоставленных. То, что я увидел и пережил в прошлые ситуации, теперь полностью укладывается в целостную картину.

— Э-э... полагаю, вы испытывали тогда значительной силы стрессы. Галлюцинации могут быть очень реальными... если ожидаешь чего-то увидеть, я имею в виду.

— Если иоанниты действуют в рамках закона,— оборвала моя жена,— почему они затаились? Личность Стива ими установлена. У них было достаточно времени, чтобы связаться с ним или подать властям жалобу. Но будто ничего и не случилось. Служащий Барни, посланный забрать метлу, взял ее там, где она была оставлена, и никто не задавал

ему никаких вопросов. Утверждаю, что они не могут пойти на риск судебного разбирательства...

— Может быть, они пытаются вступить в контакт с потусторонними силами, чтобы вернуть вашу дочь? — без убеждения произнес Харди.

Адмирал Чарлз фыркнул:

— Как же! Не сомневаюсь, что Врагу бы захотелось, чтобы ничего из случившегося вообще бы не было. Но как это сделать? Вы говорите, мистер Матучек, что он может вернуть вашу дочь, сведя к нулю ее время пребывания в аду? Это поразительно. Но как бы то ни было, не могу представить, что он может изменить прошлое. Время, прожитое без нее, уже прошло...

— Если мы будем вести себя тихо, это может помочь ее освобождению,— сказал Харди.— Молчание будет расценено, как выкуп.

— Какой человек согласится вступить в такого рода сделку? — ответил адмирал.

— Во всяком случае никакие соглашения с Нижним миром невозможны,— сказал Карлслунд.— Соглашение подразумевает согласие и намерение поддерживать достигнутую договоренность. Будучи сам нечестным, дьявол не способен поверить, что человек не попытается, в свою очередь, обмануть его.

— Итак,— сказал Чарльз,— освободив Валерию, он ничего не выигрывает, зато теряет ценного заложника.

— Он уже добивался успехов, разобщив силы добра,— с горечью сказал Акман.— У меня создается впечатление, что наша встреча — на самом деле заговор и акт неповиновения правительству. Умно ли мы поступаем?

— Как я понимаю, вы считаете, что нам нужно открыться Дяде Сэму и решение полностью передоверить ему? — Моя усмешка была рождена болью.

— Сравните, какие возможности у нас и у властей,— сказал Акман.— Правильно ли мы поступаем, скрывая собранные нами сведения? От них зависит благо и жизнь всего общества.

— Разрешите, я отвечу на этот вопрос,— сказал Барни.— У меня имеются связи в Вашингтоне, и... адмирал Чарльз, у которого таких связей еще больше, подтвердил мое предположение, как там будут развиваться события. Исходным моментом является следующее: официальный акт похищения скрывается.

Глава нашего местного ФБР — человек умный. Он сразу понял, какая будет проводиться политика, и начал дей-

ствовать в соответствии с ожидаемыми директивами. Причины такой политики сложны и запутаны, но основными являются два пункта.

Первый — об Адской Вселенной почти ничего не известно. Это один из немногих... может быть единственный случай прямого физического нападения, произведенного их миром демонов. Не вмешательство, а нападение. Никто не знает наверняка, что оно предвещает. При таких обстоятельствах необходимо действовать осторожно. Государственный департамент доказывает, что истинная подоплека событий нам полностью неизвестна.

Люди из Министерства Обороны утверждают, что нам не следует связываться и связывать себя никакими решениями до получения большей информации, и, особенно, пока не увеличены расходы на военные нужды. Президент, кабинет министров, руководящие деятели Конгресса — единодушны в том, что сейчас не следует поднимать шума. Из этого следует, что информация не должна доводиться до сведения широкой публики, чтобы не вызвать общественного беспокойства.

Второй момент касается иоаннитской церкви. Эта проблема, может быть, носит менее угрожающий характер, и, тем не менее, она обязательно должна быть разрешена. США — демократическая страна. Многие избиратели либо являются истинными иоаннитами, либо полагают, что иоаннизм — простое вероучение.

К тому или иному разряду относится значительное число людей, занимающих видное положение в обществе. Вспомните историю с расследованием, которое пытался провести Комитет Конгресса. Сколько из-за этого было воин и шума. Инцидент, из-за которого мы собрались здесь, наводит на мысль, что правы те, кто утверждает, что церковь иоаннитов порождена Падшим в качестве средства восстановлением всех и каждого против каждого.

Последнее, чего желала в данной ситуации администрация — еще раз тщательно рассмотреть все возможности, которые в конечном счете сводятся к двум. Свержение правительства либо использование мер подавления. Соблюдение секретности позволяет сохранить пока мир и спокойствие. И выиграть время...

Барни остановился, чтобы разжечь потухшую сигарету. В комнате было очень тихо. Пластами плавал голубой дым, а воздух был тяжелым и несвежим. Джинин и я обменялись через стол отчаянными взглядами. Вчера мне нужно было спуститься в подвал и заменить сгоревший предохранитель.

Джинни пошла со мной потому, что в последне время мы старались держаться вместе. На полке остались стоять некоторые вещи Валерии — она вышла из того возраста, когда они ей были нужны, но выбросить их тогда мы не успели. Неиссякаемая бутылочка с молоком, кольцо Суберборoса, самокормящая крылатая ложка, горшок с радугой вместо ручки. Мы поднялись наверх и, по нашей просьбе, предохранитель был заменен фэбээровцем.

Лежащие на столе кулаки Джинни были крепко стиснуты. Свертальф терся спиной об ее руку — медленно, плавно, не претендуя на ответное внимание.

— Вывод заключается в том,— сказал Барни,— что, есть тому возможность или нет, правительство сейчас не хочет переходить к активному действию. А может, и не только сейчас, но и вообще.

Что касается нас, то наше право и обязанность — сделать все, что от нас зависит. Поймите, доктор, с чисто формальной точки зрения мы не делаем ничего незаконного. Стив не был арестован. Он имел полное право покидать свой дом и возвращаться обратно, и если ему того хотелось — через окно и в плаще-невидимке, ни перед кем не отчитываясь. Я имел полное право одолжить ему помело. Кафедральный собор открыт для посещения посторонней публикой. Если Стив, в поисках необходимых ему сведений, проник в закрытую часть собора, он допустил, самое большее — гражданское правонарушение.

Он виноват? Пусть руководители церкви преследуют его в судебном порядке. И не забывайте, что он может ответить обвинением в разбойном нападении. Для защиты собственности нельзя применять смертоносное оружие, а в него стреляли и избивали дубинкой. Соответственно, поскольку никакого преступления Стивом совершено не было, нас нельзя считать соучастниками, либо укрывателями. Никто из нас не замышляет ничего преступного и не участвует в заговоре.

Заверяю вас, что скоро будет принят Закон о Национальной безопасности. И все остальное, что президент сочтет необходимым принять. Тогда нам трудно будет действовать так, как мы действует сейчас. Но сейчас наши действия не ограничены никакими официальными запретами. А по Конституции судопроизводство «постфактум»— запрещено.

— Гм...— отозвался Акман.

— Что касается сокрытия важной для правительства информации,— продолжал Барни,— то пусть вас это не беспокоит. Ничего подобного мы не делаем. Сейчас мы тщательно анализируем собранную информацию, и, как честные граж-

дане, мы не хотим, чтобы нас обвинили в том, что какому-то аспекту не уделено нужного внимания. И мы позаботимся, чтобы обнаруженное нами попало по нужному адресу.

— Надо ли так торопиться? — возразил Акман.— Если девочка может быть возвращена в то же мгновение, когда исчезла... не лучше ли для нее будет, если мы предоставим действовать в ее интересах правительству.

Пусть оно действует медленно и осторожно, но разве это не лучше, чем вообще ничего не добиться? Мы, плохо подготовленные и не имеющие нужного оборудования и снаряжения, можем все испортить.

Натянутое лицо адмирала Чарльза потемнело.

— Честно говоря,— сказал он,— не думаю, чтобы власти пожелали действовать, если не произойдет никаких дальнейших инцидентов. Когда в недружелюбно относящихся к нам странах сажают, грабят и убивают в тюрьмах (в том числе и официальных лиц), правительство ограничивается протестами. С чего вы взяли, что оно пойдет на смертельный риск, чтобы выручить из ада маленькую девочку? Сожалею, мистер Матучек, но дела обстоят именно так.

— Как бы то ни было,— взглянув на Джинни, торопливо сказал Ралькенберг (лицо моей жены было ужасно),— насколько я понимаю ситуацию, наши враги сейчас в растерянности. Действия мистера Матучека оказались для них неожиданностью.

Очевидно, Враг не может сейчас оказать им прямой помощи, не может помочь советом или даже сообщить что-либо, или считает такого рода помощь неблагоразумной, поскольку это может спровоцировать вмешательство Всевышнего. Несомненно, шаги иоаннитов способны творить чудеса.

Но они не всезнающи и не всемогущи. Они могут знать точно, что нам удалось сделать и что мы намерены предпринять. Но дайте время, и период растерянности кончится, защитные меры будут усилены, и, вероятно, будут приняты какие-то ответные действия.

Лицо Джинни было личиной Медузы-Горгоны.

— Что бы мы не решали,— сказала она,— Стив и я не будем сидеть сложа руки...

— Нет, будь оно проклято! — вырвалось у меня.

Свертальф прижал уши, между бакенбардами сверкнули клыки, мех на нем стал дыбом.

— Видите? — сказал Барни собравшимся. —Я этих двоих знаю. Невозможно остановить их, разве только бросить в тюрьму. И я не уверен, что существуют тюрьмы, из которых они не смогли бы выбраться. Наверное, помешать им

можно, только убив их. Допустим ли мы, чтобы такое случилось, или поможем им, пока это еще в наших силах?

Голоса сидящих вокруг стола сорвались на крик, взметнулись руки. Громче всех кричал Янис Вензель:

— У меня у самого есть дети, Вирджиния!

Взгляды всех обратились на Акмана. Он покраснел:

— Я не собираюсь предавать вас. Просто все это было для меня слишком неожиданно. Я был обязан высказать то, что думал. И я не верю, что, подстрекая родителей Валерии к самоубийству, вы чего-нибудь добьетесь. Их смерть не принесет ей ничего хорошего...

— Что вы имеете в виду? — спросил Барни.

— Разве я неправильно понял? Разве вы не намерены послать Стивена и Джинни... в Адскую Вселенную?

Меня обдало холодом. Я был готов ко всему. Я бесился, я сгорал от желания действовать, но это так неожиданно, как будто я оказался на краю бездны. Я взглянул на Джинни. Она кивнула.

Все, кто в большей, кто в меньшей степени, оцепенели от ужаса. Потом поднялся ропот, погасший под движением руки Барни. Я едва воспринимал окружающее.

Наконец в комнате воцарилось молчание.

— Я должен извиниться перед собравшимися,— сказал Барни.

Его голос звучал колоколом — размеренно и низко.— Задача, которую я поставил перед вами, заключалась главным образом в сборе и анализе всей доступной нам информации о Нижнем Континууме, с тем, чтобы выяснить пути спасения девочки. Вы великолепно справились с работой. Получив информацию о том, что удалось обнаружить Стиву, вы сделали большой шаг вперед в своих исследованиях.

Вами разработана концептуальная сторона, и, вероятно, мы близки к выработке методики. Но большой объем работы не позволил всем увидеть, что именно кроется за непосредственным выполнением задания.

Вам трудно было представить, что это не просто исследование дальнего прицела, что на деле оно не ограничивается выдвижением гипотез. В конечном счете, исследование заключалось в поисках возможных путей защиты против возможных нападений со стороны Адской Вселенной.

Сказанное касается большинства присутствующих, но точно так же и те, чья деятельность заключалась в рассмотрении политических и религиозных аспектов программы, не видели, как близко мы подошли к тому, чтобы непосредственно вступить в схватку с Нижним Континуумом.

Равным образом я сам прежде не понимал возможных результатов нашей работы. Но миссис Матучек тайно встретилась со мной. Я обрисовал ей всю картину, и мы подробно обсудили ее и наметили план действий...

Барни отвесил короткий поклон в сторону Акмана:

— Примите мои поздравления. Вы очень проницательны, доктор.

«Она все знала...» — мелькнуло у меня подобие мысли.

И, однако, никто не подозревал этого, даже я. Никто ничего не подозревал, вплоть до той минуты — потому что она так хотела. И еще обрывок мысли: «Приходилось ли другим мужьям когда-либо сталкиваться с подобными неожиданностями?»

Джинни подняла руку:

— Положение дел таково, что шансы на успех имеет только маленькая, специально подготовленная группа.— В ее голосе звучала памятная по нашей встрече решимость.— Большая группа, состоящая из не владеющих нужной сноровкой людей, не имеет никаких шансов. Нет сомнений, что такая, обладающая большой подвижностью группа сможет преодолеть препятствия, недоступные для армейского подразделения или целого отряда фаустов.

— Смерть, увечье, плен в аду — со всеми вытекающими отсюда последствиями...— прошептал Акман.— Вы допускаете, что Стивен пойдет на это?

— Я знаю Стива достаточно хорошо, чтобы попытаться остановить его,— сказала Джинни.

Ее слова в какой-то мере помогли мне вновь овладеть собой. И не настолько я был растерян, чтобы не заметить, с каким восхищением глядели на меня собравшиеся, но основное мое внимание было направлено на то, что говорила Джинни.

— Лучшей группы, чем я и Свертальф, найти невозможно. Если у кого-нибудь и есть надежда добиться успеха, так это у нас. Вы все поможете нам должным образом подготовиться и будете ждать нашего возвращения. Если мы не вернемся, у вас останется собранная уже информация.

Не растеряйте ее, потому что она имеет важное значение для всего общества. Согласитесь, что дело касается не только нашей дочери. Далеко не только ее...

Вот главная причина, по которой вы обязаны помочь мне. Сделайте все от вас зависящее, чтобы ваши дети и внуки унаследовали не гораздо худший мир, чем тот, в котором живете вы.— Джинни полезла в сумочку.— Черт возьми, у меня нет сигарет!

К ней потянулись пачки. Она предпочла мою, и наши руки на мгновенье встретились.

Акман, переплетя пальцы, неотрывно смотрел на нас. Внезапно он встал и, выдавив какое-то подобие улыбки, сказал:

— Ладно, я приношу извинения. Вы же должны понять, что моя реакция была естественной. Но вы, наверное, будете правы, полагая, что найдете способ проникнуть в Ад и вернуться обратно. Я помогу вам всем, что в моих силах. Но могу я узнать план ваших действий?

Барни слегка расслабился. Затушил окурок сигары и закурил новую.

— Можете,— сказал он.— Особенно потому, что мы должны объяснить то же самое и остальным присутствующим. Разрешите, я сначала изложу план вкратце. Затем вы сможете, в зависимости от того, в какой области науки вы являетесь специалистами, развить и дополнить его. Наша Вселенная обладает прямолинейной геометрией пространства, за исключением обладающих необычными свойствами точек, таких, как например, ядра белых Карликов.

Демоны могут передвигаться в нашем мире без всяких затруднений. Более того, они способны выкидывать фокусы с временем и пространством, что в былые дни создало им репутацию сверхъестественных созданий. Способны они на это, потому, что их собственная Вселенная устроена чрезвычайно сложно, и структура ее постоянно меняется. Современные исследования открыли способы войти в эту Вселенную. Но никому неизвестно, каким законам подчиняется там движение, как можно в ней передвигаться и как выйти оттуда. Выйти целым, невредимым и сохранившим рассудок.

Что ж, Стив выяснил, что можно войти в любую точку по времени исчисления Ада. Это открывает выход из тупика. Перед нами появилась возможность найти, как соотносятся наш и Нижний Континуум, и этот соотношение может быть математически описано. Доктор Фалькенберг составил соотношения уравнений и уже приступил к их решению. Исследования доктора Грисволда позволили наметить, как реализуются в той Вселенной физические законы.

Бил Харди делает то же самое в области химии и атомной физики. О, работа только начата, и полученные результаты не подвергались экспериментальной проверке. Но по крайней мере, мы — доктор Нобу, метафизик, и я, инженер-практик, получили возможность приступить к созданию заклинаний.

Сегодня утром мы закончили нашу работу. План предус-

матрицу посылку в Ад экспедиции (наше волшебство обеспечит ей там определенную защиту) и быстрое возвращение ее обратно.

Такой грандиозной цели прежде никто никогда не ставил...

— План неудовлетворительный,— теперь в роли возражающего выступили Харди и Чарльз.— У вас не может быть описания Вселенной Ада. Ведь мы не в состоянии описать даже наш собственный космос. Абсолютно невозможно предвидеть, по каким сумасшедшим законам меняется там матрица в каждой точке.

— Верно,— сказал Барни.

— Следовательно, защитные меры, годные для одной точки пространства-времени, могут оказаться совершенно никчемными для всех прочих точек...

— Но не в том случае, если перемещение в пространственно-временной конфигурации будет подобрано...

— Что? Но, это же невозможно! Такого рода работа... ни один смертный...

— Верно,— сказала Джинни.

Мы изумленно воззрились на нее.

— Ключ к решению дает то, что удалось узнать Стиву в подземельях собора,— сказала Джинни.— Ваше замечание абсолютно правильно, адмирал. С такой работой ни один смертный человек справиться не может. Но величайшие геометры, каких знала история к сожалению уже мертвы.

Над столом повисло удивленное молчание...

27

Наколдовав соответствующее Наваждение, запихнув негодующего Свертальфа в чемоданчик, мы покинули здание «Источника» на принадлежавшем компании ковре.

Время близилось к четырем. Если наша тень из ФБР не увидит нас дома к пяти-шести часам, у него могут возникнуть подозрения. Но с этим я ничего не мог поделать.

Сперва мы приземлились у церкви Святого Олафа. Пастору Карлслунду нужно было кое-что оттуда забрать. Сидевший позади нас Янис Вензель перегнулся вперед и зашептал:

— Может быть, я невежда, но разве мольба, обращенная к святым католической церкви не оказывается действенней, чем мольба, обращенная к святым лютеран?

Этот вопрос на нашем совещании не поднимался. Карлслунд удовлетворился тем, что провел ясное различие между молитвой — мольбой к Всевышнему и заклинанием, которое

должно привлечь внимание тех, кто добровольно захочет помочь нам, с одной стороны, и некромантией, то есть попыткой заставить действовать души умерших согласно нашему желанию, с другой. (Второе законом запрещено, что объясняется главным образом уступкой общему мнению. Нет достоверных сведений, что удалось хотя бы раз вызвать душу умершего. Запрет — проявление очередного религиозного предрассудка и суеверия.)

— Сомневаюсь, чтобы принадлежность к той или иной церкви имела какое-нибудь значение,— сказала Джинни.— Что такое душа? Никто не знает. Исследователи получили веские доказательства ее существования, но результаты противоречивы и не поддаются воспроизведению в контролируемых условиях. Как обычно, когда дела касаются феноменов сверхъестественного...

— Что, однако,— вмешался доктор Нобу,— в свою очередь есть причина такого быстрого развития магии. Мы достигли сути практического понимания волшебства, а в отличие от физических силовых полей — гравитационного, электромагнитного и так далее, действие силовых полей парафизики — таких, как поля подобия, поля следствия — не ограничиваются скоростью света. Следовательно, они могут, в принципе, перемещать энергию из одной части мироздания в другую.

Вот почему ввод исчезающей мощности на входе может дать бесконечно большую мощность на выходе. Отсюда следует, что для овладения этими процессами понимание качественных аспектов имеет гораздо большее значение, чем количественных.

Именно поэтому после того, как мы узнаем о непостоянстве адского времени, мы с определенной долей уверенности сможем утверждать, что наши новые чары окажутся работоспособными. Что касается души, я склонен полагать, что она скорее относится к явлениям парафизического, а не сверхъестественного мира.

— Я так не считаю,— сказала Джинни.— Я бы назвала душу энергетической структурой параполя. Она формируется телом, но продолжает жить и после смерти этой исходной матрицы. Освободившись от тела, она может без труда переходить из одной Вселенной в другую. И что такое привидение, как не лишившаяся тела душа, по какой-либо причине остающаяся возле какого-нибудь определенного места?

Что такое перевоплощение, как не проникновение души в только что оплодотворенное яйцо? Что есть спасение?

Это когда Всевышний позволяет душе занять место возле него. Что есть вечное проклятие? Это когда притяжение Падшего оказывает на душу большее влияние.

— Неужели? — сказал Янис.

Джинни прерывисто засмеялась.

Барни, сидевший на месте водителя, обернулся:

— Насчет вопроса, возникшего у вас на этом совещании. Хотя вы высказали его только сейчас, вернее, у вас, лютеран, нет обычной молитвы святым. Но это не значит, что вы отрицаете их вмешательство в людские дела. Иногда такое вмешательство имеет место. Возможно, католический священник или неохасидский раввин лучше знают, как просить святых о помощи. Но не могу не заметить, что я решил привлечь Джима Карлслунда к сотрудничеству потому, что знаю его многие годы. Говорить о пасторе, как о... э-э...

Все натянуто рассмеялись, потому что как раз в эту минуту руки пастора были полны экклезиастских сочинений.

Мы снова взвились в воздух, продолжая свой путь к университету Трисмегиста. Памятные мне здания, рощицы, лужайки были залиты золотом солнечного света. Сейчас, в перерыве между осенними и летними учебными семестрами, народу здесь было мало. Над студенческим городком висела тишина, ее подчеркивал далекий шум города. Казалось, века прошли с того времени, когда здесь учились мы с Джинни. Это было когда-то в другом цикле развития мироздания.

Я искоса взглянул на Джинни, но выражение ее лица осталось непроницаемым.

Послышался шум крыльев. Следом за нами летел ворон.

Предзнаменование? Что он предвещает? Мы приземлились, ворон сделал вираж, и, хлопая крыльями, исчез вдали.

Мы вошли в здание факультета физических наук. Коридоры и лестницы тонули во мраке, заполненные эхом. Потому мы и выбрали это место, что здесь сейчас никого не было. Вторая причина заключалась в том, что у Грисволда были ключи от всех лабораторий и кладовых.

Карлслунд предпочел бы часовню, но было слишком много шансов, что там нас заметят. Кроме того, Джинни и Барни, посоветовавшись, решили, что религиозная сторона нашего предприятия является второстепенной.

Нам нужен был кто-нибудь, чья молитва была бы одновременно искренней и бескорыстной. В противном случае ни один святой, вероятно, не пожелает на нее отозваться.

Впрочем, святые вообще редко отвечают на просьбы — сравнительно с числом молитв, ежедневно возносящихся к Небу. Всевышний ожидает, что мы сами справимся со своими проблемами. Мы полагались на то, что будет учтено, что мы знаем, как проникнуть в царство Врага (по крайней мере, надеялись, что знаем) и что будет учтена наша непреклонная решимость на деле использовать это знание. Слишком уж были в этом деле затронуты и интересы Неба, чтобы проигнорировать нашу просьбу. Мы надеялись...

Все качалось и плыло. Борясь с головокружением, я подумал, что если последует удар, нам, наверное, запретят попытку.

Для молитвы мы выбрали философскую лабораторию имени Беркли. Она размещалась в недавно построенном флигеле, примыкавшем к древнему убогому зданию, где до инцидента с саламандрой находился отдел Гисволда. Лаборатория была большой и великолепно оборудованной. Здесь выпускники и старшекурсники физического факультета учились как использовать сверхъестественные и паранатуральные силы при проведении естественнонаучных исследований. Так что тут имелось все, что могло понадобиться нам.

Главное помещение лаборатории представляло собой обширный, с высоким потолком, зал, где вдоль стен чинно тянулись шкафы, рабочие столы. Сквозь готические окна с темно-зелеными стеклами прохладной струей лился солнечный свет. На выкрашенных в глубокий голубой цвет потолках светилась золотом схема атома Бора, окруженная зодиакальными символами. Невозможно было найти место, более далекое по духу от кафедрального собора в Силоаме. В лаборатории обычно работали схожие со мной люди. Я чувствовал, что стены лаборатории благотворно действуют на мою психику.

Гисволд запер дверь. Джинни сняла Наваждение и выпустила Свертальфа. Кот на мягких лапах направился в угол. Хвост его дергался, словно метроном. Карлслунд расстелил на столе алтарное покрывало, разложил и расставил на нем распятие, сосуды со священным хлебом и вином. Мы, остальные, принялись за работу под руководством Барни. Приняли обычные меры против соглядатаев и установили защитное поле. Мы приготовились открыть двери в другую Вселенную.

Это всего лишь расхожее и неточное выражение. На самом деле нет никаких дверей, просто человек переходит

из одного Континуума в другой. И, в конечном счете, переход не зависит от какой-нибудь аппаратуры — важно лишь знать, как это делается.

Приборы — Библия, открытая на определенной странице, семисвечник (его огромные свечи были зажжены огнем, полученным от кремния и железа), пузырек с чистым беспримесным воздухом, коробка священной земли, наполненная землей из Иордана, арфа Пифагора — имели не столько симпатическое, сколько символическое значение.

Мне хотелось особо подчеркнуть все это. Данный факт малоизвестен, между тем он заслуживает, чтобы о нем знали все. Тут кроется одна из причин притягательности гностицизма. Догматы петристской церкви согласуются с принципами нехристианских вероучений и открытий, сделанных современной наукой. Не в наших силах принудить к чему-либо Небеса. Небо слишком велико, но и на него можно оказать влияние, если будет на то воля Всевышнего. Можно привести такое сравнение, если он сам того захочет.

Наша молитва была выражена горячей мольбой, которую Бог уже прочел в наших сердцах. В известном смысле ее цель заключалась в том, чтобы убедить нас самих, что мы действительно хотим сделать то, что задумали. Точно так же и наши заклинания лишь указывают путь какому-то Духу, который захочет помочь нам. Но заклинание не заставляет его оказывать помощь. Суть в том, что мы просто сделали все от нас зависящее.

Ад — совершенно иное дело. В физическом смысле — это Вселенная, лежащая на более низком энергетическом уровне по сравнению с нашей. В спиритуалистическом смысле. Враг и его слуги не заинтересованы в оказании нам какой-либо помощи, если только ее конечным результатом не является шанс гибели. Силой колдовства (если обладаешь достаточной мощью) можно принудить демонов вступить на этот путь, если это послужит спасению Валерии.

Формулы призыва помощи Неба не относятся к числу общеизвестных, но и тайными они не являются. Их можно найти в соответствующих справочниках. Заклинание адских сил — нечто совершенно иное. Я не стану подробно описывать эти заклинания. Поскольку мы, конечно, знаем, что вызов сил Ада сопровождается своеобразным молитвенным ритуалом (все делается наоборот), отмечу, что тут необходим: один из апокрифов «Либер Бенефикардиум», факел, пузырек с воздухом, взятым из урагана, немного праха мумии, тринадцать капель крови, меч. Не стану утверждать, что в этом перечне нет ошибок.

Мы не думали, что нам понадобится весь этот хлам, но он был под рукой и служил еще одним доказательством серьезности наших намерений. А если и понадобится, то не сразу. Кроме того, надо было дать Джинни возможность ознакомиться с этими предметами. И даже при ее отточенной интуиции нужно было время, чтобы понять, как правильнее следует расположить их.

Колокольчик Карлслунда позвал нас. Он был готов. Мы собрались перед импровизированным алтарем.

— Сперва я должен освятить это место,— заявил он,— и, возможно, более полно провести обряд богослужения.

Я взглянул на наручные часы — черт возьми, почти пять! Но возражать не осмелился. Необходимо, чтобы служба была проведена должным образом.

Пастор раздал молитвенники, мы открыли их. У меня возникло странное ощущение. Как уже упоминалось, я не верил в превосходство каких-либо догм над другими — по крайней мере, равно придерживался агностицизма. В церкви я бывал редко, но считал, что красочные ритуалы у приверженцев епископального направления выше.

Это меня устраивало. И сейчас я чуть не шепнул сперва Джинни: «Эй, это тайное богослужение или секретная служба?» Но вскоре желание шутить у меня пропало,— вместе с породившим это желание возбуждением. От этого простого ритуала на меня снисходил покой и невыразимое словами благоговение. Мои мысли поворачивались к Богу. Так вот, что такое религия... Не то, чтобы в этот момент началось мое обращение, но казалось, что перед нами открывается какая-то сторона его могущества.

— Приступим к молитве.

— Отче наш, иже еси на небеси...

Стук в дверь! Сперва я даже не обратил внимания на него, но стук раздавался снова и снова, и сквозь тяжелые филенки просочился голос:

— Доктор Грисволд, вы здесь. Вас просят к телефону. Мистер Сверкающий Нож из ФБР. Говорит, что у него очень срочное и важное дело...

Пол едва не поплыл у меня под ногами. То, что я ощутил в душе, исчезло. Ноздри Джинни раздулись, она так сжала молитвенник, как будто это было оружие.

Карлслунд запнулся.

Грисволд, тихо ступая, подошел к двери и сказал привратнику, или кто там был:

— Передайте ему, что я провожу важный эксперимент и не могу прервать его. Пусть он оставит свой номер, и примерно через час я позвоню ему.

«Спасибо тебе, спасибо!— кричала одна половина моего сознания. Вторая корчилась, опутанная холодными кольцами непонимания.— Где же милосердие Божье? Ты захотел, чтобы это случилось... но что есть твоя воля? Не может быть, чтобы все это было на самом деле... или люди — всего лишь марионетки в жестокой игре — головоломке?...»

Бог не мог желать крушения наших планов... нашего путешествия. Он не мог хотеть, чтобы маленькая девочка осталась в аду. Он сделал это нечаянно, читая полицейские новости... Но жертвы преступлений уже освобождены смертью, им уже дано утешение. По крайней мере, так утверждают все церкви. Но откуда церковники знают? Может, ничего нет, кроме слепой игры, взаимодействия слепых сил? А может, Всевышний и Падший — одно и то же? А может... Нет, это в тебе говорит отчаяние, с которым ты уже сталкивался прежде — отчаяние Ада. Держись, Матучек! Не сдавайся! Выводи своим неправильным баритоном: «Вперед, Христа Солдаты»... А если не сработает, мы попробуем что-нибудь другое.

Прилагая все усилия, мы добрались, наконец, до конца службы. Благословение. Затем Карлслунд, с трудом выговаривая слова, сказал:

— Я не уверен, что нам еще что-нибудь удастся. Необходимое благоговение утеряно.

Неожиданно ему ответил Харди:

— Пастор, ваша церковь основное значение придает вере. Но для нас, католиков, дела не менее важны.

Карлслунд не стал спорить:

— Что ж, ладно... Можно попытаться. О какой помощи вы просите?

Барни, Джинни и все прочие обменялись озабоченными взглядами. Я понял, что в спешке они забыли договориться об этом. Вероятно, точное определение не казалось настолько необходимым, ибо Небо не так ограничено, как Ад. Во всяком случае, наша просьба должна быть разумной. Предпочтительно разумной.

Барни откашлялся:

— Э-э... Идея состоит в том, что настоящий ученый, например, математик, и после смерти будет заниматься исследованиями, повышать квалификацию, приобретать все новые знания. Он может достигнуть таких высот, что нам и представить трудно. Нам необходим математик, занимающий ведущие позиции в неэвклидовой геометрии.

— Таким обычно считают Римана,— сказал Фалькен-

берг,— но он предназначал свои работы другим. Например, Гамильтону. И сам имел преемников. Мы не знаем, как далеко продвинулся несравненный Гаусс, он опубликовал лишь отрывки своих размышлений. В целом, я предпочитаю Лобачевского. Он первый доказал, что геометрия не теряет внутренней согласованности, если отказаться от аксиомы о параллельных.

Насколько я помню, это произошло примерно в 1830—1840 годах, хотя я никогда не увлекался историей математики. Все, что было сделано позднее в этой области — неевклидовой геометрии, берет свое начало в идеях Лобачевского.

— Выбираем его,— решил Барни.— При этом примем во внимание, что остается неизвестным, можем ли мы уговорить вообще какую-либо великую душу стать нашим союзником. Вообще какую-либо, вот ведь в чем дело,— добавил он упавшим голосом, и обратился к Фалькенбергу.— Вы займитесь чарами, а мы с пастором приступим к составлению молитвы...

Все это тоже потребовало времени, зато мы оказались слишком заняты, чтобы сходить с ума, а ведь только этим и занимались с той минуты, когда служба была нарушена. Мы делали пассы, произносили заклинания, напрягали волю и ощущали, как нарастает поток энергии, устремившейся к точке прорыва. Давление энергии достигло неописуемой силы. Это было не повседневное чародейство, это была вершина современного научного волшебства. Неизвестно откуда поползли тени. Они делались все гуще. Окна напоминали тусклые, горящие в ночи фонари. Пламя семи свечей сделалось неправдоподобно высоким, хотя света это не давало.

Символы на потолке засверкали ярче, начали медленно вращаться. С наших поднятых рук, с волшебной палочки Джинни засветились огни Святого Эльма. Такие же огни потекли, потрескивая, с шерсти стоявшего на плече Джинни Свертальфа, с ее распущенных волос. Арфа заиграла сама собой, ее струны вторили протяжной музыке сфер, свивая взад и вперед рисунок танца.

Я не увидел в темноте, кто из семи медленными размеренными шагами вышел из ряда, лишь услышал крик:

— Алеф!

Много позже:

— Вайп!

При этом выкрике мы остановились.

Арфа смолкла. Нас окутало вечное молчание бесконеч-

ного космоса. Знаки зодиака вращались все быстрее и быстрее, пока не слились, образуя Колесо Времени. Оставшаяся часть целиком сконцентрировалась на пасторе. Карлслунд встал, возвел руки перед алтарем.

— Услышь нас, о Господь Бог, обитающий на Небесах,— воззвал он.

— Тебе известно, чего мы жаждем, молим тебя, пусть эти желания будут чистыми. Ты видишь, как стоят перед тобой этот мужчина Стивен и эта женщина Вирджиния. Они хотят поразить врагов Твоих и избавить от заточения невинную девочку. Если Ты позволишь им это, они готовы претерпеть все муки Ада. Нет у них никакой надежды, если ты не поможешь им.

Мы просим Тебя, пусть в диких дебрях Ада будет у них тот, кто сможет руководить ими и советовать им. Если мы не заслужили, чтобы Ты послал к ним ангела, то молим Тебя — пошли умершего слугу своего — Николая Ивановича Лобачевского, или кого-нибудь еще, кто будучи живым, занимался научными исследованиями в той же области знаний. Молим во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Амен!

Снова воцарилась тишина. Затем распятие на алтаре вспыхнуло на мгновение ярким солнечным светом. Послышался тонкий пронзительный звук. И меня охватила волна радости, которую можно, и то отдаленно, сравнить лишь с радостью первой любви.

Но следующим раздался сразу же другой звук, он походил на шум штормового ветра. Свечи погасли, оконные стекла сделались темными, пол заколебался у нас под ногами. Свертальф отчаянно взвыл.

— Джинни! — услышал я свой крик.

И одновременно с этим криком меня закрутил водоворот образов, воспоминаний... Увенчанная луковицеобразными куполами церковь посреди беспредельной равнины. Грязная дорога между рядами низких, крытых соломой домов. Звякающий амуницией, с саблей у пояса всадник, едущий по этой дороге. Ледяная зима, в конце которой — оттепели и блеск разливающихся вод. И возвращение птичьих стай, и покрывающиеся робкой зеленью буковые леса. И беспорядочные нагромождения книг, лиц, снова рук и лиц. Женщина, которая была моей женой. Сын, умерший слишком рано. Казань — половина ее объята пламенем. Год холеры. Письмо Геттингена.

Любовь. Неудачи. Слепота, медленно подкрадывающаяся день за днем. И все это было чуждым...

Наши зубы громко стучали. Ветер прекратился, и снова

стало светло. Пропало ощущение нависшей над нами грозной силы... Ничего не понимающие, мы опять очутились в привычном мире.

Джинни бросилась в мои объятия.

— Любимая,— крикнул я ей по-русски.— Нет... Любимая,— по-английски.— Господи помилуй,— снова по-русски...

Перед глазами вихрем вращался калейдоскоп чужой памяти. На столе стоял Свертальф. Спина выгнута, хвост трубой. Его трясло не от ярости,— от ужаса. Язык, зубы и горло кота странно дергались. Звуки, на которые не был способен ни один кот... Свертальф пытался заговорить.

— Почему не получилось? — загремел Барни.

Джинни удалось овладеть собой. Она махнула рукой тем, кто стоял поближе.

— Карлслунд, Харди, помогите Стиву! — крикнула она.— Док, обследуй его! Я отрывочно слышал ее голос сквозь навалившийся хаос. Друзья, поддерживая меня, довели до стула. Я рухнул на него. Приходилось прилагать усилия, чтобы дышать.

Помутнение сознания продолжалось недолго. Воспоминания о иной стране, о ином времени остановили свое беспорядочное коловращение. Они ужасали, но лишь потому, что находились вне моего контроля и были чужими.

Русский «покой» звучал в моем мозгу одновременно с английским «миром»... и я знал, что это одно и то же. Возвращалось мое мужество. Я чувствовал, что могу мыслить самостоятельно. Но звенела чужая мысль, и в ней обертонами — я ощущал странную смесь педантизма и сострадания.

— Прошу прощения, сэр. Это перевоплощение смущает меня не меньше, чем вас. У меня не было времени, чтобы осознать, насколько велики различия, обусловленные разницей более чем в сто лет, и тем, что я оказался в совершенно ином государстве. Полагаю, будет достаточно нескольких минут для предварительного ознакомления, чтобы обеспечить информационный базис для выработки приемлемого для вас модус вивенди *.

Остается заверить вас, что я сожалею о своем вторжении и постараюсь свести его последствия к минимуму. Со всем должным уважением могу добавить, то, что мне пришлось узнать о вашей частной жизни, не имеет особого значения для того, кто давно лишился земной плоти...

До меня дошло. Лобачевский!..

---

* Модус вивенди — соглашение.

— К вашим услугам, сэр. Ах, да... Стивен Антон Матучек. Не будете ли вы так добры... Извините, мне необходимо ненадолго отвлечься.

Этот диалог, а также последующее взаимодействие наших двух разумов (его трудно описать словами) происходили на границе моего сознания. А оно снова било тревогу — слишком уж жутко было все происходящее.

Пробормотав:

— Со мной все в порядке,— я движением руки отодвинул Акмана в сторону и уставился на разворачивающуюся передо мной сцену.

Свертальф находился в состоянии истерии, приближаться к нему было опасно. Джинни схватила чашку, зачерпнула из раковины воды, и выплеснула ее на кота. Он взвизгнул, соскочил со стола, метнулся в угол и там припал к полу, разъяренно сверкая глазами.

— Бедный котик,— успокаивающим тоном сказала Джинни.— Извини, я должна была это сделать.— Она разыскала полотенце.— Иди сюда, к своей мамочке, и давай вытремся.

Он позволил ей подойти к себе. Джинни присела на корточки и протерла коту шерсть.

— Что это вселилось в него?— спросил Чарльз.

Джинни подняла взгляд. Рыжие волосы подчеркивали, как побледнело ее лицо.

— Хорошо сказано, адмирал. Что-то вселилось... Вода вызвала у него шок, и возобладали кошачьи инстинкты. Вселившийся Дух утратил контроль над телом. Однако, он по-прежнему находится в нем. Как только Дух разберется в психосоматике Свертальфа, он попытается восстановить контроль, и сделать то, для чего он явился.

— Какой Дух?

— Не знаю. Нам лучше не мешать ему.

Я встал:

— Нет, подождите. Я могу это выяснить.

Взгляды всех присутствующих обратились на меня.

— В меня, видите ли... э-э... вселился Дух Лобачевского.

— Что? — запротестовал Карлслунд.— Душа Лобачевского вселилась в ваше... Не может быть! Святые никогда...

Я отмахнулся, встал возле Джинни на колени, зажал голову Свертальфа между ладонями.

— Успокойся, никто не хочет причинить тебе вреда. Тот, кто вселился в меня, думает, что понимает, что случилось. Соображаешь? Его имя — Николай Иванович Лобачевский. Кто вы?

Мышцы кота напряглись, сверкнули клыки, комната заполнилась громким воем. Свертальф снова был близок к истерике.

— Сэр, с вашего разрешения у меня есть идея. Он не Враг. Я бы знал, если бы он был Врагом. Случившееся приводит его в замешательство, он смущен, а для того, чтобы мыслить, он располагает лишь кошачьим мозгом. Очевидно, наш язык ему не знаком. Разрешите, я попытаюсь успокоить его?

С моих губ полились журчащие и шипящие русские звуки. Свертальф вскочил, потом я почувствовал, как он понемногу расслабился под моими ладонями. А потом... он смотрел и слушал так внимательно, с таким наслаждением, будто я был не я, а мышиная норка.

Когда я замолчал, он покачал головой и мяукнул.

— Итак, он не русский, но, кажется, понял наши намерения.

«Посмотрите,— подумал я.— Используя то, что я знаю английский, вы понимаете этот язык, Свертальф тоже знает этот язык. Почему же его... ну, тот, который вселился, в отличие от вас английского не понимает?»

«Уверяю вас, сэр. Кошачий мозг в данном случае не годится. В нем нет структуры, хотя бы схожей с той, что управляет человеческой речью. Вселившейся душе и так приходится использовать чуть ли не каждую работоспособную клеточку мозга вашего Свертальфа. Но она может без затруднения использовать весь накопленный им опыт. Даже у этого маленького млекопитающего хорошая способность к запоминанию и огромный запас памяти. Нужно только воспользоваться языком, на котором говорила при жизни душа.

«Понятно,— подумал я.— Но вы недооцениваете Свертальфа. Он долгое время прожил в нашей семье. Его с рождения воспитывала и обучала ведьма. И поэтому он гораздо умнее обычного кота. Кроме того, атмосфера колдовства, в которой он прожил всю жизнь, не могла пройти бесследно».

— Прекрасно, говорите ли вы по-немецки? — обратился я и не я к коту. Свертальф с жаром кивнул.

— Ми-ей,— сказал он с выраженным акцентом.

— Добрый вечер, милостивый государь. Я — математик Николай Иванович Лобачевский, старший советник Российского Казанского университета. Рад приветствовать вас, милейший.

Последняя фраза была сказана по-французски — по всем правилам вежливости XIX столетия.

Лапа Свертальфа со скрежетом царапнула пол.

— Он хочет писать,— от изумления глаза Джинни широко распахнулись.— Свертальф, послушай... Не сердись. Не бойся. Не мешай ему делать то, что он хочет. Не сопротивляйся, помоги ему. Когда это все кончится, у тебя будет больше сливок и сардин, чем ты сможешь съесть. Обещаю. Ты же хороший котик.— Она пощекотала ему подбородок.

Не похоже было, что Свертальф полностью примирился с тем, что в его теле поселился Дух ученого. Но ласка помогла — он замурлыкал.

Пока Джинни и Грисволд были заняты приготовлениями, я сконцентрировался на обмене мыслями с Лобачевским. Остальные, потрясенные случившимся, столпились вокруг. Полностью неизвестно, что произойдет дальше,— и это их мучило. Я обрывками слышал, о чем они переговаривались.

— Черт возьми, никогда даже не слышал, чтобы святые являлись подобным образом,— сказал Чарльз.

— Адмирал, прошу вас,— отозвался Карлслунд.

— Что ж, это верно,— сказал Янис.— Демоны вселяются в одержимых. Но святые, в отличие от демонов, никогда не вселяются в чужое тело.

— Может быть, вселялись,— вставил Грисволд.— Мы иногда с пренебрежением относимся к доказательствам существования взаимного переноса масс при пересечении Континуумов.

— Они не дьяволы,— сказал Карлслунд.— Они никогда не делали этого в прошлом.

— М-м-да,— вмешался Барни. Давайте подумаем. Дух или мысль из одной Вселенной в другую может переходить без помех. Может быть, святые всегда так возвращаются к людям — не в телесном своем облике, а как видение?

— Некоторые, безусловно, возвращались во плоти,— сказал Карлслунд.

— Я бы предположил,— сказал Побу,— что святые могут использовать для создания своего тела любую материю. Например, в воздухе (добавьте несколько фунтов теплосдерживающей пыли) имеются все необходимые атомы. Вспомните, что такое Святой. Насколько мы знаем, это взятая на Небо душа. Так сказать, душа, находящаяся рядом с Богом. Занимая такое высокое духовное положение, она, наверняка, приобретает многие замечательные способ-

ности. Ведь она может черпать из источника всякой силы и творчества.

— Но тогда им вообще не о чем беспокоиться,— сказал Чарльз.

— Господа,— сделав шаг вперед, сказало мое тело.— Прошу вас простить меня, поскольку я еще не совсем освоился с тем, что мне приходится делить с господином Матучеком тело, вы окажете мне честь, вспомнив, что это совсем не то что владеть собственным телом. Я еще не знаю в подробностях, что именно заставило вас просить помощи.

И поскольку сейчас я нахожусь в человеческом теле, у меня нет лучше средств, чем те, которыми располагаете вы, узнать, кто этот господин, вселившийся в кота. Мне представляется, что я знаю и цель его перевоплощения, но давайте, если у вас нет возражений, подождем и вынесем решение на основании более точной информации...

— Ух ты! — Барни выдохнул воздух.— Как ты себя чувствуешь, Стив?

— Неплохо,— сказал я,— и с каждой минутой чувствую себя все лучше...

Это было весьма неточно сказано. Когда мы с Лобачевским достигли согласия, я ощутил, наряду со своими, его эмоции и мысли. Их мудрость и доброта превосходили всякое воображение. Разумеется, я ничего не мог узнать ни о его земной жизни, ни о том, что делается в сонме Святых.

Мой смертный мозг и заполненная унынием душа не могли постичь этого. Самое большее, что я мог понять — нечто вроде едва улавливаемой восприятием песни, в которой звучали непрекращающиеся мир и вечная радость. Все же попробую объяснить, чем стало для меня присутствие Лобачевского. Представьте себе своего самого старого, самого лучшего друга, и вы в общих чертах поймете, на что это похоже.

— Мы почти готовы,— сказала Джинни.

Вместе с Гриволдом она установила на столе доску Супуя — простейшее устройство для тех, кто не имеет рук, а есть лишь лапы. Покачивая ногами, Джинни уселась на краю стола. У нее были очень стройные ноги. На это обратил внимание даже Лобачевский, хотя это вылилось у него в основном в то, что он принялся составлять уравнения, описывающие их форму.

Свертальф занял место возле прибора. Я, готовый задавать вопросы, наклонился над столом с другой стороны. Тишину нарушало лишь наше дыхание. Планшетка двину-

лась. К ней был присоединен кусок мела, заколдованный тем же заклинанием, которое приводит в движение помело.

Выписанную фразу прочитали все.

«Я, Янош Больяи из Венгрии».

— Больяи! — задохнулся Фалькенберг.— Господи, я совершенно забыл о нем! Не удивительно, что он... но как...

— Это для меня большая честь. Ваша работа служила для всех большим вдохновением,— с низким поклоном сказал Лобачевский.

Ни Больяи, ни Свертальф не пожелали уступить друг другу в любезности. Кот встал на задние лапы, поклонился, затем стал отдавать по-военному честь. Планшетка снова пришла в движение, выписав строку цветистых французских комплиментов.

— Кто это, все-таки? — прошипел за моей спиной Чарльз.

— Я... я не помню его биографию,— так же шепотом ответил Фалькенберг.— но припоминаю, что он был восходящей звездой на небосклоне неэвклидовой геометрии.

— Я посмотрю в библиотеке,— предложил Гриволд.— Похоже, что этот обмен любезностями может продолжаться еще долгое время...

— Похоже,— шепнула мне на ухо Джинни.— Нельзя ли их чуть поторопить? Мы с тобой уже давно должны быть дома. И если зазвонит телефон — жди очередных неприятностей.

Я изложил все эти соображения Лобачевскому, который в свою очередь объяснил Больяну. Тот написал и заверил нас, что когда возникла необходимость, он стал военным и посему, как имперский офицер, научился действовать решительно. И что он намерен действовать решительно — в особенности, когда к его чести взывают две такие очаровательные девушки. И что он без страха и упрека поддерживал и намерен поддерживать впредь свою честь на любом поле сражения. Он уверяет, что за всю жизнь ни разу не уронил ее... У меня нет намерений насмехаться над великим человеком. Для того, чтобы мыслить, его душа располагала всего лишь кошачьим мозгом, и воспринимала мир лишь через органы чувств Свертальфа.

Поэтому его человеческие недостатки предстали перед нами явно в преувеличенном виде. И поэтому ему так трудно было выразить свой гигантский интеллект и свое рыцарство.

Гриволд обнаружил кое-что о нем в энциклопедиях и работах, посвященных истории математики, и мы познако-

мились с биографией Больяна, пока он обменивался любезностями с Лобачевским.

Янош Больяи родился в Венгрии в 1802 году. Тогда Венгрия была лишь одной из провинций Австрийской империи. Его отец, видный математик, близко знакомый с Гауссом, обучил Яноша технике вычисления и математическому анализу, когда ему не было еще и тринадцати.

По совету отца, Янош в пятнадцать лет поступил в Королевское инженерное училище в Вене. В двадцать лет он стал офицером королевских инженерных войск.

Он хорошо умел играть на скрипке и владеть саблей, поэтому встретиться с ним на дуэли было опасно. В 1823 году он послал отцу наброски своей «Абсолютной науки пространства». Некоторые высказанные там идеи были использованы Гауссом в посящих философский характер работах.

Сам Больяи об этом так никогда и не узнал. В «Абсолютной науке пространства» юный венгр сделал первую серьезную попытку построения неэвклидовой геометрии. Он первым доказал, что аксиома о параллельных прямых не является логически необходимой.

К несчастью, его труд был опубликован только в 1933 году и то, как некий аппендикс к двухтомной работе его отца. Работа была написана по-латыни и носила чудовищное название. Между тем, независимо от Больяна, сходные результаты были получены Лобачевским. Труды Больяна остались незамеченными.

Похоже, что это его расхолодило. Он поселился вместе с отцом, преподавателем в Реформистском училище Мары-Базареди, и умер в 1860 году. Время его жизни совпало с эпохой нарождавшейся венгерской революции Кошута 1848 года, ее поражением и последовавшей за этим реакцией. Но в обнаруженных нами статьях ничего не говорилось о его участии в революции или хотя бы отношении к ней. Он видел отмену военного положения в 1857 году и далее рост либерализма. Правда, его страна не достигла полной национальной независимости, оставаясь в рамках двуединой монархии. Независимость была достигнута лишь через семь лет после смерти Больяна.

Хотел бы я знать, не подождала ли его душа этого события, прежде чем унестись в другие Вселенные?

Большее нам удалось обнаружить о Лобачевском. Он родился в 1803 году в Нижнем Новгороде. Его мать овдовела, когда ему было семь лет. Они переехали жить в Казань. Семья отчаянно нуждалась и все же матери удалось дать сыну хорошее образование. В возрасте восьми лет,

сдав вступительные экзамены, Николай поступил в гимназию. В четырнадцать был зачислен в местный университет. В восемнадцать получил ученую степень.

В двадцать один был назначен ассистентом профессора, а в двадцать три сам стал профессором.

В его ведении оказался университетский музей и библиотека. Разницы между ними в общем-то не было — и там, и здесь царило запустение и беспорядок. Ассигнования были очень малы. Лобачевскому пришлось немало потрудиться, и через несколько лет музеем и библиотекой гордилась вся Россия. Можно добавить, что при царе Александре в его обязанности, по-видимому, входила слежка за студентами. Он ухитрялся обходиться без доносов. И правительство было удовлетворено, и студенты обожали его. В 1826 году он стал главой университета, ректором. Он строил свой университет. Строил в буквальном смысле слова. Он так изучил архитектуру, что смог самостоятельно заниматься проектированием зданий. В 1830 году, когда разразилась холера, он принял более усиленные меры по поддержанию санитарии, чем это делалось в целом по Казани, поэтому смертность среди студентов и учащихся была невелика.

В другой раз, позднее, половина города была уничтожена пожаром. Обсерватория и важнейшие здания университета оказались разрушенными. Но Лобачевский смог спасти приборы, инструменты и книги. Двумя годами позже все утраченное было восстановлено.

Уже в 1826 году он начал разрабатывать неэвклидовую геометрию. Живи он не в Казани, а в Канзасе, он все равно занялся бы ею. Весть о его открытии распространялась по Западной Европе так медленно, что менее терпеливый человек полез бы на стену, но Лобачевский был слишком занят своими делами. Между тем весть распространилась. Когда она дошла до Гаусса, она произвела на него такое впечатление, что он рекомендовал Лобачевского в члены Королевского научного общества в Геттингене. Это произошло в 1842 году. Возможно, причину нужно видеть в его независимости и в злобной подозрительности царского режима ко всему чужестранному — в 1846 году Лобачевский был отстранен от должности ректора. Ему разрешили заниматься преподавательской деятельностью — не более.

Убитый горем, он искал утешения в том, что целиком ушел в занятия математикой. Зрение ослабло. Сын умер. Лобачевский работал, мечтал и диктовал свою «Общую гео-

метрию». Эта книга, венец всей жизни, была закончена незадолго до смерти. Умер он в 1856 году.

Разумеется, он был святым.

— Нет, Стивен Павлович, не надо преувеличивать мои заслуги. Я уверен, что немало и ошибался, и грешил. Но милость Господня не имеет границ. Я был... это невозможно объяснить. Пусть будет так. Мне позволено дальше заниматься моим любимым делом...

На доске появились новые фразы. Япош временами стирал написанное, и мел скрипел снова. Те, кто знали французский (русский и венгр сочли, что этот язык им более подходит, чем немецкий), постепенно начали понимать, что происходит. Лишь я, однако, деля с Лобачевским общее тело, понимал все в достаточной степени.

И по мере того, как росло мое понимание, я все более ощущал необходимость передать его остальным. А время летело.

Лобачевский отвечал:

— Нужно торопиться, поскольку, я согласен, что час поздний, а опасность ужасна, поэтому я вынужден использовать современную, отрывистую манеру разговора...

Когда был получен ответ на последующий вопрос, я подозвал присутствующих к себе. Все они, если не считать Джинни, а она сейчас выглядела чрезвычайно эффектно, и кроме сидящего у ее ног Свертальфа, представляли собой весьма жалкое зрелище. Усталые, потные, осунувшиеся. Галстуки либо ослаблены, либо просто сняты. Прически растрепаны. У большинства в руках сигареты. Я сидел на стуле, глядя на них. Возможно, у меня был вид еще более разочарованный. То, что сообщил мне влезший в мое тело святой, было поразительно. Нет, оно было просто ужасно.

— Теперь все ясно,— сказал я.— Мы ошиблись. Бог ничего не приказывал своим святым и ангелам. По крайней мере в нашем понимании не приказывал. Появление святых обуславливается лишь молитвой. Пастор, вы-то понимали это и раньше. Но, сознательно или нет, мы полагали, что являемся более значительными персонами, чем на самом деле.

Лобачевский тут же поправил меня:

— Нет, для Него равно важно все. Но должна быть свобода выбора — даже для сил зла. Более того, существуют соображения, в силу которых... Ну, думаю, тут не совсем подходит этот термин «Политика фактов». Не знаю, существует ли подходящая земная аналогия... Грубо гово-

ря, ни Бог, ни Враг не желали своими действиями спровоцировать чрезмерно ранний Армагедон. В течение вот уже двух тысяч лет они избегают прямого вмешательства в э-э... территории: Небо и Ад взаимно неприкасаемы, и такая политика в обозримом будущем не подлежит замене...

Наша молитва была услышана. Лобачевский — святой в прямом смысле этого слова. Он не мог сопротивляться нашей мольбе, да это ему и не запрещалось. Но и помогать нам в Аду он тоже не мог. Это запрещено. Он вправе, оставаясь в моем бренном теле, отправиться с нами туда, но лишь как наблюдатель. Только как наблюдатель, ничего более. Он очень сожалеет. Каждый Дух должен идти своим собственным путем, ибо... Неважно. В общем, в наш Континуум и в мое тело он вошел, преследуя иные цели.

Больян — другое дело. Он тоже услышал наш призыв. Ведь молитва была так свободно построена, что вполне могла быть обращена к нему. Далее, он не приобщен к сонму святых. Он говорит, что его душа находилась в чистилище. Подозревая, что мы не понимаем это место умозрительно, он объяснил, что это место, где душа не может непосредственно воспринимать мудрость Господню, но может самостоятельно добиваться своего совершенствования.

Во всяком случае, пока он не взят на Небо, но и не проклят. Таким образом, ему не запрещено принять в борьбе активное участие. Похоже, у него появился шанс на выигрыш. Он *понял*, о чем мы *просили* в нашей молитве. Понял все, даже то, что мы не высказали словами. И, как и Лобачевский, выбрал для воплощения мое тело. Но Лобачевский не знал о его намерениях. Будучи святым, он обладал большей мощью, и успел на какое-то мгновение раньше...

Я остановился, чтобы зажечь сигарету. Чего мне действительно хотелось, так это осушить галлон крепкого сидра. Глотка моя была словно пересушена и забита пылью.

— Очевидно, в случаях, подобных нашему, Дух должен поступать согласно определенным правилам. Не спрашивайте меня почему. Уверен, что если бы вам стали известны причины, вы нашли бы их достаточно вескими. В частности, полагаю, чтобы предохранить нашу смертную плоть от чрезмерного потрясения, от перенапряжений. Одно из правил вполне очевидно. Больян не обладал силой святости, но мог создать себе сколь-нибудь пригодное тело.

Помните, доктор Нобу, вы предлагали это недавно. Вероятно, даже если бы мы приготовили все нужные вещества, он не смог бы воспользоваться ими. Единственная

для него возможность открыть себя людям — это войти в чье-либо живое тело. Есть еще правило — душа не может перескакивать из одного тела в другое. Она должна оставаться в нем, пока не закончится то, из-за чего она вернулась на Землю. Больяну нужно было молниеносно принять решение. Мое тело уже было занято.

Правила приличия не позволяли ему войти в тело э-э... ...женщины. Если бы он вселился в кого-то, кто не собирался вместе с нами отправиться в Ад, пользы от этого было бы немного.

Хотя об этом в молитве не упоминалось, в ее обертонах он уловил, что в экспедиции должен участвовать третий человек мужского пола. И Больян устремился в его тело. Он всегда действовал быстро. И слишком поздно обнаружил, что вселился в тело Свертальфа.

Широченные, могучие плечи Барни обмякли:

— Значит из задуманного нами ничего не вышло?

— Не обязательно,— сказал я.— Джинни — сильная ведьма. Если она поможет увеличить мощь кошачьего мозга Свертальфа, он полагает, что справится. После смерти он провел много времени, исследуя геометрию различных Континуумов. В том числе таких странных и жутких, что не может даже поведать о них и намеком. Идея налета на Ад ему понравилась.

Свертальф качнул хвостом, усы его встали прямо, бакенбарды распушились.

— Значит, получилось! — закричала Джинни.— Ура-а! Ию-лю-у!

В определенной степени, да. Решимости у меня было не меньше, меньше было энтузиазма. На мрачный лад меня настраивало узнанное от Лобачевского. Я предчувствовал, что здесь много трудностей. Вряд ли просто так Враг позволил бы добиться нам успеха. Против нас будет направлена вся сила, вся его хитрость.

— Так...— с растерянным видом сказал Карлслунд.— Так, так...

Джинни прекратила свой военный танец.

Я сказал:

— Может быть, вы лучше позвоните ему, доктор Грисволд?

Маленького росточка доктор кивнул:

— Я сделаю это из своего кабинета. Вы оставайтесь здесь, будете все видеть и слышать.

Я чуть не выругался. Законно ли это? По-видимому, в какой-то мере... не запрещается.

Несколько минут нам пришлось подождать. Я крепко прижал к себе Джинни. Остальные, кто негромко переговаривался о построенном, кто в бессилии опустился на стулья. Бодрость хранил только Больян. С помощью Свертальфа он удовлетворял свое ненасытное любопытство обследованием того, что было в лаборатории.

Но на самом деле перед нами был лучший ученый, лучший математик, чем будет когда-либо любой человек на Земле, пока она существует. Его до смерти интересовало, как на нашей планете обстоят дела. И в полный восторг он пришел, когда Янош разыскал ему подшивку «Всемирной географии».

Телефон ожил, звякнул. Мы видели все, что делал Грисволд. Я со свистом втянул воздух между зубов. Сверкающий Нож действительно вернулся.

— Извините, что заставил вас ждать,— сказал профессор.— Раньше позвонить никак не мог. Чем могу быть для вас полезен?

Фэбээровец назвал себя, предъявив удостоверение:

— Я пытаюсь разыскать мистера и миссис Матучек. Вы знакомы с ними, не так ли?

— Ну... э-э... да. Давно их не видел, правда...— врун из Грисволда был плохой.

— Пожалуйста, выслушайте меня, сэр. Сегодня днем я вернулся из Вашингтона. Был там в связи с их делом. Это чрезвычайно важно. Я спросил своих подчиненных. Миссис Матучек исчезла и обнаружить ее не удалось.

Ее муж, по крайней мере, некоторое время находился в защищенном от любого надзора конференц-зале. Никто его не видел в зале после окончания рабочего времени. Я послал своего человека разыскать его, но он его не нашел. Наши люди сделали фотографии всех, кто входил в здание. Сотрудники криминалистической лаборатории среди других участников встречи опознали вас. Вы все еще уверены, что Матучека у вас нет?

— Н-нет. Их нет... Что вы хотите сделать с ними? Обвинить в уголовном преступлении?

— Пока они не окажутся в нем замешаны — нет. У меня на руках специальный приказ, предписывающий не допустить некоторых действий, которые Матучеки, вероятно, захотят предпринять. Всякий, кто окажет им помощь, как и они, в равной степени подлежит аресту.

Грисволд оказался молодцом. Он преодолел испуг и, брызгая слюной, затарахтел:

— Честное слово, сэр, меня возмущает подтекст вашего

заявления. В любом случае ваше предписание должно быть предъявлено тем, кого оно касается, то есть — Матучекам. Без этого оно не имеет никакой законности. До тех пор оно не ограничивает ни их действий, ни действий их сообщников.

— Верно. Не возражаете, если я приеду осмотреть помещение, в котором вы сейчас находитесь? Возможно, они все-таки там. Без вашего ведома...

— Нет, сэр, возражаю. Вам не следует приходить сюда.

— Будьте благоразумны, доктор Грисволд. Помимо всего прочего, наша цель состоит в том, чтобы защитить их от самих себя.

— Такого рода намерения весьма присущи теперешней администрации, и мне они очень не нравятся. До свидания, сэр.

— Эй, подождите,— голос Сверкающего Ножа сделался тише, но трудно было бы ошибиться в его тоне.— Вы не являетесь владельцем здания, в котором находитесь.

— Но я несу за него ответственность. «Трисмегист» является частным владением. Я могу осуществлять управление этим зданием по собственному усмотрению и запрещаю вам доступ в него. Вам и вашим подчиненным.

— Но не в том случае, если они прибудут с ордером на обыск, профессор.

— Тогда я вам советую поскорее получить его...— и Грисволд прервал колдовство телефона.

Мы, оставшиеся в лаборатории, поглядели друг на друга.

— Сколько у нас времени? — спросил я.

Барни пожал плечами:

— Не больше пятидесяти минут. Фэбээровцы уже в пути.

— Стоит ли нам попытаться удрать отсюда? — спросила у него Джинни.

— Я бы не стал пробовать. Все вокруг, вероятно, взято под наблюдение еще до того, как Сверкающий Нож пытался дозвониться до Грисволда. Думаю, он выждал просто для того, чтобы узнать, чем мы занимаемся. И ему приказали перейти к решительным действиям только в крайнем случае.

Джинни выпрямилась:

— О'кей. Тогда мы отправимся в Ад.— Ее верхняя губа слегка дернулась.— Нельзя упустить эту возможность. Готовиться некогда.

— А-а! — Барни хрюкнул, как будто получил удар погой в живот.— Нет, вы сошли с ума! Без подготовки, не имея нужного снаряжения...

— Справимся с тем, что имеется здесь,— сказала Джинни.— Воспользуемся советами Больяна. Лобачевский, пока мы здесь, тоже имеет право помочь нам. Мы выиграем — на нашей стороне эффект неожиданности. Демоны не успеют организовать свои силы. Наше вторжение, повторяю, произведет на них неожиданный эффект. А раз мы выйдем из американской юриспруденции, разве будут у Сверкающего ножа основания заставить волшебством нас вернуться? И он не станет мешать нам. Прекращение вашей помощи, возможно, означало бы нашу смерть. Это будет убийство. Кроме того, подозреваю, он на нашей стороне. Он не в восторге от того, что ему приходится делать. Скорее, он предложит нам свою помощь.— Она подошла к Барни, обеими руками взяла его за руку и заглянула снизу вверх в его изрезанное морщинами лицо.— Не мешай нам, старый друг,— попросила она.— Необходимо, чтобы вы согласились с нами.

Было больно смотреть как мучался Барни. Но вот он крепко выругался и отдал приказ. Люди принялись за работу.

В зал вошел Грисволд:

— Вы уже... О, вы можете отправляться прямо сейчас!

— Не можем не отправляться! — сказал я.

— Но вы не... вы даже не обедали. Вы ослабеете и... Ладно, знаю, что мне не остановить вас. Иногда работа продолжается допоздна, и на этот случай у нас в лаборатории установлен холодильник с пищевыми припасами. Пойду посмотрю, что есть в нем...

Вот так мы и отправились штурмовать твердыню Ада.

Янош отдал Джинни свою сумку (из тех, что носят на ремне через плечо), а Барни вручил мне куртку (она была мне велика и рукава пришлось немного подрезать). Сумка и карманы куртки были набиты до отказа бутербродами с арахисовым маслом для нас, и консервами (копченая селедка) для Свертальфа-Больяна.

28

Некоторое снаряжение у нас было. В основном оно лежало в сумке Джинни. В том числе и принесенное Акмапом свидетельство о рождении Валерии. Инструкции, которые он мог дать, как лучше использовать это свидетельство, были главной причиной его приглашения участвовать в со-

вещании. Джинни положила документ пока что в свою собственную сумочку и засунула ее за бюстгальтер.

Никто, включая наших геометров, не знал наверняка, какие средства окажутся в аду действенными, а какие — нет. Лобачевский смог сказать, что религиозные символы не обладают там силой, которую имеют здесь. Их действие основано на благости Всевышнего, а всем известно, что никто из обитателей Ада не способен любить. Кое-что, однако, нам могло дать язычество.

Языческие понятия о чести и справедливости ничего не значили там, куда мы собирались, а вот понятие силы и искупительной жертвы — значили. И хотя века уже минули с тех пор, как последний раз отправлялась служба языческим богам, в их символах еще сохранилось достаточно силы и могущества.

Джинни, как обычно, заколола отворот платья булавкой с изображением совы, знаком того, что она — имеющая лицензию ведьма. Грисволд разыскал где-то миниатюрную пластинку зеленовато-желтого цвета. Пластинка была ацтекского происхождения, и на ней было вырезано гротескное изображение скалящей зубы змеи, покрытой перьями.

Я прикрепил пластинку к своему превращательному фонарику и спрятал под рубашку. Немного смущающийся под взглядом пастора Карлслунда, Барни вынул из кармана сделанный в форме молоточка серебряный брелок — копию тех, что были распространены в эпоху Викингов. Брелок принадлежал его жене, но таскал его с собой сам Барни — на счастье. И теперь он перекинул его цепочку через шею Свертальфа.

Не было смысла тащить с собой огнестрельное оружие. И Джинни, и я весьма неплохо стреляли, но это — в евклидовом пространстве. Если из-за меняющейся гравитации траектория выстрела меняется самым непредсказуемым образом, забудь об огнестрельном оружии, приятель. Мы вооружились, пристегнув к поясу мечи. У Джинни был тонкий, современного производства, золингеновский клинок. Он предназначался главным образом для ритуальных действий, однако, и режущий край, и острие его были отточены. Мой меч, более древний, тоже обладал магической силой. Тяжелое, надежное оружие. Он и в плавании побывал — служил абордажной саблей самому Декатуру.

Воздух для дыхания тоже мог оказаться проблемой. Ад печально известен своим бесчестием. И вообще.— это место во всех отношениях беспредельно грязное. В запасе у нас были дыхательные аппараты — из тех, что используют

для подводного плавания. Если человек уподобляется русалке или иным подобным созданиям, лучше всего, если ему помогает маг или колдунья, способные к тому же отогнать, например, тюленя. Но тут уж как повезет.

Специалистов такого рода немного, поэтому чаще ограничиваются комплектом, состоящим из обычных баллонов и маски. Маски могут быть разными, в том числе и для различных животных. Мы разыскали еще и комплект, подходящий Свертальфу. И еще один я прикрепил к своему запасному баллону — для Валерии, если нам улыбнется удача.

На этом перечень нашего снаряжения заканчивается. Будь у нас время, мы бы смогли подготовиться лучше. И еще мы могли бы взять с собой не пару метел, а драконов, даже двух, и нагрузить на одного несколько тонн всяческого груза, чтобы во всеоружии встретить любую неожиданность, которую может предвидеть группа стратегического анализа. Однако армия уже пыталась действовать подобным образом, и потерпела неудачу. У нас были сведения, которыми не располагали армейцы, а еще у нас был единственный в своем роде советник. Может быть это сработает.

Пока мы вместе с несколькими помощниками торопливо готовились, Барни и Нобу тоже завершали приготовления к нашему перебросу. В последнюю минуту я попросил их сделать кое-что, и как можно скорее.

В центре пола была начертана фигура (не буду говорить какая именно). Ее обрамляли расставленные правильным пятиугольником освященные свечи. Сверху издавал неприятные звуки огромный колокол. Его можно было опустить. Колокол предназначался для выброшенной из адской Вселенной массы обмена. Возможно, это будет какое-то живое существо или некий газ. В общем, что-то, с чем будет трудно справиться.

— После нашего переноса,— сказал я,— сразу же помести сюда несколько фунтов какого-либо вещества. Конечно, если не окажется, что внутрь соваться опасно.

— Что? — в изумлении спросил Барни.— Но тогда это даст возможность преследователю совершить переход без затруднений.

— Что бы ни оказалось здесь, оно не сможет выйти за пределы диаграммы,— напомнил я.— Мы будем действовать очень быстро. Будьте наготове, пустите в ход все свое волшебство, чтобы оно не вернулось обратно. Не знаю, что нам удастся обнаружить. Возможно, оно будет иметь боль-

шое научное значение, а людям необходимо знать больше об Аде. Хотя скорее всего наша добыча будет равна нулю. Но все же, подготовьте замену.

— Ладно. Для сумасшедшего ты рассуждаешь разумно.— Барни вытер глаза.— Проклятье, я должно быть подцепил какую-то аллергию.

Когда мы попрощались, сухие глаза остались лишь у Яноша. И в мозгу моем, размеренно и печально, звучала чужая мысль:

«Стив Павлович, Вирджиния Виллиамовна и кот, наверняка обладающий своей собственной душой, я больше не могу помогать вам. Теперь я обязан стать простым наблюдателем. Только наблюдателем, удовлетворяющим свою собственную любознательность. Не буду стягивать вас горем, которое вызывает у меня эта необходимость. Вы более не будете ни сознавать, ни ощущать моего присутствия. Прощайте! Да благословит вас Бог!»

Я почувствовал, как он уходит из моего сознания. Как сон, который обесцвечивается, когда вы, проснувшись, пытаетесь вспомнить его. И вскоре от него осталось лишь ощущение чего-то хорошего, происходившего со мной в течение двух-трех часов. Или нет, не совсем так. Подозреваю, что своим спокойствием в последующие минуты я обязан его незримому присутствию. Он не мог не помогать. Он был Лобачевским...

Рука об руку, держа в других свои метлы, мы с Джинни вступили в фигуру связи. Впереди шествовал Свертальф. В самой ее середине мы остановились, чтобы поцеловаться и шепнуть друг другу последние слова, а потом медленно натянули маски. Оставшиеся приступили к волшебству.

Зал снова окутался тьмой. Я ощутил, как скапливается энергия. Грохнул гром, заходил пол под ногами. Фигуры товарищей как бы отдалялись, и я уже висел над их головами. Сквозь усиливающийся грохот я расслышал, как моя ведьма начала читать то, что написано на пергаменте. Там стояло имя «Викторикс» и теперь силы природы переносили нас туда, где она находилась. Переносили сквозь дьявольское пространство-время.

Зал, звезды, Вселенные — весь мир начал вращаться вокруг нас. Мы находились в центре урагана. Все быстрее и быстрее вращался мир. Он превратился в одну гигантскую мельницу, а потом остался лишь рев, словно рев громадного водопада. Нас крутил, топил, засасывал бесконечный водопад и водоворот. Последний проблеск угасшего со страшной скоростью света... И когда мы достигли конца

бесконечности, свет умер. А в самом конце нас ждал такой ужас, что мы никогда бы не осмелились встретиться с ним. Никогда, если бы не наша дочь, Валерия Викторикс...

29

Должно быть, я на минуту потерял сознание. На минуту, а может на миллионолетие. Внезапно я начал понимать, как будто щелкнули выключателем, что наше путешествие окончено, и мы куда-то прибыли. Куда-то, что бы это такое ни было.

Я привлек Джинни к себе. Мы смотрели друг на друга, ощупывали дрожащими пальцами. Никаких повреждений. Свертальф также был в полном порядке. Он не требовал, чтобы на него обращали внимание, значит с ним было все в порядке. Больян тут же заставил его пуститься бегом по расширяющейся спирали, чтобы выяснить обстановку.

Я осторожно сдвинул маску, вдохнул воздух. Он был ужасающе холодным. Дул ветер, пронизывающий до самых костей, но воздух казался чистым. Если быть точным — стерильным.

Стерильность. Ею все было здесь пропитано. Небо было абсолютно беспредельно черным. Но каким-то образом мы видели звезды и планеты, похожие на безобразные груды шелка. И те, и другие — глаз видел ясно — двигались по хаотичным траекториям. Это были пятна еще более глубокой тьмы. Тьмы, которая означает не отсутствие, а отрицание света.

Мы стояли посреди голой равнины — серой, ровной, плоской, словно отлитой из железобетона. Ничего вокруг не было, если не считать рассыпанных повсюду камней. Среди камней не было двух одинаковых, но все они неизменно уродливы.

Свет исходил от почвы. Бледный, бесцветный, не дающий теней свет. Что вдалеке — не было видно. Но равнина, казалось, продолжалась бесконечно — ни горизонта, ни препятствий. Не было ни движения, ни звука, ни сторон света — лишь тоскливый свист ветра.

Всякие мерзости мне приходилось видеть, но такие... Нет, ужаснее всего было и будет — подменыш в кроватке нашей дочери...

Джинни тоже сняла маску, как и я, повесила на свой баллон. Она вся дрожала, крепко обхватив себя руками.

— Я думала, что нас в-встретит пламя,— сказала она.

Подходящее высказывание. Впрочем, в исторических случаях только такие и делаются.

— Данте описал седьмой круг ада как место, где властвует холод,— медленно ответил я.— По-видимому, он что-то знал... Где мы?

— Не знаю. Если волшебство удалось, если вообще удалось волшебство имени... мы на какой-то планете. Если только слово «планета» имеет тут какой-нибудь смысл. Вал должна быть где-то здесь. Не слишком далеко отсюда. Вернее, будет...

Мы, естественно, приложили все усилия, чтобы оказаться здесь раньше нее.

— Не похоже на то, о чем доказывали предыдущие экспедиции.

— Нет. У них иной, интересный перенос. У нас с ними были разные ритуалы. К тому же мы двигались против течения времени. Возвращаться будет легче. Свертальф исчез за ближайшим камнем. Мне это не понравилось.

— Коммун си цурюк! — закричал я, перекрикивая свист ветра.— Ретурне ву! И без замешательства понял, что перед переносом Лобачевский впечатал в мой мозг знание немецкого и французского. Ей Богу, и русского языка тоже!

— Иду,— раздалось сзади.

Я обернулся.

Кот исчез там, а сейчас он шел прямо к нам с противоположной стороны.

— Искривленное пространство,— сказала Джинни.— Смотри, Свертальф ставит лапы твердо, но путь его извилист, как будто он напился. Он движется по кривой. А ведь он всего в нескольких ярдах от нас. Что если в нескольких милях?

Я огляделся и сощурился:

— Все выглядит прямолинейно.

— Так и должно быть, пока ты не двигаешься. Бр-р. Сделаем, чтобы потеплело.

Она вынула из сумки складную волшебную палочку. Звезда на ее конце не сверкала, лишь тлела. Но наши тела окутало исходящее от нее ласковое тепло. Если честно, сделалось, пожалуй, даже слишком жарко. Я вспотел. Видимо, Адская вселенная обладала такой высокой энтропией, так далеко зашел процесс термодинамического распада, что и мелкое воздействие вызывало большой эффект.

Свертальф уже был рядом с нами. Оглядывая с беспокойством равнину, я пробормотал:

— Нас ожидает здесь немало трудностей. Что мы можем им противопоставить?

— Нам благоприятствуют два обстоятельства,— сказала Джинни.— Первое — колдовство переноса оказалось действительно эффектным. Его влияние еще не закончилось. Оно сохраняет нас, и в какой-то степени благодаря ему обстановка кажется схожей с земной. Второе — демоны заранее хорошо знали, где и когда им ждать предыдущие экспедиции. У них было достаточно времени для подготовки всяких грязных фокусов. Мы же прокрались незаметно,— она откинула со лба локон и добавила твердо.— Думаю, что у нас, когда мы тронемся в путь, проблем будет полон рот.

— Да, а с какой стати похититель вернется именно сюда, в пустыню? Мы не смогли оказаться точно в нужном месте.

— Помолчи, сейчас я определю направление.

Она подняла вверх пергамент с именем «Викторикс». Пропела заклинание. Палочка недвусмысленно повернулась в определенном направлении. Но магический шар оставался туманным. Ни намека, сколь долгий предстоит нам путь, и что нас ждет впереди. Слишком чуждым здесь было время-пространство.

Мы поели, напились, отдохнули несколько минут, и в дорогу. Джинни со Свертальфом на седельном луке держалась впереди. Я летел чуть сзади и справа. Метлы работали плохо, двигались медленно. Защитный экран приказал долго жить и мы остались открытыми дующему справа ветру. Но зато мы успели подпяться и выровнять наш полет до того, как он сделался достаточно сильным.

Сперва началось зрительное искажение. Я смотрел, и рука моя все крепче сжимала рукоять рычага управления. Свертальф, моя красавица Джинни, камни внизу — все пошло рябью, волнами, начало сужаться и растворяться, потекло. Все сделалось непристойно карикатурным. И одна грязная карикатура тут же сменялась другой — еще худшей.

Казалось, с тела спелушивались комки мяса, обвисали каплями, утонышались, вытягивались, а потом срывались и пропадали. Звуки изменились тоже. Пронзительный свист перешел в какофонию. Вопли, гул, жужжание — будто быстро произносимые, полные угрозы слова. Я почти понимал их. Они вибрировали ниже порога восприятия, я не слышал их, но мое тело слышало. Я отвечал им, содрогаясь от ужаса.

— Не обращай внимания! — закричал я.— Это оптиче-

ский эффект Доплера...— Но мой крик не смог пробиться сквозь этот хаос.

Внезапно моя любимая стала удаляться. Неслась от меня, вращаясь, словно сорванный ветром лист. Я попытался лететь за ней следом, прямо в порывы ветра, выбивающего из глаз слезы, но чем больше я отклонял курс метлы, тем быстрее уносилась от меня Джинни.

— Больян, помогите! — закричал я, пытаясь докричаться в пустоту.

И пустота поглотила меня.

Я скользил вниз по какой-то невозможно бескопечной кривой. Метла не могла выйти из пикирования.

«Нет,— старался я перебороть страх,— я не разобьюсь! Нет. Полет скоро выровняется. Выровняется, когда я буду над теми»...

Гряда камней, к которой я наискось падал, оказалась вовсе не грядой камней.

Это была горная цепь. Буря смеялась над моими усилиями. Метла подо мной тряслась. Я тянул на себя рычаг управления, мычал заклинания, но ничего не мог поделать. Мне не удастся сесть, я разобьюсь об утесы...

Видимо я пролетел несколько тысяч миль. Не меньше — ведь иначе я бы увидел эти горные пики посреди бескопечной равнины. Джинни потеряна... Вал потеряна. Возможно, меня ждет смерть, но я не имел права терять надежду...

— Ию-у-у! — прорезалось сквозь шум и хаос.

Я крутанулся и чуть не свалился с седла. Ко мне неслась Джинни. Развевающиеся волосы пылали огнем. Звезда на волшебной палочке вновь сияла, словно Сириус. Управляли помелом когтистые лапы Свертальфа, то есть — Больяна. Сверкали желтые глаза, сверкали белые клыки. Морда кота походила на морду пантеры.

Они летели рядом. Джинни перегнулась ко мне, и наши руки встретились. Словно ток пробежал по мне от ее ладони. Я смотрел как управляет кот, и делал то же самое. Дома такой пилотаж привел бы к аварии. Но здесь мы лишь развернулись и начали набирать высоту.

Как это объяснить? Предположим, вы — плоскостник, мифическое создание. Хотя всякое живое существо — мифическое создание. Так вот, вы — плоскостник, живущий в пространстве двух измерений. Двух, не более. Вы живете в поверхности.

Все правильно, именно «в», если это плоскость, ее геометрия, которую мы изучили в средней школе. Параллель-

ные линии не пересекаются, кратчайшее расстояние между двумя точками есть отрезок прямой, сумма углов треугольника равна 180 градусам и так далее.

Но теперь вообразите, что какой-то трехмерный гигант вытащил вас оттуда и опустил на поверхность, имеющую форму. Например, это может быть сфера. Вы обнаружите, что пространство изменилось самым фантастическим образом. В сфере линии определяются как меридианы и параллели, что подразумевает, что они имеют конечную длину. Расстояние между двумя точками тем меньше, чем ближе линии измерения к дуге наибольшей окружности. Сумма углов треугольника оказывается меняющейся величиной, она всегда больше 180 градусов, и так далее. Возможно, вы тут же свихнетесь.

А теперь вообразите конус, гиперболоид, тела, полученные вращением логарифмических и тригонометрических кривых, тело вращения ленты Мебиуса. Вообразите себе все то, что можете. А теперь представьте все то и планету, где воду беспрерывно вспенивают штормы, где не действуют обычные законы физики. В каждой отдельной точке поверхность имеет свою форму, которая даже не остается постоянной во времени. Превратите два измерения в три. Затем в четыре, еще одно измерение — ось времени. Возможно, темпоральных осей понадобится несколько — так полагают многие философы. Теперь добавьте гиперпространство, в котором действуют паранатуральные силы. Пусть в этом пространстве действуют законы хаоса и ненависти. И вы получите некоторую аналогию с тем, что представляет собой Адская Вселенная.

Мы тогда попали в седловую точку и Джинни понесло в одну сторону, а меня — в другую. Наши курсы разошлись потому, что такой была кривизна пространства.

Моя попытка догнать ее была хуже чем бесполезной. В области, где я находился, линии направления к ней круто изгибались совсем в другом направлении. Я ошибся, и меня бросало от геометрии к геометрии. Оказавшись внутри громадной складки пространства, я помчался навстречу гибели.

Ни один смертный не смог бы избежать участи, которая была уготована мне. Но Больян уже не был смертным. Более ста лет назад его Дух высвободился из бесценной для каждого человека, но такой ограниченной плоти. И к природному гению его добавились знания и мастерство, приобретенные за это время. Математику удалось достичь взаимопонимания с Джинни, воспользоваться ее помощью. И поэтому тело Свертальфа превратилось из ло-

вушки в оружие, которым он мог распоряжаться по своему усмотрению. Больян мгновенно оценил, как меняется окружающее пространство. Составлял и решал в уме его уравнения, рассчитывал, каковы должны быть его свойства, безошибочно предвидел дальнейшие варианты кривизны пространства. И все это в мельчайшие доли секунды. Он лавировал в вихре изменений, словно футболист, рвущийся к заветным воротам.

Он победил. Не имея другого голоса, он запел песню, которую поют коты после драки с соперником и совокупления с самкой. Круто меняя курс, мы понеслись над горами и устремились к нашей цели...

Наш путь был не сахар. Мы не должны были ни на мгновение терять бдительность. Реагировать приходилось молниеносно. Нередко мы ошибались, что едва не приводило нас к аварии. Мне пришлось отпустить руку Джинни. Ее помело снова улетело в сторону. Потом мы на повороте едва не столкнулись: под действием мощнейшего гравитационного поля, пространство резко прогнулось, и наши метлы чуть не столкнулись.

От рывка глаза почти вылетели из орбит, а желудок оказался в горле. Когда сила тяжести быстро ушла, мы завертелись волчками и пролетели сквозь пространство, вместо того, чтобы обогнуть его, оказавшись в совершенно ином месте. Мы попали в область, где в гиперпространстве было так мало энергии, что метлы перестали работать. Выбирались оттуда за счет энергии движения и использования аэродинамических свойств метел... Я не могу вспомнить все, что случилось.

До сих пор нам хватало сил, чтобы справиться с полетом. Мы увидели, что равнина кончается. А за ней — гряда утесов, на мили грудами нагроможденная скелетами, пропасть, в которой, казалось, нет дна. И море лавы, над которой вспыхивали языки пламени и поднимались столбы дыма.

Мы поспешно натянули маски, пока этот едкий дым не сжег наши легкие. Но до границы равнины было еще далеко. Теперь лететь было сравнительно легко. Полет не требовал всего нашего внимания. Мы этим воспользовались. Джинни подняла шар. Бледное, разгоревшееся сияние показало, что мы близки к своей цели.

Я выпустил ее руку (мне не хотелось этого делать, но наши руки уже болели от напряжения. Не сцепи мы их тогда снова, нас бы разбросало). Некоторое время мы летели в тишине и осматривались.

Ветер остался где-то позади. Никто и ничто не нарушало тишину — только шорох разрезаемого метлами воздуха. Все более крепчал кладбищенский запах. Мы глотали тепловатый, пронизанный мерзостью воздух и задыхались. Все же дышать было можно. Небо по-прежнему было черным, а на нем — чернее самой черноты — медленно ползущие планеты. Иногда, почти над нашими головами пролетали огромные метеориты. Скорость их полета была ненамного выше нашей. Они пролетали и выходили за пределы узкой атмосферы этого не имеющего горизонта мира, и исчезали.

Изредка вспыхивало пламя разрыва, и сумрак заполняло перекатывающимся грохотом.

Наш путь по-прежнему освещало лишь испускаемое почвой унылое свечение. Мы уже летели над окраиной болота — огромного, как и все, что мы видели в этом мире. Где-то вдали виднелись другие болота, пруды, озера. И там, где на них вскипала пена гниения, поверхность тускло блестела. Высились толстые, искривленные стволы деревьев. Их ветви переплетались. Над водой, где плавали обломки деревьев, преклоняли колени мрачные кипарисы. И мертв был тесно росший вдоль берегов камыш. Сквозь сумрак ползли желтые испарения. Центральные области болот были полностью покрыты этим туманом. Туман медленно вскипал и выбрасывал все новые языки.

Далеко впереди тревожным, красноватым отблеском вспыхивали низко нависшие облака. Внезапно пространство содрогнулось, двинулось, и мы оказались над ними.

Нас оглушили звуки, буря звуков. Вопли, вой барабанов, вой труб. В облаках открылся просвет. Там горел высокий, словно наши темные башни, костер. От него исходил страшный жар. Мне показалось, что на нас нацелен гигантский, мясницкий нож. В пламени корчились и визжали какие-то существа, но я не мог разглядеть какие именно.

Вокруг костра плясали люди — черные, тощие, как мумии, и голые. Они увидели нас, и прерывистый рев огня прорезал оглушительный крик. Тамтамы начали слитно выбивать «Бум-да-ба-бу, бум-да-ба-бу». С безлистых деревьев сорвалась стая птиц. Размером и окраской они напоминали ястребов, но их черепа и лапы, с безжалостно изогнутыми когтями, были лишены плоти.

Свертальф вызывающе зашипел, дал ускорение, и птицы остались позади.

Внезапно, в нескольких милях впереди, тоже начали

бить барабаны. А за ними вдали — уже шепотом, еще и еще — «бум-да-ба-бу, бум-да-ба-бу».

Джинни махнула мне, и я подлетел к ней поближе. Вид у нее был мрачный.

— Если не ошибаюсь,— сказала она.— Это «говорящие барабаны», и весть о нас передается все дальше и дальше.

Моя левая рука опустилась на рукоять меча.

— Что будем делать?

— Изменим направление. Попытаемся подлететь туда с другой стороны. Ну, быстро.

После страшного жара того костра, ветер, вызванный полетом, показался почти приятным. Теперь это был прохладный, чистый, уже без зловоний ветер. Мы пролетели над линией Дольмена, и воздух мгновенно снова сделался холодным. Под нами простиралась голая вересковая пустошь. Там сражались две армии. Должно быть, они занимались этим уже не одно столетие.

На многих кольчуги и остроконечные шлемы, остальные были одеты в кожу и грубо выделанные ткани. Оружием им служили мечи, топоры, копья. До нас донесся звон металла, шарканье ног, несущие смерть звуки попавшего в цель удара. Но не было слышно ни крика, ни кличей труб, ни даже надсадного, как скрежет напильника, дыхания. Устало и безнадежно мертвецы продолжали сражаться. И этой войне не было конца.

Миновав поляну, мы повернули и снова устремились к своей цели. Пронеслись над лесом виселиц и над рекой — она текла с шумом, похожим на плач. Порывами ветра до нас донесло брызги. Они были теплыми и солеными на вкус. Нам пришлось вытерпеть жар и ядовитые испарения, поднимавшиеся над системой дорог, по которым ползли какие-то механические повозки.

Нос каждой повозки почти упирался в задний конец предыдущей. Дорожная сеть достигла нескольких метров в ширину. Не знаю, какой она была длины, как и не знаю цели, для которой ее построили. Потом мы пролетели над холмами, изрытыми окопами и оставшимися после разрывов воронками. И здесь ничего не сохранилось, если не считать заржавевшей пушки и знамени, установленного в знак победы. Знамя давно выцвело. Теперь его цвет был серым.

Холмы тянулись бесконечно. Они громоздились все выше, и очередная их цепь была так высока, что нам пришлось надеть маски. Мы летели вдоль ущелья, увертываясь от падавших камней. За горами перед нами вновь развернулась новая страна. Опять бесконечная, усеянная

вулканами равнина. Далеко впереди высились гигантские черные башни. На таком расстоянии они казались игрушечными. Магический шар ослепительно вспыхнул. Волшебная палочка подпрыгнула в руках Джинни, указывая на башни.

— Клянусь Гекатой,— крикнула Джинни.— Вот оно!..

30

Мы летели бок о бок. Воздух по-прежнему был холодным. Он выл и причитал, проносясь мимо нас. В его запахе было что-то сродни запаху серы и мокрого железа. Наши метлы развернулись, набрали высоту. Нога Джинни касалась моей, и наши движения были точно согласованными.

Мы глядели в шар. Свертальф-Больян вывернул голову из-под руки Джинни и тоже смотрел в него. На таком близком расстоянии, да еще когда пространство имело почти земную геометрию, магический кристалл работал хорошо. Джинни настроила шар на замок. Замок был совершенно черного цвета. Размеры и форма его были чудовищными.

Да и имел ли он форму?

Он расползался во все стороны, тянулся вверх, подвальные этажи глубоко уходили под землю. Остальные его части ничто не объединяло — ничто, кроме уродства: то поднимающийся над кубической башней тонкий кривой шпиль, то, как усеянный вздувшимися прыщами, купол, а вон там — громадный каменный зубец, нависший над неправильным очертанием ворот. Целые квадратные мили воздвигнуты без всякого плана. И кишащие толпы причудливых дьяволов.

Мы попытались заглянуть сквозь стены, однако проникли недалеко. Мы разглядели похожие на пещеры извилистые лабиринты коридоров, но слишком уж все здесь было насыщено силами зла. И то нам повезло, учитывая, что хоть и смутно, но мы что-то поняли.

Вдруг из замка к нам донеслась мысль. Нет, не мысль, а волна такой муки, что Джинни громко вскрикнула, а у меня из прокушенной губы потекла кровь. Мы включили шар, и, обнявшись, ждали, пока нас не оставит дрожь.

— Не поддавайся,— сказала Джинни, высвобождаясь.— Времени у нас мало, она вновь включила магический кристалл и произнесла заклинание предвидения.

В нашей Вселенной это колдовство срабатывало редко, но Лобачевский теоретически доказал, что координатная изменчивость Нижнего Континуума дает определенные

шансы. Изображение в шаре поплыло панорамой, остановилось, подвинулось крупным планом. Какой-то двор, имеющий форму неправильного семиугольника, окруженный зданиями с искривленными башнями.

Посреди двора стояло невысокое строение с бугристыми комьями-станками, без окон, с единственной входной дверью. Над домом возвышался шпиль, напоминающий безобразную черную поганку. Шпиль превосходил окружающие здания, тень его перекрывала весь вымощенный камнями двор.

Мы не смогли заглянуть внутрь этого дома по той же причине, что и раньше. Создалось, однако, такое впечатление, что там никого нет. И мне показалось (от одной мысли по телу поползли мурашки), что дом каким-то извращенным образом соответствует нашей часовне.

— Это недвусмысленно и определенно означает, что она скоро окажется здесь,— сказала Джинни.— Нужно быстро решать, что будем делать.

— Действовать придется быстро,— отозвался я.— Дай-ка все это крупно.

Джинни кивнула. Изображение в шаре изменилось. Теперь мы смотрели сверху. Я снова увидел как многочисленны заполняющие замок толпы. Всегда ли они бывают так возбуждены? Наверняка нет. Мы сфокусировали кристалл на одной из групп демонов. Среди них не было одинаковых. Аду в высшей степени свойственно тщеславие: у одного все тело было покрыто шипами и иглами; другой — динозавр со щупальцами; неряшливого вида толстяк, соски которого представляли крошечные скалящие зубы головки; свинья с крыльями; беспрерывно меняющая свои очертания клякса; голый мужчина со змеей вместо пениса; демон с яйцом на животе; карлик на тончайших, футов десяти, ногах; и другие, вид которых описать почти невозможно.

Мое внимание привлекло, что большинство демонов были вооружены. Огнестрельное оружие им, по-видимому, знакомо не было, и все же, и средневековое оружие может наделать в бою немало хлопот.

Меняя настройку, мы видели другие такие же группы. Всюду царил совершенно неправдоподобный беспорядок. Ни дисциплины, ни хотя бы уважения друг к другу. Они метались — так бестолку носится курица, когда ей отрубят голову. Каждый орал что-то свое. На бегу демоны сталкивались и тут же с руганью начиналась драка. Ежеминутно откуда-то из внутренних помещений замка доставлялось

оружие. Все чаще гротескно выглядевшие твари взлетали в воздух и начинали там описывать круги.

— Поднята тревога. Прекрасно,— сказал я.— Барабаны...

— Не думаю, что они знают, чего ожидать,— низким напряженным голосом прервала меня Джинни.— В направлении, откуда мы прилетели, никакой особой охраны не выставлялось. Разве Враг не сообщил насчет нас?

— Похоже, что он избегает лично вмешиваться в это дело, как Лобачевский, и, видимо, по тем же самым причинам. Самое большее, он может послать какую-нибудь мелочь для наблюдения. А сами демоны не могут знать наших возможностей. К тому же, мы сумели оказаться здесь вовремя.

— Учти еще, что дьявольское воинство всегда отличалось тупостью. Злу не присущи ни ум, ни созидательные способности. Их предупредили о том, что нужно ждать нападения — и погляди на эту сумятицу!

— Но не недооценивай их. Идиот тоже может убить.

Я поразмыслил:

— Вот что мы сделаем, если ты согласишься. Лети прямо туда. Сделай так, чтобы нас не видели, хотя мы это вряд ли сможем. Тогда придется быстро действовать. Пространство здесь близко к нормальному, метлы работают хорошо, хотя... Прямо во двор мы спуститься не можем, нам преградят дорогу.

Видишь тот дворец, допускаю, что эта уродина должна изображать дворец... слева, с колоннами по фасаду, похожими на кишки? Должно быть он принадлежит важной шишке. В последний момент разворачиваемся и мчимся к нашей подлинной цели. Ты влетаешь внутрь, устанавливаешь параестественную защиту и готовишься к колдовству возвращения. Я охраняю дверь. Когда появляется Вал, ты протыкаешь мечом похитителя и хватаешь ее. Годится?

— Да. Ох, Стив,— слезы медленно поползли по ее лицу.— Я люблю тебя!

Там в небе мы поцеловались в последний раз, а затем бросились в атаку.

Был разрезаемый нашими метлами воздух. Мчалась навстречу мрачная твердыня Ада. Я услышал крик Свертальфа — крик вызова, и отозвался своим криком. Страха не было. Прочь легионы тьмы, мы пришли сюда за нашей дочерью!

Нас увидели. Карканье, кваканье, вой, встреченный снизу воплями других демонов. В воздухе замельтешили крылатые демоны.

Их становилось все больше, и вскоре их стаи совсем заслонили черные звезды — в воздухе были сотни крыльев. Но скудный разум демонов не смог сообразить, что делать дальше. Мы подлетали все ближе и ближе. Стены замка росли, они были словно граница, и мы пересекли ее!

Все силы Джинни уходили на отвращение их колдовства. Рассыпая голубые искры, в защитное поле ударила молния. Грянул гром, запахло серой. Несущие смерть облака газа вырвались из демоновых труб, окутав нас плотным шаром, и рассеялись. Я не видел, не слышал этого, но нисколько не сомневался, что на нас дождем сыпались проклятия и заклинания, что вертелись вокруг призраки и привидения — то страшные, то искушающие. Все это отскакивало от созданной Джинни защиты.

Но она была уже на пределе. Краем глаза я увидел ее белое осунувшееся лицо. Лоб и щеки залиты потом, и к ним липли волосы. Губы беспрерывно шевелились, творя заклинания. В одной ру́ке — волшебная палочка, вторая делает пассы. На переднем сидении метался Свертальф-Больян. Еще несколько минут, и все они просто не выдержат.

Но магия сделала свое дело, догнать нас колдовством немыслимо. Кипувшиеся в атаку твари, в конце концов, видимо, поняли это. Их нападение застопорилось.

А на нас стремительно пикировал орел, размером с лошадь и с головой крокодила.

Я выхватил меч, поднялся на стременах, и заорав: «Не выйдет!»— ударил.

В мече пробудилась былая сила. Удар попал в цель, да так, что мне самому чуть не вывихнуло руку. Из отрубленного крыла струей брызнула кровь. Дьявол взвыл и камнем упал вниз.

Вокруг моей правой руки обвилась змея с крыльями летучей мыши. Она не успела вонзить зубы — левой рукой я схватил ее за шею. Я — волк, даже когда остаюсь человеком. И я откусил ей голову! — И тут же — едва успел вовремя, чтобы разрубить нападавшего на Джинни двухвостого ската.

Мы пронеслись, я оглянулся. Скат упал, и из брюха у него вывалились внутренности. Потом нас попыталась перехватить крылатая собака. Вскинув меч, я достал ее острием.

Завыли трубы. Хлопая крыльями, каркая, испуская пронзительную вонь, стая отступила. Началась обычная для них сумятица.

Наша стратегия сработала. Все они, и летающие, и нелетающие,— все отступили под защиту дворца. Как и было намечено, оказавшись в пределах замка, мы пролетели еще метров сто. Дворца уже не было видно. Его сплошь закрыли своими телами и крыльями дьяволы. Подавая сигналы, я поднял меч. Мы развернулись вправо и, со свистом рассекая воздух, помчались вниз. Сзади поднялась буря криков.

Посадка была жесткой. Окруженный степами дворик, нависавшие макушки башен и вырисовывающаяся в сумраке «часовня» выглядели грудой камней. Я соскочил с седла, кинулся к двери, схватил за ручку. Дверь со скрипом открылась, и мы ворвались внутрь.

Дом состоял из единственной комнаты. Пусто, лишь посередине алтарь. Влажные каменные стены. Открытое сверху помещение было невелико и залито непроглядными, образовавшимися от башен тенями. Над алтарем — Рука Славы, из которой лился тусклый голубой свет. На полу — начертанная диаграмма, такая же, как мы использовали для переноса. И алтарь — такой же.

Сердце, гулко стукнув, замерло.

— Вал! — воскликнул я.

Пытаясь остановить, Джинни вцепилась в меня. Ей бы не удалось этого сделать, если бы не Свертальф, кинувшийся мне под ноги.

— Стой! — Джинни задыхалась.— Не двигайся.— Это подменыш.

Я захлебывался, вдыхая воздух. Но как мне было вынести это зрелище стоявшей перед алтарем детской кроватки? Золотые локоны... и пустые, бессмысленные глаза. Дико было видеть это очередное... эту массу обмена. Ведь на самом деле это домашний мусор — пыль, содержимое Свертальфовой коробки с песком, кофейная гуща, использованные салфетки, бумажки, жестянки с надписью «Суп Кембелла».

Во двор хлынул кипящий поток дьяволов. Лезли через стены, врывались в ворота. Я захлопнул дверь и опустил засов хорошей прочности.

Возможно, он поможет нам выиграть несколько минут... Сколько нам нужно продержаться?

Я попытался представить происшедшее. Похититель был несомненно слабоумным — даже по критериям Ада. Он услышал проклятие Мармидона. Многие демоны, должно быть, слышали это проклятие, но никто из них не видел

возможности использовать его. Лишь этот заметил уязвимое место.

— Ага! — сказал он и кинулся добывать славу.

Советоваться с теми немногими демонами, которые способны думать, он не стал. Они бы могли отговорить его. Его поступок открывал связь между Адом и церковью иоаннитов. Таким образом, весь план Врага по уничтожению религии и общества оказался под угрозой. План, над которым он работал с тех пор, когда удалось ввести в заблуждение первых приверженцев.

Будучи тупоумной, эта тварь никак не могла понять, как решить проблему импульса и количества движения переносимого тела. Масса обмена должна быть практически подобна по своему строению оригиналу — иного пути он не видел (сам по себе демон мог без помех перейти из одной Вселенной в другую). Тогда он выработал план.

Появиться в нашем доме, выяснить, как выглядит Валерия (она в это время спит), возвратиться сюда, создать ее подобие, и вновь возвратиться за нашей дочерью. На выполнение первой части плана ушли считанные секунды, но Свертальф оказался предупрежденным. Само похищение должно было произойти столь же стремительно, однако он был настороже и кинулся в драку.

В это мгновение (если это понятие вообще имеет смысл для различных Вселенных) и начался бой, в котором Свертальф, ценой своей крови, пытался защитить Валерию.

Мое горло сжалось и я нагнулся к Свертальфу:

— Мы все опоздали, кроме тебя,— прошептал я и нежно погладил по покрытой гладкой шерстью голове.

Он досадливо дернул ушами. В данных обстоятельствах у него не было желания предаваться сентиментам. Впрочем, уши эти в равной степени принадлежали также и Яношу Больяну.

Выдвигая защиту против колдовства демонов, Джинни мелом начертила вдоль стен диаграмму. Нельзя было ни в малейшей степени повредить алтарь, колдовской знак на полу, и вообще что-либо. Они необходимы для возвращения демона. Если они не повреждены, когда он в нашем космосе, нужно просто прочесть нужное заклинание. Точно так же, как такие символы и алтарь в лаборатории Грисволда необходимы для нашего возвращения. Так сказать, спасательный трос. Один Бог знает, что случится, если похититель обнаружит, что не может вернуться обратно. Ведь у него в руках наша дочь...

Оставив подменыша, он уже покинул вместе с ней наш

дом. Это само собой разумеется. Но у нас не было ни малейшего намека как именно происходит это возвращение, и где он сейчас находится. Соверши мы неосмотрительный поступок, и у Врага появится шанс осуществить свой план.

Шум снаружи нарастал. Топот, удары, звон, вой, свист, хрюканье, стоны, выкрики, какой-то плеск, шипение, лай, мычание. Дверь затряслась. В нее били кулаками, ногами, копытами. Мне пора было превращаться. Я сбросил акваланг и верхнюю одежду, оставив лишь куртку Барни, обмотав ее вокруг левой руки.

Лязгая зубами, сквозь стену проплыла шестифутовая пасть. Я завопил. Свертальф зашипел, заплевался. Джинни схватила волшебную палочку, выкрикнула заклинание изгнания бесов. Пасть исчезла. Но оставалась опасность, что она появится вновь.

Джинни необходимо было установить защиту против проникающих сквозь стену демонов. Лишь потом она могла приступить к волшебству возвращения. Этот обряд нельзя было прерывать по крайней мере до тех пор, пока между этой «часовней» и оставшейся на Земле лабораторией не установится хотя бы слабое поле. В противном случае волшебство окажется бесполезным.

Установив первоначальный контакт, Джинни могла не спеша определить, как должны соотноситься Вселенные, и создать такой же баланс, чтобы мы могли перенестись обратно. Но сейчас о «не спеша» не могло быть и речи. В результате ее защита действовала слабо и медленно.

Гвалт снаружи несколько уменьшился. Я слышал, как кто-то пролаял команду.

Глухие удары, жалобные вопли, оставшихся подгоняли дубинками. Стук в дверь усилился. Били изо всех сил. Дверь затряслась. Били таранами.

Я встал сбоку. При третьем ударе дверь соскочила с петель. Передний дьявол, выронив бревно, кувырком влетел внутрь. Он несколько походил на гигантского, величиной с человека, таракана. Быстрым ударом я рассек его пополам. Уже разрубленный, он продолжал молотить конечностями. Судорожный взмах его лапы сбил с ног следующее существо, обладающее громадными оленьими рогами. Я воспользовался помощью и без труда прикончил упавшего.

Демоны оттащили перекрывающее узкий проход бревно, но тела убитых по-прежнему мешали им. Мрак снаружи еще больше сгустился — так плотно столпились у входа демоны. Шума было поменьше, но воняло все так же отвратительно.

Вперед выступил демон, похожий на горилл с человеческими ногами. Он вращал топором, соответствующим его росту, и сыпал ударами, какими колют дрова. Приняв стойку карате, я уклонился. Топор врезался в дерево, полетели осколки. Мой меч запел свою песню. Топор упал, и у гориллообразного оказались отрублены пальцы. Взвыв от боли, он набросился на меня. С гулом он воткнулся головой в стену, я же полоснул его по ахилловому сухожилию. Демон грохнулся, но я стал добивать его. Пытаясь отползти, он мешал остальным наброситься на меня. Биение крови звонко гудело у меня в ушах.

Следующим было существо, вооруженное щитом и мечом. В течение двух или трех минут мы обменивались ударами. Это был хороший боец. Я парировал, а часть ударов принимал на куртку. Она была уже вся изрезана. Я никак не мог достать его из-за этого щита.

Лязг металла перекрывали сумасшедшие вопли снаружи. В сумраке вспыхивали искры. Я уже задыхался. Он теснил меня. Потом я понял: дождался его замаха сверху и снова присел, чуть не достав его. Он повернулся. Схватив левой рукой топор, я просунул руку ему между ног и дернул. Он грохнулся, открыв незащищенную шею, и я ударил.

Вскочив, я бросил топор в следующего монстра. Тот повалился. Стоявший сзади попытался ткнуть меня копьем. Перехватив древко, я рубанул демона по голове.

Больше желающих не было. Пока что не было. Ожесточенно переругиваясь, они крутились возле двери. Я сознавал, что долго так не выдержу. Единственный шанс — принять облик менее уязвимый — волка. Я отбросил меч и направил на себя фонарик.

Я сразу же понял, что превращение идет плохо и медленно. Адское излучение препятствовало трансформации — это была пытка. Какое-то время я был совершенно беспомощен — ни то ни другое. Я корчился. Дьявол с пушистой петушиной головой радостно закудахтал, и, подняв кинжал, кинулся на меня. Даже будь я волком, такой удар означал бы смерть... Мимо молнией пронесся Свертальф, прыгнул демону на плечи и выцарапал глаза.

Волк! Я снова занял свой пост. Кот трусцой убрался обратно. Демонов наконец осенила идея, что воевать можно на расстоянии. В воздух полетели камни, ножи, копья — все, что попадалось под руку. В основном они промахивались. Ад — не то место, где можно было набить руку в ме-

тании. Иногда мне все же попадало. Короткая боль и только. Серьезно демоны ранить меня не могли.

Бомбардировка кончилась. Доведенные до состояния крайней истерии, демоны попытались взять нас штурмом. Пошла уж совсем сумятица. Дьяволы падали, кувыркались, вскакивали, орали. Ругань, удары наугад и просто удары... Возможно, они бы задавили нас количеством, но Джинни покончила с установлением параестественной защиты и пришла ко мне на помощь. Ее меч без промаха разил демонов, пытающихся перебраться через груду иссеченных тел.

Уже многие были убиты, многие ранены, когда, наконец, их волна откатилась. Я сел на задние лапы. Вокруг кровь, трупы, стоны. Не было даже сил пошевелить языком. Я сидел и жадно глотал воздух. Полусмеясь, полуплача, Джинни взъерошила мне мех. Кое-где дьяволы добрались когтями до ее кожи. Из царапин сочилась кровь, а изорванное платье походило на боевое знамя. Спасибо Свертальфу. Лишь благодаря его помощи неприятель не смог нанести Джинни серьезных повреждений. Я глянул. Притворяясь, это это мышь, Свертальф играл с чым-то оторванным хвостом.

Вот что действительно важно: начертание на полу мягко светящихся линий. Конечно, они, как и всегда, не защищают от прямого физического воздействия, но колдовство нам теперь не страшно. Чтобы разрушить воздвигнутые Джинни невидимые стены, им понадобится много времени, гораздо больше, чем мы останемся здесь.

— Стив, Стив, Стив.— Джинни наконец справилась со словами.— Пожалуй, займусь приготовлениями к нашему возвращению.

— Хальт! — раздалось из темноты.

Голос был хриплый, в нем чувствовался жуткий гипнотический ритм. Ритм, который не успокаивает, а, напротив, пробуждает ярость и слепую энергию.

— Опустите оружие. Мы — парламентеры.

Дьяволы, даже те, которые лежали ранеными, сразу затихли. Шум прекратился.

Стало почти совсем тихо. Те, кто мог отползти, скрылись во мраке. Я понял, что голос принадлежит главному демону, хозяину замка. Судя по тому, как беспрекословно повиновались ему эти сумасшедшие твари, он занимает высокое место среди приближенных Врага.

По плитам двора звонко простучали сапоги. Перед па-

ми предстал главарь демонов. Меня удивило избранное им обличье.

Не только голос, но и облик у него был совсем как у человека. Облик, в котором не было ничего примечательного. Он был среднего роста, может быть чуточку ниже. Наверное, немного одутловатое лицо. Маленькие усы щеточкой и спадающие на лоб волосы темного цвета. На нем было что-то вроде военной формы коричневого цвета без знаков различия, но к чему красная нарукавная повязка с древним знаком свастики?

Свертальф прекратил свои забавы, ощетинился. Сквозь вонь дьявола, я уловил исходящий от Джинни запах страха. Обхватив себя руками, Джинни подошла поближе. Она была выше дьявола и потому смотрела на него сверху.

— Что тебе надо? — спросила она самым высокомерным тоном.

Обращение на «ты» Джинни употребила намеренно. Она хотела оскорбить дьявола. Сама она немецкий знала плохо, но пока Больян находится в теле Свертальфа, могла бегло изъясняться на этом языке. Ведь у нее со Свертальфом была постоянная мысленная связь. (Почему князь Ада предпочитал говорить по-немецки? Здесь кроется тайна, которой я так и не нашел). Я достаточно сохранил в себе человеческого, чтобы следить за разговором.

— Я спрашиваю у вас то же самое,— сказал дьявол.

Местоимение «вас» можно было толковать двояко, но дьявол говорил тоном, не допускающим возражений.

— Вы вторглись на землю нашей отчизны. Вы попрали наши закопы. Вы убили и искалечили наших доблестных воинов, пытавшихся осуществить право на самозащиту. Своим гнусным присутствием вы осквернили Дом Посланий. Что мы можете сказать в свое оправдание?

— Мы пришли сюда за тем, что принадлежит нам.

— Вот как? Продолжай.

Я предостерегающе зарычал, но Джинни в предупреждениях не нуждалась.

— Если я скажу больше, вы сможете найти способ помешать нам. Но, однако, хочу заверить, что мы не намерены долго оставаться здесь. Мы скоро закончим нашу миссию,— на ее лбу блестели капельки пота.— Мне... Мне кажется, что если вы непадолго оставите нас в покое, это послужит выгоде обеих сторон.

Дьявол топнул сапогом:

— Я должен знать! Я требую! Это мое право!

— У побежденных нет прав,— сказала Джинни.— По-

думай. За оставшееся время вы не сможете ни проникнуть сквозь волшебную стену защиты, ни сплой взломать ее не успеете. Единственное, чего вы добьетесь — это новые потери. Не могу поверить, что Верховный правитель будет доволен таким расточительством.

Дьявол начал жестикулировать, его голос возвысился почти до крика:

— Я не допущу поражений! Что касается меня, поражение не имеет права на существование. Если меня победят, то только потому, что предатели нанесли удар в спину.— Дьявол на глазах впал в транс. Его речь превратилась в грубое, но каким-то образом завораживающее пение.— Мы прорвем железное кольцо! Мы уничтожим весь мир! Нас ждет победа! Нет капитуляции! Нет соглашению! Наши предки зовут нас —«Вперед!».

Вся банда чудовищ подхватила призыв и приветственно завопила:

— Хайль!

— Если хотите предложить нам что-нибудь — предлагайте,— сказала Джинни.— В противном случае, убирайтесь. Мне некогда.

По лицу дьявола прошла судорога, но он овладел собой:

— Мне не хотелось бы допустить уничтожения этого здания. В эти камни вложено много труда и много колдовской силы. Сдавайтесь добровольно, и я обещаю вам хорошее обращение.

— Какова цена вашим обещаниям?

— Мы можем обсудить, например, какие мирские блага в качестве вознаграждения получит тот, кто служит правому делу.

Свертальф мяукнул. Джинни стремительно обернулась. Я, почувствовав новый запах, тоже обернулся. Это материализовался похититель. В его лапах лежала Валерия. Она как раз просыпалась — открыла глаза, повернула голову и поднесла кулачок ко рту.

— Папа? — пробормотала она тонким сонным голосом.— Мама?

Похитившая дочь тварь была действительно невелика и на вид легковесна, но закованное в броню тело было на когтистых лапах, и две гоббоньих руки заканчивались смертоносными шипами. У нее была крошечная головка с отдаленным напоминанием лица.

Из многочисленных ран демона капала кровь, на обвислых губах пузырилась пена, и пока демон не видел нас, он весь скалился в кретинской ухмылке.

Завопив по-английски: «Хозяин, на помощь», он бросил Валерию и попробовал спастись бегством. Свертальф преградил ему дорогу. Демон занес лапу. Кот увернулся. Тут демона и настигла Джинни. Ногой припечатала гадину к полу. Я слышал хруст. Демон истошно завопил.

Я снова был на посту. Хозяин замка попытался незаметно проскользнуть у меня за спиной. Я вырвал неплохой кусок из его икры. Он и на вкус очень походил на человека. Ретировавшись, он скрылся во тьме, где мельтешили его, приведенные в ужас, сподвижники.

Перекрывая их вой, он завизжал:

— Я отомщу! Я пущу в ход секретное оружие! Пусть Дом будет разрушен. Наша гордость требует удовлетворения. Мое терпение истощилось!..

Я приготовился к новой битве, и она действительно едва не началась. Но князь Ада ухитрился усмирить свою орду. Он переорал их. Джинни была права — он не мог и дальше нести бесполезные потери.

В моем волчьем мозгу мелькнула мысль:

«Хорошо, что он не знает, что сейчас они могут оказаться небесполезными, ибо Джинни уже не могла бы прийти мне на помощь...»

Она торопливо передала дочь Свертальфу. Девочка тут же вцепилась в волосы Джинни. Чтобы отвлечь ее, кот принялся танцевать, шутливо подскакивать, мурлыкать. Я услышал радостный смех. Смех, в котором звучал серебряный колокольчик и кричал весенний дождик, какой бывает только весной. И еще я услышал, как Джинни начала читать заклинание.

Заклинание нельзя было прерывать. Чтобы восстановить первоначальный контакт с Землей, Джинни нужно было около пяти минут. Потом она сможет передохнуть. И снова время, необходимое на то, чтобы определить точную конфигурацию векторов и собрать требуемое количество параестественной энергии, а затем — возвращение.

Какой-то невидимый во тьме демон завопил. Пущенный наугад камень попал в меня. Камень был брошен просто так, от злости. Я застыл в дверях. Успеем ли?

Воздух содрогнулся от грохота. Земля затряслась. Мелькали тени и пронзительно выли демоны. Я слышал паническый топот их ног. Они убегали. Страх ледяной рукой сжал мое горло. Самое трудное, что было в моей жизни — это когда я заставил себя остаться на посту.

Замок затрясся до самого основания. С зубчатых стен соскользнули сдвинувшиеся с места глыбы, грохнулись

оземь, раскололись. В степах здания прорезались щели. Оттуда выбивались языки пламени. Я задыхался, окутанный клубами дыма.

Потом дым рассеялся, и на смену ему пришел запах древнего праха.

— ...ни компне Потестатно, фпал йапуа,— за спиной торопливо читала заклинание Джинни.

Задевая головой небо, возле башни замка встал гигант. Он был выше, чем самый высокий шпиль твердыни, у стен которой лежала его могила. Он был черен, и в этой тьме померкли звезды Ада. Трясущейся ногой гигант ударил в стену замка.

Стена с грохотом обрушилась. Громадными столбами взвилась к небу пыль. Земля вздрогнула. С морщинистой кожи с шумом сыпался дождь песка, грязи и камней. Его тело поросло мертвенно-бледными фосфоресцирующими грибами и плесенью. Из глазных впадин выползали и падали вниз черви. Нечем было дышать — так силен был исходящий от него запах гниения. Разложение породило жар, и гигант был весь испещрен тлеющими огнями. Он был мертв, но тело его повиновалось воле демонов.

— ...секули этермитатис,— Джинни ни разу не прервалась.

Она остановилась лишь тогда, когда это можно было сделать без опасения повредить колдовству. Вот какая у меня была Джинни! Но теперь она упала на колени рядом со мной.

— Любимый! — расплакалась она.— Ведь мы почти сумели!

Я нащупал свой фонарик. Гигант поворачивал голову из стороны в сторону, будто мог видеть. Изъеденное лицо замерло, уставившись прямо на нас.

Я сдвинул переключатель. Превращение. Я опять человек. Гигант поднял ногу. Те, кто управлял им, старались причинить замку как можно меньше разрушений. Медленно, осторожно гигант перенес ногу через стену.

Я привлек к себе мою девочку. Моя вторая девочка смеялась и шумно возилась с котом. Зачем причинять им лишние муки...

— У нас нет шансов?

— Н-не успеваем... первичное поле установлено, н-но телесный перенос невозможен, пока я... не закончу. Я люблю тебя, люблю...

Я сжимал в руке меч Декатура. Его лезвие слабо поблескивало в испускаемом Рукой свете.

«Что ж, вот и конец нашей жизни,— подумал я.— Нам предстоит умереть здесь. Так не лучше ли встретить смерть, сражаясь? Может быть, хоть наши души сумеют выбраться отсюда?»

Души!

Я схватил Джинни за плечи и отстранил, чтобы увидеть ее лицо.

— Нам не могут помочь! — вырвалось у меня.— Ни смертные, ни ангелы — им это запрещено. Нет. Но, но... Ты ведь уже установила контакт и... энергетическое состояние этой Вселенной... Для этого не требуется много... Существуют создания, которые... Они не принадлежат Небу, но все равно они враги Аду.

Глаза Джинни вспыхнули. Она резко выпрямилась. Схватив волшебную палочку и меч, вскинула их кверху и начала выкрикивать заклинания.

Нога гиганта опустилась на плиты двора. Дьяволы, те кого не раздавила ступня, нечленораздельно вопили от ужаса. Громадные пальцы сомкнулись вокруг шпиля.

Не знаю, на каком языке было это заклинание, но закончила его Джинни выкриком на английском:

— Вы, которые знают человека! Вы, враги Хаоса! Святостью символа, который мы носим, призываю вас. И говорю вам, что дорога с земли открыта!

Часовня качнулась. Со стен посыпались камни. Шпиля больше не было — его сорвала ладонь гиганта. Поток обломков погреб оставшихся в живых демонов. Их было много — раненых, не сумевших спастись бегством. В небе показались льющие черные сияния созвездия. Гигант на ощупь шарил по двору.

И тут пришло спасение...

Не знаю, кто они были. Возможно, их подлинный вид отличался от того, что мы видели... Стороны света, о которых я говорю дальше — это умышленно допускаемые мною условности. Ведь говорить о сторонах света в Аду бессмысленно. И вот самое простое объяснение. На призыв Джинни отозвались какие-то существа, которые были рады возможности вторгнуться в царство Врага. Может, они были родом из нашей Вселенной, может, из какой-то другой, но, очевидно, он был и их врагом.

Мост, выстроенный Джинни, был еще слишком хрупок, чтобы выдержать человеческое тело. Но, как мне кажется, уровень энтропии Нижнего Континуума дал возможность параестественным и сверхъестественным силам дей-

ствовать так, как это было невозможно в любом другом месте.

А в общем, объяснение ищите сами. Какое вам нравится. Но вот что я видел.

На западе появилась фигура царственного вида женщины. Она была одета в белое с голубой оторочкой платье. Глаза ее были серые, черты лица поражали ледяной красотой. Темные локоны венчали украшенный гребнем шлем. Острие копья мерцало лазурью — так сияют в ночи земные звезды. На плече сидела сова. На левой руке — продолговатый, выпуклый щит. К щиту была прикреплена голова еще какой-то женщины, вместо волос — змеи, лицо искажено мукой. (Афина, воинственная богиня мудрости.)

С юга ползла гигантская змея. Гигант по сравнению с ней казался маленьким.

Глаза змеи сверкали подобно солнцам, зубы походили на белые сабли, на голове — плюмаж всех цветов радуги. Плюмаж колыхался под порывами ветра, поднимаемого ею. Там, где она ползла, шел дождь, и капли его сверкали, как драгоценные камни. Вдоль спины росли излучающие сияние перья. Чешуя — коралловая, щитки на брюхе покрыты золотом. Змея свивала кольца, хлестала хвостом. Она походила на гигантскую молнию.

Это был Кетцалькоатль, воинственный бог мудрости, земледелия и ремесел. Первоначальный бог грозы и молнии.

С севера, в колеснице, влекомой двумя козлами, мчался мужчина. Огромный, краснобородый, облаченный в шлем и кольчугу. На нем был железный пояс и рукавицы. Правил он стоя, в левой руке — держал поводья, а в правой — сжимал молот на короткой рукояти. Его плащ развевался. Это был плащ-буря. Грохот колесницы разносился по всему небу. Смеясь, краснобородый раскручивал молот и бросал его. Там, куда он падал, вспыхивал огонь, и воздух содрогался раскатами грома. Потом молот возвращался обратно к краснобородому. Это был Тор, воинственный бог грома. (Первоначально — верховное божество.)

Все трое оказались такими громадными, что едва умещались на небе. Ад затрепетал при их появлении. Дьяволы пустились в бегство. Когда удрал главарь, искусственная жизнь покинула тело гиганта. Его падение сопровождалось таким грохотом, от которого я сам не удержался на ногах, полетел наземь. Упав, гигант уничтожил большую часть замка. Наши спасатели не стали задерживаться, чтобы срав-

пять с землей остальное, и без промедления кинулись в погоню. Не думаю, что многим удалось спастись.

Мы не стали дожидаться конца этой битвы. Джинни закончила читать заклинания и схватила Валерию. Я сунул меч Декатура в зубы — да будь я проклят, если оставлю его здесь. Посадив Свертальфа на сгиб локтя, свободной рукой я поднял с пола за шиворот демона — похитителя Валерии, у которого была сломана нога.

— Хозяин, не убивай меня, я исправлюсь, я все скажу, я скажу все, что вы хотите,— безостановочно скулил он. Злу незнакомо чувство чести.

Джинни выкрикнула последнее слово, сделала последний пасс.

Перенос!..

31

Этот перенос полностью отличался от предыдущего. Мы возвращались во Вселенную, откуда мы родом. Силы космоса не препятствовали, а наоборот, способствовали перемещению. На мгновение мир перешел во вращение, и мы — дома.

Команда Барни по-прежнему ждала нас в лаборатории. Они отшатнулись, когда увидели нас под колоколом. Крик, плач, всхлипывания, благодарственные молитвы. Оказалось, мы отсутствовали всего лишь около двух часов. А может и по адским меркам не больше времени? Нельзя сказать наверняка, что наши часы остановились еще до времени первого переноса. Казалось, будто миновали столетия. Но, взглянув на Джинни с Валерией, мне почудилось, что и двух-то часов не было, не было даже секунды...

Девочка недоуменно оглянулась, заморгала огромными небесно-голубыми глазами.

Меня пронизала мысль, что ужасный вид похитившей ее твари мог сильно испугать ее, повредить психику.

Дрожа, я нагнулся над ней:

— Радость моя, с тобой все в порядке?

— О, папочка,— она засветилась в улыбке.— Это было так весело. Давай снова.

Джинни отпустила ее, усадила. Склонившись, я привлек свою маленькую к себе. Она недовольно оттолкнула меня:

— Хочу кушать.

Я выпустил пленника. Когда колокол подняли, он попробовал уползти, но не мог выбраться за пределы пятиугольника. Кроме того, по моей просьбе, Джинни нало-

жила на него чары, не дающие ему вернуться в Нижний Континуум без нашего разрешения.

Сверкающий Нож все же получил свой ордер. Он тоже ждал нас во главе целой банды фэбээровцев. Широко шагая, раздвигая мешавших, он вошел под колокол и поднял демона за здоровую ногу. Демон казался гротескно крошечным в его ладони.

— Хозяин, не убивайте,— молила тварь.— Я все расскажу... Не мучайте...

Позже мы обнаружили, что наша масса обмена, перенесенная сюда из Адской Вселенной, представляла в основном скопления щебня, грязи и так далее... Почему-то содержалось значительное количество атомарной серы, дегтя и производных нефти — легких гидрокарбонатов. Харди и Гриесволд провели немало времени, занимаясь их классификацией и определяя конфигурацию. Все они относились к разряду взрывчатых и горючих веществ. Потом по моей просьбе вся эта взрывчато-горючая дрянь была основательно перемешана с обычными земными веществами.

Это было сделано, чтобы обезопасить нас на тот случай, если обмену подвергнется лишь небольшая часть всего этого (и действительно, как вы понимаете, конечная масса обмена составила всего несколько фунтов).

Все суетились, выбирая на память грязь из бутылки с сильными кислотами, ружейные патроны, бритвенные лезвия и прочую дребедень.

Барни впоследствии соорудил управляемую фотоэлементами штуковину, которая воспламеняла вещества массы обмена точно как в момент выхода из нашей Вселенной. Полагаю, что той части Ада, где масса материализовалась, сильно не поздоровилось.

С возвращением Валерии, разумеется, от подмены и следа не осталось. Бедный комок плоти, надеюсь, что тебе позволили умереть.

Но тогда я не думал об этих вещах. Убедившись, что с нашей дочерью все в порядке, мы с Джинни кинулись друг к другу в объятия. Наш первый поцелуй был прерван взрывом такой радости, такого счастья, что эхо его никогда не заглохнет в нас. И когда мы снова нашли в себе силы взглянуть на этот мир, Свертальф был только Свертальфом...

В моем мозгу раздался полный доброты голос:

«Да, за этот подвиг Янош Больян удостоился святости, и ему позволено занять место рядом с Богом. Как я рад! И как рад, друзья, что мы победили и нанесли поражение

врагам Всевышнего, а также, что Валерия Стивеновна спасена. Признаюсь, что у меня есть для радости и собственные эгоистические основания. Увиденное в этом путешествии подсказало мне некоторые новые теоретические анализы... обработка...»

Я понял желание, которое Лобачевский постеснялся высказать откровенно, и сам предложил:

— Вам бы хотелось задержаться здесь еще на некоторое время?

— Честно говоря, да. На несколько дней. Потом я действительно должен вернуться обратно. Это было бы замечательно — заниматься исследованиями, став как бы снова не просто душой, а обычным человеком. Это было бы очень интересно, Стивен Павлович. Было бы крайне любопытно посмотреть, на что ты способен, оказавшись вновь человеком. Умоляю вас, уважаемый друг, не рассматривайте сказанное как просьбу. Ваша жена и Вы сами рисковали своей жизнью, испытывали такие лишения. Вы находились под страхом потери того, что значит для вас больше, чем даже ваша взаимная любовь. Вы, конечно, хотите отпраздновать вашу замечательную победу. Но, поверьте мне, я бы никогда себе не позволил такое неделикатное отношение...

Я нежно и чуть задумчиво глядел на Джинни, и отвечая мысленно:

«Я понимаю, что вы подразумеваете, Ник. Я всегда готов на это —«праздновать» со своей Джинни. Я хочу, чтобы вся наша жизнь стала сплошным праздником, каждая мельчайшая ее секунда. И пусть так будет, пока мы совсем не состаримся. Но вы забываете, что наша грешная плоть ограничена не только духовно, но и физически. Джинни нужно как следует отдохнуть. Да и мне не мешало бы. Кроме того, мне хочется увидеть, как то, что вы напишите, появится в каком-нибудь соответствующем издании. Это будет здорово способствовать нашей популярности...»

Вот так и случилось, что сквозь Хаос Ада нас вел Больян, первый отчет о котором опубликован за подписью Лобачевского...

Не могу утверждать, что вся наша дальнейшая жизнь складывалась только счастливо и безмятежно. Вам бы понравилось стать знаменитыми? Возможно, вам знакомо все это. Репортеры, интервью по магическому кристаллу, ежедневные тонны писем, статья, охотники за фотографиями и автографами, воинственно настроенные забулдыги, идиотские телефонные звонки, непрошенные посетители, подхалимы.

Все правильно, ну а далее перечисляйте сами. Я получил в фирме хорошую должность. Лучше, чем я, вероятно, заслужил. Джинни открыла собственную студию — об этом она всегда мечтала. В общем, особого общественного интереса мы уже не представляли.

А тем временем Валерия достигла того возраста, когда начинают дружить с мальчиками. Нам казалось, что знакомый нашей дочери достоин ее. Говорят, что такие ощущения знакомы каждому, у кого есть дочь. Все проходят через это, но я был слишком занят другими делами, чтобы слишком уж беспокоиться.

Вот и вся история. Публичная лекция-исповедь демона привела к эффективному развалу церкви иоаннитов. Конечно, оставалось еще некоторое число ее самых твердолобых приверженцев, но особого вреда они уже причинить не могли.

Впоследствии образовалось ее реформистское ответвление — во главе с моим старым знакомым Мармидопом. Эта обновленная церковь объявила, что Евангелие Любви — такое же Евангелие, как и остальные, а вера — одно из вероучений в числе других. Поскольку ни гностицизм, ни тайный сатанизм не проник туда, не думаю, чтобы Святой Петр или кроткий добряк Святой Иоанн, стал бы особенно возражать.

Перед тем, как вознестись из моего мозга на небо, Лобачевский продемонстрировал мне доказательства нескольких теорем. Я ничего не понял. Те, кто хоть как-то мог разобраться, утверждают, что теперь эффективность волшебства, созданного людьми Барни в те давние минувшие времена, может быть повышена вдвойне.

Нашему приятелю, Бобу Сверкающему Ножу, пришлось немало потрудиться, подготавливая почву для распространения новых научных взглядов. Но действовать ему пришлось осторожно, и предстоит еще большая работа. Нельзя безоговорочно доверяться каждому старому чудаку, наделенному от природы выдающимися способностями. И все же — правительству Соединенных Штатов (и не только ему) известно, как можно вторгнуться в Ад, если он вынудит их к этому.

Маловероятно, чтобы армия Земли смогла завоевать Нижний Континуус, но бед неприятелю доставит она предостаточно. Итак, у нас нет времени опасаться еще одного прямого нападения со стороны Врага.

Со стороны человека — да. Потому что есть еще люди развращенные и испорченные, подверженные искушению

и соблазну. Люди-лжецы и люди-предатели. Но думаю, что если мы сохраним свою честь незапятнанной, а порох сухим — нам не придется испытать слишком много бед.

Оглядываясь назад, я часто не могу поверить, что это было на самом деле, что через все это прошли, со всем справились рыжеволосая ведьма, волк-оборотень с обрубленным хвостом и щеголяющий высокомерием черный кот. И тогда я вспоминаю, что Враг лишен чувства юмора. И, наоборот, уверен, что Бог любит посмеяться...

КРЕСТОНОСЦЫ КОСМОСА

Капитан поднял голову. Настольная лампа под абажуром осветила его лицо, положив глубокие тени в морщинах, обострив и без того резкие черты. В открытый иллюминатор смотрела чужая летняя ночь.

— Ну? — спросил он.

— Я перевел,— ответил социотехник.— Пришлось экстраполировать от современного языка, потому работа заняла так много времени. Зато я неплохо поднаторел, и теперь могу общаться с этими...

— Хорошо,— промолвил капитан и, чуть помедлив, добавил: — Я ожидал увидеть все, что угодно, но это!.. Разрази меня гром!

— Я полностью разделяю ваши чувства. Даже при всей очевидности в это трудно поверить.

— Ладно, прочту не откладывая. Ни днем, ни ночью ни минуты покоя.— Он кивком отпустил социотехника.

Несколько мгновений капитан невидящим взглядом смотрел на документ — древний фолиант, уникальную рукопись на тонком хрупком пергаменте, в тяжелом массивном переплете. Время шло, а он все не решался открыть ее, боясь того, что в ней заключено — перед ним лежало описание грандиозной катастрофы, произошедшей тысячу лет назад, последствия которой и сейчас отзывались эхом из глубины веков. Он вдруг почувствовал себя крохотной песчинкой в огромном мире. Как далеко отсюда его дом! Однако...

Он начал читать.

1

Архиепископ Уильям, ученейший и благочестивейший прелат, велел мне изложить английским письмом те великие события, свидетелем коих я оказался волею судеб. Я беру в руки перо во имя Господа нашего и моего Ан-

гела-хранителя, веря, что они укрепят мои слабые силы и помогут в назидание будущим поколениям описать поход Роже де Турневиля. Прочтя сей труд, люди пылко воздадут хвалу Господу, воля которого правит всем.

Я опишу события так, как они мне запомнились, без страха и пристрастия, тем более что большинства их участников уже нет в живых. Сам я слишком ничтожен, но поскольку всегда полезно знать о летописце, чтобы судить о его правдивости, позвольте сказать несколько слов о себе.

Родился я за сорок лет до этих удивительных событий в маленьком городке Энсби на севере Линкольншира в семье кузнеца Уста Брауна. Земля тут принадлежала баронам де Турневиль, чей родовой замок, венчая холм, возвышался над городом. Здесь же находилось и небольшое аббатство францисканцев, куда я поступил еще будучи мальчиком. Приобретя скромные познания в каллиграфии и словесности (боюсь, это единственное, что я приобрел), я стал обучать этому искусству послушников и детей мирян. Переведя на латынь свое детское прозвище, я, в знак смирения, сделал его своим церковным именем.

Итак, зовут меня брат Парвус, что значит — Слабый. И, действительно, я мал ростом, болезнен, но, к счастью, быстро завоевываю доверие детей.

В лето 1300-е от Рождества Христова барон Роже де Турневиль собирал армию добровольцев, желая присоединиться к нашему королю Эдуарду III и его сыну в войне против Франции. Энсби — был местом сбора, и уже в мае здесь собралось все войско. Наш тихий городок превратился в шумный военный лагерь, полный драк и скандалов. Лучники, арбалетчики, копьеносцы, кавалеристы слонялись по размокшим от весенних дождей улочкам, пьянствовали, играли в азартные игры, волочились за девками, ссорились, ругались — словом, предавались разгулу, нимало не заботясь ни о своих бессмертных душах, ни о наших, крытых соломой, домах. И в самом деле, два дома сгорело.

Вместе с тем все это разномастное воинство привнесло в наш дотоле тихий и мирный Энсби необычное оживление, лучезарное сияние ратной славы прямо-таки свело с ума крестьянских парней, которые теперь только и мечтали уйти на войну, подвернись такая возможность. Да, что они! — даже меня смущали подобные дерзновенные и, надо сказать, вполне реальные мечты — я был домашним

учителем сэра Роже и приводил в порядок его бумаги; барон частенько поговаривал о том, что хотел бы видеть меня своим секретарем. Правда, аббат пока не давал согласия.

Такова была ситуация на тот момент, когда на город обрушился вестгорский корабль.

В тот достопамятный день, уж не помню по каким делам, я оказался в городе. Улицы утопали в грязи, но небо прояснилось, и сквозь рваные облака проглядывало долгожданное солнце. Было довольно людно, повсюду слонялись мающиеся от праздности солдаты... И вдруг совершенно неожиданно грянул громовой раскат. Как и все, я запрокинул голову в небо.

— Смотрите, смотрите! — раздалось со всех сторон — Чудо! Чудо!

Господи правый! Увеличиваясь с чудовищной быстротой, с неба прямо на нас спускалась невиданная воздушная каравелла. Солнце сверкало на ее металлических боках; о, как она была огромна(!) — не менее двух тысяч футов в длину — и, если не считать легкого свиста, опускалось это судно совершенно бесшумно.

В толпе кто-то вскрикнул. Стоящая неподалеку уличная торговка в ужасе повалилась на колени прямо в лужу и принялась исступленно молиться. Какой-то мужчина закричал во весь голос, что это — божья кара за грехи наши и, осенив себя крестным знамением, тоже повалился в грязь на колени. Я понял, что при таком скоплении народа паника может привести к человеческим жертвам; вряд ли Всевышний замыслил дурное, посылая нам сие видение.

С трудом соображая, что делаю, я вскочил на ствол железной бомбарды, стоящей на увязшей в грязи повозке, и крикнул:

— Не бойтесь, люди! Не бойтесь! Господь Бог с нами!

Однако мой слабый голос не был услышан.

Тут рядом со мной возник Джон Хеймворд. Рыжий Джон, капитан лучников, веселый гигант с волосами цвета меди и яростными голубыми глазами — он стал моим другом с момента своего появления в городе.

— Э-э-эй! — гаркнул он, перекрикивая рев толпы.— Кто знает, что это за штуковина? Никто не знает, я — тоже.— Толпа на мгновение стихла.— Может,— продолжал он, указывая на снижающийся корабль,— это какая-нибудь французская хитрость. А может — шутка. В любом случае бояться ее просто глупо. За мной, солдаты! Что бы там ни было, за мной! Встретим ее как подобает англичанам!

— Это колдовство,— вдруг взвился некий старик. Мы погибли!

— Нет, нет,— отвечал я.— Добрым христианам не страшна никакая магия.

— Но я...— запричитал тот.— Я — жалкий грешник...

Святой Георгий! Король Эдуард! — Рыжий Джон спрыгнул с повозки и устремился вниз по улице.

Подобрав сутану, я бросился за ним, на ходу лихорадочно вспоминая заклятия от злых духов. Оглянувшись, я с удивлением увидел, что солдаты и впрямь последовали за Рыжим Джоном, хотя, полагаю, двигала ими вовсе не храбрость, а воинская закалка и дисциплина.

Тем временем из замка на холме вылетел отряд кавалеристов под предводительством самого барона де Турневиля. Без лат, с мечом у пояса, сэр Роже потрясал копьем и что-то на скаку кричал воинам. Как только наши отряды поравнялись, барон вдвоем с Рыжим Джоном поставили людей в некое подобие строя, и тут...

И тут корабль приземлился, глубоко войдя сверкающим телом в мягкую почву пастбища. Сколько же он весил? Какая такая сила держала его в воздухе? Я недоумевал. Гладкий, ровный он застыл изваянием перед нами; без единого выступа — ни кормы, ни бака... Не могу сказать, что я ожидал увидеть весла, но отсутствие парусов, надо признаться, отчасти меня озадачило. Зато я разглядел бойницы, из которых на нас смотрели грозные орудийные стволы, чем-то напоминающие наши мортиры.

Над полем воцарилась мертвая тишина. Ко мне подъехал сэр Роже.

— Вы — ученый муж, брат Парвус,— спокойно произнес он, хоть ноздри его побелели, а волосы взмокли от пота,— что вы об этом думаете?

— Не знаю, что и отвечать, сэр,— выдавил я из себя.— В некоторых древних сказаниях говорится о колдунах, преуспевших в воздушных полетах. Мерлин, например...

— А не явление ли это Господа нашего? — Он перекрестился.

— Не знаю, милорд.— Я робко взглянул на сэра Роже, потом пристально оглядел таинственный корабль.— Я не вижу сонма Ангелов, милорд...

Вдруг из корабля донесся странный звук, по строю прокатилась волна приглушенного стона, люди зашептались. Начала открываться круглая дверь. Повеяло жутью,

у меня перехватило дыхание. Но наши солдаты оставались истинными англичанами — никто не побежал.

Подобно гигантскому языку из разъятого отверстия выскочила металлическая лестница и коснулась земли. Я поднял крест, и с моих губ сорвались слова молитвы.

В дверях корабля появился Демон.

О, всемогущественный, всемилостивейший Боже! Как, как мне описать весь ужас первого знакомства?! Демон. Конечно, это могло быть только исчадие Ада!

Около семи футов ростом, широкоплечий и сильный на вид, облаченный в серебристое платье, он взирал на нас желтыми глазами из-под густых бровей. Его безбородое тупоносое лицо было глубокого синего цвета; по бокам круглой, как шар, головы торчали длинные заостренные уши, и... о, Боже, у него был хвост!

Кто-то не вынес молчаливого испытания и закричал. Рыжий Джон натянул тетиву.

— Всем стоять! — рявкнул он.— Трусам место в Преисподней. Собственноручно спущу всех в Ад с моим причастием!

Еще выше воздев крест, я заставил непокорные ноги сделать несколько шагов вперед и произнес заклинание. Но все — тщета. Какие молитвы, когда наступает конец света?!

Если бы Демон так и продолжал стоять не шелохнувшись, мы бы не вынесли пытки и обратились в бегство, но он шагнул к нам, вскинув зажатую в руке металлическую трубку. Из трубки вырвалась ослепительная белая молния, и стоящий рядом со мной лучник вспыхнул, как смоляной факел.

Из корабля вышли еще три Демона.

В таких случаях солдаты привыкли действовать не задумываясь. Прозвенела тетива лука Рыжего Джона — первый Демон, пронзенный насквозь, рухнул замертво. В воздух взметнулся целый град стрел, и через секунду поверженные Демоны лежали на земле столь густо утыканные стрелами, что напоминали ежей.

— Ага! — воскликнул сэр Роже.— Эти твари смертны. Вперед, солдаты, не посрамим Англию! — И он направил коня прямо к лестнице.

Говорят, страх рождает неестественную храбрость... Подхватив клич барона, солдаты ринулись за ним в неведомое чрево корабля. Не знаю, что побудило меня, но, надо признаться, я бросился вместе со всеми.

Смутно помню подробности схватки, завязавшейся в

бесчисленных комнатах и проходах, вспоминаю, как подхваченным где-то боевым топором я наносил удары по отвратительным синим лицам... Кругом потоками лилась кровь, повсюду властвовала смерть.

Сэр Роже уже не мог влиять на события — люди его совершенно озверели, обезумели, впав в грех смертоубийства.

Их оказалось не более сотни, но мало кто был вооружен. Позднее мы обнаружили на корабле оружейные палаты, битком забитые оружием — видимо, синелицые не рассчитывали встретить сопротивление. Да, они не знали англичан!

Не прошло и часа, как мы всех их перебили.

Выбравшись наконец из кровавой бойни, я готов был петь от радости и возблагодарил Господа, что снова вижу солнце. Сэр Рожэ подсчитывал потери, получалось, что победа стоила нам жизни пятнадцати солдат, не так уж много за целых сто Демонов.

Из недр корабля вынырнул Джон Хеймворд, таща на плече пришельца. Он спустился по лестнице и швырнул Демона к ногам сэра Рожэ.

— Один удар кулаком, сэр, и он свалился без памяти,— доложил он. — Прикажете его добить? Или послушаем, что он нам поведает? Это последний живой...

Барон задумался. Ни он, ни мы еще не осознавали всей необычности произошедшего.

Наконец губы его тронула улыбка, и он ответил по-английски так же легко, как обычно говорил по-французски.

— Если они Демоны,— произнес он,— то весьма немощные. Они умирают так же быстро, как Адамовы отпрыски, если не быстрее. И разбираются в войне не больше моей трехлетней дочери, а пожалуй, и меньше — от Матильды мне частенько доставалось по посу.— Он громко рассмеялся, неожиданно смолк и вперился в Демона.— Думаю, цепи удержат это Адово созданье. Как считаете, брат Парвус?

— Наверное.— Я согласно кивнул.— Хотя святые мощи не помешают, на всякий случай надо держать их рядом с Антихристом.

— Что ж, но тогда забирайте его к себе в аббатство и глядите в оба. Не приведи Господь, сбежит. Вечером, брат Парвус, я жду вас в замке.

— Да, милорд. Но только после мессы в честь заступника и властелина нашего — Господа Бога. Да не оскуде-

ет делами добрыми десница его, даровавшая нам сегодня победу над силами зла.

— Да-да,— нетерпеливо перебил меня барон.— Это к аббату, решайте с ним. Но помните, я жду вас к ужину, поведаете мне все, что сумеете разузнать.— И он задумчиво поглядел на корабль.

2

Аббат не противился решению барона поместить Демона в нашей монастырской обители, даже наоборот, подчеркнуто произнес, что делам мирян должно стоять бок о бок с делами церкви.

Вечером, как мне было велено, я отправился в замок на горе. Сумеречный город был, на удивление, тих, когда я пробирался узкими улочками: кто задержался в церкви в молениях своих духовных, кто уже наслаждался отдохновением в домашнем уюте; со стороны лагеря доносились слабые отзвуки вечерней молитвы. Над хрупкими скорлупками домов нависала зловещая в ночи тень чужеродного корабля.

И все же в воздухе витало некое сладостное волнение, опьянение от победы над неземными силами, казалось, весь Энсби уверовал, что Бог не оставит нас.

Через двор замка, мимо утроенной стражи, я прошел прямо в трапезную залу, холодную и мрачную, несмотря на множество факелов, отбрасывающих колеблющиеся тени на развешенные по стенам оружие и гобелены. За широким столом восседала вся городская знать и военачальники, сновали слуги, на каменном полу, высунув языки, лежали баронские псы. Голоса собравшихся многократно отражались в высоких сводах, и в зале стоял равномерный низкий гул. На первый взгляд, все было как обычно, но за внешним спокойствием чувствовалось сокрытое напряжение.

Барон де Турневиль оказал мне особую честь, пригласив сесть рядом с собой и своей супругой.

Позвольте на минуту отвлечься от повествования и описать Роже де Турневиля, барона и рыцаря.

Представьте себе высокого человека лет тридцати, крепкого телосложения, с серыми глазами и орлиным носом на худощавом лице, которое несколько портили большие оттопыренные уши. Светлые волосы, подстриженные по последней военной моде, тоже, увы, не украшали его внешность.

Большую часть данной ему Богом жизни он проводил на полях сражений, запустил дела, и хозяйство его медленно, но верно приходило в упадок. К тому же ношение воинских доспехов явно не способствовало появлению хороших манер; и все-таки сэр Роже был по-своему добр и умен.

Жена его, леди Катрин, дочь виконта де Мони, являла собой полную противоположность мужу. Голубоглазая, с густыми каштановыми волосами, она была настоящей красавицей, но характер имела отчасти капризный и сварливый. Большинство дворян считало, что этот брак не соответствует ее утонченному воспитанию, полученному в родительском доме в Винчестере.

У них было двое детей — Роберт, чудный мальчик шести лет, мой ученик, и трехлетняя Матильда.

— Ну, брат Парвус,— прогремел на всю залу барон,— садитесь, выпейте с нами. Эх, черт возьми, сегодняшняя победа заслуживает большего, нежели эль! — При этих словах носик баронессы слегка сморщился, в доме ее родителей эля удостаивались лишь слуги.

Не успел я опуститься в кресло, как сэр Роже зашептал мне в ухо:

— Ну, как там — взаправду Демон?

Все вдруг мгновенно притихли. Собаки и те лежали не шелохнувшись, только слабое потрескивание факелов да мягкий шелест родовых знамен, свисающих с потолочных балок.

— Думаю, да, милорд,— осторожно ответил я.— Он так и взвился на дыбы, едва я окропил его святой водой.

— Ха! И это вместо того, чтобы испариться бурым облаком?! Хорош Демон! Как-то он мало напоминает тех, о которых я наслышан. Он так же смертен, как вы и я.

— Полагаю, милорд, даже в большей степени,— вмешался один капитан,— у него нет души.

— Плевать мне на их чертовы ду́ши,— фыркнул барон.— Меня интересует корабль. О-о! Я прошелся по нему после битвы! Кит, а не корабль! Да в него войдет Эпсби со всеми потрохами, каждому йомену достанется по каюте. Вы не спросили у Демона, зачем им столько кают?

— Он не владеет ни одним из употребимых языков, милорд.— ответил я.

— Вздор! Все Демоны знают, по крайней мере, латынь!

Тут в разговор вступил Оливер Монтбелл:

— А не устроить ли ему свидание с палачом, сэр Роже? — спросил он.

— Нет-нет,— поспешил вмешаться я,— ради Бога, не надо. Демон все схватывает на лету. В какой-то миг мне даже показалось, что он морочит мне голову...

— Вот-вот,— перебил меня сэр Оливер.

— Дайте мне несколько недель,— не обращая внимания на реплику рыцаря, продолжил я,— и я смогу с ним разговаривать.

— Несколько недель...— протянул сэр Роже.— Это слишком много.

Он швырнул обглоданную кость собакам и шумно облизал пальцы. Леди Катрин сдвинула брови и указала на чашу с водой.

— Извините, дорогая,— смешался барон.— Никак не могу привыкнуть к этим новомодным штучкам...

Сэр Оливер нарушил неловкое молчание, возвращая разговор в начатое русло.

— Почему вы так торопитесь, милорд? Опасаетесь, что прилетит другой корабль?

— Да нет, конечно. Сколько можно воину томиться в безделье?! Мои люди изнывают от тоски, а сегодняшнее событие изменило все планы.

— Как? Разве мы не выступим в назначенный срок?

— Вы что, ослепли? — сэр Роже вдруг с такой силой грохнул кулаком по столу, что вино выплеснулось из кубка.— Неужели не видите, какие возможности открываются перед нами?! Воистину, корабль послан нам Провидением!

Его слова повергли нас в смятение.

— Вся армия,— продолжал барон,— поместится во чреве корабля. Да что армия?! Мы возьмем с собой скот: лошадей, коров, свиней, птицу... Ха, и жен в придачу! И детей! Все прелести домашней жизни, никаких проблем с продовольствием.— Он на мгновение призадумался.— Остается узнать, какая сила заставляет летать эту гору. Нам даже не придется обнажать меч — один вид корабля внушит неприятелю такой страх, что он забудет о сопротивлении. Мы перелетим через Канал, за месяц покорим Францию, потом освободим Святую Землю и, как раз к сбору урожая, вернемся домой.

Последние слова потонули в восторженном реве, заглушившем мои слабые возражения. Сей план казался мне откровенным безумством, и я заметил, что леди Катрин и кое-кто из офицеров придерживались того же мнения.

Но остальные безудержно гоготали и поднимали кубки, предвкушая скорую победу.

Сэр Рожэ повернул ко мне разгоряченное лицо.

— Все зависит от вас, брат Парвус! — воскликнул он.— Вы должны заставить Дьявола говорить!. Ну, хорошо, хорошо, пусть — научить, мне безразлично. Он объяснит нам, как управлять кораблем и тогда...

— Мой благородный господин...— осмелился прервать я барона, но он уже был весь во власти дьявольской идеи.

— Верю! — прогремел сэр Роже и так хлопнул меня по плечу, что я подавился и едва не упал с кресла.— Верю, вы поладите с Демоном, брат Парвус, а в награду... в награду я возьму вас с собой, черт возьми!

...Боже, Боже! Прежде, чем принимать такое решение, надо бы посоветоваться с настоятелем, а то и обратиться за советом в Рим...

Но нет,— армия, город... казалось, все посходили с ума, все возжаждали лететь! Женщины не желали расставаться с мужьями, родители — с детьми, девушки — с возлюбленными. Самые наибеднейшие крестьяне, отрывая взор от своих жалких делянок, видели себя освободителями Гроба Господня, торжествующими победителями, возвращающимися на родные земли с мешками, полными злата.

Я вернулся в аббатство и всю ночь провел в молитвах, прося Святых ниспослать мне знак. Но Святые безмолвствовали. После заутрени я с тяжелым сердцем отправился к аббату и поведал ему о замыслах Роже де Турневиля. Настоятель было разгневался, но благоразумно не стал прекословить барону и освободил меня от всех обязанностей, дабы я больше времени мог проводить с Демоном.

Узкий мрачный подвал, куда поместили пленника, обычно слу́жил для епитимьи. Брат Томас, наш кузнец, приковал Демона к стене и кинул на пол охапку соломы, вместо подстилки. Жуткое зрелище являл синекожий в полумраке подземелья! Когда я вошел, он поднялся, гремя цепями, и уставился на меня желтыми узкими глазами. В противоположном углу, за пределами досягаемости Демона, лежали священные реликвии: бедренная кость Святого Освальда и коренной зуб Преподобного Виллибарда, которые не позволяли ему сбросить цепи и бежать обратно в Ад. Но, признаться честно, я бы не очень расстроился, вернись он в Люциферовы чертоги.

Осенив себя крестным знамением, я опустился на скамью и разложил на столе бумагу, чернила, перья, на-

мереваясь воспользоваться своей небольшой склонностью к рисованию.

Изобразив человека, я произнес:

— Хомо.— Я решил, что разумнее будет начать с общеупотребимой латыни, нежели обучать Демона какому-либо языку, принадлежащему одному народу.

Затем, нарисовав еще несколько человеческих фигур, я объяснил, что это — люди. Демон все быстро усваивал и вскоре сам попросил бумагу. Рисовал он, надо отдать ему должное, весьма искусно. Я узнал, что имя нашего пленника Бранитар, а раса его зовется верегорцами. Странно, но в демонологии я не смог отыскать подобных слов!..

В течение недели я почти не выходил из подвала, наши учения быстро продвигались вперед. Сэр Роже настоял на том, чтобы никто кроме меня не приближался к Демону, опасаясь, как видно, разглашения секретов таинственного корабля. Сам же он со своими воинами неусыпно бдил на границах, задерживая путешественников, странников, никого не пропуская в Эпсби.

Вскоре Бранитар настолько овладел латынью, что смог выразить недовольство скудной пищей, состоявшей из хлеба и воды, при этом пригрозив местью. Я сделал вид, что не боюсь его угроз.

Конечно, на самом деле все шло не так скоро и гладко, как я здесь излагаю; порой мы с великим трудом понимали друг друга.

— Вы сами навлекли на себя беду,— говорил я.— Вам не следовалоо нападать на добропорядочных христиан.

— Христиане? — переспросил Бранитар.— Кто такие христиане?

Мне показалось, что он хитрит, и, в качестве испытания, а прочел «Отче наш». К моему изумлению, он не растаял и не превратился в дым.

— Кажется, понял,— произнес Бранитар, когда я кончил молитву.— Вы поклоняетесь какому-то примитивному пантеону.

— Вот еще! — вскипел я.— Мы не язычники.— Я принялся объяснять ему сущность Троицы, и уже дошел до Распятия, когда Бранитар взмахнул синей рукой, очень напоминающей человеческую, если, конечно, не считать цвета и больших острых когтей.

— Это неважно,— вскрикнул он.— Ты мне скажи вот что: все ли христиане воинственны, как вы?

— Ну-у...— протянул я.— Это Бог покарал вас, приземлись вы во Франции, думаю... А мы, англичане...

— Да,— подтвердил Бранитар.— вы — упрямый народец. Это вам дорого обойдется. Но если вы сейчас же отпустите меня, я постараюсь смягчить вашу участь.

Язык мой от этих слов прилип к небу, но, пересилив страх, я холодно потребовал немедленных объяснений.

Говорил он очень долго и поведал мне весьма странные вещи. Я не сомневался, что Бранитар лжет, но все же не мешал ему: в конце концов, пусть усваивает язык...

Спустя неделю в аббатстве появился Оливер Монтбелл. Мы прошли в монастырский сад и присели на скамью.

Сэр Оливер, младший сын местного разорившегося барона и благородной леди, уроженки Уальса, отличался необыкновенной красотой. Смею заметить, в груди его тлел древний конфликт двух великих кровей, может, поэтому судьба была к нему довольно строга. Он был пажом, затем оруженосцем прославленного рыцаря из королевской свиты и настолько расположил к себе господина, что тот одаривал его привилегиями гораздо большими, чем подобало положению юного Оливера. Он много странствовал, был трубадуром, воином, и только совсем недавно удостоился чести быть посвященным в рыцари; но до сих пор он так и оставался бедным. В погоне за счастьем он прибыл в Энсби с намерением присоединиться к войску сэра Роже. Это был несомненно храбрый рыцарь, но для мужчины слишком прекрасен, говорили, что никто не может чувствовать себя уверенно в его присутствии. Однако все не совсем так, как говорят — сэр Роже принял его с радостью, довольный тем, что леди Катрин обрела наконец достойного собеседника.

— Я от барона, брат Парвус,— сказал сэр Оливер,— Он хочет знать, сколько времени вам еще потребуется, чтобы приручить этого зверя?

— О, слов-то он знает вполне достаточно, но вот то, что он говорит!.. Поверьте, все столь неправдоподобно, что я не решаюсь даже повторить...

— Сэр Роже не может более ждать, брат Парвус. Ему все труднее содержать армию, она пожирает его состояние. Солдаты изнывают от безделья, ни одна ночь не обходится без грабежей и убийств. Выступать надо сейчас или никогда!

— Тогда я умоляю не выступать, по крайней мере, на Дьявольском корабле! — Я кивнул в сторону летающей каравеллы; с места, где мы сидели, хорошо была видна устрашающая громада, вершиной своей, казалось, уходящая в облака.

Меня вдруг охватили недобрые предчувствия, и я погрузился в собственные мысли.

— Ну,— вывел меня из задумчивости сэр Оливер,— так что же вам рассказало чудище?

Я встрепенулся.

— Вы не поверите, сэр Оливер, оно имело наглость утверждать, что явилось не из Ада, а... с небес.

— Он Ангел? — воскликнул пораженный сэр Оливер.

— Нет-нет,— поспешил я успокоить рыцаря.— Он говорит, что он не Ангел и не Демон; утверждает, что он... человек, представитель другой расы смертных.

Сэр Оливер потер гладко выбритый подбородок.

— Может быть,— прошептал он как бы про себя,— все может быть. В конце концов, если существовали кентавры, единороги и прочие твари, почему бы и не быть синекожим.

— Все так, и все было бы достаточно разумным, если бы он не заявлял, что живет прямо на небе.

— Продолжайте, брат Парвус, я вас внимательно слушаю.

— Воля ваша, но знайте, я за его слова не отвечаю. Так вот, сей Бранитар настаивает, что Земля наша не плоская, а... круглая,— последнее слово далось мне с великим трудом,— и висит в пространстве. Но это еще не все, сэр Оливер.— Я сделал многозначительную паузу.— Бранитар утверждает, что Земля вращается вокруг Солнца. Как Вам это понравится? Я знаю, некоторые ученые древности придерживались подобного мнения, но, позвольте, как тогда объяснить, что океаны и моря не выливаются в мировое пространство, и...

— Будьте любезны, брат Парвус, ближе к делу.

— Что ж, как вам будет угодно. Бранитар говорит, что звезды — просто другие солнца, но только очень удаленные от нас, и что вокруг них тоже вращаются миры, подобные нашей Земле. Даже древние греки не внялн бы такой глупости! За каких беспросветных невежд принимает он нас?! И вот будто бы они, стречь версгорцы, обитают на одном из таких миров. О, если б вы только слышали, как похвалялся он, что их колдовской властью можно...

— Может, он и не лжет,— тихо прервал меня сэр Оливер.— Мы тут кое-что испытали из их оружия. Сожгли три дома и борова, прежде чем научились обращаться с огненными пищалями.

Я сглотнул и продолжил:

— У них есть корабли, летающие меж звезд; они ле-

тают от звезды к звезде, завоевывают один мир за другим, порабощая или вовсе уничтожая их обитателей. Они дьявольски прожорливы, ненасытны и продолжают захватывать все новые и новые, дескать, версгорцы не выносят скученности, а на завоеванных планетах каждый получит по сотне тысяч акров земли. Но плодятся они, как крысы, и по истечении какого-то времени вновь бросаются на поиски жизненного пространства, и так бесконечно! Мы же захватили корабль-разведчик. Обнаружив Землю, версгорцы попытались применить обычную тактику запугивания — безупречный план — население в страхе разбегается, они разбивают лагерь и собирают образцы животного и растительного мира. Вот почему на корабле оказалось столько пустующих помещений; прямо-таки — Ноев ковчег, да и только. Потом он «снимается с якоря», и едва достигает родной гавани,— на Землю тут же устремляется целая флотилия вражеских кораблей.

— Хм,— усмехнулся сэр Оливер,— похоже, мы выиграли главное сражение.

На мгновение мы замолчали, разом представив ужасную картину порабощения человечества нелюдью, хотя, конечно, ни он, ни я в это не верили. Откровенно говоря, я склонялся к мысли, что Бранитар явился к нам из какого-нибудь Китая, и, угодив в полон, пытается запугать нас, чтобы мы его отпустили с миром. Примерно так же думал и сэр Оливер.

— Тем не менее,— заметил он,— самое время запяться кораблем, пока не прилетели другие. Сначала — во Францию, затем,— в Иерусалим! Э-эх, повоюем! Вы уже спрашивали Демона насчет управления?

— Говорит, наипростейшее,— нехотя ответил я.

— Надеюсь, вы ему объяснили, что с ним будет, если доставит нас не туда?

— Намекнул. Он обещал повиноваться.

— Отлично, брат Парвус. Тогда, думаю, через день-два барон прикажет выступать.— Сэр Оливер откинулся на скамью и мечтательно сомкнул веки.— Скоро самый последний солдат сможет набить свой мешок золотом...

3

Итак, мы выступали.

Погрузка выглядела много необычнее, чем все ранее произошедшее. В предрассветном тумане корабль казался еще огромнее, его металлические бока поблескивали зловещим мрачным светом. Адское творение колдовских сил

необъятным утесом нависало над утлыми крестьянскими домишками; даже замок, всегда господствовавший над городом, стал каким-то маленьким и невзрачным.

И вот уже лестницу, ведущую в сверкающий столп, наводнили краснолицые смеющиеся люди. Вот, с ревом расталкивает толпу Джон Хеймворд, на одном плече у него лук, на другом — девица из таверны. А вот йомен, вооруженный ржавым топором времен битвы при Гастингсе, идет со своей ревущей женой; он нагружен домашним скарбом и полдюжиной ребятишек, цепляющихся за юбку женщины. Здесь, лучник упорно пытается втянуть на лестницу сопротивляющегося мула, разражаясь при этом проклятьями, которые, увы, прибавят ему несколько лет пребывания в чистилище. Там, парепек ловит вырвавшуюся свинью, тут, шествует богатый рыцарь в сопровождении дамы с соколом на руке, а вот священник, читая молитву, с опаской вступает в железную утробу.

В поход отправлялось около двух тысяч человек, корабль легко вместил всех. Каждый благородный господин получил каюту для себя и своей дамы, ибо многие взяли с собой жен или любовниц, а некоторые — и тех и других, дабы сделать свое пребывание во Франции более приятным; простой люд расположился в трюмах, на соломе. Бедный Энсби совершенно обезлюдел, и я часто спрашиваю себя, существует ли он ныне?

Сэр Роже заставил Бранитара совершить несколько пробных взлетов; Бранитар нажимал какие-то кнопки и корабль бесшумно отрывался от земли, зависая в воздухе, потом опускался обратно. Управление, наверное, и в самом деле было крайне простым, но мы все равно ничего не разумели в обилии дисков и прямоугольников, сплошь испещренных языческими знаками; внутри многих из них дрожали разноцветные стрелки. Бранитар через меня объяснил сэру Роже, что корабль получает энергию, разрушая материю (Невероятная чушь!), и что специальные устройства могут уничтожить притяжение Земли. (Тоже бессмыслица! Аристотель давным-давно доказал, что падение предметов есть их природное свойство.) Впрочем, мой разум не внимал столь абсурдным речам.

Аббат оставался в Энсби, но он благословил корабль и нарек его «Крестоносцем». С нами пускались в путь два капеллана, и мы взяли с собой волос Святого Венедикта. Каждый из нас исповедался и получил отпущение грехов, считалось, что улетаем, полностью избавившись от влия-

ния темных сил, хотя у меня на этот счет были некоторые сомнения...

Я расположился по соседству с сэром Роже, в комнате напротив под стражей содержался Бранитар. Я был и переводчиком, и учителем Бранитара, и наставником юного Роберта, и секретарем барона.

И вот пробил час! В рулевой рубке собрались сэр Роже, сэр Оливер, Бранитар и я. Как и в любом другом помещении здесь не было ни единого окна, в рубке их заменяли волшебные стеклянные окуляры, расположенные в два яруса, которые давали изображение Земли под нами и неба сверху. Меня била дрожь, губы мои шептали молитвы — не пристало христианину смотреть в кристаллы индийских магов.

— Ну,— выпалил сэр Роже, обратив ко мне ястребиное лицо,— начнем. Через несколько минут мы будем в Парпже! — Потирая руки, он уселся перед странного вида бюро со множеством ручек и колесиков, больше напоминавшим клавиатуру органа.

— Передайте вашему начальнику,— сказал Бранитар, уже немного разбиравшийся в английском,— что дальние полеты требуют более длительной подготовки.

Я перевел слова Демона.

— Хорошо,— кивнул сэр Роже,— пусть проводит свою подготовку, но,— меч барона показался из ножен,— упаси его Бог обмануть меня.

— Сэр,— нахмурился Оливер Монтбелл,— у меня дурное предчувствие... Мне кажется, этот Дьявол во плоти...

— Оставьте, он наш пленник. Вы, Оливер, порой мнительны, как кельт. Пусть начинает.

Бранитар приступил к клавиатуре, я внимательно следил, как его пальцы быстро перебирали рычаги и кнопки. Мерное гуденье заполнило рубку, но почувствовать я ничего не почувствовал, а только увидел, как Земля в нижних кристаллах начала быстро удаляться. Волшебство! Борясь с охватившей меня слабостью, я кинул взор на кристаллы, показывающие небо — мы врывались в стаю облаков. О, Боже, как велико твое могущество! Ты позволяешь Ангелам сидеть на облаках, а облака — прости, Господи, мое невежество — оказывается, всего-навсего — туман, густой туман.

— Теперь поворачивай на юг! — приказал барон.

Бранитар без меня понял, что сказал сэр Роже, усмехнулся и дернул вниз какую-то рукоятку. Раздался звук защелкивающегося замка. Адское торжество сверкало в

глазах версгорца, когда, вскочив с места, он воскликнул:

— Дело сделано! Я послал вас на смерть! Вам конец!

— Что?!..— только и смог выговорить я.

Сэр Роже, догадавшись, что произошло, отчаянно выругался и рванулся было на версгорца, но замер, как вкопанный, уставившись в кристаллы. Меч выпал из его рук, на лице выступили крупные капли пота.

И вправду, было чему ужаснуться: Земля под нами стремительно уменьшалась, словно падала в глубокий колодец; небо потемнело, показались звезды, но Солнце, Солнце продолжало ярко светить, свидетельствуя, что до ночи еще далеко.

Сэр Оливер что-то бормотал по-уэльски, я упал на колени, Бранитар метнулся к двери, но барон успел схватить его за край одежды, и они оба повалились на пол.

Парализованные ужасом, я и сэр Оливер не могли оторвать глаз от Земли, которая уже едва закрывала нижние окуляры. Голубая, покрытая темными пятнами, она была... круглой. Да, круглой!

На бюро замигали лампочки, ожили стрелки, гул стал более низким и давящим. Мы летели с невероятной, все увеличивающейся скоростью, неведомые силы уносили нас все дальше и дальше от Земли.

Вот справа по борту проплыла Луна. Мы пролетели так близко, что я разглядел на ней горы и осыпи с резко обозначенными тенями.

— Но этого не может быть!— вскричал я, тщетно пытаясь избавиться от дьявольского наваждения, ведь испокон веков считалось, что Луна — просто гладкий диск.

Тем временем сэр Роже наконец одолел Бранитара.

— Где мы? Что происходит? — тяжело дыша, спросил он.

— Мы поднимаемся,— в ужасе пролепетал я.— Все выше...— Я зажмурился и заткнул пальцами уши, чтобы не оглохнуть, когда мы ударимся о первую небесную сферу.

Но ничего подобного не происходило и, открыв глаза, я вновь гляпул в кристаллы — Земля с Луной отдалились еще больше и теперь походили на двойную звезду голубого и золотого цветов. На фоне бесконечной тьмы холодно мерцали звезды. Мне показалось, что корабль все увеличивает скорость.

Сэр Роже, отрывая меня от дум, чертыхнулся и пнул Бранитара под ребра.

— Плевать,— проскрежетал он,— вначале рассчитаемся с предателем.

Брантар приподнялся и с вызовом посмотрел на барона.

— Что вы наделали,— собравшись с силами, обратился я к версгорцу.— Если вы сейчас же не вернете нас на Землю, то умрете в страшных мучениях.

Брантар встал, скрестил на груди руки и окинул нас гордым взглядом.

— Вы, варвары,— надменно произнес он,— хотели сравняться разумом с цивилизованной расой! Делайте со мной все, что хотите — в конце пути я буду отмщен.

— Но что ты сделал?

Его окровавленный рот скривился в усмешке.

— Я передал управление кораблем механическому штурману. Отныне только он может править полетом. Все системы автоматизированы: выход из атмосферы, переход в иное пространство, искусственная гравитация и другие факторы жизнеобеспечения...

Честно говоря, я мало что понял из этих слов.

— А ну, поворачивай! — вскипел сэр Роже.

— Увы,— ехидно развел руками Брантар.— Рукоять опущена, ее не сдвинуть, пока корабль не достигнет цели. Вы обречены, мы летим на Терксан — ближайшую планету, населенную моим народом.

Я осторожно дотронулся до приборов — ни кнопки, ни ручки не двигались.

Когда я, запинаясь от волнения, перевел рыцарям слова Брантара, сэр Оливер громко застонал, а сэр Роже процедил сквозь зубы:

— Проверим. Хорошая пытка будет и отменным наказанием за вероломство.

— Можете начинать,— Брантар брезгливо поморщился,— я вас не боюсь. Даже если вы сломите мою волю, это ничего не изменит — курс корабля останется прежним, все бесполезно. Механический штурман как раз и предназначен для подобных случаев, чтобы корабль мог сам вернуться домой, при любых обстоятельствах.— Он помолчал, потом, как мне показалось, вполне искренне, добавил: — Поймите, я не таю на вас злобы, вы безрассудно храбры, и я даже сожалею, что нам необходим ваш мир. Если вы освободите меня, обещаю, когда мы прибудем на Терксан, я замолвлю за вас слово, и, может быть, вам сохранят жизнь.

Сэр Роже в перепительности потер виски.

— Ерунда — после некоторого молчания воскликнул он.— Как только корабль сядет, им снова можно будет управлять! — Я поразился самообладанию барона.— Развер-

пем корабль и возвратимся домой.— Он повернулся к Брантару.— Это возможно?

— Я не поведу вас, а без меня, без знания навигационных карт, вы никогда не отыщете дорогу! Ваша планета будет далеко, невообразимо далеко — лучу света и тому понадобится не менее тысячи лет, чтобы долететь до нее.

— Вы думаете, мы непросвещенные дикари,— оскорбился я.— Нам не хуже вашего известно, что луч света пронзает пространство в мгновение ока.

— Сколько нам еще лететь? — сверкнув глазами, поинтересовался сэр Роже.

— Десять дней. Межзвездные расстояния огромны. Мы вышли в космос уже триста лет назад, но звезд так много!.. Поэтому мы обнаружили вашу планету только сейчас.

— Ничего,— вымолвил сэр Роже,— вергорцы еще пожалеют, что наша малютка-Земля попалась им на глаза.

— Искренне советую сдаться,— ответил на это Брантар.— Я понимаю, конечно, оружие корабля, на которое вы рассчитываете, обладает чрезвычайной разрушительной силой, но как бы вам ни хотелось, вы не сможете им воспользоваться: силовые экраны крепостей задержат любой губительный луч. А вот корабль так не защищен — генераторы полей слишком громоздки — вы будете обращены в прах первым же выстрелом.

— Что ж, у нас есть на размышление еще десять дней,— выслушав все это, произнес сэр Роже.— Пока придется сочинить что-нибудь — не стоит пугать людей раньше времени; благо, из других помещений корабля не видно, где мы находимся.

Он энергично вышел, плащ его взметнулся за спиной словно два могучих крыла.

4

В армии я человек незначительный, и многое происходило без моего участия, однако, пытаясь, как можно полнее описать события, я буду восполнять пробелы домыслами, надеясь, что они не сильно отличаются от того, что происходило на самом деле — священники на исповеди выслушивают много тайн и умеют догадываться о скрытом. Полагаю, например, что сэр Роже отвел леди Катрин в сторону и открыл ей истинное положение вещей. Возможно, он рассчитывал найти в ней мужество и твердость духа, но она разразилась слезами.

— Будь проклят тот день, когда я вышла за Вас! — кричала она, топая маленькой ножкой об пол; ее прекрас-

ное лицо то заливалось краской, то смертельно бледнело.— Мало того, что Вы опозорили меня перед всем королевским двором, вынудив жить в затхлой берлоге, которую почему-то именуете замком, так теперь Вы в своем неуемном азарте подвергаете риску жизни души наших детей!

— Дорогая,— запинаясь отвечал барон,— я ведь только...

— Глупец! Вам недостаточно было просто отправиться во Францию развратничать и грабить. Вам вздумалось попутешествовать в воздушном гробу! Вы оказались настолько близоруки, настолько самонадеянны, что поверили, будто Демон боится Вас как обычный раб. О, Матерь Божья, за что мне такая доля?!

Рыдая, она удалилась. Сэр Роже, с камнем на сердце, долго смотрел ей вслед, потом, вздохнув, отправился проверять свое воинство.

Солдаты, расположившись в просторных трюмах, готовили ужин. Несмотря на дымящиеся костры, в помещениях было свежо и прохладно — Бранитар рассказывал мне, что корабль оснащен специальными аппаратами, восстанавливающими жизненные силы воздуха.

Меня несколько раздражало отсутствие дня и ночи — круглые сутки полированные стены источали равномерный голубоватый свет — но солдаты, по-видимому, не обращали на это ни малейшего внимания. Они вольготно расположились вокруг костров, пили эль, играли в карты, бахвалились друг перед другом, ловили блох — необузданная стихия, но вместе с тем, беззаветно преданная своему командиру.

Барон жестом подозвал Рыжего Джопа, чья огромная фигура выделялась даже в такой толпе, и прошел с ним в каюту.

— Ну, сэр,— заметил слегка захмелевший Джон Хейм-ворд,— доро́га во Францию подзатянулась, а?

— Гм... Наши планы несколько изменились, Джон,— осторожно произнес сэр Роже.— В той стране, откуда прилетел Демон, нас ждет более богатая добыча — мы сможем нанять какую угодно армию и разгромим тогда любого противника.

Рыжий Джоп громко рыгнул и почесал затылок.

— А не захватим ли мы больше, чем в состоянии удержать, сэр?

— Думаю, нет. Нужно только подготовить людей к этой мысли и предупредить возможные страхи.

— Легко сказать, да не просто сделать, сэр.

— Почему? — удивился барон.— Я же сказал — нас ждет хорошая добыча.

— Э-э... м-м...— замялся лучник.— Честно говоря, дело вот в чем — я понимаю, мы прихватили с собой почти всех незамужних девок Эксби и, гм... все они неплохо к нам относятся...— Рыжий Джон гортанно хохотнул.— Но факт остается фактом — мужиков у нас вдвое больше. Эх, милорд!..— вздохнул Хеймворд.— Француженки — вот красавицы-то! Говорят, и сарацинки — пальчики оближешь, хоть прячут лица под чадрой. А глядя на этого синерожего, не скажешь, что их женщины отличаются привлекательностью.

Еще никто не сказал, Джон, что нас не ждут там прекрасные заложницы, которые будут несказанно счастливы увидеть честное английское лицо.

— Так-то оно так, сэр...

— Ну вот тогда и проследи, чтоб по прибытии лучники, все как один, были готовы к бою.

Когда барон передал мне суть разговора с Рыжим Джоном, я не на шутку встревожился.

— Слава Богу! — воскликнул я,— что он сотворил синекожих столь безобразными! Велика мудрость Господа!

— Они, конечно, не красавцы,— заметил барон,— но вы уверены, что они не люди?

— Не знаю, милорд,— ответил я, подумав.— Они не похожи ни на один народ Земли, хотя и ходят на двух ногах, имеют по две руки, обладают речью и силой разума.

— Ну, ладно. В конце концов, это не так важно.

— О, нет, напротив, это имеет первостепенное значение, милорд! Видите ли, если у них есть душа, то наша прямая обязанность наставить их на путь истинный. Если же у них души нет, то кощунственна сама попытка обратить их в святую веру.

— Ну, это уж ваши заботы,— равнодушно ответил барон.

Раскланявшись с сэром Роже, я заспешил к Бранитару.

— Чего ты хочешь? — Такими словами встретил меня версгорец, едва я опустился в кресло.

— Скажите, Бранитар,— ответствовал я,— у вас есть душа?

— Чего?

Когда я объяснил, что значит «spiritus», он был крайне удивлен.

— Вы что, в самом деле верите, что у вас в голове что-то живет?

— Поймите меня правильно, душа нематериальна, она дает нам жизнь... Вернее, не совсем так, животные тоже живые существа, но мы, в отличие от них...

— Разумны? Вы это хотели сказать?

— Нет, нет и нет! Душа живет и после смерти тела, и держит ответ за все содеянное человеком.

— Вы верите, что личность жива после смерти?! Интересная гипотеза. В таком случае, если личность можно отделить от материи, значит ее можно перенести в иное тело, так сказать, воплотить в любом другом физическом объекте.

— Перестаньте молоть чепуху! — сердито вскричал я.— Вы хуже альбигойца! Скажите, есть у вас душа или нет?

— Хм, наши ученые, я знаю, всесторонне исследовали проблему личности, но насчет этого, кажется, ничего определенного не решили.

— Опять вы за свое,— вздохнул я.— Меня интересует — есть у вас душа или нет, ничего боле.

— Не знаю,— честно признался он.

— Вы безнадежны, Бранитар.— Я хлопнул дверью.

Позже я говорил с капелланами, но за исключением очевидного — что получить крещение может любое существо, изъявившее на то желание, мы ни к чему не пришли. Это дело Рима, а может, даже и Вселенского Собора.

Тем временем леди Катрин справилась со слезами. Бродя длинными коридорами, она вышла в обеденную залу, где обнаружила сэра Оливера, задумчиво перебиравшего струны арфы. Завидев баронессу, он вскочил на ноги и отвесил низкий поклон.

— Миледи, какой прекрасный, какой ошеломляющий сюрприз!

— Где мы? — спросила она, присев на скамью.

— Понятия не имею,— ответил рыцарь, но, догадавшись по красным глазам баронессы, что ей все известно, добавил: — Солнце уменьшилось до такой степени, что затерялось среди звезд.— Невеселая улыбка осветила его лицо.— Но с вами не надо Солнца...

Леди Катрин почувствовала, как запылали ее щеки; она опустила взгляд и, сама того не желая, улыбнулась.

— Мы,— продолжал сэр Оливер,— самые одинокие странники на свете. Да поможет нам Бог.— Он вздохнул.— Если миледи позволит, я порадую ее песнями, достойными ее красоты.

Миледи не отказалась, и голос рыцаря зазвучал под стальными сводами корабля...

5

О последующих днях путешествия рассказывать почти нечего. Солдаты задирались и пьянствовали, крестьяне обихаживали скотину, ели да спали. Сэр Оливер частенько развлекал беседами леди Катрин, что не очень-то нравилось барону, но он смотрел на это сквозь пальцы, целиком поглощенный разработкой каких-то планов. Много часов мы с ним проводили у Бранитара, слушая рассказы о Версгорской Империи, и не знали, верить ему или нет. Я склонялся к последнему.

Он поведал нам, что Империя объединяет около ста миров, и в каждом живет по несколько миллионов версгорцев. Они привыкли жить просторно, поэтому на завоеванных планетах городов не строили, города были исключительно на планете-родине — Версгориксане. На остальных же, вроде Териксана — возводились только сторожевые крепости, мощь и вооружение которых Бранитар не уставал восхвалять. Версгорцы никогда не занимались черной работой, это был удел порабощенных жителей навеки покоренных планет. Сэр Роже, заслышав об этом, пробормотал что-то о вооруженном восстании, на что Бранитар весело рассмеялся. На Териксане, по его словам, было не более нескольких сотен рабов.

Барон полюбопытствовал, не может ли кто-нибудь, кроме версгорцев, летать меж звезд. Бранитар презрительно повел плечами.

— Мы знаем еще три расы, овладевшие этим искусством,— сказал он.— Они наши недалекие соседи. Пока мы живем в мире — зачем тратить время и силы, когда достаточно других миров. Наша задача — не позволить им расселиться по космосу, а так — пусть живут. Нас они недолюбливают и побаиваются — знают, что нам ничего не стоит смести их с лица Вселенной, как и прочих. Перед нашим могуществом беспомощны все!

Между тем, по воле сэра Роже я приступил к изучению языка версгорцев. Бранитар видел в этом некоторое развлечение, а мне наши занятия помогали заглушить нарастающий с каждым днем страх. Что до самого языка — я находил его весьма грубым, но сравнительно простым.

В контрольной рубке я обнаружил обширную картотеку с многочисленными картами и математическими таблицами, выполненными, на удивление, добросовестно, и решил, что это навигационные указания. Отыскав карту Териксана, я тщательно перевел все названия и передал

на изучение сэру Роже. Надо отметить, что версгорцы преуспели в картографии, даже сарацинские карты, доставшиеся в наследство барону от его деда, были грубы рядом с этими. И все же отсутствие на них изображений русалок, розы ветров, монограмм и других украшений явно свидетельствовало о недостатке культуры версгорцев.

Так же я перевел и многие надписи, которыми изобиловала контрольная рубка. Некоторые, такие, как «скорость», «высота» были вполне понятны. Но что означало «подача горючего» или «досветовой и сверхсветовой режим»? Я терялся в догадках. Вероятно, сие были какие-то кабалистические заклинания.

Так протекали наши бренные дни, пока наконец корабль не достиг планеты с двумя лунами. Увидев в кристаллах голубое небо, я с благодарностью опустился на колени.

Проклятая рукоять щелкнула и встала на место, корабль замер в миле от поверхности. Это был Териксан.

6

По кораблю пронеслась команда «К оружию!». В трюмах ржали лошади, женщины с расширенными от ужаса глазами робко жались по стенам.

По вызову сэра Роже я явился в рубку, где уже находились сэр Оливер и Рыжий Джон, державший на привязи закованного в цепи Бранитара. Лучник, бросая взгляд в окуляры, то и дело поминал Нечистого. Рыцари были в полном облачении.

— Итак, прибыли!— воскликнул сэр Роже с лихорадочной, мальчишеской радостью.

Остальные явно не разделяли его восторга, но война, пусть даже с силами Ада, была для всех делом привычным.

В ответ на вопрос барона, в какой именно точке планеты мы находимся, Бранитар нажал кнопку. Невидимый доселе кристалл засветился, и на нем появилось изображение карты. Сопоставив ее с картой, что была у меня в руках, я промолвил:

— Отсюда в ста милях к северу крепость Гантурак, милорд.

Бранитар согласно кивнул.

— Самая маленькая из базовых крепостей,— пояснил он,— но и в ней достаточно оружия... Я вам советую сдаться, все равно защитные экраны сделают вооружение корабля совершенно бесполезным. Одумайтесь, время еще есть.

— Может, и вправду, милорд, это было бы...— нерешительно начал сэр Оливер.

— Что?! — прямо подскочил барон.— Англичанин боится битвы?

— Но с нами женщины и дети,— принялся оправдываться сэр Оливер.— Что будет с ними?

Ничего не ответив, сэр Роже подошел к клавиатуре и, гремя оружием, уселся в штурманское кресло. Он нажал на какую-то кнопку, планета под нами качнулась и поплыла, поплыла...

Внизу пронесся чужой мир с густо-синей растительностью и редкими округлыми постройками.

Повисшее в рубке напряженное молчание вдруг прервал резкий неприятный голос, кто-то говорил на языке спинелицых. Вздрогнув от неожиданности мы, как один, перекрестились и стали озираться. Звук исходил из маленького черного ящичка на контрольном щите.

— Черт возьми! — Джон Хеймворд обнажил кинжал.— Здесь все время кто-то скрывался. Не будь я Рыжий Джон, если не достану сейчас эти птицу!

До Бранитара дошел нехитрый смысл его слов, и он разразился мерзким хохотом.

— Голос приходит издалека, по радиоволнам,— непонятно объяснил он, наконец перестав смеяться.

— Выражайтесь яснее,— потребовал я.

— Нас запрашивает крепость,— поправился он.

Сэр Роже коротко кивнул.

— За последнее время,— мудро молвил он,— мы навидались и не таких чудес. Стоит ли удивляться и голосу, летящему по воздуху. Но чего он хочет?

Я разобрал всего пару слов, но общий смысл был мне понятен.

— Он спрашивает,— сказал я,— кто мы и почему садимся в неположенном месте? — Я повернулся к Бранитару.— Успокой их, и не забывай, что я понимаю ваш язык.

Он только пожал плечами, но лицо его слегка побледнело и на лбу выступили капельки пота.

— Возвращается корабль-разведчик 587-ЗИН,— проговорил он, нажав какую-то клавишу.— Срочное сообщение. Необходима остановка над базой.

Голос из ящика дал добро, но приказал парить на высоте примерно с полмили по-нашему и дожидаться, когда на борт поднимется патруль; если мы опустимся хоть немного ниже, нас грозились разнести в пух и прах.

В кристаллах показалась Гантурак — беспорядочное

нагромождение куполов и цилиндров, образующих круг диаметром около тысячи футов. Чуть севернее раскинулась группа сооружений, сплошь ощетинившаяся стволами бомбард, и еще до того, как мы зависли над крепостью заиграло бледно-голубое сияние.

— Защитные экраны,— сказал Бранитар, указывая на голубое свечение.— Оно остановит даже залп из всех орудий.

Из крепости взвилось несколько яйцеобразных металлических корабликов, показавшихся мошками в сравнении с «Крестоносцем».

— Так я и думал,— констатировал сэр Роже.— Экраны пропускают физические тела.

— Верно,— подтвердил Бранитар.— Но все равно, вам ничто не поможет. Если вы сбросите хоть пару снарядов со взрывчаткой, вас расстреляют из подземных орудий.

— Ах, вот как! — Барон уставился на версгорца и не сводил с него пристального взгляда, покуда лицо последнего не сделалось пепельно-серым. Значит у вас есть и взрывчатые снаряды?! То-то ты о них помалкивал! Ладно, об этом побеседуем позже.— Он повернулся к сэру Оливеру и Рыжему Джону.— Итак, с местностью вы ознакомились, теперь возвращайтесь к своим людям и будьте наготове.

Воздушный патруль был уже совсем близко. Сэр Роже уверенно взялся за штурвал, управляющий огнем бомбард (по пути мы немного попрактиковались в стрельбе),— на цель они наводились сами,— и резко повернул его. Адское пламя вырвалось из орудийных стволов, и корабли-мошки взорвались фейерверком расплавленных осколков.

Барон дал пробный выстрел по экрану.

— Отражает,— нахмурился он.— Надо опускаться, пока они не открыли огонь.

Через мгновение я увидел летящие навстречу нам здания Гантурака и приготовился к смерти.

Дрожь пробежала по телу корабля, одна из башен со скрежетом пронзила его обшивку. Невероятно тяжелый, огромный «Крестоносец» замер, придавив добрую половину крепости.

Еще не стих рокот двигателей, а сэр Роже уже мчался по наклонившейся вздыбленной палубе с криком «Да здравствует Англия! Да поможет нам Бог!» Выхватив у перепуганного оруженосца шлем, он вскочил в седло; оруженосец с перекошенным ртом кинулся следом, крепко сжимая щит де Турневиля.

Версгорец молча опустился в кресло. Я подоткнул рясу

и, оставив Бранитара под опекой йомена, побежал наблюдать за сражением.

Кавалерия сэра Рожэ вклинилась в нестройные ряды неприятеля. Меч барона разил без промаха. Изрядно подснарядившееся в закромах «Крестоносца» его доблестное воинство рассыпáло вокруг себя огненные молнии, не забывая тем не менее и про старые добрые мечи. Лучники Рыжего Джона обрушили на растерявшихся версгорцев шквал стрел. Завязалась рукопашная.

Едва схватка переместилась в глубь крепости, сэр Рожэ отъехал в сторону и, отзывая тяжелую кавалерию, протрубил в рог,— привычные к дисциплине рыцари тотчас выбрались из столпотворения и окружили барона. Их собралось довольно много — закованных в броню воинов на сильных красивых лошадях. Барон взмахнул рукой в железной перчатке, указывая на группы сооружений поодаль, чьи бомбарды уже прекратили начавшуюся было беспорядочную пальбу.

— Надо захватить их,— громко прокричал барон,— пока они не очухались! За мной, англичане, во славу Христа и Святого Георгия! — Он подхватил свежее копье из рук оруженосца и ринулся на штурм оружейных башен.

Казалось, земля содрогнулась от топота копыт, когда за бароном бросились его верные воины! Нет зрелища более грандиозного и ужасного, чем атака тяжеловооруженной кавалерии! Беда версгорцев была в том, что они в своем развитии зашли слишком далеко и полностью утратили навыки сражений на земле — они, конечно, прекрасно справлялись с огненными луками и защитными экранами, а вот поставить проволочные заграждения не додумались. Отряд де Турневиля несся подобно урагану. Страшный удар рыцарей сокрушил первый рубеж врага, разметал, смешал с грязью сбитого с толку неприятеля.

Тут же, неподалеку, готовился к взлету космический корабль версгорцев — не такой огромный, как «Крестоносец», но побольше любого земного морского судна. Казалось, он вот-вот оторвется от земли. Сэр Рожэ бросил на него конную гвардию. Копья ломались о стальные бока, люди от столкновения летели наземь. Однако разве существует преграда для кавалеристов, несущихся в полном вооружении со скоростью не менее нескольких миль в час. Воистину, удар был страшен! Корабль дрогнул и искореженный повалился на бок, крепость затопили люди де Турневиля.

Версгорцев убивали, точно мух, вернее, на мух больше

походили патрульные лодки, носящиеся в небе и не способные что-либо предпринять.

Джон Хеймворд собрал лучников и повел их на подмогу сэру Роже; воздушные патрули, заметив его отряд, открыто пересекающий поле, стали быстро снижаться, подобно стае хищных ястребов — наконец-то они нашли себе добычу. Лодки промчались над самыми головами лучников, и несколько человек упало, охваченные пламенем. Тогда по команде Рыжего Джона в небо взметнулись тучи стрел. Здесь я должен заметить, что наши стрелы, выпущенные из шестифутового тисового лука, насквозь пробивают экипированного всадника, а то и лошадь под ним. Куда уж было устоять пред ними этим утлым суденышкам(!) — первый же залп сразил летящую ровным строем эскадру. Ни одна лодка не уцелела, все они, кувыркаясь в воздухе, рухнули на землю, измятые и утыканные стрелами. Лучники же с победным кличем бросились дальше, на помощь своим товарищам.

Тем временем команда поваленного копьеносцами корабля, по-видимому, оправилась от потрясения, одна из бомбард ожила, изрыгнув столп огня, и оказавшийся поблизости всадник сгорел живьем вместе с лошадью.

Рыжий Джон, не теряя даром времени, кинулся к огромной балке, за нею дружно схватились еще человек пятьдесят. Через минуту высаженная железная дверь корабля уже валялась на траве, и английские йомены хлынули во мрачную утробу...

Битва за Гантурак длилась всего несколько часов, из которых бóльшая часть времени ушла на поиски попрятавшихся вергорцев. Мы потеряли десять человек убитыми, раненых не было — огненный луч разил насмерть, сжигая дотла. Синекожих пало около трех сотен, еще столько же мы захватили в плен. Наверняка сотне-другой удалось бежать, и теперь мы не сомневались, весть о нашем прибытии вскоре обойдет соседние селения. Хорошо еще, что своим приземлением «Крестопосец», в буквальном смысле слова, раздавил их волшебный передатчик, лишив таким образом врага скорого подкрепления. Но, к несчастью, при столкновении с землей погибли все навигационные карты. Однако это обнаружилось значительно позже, а сейчас мы торжествовали.

Разгоряченный, раскрасневшийся Роже де Турневиль на взмыленной лошади победно гарцевал к главной крепости; за ним, усталые, но счастливые, шествовали копьеносцы,

лучники, йомены. С губ их слетали вечные слова молитвы, возносясь к незнакомым чужим созвездиям; над головами реяли знамена.

Поле боя осталось за нами. Славься великодержавная Англия!

7

Мы разбили лагерь невдалеке от оружейной крепости. Солдаты разожгли костры и теперь отдыхали у огня в ожидании ужина. Неподалеку паслись лошади, совершенно без удовольствия пощипывая колючие местные травы. В стороне, под охраной копьеносцев, подавленные и ошарашенные сгрудились пленные. Мне было даже несколько жаль этих несчастных, не знающих Бога, хотя, и сие несомненно, они заслужили суровую кару.

Сэр Роже пригласил меня к своему костру, разведенному под сенью сторожевой башни, орудия которой были подготовлены к отражению внезапной атаки. Для благородных леди поставили палатки и большинство из них уже отправились на покой, но леди Катрин сидела на стуле в кругу огня и, плотно сжав губы, слушала разговоры мужчин. Сэр Оливер устало трогал струны арфы, рядом, внимая сладостным звукам, притулился седовласый, весь покрытый шрамами былых сражений, благородный рыцарь Брайен Фиту-Вильям. Поодаль растянулся великан Альфред Эдгардсон, честнейший из саксонских франклинов; дальше — насмешник и балагур Томас Баллард пробовал ладонью лезвие меча. И, наконец, сияющий, как начищенный пенс, Рыжий Джон, довольный, что принят на равных блистательным светом английского рыцарства.

Сэр Роже стоял, скрестив на груди руки; без лат он выглядел худым и совсем не воинственным, но его серые глаза сверкали сурово и властно.

— А, вот и вы, брат Парвус,— кивнул он мне.— Присаживайтесь и берите кубок. У вас ясная голова, а сегодня мы, как никогда, нуждаемся в добром совете.

Я присел на какой-то ящик, завороженный странными чуждыми звуками и запахами, которыми был пропитан воздух над лагерем. Что-то в них было таинственное, страшное...

— Ну, что ж,— произнес барон,— милостью Божьей мы выиграли первое сражение. Теперь надлежит решить, что делать дальше.

— Я думаю,— сэр Оливер откашлялся,— нет, я уверен, Бог помогает нам, пока нас не обуяла гордыня. Мы захва-

тили достаточно оружия, и пора возвращаться. Иначе Господь оставит нас.

Сэр Роже потер подбородок.

— Я бы еще повременил,— тихо промолвил он.— Хотя, мой друг, может, вы и правы. Сначала надо освободить Святую землю, а потом можно и вернуться: добить это дьявольское гнездо.

— Все верно,— кивнул сэр Брайен.— Нас чересчур мало и мы отягощены женщинами, детьми... Биться с целой Империей — безумие.

— А я,— вставил Альфред Эдгардсон,— еще разок-другой преломил бы копье об этих вестготов. Возвращаться из похода без золота не пристало рыцарю.

— Золото хорошо в Англии,— заметил капитан Баллард.— Тяжело воевать в безводных пустынях Святой земли, но здесь... Здесь мы не знаем даже, какие травы полезны, какие — ядовиты. А зимы? Каковы здесь зимы? Лучше завтра же повернуть к дому.

Гул одобрения был ответом на это замечание. Но я только что провел весьма неприятный час с Бранитаром, и знал то, чего еще не знали рыцари. Глубоко вздохнув, я поднялся, слова застряли у меня в гортани.

— Милорд...— с трудом начал я.

— Да?

— Милорд, мы не можем вернуться домой.

— Что?!

Благородные воины повскакивали на ноги, требуя немедленных объяснений. И я поведал им, что сквозь трещину корпуса корабля в контрольную рубку пробился огненный луч и спалил все навигационные карты.

— Но Бранитар знает дорогу! — вскричал Рыжий Джон.— Он умрет, если не доставит нас обратно. Я заставлю его, милорд...

— Не торопитесь,— посоветовал я.— Это не плавание через Ла-Манш, вокруг — Вселенная с мириадами звезд. Полет Бранитара был всего-навсего — разведывательный, и, без записей капитана корабля, можно всю жизнь проблуждать среди чужих миров, так и не найдя нашего Солнца.

— Да неужто Бранитар не помнит? — воскликнул побледневший сэр Оливер.

— Невозможно запомнить сотни чисел. К тому же, Бранитар — не капитан и даже не пилот...

— Довольно! — Сэр Роже прикусил губу.— Но постойте, разве курс «Крестоносца» не известен герцогу, или кто он там у них (!) — тому, кто послал их на Землю?

— К сожалению, нет, милорд. Курс корабля-разведчика капитан выбирает по собственному усмотрению. И пока разведчик не вернется, все пребывают в неведении, по каким далям его носит.

Вокруг костра пробежал ропот. Сильные духом, закаленные в несчетных боях люди — на этот раз они пришли в смятение.

Барон подошел к оцепеневшей миледи и бережно взял ее за руку.

— Мне очень жаль, дорогая,— пробормотал он. Но баронесса только еще плотнее сжала губы и отвернулась.

Сэр Оливер сделал два шага вперед, лицо его было бледным, как полотно.

— Это вы привели нас сюда! — истерично выкрикнул он.— На погибель! На проклятье неба!

Рука барона легла на рукоять меча.

— Без паники,— сдавленно прохрипел он.— Я никого не принуждал, все были согласны с моим планом. Все! — Он совладал с собой.— Я призываю по-братски разделить сию ношу. Да не покинет нас Господь!

Негодующе бормоча под нос проклятья, Оливер Монтбелл опустился на траву. Я был поражен самообладанием сэра Роже, вот воистину великий вождь и полководец! Недаром в его жилах текла голубая кровь короля Вильгельма Завоевателя и бурлящая — Эрма Годфри — бесстрашного пирата, дочь которого и дала жизнь Роже де Турневилю.

— Может быть,— произнес барон,— все не так и страшно. Главное — действовать решительно, и тогда победа всегда будет на нашей стороне. У нас есть пленные, за них можно потребовать хороший выкуп. А если понадобится, мы заставим их взять в руки свои пищали — с которыми, надо сказать, они неплохо умеют обращаться — и идти против своих. Выше голову! В конце концов, что мешает нам отступить — у нас достаточно небесных кораблей, могущих сокрыть нас в глубинах мироздания. Но, что касается меня, то лично я предпочитаю сражаться! Вера наша крепка, Бог не оставит нас! Тот, кто помог Иисусу Навину остановить Солнце, поможет и нам справиться с вергорцами, будь на то его воля. Мы заставим врага отыскать наш дом и, в придачу, набьем корабль золотом! Говорю вам — смелей! Во славу Господа, во славу Англии! На благо всех нас!

Он увлек их пламенной речью, заразил верой. И вот уже рыцари обступили своего полководца и, возложив длани на его меч, поклялись верой и правдой сражаться плечом к плечу, до победного конца.

Прежде чем разойтись спать, мы еще долго разрабатывали дальнейшие планы, большинству из которых, увы, не суждено было осуществиться, ибо, как известно, человек предполагает, а Бог располагает.

Когда уже совсем стемнело, барон взял за руку жену, намереваясь отвести ее в палатку, но леди Катрин заупрямилась и, не слушая его речей, зашептала в лицо безжалостные обвинения. Друг против друга стояли они в темноте враждебной ночи, залитые холодным светом большей из лун. Плечи сэра Роже поникли, он повернулся и, сгорбившись, пошел прочь. Ночевал барон один, в росистом поле, укрытый лишь собственным плащом. Странно было видеть, что храбрейший из воинов так беспомощен пред слабой женщиной. Всеми забытый, лежал он под открытым небом в жесткой траве и казался не победителем, но — побежденным, в этом я усмотрел дурное предзнаменование.

8

Почивали мы весьма долго, но, когда я открыл глаза, было еще темно. Я замерил движение звезд, они двигались совсем медленно — ночи здесь оказались много длиннее земных, и факт этот привел очень многих в расстройство. Когда же люди узнали, что мы не можем вернуться домой, их обуял неистовый страх, скрывать далее, что нас привело сюда предательство, а не добрая воля было невозможно. И все-таки люди привыкли полагаться на мудрость своего барона...

Еще задолго до рассвета появились версгорские лодки, солдаты забеспокоились.

— Не пугайтесь! — воскликнул я посеревшим от страха лучникам, что столпились вокруг Рыжего Джона.— Это — не колдовство! Просто они умеют переговариваться на больших расстояниях. Кто-то из бежавших достиг ближайшего селения, и известие о случившемся распространилось по планете с быстротой молнии.

— Если это не колдовство,— раздалось из толпы,— я хотел бы знать, что же это?

— А хоть бы и колдовство,— резонно заметил я.— Добрым христианам не страшна черная магия! Но на самом деле, это — не более чем высокое знание механики.

— А-а, нехристи-то превосходят добрых христиан,— проворчал кто-то из лучников, но Рыжий Джон быстро заставил его замолкнуть. Я же мысленно приклеил свой болтливый язык.

В неровном бледном свете звезд приближались корабли

к крепости, их было не счесть сколько, и некоторые по размерам чуть ли не превосходили наш разломленный «Крестоносец». Колени мои дрожали под рясой, хоть я и знал, что мы находимся под защитой экрана, и оружейники наши готовы к бою, освоив крепостные бомбарды, которые оказались так же просты в управлении, как корабельные. Любая защита казалась ненадежной и зыбкой пред приближающейся армадой.

Корабли беззвучно зависли над нами.

...Шло время, и когда белесый рассвет заиграл на их стальных корпусах, я, не выдержав, оставил лучников и пошел к сэру Роже.

Тот, в полном вооружении, держа на сгибе руки шлем, сидел на коне и, запрокинув голову, взирал на небо. Увидев меня, он произнес:

— Доброе утро, брат Парвус. Долгой, однако, была тьма.

Сэр Оливер тоже был в седле и, глядя на застывшие над нами корабли, поминутно облизывал губы. Он был бледен, под его большими красивыми глазами обозначились синие тени.

— В Англии,— перекрестившись произнес он,— даже зимние ночи не столь до́лги.

— Что ж,— заметил сэр Роже,— тем дольше будет и день.

Теперь, когда ему предстояло иметь дело с врагом, а не с женщиной, он держался спокойно и уверенно.

— Почему,— не вынес напряжения сэр Оливер,— почему они не нападают?! Чего они ждут?

— Друг мой, ведь это так очевидно,— промолвил барон.— У них достаточно оснований бояться нас.

— Что?! — удивился я.— О, милорд, разумеется, мы — англичане, однако...— Взгляд мой скользнул по нашим жалким шатрам, раскинутым у крепостной стены, по оборванным закопченным солдатам, женщинам, старикам, плачущим детям и вновь остановился на бароне.— Однако,— закончил я,— мы, простите, милорд, сейчас больше похожи на французов.

Сэр Роже улыбнулся.

— Может быть, но им не известны ни те, ни другие. Кстати, мой дед в свое время участвовал в битве при Кентербери, где горстка оборванных шотландцев одними пиками наголову разбила кавалерию Эдуарда II. Что они про нас знают? Только то, что мы взялись невесть откуда, и — если брать во внимание похвальбы Брантитара — сделали то, чего никому до нас еще не удавалось — захватили верегор-

скую крепость. На месте их предводителей я бы тоже сто раз подумал, прежде чем что-либо предпринять, чтобы не угодить как кур в ощип.

Эти слова были встречены дружным хохотом; от нас смех перекатился к лучникам, затем к копьеносцам, и вскоре весь лагерь безудержно гоготал, пленники испуганно задрожали и сбились в кучу.

Когда взошло солнце, несколько кораблей отделились от общей «стаи» и плавно приземлились примерно в миле от нас. Мы не спешили атаковать, и расхрабрившиеся версгорцы принялись воздвигать в чистом поле какое-то сооружение.

— Сэр,— негодующе воскликнул Томас Баллард,— неужели вы позволите им прямо у нас под носом возвести защитную крепость?

— Пусть себе строят. Это лучше, чем если бы они сейчас набросились на нас. Пусть почувствуют себя в безопасности, я хочу дать им понять, что мы согласны на перемирие. Не забывайте, друзья, в нашем положении язык — первое оружие.

Еще несколько кораблей спустилось наземь. Быстро продвигалось строительство, и вскоре образовался круг, чем-то напоминающий Стоунхендж, который был воздвигнут в Англии гигантами еще до Потопа; вокруг него засветился защитный экран, появились передвижные бомбарды; над ним закружились патрульные лодки. И вот тогда версгорцы выслали герольда.

Он выглядел приземистым и несколько прямоугольным, уверенно продвигаясь к нам по ровному полю, металлические доспехи его ослепительно сверкали в лучах утреннего солнца, и мы ясно видели, что идет он с пустыми руками. Сэр Роже двинулся ему навстречу на своей могучей кобыле, я ехал следом, читая на ходу молитвы.

Герольд невольно вздрогнул, когда с головы до пят закованный в железо барон в шаге от него осадил скакуна.

— Если вы,— не теряя присутствия духа дерзко промолвил версгорец,— сделаете все, что мы прикажем, то уйдете живыми.

Я перевел.

— Скажи этому хвастуну,— усмехнулся сэр Роже,— что мы, в свою очередь,— если они сделают все, что мы прикажем, попридержим наши молнии, которые в два счета могут уничтожить их жалкий лагерь.

— Но у нас нет никаких молний, милорд,— возразил я.— Говорить так — нечестно.

— Вы передадите мои слова с точностью до буквы, брат Парвус,— подчеркнуто произнес барон,— и с правдоподобной миной, если, конечно, не хотите испытать на себе мои молнии.

Я повиновался. Но, о, Всемилостивейший, что я был вынужден говорить! Я очень и очень уважаю милорда, но слова его о скромном английском поместье всего в три планеты(!), о недавней победе над четырехмиллионным племенем язычников(!), о том, как он в одиночку, на спор, захватил Константинополь(!), как во Франции за одну ночь он двести раз на двухстах крестьянских свадьбах осуществил право сеньора(!)— буквально шокировали меня.

Единственное, что немного утешало — из-за моего слабого знания вергорского, герольд понял только, что перед ним — могущественный рыцарь, способный противостоять любой силе. Потому, от имени своего господина, он поспешил заключить перемирие, дабы еще раз встретиться и обсудить положение на нейтральной территории. Каждая сторона обязалась направить по десять безоружных представителей в шатер, который специально будет сооружен между лагерями.

— Ну как?! — весело воскликнул сэр Рожэ, когда мы возвращались обратно.— Неплохо я постарался, верно?

— Хм... Полагаю, покровитель воров Святой Днемас, помог вам в переговорах. Но...

— Ну-ну, не бойтесь, брат Парвус, говорите начистоту. Я уже неоднократно убеждался, что на ваших щуплых плечах покоится куда более умная голова, чем у всех моих капитанов вместе взятых.

— Ах, милорд, думаю, что вам удалось провести их ненадолго. Да, вы правы, говоря, что пока они в неведении, они будут осторожничать. Но сколько мы сможем их дурачить? Они повидали немало разных миров и народов, у них богатейший опыт. Очень скоро все откроется — и наша малочисленность, и наше вооружение, и отсутствие собственных кораблей... Узнав истину, они не замедлят напасть на нас многопревосходящими силами.

Барон стиснул зубы и, как мне показалось, печально, посмотрел в сторону отдыхающей под навесом леди Катрин в окружении детей.

— Безусловно, вы правы, брат Парвус,— помрачнев, отозвался он.— Я и не надеюсь, что удастся долго водить их за нос.

— Так, что же потом?

— Не знаю... Но, ради Бога, пусть все это останется

между нами. Если люди поймут, насколько мы беспомощны... все погибло.

Я молча кивнул. Сэр Роже пришпорил коня и с победным кличем въехал в лагерь.

9

В полдень Роже де Турневиль собрал Совет.

— Благодарение Создателю,— сказал он,— нам удалось выиграть время. Мы вынудили противника посадить корабли, заставили уважать нас. Теперь мы обязаны использовать отпущенное время с наибольшей пользой, нужно тщательно обыскать крепость — найти нужные нам книги, карты — словом, любую информацию. Мы должны в короткий срок сравняться с версгорцами в военном искусстве. Но все приготовления надлежит сохранять в строжайшей тайне, если версгорцы пронюхают о наших замыслах, тогда...— Сэр Роже выразительно провел ребром ладони поперек горла и обворожительно улыбнулся.

— В самом деле? — Добрый отец Симон слегка позеленел.

Сэр Роже утвердительно кивнул.

— Для вас, отец Симон, у меня тоже есть дело. Брат Парвус, мой переводчик, всегда должен быть при мне, но Бранитар изъясняется на латыни...

— Это слишком громко сказано, милорд,— вмешался я.— Его склонения ужасны! А то, что он вытворяет с неправильными глаголами, в приличном обществе и повторить — грех великий.

— Возможно,— сэр Роже развел руками,— но пока он в достаточной мере не овладел английским, мы можем общаться с ним только посредством священника. Меня интересует, на что годны наши пленные, наверняка придется прибегнуть к их услугам.

— А если Бранитар откажется помогать нам? — спросил отец Симон.— Он безнадежный язычник, если, конечно, у него вообще есть душа. Несколько дней назад, надеясь смягчить для веры его сердце, я читал ему Родословие Адама, но не добрался я и до Иареда, как он уснул.

— Приведите-ка его сюда,— приказал барон оруженосцу.— А заодно отыщите одноглазого Губерта и передайте, что я немедленно хочу его видеть в полной экипировке.

— А вас что беспокоит, брат Парвус? — полюбопытствовал Альфред Эдгардсон, видя мое озабоченное лицо,— По-моему, бояться нечего — что́ мы, недостойные воины, в первый раз держим в руках оружие?! Ну, попотеем немного в

чистилище, зато потом наверняка присоединимся к воинству Святого Михаила и будем вместе с ним охранять священные стены Храма Небесного. Или не так?

Я не хотел высказывать свои тревоги, но, уступив настойчивым расспросам, сказал:

— Быть может, все мы, увы, великие грешники.

— Ну! — вдруг рявкнул сэр Брайен,— чего это вы нюни распустили? В чем дело?

— Мы,— почти шепотом начал я,— даже не потрудились в пути отмечать время. Песочные часы и без того не очень точны, но надо же было их хоть изредка переворачивать. Сколько времени здесь длится ночь? Сколько — день? Какое время сейчас на Земле?

— Не знаю,— удивился сэр Брайер.— Но что с того? К чем вы клоните?

— Ну вот вы, сэр Брайен,— отвечал я,— наверняка завтракали отменной бычьей ляжкой, а уверены ли вы в том, что сегодня не пятница?

Глаза всех присутствующих округлились.

— А воскресенье! — вскричал я.— Кто мне может ответить, когда надо поститься? Как соблюсти Великий Пост, если двоелуние этого мира спутало все? Мы ничего не знаем наверняка!

— Мы погибли! — премного набожный Томас Баллард воздел руки к небу.

— Постойте,— сэр Роже встал.— Я, конечно, лицо не духовное, но разве не сам Господь сказал, что суббота создана для человека, а не человек для субботы?

Отец Симон посмотрел на него с сомнением.

— При чрезвычайных обстоятельствах я могу давать особое отпущение грехов, но в данном случае даже не знаю, имею ли я право...

— О, как мне это не нравится,— вздохнул сэр Баллард— Дурной знак. Господь отвернулся от нас, мы теперь не можем отмечать посты и праздники.

Роже де Турневиль побагровел наблюдая, как мужество оставляет его товарищей, словно вино — разбитую чашу, но, овладев собой, громко рассмеялся и воскликнул:

— Разве не сказал Господь уверовавшим в него: «Ступайте по всему миру и проповедуйте слово Божее твари всякой... Я с вами во все дни до скончания века...» Возможно, в чем-то мы и согрешили, но грех этот, верую, нам простится. Не пристало христианину пресмыкаться во страхе — нужно стремиться выправить положение. Тяжко нам, да, но мы будем вознаграждены! Мы получим богатую дань, как

согнем в дугу Версгорскую Империю, мы еще возрадуемся, увидя, как вылезут из орбит желтые глаза их Императора! И тогда ни у кого не повернется язык сказать, что не сам Господь Бог направил нас на этот путь.— Выхватив меч, блеснувший молнией в свете дня, сэр Роже поднял его над головой крестообразной рукоятью вверх и молвил: — Оружием моим, которое есть и знак креста, клянусь бороться до последнего вздоха во славу Господа! Этим клинком я добуду победу!

Всеобщий торжествующий клич сотряс палатку, и только Томас Баллард по-прежнему был хмур. Сэр Роже наклонился к нему, и я услышал его свистящий шепот:

— И в доказательство своей правоты я, как собаку, убью каждого, кто вздумает мне перечить.

Ни о каких шутках не могло быть и речи.

Привели Бранитара.

— День, добрый,— добродушно поприветствовал его барон.— Ты, Бранитар, должен помочь нам допросить пленных и разобраться в оружии и механизмах.

Версгорец гордо выпрямился и произнес:

— Не будем тратить время на слова. Убей меня и покончим на том. Я недооценил вас, и это стоило многих жизней моему народу. Больше от меня вы ничего не услышите.

— Ну, что ж. Я ожидал этого. Где одноглазый Губерт?

— Я здесь, сэр. Ваш старый добрый Губерт явился по первому зову своего господина.— Вперед выступил палач де Турневиля, подпоясанный прочной пенькой, в костлявой руке он сжимал топор.— Я как раз бродил тут, неподалеку, цветы искал для меньшей моей внучки. Да Вы ее знаете — прелестная златокудрая малютка, ее головку так бы украсил венок из маргариток! Думал найти хоть что-нибудь, напоминающее наши дорогие линкольнширские маргаритки, я бы сплел ей веночек. Да где уж там...

— Для тебя есть работа,— прервал его сэр Роже.— Этот сицилиец вздумал упрямиться. Надо развязать ему язык. Как, сможешь?

— О, сэр! — Оценивающе обходя вокруг замершего пленника, Губерт с видом крайнего удовольствия громко причмокивал беззубым ртом.— Конечно, сэр. Да благословит Небо моего хозяина. Кое-что я прихватил с собой: тисочки, там, для пальчиков, щипчики и тому подобное. Это займет не много времени, все будет в лучшем виде, не извольте беспокоиться. Вот хорошо бы еще маслица. Я всегда говорил, что в холодный пасмурный день нет ничего лучше пылающей жаровенки с кипящим котелком масла. Лучше спо-

соба согреться не сыщете! О, сэр, на мой единственный глаз навернулась слеза благодарности. Да, сэр. Позвольте-ка взглянуть на него получше. Так... так-так...— Распоясавшись, он принялся хозяйственно обмерять пенькой Бранитара.

Версгорец отшатнулся: он уже достаточно знал английский, чтобы понять суть дела.

— Вы не посмеете! — вскрикнул он.— Ни одна цивилизованная раса...

— Ну-ка дайте-ка ваши пальчики, сеньор.— Губерт извлек из сумки тиски и примерил их к голубым пальцам Бранитара.— В самый раз будет!

Палач достал связку ножей, Бранитар судорожно сглотнул.

— Вы, дикари...— задыхаясь, прошептал он.— Хорошо, я согласен. Будьте вы прокляты, дикая стая! Когда придет мой черед...

Сэр Роже торжествовал. Но вдруг лицо его омрачилось, он повернулся ко мне.

— Брат Парвус...— Он взглянул на палача, глуховатый Губерт продолжал готовить орудия труда.— Я не смею огорчать его. Не возьмете ли вы на себя труд сообщить ему...

Пришлось утешить старика, пообещав, что при первой провинности Бранитар будет без промедления отдан в его руки. Губерт, естественно, огорчился, но решив, на всякий случай, закончить приготовления, отправился поискать где-нибудь котелочек масла, о чем не преминул сообщить Бранитару.

10

Наступило время встречи.

Дабы не отвлекать капитанов, занимающихся изучением версгорской техники, сэр Роже, помимо меня, взял с собой десять разряженных в пух и прах дам. Кроме того, нас сопровождал десяток безоружных солдат в медных чеканных доспехах.

Когда мы пересекали поле, направляясь к перламутровому строению, воздвигнутому версгорцами не более чем за два часа, барон наклонился к миледи...

— К сожалению,— проговорил он,— я вынужден подвергнуть Вас опасности, дорогая, ибо выбора не имею. Мы должны поразить их роскошью и богатством.

Лицо леди Катрин словно окаменело, остекленевшими глазами она смотрела на гороподобные зловещие корабли версгорцев.

— Я рискую не больше,— промолвила наконец она,— чем мои дети там, в палатке.

— О, Боже,— простонал барон.— Да, я ошибся, не след мне было соваться в этот проклятый корабль. Теперь Вы всю жизнь будете попрекать меня за это?

— Из-за Вашей, как Вы выразились, ошибки эта жизнь будет не такой уж и долгой.

Сэр Роже натянул поводья.

— Но Вы поклялись мне во время венчания!..

— А что, я разве не сдержала клятву?! Я отказала Вам в повиновении? — На ее щеках вспыхнул легкий румянец.— Но в чувствах моих волен один Господь Бог!

— Более, дорогая, я Вас не побеспокою,— ответил барон и отъехал в сторону.

Издали все это выглядело очень благопристойно — пылкий влюбленный рыцарь и его прекрасподушная возлюбленная. Леди Катрин превосходно владела своими чувствами, как и подобает столь высокородной особе. Когда мы приблизились к чудо-шатру, на ее тонком лице не отражалось ничего, кроме высокомерного презрения к врагу. Изящно подав руку барону, она спешилась с необыкновенной грацией и мягко ступила внутрь беседки.

За перламутровыми стенами нас поджидал большой круглый стол, окруженный чем-то наподобие софы с легкими, как пух, подушечками, за столом, по правую руку от нас, восседали вожди версгорцев. Выражение спящих лиц понять было трудно, но глаза их нервно поблескивали. Англичане, разодетые в шелка и парчу, в золотых доспехах, в страусовых плюмажах, в штанах из дубленой кожи, рядом с версгорцами, облаченными в строгие плетеные металлические куртки, украшенные лишь ранговыми значками из металла, напоминающего бронзу, выглядели, что петухи с птичьего двора. Мне показалось, они несколько удивлены контрастирующей простотой моей монашеской рясы.

Я выступил вперед и, молитвенно сложив на груди руки, произнес по-версгорски:

— Для успешного разрешения переговоров и во имя воцарения мира на этой планете позвольте мне прочесть «Отче наш».

— Что? — переспросил предводитель спиелицего племени, величественный версгорец со строгим лицом.

— Прошу тишины! — воскликнул я, не собираясь ничего объяснять: их отвратительный язык не имел слов для молитвы.— Отче наш, иже еси...— начал я, и все земляне преклонили колена.

Краем уха я уловил шепот:

— Я же говорил — они варвары. Это какой-то языческий обряд.

— Посмотрим, не уверен,— так же тихо отвечал вождь.— Например, джары, они прекрасно овладели психологическим тренингом, могут по желанию удваивать силы, останавливать кровь, бьющую из рваных ран, не спать по несколько дней... я сам видел. Они контролируют работу всех своих органов. Это варварство? Как бы не старались наши краснобаи, вы не хуже меня знаете, что в области науки джары преуспели не меньше нашего...

Я отчетливо слышал каждое слово их тайного разговора, они же об этом даже и не подозревали (я вспомнил, что и Бранитар иногда казался мне тугим на ухо; очевидно, версгорцы обладали менее острым слухом, нежели люди. Впоследствии мое предположение подтвердилось: из-за необычайно плотной атмосферы на своей родине, версгорцы здесь, на Териксане, где воздух был такой же, как и в Англии, слышали лишь достаточно громкие звуки, и, как следствие, повышали голос громче обычного. Поэтому их шепот для нас вовсе не был таковым). Я мысленно вознес благодарение Господу за этот подарок судьбы, сам же, не подавая виду, что слышу непредназначенное для моих ушей, продолжал творить молитву.

— Аминь,— закончил я, и мы расселись вокруг стола.

Сэр Роже пристально разглядывал врага своими пронзительными черными глазами. Наконец, спустя несколько минут, он нарушил молчание.

— Я хочу знать, с кем имею честь разговаривать? Здесь есть равный мне по положению?

Я перевел.

— Что вы подразумеваете под «положением»? — спросил предводитель версгорцев.— Я — губернатор этой планеты, со мной старшие офицеры сил обороны.

— Мой господин,— пояснил я,— желает знать, благородны ли вы по происхождению и не унизит ли его общение с вами.

Версгорцы казались совсем сбитыми с толку. Я долго пытался разъяснить им сущность благородного происхождения, используя все, что только можно, из моего скудного версгорского словаря. Мы и так и сяк поворачивали эту тему, пока один из офицеров не обратился к старшему:

— Кажется, я понял, Грас Хуруга. Кажется, они больше нашего разбираются в генетическом планировании и с успехом применяют свои знания. Возможно, их цивилизация

носит агрессивный милитаристский характер, а командные должности занимают специально выведенные для этого особи.— Дойдя до этой мысли, офицер вздрогнул.— Понятно, что они не желают тратить время на разговоры с менее разумными существами.

— Невероятно! — прошептал другой офицер.— Но в наших исследованиях никогда...

— Мы познали только малую часть Великой Галактики,— спокойно ответил губернатор Хуруга.— Мы не имеем права предполагать, что они не столь сильны, как утверждают.

Я внимал тому, что они называли шепотом и, когда Хуруга обратился ко мне, взглянул на него с самой загадочной и горячей улыбкой, на какую только был способен.

— В нашей Империи,— сказал губернатор,— нет деления на «положения», о которых вы говорите. Каждый занимает место по своим заслугам. Я представляю высшую власть здесь, на Терпксане.

— Хорошо,— отвечал на это сэр Роже,— пока весть о нас не дошла до Императора, я буду говорить с тобой.

Я оказался в затруднительном положении, не зная, как перевести слово «император». Ведь, вообразите себе, устройство версгорского государства не имеет аналогов на Земле! Разбогатевшие версгорцы живут в своих обширных владениях, где им прислуживают наемники и рабы; друг с другом они общаются посредством радиосвязи, да изредка наведываются в гости на небесных кораблях. Это — особи без рода и племени, не имеющие понятия о благородном происхождении. Все они равны, и в равной мере могут участвовать в борьбе за богатство и общественное положение.

Только представьте, у них отродясь не было фамилий, все они значились под номерами в Центральной Регистратуре! Мужчины и женщины редко могли прожить вместе более нескольких лет. Дети с младенчества отправлялись в школы, где и пребывали до совершеннолетия, ибо родители считали их скорее обузой, нежели благословением.

Однако государство это, казавшееся на первый взгляд республикой свободных граждан, на самом деле являло собой отвратительнейшую форму тирании, и даже более жестокую, чем та, которую довелось испытать человечеству в бесславные дни Нерона.

Версгорцы не были обременены ни привязанностью к отчизне, ни сыновней любовью, ни обычной дружбой. И, как результат,— каждый член общества наг и беззащитен пред всесильным правительством Империи. Вспоминаю Англию:

когда король Джон слишком зарвался в своем высокомерии, он тут же натолкнулся на преграду древних родовых законов. Наши лорды нашли средства, чтоб обуздать свирепый нрав короля, добившись при этом дополнительных свобод для всех англичан. Версгорцы же были самой льстивой из всех известных мне рас, совершенно не способной противостоять какому бы то ни было давлению со стороны верховной власти; их продвижение «по заслугам» — как выразился губернатор — означало не более чем «продвижение по заслугам перед имперскими чиновниками».

Но я отвлекся. Вернемся к Хуруге, который, обратив на нас ужасные глаза, произнес:

— Кажется, вы представляете две расы?

— Нет-нет,— поправил его один из офицеров,— я уверен, просто два пола. По всей видимости, они — млекопитающие.

— А... Да— Хуруга посмотрел на дам, остановив взгляд на глубоких декольте (Бесстыдная мода!), и сказал: — Вижу...

Когда я перевел, сэр Рожэ отреагировал следующим образом, он молвил:

— Если они столь любознательны, скажите им, брат Парвус, что наши женщины владеют мечом не хуже мужчин.

Хуруга исподлобья взглянул на меня.

— Меч? — переспросил он.— Вы имеете в виду рубящее оружие?

Обращаться за советом к барону было неподручно, и, мысленно обратясь за помощью к Господу, я ответил:

— Да. Мы находим, что меч — лучшее оружие в рукопашной схватке. Спросите любого, кто вышел живым из Гантуракского побоища.

— М-м-м, да...— протянул один версгорец.— Мы опрометчиво пренебрегали тактикой ближнего боя в течение столетий, Грас Хуруга. Нам казалось, в ней нет необходимости. А помните пограничную стычку с джарами на Уловe-4, где они с потрясающим эффектом применяли длинные ножи?

— Да-да, ужасные длинные ножи...— Хуруга нахмурился.— Но эти пришельцы передвигаются на животных...

— Я думаю, в целях экономии топлива.

— Но зато они более уязвимы — что для луча, что для обычной пули! Все это какое-то доисторическое прошлое: и облачение, и оружие... Да и прилетели они не на своем корабле, а на нашем...— Хуруга вдруг оборвал свои рассуж-

дения и со всей резкостью заявил мне: — Хватит! Я достаточно терпел. Сдавайтесь на нашу милость или мы вас уничтожим!

Я перевел.

— Мы защищены экранами,— хладнокровно парировал сэр Роже.— А ежели надумаете сойтись в рукопашной — добро пожаловать.

Хуруга позеленел.

— Вы вообразили, что защитный экран спасет вас?! — проревел он.— Достаточно одной бомбы — от вас и мокрого места не останется! Она уничтожит все живое!

Я был ошеломлен, но сэр Роже, сохраняя полное спокойствие, сказал мне:

— Мы уже слышали о таком взрывчатом оружии, брат Парвус, не так ли? Наверняка он преувеличивает, желая вселить в нас страх — ни один корабль не в состоянии поднять столько пороха, чтобы уничтожить все сразу. Другое дело, что они могут сбросить не одну бомбу.

— Что же отвечать, сэр? — испуганно пролепетал я.

Глаза барона яростно сверкнули.

— Переведите как можно точнее, брат Парвус. Мы покуда не применяли свою артиллерию, потому как не хотим напрасных жертв, мы рассчитываем разойтись с миром. Но вы угрожаете нам бомбометанием, что ж, попытайтесь. Наша оборона сметет вас, будьте уверены. А вот что делать с пленными... Об их безопасности мы беспокоиться не станем.

По лицам версгорцев было видно — угроза произвела впечатление. Да, даже изверги не могут пойти на убийство соплеменников. Конечно, несколько сот заложников ненадолго задержат кровопролитную развязку событий, но, все равно, это давало нам хоть какой-никакой выигрыш во времени, который, тут же решил я, правильнее всего будет использовать на подготовку душ наших к переходу в мирной.

— Но я вовсе не отказывался выслушать вас,— поспешил заявить Хуруга.— И вы еще не объяснили, зачем явились сюда, с какой целью атаковали Гантурак?

— Вы напали на нас первыми,— ответил барон.— А как говорят в Англии —«Не позволяй собаке кусать больше одного раза». Мой король обязал меня преподать вам небольшой урок.

— Силами одного корабля? — изумился Хуруга.— Нашего корабля?!

На что сэр Роже заметил:

— Как видите, этого вполне достаточно.

Хуруга:

— Исключительно интереса ради — чего вы требуете?

Сэр Роже:

— Возмещения! Вы должны выплатить компенсацию могущественному королю Английскому Ирландскому Уэльскому и Французскому.

Хуруга:

— Послушайте, давайте говорить серьезно.

— Я абсолютно серьезен. И, дабы положить конец кровопролитию, вызываю на ристалище любого сильного духом воина, чтобы сразиться с ним в поединке один на один. Выбор оружия оставляю за вами. Бог поможет правому!

Хуруга:

— Вы что, с ума сошли?!

Сэр Роже:

— Обдумайте свое положение. После того, как мы вас обнаружили, вас, язычников, во всем отстающих от людей, сразу стало ясно — от варваров только и жди подвоха. Вы своим существованием угрожаете нашему миру, можете нарушить наши системы сообщения или напасть на окраинные планеты. А посему, вас необходимо уничтожить. Однако мы — народ милосердный, и любое насилие нас всегда огорчает. Я предлагаю самое мудрое решение — вы принимаете присягу вассала.

Хуруга:

— Что! Вы в самом деле думаете... Дикари, разъезжающие на четвероногих, размахивающие ржавыми палками...— Он повернулся к офицерам.— Проклятый перевод, может, мы что-то не так поняли? Вдруг это — карательная экспедиция, и наш корабль — только маскировка... Тогда, вероятно, у них на борту есть и какое-нибудь сверхмощное оружие. Но, может, и действительно — всего-навсего — варвары, в безрассудстве своем угрожающие наимогущественнейшей империи Галактики. Или мы неправильно поняли их претензии? Если так, то как бы себе в ущерб не поступить опрометчиво! Есть идеи?

Я обратился к сэру Роже:

— Милорд, но ведь слова ваши сказаны не всерьез?

— Разве он может быть серьезен! — не удержалась от колкости леди Катрин.

— Разумеется, нет,— барон слегка покачал головой.— К чему королю Эдуарду эти синеликие?! Ему предостаточно Ирландии! Моя задача — вести переговоры на равных и до-

биться гарантий, что они оставят Землю в покое, ну, еще заполучить выкуп, пару-другую мешков золота...

— И господство дома де Турневилей,— насмешливо подхватил я.

— Об этом мы еще поразмыслим,— серьезно отрезал он.— Сейчас не время. Надеюсь, вы понимаете, что мы не можем признаться врагам, что просто заблудились в космосе?

Наконец Хуруга повернулся к нам.

— Ваши претензии абсурдны,— резко молвил он.— Однако, если вы докажете, что и впрямь столь могущественны и сильны, как говорите, наше правительство с радостью направит посла на вашу Землю.

Сэр Рожэ в ответ небрежно кивнул и со скукой в голосе произнес:

— Ваши оскорбительные намеки неуместны. Мой государь примет вашего посла только в том случае, если посол будет с ним одной веры, Истинной веры.

К сожалению, в версгорском словаре не существует понятие «вера», и мне пришлось употребить английское слово.

— Что такое «вера»? — как и следовало ожидать поинтересовался Хуруга.

— Истинная вера — это вера в того, кто есть источник мудрости и справедливости; в того, кого мы вечно молим о наставлении на путь истинный.

— О чем это он, Грас? — пробормотал один офицер.

— Понятия не имею,— прошептал Хуруга.— Может, эти... хм... англичане имеют в виду какой-нибудь гигантский мозговой центр, вычислительную машину, к которой они обращаются за советами... не знаю. Вот уж, проблема с этим переводом. Давайте пока отложим все вопросы, не спускайте с них глаз, следите за каждым движением. Потом обсудим.

— Может пошлем сообщение на Версгориксан?

— Ни в коем случае. Прежде выясним, что к чему. Не хватало еще, чтобы там решили, что мы не в состоянии разобраться сами. Если они варвары... Можете представить, что случится с нашей карьерой, вызови мы на помощь целый флот! — Он обратился к нам— На сегодня переговоры окончены. Продолжим завтра, нам нужно обдумать ваши предложения.

Сэр Роже был явно доволен, хоть и не показывал виду.

— Прежде не помешает договориться об условиях перемирия,— заметил он.

Я уже настолько преуспел в версгорском, что смог объ-

яснить неприятелю, чем отличаются наши представления о перемирии от их совершенно формального подхода к сей проблеме. Короче, обе стороны приняли следующие условия: стрельбу не открывать, но разрешалось сбивать воздушные корабли, появившиеся в зоне видимости. Мы отнюдь не тешили себя иллюзией, что версгорцы свято будут чтить условия договора, мы прекрасно понимали, что они переступят через данное слово, едва уверятся в своей выгоде. Но, с другой стороны, как мудро порешил сэр Роже, того же они ожидают и от нас.

Я счел нужным обратить внимание барона на огромное преимущество противника, особенно в воздушных кораблях. На что сэр Роже ответил:

— И тем не менее мы кое-чего добились. Сдается мне, это дело не кончится одним только выкупом и...

— Вас это радует? — чуть слышно произнесла леди Катрин.

Барон вскочил — кровь отхлынула от его лица,— поклонился Хуруге и вышел...

11

За долгий териксанский день наши люди добились немалых успехов. При содействии Бранитара как консультанта, и отца Симона как переводчика, англичане — да не оставит их Господь! — разобрались с управлением большинством механизмов. Несмотря на то, что принцип устройства так и остался для нас загадкой, использовать их оказалось весьма несложно. Правда, йомены в трудах запоминали символы, тщательно выписанные на приборах, но ведь и геральдика поначалу кажется архисложной наукой, а все-таки каждый деревенский паренек с мельчайшей дотошностью может описать герб своего кумира-рыцаря.

Те же, кто уж совсем был неспособен работать головой, в поте лица трудились на строительстве. А я, будучи единственным человеком, знакомым с версгорским алфавитом, погрузился в изучение обнаруженных в крепости бумаг.

Солнце медленно склонялось к горизонту, окрасив золотом полнеба, когда барон вызвал меня к себе.

Все уже были в сборе, оживленные, с надеждой в глазах. Я хорошо знал капитанов, но еще лучше я знал сэра Роже: его сверкающие очи — верный признак того, что он задумал нечто дьявольское. Смутное беспокойство легло мне на душу.

— Вы, надеюсь, выяснили, брат Парвус, где располагаются главные за́мки планеты? — спросил он.

— Да, милорд. Их всего три, и один из них — Гантурак.

— Невероятно! — воскликнул сэр Оливер.— Я не могу в это поверить! Даже корсары...

— Вы забываете, что здесь не объединенное королевство и даже не отдельный феод,— ответил я.— Все версгорцы напрямую подчинены имперскому правительству. В крепостях проживают лишь должностные лица, следящие за правопорядком и взимающие налоги. Да, крепости являются базами космических кораблей и местами расположения воинских гарнизонов, но не забывайте, версгорцы уже давно не ведут настоящих войн, следуя привычке без труда порабощать дикие миры лишь запугиванием. Ни одна раса, вышедшая в открытый космос, не осмеливается объявить им войну. Крайне редко на какой-либо окраине вспыхивает восстание. Но это — крайне, крайне редко. Так что трех крепостей для такой планеты предостаточно.

— Но как велика их мощь? — поинтересовался барон.

— Стуларакс, крепость на противоположной стороне планеты, по силе сравнима с Гантураком. Но главная крепость — Дарова, резиденция проклятого Хуруги самая большая и лучше всех оснащенная крепость планеты. Полагаю, большинство кораблей прилетело именно оттуда.

— А как далеко от нас ближайшая планета синелицых?

— Согласно книгам, в двадцати световых годах, милорд. А Версгориксан — еще дальше, думаю, дальше, чем Земля.

— Все равно, там паверняка уже знают о нас. Этот чертов передатчик...— буркнул капитан Баллард.

— Нет, капитан,— успокоил я.— Передатчик работает со скоростью света, а это — очень долго. Особо срочные депеши перевозятся на кораблях, и, тем не менее, чтобы оповестить императора, требуется несколько недель. Однако, как я понял из их разговоров, они не намерены ставить в известность верховную власть, по крайней мере, какое-то время.

— Ага,— воскликнул сэр Брайен.— Сеньор боится проштрафиться. Он желает самолично возместить ущерб, нанесенный нами... Заурядный образ мысли.

— Но ежели его пощекотать как следует, он, попомните мое слово, поневоле завопит о помощи, предрек сэр Оливер.

— Все равно,— согласился барон.— И я как раз думаю о том, чтобы доставить ему это удовольствие.

Я почувствовал, как мое беспокойство постепенно сменяется уверенностью.

— Но что мы можем предпринять? — уныло спросил Баллард.— Наше оружие уступает тем дьявольским маши-

нам, что заполонили всю равнину. И по численности они превосходят нас, и по количеству кораблей.

— Именно поэтому,— сказал сэр Роже,— я предлагаю напасть на Стуларакс и захватить побольше оружия. Хуруга будет в замешательстве.

— И в свой черед нападет на нас.

— Ерунда, я не боюсь этой схватки. Решительность и отвага — вот наше оружие.

— Но как мы осуществим ваш план, сэр? — усомнился сэр Брайен.— Стуларакс в тысяче миль отсюда, а лететь мы не можем, нас тут же расстреляют.

Сэр Оливер насмешливо вскинул бровь.

— И правда! — улыбнулся он сэру Роже.— Или у вас есть волшебная кобыла?

— Не кобыла,— совершенно серьезно отвечал барон,— но иная тварь. Слушайте...

Это была долгая бессонная ночь. Работа кипела. Подложив катки под один из космических кораблей, йомены впрягли быков и потихоньку покатили небесную махину к лесу под прикрытием коровьего стада, которое мы якобы выгнали пастись. Благодаря темноте и милости Господа Бога наша уловка удалась. Добравшись до леса, мы обрели бóльшую уверенность. По чаще, словно легкие тени, рассыпались многочисленные невидимые разведчики, дабы ни один синелицый не попался нам на пути.

— Да,— заметил Рыжий Джон,— эти парни славно поднатерели в браконьерстве.

Катить корабль по лесу оказалось куда сложнее, и все же к рассвету мы отдалились от лагеря на достаточное расстояние, чтобы взлететь незамеченными неприятелем.

Корабль этот был самый большой из тех, которыми мы располагали, но все-таки по размерам уступал «Крестоносцу», поэтому наиболее мощное оружие мы оставили в крепости. Пришлось довольствоваться несколькими крупнокалиберными пушками.

В то время люди, не занятые перевозкой корабля, трудились над укреплением обороны, они окружили Гантурак потайными ямами и прочими всевозможными ловушками; благодаря усердию йоменов, даже в свете дня разглядеть их было невозможно.

Я тоже весь ушел в работу, но то и дело мне в голову приходила мысль — неужели сэр Роже сошел с ума? Однако, поразмыслив над происходящим, я нашел логику и здра-

вый смысл во всех начинаниях барона. Ведь улететь отсюда мы не могли, ибо дорога к Земле нам неизвестна, во всяком случае — пока, а смерть... да, смерть в честном бою, пожалуй, лучше бесконечного блуждания в неизвестности, среди звезд. Все правильно — мы должны, обязаны напасть на Стуларакс, ведь еще немного и Хуруга разоблачит нас и без труда уничтожит. Своим же нападением мы наверняка введем его в заблуждение, пусть он считает нас более могущественным, более опасным соперником, чем есть на самом деле.

О, сэр Роже великий импровизатор! Он чем-то напоминал бегуна, что бежит, спотыкается, и чтобы не упасть, вынужден еще быстрее переставлять ноги. Но как виртуозно бежал сэр Роже!

Эти рассуждения успокоили меня и помогли скоротать время в ожидании рассвета.

— Дождитесь полудня и взлетайте,— давал наутро сэр Роже последние напутствия сэру Оливеру и Рыжему Джону.— Приземляйтесь где-нибудь в укромном месте, поблизости от Стуларакса, дайте по нему парочку хороших залпов и атакуйте, пока они не опомнились. Хватайте все, что попадется под руку и возвращайтесь. Если увидите, что здесь все спокойно — садитесь туда, откуда взлетели, а ежели застанете сражение, поступайте, как сочтете нужным.

— Понятно, сэр,— Оливер Монтбелл пожал барону руку, и это было их последнее дружеское рукопожатие.

— Подождите, подождите,— вдруг раздался голос спешащей к нам леди Катрин.— Я только что узнала...— торопливо начала она, обращаясь к сэру Оливеру.— О, Господи, как такое возможно?! Двадцать человек против целой крепости!

— Двадцать,— с кривой усмешкой поклонился сэр Оливер,— и я, ваш покорный слуга, миледи.

Обычно бледное лицо леди Катрин слегка порозовело; она прошла мимо окаменевшего мужа, не удостоив его даже мимолетного взгляда, остановилась напротив молодого рыцаря и заглянула ему в глаза. Нежные кровоточащие руки миледи нервно перебирали шнурок.

— Когда мои руки,— прошептала она,— уже не могли держать лопату, я помогала натягивать луки.— Леди Катрин опустила глаза.— Вот, возьмите, мне больше нечего Вам подарить.

Сэр Оливер принял шнурок и в полном молчании спрятал его под камзол, затем на мгновение припал к натруженной руке миледи и, резко повернувшись, зашагал прочь.

Сэр Роже стоял не шелохнувшись.

— А Вы, надо полагать — не глядя на него, бросила баронесса,— сегодня опять будете заседать с версгорцами? — И, не дожидаясь ответа, леди Катрин скользнула в утренний туман, к палатке, которая больше не знала сэра Роже.

Барон подождал, пока миледи скроется из виду, и тоже направился в лагерь...

12

К полудню, когда я оседлал кобылу, чтобы сопровождать барона на переговоры, весь лагерь, уставший от ночной работы, был погружен в сон. Сэр Роже, хотя и не подавал виду, выглядел немного озабоченным.

— Возьмем охрану, милорд? — спросил я.

— Нет нужды,— как-то странно ответил он.— Если Хуруга пронюхал о наших планах, это свидание для нас плохо кончится. Я сожалею, что вынужден подвергать вас опасности, брат Парвус.

Я мысленно согласился с бароном, но счел, что, чем тратить время на сожаления, лучше посвятить его молитвам.

Хуруга встретил нас удивленным взглядом.

— Где ваша свита?

— В молитвах к Богу,— коротко отвечал я, и это почти соответствовало действительности.

— Опять это слово,— пробормотал один спнелицый.— Что ж оно, в конце концов, означает?

— Оно означает следующее...— холодно произнес я и, перебирая четки, начал: — Пресвятая Богородица, радуйся!..

— Разновидность вычислительной машины? — наклонился к Хуруге другой спнелицый.— Вероятно, они не так примитивны...

— Но на что они рассчитывают? — прошептал третий.

— Хватит! — не выдержал Хуруга.— Это заходит слишком далеко. Всю ночь вы копались в своем лагере... Что у вас на уме?

— А у вас? — кротко, как подобает христианину, поинтересовался я.

Хуруга смешался, но, собравшись с мыслями, продолжил:

— Меня волнуют пленники. Я отвечаю за безопасность каждого жителя планеты, и первейшее условие продолжения диалога — их немедленное освобождение! Я не могу вести переговоры с теми, кто позволяет себе надругательство над безоружными версгорцами.

— Нам не остается ничего другого, как удалиться,— поклонился сэр Роже.— Однако это еще не значит, что мы намерены лишать жизни пленников.

— Вы не сойдете с места, пока пленные не окажутся на свободе! — воскликнул Хуруга. Я содрогнулся, а он, мрачно улыбнувшись, продолжал: — На случай всевозможных недоразумений я захватил с собой вот это.— И он вытащил из-под стола блестящую пищаль и направил на нас.

— Что он говорит? — Сэр Роже устало зевнул.

Я поведал ему о намерениях версгорца и добавил:

— Какое вероломство! Мы ведь безоружны...

— Не надо так волноваться, брат Парвус. Никто не давал никаких клятв, а посему скажите этой светлости, что я предвидел такие повороты и позаботился обо всем.— Барон повернул на пальце драгоценное кольцо и сжал кулак.— Если мой кулак по любой причине разожмется раньше, чем я поверну кольцо обратно, то сие вече отправится прямехонько за Святым Петром.

Стуча зубами, я перевел это лживое заявление. Хуруга взвился, как ужаленный, и остекленевшими глазами уставился на меня.

— Это правда? — проревел он.

— П-п-правда,— запинаясь выдавил я.— К-к-кляпусь... Аллахом, истинная правда.

Версгорцы сгрудились в кучу. По их возбужденным голосам я понял, что миниатюрная карманная бомба, о которой намекнул барон, теоретически возможна...

Наконец они угомонились и Фуруга поднял голову.

— Ладно,— уступил он.— Похоже, мы зашли в тупик. Скорее всего вы лжете, но, к сожалению, проверить это я не могу.— Он спрятал пищаль.— Но учтите, если вы не освободите пленных, я передам дело верховному правительству на Версгориксан.

— Вольному воля,— ответил барон,— но к чему торопиться. Если у вас возникнет желание, я могу позволить вашим лекарям посещать узников. Как видите, мы даже согласны на некоторые уступки и даже согласны выставить конную стражу против сарацин.

— Против кого? — Хуруга напряженно сморщил лоб.

— Против сарацин — пиратов-язычников. Как, неужели вы с ними не сталкивались? Трудно поверить, ведь они избороздили весь космос. И, все может статься, вдруг именно в эту минуту какой-нибудь их корабль уже спускается на вашу планету, готовый жечь, грабить,

Хуруга замигал. Отозвав одного своего подчиненного в сторону, он что-то зашептал ему на ухо; на сей раз я не расслышал ни слова. Офицер торопливо ретировался, а Хуруга повернулся ко мне.

— Расскажите подробнее,— попросил он.

— С удовольствием! — Барон откинулся на сиденье скрестив под столом вытянутые ноги.

Я восхищался его самообладанием, но сам не мог унять волнения — по моим расчетам, сэр Оливер уже должен был быть над Стулараксом. А сэр Роже вел себя так, словно в запасе у него была целая вечность, он пустился в пространные рассуждения о том, что англичане столь яростно напали на версгорцев отчасти потому, что коварное нападение последних навело их на мысль, будто синеликие — союзники ненавистных сарацин. Теперь же, когда недоразумение разъяснилось, есть надежда, что со временем англичане и версгорцы достигнут соглашения и даже заключат союз против общего врага.

Тут словоблудный монолог барона был прерван, в шатер вбежал встревоженный офицер, через приоткрывшуюся дверь я узрел поднявшуюся в неприятельском лагере суматоху: словно муравьи в растревоженном муравейнике суетились солдаты; крики, рев оживших механизмов.

— Ну? — рявкнул Хуруга на подчиненного.

— Донесение... Передатчик... затараторил посыльный.— Стуларакса больше не существует. Окрестные жители видели яркую вспышку, видимо, сверхмощная бомба,— задыхаясь доложил он.

Тихонько я перевел барону сообщение офицера, его глаза зажглись торжеством.

Но что произошло? Стуларакс уничтожен? Ведь мы хотели просто добыть оружие! Я терялся в догадках.

Сэр Роже облизал пересохшие губы.

— Скажите, брат Парвус, что это высадились сарацины.

Но Хуруга не дал мне возможность исполнить веление барона. Во гневе, тяжело дыша, сверкая налившимися кровью глазами, он поднялся над столом, и вновь в руках его появилась пищаль.

— Ну, все! Довольно! Думали, напали на идиота?! — закричал он.— Кто еще был с вами? Отвечайте. Сколько у вас кораблей?

Сэр Роже медленно привстал, нависнув над низкорослым версгорцем, как могучий дуб над вереском; зловеще улыбаясь, он тронул кольцо на пальце и произнес:

— Думаю, мне пока лучше вернуться в лагерь, а вы возьмите себя в руки.

— Вы останетесь здесь!

— Я ухожу,— не повышая голоса, повторил сэр Роже и гордо вскинул голову.— Кстати, если я не вернусь — пленные умрут.

— О, горе! Идите. Но, знайте,— перемирие закончено. Я не желаю оказаться между двух огней: вы — на земле, ваши друзья — в небе.

— Заложники...— напомнил барон.

— Перемирие окончено,— упрямо повторил Хуруга.— Но я помню о пленных, мы будем биться пешими, без применения тяжелой артиллерии, и пусть,— он стукнул кулаком по столу,— ваше оружие превосходит наше, мы задавим вас числом. Если же умрет хоть один заложник, то уж, поверьте мне на слово, не поздоровится тем пленным, которых захватим мы. Вы, Роже де Турневиль, умрете последним, после того, как на ваших глазах умрут все до единого англичане.

Ничто не отразилось на лице барона, только губы его едва заметно побледнели.

— Что ж, брат Парвус,— тихо сказал он,— получается не совсем так, как я надеялся, хотя и не так плохо, как можно было ожидать. Передайте ему, что если он сдержит свои обещания, то его соотечественникам ничто не угрожает, кроме, разумеется, рикошета и огня со стороны атакующих.— Он помолчал, потом сухо добавил: — Разве я могу убить беззащитных?! Но это не переводите.

Хуруга в ответ слегка склонил голову. Мы, не медля, покинули палатку и, вскочив в седла, направили коней в лагерь.

Мы не торопились, ехали опустив поводья, чтобы еще хоть на несколько минут продлить перемирие и насладиться — может быть, в последний раз — солнечным теплом, ласкающим лица.

— Что же случилось в Стуларакссе? — не выдержал я.

— Не знаю,— отвечал барон.— Но синелицые явно не лгали, говоря о бомбе, которая может стереть в порошок целый город. Жаль, судя по всему, нам не удается разжиться оружием. Помолимся, брат Парвус, за наших мужественных воинов, наверное, они все погибли при взрыве. Ну что ж, будем биться до конца! — Барон расправил плечи.— Англичане, когда их припрут к стене, сражаются еще отважнее...

13

Когда мы въехали в лагерь, барон, словно вернувшись с победной сечи, прогремел троекратное «Ура!».

Позволю теперь себе несколько отвлечься, чтобы описать расположение нашей позиции.

Гантурак, будучи вспомогательной базой версгорцев, не был рассчитан для отражения массированных атак; та его часть, где обосновались мы, состояла из небольшого числа приземистых строений, образующих почти идеальный круг, оснащенный целым веером зенитных бомбард, практически непригодных для стрельбы в горизонтальной плоскости. В крепости мы обнаружили подземную сеть галерей, настоящие катакомбы, куда, под охраной нескольких вооруженных крестьян, поместили пленников, а с ними немощных стариков, детей и скотину. Женщины и все, кто мог держаться на ногах, остались наверху, вскоре им предстоял нелегкий труд оказывать помощь раненым, подносить сражающимся оружие и прохладительный эль.

Воины залегли под невысоким земляным валом, возведенным минувшей ночью со стороны, обращенной к версгорскому лагерю. Лучники чередовались с копьеносцами, на флангах расположились кавалеристы. Защитный экран, бледное сияние которого слабо дрожало над нами, делал бесполезными огнедышащие пищали, поэтому из захваченного оружия мы использовали только стреляющие привычными пулями пистоли.

Итак, позади нас возвышались металлические гантуракские стены, впереди — колыхалась под легким ветром синеватая трава равнины, да где-то далеко впереди темнели небольшие островки леса; над синими холмами лениво проплывали белесые облака — прямо-таки рай небесный.

Готовя бинты, вместе с другими освобожденными от участия в битве, я с грустью думал, почему на столь прекрасной земле обитают ненависть, вражда, человекоубийство.

Но вот, где-то за версгорским лагерем, прогрохотал невидимый с наших позиций воздушный корабль.

Началось!

Все обратили взоры к равнине, на которой показался противник, надвигающийся на нас стройными правильными рядами.

Переднюю линию его составляли тяжеловооруженные, неповоротливые, огромные, как дом, бронированные машины. С душераздирающим ревом они наползали на нас, все в клубах пыли, ощеренные стволами крупнокалиберных

мортир, напоминающие мифических дракопов. Я насчитал их более двадцати, массивных, неуязвимых, гороподобных жуков, передвигающихся на колесах, стянутых широкой металлической лентой. Там, где они проходили, оставались глубокие черные полосы вздыбленной земли. За ними шли пехотинцы, вооруженные длинноствольными пулевыми ружьями, а в арьергарде, замыкая ударные силы, двигалась несметная армада легких боевых машин, удивительно проворных и маневренных, оснащенных небольшими дальнобойными ружьями.

Какой-то йомен, обученный обращению с версгорской артиллерией, оставил окоп и бросился к бомбардам.

— Стой! — крикнул барон де Турневиль, направляя наперерез коня. Куда? — Он плашмя огрел солдата копьем.

— К бомбардам, сэр,— воскликнул йомен.— Надо остановить их, пока они не разрушили наши укрепления.

—А ну, на место! — приказал барон.— Добрые тисовые луки без труда продырявят скорлупу этих улиток-переростков.

Эти слова, прозвучавшие отчетливо и громко, взбодрили приготовившихся к неминуемой смерти воинов, а сэр Роже не счет необходимым объяснять солдатам, что огонь неприятельских орудий может в мгновение ока смести всю нашу оборону, а то и всю крепость.

Между тем враг явно недоумевал, почему это по нему не стреляют, и наверняка ломал голову над тем, какое еще необычное оружие мы держим в секрете. Но вскоре все разъяснилось, первый боевой экипаж провалился в тартарары. Еще двоих постигла та же участь, когда нападавшие наконец сообразили, что это за необычная преграда. Несомненно, к нам благоволили Святые! По своему невежеству мы выкопали слишком широкие и неглубокие ямы, которые сами по себе вряд ли остановили бы эти вездеходные машины, но, к счастью, ожидая нападения на каких-нибудь огромных лошадях, мы щедро утыкали их дно деревянными кольями, именно эти колья, попав в щели оплетки, наглухо заклинили колеса и остановили вражеские громады. Но одна машина, миновав-таки цепь ловушек, приблизилась вплотную к насыпному валу. Грозно рявкнуло огненное ружье, к небу взметнулся столб земли, обнажая брешь в нашем укреплении.

— Господь да поможет правым! — воскликнул Брайен Фиту-Вильям и рванулся вперед, за ним бросилось с полдюжины кавалеристов.

Рыцари полукругом рассыпались по флангу. Расчет ока-

зался верным — вражья махина надумала поохотиться за проворными англичанами, пытаясь взять на прицел ускользающих всадников. Однако недолго длилась игра в догонялки — сэр Брайен быстро направил врага по желаемому пути, и, когда машина провалилась под землю, победно протрубил в боевой рог и вернулся в укрытие.

Остальные бронированные черепахи, не имея возможности обнаружить замаскированные в густой траве ловушки, повернули назад. А ведь все могло сложиться иначе, прорвись хоть одна из них через наши заграждения! Думаю, отзывая тяжелые машины, Хуруга руководствовался и замечанием барона насчет сарацин, опасаясь неожиданной атаки из космоса. Но, в любом случае, как бы не обстояло дело в действительности, версгорская тактика была уязвима во многих отношениях, сказывалось, что синелицым долгое время не приходилось сражаться на земле. Все их хваленые завоевания оказались сродни заурядным облавам, только в космическом масштабе.

Итак, Хуруга приказал своим башням отступать и бросил в бой пехоту и быстроходные экипажи. Мысль его была ясна: он хотел прощупать пути для стальных гигантов.

Синелицые воины бежали пригнувшись, почти полностью скрытые высокой синей травой. Я мог различить только случайный блеск оружия да вехи, которые они ставили, помечая безопасный путь тяжелым машинам. Но и этого хватало, чтобы понять, сколь их много! Тысячи!

Сердце колотилось в груди, горло пересохло, и я невольно взмечтал о кружке эля.

Обогнув солдат, вперед вырвались маневренные машины, стремительно мчащиеся по равнине, точно водомерки по глади озера. Многие исчезли в подземных ловушках, то и дело пропадая из поля зрения, но большинство неотвратимо неслось вперед, приближаясь к скрытым в траве заостренным бревнам, установленным перед самыми брустверами — такие преграды обычно служат для отражения кавалерийских атак. Казалось бы, лошадь — одно, а машина — совсем другое, но эти металлические жучки, несущиеся на нас с бешеной скоростью, были не менее уязвимы, нежели четвероногая тварь. Я видел, как один из них, налетев на всем ходу на препятствие, взвился в воздух, перевернулся и, хлопнувшись оземь, раскололся, что орех. Из другого — от удара хлынула горючая жидкость, и он встал, точно вкопанный, весь объятый пламенем. Третий, резко свернув от препятствия, столкнулся с четвертым, и оба замерли навсегда... Несколько жучков,

преодолев-таки засеку, наскочили на проволочные ежи и прокололи об их острые шипы мягкие резиновые колеса, после чего они могли уже только медленно отползать с поля боя.

Действия противника, догадываюсь, координировались по передатчику, ибо еще уцелевшие машины вдруг выровняли строй, сбавили скорость, но неуклонно продолжали двигаться вперед.

Но тут, раз! Проснулись наши баллисты. Два! Заработали катапульты. Камни, горшки с кипящей смолой обрушились на неприятеля. Строй противника сломался, и тогда выступила наша кавалерия!

Несколько всадников тут же упали, сраженные бешеным шквалом свинца. Но ничто не могло остановить рыцарей — они мчались во весь опор настречу врагу, до которого уже оставалось — рукой подать.

Больше, к сожалению, я не мог наблюдать за ходом сражения — все поле затянуло дымовой завесой, это трава загорелась от пылающей смолы — я только слышал треск ломающихся о машинную сталь копий, клацанье металла да крики дерущихся.

Атака кавалеристов буквально ошеломила врага, от одного столкновения с закованной в броню лошадью начисто сносило прозрачный колпак версгорской машины, а несколько скорых взмахов булавы, меча или топора довершали дело, очищая ее от боевого расчета. В ход шло абсолютно все: и проверенное в вековых войнах английское оружие, и ручные версгорские пистоли, и шарообразные гранаты, взрывающиеся с несусветным грохотом. Конечно, враг имел в своем арсенале аналогичное оружие, но... Короче, преследуемый кавалеристами, противник бросился наутек.

— Трусы! — кричал им вослед сэр Роже, потрясая длинным копьем.— Трусливые насекомые! А ну, стойте и защищайтесь!

Барон, на угольно-черной взмыленной кобыле в сверкающем металле доспехов и развевающемся на ветру плаще, сжимающий гербовый щит, выглядел до ослепительности грациозно и величественно.

Версгорцы, на свою беду, не умели воевать по закопам рыцарства, хотя, пожалуй, были расчетливее и предусмотрительнее нас, но не отважнее. И это дорого им обошлось...

Оставались пехотинцы, приближавшиеся к земляному валу, без разбору палящие из ружей. По приказу сэра Роже всадники вернулись назад. Увидев, как барон повернул

копя, вересгорцы с торжествующим криком кинулись вперед. Но в этот миг, сквозь шум и грохот, царящие над лагерем, я явственно различил короткую команду Рыжего Джона. И в небо сразу же взметнулась дружная стая «серых гусей». Не успевала первая стрела достигнуть цели, лучник выпускал вторую, и так без счета. Стрелы буквально косили нападающих, пронзая тела насквозь. Благодаря только одним лучникам враг потерял добрую половину армии.

И тем не менее вересгорцы, как завороженные, упорно стремились в атаку, туда, где их поджидали...

Женщины стреляли наравне с мужчинами и уложили немало синелицых; тех же, кто прорвался к самим укреплениям, встречали топоры, багры, мечи, булавы, а порой и кинжалы. Враг нес невероятные потери, но все еще превосходил нас числом вдвое, если не втрое, правда, для нас это уже ровным счетом ничего не значило. Вересгорцы не носили доспехов, а единственным их оружием, пригодным для рукопашной, был прикрепляемый к ружью нож, не считая, конечно, того, что ружье они иногда использовали как дубинку. Пистоли же их стоили нам всего нескольких убитых и раненых — как правило, в сутолоке боя синелицый, стреляя в англичанина, промахивался даже с очень близкого расстояния, а прежде чем он успевал выстрелить еще раз, наш воин укладывал его алебардой.

Когда же с тыла на вересгорцев обрушилась наша кавалерия, те пришли в полное смятение — в слепом ужасе бежали синие солдаты, не замечая под ногами своих павших товарищей, подгоняемые веселым улюлюканьем развеселившихся всадников. И снова засвистели стрелы, разя отступающего неприятеля.

И все-таки многим, кто уже, казалось, был обречен корчиться на копьях, посчастливилось спастись — сэр Роже, вовремя заметив возвращающиеся тяжелые машины, отозвал англичан в укрытие.

По милости Бога я не видел и не знал, что наши жизни в это мгновение висели на волоске — я оказывал помощь йомену, перевязывая кровоточащие раны.

Атака вересгорцев не пропала понапрасну — машины-черепахи теперь видели, как избежать ловушек и уверенно продвигались по обагренному кровью полю. Казалось, нет никакой возможности миновать столкновения с железными титанами.

Плечи Томаса Балларда, сжимающего древко баронского стяга, поникли.

— Что ж,— вздохнул он,— мы дрались отчаянно и сде-

лали все, что могли. Кто со мной? Покажем этим выродкам, как умирают настоящие англичане!

— Увы, друзья,— произнес сэр Роже; на его усталом лице пролегли глубокие морщины.— За победу отдать жизнь не жалко, но сейчас рисковать нет никакого смысла. Мы должны жить, пусть на положении вассалов или даже рабов — с нами женщины, дети, мы не имеем права бросить их одних на поругание Дьяволу.

— О, Святые! — вскричал сэр Брайен.— Вы сошли с ума, сэр.

Но барон остался непреклонен, только ноздри его затрепетали от гнева.

— Это — приказ,— жестко вымолвил он.— Ни шагу из укрытия!

Вдруг...

Быть может, сам Господь явился спасти детей своих заблудших?!

Над лесом, в нескольких милях за нашими спинами, что-то полыхнуло ярчайшим сине-белым светом, подобно многократно усиленной молнии. Вспышка была столь ярка, что смотревшие в ту сторону на несколько часов ослепли; не сомневаюсь, сия же участь постигла всю версгорскую армию, ведь все они были обращены лицом к божественному зареву.

Налетевший вслед за вспышкой шквал сбивал с ног солдат, сбрасывал всадников с седел; ветер раскаленный, как из печи, срывал палатки, разрывая их в клочья и унося прочь. Затем мы увидели, как над лесом, словно гигантский гриб, поднялось серое облако пыли и дыма, в считанные минуты оно выросло до самого неба.

Прошло немало времени, прежде чем вознесшаяся пыль стала оседать, серая же зловещая туча висела в небе еще несколько часов.

Черепахи остановились. В отличие от нас, версгорцы сразу уразумели, что произошло, что означал сей «гриб». Как выяснилось потом — это была бомба сверхъестественной мощности. Я до сих пор связываю оное событие с вмешательством Нечистого в судьбы мира божьего, хоть и помню, как аббат, цитируя священное писание, любил говаривать, что всякое творение рук человеческих есть благо, правда, ежели создано оно для добрых намерений.

Позже мы узнали, что взрыв тот не самый из самых — он охватил круг всего в полмили диаметром и выбросил сравнительно мало ядовитых лучей, всегда сопровождающих подобные взрывы; к тому же произошел он сравнительно

далеко, чтобы причинить кому-нибудь серьезные увечья.

Верегорцы оказались в затруднительном положении, не зная, чьих рук это дело, они побоялись употребить против нас то же оружие и временно отступили, дабы заняться розыском нового неведомого врага. Стальные громады попятились. В небо взмыли корабли и умчались в разных направлениях с целью обнаружения орудия, из которого был произведен чудовищный выстрел. Как это делается, я и по сей день не разумею — есть, говорят, приспособление (Воистину черная магия!), обнаруживающее на расстоянии большие массы металла.

Однако ничего найдено не было, а пока верегорцы вели усиленные поиски, мы усердно молились за стенами нашей крепости.

— Не хочу быть неблагодарным,— сокрушенно вздохнул сэр Роже,— но, думаю, Бог помог нам руками Оливера. Мы должны разыскать его отряд, пока это не сделали синекожие. Отец Симон, вы должны знать, кто в вашем приходе первый бракопьер?

— Сын мой! — возмущенно воскликнул обиженный капеллан.

— Ну что вы, что вы,— улыбнулся барон,— я вовсе не требую от вас нарушить тайну исповеди. Просто мне надо несколько э... опытных следопытов, которые смогли бы незамеченными проскользнуть в лес и найти сэра Оливера. Пусть он приостановит огонь до особого распоряжения.

— Хорошо, милорд, ваш приказ будет исполнен.

Отведя меня в сторону, отец Симон поручил мне заботу о духовном утешении своих прихожан, покуда он будет в отлучке с небольшим отрядом, но, лишь они ушли, милорд обременил меня делами иными — сопровождать его к верегорцам под белым флагом. Мы надеялись, что у врага достанет разума понять нехитрый смысл белого лоскута, пусть даже они здесь не прибегают к такого рода символике. И мы не ошиблись: сам Хуруга выехал нам навстречу в открытой машине, его синие руки и туго обтянутые синей кожей челюсти дрожали мелкой дрожью.

— Предлагаю вам сдаться,— предложил барон.— Не вынуждайте меня уничтожать ваших несчастных солдат. Обещаю, что лично с вами будут обращаться вежливо, и вы сможете отписать родственникам, чтобы они прислали выкуп.

— Что?! Сдаться варвару? — вскипел верегорец.— И только из-за дурацких ловушек?! Ни за что! — Он вдруг за-

молк.— Вы мне надоели, убирайтесь отсюда, убирайтесь на любом корабле.

— Милорд;— прошептал я,— неужели мы спасены?

— Вряд ли, вряд ли, брат Парвус. Вы забыли, что мы не знаем обратной дороги. Просить помощи их навигаторов — значит обнародовать свою слабость, а тогда они раздавят нас, не позволят уйти... Да и скажите, брат Парвус, вы сможете спать спокойно, оставив это дьявольское гнездо? Даже если мы доберемся до дома? В любой миг на бедную Землю могут свалиться их чертовы корабли! Нет, коли охотишься на медведя, не спеши расседлывать лошадь...

С тяжелым сердцем переводил я слова барона о том, что нам не нужна их паршивая устаревшая посудина, и что, если они не смирятся, мы будем вынуждены опустошить всю планету.

Хуруга только хмыкнул в ответ и повернул вспять.

Мы тоже возвратились в лагерь. Вскорости появился отец Симон с отрядом, и с ними — Рыжий Джон. Мы устроились в укромном месте, и Джон Хейворд держал такую речь:

— Мы летели к замку Стуларакс, встречая на пути и другие небесные лодки, но им до нас не было никакого дела, очевидно, они принимали нас за своих. Зная, что из крепости непременно запросят, кто мы такие, мы посадили корабль в нескольких милях от нее. Затем собрали требучет, зарядили его, и небольшим отрядом пробрались поближе к крепости; на корабле осталось всего несколько человек, в чьи обязанности входило палить по вражьим укреплениям, покуда не обвалятся стены. Мы надеялись, что крепостной гарнизон тут же бросится в лес отыскивать источник стрельбы, а мы тем временем проберемся внутрь, перебьем оставшуюся охрану и, захватив, что возможно, быстро вернемся на корабль...

(Стоит, пожалуй, пояснить, что такое требучет. Это весьма простое, но очень эффективное метательное орудие, представляющее собой рычаг, вращающийся вокруг некоей точки опоры. Длинное плечо заканчивается корзиной для метательного снаряда, а на короткое — кладется камень весом в несколько тонн, который затем, с помощью специального приспособления, поднимается наверх. В корзину опускают снаряд, освобождают груз, он падает на малый рычаг, а длинный, описывая в воздухе дугу, швыряет снаряд в заданном направлении.)

— Ничего сверхъестественного я от этого снаряда не ожидал,— продолжал Рыжий Джон,— он весил не более пя-

ти футов, и мы долго провозились с требучетом, пока отрегулировали его на столь малый вес. Помню, как при осаде одного французского городка, мы бросали камешки весом в одну, а то и в две тонны, и лошадей дохлых швыряли... А тут?! Я недоумевал — что может сделать такая бомба? Нашуметь разве?! Но приказ — есть приказ, и я, ворча, зарядил требучет и отправил ее по назначению. Боже правый! Казалось, разорвалась вся планета! Да, куда там дохлым лошадям! — от замка не осталось и камня на камне, и ходить туда уже было незачем. С корабля для верности пальнули еще парочку раз, на этом и успокоились. На месте Стуларакса зияла огромная оплавленная воронка. Сэр Оливер сказал, что это лучшее из всех оружий, какое он когда-либо видел, и я с ним полностью согласен. Короче, когда мы приземлились неподалеку отсюда и увидели, что здесь творится, то опять собрали требучет и шарахнули одну бомбочку, просто так, для острастки. Вот и все, теперь я снова в вашем распоряжении, сэр.

— А корабль?— воскликнул барон.— Как вам удалось спрятать корабль?

— Ну-у-у...— протянул Хеймворд и улыбнулся.— На всякий случай сэр Оливер пристал к версгорской стае, в суматохе никто ничего не заметил.

Сэр Роже рассмеялся.

— Замечательно,— насмеявшись, кивнул он.— Но и вы пропустили нехудое зрелище, а посему, предлагаю запалить еще один хороший костер. Давай отправляйся-ка, Джон, назад и скажи Оливеру, пусть немедленно начинает обстрел версгорского лагеря.

Рыжий Джон поспешил откланяться, а сэр Роже приказал всем до единого спуститься в подземелье. Но даже там мы ощутили, как содрогнулась земля, и где-то снаружи прокатился глухой раскатистый рев.

Одного взрыва оказалось достаточно, уцелевшие синелицые с быстротой ветра кинулись по своим лодкам, побросав боевую технику.

Когда же последние лучи солнца блеснули в той стороне неба, которую мы обычно называем западом, по всему полю боя уже реяли знамена с английскими львами, мы торжествовали победу.

14

Сэр Оливер предстал перед нами героем рыцарского романа. Глядя на него, я подумал, что подвиги свои он совершал даже с некоторой приятностью для себя — паря в

гуще вражеского флота, он умудрился нагреть на жаровне воды и побриться — он шел по лагерю высоко подняв голову, за ним по ветру развевался алый плащ.

Грязный, пропотевший, в истрепанном платье сэр Роже встретил его возле рыцарских палаток.

— Примите мои поздравления, сэр,— сказал он осипшим голосом.— Вы действовали блестяще.

Рыцарь учтиво поклонился, но мне показалось, что поклон его скорее был адресован выступившей из собравшейся толпы леди Катрин.

— Я не мог сделать меньше, просто не мог с тетивой у сердца,— промурлыкал он, прижимая руку к груди, где покоился драгоценный талисман.

Леди Катрин вспыхнула; взгляд барона метался между ней и сэром Оливером. Несомненно, они составляли прекрасную пару. Я увидел, как рука сэра Роже нервно сжала рукоять меча.

— Идите в свою палатку, миледи,— строго приказал он жене.

— Я должна позаботиться о раненых, сэр,— возразила она.

— Как жаль, что вашей заботы порой не хватает на детей, не говоря уже о муже...— Сэр Роже попытался улыбнуться, но губы его сложились в болезненную гримасу (во время битвы шальная пуля ударилась о забрало, и теперь любое напряжение мышц лица вызывало острейшую боль).— Я сказал, ступайте в палатку!

— Как вы разговариваете с благородной леди, сэр?! — вступился Оливер Монтбелл.

— Вы полагаете, что ваши слащавые рондо приятнее для женского уха? — помрачнел барон.— Или ласковый шепоток, которым назначают свидания?

Баронесса побледнела и смешалась, она не могла найти нужных слов. В воздухе повисло тревожное молчание.

— О, Господи,— наконец воскликнула леди Катрин,— призываю тебя в свидетели! — Это клевета! — И, шурша платьем, она бросилась к палатке; оттуда послышались рыдания, которые среди воцарившегося безмолвия звучали особенно громко и надрывно.

— Вы сошли с ума! — прошипел сэр Оливер, звериным взглядом вперившись в барона.

Сэр Роже стоял поникший и ссутуленный, словно на плечи его свалилась непомерная тяжесть.

— Нет,— тихо выдавил он из себя,— пока еще нет.— Барон поднял голову.— После ужина я хочу видеть всех ка-

питанов чистыми и опрятными. А вам, сэр, надлежит организовать охрану лагеря.

Рыцарь вновь поклонился. Сам по себе сей жест не был оскорбителен, но в этот миг Монтбелл красноречиво подчеркнул им, насколько сэр Роже нарушил все приличия.

...Сэр Оливер приступил к своим обязанностям, и вскоре повсюду стояли дозоры, Затем он, в сопровождении Бранитара, отправился осмотреть останки версгорского лагеря. Синелицый за последние дни изрядно преуспел в английском, хотя по-прежнему говорил не совсем правильно. В сгущающихся сумерках я увидел, как он что-то убежденно доказывал сэру Оливеру, а тот внимал его речам, поминутно кивая в ответ. Слов я не слышал, я тороплся на совет...

Высоко в небе взвивалось пламя костра, вокруг были воткнуты в землю горящие факелы. За небольшим плетеным столиком в кругу огня восседали капитаны, высоко над ними мерцали чужие созвездия. Люди устали, но их горящие глаза были устремлены на барона. Гладко выбритый, одетый в свежую одежду, с сапфировым перстнем на пальце он был, как всегда, подтянут и говорил решительно, хоть голосом тусклым, безжизненным. Искоса я взглянул в сторону палатки баронессы, однако ничего во тьме не разглядел.

— С Божьей помощью мы вновь одержали победу,— говорил сэр Роже.— Теперь оружия у нас даже с избытком. Неприятельская армия разбита, на всей планете осталась всего одна крепость.

Сэр Брайен почесал заросший седой щетиной подбородок.

— Играть с огнем,— сказал он,— конечно, можно до бесконечности. Но если мы останемся здесь, версгорцы, придя в себя, найдут-таки способ расправиться с нами.

— Все верно,— кивнул сэр Роже.— И эта одна из причин, по которым нельзя медлить. А во-вторых, наш лагерь вообще мало пригоден для жизни. Другое дело — замок Дарова, он и больше и надежнее. Захватив его, мы сможем быть абсолютно спокойны. Если Хуруга сам не осмелится снова напасть на нас, не сомневаюсь, он проглотит свою гордость и обратится за помощью к Императору, а тогда против нас выступит вся версгорская армада, думаю, размеры ее вы себе представляете.— Барон сделал вид, что не заметил дрожи, вдруг охватившей капитанов.— Посему, идем на Дарову.

— Противостоять флоту ста миров?! — воскликнул капитан Баллард.— Нет, сэр, ваша гордыня переходит в без-

умне. Домой и только домой пока не поздно, будем молить бога, чтобы он направил наш корабль к Земле.

Сэр Роже грохнул кулаком по столу.

— Клянусь распятьем Христовым! — взревел он.— Вы трусливо готовы поджать хвост и бежать без оглядки, одержав победу, какой не знал сам Ричард Львиное Сердце! Это ли достойно мужчины?!

— Ну да, выиграть-то он выиграл,— проворчал Баллард,— но разорил страну как никто другой.

— Изменник...— прошептал на это сэр Брайен.

Баллард понял, что сгоряча наговорил лишнего и прикусил язык.

— Арсеналы Даровы пусты,— продолжал сэр Роже,— из них выгребли все, дабы вооружить армию, которую мы разбили, захватив почти все их оружие. Нельзя давать им время оправиться! Единственное, на что они в настоящее время способны,— это возвести, может быть, крепостной вал. В их рядах царит паника — я думаю, вопрос о контратаке сейчас не стоит.

— Захватить Дарову и сидеть в ней пока не прибудет их подкрепление? — спросил кто-то.

— И все же, это лучше, чем торчать здесь, верно? — Сэр Роже натянуто засмеялся, ответом были одна-две угрюмые улыбки.

Тем не менее все было решено.

Людям опять не довелось выспаться, под ярким светом двух лун они снова принялись за тяжкую работу.

Пленные механики довольно быстро восстановили несколько не сильно поврежденных транспортных кораблей, и, не тратя времени даром, мы начали погрузку, забив их бездонное чрево множеством всякой техники, машин, оружия... Далее последовали пленники, скотина, армия... Задолго до полуночи корабли, сопровождаемые целой тучей малюсеньких лодок с командой из двух-трех человек, поднялись в воздух.

Да, барон торопился не напрасно — спустя час после нашего отлета автоматическое воздушное судно с мощной бомбой на борту обрушилось на Гаптурак. Но там уже не было ни души.

Все это выяснилось позже, а пока мы спокойно пересекали свободное пространство — вражеских кораблей что-то было не видно — леса, равнины, озера... Потом мы увидели море, огромное внутреннее море. И только через много миль от него, в середине поросшего густым лесом холмогорья, показалась крепость Дарова.

Мы летели навстречу восходящему солнцу, в его лучах постройки Даровы окрасились в розовый цвет. Крепость составляли десять приземистых округлых строений из оплавленного камня, обнесенные настолько толстыми стенами, что казалось, они могли выдержать любой удар. Строения соединялись друг с другом туннелями, и, судя по всему, основная часть замка находилась под землей. Крепость окружали кольцо гигантских бомбард и странного вида металлические установки, торчащие из крепостных стен. Над всем этим, как сатанинская пародия на божественный нимб, сверкал голубоватый купол защитного экрана. И что поразительно — ни одного космического корабля!

К тому времени, я, как, впрочем, и большинство приближенных барона, уже умел пользоваться передатчиком. По приказу сэра Роже, я включил его, и на экране появилось изображение версгорского офицера — тот тоже настраивал аппаратуру, по-видимому, собираясь связаться с нами. Из-за несогласованности действий мы потеряли несколько минут. Наконец, связь была налажена.

Версгорец выглядел весьма бледным, цвета небесно-голубой лазури; он несколько раз судорожно сглотнул, прежде чем спросить:

— Что вам угодно?

Сэр Роже сдвинул брови, его багровое лицо с налитыми кровью глазами выглядело угрожающе:

— Хуругу! — последовал незамедлительный ответ.

— Никак не возможно... Он приказал его не беспокоить.

— Брат Парвус,— воскликнул барон, теряя терпение,— передайте этому недоумку, что я буду разговаривать только с Хуругой и ни с кем более! Я буду вести переговоры исключительно с наместником!

Версгорец коротко взглянул на нас, когда я перевел слова барона, потом склонился над маленьким черным ящичком и, нажав кнопку, произнес в него несколько фраз, которые я не расслышал. Вскоре его изображение сменилось заспанным лицом Хуруги. Протерев глаза, губернатор угрюмо произнес:

— Этой крепости вам не сломить. Дарова — центральная база планеты. В крайнем случае, пострадают лишь наземные укрепления. Лучше не приближайтесь вообще, иначе мы сотрем вас в порошок...

— Ну-ну,— насмешливо отвечал на это сэр Роже.— Хотел бы я знать, как долго вы продержитесь?!

Хуруга в гневе обнажил острые зубы.

— Дольше, чем ты думаешь, скотина!

— Что-то я сомневаюсь,— невозмутимо отвечал барон, чтобы вы были готовы к осаде!

Я долго отыскивал в своем версгорском словаре приблизительный аналог последнего термина, и Хуруга с трудом вник в иносказание, которым я попытался объяснить, что это такое. Когда барон узнал, почему перевод занял столь много времени, он удовлетворенно усмехнулся.

— Я так и подозревал. Эти межзвездные племена имеют в своем арсенале оружие почти такой же разрушительной силы, как меч Святого Михаила; одним взрывом они могут сравнять с землей город, а десятью — смести целое графство. Но разве их войны длятся долго? Да, вполне возможно, что замок этот и выдержит короткий приступ, но вот осаду... Я полагаю, вряд ли! — Барон повернулся к экрану.— Мы приземлимся неподалеку от Даровы,— сказал он Хуруге.— При первой же попытке военных действий с вашей стороны я открываю огонь. Поэтому, во избежание недоразумений, советую вам не вылезать из-под земли. Надумаете сдаться, вызывайте по передатчику — в любое время дня и ночи я — к вашим услугам.

Хуруга осклабился. Мне показалось, я прочел его мысли: «Жди-дожидайся, скоро прибудет карательная экспедиция...»

Экран погас.

Мы расположились в глубокой, окруженной холмами долине, разрезанной черной лентой реки. Место для лагеря, на мой взгляд, было выбрано просто замечательное — в реке полным-полно рыбы, вода холодная, чистая; луга и перелески кишмя кишат всякой дичью. За несколько дней армия отдохнула и повеселела. Вот только барон не давал себе отдыха, думаю, он боялся остаться наедине со своими мыслями. Леди Катрин, оставив детей на попечение фрейлины, открыто разгуливала с Оливером Монтбеллом по территории лагеря. Они не таились, вели себя вполне пристойно, но сэр Роже, видя это, стремился забыться в делах.

На лоне природы, среди лесов и гор, мы чувствовали себя как у Бога за пазухой — крошечные палатки было не разглядеть с воздуха, а корабли наши, постоянно патрулировавшие над Даровой, приземлялись в лесу, в стороне от лагеря. Стоило какому-нибудь вражескому судну приблизиться к нашему расположению, небесные патрули тут же обращали паглеца в бегство. Хуруга разумно предпочитал пассивное наблюдение.

Основная часть наших сил — тяжелые корабли, дально-

бойные орудия и прочее — размещалась где-то в других местах, поэтому сэра Роже я видел не часто. Скитаться с ним в его военных предприятиях у меня не было ни малейшего желания, я предпочитал, оставаясь в лагере, продолжать занятия с Бранитаром, совершенствуя его английский и свой версгорский. Я даже организовал небольшие классы, обучая наиболее смышленых англичан туземной речи.

Барон же, экипированный захваченными в бою версгорскими машинами, которые он увешал щитами и вымпелами, совершал опустошительные набеги на одинокие селения мирян. Ни одно поместье не могло устоять супротив его армии, он грабил, жег, сея разорение и смерть. Много полегло версгорцев от его руки, однако не больше, чем было необходимо. Огромное число синелицых полонил он и содержал в трюмах грузовых судов. Всего пару раз аборигены оказали сопротивление, но что значили их пищали в сравнении с несокрушимой силой барона. Несколько дней хватило, чтобы опустошить всю округу, развея прах несчастных землевладельцев по их собственным полям. Покончив с близлежащими селениями, сэр Роже некоторое время пропадал за океаном, подвергая бомбардировке заморские поселки.

Мне все это представлялось жестокой кровавой бойней, впрочем, не хуже той, что учиняли версгорцы на сотнях других планет. И все же, надо сказать, я не видел логики в действиях барона. Конечно, он поступал так, как принято в Европе, но, когда из корабля вываливали солдаты, тяжело нагруженные трофейным скарбом — золотом, серебром, тканями, прочими драгоценностями — опьяненные версгорским питьем, бахвалящиеся богопротивными подвигами, я невольно содрогался и спешил к Бранитару.

— Не многое в моих силах,— сказал я как-то ему,— но если барон вздумает уничтожить пленных, ему придется прежде снести мою голову.

Версгорец с любопытством посмотрел на меня.

— Почему вы заботитесь о нас?

— Как бы там ни было,— отвечал *я*,— все мы — твари Божьи...

Известие об этом разговоре дошло до сэра Роже, и он не замедлил меня вызвать. Проходя по расположению, я обратил внимание на свежевырубленную пленными просеку, сами они толпились тут же, словно овцы, прижимаясь друг к другу и переминаясь с ноги на ногу. Вокруг, наставив на них ружья, стояли часовые. Конечно, присутствие пленных служило нам защитой (версгорцы уже обнаружили лагерь, но сэр Роже позаботился, чтобы губернатор знал о наличии

в нем пленных), однако при виде осунувшихся версгорских женщин с плачущими детьми на руках мое сердце сжалось и наполнилось скорбью.

Барон сидел на табурете и закусывал бараньей ногой. Лучи солнца, пробиваясь сквозь густую листву, играли на его челе.

— Что ж это, брат Парвус,— воскликнул он,— неужели вы настолько симпатизируете этим сиперылым свиньям, что готовы сложить голову на плахе?

Я пожал плечами.

Подумайте, милорд, как подобные деяния отягощают вашу душу...

— Что?! — Барон вскинул густые брови.— Оказывается, нынче грешно освобождать пленных?

Теперь пришел мой черед удивиться.

Сэр Роже продолжал с аппетитом умпнать баранью ляжку.

— Оставим Бранитара и мастеровых,— проговорил он,— остальных — сегодня же в Дарову. Всех до единого, тысячи и тысячи. Как вы думаете, я считаю, сердце Хуруги растает от благодарности, а?

— Ха-ха-ха! — только и выговорил я, утопая по колено в высокой траве.

Барон не изменил своего решения — под крики и понукания йоменов бесконечная колонна пленников вступила в лес. Они шли, перепрыгивая ручьи, переходя в брод речки, продираясь сквозь колкие заросли кустарника, пока впереди не показались неприступные стены Даровы. Йомены остановились, пленные тоже. Несколько версгорцев робко выступили на пару шагов вперед. Англичане, опираясь на копья, весело зубоскалили. Один сиплящий бросился бежать, никто в него не стрелял. За ним — еще один, потом еще и еще. И наконец все несметное полчище пленных устремилось к крепости.

В тот же вечер Хуруга сдался на милость победителя.

— О, это было проще простого— веселился сэр Роже.— Я догадывался, что кладовые замка вряд ли ломятся от снеди, коли в этом мире осады в диковинку. Так вот, во-первых, я дал понять этому губернатору, что намерен опустошить всю планету, за что ему, даже в случае победы, пришлось бы ответить перед лицом верховной власти. А во-вторых, я присовокупил к его гарнизону еще тысячу-другую лишних ртов.— Барон радостно огрел меня по спине.— Ну, брат Парвус, вот мы и покорили целую планету. Как, не желаете стать ее первосвященником?

15

Само собой разумеется, я не мог принять сие предложение. Помимо сложностей, связанных с посвящением в сан, существовало и множество других преград, к тому же, как мне кажется, я уже обрел свое скромное место в жизни. Да и что говорить, в нашем положении это — пустые разговоры. Мы были так обременены разными неотложными делами, что даже Всевышнему Покровителю смогли предложить лишь благодарственную мессу.

Освободив же пленных, сэр Роже обратился по передатчику ко всем жителям Териксана, повелевая неразоренным землевладельцам незамедлительно явиться к нам в лагерь и забрать по несколько бездомных соплеменников. Урок, который мы преподали версгорцам, оказался столь наглядным, что в течение последующих дней лагерь буквально кишел синекожими посетителями. Иметь с ними дело, в основном, приходилось мне, и я забыл, что такое покой и сон. В большинстве своем они были кротки и покорны: стоило победить армию, как обыватели тут же явились преклонить колена перед победителем. Они настолько привыкли к власти всесильного правительства, что и не помышляли ни о каком сопротивлении.

Теперь все внимание сэра Роже перекинулось на обучение англичан песенню гарнизонной службы. Машины замка оказались столь же просты в управлении, как и прочее версгорское оборудование, так что вскоре, освоив нехитрые премудрости, наш гарнизон пополнился новобранцами — женщинами, старичками, подростками. Все они были в состоянии какое-то время отбивать неожиданные атаки врага. Тех же, кто оказался вовсе неспособен овладеть искусством чтения показаний приборов, нажимания кнопок и поворачивания ручек, сэр Роже отослал на отдаленный остров пасти скот. И когда гарнизон переселенного Энсби стал полностью способен к обороне, Роже де Турневиль принялся тренировать солдат, готовя их еще к одной межзвездной операции.

Барон загодя посвятил меня в свои замыслы.

— До сих пор, брат Парвус,— сказал он,— нам сопутствовала удача, но в одиночку не справиться с целой Империей. Я надеюсь, вы достаточно овладели не только их языком, но и письменностью, чтобы проконтролировать работу пленника-навигатора. Очень бы не хотелось, чтобы он завез нас туда, куда нам совсем не надо.

— Да, милорд, я немного изучил принципы составления звездных маршрутов,— ответил я,— они обычно используют

столбцы чисел и работают без рулевых, указывают автомату звезду и гомункулус уже сам руководит полетом.

— Во-во. Именно таким образом Бранитар и доставил нас сюда. Коварная бестия, но слишком нужная, чтобы избавиться от него раз и навсегда. Хорошо, что он не полетит со мной, но, оставляя его в Дарове, я улетаю с неспокойным сердцем.

— Но куда вы направляетесь, сэр?

— Ах, да,— он потер красные от бессонницы глаза,— кроме Версгора есть и другие королевства, малые космические державы, живущие в постоянном страхе перед нападением синелицых Дьяволов. Я отправляюсь искать союзников.

Все вроде было ясно, но я колебался.

— Ну,— требовательно произнес барон,— что вас еще беспокоит?

— Вы уверены, милорд, что они пойдут за вами? До сих пор они не решались стать на тропу войны, как же горстка отсталых дикарей, коими для них являемся мы, сможет подтолкнуть их к этому?

— Слушайте, брат Парвус, я уже утомился от подобного нытья. Не так уж мы и невежественны, коль обладаем Истинной верой, или нет? Мы не дикари хотя бы потому, что с легкостью взяли на вооружение всю смертоносную технику версгорцев.

Мне нечего было возразить — барон прав, это — единственная наша надежда, не считая, конечно, полета наугад в поисках обетованной Земли.

Мы занимались снаряжением кораблей, когда солнце над крепостью заслонила громада воздушного фрегата; один вид его, зависшего над нами, подобно грозовой туче, привел людей в трепет. Вдруг передо мною возник Оливер Монтбелл, таща на веревке версгорского офицера; он кивком головы призвал меня следовать за ним, к передатчику. Поставив пленника перед экраном, а сам замерев вне зоны видимости, сэр Оливер, держа наготове меч, заставил версгорца говорить с командиром корабля. Это оказался гигантский грузовоз, регулярно совершающий рейсы к Терпксану. Картина страшных оплавленных воронок на месте Гантурака и Стуларакса повергла его команду в неописуемый ужас. Сбить этот корабль ничего не стоило, но сэр Оливер приказал передать, объясняя исчезновение крепостей, что Терпксан подвергся нападению из космоса, однако силами даровского гарнизона враг был разбит, и теперь ничто не

мешает грузовозу приземлиться в Дарове. Капитан корабля повиновался, но стоило открыться люкам, как внутрь ворвался отряд йоменов под предводительством Оливера Монтбелла, и мирный корабль без особых усилий оказался в наших руках.

Монтбелл стал героем дня — храбрейшим из храбрых рыцарей, блещущим галантностью, тогда как сэр Роже, трудящийся в поте лица с утра до ночи, огрубел еще больше. Сэр Оливер был рядом с ним как Оберон в сравнении с медведем. Добрая половина представительниц слабого пола души в нем не чаяла, но сладкозвучные песни сэра Оливера по-прежнему услаждали слух одной леди Катрин.

В корабельных трюмах нас ждала богатая добыча, особо обрадовали нас тонны и тонны зерна. Скот наш, исхудавший на жесткой синей траве, набросился на него с таким аппетитом, будто это был настоящий английский овес.

— С какой бы планеты ни прилетел этот корабль,— воскликнул сэр Роже,— она будет второй планетой, покоренной в нашем славном походе!

Я перекрестился и поспешил оставить барона.

Времени было в обрез, мы знали, что Хуруга, едва исход битвы за Дарову стал ясен, направил на Версгориксан корабль со срочной депешей, а время, необходимое, чтобы достигнуть этой удаленной планеты, собрать и подготовить к боевым действиям имперский флот, и, наконец, примчаться сюда, утекало день за днем.

Главой гарнизона Даровы, состоящего в основном из женщин, детей и стариков, сэр Роже назначил свою жену. Я не люблю пространные напыщенные речи, коими в великих хрониках обычно описываются сильные мира сего... но не будет преувеличением сказать, что я знал эту супружескую чету не только с внешней стороны, я знал их души. О, как была трогательна сцена их прощания!

Как сейчас у меня перед глазами стоят образы благородного рыцаря и наипрекраснейшей леди. Прощание происходило в опочивальне леди Катрин среди увешанных гобеленами стен, разбросанных по полу шкур, в свете пеярких светильников, среди вещей, которыми баронесса постаралась скрасить свое жилище, чтобы оно не казалось таким чужим и холодным.

Леди Катрин стояла в стороне, пока муж прощался с детьми. По щекам малепькой Матильды текли слезы, но Роберт, хоть и с трудом, сдерживал рыдания, он был настоящий де Турневиль. Расцеловав, обласкав детей, барон медленно выпрямился и подошел к жене. Он был небрит,

жесткая, как проволока, щетина торчала на его обожженном горбоносом лице. Серые глаза были воспалены, а мускул на щеке непрерывно подергивался. И несмотря на грубый камзол йомена и залатанные штаны, сэр Роже все же выглядел чистым и опрятным.

— Пора.

— Да.— Леди Катрин вся сжалась.

— Я верю...— Барон откашлялся.— Я думаю, Вам не придется ни в чем нуждаться.

— Да...

— Помните, что все англичане должны овладеть версгорским языком, мы не должны быть глухонемыми среди врагов. Не доверяйте пленным, на каждого пленного — два охранника.

— Да,— кивнула леди Катрин. Локоны ее волос, подобно застывшим морским волнам, покоились на плечах.— Да,— повторила она,— я все помню, я помню, что зерно можно давать только коровам...

— Это, действительно, очень важно, и не забывайте пополнять запасы из версгорских амбаров.

Они помолчали.

— Пора,— опять молвил барон.

— Да будет с Вами Господь, милорд.

Он постоял немного, вслушиваясь в тишину.

— Катрин...

— Да, милорд?

— Вы обижены на меня...— Слова с трудом давались барону.— Я пренебрегал Вами...

Она молча протянула ему руку, и он осторожно коснулся ее.

— Каждому человеку свойственно заблуждаться, милорд.

Сэр Роже с мольбою взглянул в голубые глаза.

— Катрин, подарите мне что-нибудь на память, талисман...

— Ради Вашего благополучного возвращения...— начала она.

Сэр Роже радостно вскрикнул и заключил жену в объятия.

— С победой и только с победой, Катрин! С Вашим талисманом я брошу к ногам Вашим всю Империю! Дайте талисман.

Баронесса высвободилась из его объятий и отступила на шаг. Губы ее дрожали.

— А когда Вы начнете искать Землю, милорд? — прошептала она.

— Какая честь возвратиться в наш маленький дом, оставив все звезды врагу? — тщеславно возразил он.

— О, Господи...— сорвалось с уст миледи, и она вышла.

Барон остался один, в холодных коридорах звучали ее гулкие шаги, затем он вздохнул и стремительно вышел.

16

Поначалу барон думал лететь на одном вместительном корабле, но затем его планы изменились — решено было отправляться небольшой флотилией.

Придворный живописец богато расписал наши суда, и теперь, сверкая золотом и пурпуром, на бортах красовались фамильные гербы де Турневилей и гигантские английские львы.

Вскоре Терпксан остался далеко внизу, а мы окунулись в странное состояние, называемое версгорцами «сверхсветовым полетом», при этом находящиеся на борту, якобы пребывают не в трех, как по Эвклиду, а уж не знаю в скольких измерениях.

Опять со всех сторон нас обступали звезды, и мы коротали время, давая названия незнакомым созвездиям, как то — Рыцарь, Пахарь, Арбалет и другие, в том числе и такие, написать которые даже рука не поднимается.

Путешествие заняло всего несколько дней, но этого нам хватило, чтобы передохнуть и набраться сил, так что, достигнув планетной системы звезды Водавант, мы чувствовали себя бодрыми и посвежевшими.

Как любопытно, прежде мы даже не догадывались о существовании такого множества разнящихся по размерам и цвету солнц... Версгорцы, подобно людям, предпочитали солнца небольшие и желтые, тогда как Водавант была много больше, краснее и холоднее, и имела (случай редкий) всего одну обитаемую планету. Версгорцы, вероятно, нашли ее холодной и тусклой, и поэтому пока не трогали джаров (так называли себя туземцы); они только запретили им, под угрозой истребления, осваивать новые колонии и вынудили подписать невыгодный торговый контракт.

Планета джаров уже нависла над нами, подобно огромному круглому щиту, избитому и проржавевшему, когда показались боевые корабли туземцев. Мы поспешили остановиться, точнее, сбавить скорость, перейдя на «гиперболическую субсветовую орбиту», аналогично поступили и джары. Моя бедная голова буквально раскалывается от этих мудреных задач небесной навигации, поэтому оставим их разрешение астрологам и Ангелам.

Барон пригласил адмирала джаров посетить наш флагманский корабль (естественно, переговоры велись на версгорском языке и, как всегда, при моем содействии). Не вдаваясь в подробности, я передам здесь только самую суть произошедшего тогда разговора и в общих чертах опишу встречу.

Прием был устроен так, чтобы потрясти предполагаемых союзников роскошью и великолепием убранства. Коридоры, от входного шлюза до трапезной, заполонили воины. Лучники надели зеленые камзолы, украсили шляпы перьями и гордо держали в руках свое смертоносное оружие; пехотинцы, в начищенных до блеска шлемах, сомкнули пики, образовав арку вдоль всего прохода. Там, где коридор был достаточно широк и высок, красовались кавалеристы в полном вооружении и в парадных доспехах, со знаменами, щитами и копьями. У самого входа в трапезную стоял главный егерь сэра Роже со сворой борзых у ног и с соколом на перчатке. Гудели трубы, гремели литавры, выли рога, в в неистовом лае заходились собаки — корабль сотрясался от оглушительного грохота, перемещавшегося с приветственными криками.

— Господь Бог и Святой Георг за веселую Англию!

— У-р-р-а!!!

Джары выглядели немного испуганными, проходя извилистыми галереями в украшенную дорогими коврами трапезную, но держались уверенно, с чувством собственного достоинства. Во главе длинного стола, на троне, наскоро сколоченном нашими плотниками, в окружении оруженосцев, восседал Роже де Турневиль.

Как только джары вошли, барон встал и поднял в честь гостей кубок славного английского эля. Он, правда, хотел для подобного случая выставить вино, однако отец Симон, приберегающий его для причастия, отговорил барона, резонно заметив, что дикари все равно не отличат вина от эля.

— Добро пожаловать! — приветствовал барон новоприбывших.

Джары недоуменно переглядывались, пока паж сэра Роже не рассадил гостей на отведенные им места, причем с такими церемониями, будто мы присутствовали на королевском приеме. Затем я прочел молитву, прося Господа благословить сие необычное застолье. Памятуя о том, что джары используют определенные словесные формы для пробуждения скрытых сил разума, я решил про себя: «Если они примут мою торжественную латынь за подобную формулу — их вина, а не мой грех...»

— Рад приветствовать вас на своем корабле, сэр,— сказал Роже де Турневиль, обращаясь к джарскому адмиралу. Мне понравилось, как держался барон, в его глазах словно сквозила какая-то детская проказливость. И только хорошо знавшие его понимали, какая пустота окутывает душу сэра Роже.— Покорнейше прошу простить за столь бесцеремонное вторжение в ваш дом, но вести, которые привели меня сюда, не могут ждать.

Адмирал слегка подался вперед. Он был несколько выше среднего земляпина, но гораздо тоньше и грациознее; тело его покрывала мягкая серая шерсть, голову венчал маленький белый гребешок, под носом торчали кошачьи усики, а глаза были огромные, пурпурные. Во всем же остальном он вполне походил на человека, точнее, он напоминал человека, изображенного не очень искусным живописцем. На нем был облегающий костюм из плотного коричневого сукна с ранговыми нашивками на груди, и по сравнению со сверкающим великолепием наших солдат он и все его восемь подчиненных выглядели скучновато. Звали его Балджад Сер Ван, он занимал один из высших постов в джарском правительстве.

— Мы никогда не думали,— произнес адмирал,— что версгорцы могут настолько довериться чужой нации, чтобы вооружить ее армию собственным оружием. Даже мысль, что у них есть союзники, как-то не укладывается в голове.

Сэр Роже звонко рассмеялся.

— Вы совершенно правы, адмирал. Это трофейные корабли, доставшиеся нам после захвата Териксана.

Балджад был настолько ошеломлен, что его пушистая шерстка встала дыбом.

— Кто вы? — воскликнул он.— Неизвестная межзвездная раса.

— Мы — англичане,— гордо заявил барон, в то же время уклоняясь от прямого ответа. Он не хотел лукавить с будущим союзником больше, чем было необходимо, ибо из-за этого в дальнейшем могли возникнуть различные казусы, сэр Роже прекрасно это сознавал.— Наши владения распространяются на Ольстер, Нормандию, ну и так далее, не хочу утомлять вас перечислением всех планет. Наша цивилизация очень древняя, и летописи наши уходят в прошлое на пять тысяч лет.

Я оставляю без комментариев слова барона, думаю, никто не посмеет отрицать, что Священное Писание начинает отсчет событий со времен Адама.

Балджад ничуть не удивился такому заявлению.

— Вергорцы,— сказал он,— похваляются, что их записи охватывают историю в две тысячи лет с тех самых пор, как их цивилизация восстала из пепла после последней междоусобицы, но мы, джары, ведем свое летосчисление уже восемь тысячелетий.

— А как давно,— полюбопытствовал барон,— вы вышли в космос?

— Два столетия обратно,— отвечал адмирал.

— Понятно. А наши первые шаги в этой области... как давно это было, брат Парвус?

— Около двух с половиной тысячелетий назад, милорд,— нашелся я.— В месте, именуемом Вавилон.

Балджад нервно замигал, а сэр Роже, как бы ничего не замечая, продолжал:

— Вселенная столь огромна, адмирал, что растущее с каждым годом английское королевство до самого недавнего времени не сталкивалось с вергорским доменом. Так случилось, что, ничего о нас не зная, они дерзнули, безо всякого повода (впрочем, это вполне объяснимо, вы же знаете их злобность) напасть на англичан. Мы сами народ очень миролюбивый, о вас же наслышаны от пленных вергорцев, как о племени тоже неприемлющем насилие (они говорили об этом с нескрываемым презрением), поэтому мы и поспешили сюда.— Сэр Роже воздел руки и поднял глаза к сводам залы.— «Не убий!» — одна из наших основных заповедей, нарушить ее — великий грех, но еще больший грех — позволить жестокой, кровожадной вергорской расе продолжать бесчинствовать, изничтожая беспомощных мирных обитателей космических миров.

— Гм...— Балджад потрогал лоб.— А где лежит ваша Англия?

— Адмирал,— Барон укоризненно покачал головой,— неужели вы думаете, что мы поведаем, пусть даже самому благородному из всех незнакомцев, местоположение сокровенной для сердца любого англичанина юдоли до того, как между нами установится полное взаимопонимание? Мы захватили разведывательный звездолет вергорцев,— так что и они тоже не знают, где расположена Англия — мы прибыли сюда, чтобы наказать их и, как я уже сказал, заняли пока Терпксан. Наш король, Эдуард Третий, предлагает вам, джарам, и другим народам, изнывающим под пятой тирана, объединиться для Крестового похода против нечисти. Вместе мы без труда превратим Империю в груду каменьев.

— Разве вы, глава отдельного вооруженного десанта,

уполномочены вести подобные переговоры? — с сомнением поинтересовался адмирал.

— Сэр,— чопорно ответил барон,— мое происхождение очень высоко! Мой предок командовал объединенным флотом королевства!

— Но все равно, ваше предложение так неожиданно, я бы даже сказал — неслыханно... Я не могу... Это надо обсудить!

— Разумеется,— бодро отвечал сэр Роже.— И все же, не тяните с решением. Я даю вам шанс покончить с версгорским гнетом. Англия же, с вами или без вас, все равно не потерпит ненавистной тирании. Если вы разделите с нами все тяготы войны — хорошо, если нет, мы, черт возьми,— англичане, и сами в состоянии навести порядок во Вселенной. Мой совет — присоединяйтесь к Крестовому походу под моим началом! Вперед, к победе!

17

Джары, как и все высокоразвитые народы, были отнюдь не глупы. По всем правилам приличия, нам предложили приземлиться и погостить на планете в ожидании ответа. Странная это была стоянка, меня не покидало ощущение, будто мы очутились в незнающей времени стране эльфов. Стройные величавые башни, соединенные легкими мостками, изящные фосфоресцирующие здания, красивейшие парки, причудливые лодки на голубых озерах... Ученые мужи обсуждали со мной вопросы английского языка; я побывал в лабораториях местных алхимиков; послушал изумительнейшую музыку, которая до сих пор звучит в моих снах. Не стану углубляться в описание всего, увиденного мной,— этому стоило бы посвятить отдельную книгу — скажу только, что даже краткий рассказ об этой удивительной нандревнейшей цивилизации покажется для среднего англичанина еще более неправдоподобным, нежели увлекательные фантазии досточтимого венецианца Марко Поло.

Итак, пока военные и политики, с присущим всем джарам тактом, но весьма настойчиво, засыпáли нас вопросами, к Терриксану уже спешила их экспедиция, дабы на месте разобраться, что же произошло на самом деле. Леди Катрин встретила джаров с большой помпой и дозволила расспросить любого, по их выбору, пленного, предусмотрительно изолировав слишком много знающего Брантара, тогда как все остальные, включая самого Хургу, не могли сообщить ничего, кроме собственных впечатлений относительно нашей неотразимой мощи.

Будучи незнакомыми с многолюдностью человеческой внешности, джары так и не поняли, что гарнизон укомплектован слабейшими, но, пересчитав всех до единого, они изумились, как мы столь незначительными силами повергли в прах процветавшую планету. Вероятно, они решили, что мы обладаем каким-то неведомым оружием. Вид пастухов, разъезжающих на лошадях, женщин, готовящих на кострах пищу, конечно, удивил их, но они с легкостью проглотили объяснения, что мы, англичане, предпочитаем простую свободную жизнь на лоне природы, ведь это был и их идеал быта.

К счастью, из-за языкового барьера, джары вынуждены были ограничиться в основном визуальными наблюдениями, для связной беседы наши люди еще недостаточно владели версгорским. И, слава Богу, неизвестно, что наговорили бы простолюдины по наивности своей — не исключено, что некоторые наверняка пали бы ниц, моля отправить их домой.

А здесь, на Джаре, все разговоры велись через меня, и я высоко держал наше знамя, подыгрывая высокомерию барона, тщательно скрывавшего, что версгорцы со дня на день могут напасть на Дарову, не оставив от английской мощи камня на камне. Напротив, он не уставал похваляться, что Дарова — ни много ни мало — отличная ловушка для врага. Однако, если джары откажут ему в союзничестве, подчеркнул барон, ему придется обратиться за подкреплением к своему монарху.

Это последнее замечание о подкреплении из неведомого района космоса, вторгающегося в их мир, пусть даже с самыми благими целями, сильно обеспокоило джарских вождей. Несомненно, некоторые из них сочли нас авантюристами, отвергнутыми родиной блудными сынами, скитающимися по Вселенной, но большинство имело свое особое мнение.

— Допустим, мы не станем вмешиваться,— рассуждали они.— Даже если это пираты, они достаточно сильны, чтобы, захватив целую планету, не испытывать страха перед Великой Империей. Но вдруг, несмотря на все заверения и клятвы, они столь же агрессивны и кровожадны, как версгорцы? Тогда, оставаясь в стороне, мы окажемся между двух огней. Лучше уж заключить союз с этим Роже, покорить версгорцев и заполучить неплохую добычу. В альтернативе — союз с версгорцами, а это немыслимо!

К тому же воображение джарского народа уже захватили открывающиеся перспективы. Люди видели спокойных уравновешенных англичан, были наслышаны об их блестящей победе. Их фольклор, изобиловавший легендами об

ных прекрасных мирах, только укрепил их в мысли, что перед ними древняя и могущественная раса. О, как они приветствовали сэра Роже, когда прознали о его намерениях! Джар, в отличие от Версгора, являл собой истинно демократическую республику! Голос народа в местном парламенте звучал весьма и весьма внушительно.

Версгорский представитель на Джаре поначалу протестовал, потом перешел к открытым угрозам. Но родина его была далеко, депеши, которые он слал своему правительству, шли долго, и резиденция посла изрядно успела пострадать под камнями джарских ребятишек.

Сэр Роже встречался в парламенте и с посланцами других звездных держав Галактики, с консулами еще двух рас с планет Ашенк и Протан.

Расскажу об одной из встреч с протанином. Как обычно, заседание велось на версгорском языке, но все же не обошлось без некоторых трудностей — протанин, находясь в специальном прозрачном саркофаге с горячим ядовитым воздухом, имитирующем атмосферу его родины, общался с нами через переговорное устройство, причем говорил с таким преужасным акцентом, что я еле улавливал смысл слов. Что он из себя представлял и какое занимал положение, я не понял, да и понять не пытался — для нормального человека погружение в подобные протанские материи... в общем, все это были дебри почище китайской грамоты. Одно я запомнил: он — Третичный Языкомастер северо-восточного Улья. Для себя же я называл его Этальберт.

На сей раз заседание проходило в холодной ультрамариновой зале просторного загородного замка. Пока Этальберт своими щупальцами проделывал манипуляции приветственного толка, сэр Роже с любопытством осматривался по сторонам.

— Окна здесь,— пробормотал он,— огромны, словно люки корабля. Какая роскошь! Штурмовать подобную крепость одно удовольствие!

Начались переговоры.

— Я не вправе,— произнес Этальберт,— навязывать Улью свою точку зрения, только — рекомендации. Однако,— подчеркнул он,— поскольку образ мышления всех моих сограждан практически унифицирован, любые рекомендации — весьма весомы. Но, по той же причине, меня труднее убедить...

Уж да! В этом мы уже успели удостовериться.

Что же касалось ашенков, народ этот был разбит на клапы, и на Джаре присутствовал глава одного из них. Своей

властью он мог в любой миг призвать весь вверенный ему общинной флот, что настолько упрощало достижение договоренности, что я усмотрел в этом помощь Господа. Ведь соглашение, коего мы добивались, было для нас крайне важно.

— Вы, сэр,— заметил барон протанцу,— несомненно знакомы с доводами, которые я приводил джарам. Все они в равной мере относятся и к вам.

С тревогой я всякий раз думал о том, смогу ли справиться со всеми сложностями дипломатических формулировок — я так и не научился мыслить на варварском версгорском языке. Вот и сейчас мне приходилось переводить французский сэра Роже на родной английский, затем английский — на латынь, и только потом, сопоставляя тяжелые латинские фразы с неудобоваримыми версгорскими, я достигал конечного результата. Далее, шла уже не моя работа — представляю, как мучился Этальберт, переводя меня на язык протан. Но до чего удивителен мир твой, Господи!

— Наши Ульи тоже недовольны,— согласился посол.— Версгорцы воспрепятствовали нашему расселению по Вселенной и дерут с нас втридорога за необходимые нам редкие металлы. Правда, мы чувствуем себя в относительной безопасности, в отличие от Джара или Ашенка, наш мир для версгорцев — раскаленная пустыня. И в связи с этим, я не понимаю, зачем нам самим провоцировать нападение?

— По-видимому,— шепнул мне сэр Роже,— у этих сколопендр нет никакого представления о чести.— Но,— произнес он громко,— если Империя падет, вам больше не придется раскошеливаться на металлы, и расселяйтесь вы хоть по всему космосу!

— Так-то оно так,— последовал ответ,— но цена риска куда больше предполагаемого выигрыша. Им ничего не стоит развеять в пыль нашу планету, где гарантия, что мы победим?

— Гарантия в единстве! Версгорцам будет не до нападения — они будут успевать только обороняться.

— Но нас так мало!

— Я уже склонил на свою сторону Ашенкогхли,— безрассудно заявил барон.— И остальные кланы, поверьте, не замедлят последовать его примеру, убоявшись чрезмерного возвышения одного рода.

— Но, милорд,— взмолился я,— консул же еще ничего не решил!

— Переведите слово в слово.

— Это ложь, милорд!

— Это дело времени, мы сделаем ложь правдой! А значит и сейчас ложь — не совсем ложь.

Словоблудие! Казуистика! Я был шокирован, но, скрепя сердце, уступил воле барона.

Этальберт такой новости крайне удивился.

— Вы не перепутали? Ашенкогхли известен своей осторожностью!

— Ха, потому-то он и не объявляет о своем решении громогласно! — вскричал барон, вкладывая в слова всю силу убеждения, однако оптимистические бодрые нотки, звучавшие в его голосе, не воспринимались нечеловеческими ушами протанина.— Но нам-то намекнули, а уж мы все ловим с полуслова.

— Надо проверить,— пробурчал Этальберт, и это означало, что целая гвардия протанских шпионов будет трудиться днем и ночью.

Но и мы не сидели сложа руки. Сэр Роже неплохо поладил с молодым Ашенкогхли, сыном посла. Этот юный кентавр был горяч и тщеславен, его манили богатство и воинская слава — наобещав ему золотые горы, нам удалось получить от него ценные сведения. Он же, по наущению барона, подбросил кое-какие бумаги протанским агентам, проронил, как бы невзначай, нужные слова в нужном месте... И вскоре все, кроме старшего Ашенкогхли, знали, что он дал согласие присоединиться к армии англичан.

В результате Этальберт рекомендовал Ульям вступить в войну. Он, разумеется, не собирался афишировать своего решения, но разве есть такой слух, который не достиг бы ушей сэра Роже,— посулив джарскому чиновнику, заведующему дипломатической почтой, целый архипелаг на Териксане, он получил требуемые доказательства, что протане готовы вступить в войну. Теперь у него был хороший козырь в переговорах с Ашенкогхли, и, действительно, посол незамедлительно призвал весь свой флот, рекомендуя другим родовым старейшинам последовать его примеру. Джары, конечно, не могли остаться в стороне, и Парламент вынес единственно верное решение — война.

Сэр Роже широко улыбался, стоя в окружении английских рыцарей.

— Все очень просто, друзья, я действовал по законам дипломатии. Но эти звездные отшельники разбираются в ней хуже полуграмотных германцев.

— Неужели такое возможно? — воскликнул Оливер Монтбелл.— Они и древнее, и сильнее, и мудрее...

— Первое — да,— кивнул сэр Роже,— второе — не

знаю,— он покачал головой,— ну, а насчет третьего... Стоило делу дойти до интриг, в которых, честно говоря, и я-то не большой мастер, как они оказались сущими младенцами. А почему? Множество столетий народы Земли непрестанно соперничают друг с другом... За что мы так ненавидим французов? А за то, что прощелыга герцог Анжуйский изловчился быть королем и Франции, и Англии одновременно. И к чему это привело? Вот вам всего один небольшой пример! На Земле процветают все виды плутовства и лиходейства, здесь же ни о чем таком и не слыхивали. Здесь испокон веков единственной реальной силой являлся Версгориксан. А у версгорцев одна дипломатия: слабых — уничтожить, равных — покорить. И никто не осмелился поднять против них меч, никому не пришло в голову объединиться. Мне не понадобилось прилагать больших усилий, чтобы сыграть на столь простых вещах, как жажда наживы и стремление превзойти ближнего.

— Ваша скромность вас погубит,— улыбнулся сэр Оливер.

Барон вдруг сделался мрачным.

— Дьявол повсюду строит козни... Враг не дремлет, а тут, сиди теперь, дожидайся, когда соберется армия.

Да, это было тяжкое время. Мы не могли оставить Джару и вернуться к женам и детям — союз, который мало-помалу сплачивался вокруг нас, был еще весьма непрочен. Сэр Роже сотни раз бросался латать вдруг возникающие дыры и прорехи, используя способы, которые будут ему дорого стоить в его тленной жизни. Остальные проводили часы досуга в науках, изучая историю, языки, географию (лучше сказать астрологию) и колдовскую механику. Последнее делалось под предлогом сравнения наших машин с тамошними. По счастью, как выяснилось из показаний пленных, многое из захваченного нами версгорского вооружения было новейших секретных образцов, поэтому демонстрация нашей техники явила эффектное зрелище для собратьев по разуму; без зазрения совести мы выдавали версгорские изобретения за свои собственные, не давая в то же время инородцам ознакомиться с ними достаточно близко.

Вскоре пришла весть о том, что версгорская армада вторглась на Терриксан. В эту ночь барон не смыкал глаз, а наутро вся обстановка его опочивальни была изрублена в мелкую щепу, и обоюдоострый меч сэра Роже нуждался в точиле.

Слава Создателю! Ждать оставалось недолго. Флот Водаванта уже кружил по орбите; несколько десятков военных кораблей прибыло с Ашенка; вслед за ними подоспели боевые суда протан — неуклюжие, гороподобные ящики. Не медля более, объединенная космическая армия оставила Джару.

Первый же взгляд, брошенный на Дарову, когда мы, обойдя версгорских патрулей, вошли в атмосферу Терпксана, утвердили меня в мысли, что дела не так уж плохи. Картина, представшая моим глазам, конечно, была неприглядной, если не сказать ужасной — цветущая некогда планета превратилась в безжизненную пустыню, на сотни миль вокруг крепости простиралась раскуроченная обожженная земля, скалы и те почернели и оплавились от взрывов, ядовитые лучи, улавливаемые только специальными приборами, истребили все живое; пройдет не одно десятилетие, прежде чем сюда сможет вернуться жизнь. Но все же, как ни была страшна открывшаяся взору панорама, Дарова, хвала Всевышнему, была рассчитана на отражение именно таких атак, а леди Катрин своевременно позаботилась о запасах на случай осады. Бомбардировка, понятно, в одно мгновение смела все наземные сооружения, но катакомбы, сколько версгорцы ни старались, оставались в целости и сохранности. Время от времени изуродованная земля вдруг разверзалась, и из нее, подобно языкам аспидов, выскакивали стволы бомбард, изрыгнув огненные молнии, они также быстро прятались обратно. Буквально на наших глазах три версгорских корабля развалились на куски и рухнули вниз, присоединившись ко множеству обломков, оставшихся от прежних атак.

Неожиданно перед нами предстала вся вражеская армада, началось Великое Космическое сражение.

Страшная была эта битва. На огромном небесном пространстве воцарился неописуемый хаос — мелькали, скрещиваясь, смертоносные лучи, душераздирающе свистели снаряды, тут и там сновали крохи-лодки; космические корабли, управляемые гомункулусом, маневрировали так быстро, что люди с трудом удерживались на ногах, и если бы не защитные устройства звездолетов, все несомненно бы сгинули в небесной пучине: корпуса трещали и раскалывались, но космическая пустота не могла ворваться в корабль, так как поврежденные секции автоматически изолировались, а из остальных не прекращая вели огонь.

Таков был обычный способ ведения войны в небе, но сэр Роже и в него внес новшества. Когда он предложил

свой план, джарские адмиралы пришли в ужас. Но барон не отступал, утверждая, что это проверенная тактика англичан (что, в сущности, было истиной, однако на самом деле бароном руководила боязнь, что наши люди выдадут свое неумение в обращении с дьявольским оружием).

Общий план сражения был крайне неортодоксален и мог поставить в тупик кого угодно. Сэр Роже разместил своих людей в многочисленных маленьких, но чрезвычайно быстроходных, космических кораблях и, улучив мгновение, бросил их в самое сердце версгорского флота. Естественно, многие тут же погибли, но остальные неуклонно продолжали прорываться к флагману неприятеля, столь огромному — почти в милю диаметром — что на его борту помещался генератор защитного поля.

Англичане шли напролом. С помощью взрывчатки они пробили стальную обшивку гиганта и, облачившись в расписанные рыцарской символикой космические костюмы, ворвались в нутро вражеского корабля, потрясая мечами, топорами, алебардами. Противник превосходил нас числом, но небольшой отряд английских воинов, захвативший главный корабль, значительно добавил неразберихи ко всеобщей панике. Команда флагмана, не готовая к рукопашной, отбивалась слабо и вскоре спешно покинула корабль. Сэр Роже тоже не замедлил вывести своих людей, и успел как раз вовремя — минуту спустя флагман рассыпался на мелкие части.

Только Всевидящий знает, сыграла ли эта дерзновенная выходка решающую роль в исходе сражения — объединенный флот был гораздо малочисленней и хуже вооружен, нежели версгорский, поэтому даже незначительный успех вдохновлял и обнадеживал. С другой стороны, мы заняли очень выгодную позицию — враг оказался зажатым в тиски между нами и Даровой, крупнокалиберные бомбарды которой, не теряя времени впустую, сбивали версгорские корабли.

К сожалению, в пылу битвы мне не посчастливилось лицезреть Великое Видение, которое довелось наблюдать многим достойным рыцарям,— верхом на коне, пронзая копьем вражеские корабли, словно огнедышащих дракопов, по Млечному пути скакал Святой Георгий. Так это или нет, но спустя несколько часов, версгорцы оставили позиции вместе с четвертой частью своего «непобедимого» флота. Преследовать их мы не стали.

Лодка сэра Роже опустилась на землю. В центральной подземной зале, перепачканный и измотанный, нас приветствовал английский гарнизон; одна леди Катрин успела привести себя в порядок и переодеться в лучшее платье.

Узнав мужа, стоящего в покореженном закопченном космическом костюме в окружении союзников, она воскликнула:

— Милорд!..

Сэр Роже снял сферообразный прозрачный шлем и, откинув мешавшую трубку подачи воздуха, опустился на одно колено.

— Постойте,— произнес он,— не говорите ничего. Позвольте сказать мне. Катрин, любовь моя...

Как во сне она приблизилась к нему.

— Вы победили?

— Это Вы победили, дорогая.

— И теперь...

Он поднялся с искаженным горечью лицом — действительность безжалостно вступала в свои права.

— Совещание,— сказал он.— Подсчеты потерь. Строительство новых кораблей, сбор новых армий. Укрепление коалиции, борьба, бесконечная борьба. Пока синелицые не уберутся восвояси с порабощенных планет...— Он остановился, смертельно побледнел, мне показалось, жизнь оставляет его.— Но сегодня я заслужил право остаться с Вами,— произнес он слова, которые, должно быть, много раз повторял про себя.

Она затаила дыхание.

— Оливер, сэр Оливер жив?

Не услышав отрицательного ответа, леди Катрин перекрестилась, и на губах ее промелькнула слабая улыбка, затем, приглашая всех в замок, протянула гостям руку для поцелуя.

18

Я подошел к описанию самых печальных и тяжелых событий, непосредственным участником которых мне быть не довелось, разве за исключением самого трагического финала.

Сэр Роже ухватился за этот Крестовый поход, как за последнюю соломинку, словно бежал от чего-то, и, в некотором отношении, так оно и было. Я же, повсюду сопровождая барона, попал в водоворот событий, как листок, влекомый бурей; я был его ушами и речью, а в редкие минуты досуга — домашним учителем милорда, и мы занимались вергорским языком до тех пор, пока мое бренное естество выдерживало подобное напряжение; последнее, что я видел, отходя ко сну,— освещенное лампой изможденное лицо барона. Тот же после обычно вызывал к себе джарского лекаря и до рассвета просиживал с ним, изучая язык джаров.

Однако прошло немало недель, прежде чем он начал отчаянно сквернословить на обоих новоосвоенных языках.

Устали барон не знал, и от остальных, включая союзников, требовал такой же энергии. В конечном результате, не имея возможности оправиться от полученного поражения, и версгорцы не знали покоя,— объединенная армия наносила сокрушительные удары, переходя от планеты к планете, очищая звездные миры от синелицей нечисти, оставляя там свои сторожевые гарнизоны. Враг еле успевал обороняться и медленно, но неуклонно сдавал позиции. Большим подспорьем оказалась помощь порабощенного населения, которому, как правило, недоставало лишь оружия да способного предводителя. Но стоило ему получить и то и другое, как доведенные до отчаяния мирные жители набрасывались на ненавистных поработителей с такой яростью, что те — смешно сказать — вынуждены были искать защиты у нас. Джары, ашенки, протане просто за голову хватались, а сэр Роже, напротив, чувствовал себя, как рыба в воде, памятуя французскую жакерию. Изумлению союзников не было границ; авторитет барона рос с каждым днем, пока сэр Роже не превратился в настоящего народного героя, чье лидерство ни у кого не вызывало сомнений.

Перед моим взором стремительно разворачивались события; сменяя друг друга, вереницей проносились планеты, народы, сражения... Слишком много было всего, чтобы хватило места в этой хронике. В общем, ситуация была такова — версгорцы уничтожили все полоненные ими цивилизации, а теперь настал и их черед — Империя рухнула, и сэр Роже уверенно шагал по ее обломкам, где буйно расцветали безграничная бездуховность, анархия, разбой, голод и пр., намереваясь воздвигнуть феодальную систему отношений по образцу, сложившемуся в Европе после падения Рима.

Но в то время, когда он закладывал краеугольный камень в основание будущего общества, на него обрушился страшнейший удар... И даже теперь, годы спустя, глаза мои наполняются слезами при мысли о тех испытаниях, которые довелось пережить славнейшему из живших когда-либо рыцарей, да не оставит Господь душу его!

Предавшие своего господина решились на это не сразу, они медлили, выжидали, и если бы сэр Роже не был столь слеп и доверчив, этого никогда бы не произошло. Не в силах излагать сию измену холодным педантичным языком летописца, я постараюсь вернуться в прошлое и воскресить тех, чьи тела давно обратились в прах, а души нашли приют в бесчисленном стаде небесного Пастыря.

Итак, флотилия оставила Терпксан, начав долгую кампанию по освобождению версгорских колоний. В Дарове разместился джарский гарнизон. Женщины, дети, старики по распоряжению барона поселились на уцелевшем острове, где в свое время пасся наш добрый скот — это была единственная награда, которую мог пока дать своему народу сэр Роже. Люди возводили дома, засевали земли, охотились — словом, занимались тем, чем привыкли заниматься в родном Энсби. Правила ими леди Катрин. При ней находился Бранитар, отчасти как учитель версгорского, но главное, чтобы он не мог поведать союзникам многое из того, что знать им не следовало; посещать остров джарам с Даровы категорически запрещалось. На крайний случай, в ее распоряжении находился быстроходный звездолет.

И если на Терпксане, казалось, воцарилась мирная жизнь, то в сердце баронессы мира не было, душа ее отчаянно боролась с кознями Дьявола. Это началось сразу после отлета сэра Роже. Стоял изумительный летний день, леди Катрин в сопровождении двух фрейлин шла по цветущему лугу. Из ближайшего леса доносились голоса, стук топора, лай собак. Внезапно она замерла, прижав руку к груди. Девушки, обученные хорошим манерам, опустив глаза, отошли подальше в сторону. Из лощины, прихрамывая, вышел Оливер Монтбелл. Он был в изысканном праздничном наряде, и только меч у пояса напоминал о недавних кровопролитных событиях. Обнажив голову, сэр Оливер отвесил грациозный поклон и молвил:

— Ах, это местечко — чистая Аркадия, а старик Хоб, пасущий свиней, которого я только что встретил, словно Аполлон, играющий на кифаре гимн прекрасной Афродите...

— Что случилось? — В лазуревых глазах леди Катрин мелькнула тревога.— Разве флот вернулся?

— Нет.— Сэр Оливер повел плечами.— Проклятая неосторожность — вчера, играя в мяч, я оступился и подвернул ногу. Теперь я так беспомощен, что совершенно бесполезен в битве. Необходимость заставила меня передать свои обязанности юному Хафу Торну. Придется дождаться выздоровления, чтобы присоединиться к товарищам.

— Но Бранитар сказывал о звездных лекарях, которые...— Щеки баронессы пылали.— Их приборы могут заглянуть даже внутрь человеческого тела, их лекарства могут залечить любые раны в считанные дни...

— Да, конечно. Однако барон, вы же знаете, скрывает всяческое неумение с нашей стороны. Вот я и не решился обратиться за помощью к их медикам. Я сказал, что остаюсь

для завершения некоторых дел, а посох мой — наказание за грехи. Как только природа исцелит меня, я тут же присоединюсь к армии.— Он помолчал.— Но это разобьет мне сердце, ведь придется расстаться с вами!

— Барон знает, что вы здесь?

Он кивнул и торопливо сменил тему разговора. Этот кивок был бессовестной ложью — сэр Роже не знал ничего! Никто не осмелился даже намекнуть ему об этом. Я мог бы сказать — барон не поднял бы руку на человека в сутане,— но я сам пребывал в неведении. Последнее время сэр Роже избегал общества Монтбелла, а поскольку в голове у него были дела поважнее, то он о нем и думать забыл, хотя, полагаю, в глубине души барон просто не хотел ничего о нем знать.

Не ведаю, повредил ли сэр Оливер ногу на самом деле или нет, но если это и так, то совпадение весьма странное. И все же, как бы там ни было, я сомневаюсь, что он заранее планировал свое коварное предательство, вероятнее, он хотел только продолжить переговоры с Бранитаром и посмотреть, что из этого получится.

Рыцарь приблизился к леди Катрин.

— Несмотря ни на что,— сказал он,— я благодарен судьбе за столь восхитительный случай...

— Почему же? — Вся дрожа, она отвернулась в сторону.

— Разве вы не догадываетесь?

Он взял ее за руку, но баронесса отдернула руку.

— Прошу вас... Не забывайте, мой муж на войне...

— Вы думаете обо мне хуже, чем я есть на самом деле! — воскликнул рыцарь.— Я скорее умру, нежели хоть взглядом оскорблю вас!

— О, какая галантность...

— И все?! Только галантность? Галантен и забавен, да? Шут на час? Ну что ж, я готов быть шутом прекрасной Афродиты, если не могу стать ее возлюбленным! Позвольте развлечь вас, усладить ваш слух...— И чистым красивым голосом он запел.

— Нет,— леди Катрин отпрянула от него, словно вспугнутая лань.— Я... я поклялась перед Богом... Я дала обет...

— В стане любви существует лишь один обет — обет Любви!

— Я должна думать о детях,— взмолилась женщина, и заходящее солнце заиграло на ее волосах.

— Разве я убеждаю вас в противном. Сколько раз я сам нянчился и с Робертом, и с Матильдой! Надеюсь, с Божьей помощью, делать это и впредь.

Она умоляюще взглянула ему в глаза.

— О чем Вы, Господи?

Сэр Оливер отвел взгляд и, глядя на синий лес, так и не ставший за это время роднее, ответил:

— Ах, нет! Я ничего от вас не требую...

— Но дети, дети...— На этот раз пришел черед баронессы схватить его за руку.— Вы что-то скрываете от меня. Во имя Христа, Оливер, если вы что-нибудь знаете, говорите!

Он повернул к ней лицо.

— Я не посвящен во все секреты барона, Катрин. Я надеюсь с вашей помощью пролить свет кое на что, вы ведь знаете его куда лучше.

— Ни один смертный не может сказать, что знает сэра Роже,— с горечью проронила она.

— Мне кажется,— тихо начал сэр Оливер,— его аппетит растет на глазах. Сначала — Франция, затем — Святая земля. Сюда его занесло злосчастье, и он доблестно сражался — этого я не могу отрицать. Но теперь, когда, казалось, все позади, разве он спешит обратно на Землю? Нет! Он задумал завоевать всю Галактику! Чем это кончится?

— Чем?..— Леди Катрин не могла отвести взгляд от рыцаря.

— Терпенье Господа не беспредельно.— Сэр Оливер сокрушенно покачал головой.— Его безмерные притязания не принесут нам ничего, кроме горя. Его обуял Сатана! Скажите, Катрин, разве по ночам вы не испытывали чувства страха и одиночества? Разве не казалось вам, что в любую минуту вас может настигнуть смерть?..— Он замолчал, потом добавил: — Христос и Пресвятая Богородица не оставят своих детей...

— Но мы ведь не знаем обратной дороги!

— Ее можно отыскать!

— Но сколько на это уйдет времени — год, два, тысяча?

Сэр Оливер не отвечал. Прошло не менее минуты, когда он наконец поднял взгляд.

— Мне бы не хотелось пробуждать в вас напрасные надежды, но Бранитар... Мо и беседы с ним были несколько затруднительны из-за языковой преграды, к тому же он весьма недоверчив, особенно, что касается англичан...

— Не тяните, Оливер!

— Однако... кое-что все-таки удалось узнать. И это позволяет мне думать, что дорогу отыскать можно.

— Что! — Леди Катрин ухватилась за него обеими руками.— Как? Где? Оливер, вы не в своем уме!

— Вовсе нет,— нарочито небрежно ответил он.— Но до-

пустим, что это правда, что Бранитар действительно может указать нам путь (разумеется, за вознаграждение) — как вы считаете, согласится ли сэр Роже отменить Крестовый поход и вернуться на Землю?

— Я... Он...

— Катрин, разве не его слова: «Покуда у версгорцев есть власть, смертельная угроза висит над Великой Британией!»? Разве согласится он отказаться от своих амбиций, даже за возможность вернуться домой? Ни-ког-да! Великая бойня будет продолжаться, пока все мы не отдадим Богу души.— Леди Катрин вздрогнула и перекрестилась.— Вот почему я здесь. Я должен все проверить и перепроверить. А вы, Катрин, не сочтите за труд, подумайте, как реально осуществить открывающиеся возможности. Пока не поздно...

Сэр Оливер вежливо поклонился и, пожелав доброго вечера, скрылся в зарослях.

19

Минуло немало долгих терриксанских ночей, сэр Роже продолжал победное шествие; на одной из планет Джон Хемворд — Рыжий Джон — действительно освободил принцессу. Правда, у нее были зеленые волосы, антенны вместо ушей и никакой надежды на потомство от такого брака, но человекоподобие и исключительная грациозность (что, надо сказать, было свойственно всем ваптуцарам, так они себя называли) сыграли решающую роль. Да и как не понять истосковавшегося по нежности англичанина! Мы же с отцом Симоном дни напролет обсуждали, как в данном случае относиться к запретам Матфея...

Версгорцы попытались контратаковать, базируясь в плотном кольце планетоидов. Сэр Роже после специальных учений вывел лучников, облаченных в небесные одежды, в межзвездное пространство. Ничто не смогло защитить врага от смертоносных стрел англичан, понеся неисчислимые потери, он оставил планетоиды и отступил. Этот знаменитый рейд вошел в историю как «Битва в Метеорах».

Адмирал Балджад полонил три версгорские планеты...

А сэр Оливер тем временем наслаждался обществом баронессы и, под видом уроков, вел коварные нескончаемые диалоги с Бранитаром. И вскорости они достигли взаимопонимания. Оставалось склонить на свою сторону леди Катрин.

Взошли луны, в их млечном свете кроны деревьев отливали серебром; на росистой траве пролегли двойные тени.

Леди Катрин вышла пройтись, как она это часто делала,

когда засыпали дети, а ей не спалось. Набросив мантилью с капюшоном, она брела лугом мимо чернеющих в ночи домов поселка. Остановившись у ручья, журчащего меж камней, баронесса глубоко вдохнула теплый, но чужой аромат териксанских цветов, и припомнился ей запах боярышника, которым венчают майскую королеву, вспомнила, как, едва выйдя замуж, стояла она на белом скалистом причале Дувра, провожая супруга на летнюю кампанию, и махала, махала платком, пока последний парус не скрылся за горизонтом... Теперь он улетел к далеким звездам... Леди Катрин склонил голову, говоря себе, что не должна плакать.

Ночную тишину вдруг нарушил звук струны — по высокой траве к ней шел сэр Оливер. Он уже оставил посох, но, для приличия, до сих пор слегка прихрамывал. Лунные блики играли на массивной серебряной цепи его бархатной куртки. Он улыбался.

— Ого! И нимфы и драконы вышли подышать свежим воздухом!

— Нет.

Несмотря на свою решимость, леди Катрин почувствовала, что ей приятно встретить сэра Оливера — его добродушное подшучивание и непритязательная лесть скрасили ей так много унылых часов, возвращая во времена легкомысленного девичества при дворе короля.

— Нет, добрый рыцарь, не подобает...— Она протестующе повела рукой.

— В такой час, рядом с вами...— что может быть неподобающего?!— игриво воскликнул сэр Оливер.— Ведь в Раю не существует греха...

— Не говорите так.— Она будто очнулась от сладкого сна.— Если уж мы не на Земле, то скорее — в Аду, чем в Раю.

— Рай там, где моя возлюбленная!

— Вы выбрали замечательное место для игры в воздушные замки любви! — насмешливо молвила баронесса.

Монтбелл пахмурился и стал совершенно серьезен.

— Да, палатка или бревенчатая клеть — не место для той, которая повелевает сердцами. И эти поля не годятся для дома ей... и детей ее! Я вижу вас средь роз, королева любви и красоты... Тысячи рыцарей должны скрещивать копья в вашу честь, тысячи менестрелей — воспевать очарование ваше!

— С меня,— со вздохом возразила она,— было б довольно снова увидеть Англию...

Более она не могла вымолвить ни слова.

Монтбелл стоял, глядя в ручей, где переливалось двойное отражение лун. Наконец он поднял руку, и леди Катрин увидела блеснувшую сталь клинка. Она отшатнулась. Но сэр Оливер вознес меч крестообразной рукоятью к небу и бархатным грудным голосом, которой всегда столь умело использовал, молвил:

— Великим символом Спасителя и честью своей клянусь выполнять каждую прихоть вашу!

Меч, сверкнув, исчез в ножнах, и леди Катрин услышала, как рыцарь тихо добавил:

— Если вы этого действительно хотите.

— Что вы имеете в виду? — Она плотнее запахнулась в мантилью, будто внезапно похолодало, ей стало страшно. Веселость сэра Оливера совершенно не походила на ребяческую шутливость сэра Роже, а его внезапная серьезность пугала больше любых угроз мужа. Леди Катрин готова была отдать все, лишь бы сейчас из леса вдруг появился барон.— Никогда не поймешь, что у вас на уме,— прошептала она.

Монтбелл повернул к ней обезоруживающее печальное лицо.

— Наверное, я никогда не обучусь трудному искусству прямой речи, однако в настоящий миг я колеблюсь потому, что мне неимоверно тяжело сказать своей леди...

Баронесса выпрямилась. На какое-то мгновение в потустороннем лунном свете она показалась Монтбеллу удивительно похожей на своего супруга — это было его движение. Но секундное наваждение прошло, перед ним опять стояла леди Катрин.

— Расскажите все! — храбро приказала она.

— Бранитар может отыскать Землю.

Леди Катрин не была слабым человеком, но ей вдруг почудилось, что звезды покачнулись. Потеряв бдительность, она безвольно прижалась к молодому рыцарю. Руки его сомкнулись на тонкой талии, губы скользнули по щеке к ее губам. Леди Катрин слегка отстранилась, он не стал настаивать, и все же она чувствовала себя слишком слабой, чтобы отказаться от его поддержки.

— Это и радостная и печальная весть. Ваш супруг, как я уже говорил, не откажется от войны.

— Но он может отправить домой нас!

Сэр Оливер взглянул на нее холодно и мрачно.

— Вы так думаете? У него каждый человек на счету. Вспомните, что он говорил, покидая Териксан! Как только версгорцы будут окончательно разбиты, он расселит этот мирный поселок по новым мирам, в помощь своим новояв-

ленным герцогам и рыцарям. А сам... Он только кричит об опасности, яко бы нависшей над Англией! Но, поверьте, Катрин, у него и в помыслах нет сделать вас королевой! — Она только вздохнула.— Бранитар сейчас вам все объяснит.— Сэр Оливер коротко свистнул и из темноты выступил версгорец.

Сбежать с острова он не мог, поэтому пользовался теперь большой свободой передвижения. Облачен Бранитар был в красивые сияющие одежды, сидевшие на нем безукоризненно, даже круглое безбородое лицо его с длинными ушами и тупым носом не казалось более отвратительным, а желтые глаза прямо-таки светились весельем.

— Миледи удивлена, как я могу среди бесчисленных звезд отыскать дорогу на ее родную планету? — произнес он на сносном английском.— Действительно, когда погибли навигационные карты, я и сам было отчаялся — слишком много солнц, подобных вашему, лежало на нашем пути. Поиски могли занять тысячелетия, тем более что множество звезд скрыто туманностями, и обнаружить их можно только с близкого расстояния. Разумеется, если бы выжил кто-нибудь из наших навигаторов, он сумел бы сузить район поисков, я же — механик и не разбираюсь в воздухоплавании. Когда я обманул вас — будь трижды проклят тот день (!) — я всего лишь воспользовался автоматикой, рассчитанной на самоуправление...

В груди леди Катрин нарастало беспокойное возбуждение. Высвободившись из объятий сэра Оливера, она выпалила:

— Я прекрасно осведомлена! Барон достаточно уважает меня, чтобы держать в курсе всех дел! Что нового ты открыл?

— Не открыл,— Бранитар развел руками,— просто вспомнил. Эта мысль пришла мне в голову давно, но события разворачивались так, что... Знаете, миледи, есть определенные опознавательные звезды, столь яркие, что используются как маяки. Например, Уловарна, Джарис или Грас. Исходя из их взаиморасположения, можно отыскать нужный район Вселенной. Даже приблизительная визуальная оценка углов позволяет вычислить месторасположение объекта с точностью до двадцати светолет. Радиус этой сферы уже не так велик, чтобы не отыскать желтый карлик — ваше Солнце.

Леди Катрин задумалась.

— Понятно. Значит, если ты запомнил расположение таких звезд, как Сириус, Антарес, Альдебаран...

— Дело не во мне, я могу ошибиться. Нужен навигатор, которому в свою очередь необходим хороший рисунок неба с указанием созвездий и ярчайших звезд, их цвета и размера, как они видны с Земли. При достатке исходных данных он сможет, проанализировав, определить, какие из звезд являются опознавательными. Затем по их расположению он скажет, из какой именно точки пространства велось наблюдение.

— Думаю, я смогла бы начертить созвездия Зодиака...— не очень уверенно произнесла леди Катрин.

— Нет, это не совсем то, миледи. У вас нет навыка определения на глаз типа звезд,— ответил Бранитар.— Не скрою, я тоже в этом не силен, но все же я прошел специальный курс обучения, обязательный у нас для всех членов экипажа, и, пока наш корабль кружил по орбите, мне несколько раз довелось, будучи вахтенным, наблюдать звездное небо Земли. Само собой, я не разглядывал ваши созвездия с целью запоминания, и, честно говоря, даже не помню, как они выглядят...

Сердце леди Катрин сжалось.

— О чем тогда говорить?

— Видите ли, я хочу сказать, что у меня нет осознанных воспоминаний, но мы, версгорцы, знаем, что мозг сложен и не ограничивается одним лишь сознанием...

— О, да, ведь есть еще душа!

— Гм... Я имел в виду несколько иное. Существуют подсознательные глубины разума. Подсознание ничего не забывает, в нем отпечатывается все, вплоть до самых незначительных событий, хоть в какой-то мере воздействующих на органы чувств. Это источник сновидений... Если под контролем опытного медика меня погрузить в состояние гипноза, я достаточно точно нарисую картину земного неба, запечатленную в моем подсознании. Затем искусный навигатор при помощи звездных таблиц обработает мой рисунок. Безусловно, это займет немало времени, возможны многочисленные ошибки, и, чтобы их исключить, придется хорошенько повозиться, шаг за шагом сужая район поисков. Но, в конце концов, нужный сектор будет найден, и тогда можно будет отправляться в полет, отыскивать среди прочих желтых карликов ваше Солнце.

Леди Катрин прижала руки к груди.

— О, Бранитар, какой награды ты хочешь? Милорд дарует тебе целое королевство!

Широко расставив крепкие ноги, Бранитар взглянул в

ее затемненное капюшоном лицо и ответил с доблестью, которую, бесспорно, в нем нельзя было отрицать:

— Какую радость принесет мне королевство, воздвигнутое на обломках Империи моего народа! Зачем мне помогать вам, если помощь повлечет за собой нашествие новых полчищ англичан!

Она сдвинула брови и произнесла с воистину нормандским высокомерием:

— Ты не скроешь свои знания от одноглазого Губерта!

Бранитар невольно вздрогнул.

— Мозг — слишком тонкий механизм, миледи, такими средствами подсознание не пробудить. Вашими варварскими методами ничего не добьешься! К тому же я этого и не допущу! — Его рука скользнула под одежду, выхватывая нож.— Это подарок Оливера, а я отлично знаю, где находится мое сердце.

Леди Катрин тихонько вскрикнула. Рыцарь нежно положил ей руки на плечи.

— Прежде, чем осудить меня,— выслушайте,— мягко начал Монтбелл.— Много недель я наблюдал за Бранитаром. Мы обменивались намеками, говорили обиняками, торговались, как два сарацинских купца, делая при этом вид, что ведем светскую беседу, пока, наконец, Бранитар не потребовал нож как плату за откровенный разговор. Я решил, что подобным оружием он вряд ли повредит кому-либо — ведь даже наши дети вооружены лучше — и выполнил его условие. Он же поведал мне то, что теперь знаете и вы.

Силы оставили леди Катрин — за столь короткое время она пережила слишком много потрясений, изрядно натерпелась страха и одиночества.

— Чего ты хочешь? — выдохнула она.

Бранитар попробовал ладонью лезвие ножа, удовлетворенно кивнул и спрятал оружие.

— Во-первых, нужен хороший медик — версгорец,— очень вежливо сказал он.— Его имя я найду в справочной книге, что хранится в Дарове. Возьмите ее у джаров под любым предлогом. Во-вторых, отыщите опытного навигатора; он будет работать в паре с медиком. Позже потребуется пилот. А еще я настаиваю на двух наших артиллеристах, их можно найти здесь, на Териксане. Союзникам вашим можете сказать, что эти люди нужны вам для разработки нового секретного оружия.

— Что дальше?

— Ну, во всяком случае, муж ваш моей карты не увидит! Мы погрузимся на корабль... Мы будем вооружены зна-

нием, а барон — оружием. Думаю, силы — равные, мы сможем поторговаться: если сэр Роже отказывается от войны,— вы все возвращаетесь на родину, а наша цивилизация дает обязательство никогда не вторгаться во владения земляи.

— А если он не согласится? — Голос ее надломился и потускнел.

Сэр Оливер наклонил лицо и зашептал по-французски:

— Тогда вернемся без сэра Роже — Вы, я... дети... Но пока — никому ни слова об этом.

Леди Катрин закрыла глаза руками.

— Что делать? Отец Небесный! Не знаю, я не знаю, что делать?

— Эта безумная война все равно кончится вашим поражением! — сказал Бранитар.

Сэр Оливер принялся горячо убеждать миледи, душа которой пребывала в полном смятении. В ее сознании вспыхивали несветлые образы дней минувших: обожженные трупы, почерневшая земля, руины; вспомнила, как плакала во время обороны Даровы маленькая Матильда, когда стены сотрясались от разрывов бомб. Потом перед ней проплыли зеленые рощи, леса Англии, где частенько она охотилась с бароном в первые годы замужества; еще она подумала о годах, что предстояло провести ему в кровопролитной войне за высокие цели, которых она не понимала.

Тяжело вздохнув, леди Катрин подняла лицо к холодным лунам, равнодушно осветившим ее слезы, и, наконец, молвила:

— Да...

20

Трудно сказать, что подтолкнуло Оливера Монтбелла к измене. Две силы боролись в его груди — отчасти, безусловно, любовь к миледи, о которой он не уставал ей нашептывать, но, с другой стороны, им двигали и не столь благородные побуждения — он уже парил в тех высотах, каких мечтал достигнуть на Земле, обладая версгорским оружием!

О, благочестивый сердобольный читатель сей хроники, когда ты будешь молиться о душах сэра Роже и леди Катрин, замолви словечко и за несчастную душу Оливера Монтбелла!

Что бы ни скрывалось в тайниках его души, изменник действовал быстро и смело. Не упуская из внимания версгорцев, помогавших Бранитару извлекать из глубин его па-

мяти картину звездного неба, он, покуда вся эта информация собиралась воедино и обрабатывалась с помощью математики более сложной, чем даже арабская, тщательно готовил корабль к отлету, не забывая в то же время о баронессе, поддерживая ее дух пылкими речами, ибо последняя до сих пор пребывала в колебаниях: то плакала, то приходала в ярость, требуя оставить ее в покое.

Периодически прилетали посланцы барона, забирая на вновь захваченные планеты необходимое число людей, привозя почту, адресованную миледи. Письма писал я, под диктовку сэра Роже, несколько смягчая и облагораживая подчас грубоватый слог барона. Но я не погрешу против истины, утверждая, что в лаконичной речи его посланий всегда сквозили любовь и глубокое почтение к супруге. Катрин же в ответных грамотах во всем советовалась с мужем, согласовывая свои действия.

Но пришел час, и леди Катрин решилась.

Объявив людям, что ее вызывает муж, она с детьми и двумя фрейлинами погрузилась на корабль и оставила свою почти обезлюдевшую к тому времени деревню. Монтбелл уже достаточно разбирался в версгорской технике (требовалось нажать лишь несколько кнопок, чтобы взлететь и направить корабль в заданный район). Помимо леди Катрин с ее немногочисленной свитой, с ними летели Бранитар, версгорский медик, навигатор и двое солдат артиллеристов.

Оружие при себе имели исключительно сэр Оливер и леди Катрин, правда, кое-что было припрятано в опочивальне баронессы, но там постоянно находилась хоть одна из фрейлин, а девушки настолько боялись спиелицых, что при одном их виде поднимали сумасшедший крик. И все равно, и Монтбелл и леди Катрин понимали, что нельзя ни на минуту оставлять без присмотра своих, так называемых, «союзников». Совершенно очевидно, что, подвернись случай, Бранитар предаст их и сообщит своему правительству о местонахождении Земли, и уж тогда вся Англия станет заложником, а сэру Роже ничего не останется, как покориться. Даже всего лишь известия о том, что англичане не великая космическая раса, а горстка заплутавших христиан, достаточно, чтобы изменить ход войны не в нашу пользу: союзники будут шокированы и деморализованы, тогда как версгорцы приободрятся и накинутся на нас с новыми силами.

Не знаю, насколько исход войны волновал Монтбелла, но заставить Бранитара держать язык за зубами входило и в его расчеты. Вряд ли замыслы предателя могли осуществиться — я уверен, Бранитар тоже вынашивал ковар-

ные планы и, без сомнения, перехитрил бы молодого рыцаря — но до поры до времени их интересы совпадали.

Здесь нужно заметить, что подобное положение начисто опровергает любые кривотолки относительно чистоты и верности леди Катрин. Она и сэр Оливер не имели возможности даже отдыхать одновременно, ибо один из них всегда должен был бдить с оружием в руках — они не были столь наивны, чтобы не предполагать измены.

Сэр Оливер, не сомневаясь в правильности полученных данных, все равно потребовал доказательств.

Десять дней, разрезая просторы Вселенной, мчался их корабль к намеченной цели. Еще несколько недель ушло в поисках знакомых созвездий...

Не берусь передать чувства, обуявшие людей, когда они увидели Солнце, когда корабль с легким свистом вошел в атмосферу Земли, и где-то далеко внизу промелькнули белые скалы Дувра...

Но в этот миг, согласно обоюдной договоренности, корабль замер, затем, в считанные минуты пронзив атмосферу, устремился обратно, к чужим враждебным мирам.

21

Сэр Роже обосновался на планете, нареченной им Новым Альбионом: во-первых, его люди нуждались в отдыхе, а во-вторых, вместе с новоявленным огромным королевством на барона обрушилось множество вопросов, которые нужно было тщательно и не спеша обдумать. К тому же он затеял длительные переговоры с главным версгорским наместником внешнего звездного скопления; наместник уже готов был сдать все контролируемое им пространство, но, естественно, за соответствующую взятку и определенные гарантии.

— С нашим опытом,— заметил сэр Роже, обращаясь ко мне,— опытом выявления и использования предателей, я могу купить этого хапугу дешевле, чем итальянский городишко. Нашим союзникам такое и в голову не придет, ведь они считают, что версгорцы так же сплоченны, как они сами. Куда им до европейцев! А ведь вполне логично предположить, что как раз-таки территориальная раздробленность синелицых и разжигает в крови страсть к богатству и власти. Они даже более продажны...

— Поскольку не знают Истинной веры!

— М-да, пожалуй, хотя никогда не встречал христианина, который отказался бы от злата по религиозным соображениям. Я считаю, что версгорский тип правления не способствует развитию добропорядочности и верности.

Как бы то ни было, мы получили передышку и расположились лагерем в живописной долине, средь необычайно высоких скал, с которых низвергался величественный водопад, чьи пенящиеся воды стремительно падали в озеро, чистое и прозрачное, как хрусталь, а по берегам росли изумительной красоты деревья. Даже наш неугомонный неряшливый лагерь не мог нарушить это исключительное благолепие.

Как-то тихим теплым днем, отложив на время все дела, я предавался отдыху, перечитывая прихваченный в дорогу фолиант о Святых Чудотворцах. В отдалении слышались редкие выстрелы — то наши гвардейцы упражнялись в стрельбе; ласково пригревало солнце, природа успокаивала, убаюкивала, и я даже задремал над страницей, когда почувствовал, что кто-то тронул меня за рукав.

Разомкнув веки, я увидел испуганное лицо оруженосца барона.

— Брат Парвус, ради Бога, идемте!

— А... что?

— Скорее,— почти простонал оруженосец.

Я подобрал рясу и поторопился за ним.

Свет солнца, пение птиц, легкий приятный ветерок...— все это куда-то исчезло, я слышал только глухие удары собственного сердца, да поднявшуюся из глубины души тревогу — как нас мало, как мы немощны, как далеки от дома.

— Но что случилось? — прокричал я в спину оруженосцу.

— Не знаю, не знаю,— бросил он на бегу.— Сэр Оливер по передатчику потребовал личного разговора с сэром Роже. Не знаю, о чем они там говорили, но барон вышел из палатки спотыкаясь, точно слепой, и потребовал вас. Ох, брат Парвус, на него было страшно смотреть!

В моей голове пронеслась быстрая, как молния, мысль — мы все погибнем, если силы оставят барона. Сердце исполнилось скорби и сострадания — сэр Роже не вынес тяжкой ноши, взяв на себя непосильное бремя забот о наших жизнях!

— Святые Угодники,— воскликнул я,— спасите его!

У входа в легкий сборный джарский шатер маячила огромная фигура Рыжего Джона; он был верхом на лошади и, потрясая луком, орал на волнующуюся бурлящую толпу:

— Назад! А ну, назад! Марш по местам! Клянусь ранами Христовыми, всех отправлю в Ад, всех, кто только сунется к милорду!

Обойдя стороной разбушевавшегося гиганта, я проник в шатер. Там было душно и жарко: солнце, проникая сквозь прозрачные своды, буквально раскалило знакомые родные вещи — оружие на стенах, ковры... Среди мирного домашнего уюта инородным гостем казался нагретый жаркими лучами, но в то же время абсолютно холодный своей чужеземностью, передатчик. Пред ним, уронив голову на грудь, полулежал сэр Роже, его большие руки безжизненно свисали, взгляд потускнел.

— Что случилось, милорд?

Он не шелохнулся.

— Прочь!

— Вы звали меня.

— Сгоряча. Это останется между... Прочь!

Голос его был ровным, но... потусторонним. Мне потребовалось все мое мужество, чтобы не уйти.

— Вероятно, гомункулус, как всегда, оставил запись...

— Вероятно... Надо стереть.

— Нет, ни в коем случае,— возразил я.

Он поднялся, и я почувствовал себя загнанным волком.

— Я не хотел бы причинять вам вреда, брат Парвус.

— Побойтесь Бога, милорд,— коротко ответил я, намереваясь включить запись.

— Если вы нажмете кнопку,— я убью вас, я еще дорожу своей честью!

На секунду преступив черту этикета, я употребил меткое английское выражение, которое не раз отпускал в далеком детстве, и краем глаза увидел, как поникли плечи барона. Не произнеся более ни слова, он рухнул обратно в кресло.

— Милорд, ради всеобщего благополучия, дозвольте мне прослушать.

Он ничего не ответил, и я повернул выключатель.

На экране появилось лицо сэра Оливера, он тоже выглядел не лучшим образом, красота его поблекла, лицо — изможденное, глаза — воспалены. Говорил он ровно и, как всегда, вежливо, однако скрыть возбуждения не мог. Он сообщал, что похищенный им корабль приблизился к Новому Альбиону только на время связи — сразу же после передачи он снова уйдет в безграничные просторы космоса, где отыскать его практически невозможно. Если мы прекратим военные действия, сэр Оливер обещал доставить всех англичан домой, а Бранитар со своей стороны заверил, что версгорский Император не будет вмешиваться в дела Земли. Если же мы станем упорствовать, подчеркнул он, то Вселенная скоро уз-

нает о нас всю правду; Монтбелл же добавил, что ему для расправы над нами не помешает набрать наемников из французов и сарацин, в то время как союзники, только услышав истину, сдадутся сами. Напоследок предатель сообщил, что в любом случае, поднимет сэр Роже белый флаг или нет — ему никогда больше не увидеть ни жены, ни детей. В довершение, на экране появилось лицо леди Катрин, слова которой приводить здесь у меня нет желания.

Передача закончилась, и я сам стер запись.

Некоторое время мы молчали.

— Ну? — не выдержал барон. Мне показалось, что говорил ветхий старец.

— Монтбелл сказал,— начал я, разглядывая ногти,— что завтра он вновь приблизится за ответом. Можно вдоль передающего луча послать корабль со взрывчаткой, и с предателем будет покончено.

— Это выше моих сил, брат Парвус — там жена, дети...

— А захватить его никак нельзя? — спросил я и сам же ответил: — Нет, практически невозможно...

Барон поднял окаменевшее лицо.

— Что бы ни случилось — ни слова о баронессе, никто не должен знать, что... Она не в своем уме, в нее вселился Дьявол...

Я был переполнен жалостью к этому удивительному человеку.

— Вы доблестный рыцарь, милорд, постарайтесь выдержать и этот удар.

— Да... Но что же мне делать?

— Сражаться.

— Если Монтбелл отправится в Версгориксан, это — безнадежно.

— Но вы ведь не можете принять условия этого Иуды?

— Неужели вы поверили, что синелицые оставят в покое Землю?!

— Но предатель поверил?!

— Он дурак! — сэр Роже ударил кулаком по подлокотнику и выпрямился. Этот взрыв был добрым признаком, я понял, что отчаяние еще не целиком завладело его душой.— А если не дурак, то предатель еще более низкий, чем мы в состоянии вообразить, и рассчитывает стать вице-королем Земли, после того, как ее завоюют синелицые. Надеюсь вы-то понимаете, что полонить Землю их вынуждает не только любовь к просторной жизни? Земляне для них представляют смертельную опасность, впрочем, как и версгорцы для землян, покуда на нашей родине еще не изобре-

тены космические корабли. А для этого понадобится несколько столетий...

— Но синелицые изрядно пострадали в этой войне,— продолжал слабо сопротивляться я,— и им тоже необходимо добрых лет сто, чтобы восстановить силы.

— А мы тем временем преспокойно отойдем в мир иной, не так ли? — Сэр Роже тяжело вздохнул.— Да, большое искушение. Но разве не горсть нам в Геенне Огненной, если мы обрекаем на страдания еще не родившихся детей?

— Может, это лучшее, что мы можем сделать. Что вне наших сил — в руках Господа.

— Нет, нет и нет! Лучше умереть, как подобает воину... Но Катрин!..

— А вдруг еще не поздно наставить на путь истинный сэра Оливера — пока жив человек и душа его не погибла безвозвратно! Попытайтесь воззвать к его чести, откройте ему глаза на обещания версгорцев, предложите прощение...

— И жену,— усмехнувшись, горько добавил сэр Роже.— Я не верю ему. Но разговор возможен... Я попробую смирить себя. Вы поможете мне, Брат Парвус? Вы укрепите мои силы? Остерегите меня от проклятий при виде ненавистного лица!

22

Вечером следующего дня мы покинули Новый Альбион. Сэр Роже и я, один, без оружия — если не считать меча и кинжала барона, у меня были только четки — пустились в путь. В камзоле йомена, со сверкающими острыми шпорами на сапогах, барон сидел в штурманском кресле, точно в седле, ледяным взглядом уставившись в безбрежное черное пространство. Покидая лагерь, он обосновал воинам эту отлучку как кратковременный полет для осмотра добычи, захваченной сэром Оливером. Солдаты, почувствовав ложь, неодобрительно загудели; Рыжий Джон сломал две дубинки, пока наводил порядок. Так что, когда мы погружались в шлюпку, все уже было тихо и спокойно, даже природа безмолствовала — безветренный вечер, наши выгоревшие изорванные знамена безжизненно повисли на древках.

Проколов синее небо, шлюпка, как изгнанный Люцифер, окуталась тьмой. Пролетая мимо громады военного корабля, патрулировавшего на орбите, я подумал: «До чего хрупка наша скорлупка, до чего беспомощна в столь рискованном предприятии». Но это было непременное условие сэра Оливера, и нам пришлось подчиниться.

— Если хотите, де Турневиль,— сказал он при вторич-

ном разговоре с бароном,— мы примем вас для переговоров, но вы прибудете один, на шлюпке, без оружия. Ну хорошо, можете прихватить своего монаха. Выходите на указанную орбиту и кружитесь по ней, пока вас не встретит мой корабль. И учтите, если я обнаружу хоть малейший подвох,— немедля отправляюсь на Версгориксан.

Наша лодка устремлялась все дальше и дальше, набирая скорость. Мы молчали. Наконец я произнес:

— Помиритесь, и воины наши обретут утраченное мужество. И тогда, я думаю, мы действительно станем непобедимы...

— С кем помириться, с Катрин? — рявкнул барон.

— Нет-нет, с сэром Оливером,— заикаясь пролепетал я, понимая, что и вправду имел в виду баронессу. Оливер — ничтожество, наша судьба целиком зависела от сэра Роже, а он пал духом, разлученный с той, что навеки пленила его сердце. Она и дети — вот из-за кого он безропотно мчался с поклоном к богомерзкому Монтбеллу.

Новый Альбион превратился уже в тусклое пятнышко. Никогда не был я столь одинок, как сейчас, даже в тот достопамятный день, когда мы покидали Землю.

Но вот что-то мелькнуло впереди, заслонив на миг звезды. Перед нами выросла громада космического корабля. Да, нам бы ничего не стоило, будь у нас с собой бомба, взорвать эту махину. Но сэр Оливер прекрасно понимал, что мы не сделаем этого, пока на борту находилась леди Катрин.

Щелкнули магнитные присоски, и корабли соединились в холодном поцелуе. Мы открыли люк и замерли в ожидании.

И вот, с торжествующим видом вошел Бранитар, однако, едва его взор коснулся меча барона, он вздрогнул и отступил на шаг.

— Как вы посмели взять с собой оружие? — воскликнул он.

— Что? Ах, да,— барон взглянул на меч.— Но это, как шпоры... не более, чем знак отличия...

— Сдайте оружие!

Сэр Роже снял меч, кинжал и протянул версгорцу, тот передал их появившемуся в дверях синелицему собрату.

— Кажется все,— удовлетворенно хмыкнул Бранитар, ощупав наши тела. Щеки мои пылали от негодования, но сэр Роже выглядел безучастным ко всему.— Прекрасно! — Бранитар повернулся к выходу.— Следуйте за мной.

Мы молча повиновались.

За невысоким деревянным столиком в черном бархатном

камзоле восседал сэр Оливер, рука его, покоящаяся на огнедышащей пищали, сияла драгоценными каменьями. Поодаль стояла баронесса в сером платье до пят, голова ее была смиренно покрыта монашеским платком, лишь один локон, выбившись из-под него, языком пламени струился по бледному челу.

При виде жены сэр Роже застыл в дверях.

— Где дети?

— В спальне, с прислугой,— неживым голосом ответила леди Катрин,— в добром здравии...

— Садитесь, сэр.— Предатель указал на стул.

Бранитар, отложив отобранное у барона оружие, встал справа, рядом с навигатором и медиком (о них я упоминал ранее); остальных — я подразумеваю двух артиллеристов и пилота — в комнате не было; очевидно, они находились на своих постах. Леди Катрин, как восковое изваяние, стояла у стены слева.

Как говорится,— произнес Монтбелл,— на войне и в любви владычица — Вседозволенность, но я надеюсь, вы не принесли камень за пазухой.

— На войне, но не в любви! — Леди Катрин протестующе подняла руку. Слова дались ей с трудом, рука безжизненно упала.

Барон брезгливо сплюнул на пол, демонстративно продолжая стоять.

Оливер покраснел.

— Только не надо лицемерить! — выкрикнул он. Клятвы... и прочее! Ваши собственные деяния более чем сомнительны. Вы присвоили право производить в дворянство всех, кого вам заблагорассудится — крестьян, простолюдинов... Раздаете награды, ведете переговоры с иноземными королями... Я подозреваю, что вы и сами не прочь сделаться королем! Где ж ваша присяга верности британскому сюзерену?

— Я не сделал ничего в ущерб ему,— гордо ответил сэр Роже.— И, если когда-нибудь вернусь на Землю, присоединю все свои завоевания к его домену. Но до тех пор надо еще суметь продержаться, укрепить границы, построить феодальное общество.

— Возможно, вы и правы,— согласился Монтбелл,— но, благодарите судьбу, я избавил вас от тяжкого бремени искать Землю, я сам нашел ее! Мы все сможем вернуться домой!

— В качестве версгорского скота?

— Я так не думаю,— спокойно возразил Монтбелл. Да садитесь, наконец, вы оба! Сегодня вы — мои гости. Вот вино, хлеб...

— Я не преломлю с вами хлеба.

— Ну тогда вам суждено помереть с голоду,— засмеялся сэр Оливер.

Барон окаменел. Леди Катрин теребила в руках пустую кобуру — Монтбелл, вероятно, отобрал у нее оружие, боясь, что она потеряет самообладание.

Увидев, какое впечатление произвели на нас его слова, он вновь исполнился серьезности.

— Милорд, вы остаетесь с нами! Неужели вы не предполагали такого поворота событий, согласившись на переговоры?

— Оливер! — вскричала баронесса.— Как вы смеете?! Вы обещали, что отпустите его, если...

— Помилуйте, Катрин, не ваше ли самое горячее желание спасти барона?! Вы опасались, что гордость не позволит ему сложить оружие... Ну вот, он — наш пленник. Ваше желание исполнилось, а бесчестен оказываюсь я! И все же, я с радостью беру на себя эту прискорбную ношу — ваша воля для меня закон.

Леди Катрин вся дрожала.

— Я не участвовала в этом, Роже,— прошептала она,— я никогда не думала...

Барон даже не взглянул в ее сторону.

— Я слушаю вас, Монтбелл,— сказал он,— продолжайте, каковы ваши планы?

— У меня появилась надежда, что мы договоримся, милорд. Возможность соглашения с версгорцами меня никогда не вдохновляла, и если в этом отпадет необходимость... мы отправимся прямиком к дому. И золота, и оружия на борту этого корабля мне хватит с лихвой...

— Эй, что вы задумали? — взвился Бранитар, единственный из версгорцев, понимавший английскую речь.— А что будет с нами?

Оливер обвел его холодным взглядом.

— Вы будете сопровождать нас. Без сэра Роже союзники долго не продержатся — считайте, что вы выполнили свой долг перед отечеством. Насколько я знаю, вам безразлично, в каком месте жить, а синекожих самок мы, не волнуйтесь, прихватим где-нибудь по пути. Как своим вассалам, я дам вам столько земли и денег, сколько вам и не снилось. А наши потомки будут владеть целой планетой! Конечно, вы попадете в непривычные для вас общественные отношения, но, с другой стороны, обретете такую свободу, о какой могли только мечтать.

Бранитар не произнес ни звука, ему ничего не оставалось, как подчиниться.

— А мы? — выдохнула леди Катрин.

— Я не собираюсь лишать вас ваших владений, наоборот, присовокуплю еще замок в Винчестере.

Возможно, он говорил искренне, но как он смел распоряжаться бароном и его женой! Даже став господином Европы! Леди Катрин была слишком потрясена, чтобы понять, насколько ее оскорбили. Лицо ее вдруг сделалось мечтательно-безмятежным, плача и улыбаясь одновременно, она посмотрела на сэра Роже.

— Любимый, мы можем вернуться домой!

Казалось, барон не слышал ее слов.

— А что станется с остальными? — спросил он Монтбелла.

— Я не имею права рисковать, беря их с собой.— Он пожал плечами.— К тому же это — безродное племя...

Сэр Роже кивнул.

— Да-м-м, правильно...

Он украдкой взглянул на супругу. И вдруг, стремительным движением выбросил ногу в сторону — рыцарская шпора распорола живот стоящего около верстгорца. Сэр Оливер от неожиданности вскрикнул и отскочил; пищаль его изрыгнула пламень, но предатель промахнулся — барон был скор и верток. Сбив с ног другого синелицего, он прикрылся его телом, и второй выстрел угодил в этот живой щит. Третий — попал в уже мертвую обгоревшую плоть. Больше выстрелить Монтбелл не успел — сэр Роже швырнул в него обугленный труп, повалив предателя на пол, затем метнулся за мечом, но туда уже тянулась синяя длань Бранитара. Молниеносно схватив кинжал, сэр Роже вонзил холодную сталь в замешкавшуюся ладонь. Кинжал вошел в запястье по самую рукоять, пригвоздив Бранитара к столу.

— Я скоро вернусь, Демон. Жди меня здесь,— насмешливо выкрикнул барон, хватая меч.— Ура! Бог поможет правым!

Тут я увидел, что выбравшийся из-под обугленного тела Монтбелл навел пищаль прямо в грудь сэра Роже. Призвав всех Святых и пообещав им всем по свече, я подкрался сзади и так хлестнул четками по предательским рукам, что сэр Оливер взвыл и выронил оружие. Пищаль закатилась под стол. Сверкнул меч барона, но Монтбелл успел уклониться, и клинок со свистом вонзился в дерево. Пока сэр Роже освобождал его, я нырнул под стол и со всего маху столкнулся с леди Катрин, которая тоже, только с другой

стороны, намеревалась подобрать оружие. Когда, наконец, в глазах моих перестали качаться темные круги и вернулось зрение, я увидел несущегося к дверям Монтбелла, за ним гнался сэр Роже.

Вдруг пронзительно закричала леди Катрин, барон остановился, как сраженный стрелой барс.

— Дети, Роже, дети! Они на корме, в спальне! Там оружие...

Он выругался и бросился в коридор, она — следом.

Сжимая в руке позабытую всеми пищаль, я, покачиваясь, вылез из-под стола. Бранитар, стиснув зубы, тщетно пытался освободиться — от его попыток кровь текла только сильнее. Решив, что безопаснее не освобождать синелицего, я склонился над его соплеменником — тот еще дышал, его уста слабо шевелились, шепча непонятные мне слова. Мгновение я колебался... В чем мой долг: быть рядом с милордом или же с этим умирающим язычником? Не знаю, кого он призывал, но я совершил над ним скромный обряд, который позволяли мне обстоятельства, и держал его за руку, пока он не умер. Молюсь, чтобы душа этого синелицего (ежели таковая вообще имеет место быть) очистилась от грехов...

Вернулся, вытирая окровавленный меч, сэр Роже. Он сиял, редко я видел на лице человека такую радость.

— Ах, волчонок! — улыбнулся он.— Что значит нормандская кровь!

— Что случилось? — поднимаясь с колен, спросил я.

— Ха! Сейчас расскажу...— Он вложил меч в ножны.— Так вот, Оливер даже не додумался бежать за оружием, а бросился в рулевую рубку, болван! Зато артиллеристы, заслышав шум, решили вооружиться и помчались в опочивальню миледи. Один уже ворвался в комнату, а другой с тяжелой болванкой в руке набросился на меня; он оказался неплохим воином и я не сразу его одолел. Катрин, настигнув первого, сражалась с ним голыми руками, пока он не сбил ее с ног. Служанок, естественно, хватило только на то, чтобы забиться в угол и визжать, будто их режут. Но вдруг! Нет, Вы представляете, брат Парвус, вдруг мой сын Роберт открывает оружейный ящик, вынимает оттуда заряженный пистоль и, шельмец такой, пристреливает мерзавца проворней, чем это сделал бы наш Рыжый Джон! Вот бесенок!

Вошла миледи: волосы взбиты, на щеке — синяк.

— Я успокоила детей,— ровным, будто ничего не случилось, голосом произнесла она.

— Крошка Матильда... Она очень испугалась?

Баронесса негодующе сверкнула очами.

— Оба так и рвались в бой...

— Ну, все обошлось. Пойду побеседую с Оливером, и с пилотом. А Вы останьтесь здесь.

Леди Катрин заволновалась.

— Как я могу остаться, когда Вам грозит опасность...

Барон замер и внимательно поглядел на супругу.

— Но...

— Вы считаете, что я предала Вас, чтобы вернуться домой? — Она опустила глаза.— Я подумала, что больше не нужна Вам, и решила, так будет лучше... для Вас. Я ошиблась, Роже, я ошиблась. Я была не в себе, словно какое-то затмение. Вы не должны были бросать меня одну! Я так нуждалась в Вас...

Барон склонил голову.

— Я прошу у Вас прощения, Катрин! Да пошлет мне Господь достаточно лет, чтобы стать достойным Вас! — Барон положил руку ей на плечо.— Останьтесь, присмотрите за Бранитаром... Если я убью тех двоих..

— Убейте, убейте их! — яростно вскричала миледи.

— Охотно,— отвечал сэр Роже.— Глядя на Вас, я вполне понимаю... Но... Не спускайте глаз с Бранитара, он знает дорогу домой.

Леди Катрин приняла из моих рук оружие. Версгорец испустил протяжный стон.

— Идемте, брат Парвус,— позвал меня барон.— Мне понадобятся ваше словесное искусство.

Мы прошли по коридору, поднялись наверх и очутились у двери в рубку. Сэр Роже постучал рукоятью меча по стальной обивке.

— Эй, вы там, сдавайтесь!

— А если нет? — раздалось из-за двери.

— Тогда я выведу из строя двигатели и оставлю вас умирать в стальном гробу, а сам уйду на шлюпке. Но, подумайте, я сменил гнев на милость. Все идет к лучшему, мы действительно сможем вернуться домой, обезопасив себя от иноземных вторжений. Мы были друзьями, Оливер. Перестаньте упорствовать, и, клянусь, не причиню вам зла.

Наступило долгое молчание. Наконец изнутри донеслось:

— Хорошо, я верю вам, вы человек слова. Входите, Роже,

Щелкнул замок, барон потянулся к ручке двери. Внутри у меня что-то ёкнуло, словно распрямилась невидимая пружина.

— Минутку, милорд,— тихо сказал я и, в нарушение всех правил, шагнул вперед барона.

— Что такое?

Но я уже открыл дверь и переступил порог.

И тут же два железных прута обрушились мне на голову...

(Окончание этих событий я вынужден описывать по словам очевидцев, ибо сам целую неделю пролежал в беспамятстве.)

...Я упал, истекая кровью, и сэр Роже решил, что я умер, а те двое, увидев, что совершили досадный промах, с удвоенной яростью бросились на барона. Пилот занес металлический хлыст, намереваясь сразить милорда, однако меч сэра Роже преградил ему путь, взметнулся сноп ослепительных искр.

— Убийцы! — громовым голосом вскричал барон и нанес удар, выбивший прут из рук верзгорца.

Следующий взмах меча снес его синюю голову...

...Услышав крик, леди Катрин метнулась к двери, выглянула в коридор, словно могла видеть сквозь стены. Бранитар отчаянным рывком выдернул кинжал — мало кто из людей способен на такое! Уловив невольный стон, миледи обернулась. Бранитар, огибая стол, спешил к ней, в его здоровой руке грозно сверкал кинжал.

Баронеса вскинула оружие.

— Назад!

Бранитар хрипло рассмеялся.

— Вы не посмеете выстрелить, я — ваша последняя надежда. Без меня вам не...

Из ствола пищали вырвалась струя огня...

...Оливер Монтбелл, спотыкаясь, пятился под натиском барона. Испугавшись нацеленной на него пищали, он схватил со стола бортовой журнал, и закрылся им, как щитом.

— Одумайтесь! — закричал он.— В этом журнале — путь к дому! Других нет!

— Ты лжешь, пес, он есть в мозгу Бранитара. Как бы я не хотел марать руки твоей кровью... Но ты убил брата Парвуса, ты...

Резким броском Монтбелл метнул металлическое жало прямо в голову сэра Роже. Барон упал. Изменник схватил прут поверженного сенелицего. Сэр Роже попытался подняться. Иуда издал торжествующий крик и замахнулся для последнего сокрушительного удара...

Но тут в дверях появилась леди Катрин. Блеснуло пламя — бортовой журнал исчез в дыму, под сводами рубки

раздался дикий вопль боли... Еще сноп пламени... и тишина.

Силы оставили баронессу, она медленно опустилась на пол и заплакала. Сэр Роже подполз к ней и нежно обнял.

Немного погодя, он тихо произнес:

— Все кончено, любимая.

— Бранитар мертв, я убила его.

Сэр Роже задумчиво посмотрел на то, что осталось от бортового журнала.

— Значит, наш поход продолжается...

— Пусть,— улыбнулась она.— Там, где Вы — там Англия...

ЭПИЛОГ

Через распахнутый иллюминатор донесся отдаленный звук трубы.

Капитан расправил плечи и отодвинул рукопись, затем нажал кнопку связи.

— Что там еще?

— Хм, восьминогий сенешаль замка встречает своего хозяина,— пробурчал социотехник.— Герцог наконец возвращается с охоты... Да-а, советую взглянуть, бесподобное зрелище — десятки, сотни кораблей... Один уже приземлился. Ух, черт... Всадники!.. Прямо из корабля!..

— Представляю себе эту церемонию,— поморщился капитан.— Ладно, через минуту буду.

Он со вздохом посмотрел на рукопись. Не успел. Как разговаривать с этим фантастическим герцогом, не зная, чем завершилась удивительная звездная эпопея?

Капитан торопливо полистал страницы. Не успеть. Настоящая летопись — дотошна, многословна. Так... Роже короновали, короновал архиепископ Нового Кентербери. Правил он справедливо, мудро и, конечно, долго... Но как до этого дошло? Хорошо, англичане победили окончательно и бесповоротно. Но общественный строй?! Да хоть бы язык?! Как смогли они сохранить свой язык рядом с более древними и высокоразвитыми цивилизациями? Эх, лучше бы социотехник законспектировал, чем досконально переводить этого велеречивого Парвуса! Ага! Ну-ка, ну-ка!

Внимание капитана привлекли последние страницы книги.

«Я уже упоминал, что Роже де Турневиль вознамерился возвести на завоеванных мирах феодальный строй. Слова его не расходились с делом. Впоследствии завистники с издевкой заявляли, будто мой благородный господин поступил так потому, что не ведал ничего иного. Я с негодованием от-

вергаю эти лживые обвинения! Не раз на этих страницах я уже говорил о том, что крах Версгорской Империи был подобен крушению Рима, а сходные задачи порождают и аналогичные решения. Барону не пришлось долго ломать голову — вооруженный опытом многих столетий земной истории, он знал, что надо делать.

Несомненно, каждый новый мир являл особую структуру, требующую индивидуального подхода, но, тем не менее, в них было и много общего. Местное население с радостью встречало освободителей — большей частью это были отсталые угнетенные народы, остро нуждающиеся в добром и мудром покровителе, но еще более — в Истинной вере. Познав Бога, они познали и души свои!

Перед нами встала проблема духовенства — пришлось спешно посвящать в сан новообращенных аборигенов. Отец Симон к тому времени уже был епископом; руководствуясь соответствующими наставлениями Священного Писания, он возложил сие бремя на плечи свои. Во всем воля Господа, забросившего нас в края дикие и далекие, в стан неверных, и, без сомнения, отец Симон понимал и чувствовал свое предназначение, хотя вслух никогда о том не высказывался. Я считаю, что епископ никоим образом не превысил своих полномочий, разбрасывая семена Святой Католической Церкви по необъятной Вселенной. Как напоминание о Римском папстве, мы, до самой кончины, называли нашего епископа Кентерберийским папой, и я порицаю молодое поколение за пристрастие к сверхмерному употреблению титулов.

В большинстве своем версгорцы тоже охотно приняли новый порядок, в основном ими двигало недовольство своим центральным правительством, которое нисходило до своих граждан только во дни сбора налогов и провозглашения новых указов-ограничений. Сипелицым пришлись по душе наши пышные празднества, церемонии, а также возможность верным служением господину, что жил бок о бок со всеми смертными и которого запросто можно было встретить на улице, заработать награду, именье, титул...

Из тех версгорцев, что раскаялись в грехах и уверовали в Бога, хочу назвать одного — нашего бывшего противника Хуругу. Ныне он известен как архиепископ Уильям.

Что касается сэра Роже, он всегда оставался честен по отношению к союзникам, и, как только англичане до конца утвердились в этом мире, даже наша маленькая тайна была им открыта. А там уж не вина барона, что Бог всегда на стороне Англии!

Не имея собственного представления об устройстве ново-

го объединенного королевства, и джары, и ашенки, и протане, как правило, безоговорочно принимали любые предложения сэра Роже. Он великодушно жертвовал им необитаемые планеты, и они с радостью оставляли нам беспокойство по обустраиванию миров с отсталым туземным населением, лицемерно закрывая глаза на связанные с этим неурядицы, а порой и кровопролития. Я лично полагаю, политики их втайне даже радовались, что каждая такая планета сокращает монолитную силу загадочного английского союзника, ибо освоение новых земель всегда сопряжено с необходимостью оставить на них малый гарнизон во главе с герцогом.

Наши и без того немногочисленные ряды таяли на глазах и от непрекращающихся междоусобиц, и от локальных стычек с версгорцами. Но союзники, не имея военного опыта, не сознавали, что тяготы прожитых вместе лет только укрепят верность и любовь отсталых туземцев к англичанам. К тому же они не могли даже предполагать, какое сильное и здоровое потомство родится от наших солдат.

Одним словом, когда эти обстоятельства стали ясны, изменять что-либо было уже поздно. Джары, ашенки, протане так и остались в стороне со своими застывшими языковыми и культурными традициями, в то время как вокруг нас ширилась и крепла дружная семья, насчитывающая сотни и сотни рас, объединенная единой верой, языком и английской короной. Даже мы, люди, если бы захотели, ничего не смогли изменить. Мы были удивлены не меньше наших союзников.

В доказательство того, что сэр Роже никогда не стремился к непомерной власти и могуществу, подчеркну, что он с легкостью мог бы теперь поработить любой народ, захватить любое государство, ведь барон являлся единственным правителем могучей межзвездной Империи! Однако он свято соблюдал свои обещания.

Юное поколение, восхищенное нашими достижениями...»

Капитан отложил рукопись и заторопился к выходу. По трапу ему навстречу уже поднимался огромного роста рыжеволосый детина в странной одежде, с бластером и богато украшенным мечом. За ним почетным караулом шли солдаты — зеленые мундиры,— над их головами реяли хоругви славного рода Хеймвордов.

Ладонь капитана утонула в волосатой лапище гиганта.

— Ну наконец-то! Слава те, Господи! На старушке Земле научились-таки строить звездолеты! Милости просим!

Социотехник перевел. Капитан только пожал плечами.

— О, как мы искали! — громыхал великан.— Почти каж-

дый рыцарь на протяжении веков почитал за честь принять посох пилигрима! Кто отправлялся на поиски Земли, кто — на поиски чаши Грааля. О, да, это великая честь! Но вы-то знаете, сколько этих звезд! Мы до сих пор сталкиваемся все с новыми и новыми народами... А торговля, войны...— все это уводило нас совсем в другую сторону, Земля, увы,— отдаленная бедная провинция. Римский папа для нас — где-то на седьмом небе... Ха! Мы уже считали, что еще несколько столетий — и Земля станет просто легендой! — Его скуластое лицо просияло.— Но отныне все изменится. Молодцы! Вы все-таки нашли нас. Удивительно! А скажите, освободили наконец от неверных Святую землю?

Социотехник перевел.

— Ну...— замялся Иешуа Бар Дэви, верноподданный Великой Израильской Империи,— в общем-то, да.

— Жаль! Я так соскучился по Крестовым походам — жизнь без них однообразна и невыразительна. Последний был лет десять назад, когда мы сокрушили неверных на планете Дракона. Правда, я слышал, будто королевская экспедиция обнаружила что-то обнадеживающее в этом плане, какие-то прелюбопытные планеты в созвездии Стрельца... Но, послушайте, вы должны посетить мой замок! Обязательно должны. Устроим прием по всем правилам, как самым дорогим гостям! А потом — к королю. Дорога туда не близкая, но я дам вам лучших астрологов. О, они не только видят человека насквозь, они — отличные навигаторы.

— Что он сказал? — Бар Дэви весь напрягся.

Социотехник перевел.

Капитан изменился в лице.

— Ни один астролог не ступит на борт моего корабля!

Социотехник глубоко вздохнул...— впереди ожидали безрадостные тяжелые годы...

—

Далекие воспоминания

— Ты должен идти прямо сейчас? — спросила Клэр.

— Да. Не волнуйся. Я заработаю деньги, и завтра мы это отпразднуем. У нас давно не было повода, правда?

— Пустяки,— ответила она.— Мне так не хочется, чтобы ты уходил.— И добавила: — Ну, хорошо. Вперед.

Она стояла у двери и улыбалась, пока я спускался по ступенькам. Сидя в автобусе, я уже в тысячный раз подумал, что, несмотря ни на что, мне здорово повезло в жизни. Ренни жил в большом доме, расположенном в более респектабельном районе, чем наш. Он сам открыл дверь, высокий мужчина с седыми волосами и усталым взглядом.

— А, мистер Арманд. Вы очень пунктуальны.

Он повел меня в небольшую гостиную. Вдоль стен, до самого потолка, стояли полки с книгами. Я взглянул в окно. По улице проехал автомобиль, одна из последних моделей. Как удобно сидеть в большом кожаном кресле. Стоило мне пошевелиться, я чувствовал шуршание конских волос под обшивкой. Такие житейские мелочи успокаивали меня. Ренни сел напротив, положив ногу на ногу.

— Вы можете уйти. Мое мнение о вас нисколько не изменится. Учтите, что контракт не случайно содержит такое условие. Вы ведь женаты, не так ли?

Я кивнул. Но это не причина для отступления. Скорее, наоборот. Клэр работала, но мы ждали ребенка, а что касается меня, то ассистентам на кафедре химии не слишком переплачивают. Нашумевшие психофизические опыты Ренни обеспечили ему солидную финансовую поддержку, и добровольцы прилично зарабатывали. Несколько часов, проведенных в этом доме, могли бы здорово помочь нам с Клэр.

— Я не слышал о какой-либо опасности. Вы же не посылаете людей в прошлое? Я имею в виду — физически?

— Нет. Но метод очень нов... много непонятного... Я не могу предсказать, что там произойдет. Предположим, ваш

предок испытает сильное потрясение в то время, пока вы будете там находиться. Какой эффект это окажет на вас?

— Ну... э... а с кем-нибудь такое случалось?

— Да. Никаких постоянных психических нарушений, но кое-кто в момент возвращения находился в состоянии стресса, и требовалось время, чтобы они успокоились. И все в лучшем случае не сразу приспосабливались к привычной обстановке. Так что в первое время после возвращения вам вряд ли удастся вернуться к работе, мистер Арманд.

— Меня предупреждали, и я обо всем договорился, сэр,— ответил я, устремив взгляд в бокал с вином.

— Через неделю все должно прийти в норму. Хотя, как вы понимаете, я не могу ничего гарантировать.

— Конечно.

— Ну и прекрасно. Давайте познакомимся поближе. Вы по происхождению француз?

— Да, я люблю Францию, хотя стал американцем.

— Ну, не обязательно, что вы окажетесь в том регионе. Европейские нации так перемешались. Я собираюсь послать вас в более далекое прошлое, чем в ранее проведенных экспериментах. Вы знакомы с теорией психоперемещения?

— Лишь по статьям в научно-популярных журналах. Значит, так... Мозг, сознание — называйте это как угодно — не что иное, как функция жизненной линии индивидуума и развития мира. Вы нашли, что при определенных условиях сознание может переместиться в другую часть жизненной линии, как бы прыгнуть назад.

— Неплохо,— хмыкнул Ренни.— А ваше личное мнение?

— Моя подготовка не позволяет иметь собственное мнение. Что вы можете сказать по этому поводу? В своих выступлениях вы подчеркиваете, что располагаете недостаточной информацией. Но, как первопроходец...

— Пожалуйста, не надо. Я не сделал ничего особенного. Лишь систематизировал работы моих предшественников. Я в неоплатном долгу перед Митчеллом и его коллегами. По правде говоря, я только связал их достижения с новыми идеями и использовал современное лабораторное оборудование для проверки их гипотез.

— Признаться, я удивлен, почему вы не пошлете меня в будущее?

— Сам не знаю,— ответил Ренни.— Я просто не могу... пока. В каждом из возможных способов имеются существенные недостатки... Итак, мистер Арманд, поговорим о нашем конкретном эксперименте. Ваше тело в течение нескольких часов будет находиться здесь, а сознание на те же несколь-

ко часов переместится в мозг вашего далекого предка и полностью сольется с его собственным сознанием. При возвращении вы вспомните все, что там происходило, как если бы вы и в самом деле были тем человеком.

Мое сердце забилось: «Давайте начнем поскорее».

Мы поднялись в лабораторию. Я снял пиджак и ботинки, расстегнул рубашку и лег на кушетку. Профессор дал мне таблетку транквилизатора, включил индукционное поле, и я провалился в ночь.

Меня зовут Аргнах-эскаладуан-торклук, что означает «Тот, кто держит лошадь на аркане». Но мое настоящее имя я храню в тайне от колдунов и духов ветра и никогда не произношу вслух. Когда на моем лице выросли первые волосы, я получил имя, которым меня называют, потому что прятался у водопоя и, когда туда спустился табун лошадей, набросил аркан на шею одной из них и перерезал ей горло, а затем отнес мясо в пещеру. Это случилось во время моего Похода, когда мальчик впервые сам идет за добычей. Потом нас отводят в определенное место, где ревут духи ветра, отрезают первую фалангу на среднем пальце левой руки и оставляют им в жертву. Больше я ничего не могу говорить. После этого мы становимся мужчинами и можем брать себе жен. Я уже и не помню, как давно это произошло. Мужчины времени не замечают. Но я еще в полном расцвете сил, хотя сегодня иду один и надежда на возвращение очень мала. Я спускаюсь с холма, и снег заметает мои следы. В разрывах низко летевших облаков проглядывали звезды. Снег по-прежнему сердито бил мне в грудь, холодил складки одежды. Во тьме почти ничего не было видно. Но я продвигался вперед, как всякий охотник, кожей чувствуя, что делается вокруг. Тяжелое кожаное одеяние и обувь должны были защищать меня от удара дротика. Однако у гоблинов руки сильнее, чем у людей. Любой из них может раскрутить камень так, что при ударе он разнесет мне голову. Тогда мое тело достанется волкам, и где найдет приют моя бедная душа? Ветер разнесет ее по лесам, к просторам северной тундры. Я спускался в долину. Скоро, чтобы пройти, мне пришлось раздвигать кустарник руками. Уже доносился мерный рокот реки. Наша пещера осталась далеко позади, высоко в холмах. Никто не запрещал мне идти за Эвави-унароа, моей белой колдуньей. Но все отговаривали меня. Ингмарак тоже покачал лысой головой.

— Это нехорошо, Аргнах. В стране гоблинов не найдешь добра. Возьми себе другую жену.

— Мне нужна Эвави-унароа,— ответил я.

Почему я настаивал на своем? Я и сам не знал. Она стала мне женой лишь прошлой осенью, когда мои глаза начали постоянно искать ее, а она улыбнулась в ответ. Ни один мужчина до этого не брал ее в жены, и с отцом Эвави мы легко договорились. Потому что все остальные немного боялись ее — самого дорого, милого существа, когда-либо ступавшего по земле. Меня это устраивало, я не думал о том, как это отразится на моем положении в племени. Я мог себе это позволить, потому что был одним из лучших охотников и все любили нас обоих. Просто другие мужчины предпочитали жить спокойно. Чадили лампы из мыльного камня. Костер давал столько тепла, что многие сбросили с себя одежду. Рядом со шкурами лежало много сочного мяса. Мы могли бы веселиться, но, как только я сказал, что собираюсь отправиться в страну гоблинов, чтобы спасти Эвави, к огню подошел страх и присел на корточки рядом с нами.

— Они уже съели ее,— сказал Вуотак-нанакаво.— Они съели ее вместе с неродившимся ребенком.

— Возможно, их не съели. Пойти туда — мой долг.

После моих слов наступила тишина. Наконец, встал Ингмарак-шаман.

— Завтра мы заговорим тебя,— сказал он.

На следующий день мне пришлось потрудиться. Я нарисовал себя, сокрушающего гоблинов, и раскрасил свое лицо. А потом Ингмарак нудным голосом рассказывал о том, что я и так давно знал. Сказки утверждают, что когда-то гоблины владели всей землей, но потом пришли люди и вытеснили их. Теперь мы редко видим друг друга и почти не сражаемся. Мы боимся напасть на них, а у нас нет ничего такого, на что они могли бы польститься. Река разделяет наши территории, и редко кто пытается перейти на другой берег. Но Эвави пошла к воде, набрать камней, чтобы сделать из них бусы нашему ребенку, когда тот родится. Когда она не вернулась, я пошел по ее следу и понял, что произошло. Гоблины украли ее.

Я подошел к реке. Широкий поток струился между белых берегов с покрытыми снегом деревьями. Днем, испросив прощения у духов, я свалил дерево. Топор не очень хорошее оружие, зато им удобно пользоваться. Большинство ветвей я обрубил, оставив лишь те, за которые собирался держаться, чтобы не упасть в воду. А из одной ветки сделал весло. Небо уже очистилось, и там танцевали умершие охотники. Ублажая их, я отрезал прядь волос и воскликнул:

— Я, Аргнах-эскаладуан-торклук, даю вам часть своей жизни. За оказанную вами помощь я предлагаю часть моей охотничьей добычи, которую буду отдавать вам до моего последнего дня на земле.

Гигантские накидки ярко сверкнули. Я схватил бревно и с криком, который обычно издает охотник, вонзая дротик в дикого кабана, сдвинул его в воду. Река подхватила бревно, и оно устремилось вниз по течению, а я старался направить его к другому берегу.

Наконец мои одеревеневшие пальцы уткнулись в камни противоположного берега. Я спрыгнул на землю и вытащил бревно, после чего принялся растирать ноги лисьим мехом. Покончив с этим, я двинулся в страну гоблинов, оставляя по дороге метки. Я знал, что гоблины живут ближе к реке, чем мы на своей стороне. И шел не торопясь, принюхиваясь к воздуху, чтобы уловить запах дыма. Я боялся, но не очень сильно, потому что на груди висел талисман и будто я уже наполовину превратился в духа. Не понимаю, почему только я испытываю к ней такое влечение. Никто не отрицает, что она высока, стройна, что у нее смелое сердце, умелые руки и заразительный смех. Но голубые глаза и желтые волосы, как у гоблинов. Старики утверждают, что когда-то давно у наших племен были общие дети, поэтому иногда у нас появляются глаза и волосы такого цвета. А значит, колдовство гоблинов живет в Эвави-унароа, и, хотя до сих пор она не давала повода, что может принести зло, мужчины предпочитали обходить ее стороной. А я, Аргнах, не боялся. Я видел, что ее колдовство могло принести только добро. И теперь был готов умереть за нее, как умирает олень, защищая своих самок. Эта мысль пришла ко мне, когда я услышал топот убегающего табуна. Я заметил на снегу следы дичи, гораздо больше, чем на нашем берегу. Я вышел на склон холма, над которым сияли последние звезды. Легкий ветерок донес до меня запах дыма. Я приближался к пещере гоблинов. И если они такие колдуны, как говорят предания, то скоро учуют меня. Я тут же умру, или с криком убегу в лес, и меня никто больше не увидит. Но я пришел чтобы найти Эвави, если она еще жива. Поэтому я пошел на запах дыма, прячась среди теней за валунами, перебегая от одного куста к другому. И, когда на востоке небо заалело, я увидел пещеру гоблинов. Она была больше, чем наша, и с более широким входом. Они не сделали навеса снаружи, под которым можно переждать непогоду. Наоборот, они находились внутри,

а у входа зажгли костер. Когда я смотрел на их костер, мне пришла в голову одна мысль.

— Если бы они владели колдовством,— прошептал я,— то чего им бояться льва или медведя. Им не нужен огонь перед входом в пещеру. Но они разжигают костер. Тогда, это потому, что они совсем не колдуны. Возможно, они даже не такие хорошие охотники, как люди, и поэтому на их землях так много дичи.

Тут я почувствовал, как тело налилось силой, а страх совсем исчез. Еще с большей осторожностью я подобрался к самому входу. Возле костра сидел гоблин. Он оказался совсем не таким страшным, как я предполагал. Он был меньше меня ростом, ширококостый, согнутый в дугу старостью. Седые грязные волосы свисали ниже все еще могучих плеч. Больше всего меня поразила его длинная голова с плоским лбом и мощными надбровными дугами, почти скрывавшими глаза. Под жиденькой бородой не было подбородка. Он все время переступал ногами и хлопал в ладоши, а из вздернутых кверху ноздрей шел пар. Как тут не замерзнуть, если вся одежда состоит из наброшенных шкур, а на ногах ничего нет. Однако он был начеку. Когда я выскочил из-за укрытия, он закричал и схватил дубинку. Древко моего дротика само нашло углубление в палке для метания. Она завертелась, волчья кость попала в цель. Гоблин согнулся, прижал руки к животу и упал на снег, обливаясь кровью. Я ворвался в пещеру и закричал:

— Эвави, Эвави!

Передо мной появился гоблин с дротиком в руке. Но я успел опередить его, бросив дротик первым. Еще один гоблин поднял топор. Я схватил головешку из костра и швырнул в него. Он завопил и отпрыгнул назад. В пещере метались голые тела. В полумраке я различил уродливых женщин, прикрывавших своих детенышей. Мужчины что-то кричали, и я чувствовал, что они боятся.

— Эвави! — звал я.— Эвави, Аргнах пришел за тобой!

Тут на мгновенье меня вновь охватил страх. Что, если ее душа ответит мне изо рта гоблина? Но вот она сама, устремилась ко мне. По моим щекам потекли слезы.

Я швырнул дротик в толпу гоблинов.— Бежим!

Наше отступление придало гоблинам храбрости, и они бросились вслед. Эвави ни на шаг не отставала от меня. Ее волосы то и дело касались моих щек. Даже одежда не могла скрыть ее стройного тела, которое я так любил. Вниз по склону мы добежали до леса, а там лосиная тропа увела нас от преследователей. Гоблины бегали медленнее, чем

люди. Когда мы перебегали язык льда, мимо просвистел камень. Вряд ли я смог бы кинуть его с такой силой. Наконец мы достигли того места, где лежало мое бревно.

— Стащи его в воду,— прохрипел я.

Пока Эвави стаскивала бревно, я приготовил к бою оставшиеся дротики. И очень вовремя. Из кустов выскочили гоблины. Я ранил двоих, но третий схватил мою палку для метания и стал тянуть ее к себе. Я ударил его ножом. Эвави тоже метнула дротик и ранила обнаженного гоблина. Гоблины на мгновение отступили, и мы успели прыгнуть на бревно и оттолкнуться от берега. Я оглянулся. Упавшее дерево, на котором гоблины переправлялись на наш берег, лежало где-то далеко. Течением нас вынесло на середину, и их камни уже не долетали до нашего бревна. Я громко рассмеялся и еще быстрее заработал веслом. Эвави плакала.

— Но ты же свободна?— удивился я.

— Именно потому я и плачу,— ответила она.

— Они не обижали тебя?

— Нет. Один из них... Я его видела раньше. Он и еще несколько поймали меня и отвели в свою пещеру. Но относились ко мне хорошо, кормили и говорили какие-то успокаивающие слова. Но я не могла вернуться.

Я подумал, что светлые волосы Эвави влекли к ней гоблинов так же, как и меня, а рост и милое лицо вызывали восхищение.

Свободной рукой я погладил ее волосы.

— Мы боялись гоблинов, потому что они совершенно не похожи на нас, и думали, что они колдуны. Но это неправда. Они бедный и неуклюжий народец. Наши отцы прогнали гоблинов с нашего берега потому, что быстрее думали и быстрее бегали. Поэтому они убивали больше дичи. Если бы гоблины не ушли, они бы умерли с голоду. А теперь нам не хватает земли. Когда наступит лето, я поведу людей через реку и мы отберем у гоблинов их землю. Тут бревно прибило к берегу, и мы спрыгнули на землю. Я хотел побыстрее добраться до пещеры, но чей-то крик заставил меня обернуться. На противоположном берегу вновь появились гоблины. Один из них поднял руки и я увидел, как по его щекам текут слезы. Так как он тоже заботился об Эвави, я постараюсь сохранить ему жизнь, когда летом мы перейдем реку.

Я проснулся. Ренни взволнованно спросил.

— Ну? Где... где вы побывали?

— В глубине веков,— отозвался я.

— В самом деле?

— Я не могу назвать точную дату. Это дело археологов.

В нескольких словах я рассказал ему об увиденном.

— О боже,— прошептал Ренни.— Вы видели неандертальцев и кроманьонцев.

— Ну, разница была не так уж и велика... Послушайте, я устал. Могу я пойти домой и выспаться?

— Ну конечно. Но завтра вы ведь вернетесь? Мне необходимо записать все, что вы вспомните. О боже, я и представить не мог, что вы попадете в такую даль.

Ренни проводил меня до двери.

— Доберетесь сами?

— Не беспокойтесь, все в порядке.

Автобус подошел через несколько минут. Когда, взревев мотором, он вновь тронулся с места, меня охватил страх. Что это за чудовище? Откуда такие странные запахи? Затем я вспомнил, что человек, в теле которого я провел несколько часов, уже двадцать тысяч лет лежит в земле.

Поднимаясь по ступенькам крыльца, я почувствовал себя гораздо уверенней, открыл незапертую дверь и вошел в квартиру. Увидев меня, Клэр отложила книгу и поднялась с кресла.

— Ну как ты, дорогой? Как все прошло?

— Неплохо. Настоящая фантастика. Но прежде чем я расскажу тебе обо всем, как насчет кофе?

— Конечно. Но где же ты все-таки был, милый?

Я смотрел на нее, чистенькую, пухлую, в меру накрашенную, в очках, с завитыми локонами, с легких запахом табака. А передо мной возникало другое лицо, побронзовевшее от солнца и ветра, с гривой белокурых волос и глазами цвета летнего неба. Я вспомнил веснушки, разбросанные по вздернутому носику, и тихий смех, и протянутые ко мне маленькие, привыкшие к труду руки. И я знал, на какую кару обрек себя, заглянув в прошлое. Этот крест мне предстояло нести до конца жизни.

Содержание

Три сердца и три льва 3
Операция «Хаос» 169
Крестоносцы космоса 405
Далекие воспоминания 520

Литературно-художественное издание
Серия «Библиотека фантастики»

Пол Андерсон
ОПЕРАЦИЯ «ХАОС»
(перевод с английского)

Выпуск 9

Редактор *В. П. Кирчев*
Художник *О. Г. Полищук*
Технический редактор *М. И. Каратаева*
Корректор *И. П. Шарабарина*

Сдано в набор 12.12.91. Подписано к печати 10.04.92. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,5. Усл. кр. отт. 27,7. Тираж 52 000 экз. Заказ № 1129.

Предприятие «ЭЯ».
630024, Новосибирск, ул. Мира, 14.

4-я типография издательства «Наука».
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.